

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

*Составитель
и ответственный редактор
Д.Д. ТУМАРКИН*

2

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)615-4
Р41

*Книга подготовлена и издана при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проектам № 00-01-24016 и 02-01-16148*

*Издательство благодарит за содействие в издании книги
Институт практического востоковедения
(г. Москва)*

Выпуск 2

Редактор издательства
Т.М.Швецова

Репрессированные этнографы : Вып. 2 / Сост. и отв. ред.
Р41 Д.Д.Тумаркин. — М. : Вост. лит., 2003. — 495 с. : ил. —
ISBN 5-02-018321-0 (в пер.).

Во втором выпуске «Репрессированных этнографов» (вып. I — 1999 г., повторное издание — 2002 г.) рассказывается еще о 17 репрессированных этнографах, внесших большой вклад в отечественную науку.

Читатель встретит на страницах книги множество ученых, контактировавших с героями статей, их друзей и противников, познакомится с деятельностью давно исчезнувших научных учреждений и организаций, почерпнет интересные сведения об особенностях развития этнографии и смежных наук в советский период.

ББК 63.3(2)615-4

ТП-2003-1-43
ISBN 5-02-018321-0

© Д.Д.Тумаркин, составление, 2003
© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН,
2003

От составителя

В 1999 г. при финансовом содействии РГНФ вышел в свет сборник «Репрессированные этнографы» (вып. I), в котором рассказывается о двенадцати безвинно пострадавших ученых¹. Книга была высоко оценена специалистами² и вызвала большой общественный резонанс. В Институт этнологии и антропологии (ИЭА) РАН и к ее составителю стали обращаться правозащитные организации, музеи краев и областей, где находились основные острова архипелага ГУЛАГ, историки, этнографы, журналисты, родственники лиц, подвергшихся репрессиям, с просьбой помочь в приобретении книги (весь ее тираж был распродан за считанные недели). А те, кто прочитал сборник, призывали продолжить эту работу, сообщали факты и наблюдения, прямо или косвенно относящиеся к теме книги.

Столь большой общественный интерес, проявленный к сборнику, послужил стимулом к расширению исследований по этой проблематике. Некоторые их результаты представлены в книге, предлагаемой вниманию читателей.

«Нравственный долг нынешнего поколения российских этнографов, — писал автор этих строк во вступительной статье к публикации 1999 г., — вернуть из небытия незаслуженно забытые имена своих предшественников, восстановить ранее замалчивавшиеся страницы биографии тех, кто прошел сквозь тернии сталинских репрессий. Это необходимо и как предварительное условие для воссоздания истории этнографической науки в СССР во всей ее полноте и доподлинности»³.

Можно взглянуть на проблему и шире: такие исследования нужны для осознания преемственности в истории отечественной этнографии, без чего едва ли возможно ее плодотворное развитие. В постсоветский период проявились две крайности. С одной стороны, некритическое отношение к научному наследию советской эпохи и связанный с этим эпигонский догматизм в преподавании и публикациях. С другой стороны, иногда наблюдаются фактическое отрицание заслуг предыдущих поколений отечественных этнографов, нигилистический подход к научным традициям, идеологические повороты на 180 градусов и как резуль-

тат — безоглядное следование западной (преимущественно американской) этнографической моде⁴.

Полагаю, что большинство современных российских этнографов, особенно те, кто занимается конкретными исследованиями, с уважением относятся к трудам своих предшественников, хотя и не закрывают глаза на негативные последствия репрессий, политизации и огосударствления науки, в полной мере проявившиеся в сфере этнографии начиная с 1930-х годов. Но как отделить полезные злаки от плевел? Что взять с собой из опыта минувшего века на этнографический «корабль современности»? Ответить на эти непростые вопросы помогают историографические исследования, если их авторы стремятся к объективному освещению предмета, опираются на документы и достоверные факты.

Разумеется, для воссоздания общей картины развития этнографической науки в советский период недостаточно рассказать о жизни и трудах репрессированных ученых. Этнографию творили также десятки и сотни талантливых исследователей, избежавшие репрессий. Среди них выделяются корифеи — ученые мирового уровня, дело которых продолжили их многочисленные ученики. В ИЭА начата подготовка публикаций об этих выдающихся исследователях. Но без адекватного учета пока еще недостаточно известного, а порой и вовсе забытого вклада, который внесли в историю советской этнографии репрессированные коллеги, картина ее развития будет неполной, даже искаженной.

В книге публикуются статьи, посвященные жизненному пути и трудам 17 этнографов. Это специалисты по народам Сибири, Севера и Дальнего Востока Г.М.Василевич, Е.А.Крейнович, Г.В.Ксенофонтов, А.Н.Липский, Г.М.Токмашев, В.В.Чарнолуцкий, сибиревед и исследователь социальной организации первобытного общества А.М.Золотарев, знаток восточноевропейской и общей этнографии Б.А.Куфтин, специалист по народам Поволжья и Приуралья Т.А.Крюкова, кавказоведы С.П.Басария и Е.Т.Гюзаян, специалист по методологическим проблемам этнографии, религиовед и фольклорист А.М.Маторин, турколог Н.Н.Мартиневич, исследователи культуры народов Южной Азии А.М. и Л.А.Мерварт, американист и специалист по общей этнографии Ю.П.Петрова-Аверкиева, основоположник отечественной школы этнической ономастики В.А.Никонов. А.М.Маторин и Ю.П.Петрова-Аверкиева были, кроме того, видными организаторами науки. Некоторые из героев книги погибли, другие (таких большинство), пройдя через тюрьмы, лагеря и ссылки, выжили и после реабилитации вернулись в науку, но пережитое не могло не наложить отпечаток на их дальнейшую жизнь и деятельность.

Диапазон общественно-политических взглядов этих ученых очень широк. Среди них были убежденные коммунисты, беспартийные «спецы» и идейный противник советской власти Н.Н.Мартиневич, который, подвергшись репрессиям, в 1922 г. навсегда покинул страну. Абхаз С.П.Басария, якут Г.В.Ксенофонтов и телеут Г.М.Токмашев в первые послереволюционные годы активно участвовали в национальных движениях, за что и поплатились впоследствии, в годы массовых репрессий. Но каковы бы ни были общественно-политические взгляды и социальнo-психологические ориентации этих исследователей, они преданно служили науке и, несмотря на выпавшие на их долю суровые испытания, оставили в ней глубокий след.

Почти все герои книги были специалистами широкого профиля. Их научные интересы не ограничивались этнографией, а распространялись и на смежные области знания. А Б.А.Куфтин и А.Н.Липский, поселившись после освобождения далеко от Москвы, занялись преимущественно археологическими изысканиями. Мультидисциплинарный подход, характерный для подавляющего большинства этих ученых, способствовал высокому уровню их исследований, не только вошедших в историю науки, но и зачастую не утративших своего значения до наших дней.

Чтобы обеспечить максимально возможную объективность, члены авторского коллектива стремились избегать политических оценок, рассматривали жизненный путь и творчество репрессированных этнографов в контексте современной им эпохи и достигнутого тогда уровня научных знаний. Но главное, что могло обеспечить объективность, — это следование надежно установленным фактам, извлеченным из всех доступных источников. Авторы статей, опубликованных в сборнике, широко использовали архивные документы, в том числе из архивов бывшего КГБ, внимательно изучили книги и периодику того времени. Интересные материалы получены от родственников и потомков репрессированных ученых, их друзей и сослуживцев. В ряде случаев удалось дополнить данные письменных источников воспоминаниями этих людей — бесценными свидетельствами ушедшей эпохи. Р.Ш.Джарылгасинова, Т.В.Лукьянченко и Э.Л.Нитобург, которым довелось общаться со своими героями, включили в ткань повествования и личные воспоминания.

Особое место занимает очерк С.И.Вайнштейна о А.Н.Липском — пожалуй, самом неоднозначном и противоречивом персонаже сборника. В основу этой несколько беллетризированной работы положены воспоминания самого Липского, записанные в 1952 г. автором статьи, а также их многолетняя переписка.

В постсоветский период в российской этнографической науке утвердился теоретико-методологический плюрализм, и это не могло не отразиться на статьях сборника. Внимательный читатель обнаружит некоторые различия в оценке как отдельных ученых, так и процессов, происходивших в отечественной этнографии в советский период. При этом все члены авторского коллектива, несомненно, стремились к объективности и привлекали в поддержку своих интерпретаций весомые факты. Нужно, однако, учитывать, что научная объективность — категория довольно условная, в немалой степени определяемая, зачастую неосознанно, идейно-теоретическими взглядами автора. В этом отношении характерна статья О.Ю.Артемовой, которая, не ограничившись избранным сюжетом, предложила свою трактовку особенностей изучения теоретических проблем первобытности советскими учеными, а также высказалась за приоритетное развитие эмпирических исследований, порождающих отдельные «озарения», но не теоретические концепции⁵.

Нельзя не согласиться с мнением О.Ю.Артемовой о несостоятельности моргановской схемы эволюции социальных институтов первобытности, воспроизведенной в общих чертах в книге Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; об этом писали уже, как отмечает сама О.Ю.Артемова, некоторые отечественные этнографы. Но значит ли это, что в принципе невозможно создать иную схему, не противоречащую фактическим данным этнографии и смежных наук? Дискуссии по данному вопросу (как части более широкой мировоззренческой проблемы признания или отрицания общих закономерностей всемирно-исторического процесса — от первобытного человеческого стада до наших дней) велись в мировом научном сообществе на протяжении XX в.⁶; полагаю, продолжатся и в новом столетии. Такого рода дискуссии и вообще пристальное внимание к вопросам теории весьма актуальны для нынешнего поколения российских этнографов как противовес от сползания к бескрылому эмпиризму и философскому агностицизму. «Очарование и трудность современной науки, — писал в 1993 г. И.С.Кон о перспективах развития отечественной этнографии, — состоят в том, что философская рефлексия, которой раньше можно было избежать, хотя по-настоящему большие ученые этого никогда не делали, сегодня необходима постоянно, она не только сопутствует эмпирическому исследованию, но часто опережает его. И от этого мы никуда не денемся, хотим мы того или нет»⁷.

Как и первый сборник «Репрессированные этнографы», эта книга густо населена. Читатель встретит на ее страницах множе-

ство ученых, контактировавших с героями статей, их друзей и противников, других членов отечественного сообщества этнографов, познакомится с деятельностью давно исчезнувших научных учреждений и организаций. В книге содержится интересная информация, углубляющая наши познания об особенностях процесса развития этнографии в СССР, например о различиях и соперничестве между ленинградской и московской этнографическими школами, о возникновении этнографического музееведения в Армении и т.д.

Материалы обоих сборников дают представление и о «вкладе» самих этнографов в развернувшиеся репрессии. Известно немало случаев, когда видные ученые старались уберечь от преследований своих собратьев по этнографическому цеху, с немалым риском для себя помогали попавшим в беду коллегам и их семьям. Но, к сожалению, есть и противоположные примеры. Речь не идет о вынужденных оговорах, полученных у арестованных ученых с помощью самых изощренных методов физического воздействия: мало кто мог выдержать эти пытки. Так, Е.А.Крейнович в жалобе Генеральному прокурору СССР и в заявлении на имя К.Е.Ворошилова писал, что после восьмидневного непрерывного допроса, сопровождавшегося «унижением и потрясениями психики», он под давлением следователей «подписал на людей клевету, о которых ничего не знал»⁸. Но, случилось, коллег ставили под удар из мести, ревности или карьеристских побуждений. Например, в 1937 г. несколько сотрудников Государственного музея этнографии были арестованы «по доносу коллег»⁹. Сотруднице Музея антропологии и этнографии (МАЭ) Г.М.Василевич после освобождения и возвращения на прежнее место работы приходилось встречаться с теми, «по чьей вине, в том числе доносам» она была арестована и приговорена к десяти годам лишения свободы¹⁰. Другая сотрудница МАЭ, Н.Г.Шпринцин, сберегла ценнейший архив Е.А.Крейновича, который боялась хранить его родная сестра. Но почти одновременно та же Шпринцин, сама оставаясь на свободе, способствовала аресту и осуждению своей приятельницы, тоже этнографа, Н.И.Гаген-Торн. Когда Нина Ивановна вернулась по амнистии в Ленинград, она привела Шпринцин в прокуратуру, где та опровергла свои наветы, что ускорило полную реабилитацию невинно пострадавшей коллеги¹¹.

Приведенные примеры (их можно продолжить) заставляют задуматься об этической составляющей в профессии этнографа. Его деятельность в какой-то мере сопоставима с деятельностью врача, который, как известно, дает «клятву Гиппократу» и должен руководствоваться основополагающим принципом «не на-

вреда». Но если медики имеют дело с отдельными пациентами, реже — с группами больных, то в сфере компетенции этнографов находятся народы или их локальные группы, а также межэтнические отношения. В постсоветской России политическое доносительство, по крайней мере в сообществе этнографов, пока, слава Богу, не актуально. Но опасно и недопустимо всякое проявление в этой среде национализма, шовинизма и расизма¹². Такие проявления могут не только нанести серьезный ущерб престижу профессии этнографа в нашей стране, но и, распространяясь как вирус по разным каналам, вызывать негативные сдвиги в общественном сознании, способствовать усилению межэтнической напряженности.

В наши дни сохраняют актуальность «Десять заповедей этнографа», сформулированные в 20-х годах одним из основоположников ленинградской этнографической школы Л.Я.Штернбергом: «<...> Не делай себе кумира из своего народа <...> Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной <...> Не профанируй науки, не оскверняй этнографию карьеризмом <...> Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим <...> Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы <...>»¹³. Эти заповеди — надежный нравственный ориентир для нынешнего и будущих поколений отечественных этнографов.

Как руководитель проекта выражаю признательность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовое содействие в подготовке и издании этой книги.

¹ Репрессированные этнографы. Составитель и ответственный редактор Д.Д.Тумаркин. Вып. I. М., 1999 (2-е изд. — М., 2002).

² См., например: *Тендрякова М.В.* [Рец. на]: Репрессированные этнографы. Вып. I. М., 1999. — ЭО. 1999, № 5, с. 169—172; *Knight N.* "Salvage Biography" and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. — *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. Spring 2000. Bloomington, Indiana. Vol. 1, № 2, p. 365—375. Статья представляет собой развернутую рецензию на сб. «Репрессированные этнографы» (вып. I).

³ От составителя. — Репрессированные этнографы. Вып. I, с. 3.

⁴ Американский историк науки Н.Найт в рецензии на сборник «Репрессированные этнографы» выделяет поставленные в нем (пусть не всегда напрямую) кардинальные проблемы преемственности и отношения к научному наследию советской эпохи. Он задается вопросом, не предпочитают ли современные российские этнографы «отбросить советское прошлое как ничего не стоящий тоталитарный мусор и, приняв гегемонию англо-американской теории, присоединиться к своим западным коллегам в туманных лабиринтах постмодернистской антропологии» (*Knight N.* "Salvage Biography", p. 367). Что касается авторов сборника, то, как отмечает Найт, они содержанием и подтекстом своих статей отрицательно отвечают на этот вопрос.

⁵ *Артемова О.Ю.* А.М.Золотарев: трагедия советского ученого. — Наст. изд., с. 222.

⁶ См.: *Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999, гл. 2.

⁷ *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы. — ЭО. 1993, № 1, с. 4.

⁸ *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А.Крейнович: жизнь и судьба ученого. — Наст. изд., с. 62.

⁹ *Решетов А.М.* Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А.Крюковой. — Наст. изд., с. 286.

¹⁰ *Ермолова Н.В.* Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич. — Наст. изд., с. 30.

¹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Мемория. М., 1994, с. 116; *Гаген-Торн Г.Ю.* Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт. — Репрессированные этнографы. Вып. 1, с. 330.

¹² См. об этом в моем отклике на статью: *Tishkov V.A.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition. — *Current Anthropology*. February 1998, vol. 39, № 1, с 11—12.

¹³ *Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — СЭ. 1971, № 2, с. 142—143.

Н.В.Ермолова

*Тунгусовед
Глафира Макарьевна
Василевич*

Глафира Макарьевна Василевич не относится к числу этнографов, труды и имена которых были запрещены или незаслуженно забыты в период политических репрессий 30-х — начала 50-х годов двадцатого столетия. Из 76 прожитых лет она почти 50 отдала служению любимой науке. Работы Г.М.Василевич неизменно вызвали большой научный интерес среди коллег, а ее огромный вклад в сибиреведение еще при жизни получил высокое признание как у нее на родине, так и за рубежом¹. Однако в 1952 г. Глафира Макарьевна по необоснованным обвинениям была арестована и приговорена к лишению свободы на 10 лет. И только благодаря амнистии после смерти Сталина ее освободили досрочно в 1955 г. после трех лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. До недавнего времени об этом не принято было говорить открыто и данный факт старательно замалчивался в нашей литературе. Впервые Василевич официально была названа среди безвинно пострадавших лишь в 1990 г., когда журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал около 400 имен репрессированных востоковедов². Более подробно об этой странице ее жизни рассказал в 1994 г. А.М.Решетов, одним из первых взявшийся за кропотливый, благородный труд по восстановлению подлинных биографий репрессированных этнографов³.

И все же, к сожалению, жизнь и творчество Г.М.Василевич в силу разных причин до сих пор остаются в тени и, на наш взгляд, не раскрыты в полной мере, хотя Глафира Макарьевна своими работами создала целую школу отечественного тунгусоведения.

Литература о Г.М.Василевич крайне незначительна. Первые статьи о ней были помещены в Большой Советской (2-е изд., т. 7, 1951 г.) и Краткой литературной (т. 1, 1962 г.) энциклопедиях, что отражало высокое признание ее научных заслуг. Однако

в 3-е издание Большой Советской энциклопедии (том на букву «В» вышел в 1971 г.) статью о Василевич уже не включили. Вся последующая литература о ней состоит всего из нескольких публикаций, вышедших, во-первых, к 70-летию со дня рождения и, во-вторых, в связи со смертью. Поэтому уже в силу своего жанра эти статьи носили довольно общий характер и не затрагивали ни сложных жизненных коллизий, ни спорных вопросов или проблемных положений, обязательно присутствующих в научном творчестве каждого крупного исследователя. Образ Глафиры Макарьевны Василевич — яркого ученого и интересного человека — в этих публикациях носил чисто «парадный» характер и был лишен живой жизненной конкретики.

Среди этих работ наиболее интересны два издания. Во-первых, отдельная брошюра в 50 страниц, подготовленная и изданная к 70-летию со дня рождения Василевич в 1965 г. в Якутске, где начиная с 1958 г. она принимала непосредственное участие в организации исследований эвенкийского языка молодыми учеными Якутского института языка, литературы и истории. Издание включает краткий биографический очерк, указатель основных работ Василевич, а также написанные с большой теплотой и уважением воспоминания людей, знавших Глафиру Макарьевну по совместной работе в области языкознания⁴. Во-вторых, статья известного лингвиста-тунгусоведа В.И.Цинциус, которая была опубликована через год после смерти Василевич в сборнике научных статей, подготовленном все тем же Якутским институтом языка, литературы и истории как дань уважения памяти ученого⁵.

Как видим, обе эти работы написаны лингвистами. И чтобы правильно понять их направленность, важно подчеркнуть следующее. Творчество Василевич при всей цельности и внутренней логике ее исследовательского пути распадается на два разных периода, один из которых, начальный, довоенный, был связан прежде всего с лингвистическими исследованиями — изучением и преподаванием эвенкийского языка в Институте народов Севера и Педагогическом институте имени А.И.Герцена, а второй, с начала 40-х годов и до последних лет жизни, — с этнографией и работой в Ленинградской части Института этнографии (ИЭ) АН СССР. Естественно, что лингвисты касались прежде всего языковедческих интересов Василевич, рассматривая в основном первый, довоенный период ее творчества, в то время как последние 30 лет жизни, связанные в большей степени с этнографическими изысканиями и представляющие не менее, а может быть, даже более важный этап ее научной деятельности, в этих работах почти не отражены. То же самое можно сказать и о статьях, помещенных в Краткой литературной и Большой Совет-

ской энциклопедиях. Несмотря на то что Г.М.Василевич названа в них «этнографом и языковедом», реальное представление они дают только о ее лингвистической деятельности.

Что касается этнографов, то они очень мало писали о Василевич. Не считая некролога⁶, опубликованного от лица коллег по ИЭ, в котором перечислялись главные работы и основные вехи биографии Глафиры Макарьевны, можно назвать еще лишь одну краткую заметку известного историка и этнографа Н.Н.Степанова, откликнувшегося на ее 70-летний юбилей⁷. Возможной причиной такого умолчания послужило то, что главный этнографический труд Василевич — монография «Эвенки» вышла в свет уже после ее 70-летия, лишь в 1969 г., за два года до смерти. К тому же указанная работа вызвала неоднозначную оценку ряда этнографов, и критический отклик⁸, прозвучавший в 1971 г. наряду с положительным отзывом⁹ в журнале «Советская этнография», по-видимому, оказал свое воздействие на то, что и после смерти Глафиры Макарьевны ее огромный вклад в сибиреведение не получил в печати соответствующего признания. К сожалению, такое положение сохранялось до самого последнего времени, и первая попытка изменить его была предпринята лишь недавно¹⁰. В публикации, предлагаемой вниманию читателей, автор стремится воздать наконец должное огромному исследовательскому труду, который был выполнен Г.М.Василевич в области изучения культуры, истории, языка и фольклора эвенков Сибири.

Биография Василевич в целом известна, но, к сожалению, в ней не достаёт важных жизненных подробностей — ярких воспоминаний современников, рассказов о студенческой юности, общении в кругу друзей, тяжелых годах войны и блокады, трагическом осуждении, о сложных перипетиях научного пути. У Глафиры Макарьевны не было своей семьи и детей, не осталось близких родственников, не сохранилось личного архива. Ее ровесники — люди, дружившие с ней, — уже ушли из жизни. Своих воспоминаний, как, например, учившаяся с ней в одно время Н.И.Гаген-Торн, Василевич тоже не оставила. Единственной публикацией, написанной, по-видимому, со слов Глафиры Макарьевны или во всяком случае с использованием ее рассказов, является популярный очерк на шести страницах с фотографиями, вышедший в 1962 г. в журнале «Пионер» под рубрикой «Рассказы о смелых людях»¹¹. Однако, рассчитанный на подростков, он мало что добавляет к биографии ученого. Увы, теперь приходится многое восстанавливать буквально по крупицам, и, к глубокому сожалению, это не всегда удается сделать так, как хотелось бы и как должно быть. Поэтому особую ценность пред-

ставляют очень интересные живые воспоминания о Глафире Макарьевне ее аспирантки, ульчанки по национальности, ныне известного исследователя, работающего в Якутске, Жанны Карувны Лебедевой, подготовленные специально для нашего издания¹².

Вопросы начинаются уже с выяснения точной даты и места рождения Г.М.Василевич. Казалось бы, известно, что родилась она в Петербурге в марте 1895 г., о чем писала сама в автобиографиях и личных листках по учету кадров. Однако имеется одно свидетельство, ставящее под сомнение Петербург как место рождения. Это ее трудовая книжка, выданная в 1919 г., когда она работала на почтамте¹³. Местом рождения в ней записаны Минская губерния, Борисовский уезд, Тумпловическая волость, село Нестеровщина, что, очевидно, и соответствует действительности. Однако впоследствии во всех официальных документах Г.М.Василевич называла местом своего рождения Ленинград, куда семья переехала, видимо, вскоре после рождения Глафиры Макарьевны. Неясна также и точная дата ее рождения. В литературе встречаются две даты. А.М.Решетов в своей статье называет 14 марта, как стоит в свидетельстве об окончании Географического института, а В.И.Цинциус в статье, изданной еще при жизни Василевич, — 15 марта¹⁴. При этом нужно отметить, что Цинциус хорошо знала Глафиру Макарьевну и, казалось бы, не должна ошибаться в дате ее рождения, которую, скорее всего, называла с ее слов. Глафира Макарьевна же в личном листке по учету кадров указывала дату 16 марта по старому стилю, следовательно, день ее рождения должен приходиться по новому стилю на 29 марта. Все эти разночтения, конечно, не имеют прямого отношения к научному творчеству Василевич, однако скрывающаяся в них загадка заслуживает того, чтобы быть упомянутой.

Глафира Макарьевна выросла в простой небогатой семье. Отец ее работал на заводе, мать была домашней портнихой. О старшем брате Николае нам известно только то, что он умер, как и отец, в 1917 г. Несмотря на скромный достаток, родители хотели дать дочери хорошее образование и определили ее в Петровскую женскую гимназию Санкт-Петербурга. Судя по всему, училась Глафира блестяще, так как ей была назначена общественная стипендия, которой удостаивались только лучшие ученики. Чтобы поддержать семью, дочь с 14 лет давала частные уроки, а после окончания гимназии в 1913 г. устроилась на постоянную службу в казначейство почтамта, где до 1920 г. работала в отделе иностранной почты. Пригодилось полученное в гимназии хорошее знание трех иностранных языков — немецкого, француз-

Г.М.Василевич в юности

ского и английского, которое впоследствии оказалось столь необходимым и в работе с научной литературой. После смерти отца и брата 22-летнего Глафира в тяжелейшее время революции и гражданской войны, голода и разрухи останется единственной опорой для матери, которой она помогала всю жизнь, заботясь о ней до самой ее смерти в ленинградскую блокаду.

В начале 20-х годов жизнь в Петрограде начинает понемногу налаживаться, вновь открываются вузы, и Глафира Макарьевна решает продолжить учебу. Ее выбор останавливается на недавно открывшемся Географическом институте, и, вероятно, поэтому за год до поступления она оставляет почтамт, перейдя на работу в среднюю школу учителем географии и геологии. В октябре 1921 г., не оставляя работы в школе, она поступает в Географический институт, выбрав из двух его факультетов — географического и этнографического — последний, только что созданный профессором Л.Я.Штернбергом. Это определяет весь ее дальнейший жизненный путь. Пять лет обучения в уникальном учебном заведении, которое впервые в России готовило кадры профессиональных этнографов, закладывают прочную базу в подготовке Василевич как будущего ученого. Л.Я.Штернберг организовал преподавание так, что студенты получали не только широкое этнографическое образование, но и глубокие знания по истории мировой культуры. Для этого на факультет были приглашены такие известные профессора, как В.М.Алексеев, читавший курс по культуре Китая, Б.В.Владимирцов — курс языко-

знания, А.А.Кауфман — статистику, Н.И.Кареев — всемирную историю и историческую этногеографию, П.А.Спицын — археологию, В.В.Струве читал курс по египтологии и культуре античных народов Востока, И.В.Франк-Каменецкий — по культуре классического Востока и др.¹⁵. Этнографические дисциплины (Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз) преподавались очень широко, в соответствии с тезисом Штернберга — «кто знает один народ — не знает ни одного; кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной». Поэтому студенты изучали введение в этнографию, историю этнографии, палеоэтнографию, этнографию полярных народов, общее страноведение, материальную культуру народов СССР, этнографию восточных славян, эволюцию социальной культуры, историю религии, фольклор, сравнительную мифологию, эволюцию искусства, историю древней философии, антропологию, историю русской культуры¹⁶.

Кроме того, на этнографическом факультете преподавались основы естествознания, овладение которыми Штернберг считал необходимым для углубленного изучения таких этнографических проблем, как развитие хозяйства и материальной культуры, возникновение культа животных и растений, вопросов расообразования и т.д. Поэтому будущие этнографы изучали основы ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека, геологии и почвоведения, топографии, метеорологии¹⁷. Эти предметы были необходимы и для будущей полевой работы, к которой готовили студентов-этнографов. С этой же целью их обучали черчению, рисованию, картографированию, фотографированию. Занятия по полевой этнографии проводились в летние каникулы в Павловске — они назывались летние практические работы. О прохождении этой практики также имеется соответствующая запись в дипломе Василевич. Сохранилась и редкая фотография, к сожалению очень испорченная временем, из-за чего ее невозможно опубликовать, где Глафира Макарьевна изображена вместе с другими студентами Географического института на летней практике, верхом на лошадях. Кроме того, студенты проходили практику в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) и Этнографическом отделе Русского музея, где, изучая экспозиции и проводя экскурсии, они овладевали основами музееведения.

Дальнейшее практическое обучение протекало в экспедиционных условиях — для каждого студента на старших курсах было обязательным участие в одной-двух экспедиционных поездках. Для Василевич это оказались поездки в 1923 г. на Печору и в 1924 г. в Вятскую губернию. Печорский отряд был организован Институтом совместно с Северной научно-промышленной экспедицией Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), на базе

которой позднее вырос Арктический институт. Руководившие работой отряда Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз организовывали практику таким образом, чтобы студенты находились в «поле» не менее трех-четырёх месяцев и не просто выполняли учебные задания, но и вели научно-исследовательскую работу, а по возвращении представляли отчет о собранных материалах. О том, какое большое значение придавалось полевой работе, говорит тот факт, что студентка Василевич уже после 2-го курса была оформлена научной сотрудницей Мезенско-Печорского исследовательского этнографического отряда Северной научно-промышленной экспедиции ВСНХ на срок с июля 1923 по январь 1924 г. Маршрут экспедиции, как следует из ее удостоверения, проходил «через Архангельск на низовую Печору, Тиманскую, Большеземельскую тундры, через Печорскую и Мезенскую Пижмы на р. Мезень и обратно». Командируемая сотрудница направлялась «для этнографических и экономических обследований самодов и русского населения»¹⁸.

Район исследований был выбран не случайно. Здесь, в низовьях Печоры и Мезени, активное взаимовлияние ненцев и русских привело к тому, что смешанное оседлое население занималось однотипной хозяйственной деятельностью, главным направлением которой было рыболовство. Василевич был поручен сбор материалов по рыболовству. Вернувшись, она представила в Институт отчет на 36 страницах, а также статью «Рыболовство на низовьях Печоры», которую впоследствии считала своей первой научной работой, оставшейся, правда, неопубликованной¹⁹.

В следующем, 1924 г. после окончания уже третьего курса Василевич поехала в экспедицию в Вятскую губернию, где работала по теме «Жилище и постройки и их орнаментировка». Собранные и обработанные ею материалы были сданы затем в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК)²⁰.

Как видим, за четыре года обучения Глафира Макарьевна получила прекрасную научную подготовку. Образование, которое давалось студентам на этнографическом факультете, отличалось разносторонним охватом и вместе с тем глубиной получаемых знаний, подкрепляемых серьезными практическими занятиями. Из среды первых студентов, — питомцев Штернберга и Богораза, обучавшихся вместе с Василевич, вышли такие великолепные специалисты, как Е.П.Орлова, С.М.Абрамзон, Г.Н.Прокофьев и Е.Д.Прокофьева, Ю.А.Крейнович, Н.П.Дыренкова, В.В.Чарнолуский и др. Все они находились у истоков создания советской этнографии, и в этой славной плеяде ученых была и Василевич.

Школа Штернберга имела еще одну важную особенность — в соответствии с требованиями времени она готовила специалистов, которые могли бы решать практические задачи по оказанию помощи национальным районам. Созданный в 1925 г. специальный правительственный орган — Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), на который было возложено осуществление мероприятий по экономическому и культурному развитию малых народов Севера, сразу стал привлекать для своей работы выпускников этнографического факультета. Василевич, в марте 1925 г. получившая свидетельство об окончании института, уже летом уезжает в командировку по направлению от Ленинградского отделения Комитета. Ей было поручено проведение работ среди тунгусского (эвенкийского) населения Сибири²¹. Задание Комитета Севера имело целью общее обследование тунгусов (эвенков), с выяснением положения на местах, установление контактов, а также сбор этнографических и лингвистических материалов²². Эта поездка определила всю дальнейшую судьбу Василевич. Впервые попав к тунгусам, сведения о которых были еще крайне ограничены, она решает заняться исследованием их языка и культуры и помочь в переустройстве жизни.

Первая экспедиция Глафиры Макарьевны к эвенкам носила разведочный характер. Судя по тому, что в выданном ей удостоверении указывалась командировка в Иркутскую и Енисейскую губернии, а просьба о содействии адресовалась одновременно в Иркутский и Красноярский Комитеты Севера, можно предполагать, что точное место экспедиции «сверху» определено не было. Очевидно, это должна была сделать сама Василевич, и она останавливает свой выбор на верховьях р. Лены в районе Усть-Кута Иркутской губернии. Однако ни в Ленинграде, где она тщательно готовилась к экспедиции, ни в Иркутске, куда удалось добраться поездом к середине июля, ни даже в местном, Усть-Кутском волостном исполкоме никаких данных по статистике и расселению тунгусов найдено не было. Единственные сведения, которые ей удалось добыть в Усть-Куте, были, по ее словам, «чисто распросного характера»²³. Судя по ним, оказалось, что эвенки, кочевавшие здесь по притокам Лены еще лет 20 назад, теперь отеснены на Нижнюю Тунгуску и предположительно должны находиться там в районе ее левого притока, р. Непы. Тогда Василевич меняет маршрут и, чтобы попасть в нужный район, нанимает сначала лодку, на которой поднимается вверх по Лене до села Маркова, и оттуда с проводниками верхом на лошадях уходит в тайгу на северо-запад, где через неделю встречает эвенкийские стойбища. Эта экспедиция продолжалась

без малого четыре месяца, из которых три было проведено, в кочевках с эвенками. Первые впечатления, первые наблюдения, первые записи. Все это вскоре будет обработано и представлено в первых научных публикациях 1926—1930 гг.²⁴.

В конце ноября Глафира Макарьевна возвращается в Ленинград и застает реорганизацию родного Института, который был включен в Ленинградский университет в качестве географического факультета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим. Кроме того, в значительной степени изменилось и само обучение этнографов. Число вспомогательных дисциплин было сокращено и введена специализация по циклам, охватывающим группы родственных в языковом отношении народов. Каждый студент теперь должен был выбрать тот или иной цикл, по которому он проходил углубленную подготовку, включавшую и изучение языка избранного народа. Из восьми учрежденных циклов один был тунгусским. Чтение курса эвенкийского языка на нем было поручено Я.П.Кошкину (Алькору), а Василевич предложили проводить занятия по этнографии тунгусских народов, и она была зачислена ассистентом на этнографическое отделение²⁵.

Первыми ученицами Г.М.Василевич были студентки 4-го курса К.М.Мыльникова, Л.Д.Ришес, Т.И.Петрова, В.И.Цинциус, ставшие впоследствии известными исследователями в области тунгусоведения. По воспоминаниям Цинциус, Глафира Макарьевна использовала на своих занятиях работу С.К.Патканова «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» (1906 г.) — единственное крупное издание, существовавшее тогда по этнографии эвенков. Новым делом было и преподавание эвенкийского языка. Его стали изучать на основе грамматики М.А.Кастрена с привлечением носителя языка — прибайкальского эвенка Полтеева, от которого велась запись текста на эвенкийском языке с последующим подробным морфологическим анализом²⁶.

Думается, что Василевич активно участвовала в этих занятиях, чтобы как можно быстрее овладеть эвенкийским языком. Этому же способствовала и вторая ее экспедиция к эвенкам, осуществленная также по линии Комитета Севера, сроки которой были еще более продолжительными — с сентября 1926 по апрель 1927 г. На этот раз Василевич выбрала среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски — Богучанский и Таимбский районы Красноярского округа. Проведя в экспедиции больше полугода, она собрала новые материалы, которые так же, как и в первый раз, сдала после обработки в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). Кроме того, она привезла от эвенков и передала в МАЭ свою первую коллекцию, характеризующую в том числе

и такой редкий феномен, как детская игра в шаманство. На основе материалов, собранных в этой экспедиции, была написана новая статья «Игры тунгусов»²⁷.

С 1927 г., не оставляя преподавания этнографии в Университете, Василевич начинает работать по совместительству на Северном факультете Ленинградского восточного института, который был только что создан специально для обучения представителей северных народов. В 1930 г. факультет был реорганизован в самостоятельное учебное заведение — Институт народов Севера, где началась научно-исследовательская и научно-практическая работа по созданию письменности на языках коренных народов Севера²⁸. Василевич активно включается в эту работу, занимаясь одновременно и преподаванием²⁹, и написанием учебников по эвенкийскому языку. Уже в 1928 г. она выпускает эвенкийский букварь, ставший первым пособием по изучению этого языка³⁰.

Эта небольшая книжечка в 30 страниц была издана примитивным стеклографическим способом, по существу написана от руки, так как еще не существовало типографских шрифтов для подобных изданий. Называлась она «Памятка тунгусам-отпускникам», потому что ее раздавали студентам-эвенкам Северного факультета, уезжавшим на каникулы, чтобы они пользовались ею для обучения грамоте на местах. Сохранились воспоминания Глафиры Макарьевны о том, как в 1927 г. ей «самой пришлось "отпечатать" (написать печатными буквами) первую азбуку и размножить на стеклографе <...> эвенки, уезжая в отпуск, развезли эту азбуку по всем районам, и там в чумах сами учили читать и писать на родном языке (на латинизированном алфавите) детей и взрослых эвенков»³¹. В 1929 г. таким же способом была «отпечатана» «Первая книга для чтения на тунгусском языке», состоявшая из 28 небольших эвенкийских текстов³².

О том, насколько напряженной была эта работа, говорит тот факт, что Василевич даже сделала перерыв в экспедиционных поездках и в 1928 г. не выезжала в «поле». Но уже в 1929 г. она опять проводит более трех месяцев в Сибири, обследуя по заданию Комитета Севера эвенков бассейна Олекмы и Витима. В этой экспедиции она уже настолько осваивает эвенкийский язык, что нередко сама выступает переводчиком в общении эвенков с представителями местной власти и на районном съезде советов свой доклад о деятельности Комитета Севера делает на эвенкийском языке³³. Знание языка помогает ей и в сборе этнографических материалов, на основании которых по возвращении в Ленинград она пишет в журнал «Этнография» статью об охотничьих обрядах у эвенков³⁴.

Все эти годы она сотрудничает также с МАЭ, где ее учителя Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз вместе с другими сотрудниками проводят большую работу по обновлению музейных экспозиций. Глафира Макарьевна тоже привлекается к этой деятельности и принимает непосредственное участие в создании трех выставок: в 1926 г. — по истории орудий и оружия (при этом составляет путеводитель по выставке, изданный, к сожалению, без указания фамилии автора)³⁵; в 1927 г. — по истории жилища и хозяйственных построек, а в 1930 г. на выставке по истории религии она готовит отдел «Душа после смерти»³⁶.

В 1930 г. Василевич получает специальное задание от МАЭ по изучению сымских эвенков и по командировке от Академии наук СССР едет в район левого притока Енисея — р. Сым, где собирает обширный материал по этнографии и языку этой группы. В Музей она привозит новую коллекцию по традиционной культуре эвенков, включающую орудия труда, предметы быта, а также редкие экспонаты одежды, в том числе уникальный обрядовый костюм³⁷. Собранные данные позволяют ей составить представление об особенностях этногенеза сымских эвенков, их культурной и языковой специфике. Эти материалы, сопровождающиеся глубоким научным анализом, Василевич в 1931 г. публикует в двух статьях, которые характеризуют ее как прекрасного специалиста и профессионала в области тунгусской этнографии³⁸. Здесь она впервые высказывает новые идеи, которые затем будет успешно развивать в своих последующих исследованиях, в частности о культурных и языковых параллелях у крайнезападных и крайневосточных групп тунгусов. Эта идея будет позднее, уже в 80-е годы, достаточно продуктивно использована в работах следующего поколения тунгусоведов³⁹. Кроме того, материалы сымской экспедиции помогут Василевич в написании еще многих ее этнографических работ⁴⁰, что свидетельствует о прекрасно проведенном полевом исследовании и о том, что к началу 30-х годов она стала первоклассным специалистом-этнографом. И тем более обидно, что 1931 год становится последним в том удивительно плодотворном периоде работы, когда Василевич успешно совмещала свои этнографические и лингвистические исследования.

Обстоятельства складываются так, что на целое десятилетие (1931—1941) она целиком уходит в лингвистическую деятельность. Дело в том, что географический факультет университета, на этнографическом отделении которого в должности сначала младшего, а затем старшего ассистента Глафира Макарьевна в течение пяти лет преподавала курс этнографии тунгусо-маньчжурских народов, в 1931 г. перестал существовать. В 1930 г. он

был переведен на филологический факультет, а в 1931 г. просто ликвидирован⁴¹. Василевич переходит в 1931 г. на основную работу в Педагогический институт имени А.И.Герцена, где преподает эвенкийский язык на северном отделении литературного факультета, осуществляя подготовку кадров языковедов и учителей из среды коренных народов Севера. При этом она продолжает педагогическую деятельность и в Институте народов Севера, Научно-исследовательская ассоциация которого совместно с Комитетом нового алфавита направляет ее в том же, 1931 г. в лингвистическую экспедицию к эвенкам Нижней Тунгуски.

Основной целью поездки являлась проверка только что вышедшей из печати «Начальной книги» на эвенкийском языке⁴². Это была первая эвенкийская книга, изданная типографским способом, что стало возможным после правительственного утверждения в феврале 1931 г. проекта алфавита народов Севера. Она была составлена Василевич и кроме самих текстов для чтения включала краткую характеристику основных особенностей сымского, подкаменнотунгусского, токминского, ербогаченского, олекминского и амурского диалектов. К этому времени Глафира Макарьевна уже в совершенстве владела эвенкийским языком на уровне нескольких его диалектов, которые она изучила в четырех экспедициях у разных групп эвенков, а также общаясь со своими эвенкийскими студентами. В ее планы входило теперь составление эвенкийско-русского диалектологического словаря. Поэтому для экспедиции 1931 г. она выбрала обширный район бассейна Нижней Тунгуски, где до этого времени ей еще не приходилось бывать. На лодке она проехала по всей Нижней Тунгуске от самых ее верховьев до впадения в Енисей и по пути следования заезжала на основные притоки⁴³. Благодаря этому Василевич пополнила свои материалы данными о языковых особенностях нижнетунгусских эвенков и по возвращении в Ленинград приступила к написанию диалектологического словаря. Теперь в ее распоряжении был необходимый словарный материал по всем эвенкийским говорам, распространенным к западу от р. Лены, в бассейне Енисея. Описание говоров восточных эвенков она предполагала осуществить во второй части запланированной ею работы по диалектологии.

Основную цель своего словаря Г.М.Василевич определяет как «предоставление возможности использовать словарный материал говоров для облегчения перехода к единому письменному литературному языку»⁴⁴. Эта проблема — создание письменности и единого литературного языка, способного обслуживать все диалектные группы, — в отношении эвенков была очень острой. Для ее решения необходимо было провести исследование основ-

ных диалектов и выбрать наиболее подходящие для литературного языка грамматические формы, которые могли бы быть положены в его основу. Подготовка данного словаря была первым серьезным шагом в этом направлении. Издание включало около 5 тыс. словарных статей, в которых наряду с диалектными формами давалось также литературное написание, отмеченное жирным шрифтом, что должно было способствовать скорейшему становлению общеэвенкийского литературного языка, только начинавшего складываться на основе выбранного с этой целью непского говора. Работа над словарем шла очень интенсивно: в декабре 1931 г. Василевич закончила написание введения, а еще через год все материалы были сданы в набор. Однако издание увидело свет только в 1934 г., и к этому времени Глафира Макарьевна успела подготовить еще один солидный труд — первый «Учебник эвенкийского языка», которым в течение ряда лет пользовались учителя, студенты, аспиранты и научные работники⁴⁵. Обе работы представляли собой значительный вклад в лингвистические исследования и были высоко оценены — Василевич в 1935 г. была присуждена ученая степень кандидата лингвистических наук (по эвенкийскому языку) без защиты диссертации⁴⁶.

Кроме того, в 1934 г. Глафира Макарьевна заканчивает еще одну крупную работу — подготовку к изданию сборника материалов по эвенкийскому фольклору, выход которого в 1936 г. стал настоящим событием в области не только тунгусоведения, но и фольклористики в целом. Это был первый фундаментальный труд по эвенкийскому фольклору, который до этого изучался крайне мало. Василевич включила в сборник, во-первых, основные известные к тому времени записи текстов начиная с XVIII в. (И.Георги, Г.Гут, В.Н.Васильев и др. — в основном они находились в малодоступных публикациях либо хранились в архивах) и, во-вторых, материалы, собранные как ею самой, так и другими сотрудниками Института народов Севера в 1925—1931 гг. При этом раздел, составленный из текстов, которые были записаны Василевич в четырех ее экспедициях и у ряда слушателей Института народов Севера и называвшийся «Материалы по фольклору эвенков Сибири», составлял самую значительную часть сборника. Это были сказки о животных, предания, мифологические рассказы, шаманские песни, загадки. Тексты публиковались на соответствующих эвенкийских диалектах с параллельным объяснительным переводом на русский язык, т.е. в полном соответствии с научными требованиями, выработанными к этому времени советской фольклористикой⁴⁷. В краткой вступительной статье сообщались ценные сведения о состоянии фольклора эвенков к моменту издания сборника, об особенно-

стях его бытования, об исполнителях, от которых были произведены записи, и давалась общая фольклористическая оценка материала. Василевич принадлежали также сноски и пояснения ко всем текстам сборника⁴⁸.

Наряду с созданием фундаментальных исследований Глафира Макарьевна в 30-е годы работает еще в одном важном научно-практическом направлении — готовит к выпуску первые учебные пособия на эвенкийском языке для младших классов начальной школы. Буквари, книги для чтения, учебники арифметики, грамматики, правописания — все это было крайне необходимо для коренных народов Севера, и написание этих, казалось бы, простых школьных учебников также требовало огромной исследовательской работы, включающей изучение звукового состава, грамматического строя, диалектных особенностей языка. Всего Василевич было выпущено свыше 50 учебников на эвенкийском языке для начальной школы и примерно столько же русских подстрочных переводов к ним, а также методические разработки, программные материалы и пр.⁴⁹.

В 1935—1936 г. была осуществлена и новая масштабная экспедиция в Эвенкийский национальный округ. На этот раз в задачи Василевич, командированной Наркомпросом, входили проверка качества изданных для эвенкийских школ учебников, консультации и оказание помощи учителям, а также сбор материалов по методике преподавания родного и русского языков. Экспедиция длилась более шести месяцев (с июля 1935 по февраль 1936 г.), в течение которых Василевич побывала в трех районах Эвенкийского округа, проехав по маршруту, включавшему такие пункты, как Байкит, Тычаны, Тура, Нидым, Кербо, Стрелка, Чуня, Вановара, Кежма, Канск⁵⁰. В результате ею был собран значительный материал, использованный затем как в учебной, методической и педагогической литературе, так и в преподавательской работе со студентами.

Этнографическое направление при этом тоже не забывалось, и, как всегда, находясь среди эвенков, Глафира Макарьевна работала не только как лингвист, но и как этнограф, тщательно фиксируя все свои наблюдения по хозяйству, быту, культуре — все, что в будущем могло быть использовано при написании этнографических работ. Она продолжает обрабатывать этнографические материалы, но делает это как бы для себя, без публикаций, создавая задел на будущее. И действительно, на более серьезные занятия этнографией просто не хватает времени, так как все силы отнимает лингвистика.

Основным местом работы в конце 30-х годов по-прежнему остается Северное отделение Пединститута имени А.И.Герцена,

где Василевич преподает эвенкийский язык, занимая должность доцента. Но она не оставляет и научно-исследовательской деятельности, работая по совместительству в 1937—1939 гг. в должности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Центрального института языка и письменности (ЛОЦИЯП), влившегося затем в Институт языка и мышления имени Н.Я.Марра Академии наук СССР⁵¹.

Этот период (1937—1941) ознаменован написанием трех новых больших исследований по языку. Два успевают выйти в свет до войны, в 1940 г. Это «Очерк грамматики эвенкийского языка» и «Эвенкийско-русский словарь», представляющие собой значительный вклад в лингвистическое тунгусоведение⁵². В «Очерке грамматики», состоявшем из разделов по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике, впервые материалы эвенкийского языка были сведены в целостную систему. А «Словарь», содержащий уже около 10 тыс. слов, был не только вдвое больше по объему, чем предыдущий, 1934 г. издания, но и качественно отличался от него, будучи первым опытом составления практического словаря письменного эвенкийского языка. Третья крупная работа этого периода — «Очерки по диалектологии эвенкийского языка» — была завершена в 1941 г., одобрена Институтом языка и мышления имени Н.Я.Марра и не только подписана к печати, но и сдана в набор⁵³, однако начавшаяся война помешала выходу ее в свет, и этот труд был опубликован только в 1948 г.

Нельзя не упомянуть и еще одно важное направление деятельности Глафиры Макарьевны в 30-х годах, связанное с изданием оригинальной и переводной художественной и политико-просветительной литературы. Оно требовало больших затрат сил и времени, так как под руководством Василевич и с ее непосредственным участием было переведено и отредактировано свыше 50 таких произведений. Как писала она сама в автобиографии, «90% переводной литературы с 1934 по 1940 г. проведено при моем ближайшем участии как учителя переводчиков и редакторе. Вся оригинальная литература, выпущенная под моей редакцией, — результат моей работы с наиболее талантливыми эвенками»⁵⁴.

Война меняет всю ее жизнь, разрушая не только рабочие планы, но и отнимая самых дорогих, близких людей. Первый год войны, до июля 1942 г., Василевич находится в Ленинграде, переносит все ужасы блокады. Как и все жители осажденного Ленинграда, она участвует в земляных работах по укреплению обороны города, в частности в сентябре 1941 г. роет окопы в районе Рыбацкого. После окончания войны ей были присуждены две правительственные награды: в 1945 г. — медаль «За оборону Ленинграда» и в 1946 г. — медаль «За доблестный труд в Великой

Отечественной войне 1941—1945 гг.». Несколько раз ей приходится менять место работы. В августе 1941 г. Пединститут имени А.И.Герцена сокращает штат, и Василевич возвращается в Институт народов Севера. Однако уже в марте 1942 г. Институт эвакуируют, но Василевич не уезжает, что, надо думать, было связано с тяжелым состоянием ее матери, у которой, по-видимому, уже не было сил для отъезда.

Глафира Макарьевна ищет новую работу в Ленинграде и 7 апреля 1942 г. обращается с заявлением на имя директора ИЭ С.М.Абрамзона. Мотивируя свою просьбу о предоставлении работы в Отделе Сибири, она пишет: «Я тунгусовед <...> Имею степень кандидата по тунгусскому-эвенкийскому языку и звание доцента. В Музее (имеется в виду МАЭ. — *Н.Е.*) работала по совместительству, в частности устраивала выставки <...> С 1925—31 гг. вела курс этнографии тунгусо-маньчжурских племен в университете на Геофаке <...> За многие экспедиции в Сибирь у меня скопился большой материал, частично обработанный. Последняя тема, над которой я сидела несколько лет и которая требует еще года три работы, — это вопросы происхождения эвенкийских и др. тунгусо-маньчжурских племен по данным языка, фольклора и этнографии. С этой темой мне бы и хотелось стать сотрудником Института». Резолюция на заявлении гласит: «Зачислить Г.М.Василевич на должность старшего научного сотрудника Отдела Сибири с 10 апреля с окладом 1700 рублей»⁵⁵. Так на всю последующую жизнь определяется судьба Глафиры Макарьевны: отныне до самых последних дней, без малого тридцать лет, ее творчество будет связано в первую очередь с изучением этнографии и работой в ИЭ, хотя занятия лингвистикой она не оставляла никогда.

12 июля 1942 г., уже после смерти матери, Глафира Макарьевна эвакуируется вместе с Институтом в Казань, а затем в сентябре — в Ташкент, где и находится до марта 1944 г.⁵⁶ Несмотря на ухудшение здоровья после тяжелых месяцев блокады и неустроенность быта, Василевич продолжает интенсивно работать. Сохранилась выписка из приказа по Институту от 8 ноября 1943 г. (г. Ташкент) о премировании за успешную работу в 1943 г. (перевыполнение производственного плана, выполнение внеплановых работ и заданий) старшего научного сотрудника Василевич в размере двухнедельного оклада⁵⁷. В 1944 г. она завершает работу «Религиозные представления и действия эвенков» (5 а. л.)⁵⁸. Но ее главная задача — подготовить фундаментальный труд «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов».

В марте 1944 г. Василевич специальным приказом Народного комиссариата просвещения вызывают из Ташкента в Москву в

командировку на полтора месяца «для работ над учебниками для народов Крайнего Севера». Затем ее командировку еще дважды продлевают, как сказано в приказе, «для окончания работы над учебником для эвенкийских школ»⁵⁹. В июне 1944 г. Василевич возвращается в полностью освобожденный от блокады Ленинград и приступает к своим основным обязанностям в Отделе Сибири МАЭ. С этого времени подавляющее большинство ее работ посвящено проблемам этнографии и опубликовано в различных изданиях Института. Однако публикации первого послевоенного времени (1945—1948) еще содержат в значительной степени сравнительный языковой материал, и все они написаны как бы на стыке лингвистики и этнографии. Очевидно, в этом сказывалась не только профессиональная подготовка в области языкознания, но и то, что основной исследовательской темой Глафиры Макарьевны в предшествующий военный период были «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». Этот огромный труд (30 а. л.) — первая часть задуманного фундаментального исследования — был завершен в 1945 г., но лежал в архиве, поэтому она начала публиковать выдержки из отдельных глав. Названия этих работ говорят сами за себя: «Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов», «Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы». Был напечатан также автореферат монографии⁶⁰. Признанием научной значимости этих публикаций для этнографического сибиреведения можно считать то, что в 1947 г. Василевич было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Этнография»⁶¹. Таким образом, она впервые получает официальное подтверждение своей профессиональной деятельности в качестве этнографа.

В течение 1946 г. Глафира Макарьевна продолжает работать над проблемой тунгусского этногенеза, особое внимание уделяя фольклорным материалам. К концу года она завершает этот труд объемом около 20 а. л.⁶², включающий разделы по этнонимике, межплеменным отношениям, отраженным в фольклоре, а также представлениям о вселенной и окружающей природе. Однако, как и «Материалы языка», эта работа находится в архиве, и лишь некоторые выщержки из ее глав были опубликованы со временем в виде отдельных статей⁶³.

В 1948 г. увидели свет две большие лингвистические работы, подготовленные Василевич еще перед войной: «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка», еще в 1941 г. подписанные к печати, а также «Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь»⁶⁴, содержащий около 20 тыс. слов, над которым Глафира Макарьевна работала также с конца 30-х годов. До 1951 г. Васи-

левич продолжает участвовать в работе по изданию учебников для эвенкийской начальной школы⁶⁵.

И все же основной деятельностью Глафиры Макарьевны в 1947—1948 гг. было проведение двух длительных, общей продолжительностью более года, стационарных экспедиций в южные районы Якутии и Хабаровского края, в течение которых планировалось собрать недостающие материалы по всем основным группам восточного ареала расселения эвенков. Изучение этого региона было связано с продолжением работы над проблемой тунгусского этногенеза. Выехав из Ленинграда в конце марта 1947 г., Василевич вернулась домой только в феврале 1948 г. Маршрут экспедиции был окончательно выработан в Якутске, он включал четыре административных района — Тимптонский и Учурский в Якутии и Джелтулакский и Зейско-Учурский в соседней Амурской (бывшей Читинской) области. Местные эвенки были сосредоточены здесь в нескольких охотничье-оленоводческих колхозах, в небольших таежных поселках. Чтобы добраться до каждого пункта, нужно было ехать десятки километров (например, до Сутамского колхоза 350 км) по тайге, где основным средством передвижения являлся олень. Поэтому Василевич пришлось преодолеть по тайге свыше 1500 км верхом на оленях в летне-осенний период и около 1000 км на нартах зимой⁶⁶.

В феврале 1948 г. Глафира Макарьевна на несколько месяцев вернулась в Ленинград, но уже летом она вновь в экспедиции. На этот раз в район своих исследований она добиралась через Хабаровск, а оттуда — к верховьям рек Урми, Амгуни и притокам Буреи в Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах. В ноябре Василевич заканчивает экспедицию и приступает к интенсивной обработке собранных материалов. Это не только записи по этнографии, языку и фольклору, но также отснятые фото пленки и три новые коллекции примерно из 150 предметов, содержащие деревянные и берестяные игрушки, а также традиционные орнаменты и трафареты⁶⁷.

Но главное — теперь, после более чем года полевых исследований, она может снова заняться написанием статей. Работает упорно и продуктивно. В результате 1949 год ознаменован выходом восьми новых публикаций на самые разнообразные темы. Это и полевые материалы, причем не только последней поездки⁶⁸, но также и двадцатилетней давности, привезенные еще в 1930 г. от сымских эвенков⁶⁹, большое сравнительное исследование по одному из элементов одежды у народов Сибири⁷⁰, новое блестящее использование лингвистических материалов в решении этнографических проблем⁷¹, работы историко-этнографического плана⁷². Кроме того, еще не было опубликовано, но уже

завершено и принято к печати такое крупное исследование, как глава «Эвенки» (объемом 5 а. л.) для готовящегося тома «Народы Сибири» в академической серии «Народы мира»⁷³.

Продолжением этого плодотворного научного взлета стали и работы, вышедшие в 1950—1951 г. Наибольший интерес среди них представляют две, о которых необходимо сказать подробнее. Это, во-первых, большая статья об олимпийских эвенках, написанная на основе предметной коллекции В.Н.Васильева, — прекрасный пример использования музейных материалов в качестве этнографического источника⁷⁴ — и, во-вторых, написанная в соавторстве с М.Г.Левиным и получившая большую известность работа «Типы оленеводства и их происхождение»⁷⁵, которая составила важный этап в исследовании одной из сложнейших тем сибиреведения, связанной с возникновением самого распространенного в Северной Азии вида кочевого хозяйства.

Все это убедительно показывает, что в конце 40-х — начале 50-х годов Василевич переживала настоящий творческий подъем. Новые интересные публикации говорили о ее высоком научном профессионализме, размах работ свидетельствовал об огромной исследовательской работоспособности и самоотдаче. Однако опубликованные работы составляли лишь часть того, что было написано Глафирой Макарьевной в этот период. Самое значительное, над чем она неустанно трудилась, еще только готовилось к печати. Это было завершение рукописи «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов», ее главного детища на протяжении последних десяти лет. Исследование состояло из трех частей, первая из которых, как уже упоминалось, — «Материалы языка» — была написана в годы войны и закончена в 1945 г. Вторую часть — «Материалы фольклора» (около 20 а. л.) — Василевич завершила в 1946 г. и вслед за этим сразу принялась за работу над третьей частью, посвященной этнографии. При этом она упорно дорабатывала уже написанное по языку и фольклору, постоянно внося туда дополнения и новые материалы, собранные в последних экспедициях. В то же время она стремилась уменьшить общий листаж, понимая, что издавать рукопись столь колоссального объема было совершенно нереально. Работа шла с фантастическим напряжением сил. По воспоминаниям людей, хорошо знавших Глафиру Макарьевну, она всегда отличалась исключительным трудолюбием и работоспособностью, проводя за письменным столом ежедневно не менее 12 часов, а в случае «срочной» работы и по 18 часов⁷⁶. Благодаря этому к началу 50-х годов исследование было завершено. Теперь оно составляло в общей сложности 50 а. л., из которых самой значительной частью по-прежнему ос-

тавались «Материалы языка», сокращенные до 28 а. л. «Материалы фольклора» насчитывали 13 а. л. и «Материалы этнографии» — более 9 а. л. Последние представляли собой пять глав, посвященных соответственно оленеводству, охоте, жилищу, одежде и колыбели. Каждая из глав была написана на широком сравнительном материале, привлечение которого позволило Василевич наметить время появления того или иного элемента культуры.

Такое фундаментальное комплексное исследование, без сомнения, должно было стать крупным событием в развитии тунгусоведения, представляя значительный шаг вперед и в лингвистическом, и в этнографическом аспектах. Каждая из трех больших частей этой колоссальной работы могла быть представлена в виде докторской диссертации, не говоря уже об исследовании в целом, и, по-видимому, Глафира Макарьевна предполагала заняться подготовкой к защите докторской. Во всяком случае, среди ее бумаг и документов, сохранившихся в Отделе Сибири МАЭ, есть свидетельства, подтверждающие это. Однако жизнь распорядилась иначе. 8 апреля 1952 г. Василевич была арестована и осуждена по ст. 58. Ее обвинили в том, что она «<...> в период с 1930—1939 гг. и с 1946 по 1951 г. в издаваемой учебной, художественной литературе на эвенкийском языке и научных статьях допускала искажения политического характера, протаскивала реакционные теории о языке, вульгаризировала в грубой натуралистической форме словари <...> В письме к одному из депутатов Верховного Совета РСФСР и в конспекте "Марксизм и национальный вопрос" клеветала на национальную политику КПСС и Советской власти»⁷⁷. Три месяца Василевич находилась под следствием, которое к началу июля признало ее виновной в преступлении, предусмотренном ст. 58—10, ч. 1 УК РСФСР. По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 12 июля 1952 г. она была приговорена к лишению свободы на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет и лишена медалей «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁷⁸. Но уже за месяц до этого, 9 июня, она была отчислена из штата ИЭ и ее личное дело передано в Архив Академии наук СССР⁷⁹.

Не согласившись с вопиюще несправедливым судебным решением, Глафира Макарьевна подала кассационную жалобу, однако определением Верховного Суда РСФСР от 19 августа 1952 г. эта жалоба была оставлена без удовлетворения⁸⁰. Так ставшая без вины виноватой известная, заслуженная, уже не очень молодая (57 лет) исследовательница была лишена всех прав и отправлена на 10 лет отбывать наказание в исправительно-трудовых лагерях. Неизвестно, как сложилась бы ее дальнейшая судьба, не исклю-

чено, что и трагически, если бы не два обстоятельства, которые можно назвать огромным везением. Во-первых, Василевич отправили не в суровую Воркуту или Колыму, а в Молотовскую (ныне Пермскую) область, местность с более мягким климатом, не столь губительным для здоровья в сравнении с Крайним Севером. И во-вторых, что самое главное, она была осуждена не в 1937, а в 1952 г., т.е. за год до смерти Сталина. Поэтому, к счастью, ей пришлось отсидеть не полный срок, а «всего лишь» три года. Появившийся уже 27 марта 1953 г. Указ «Об амнистии» давал надежду на скорейшее освобождение.

Однако реально Василевич отбывала наказание в местах лишения свободы еще полтора года, пока по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР от 30 июня 1955 г. она не была освобождена 18 июля 1955 г. «со снятием судимости». Получив билет на проезд, деньги на питание в пути, продовольствие на трое суток и поставив на справке № 0000736 расписку освобожденного, она последовала «к избранному месту жительства г. Ленинград»⁸¹.

Сразу по прибытии она обращается в Институт на старое место работы, 5 августа получает свою сланную три года назад в архив трудовую книжку⁸² и с 1 октября 1955 г., едва отдохнув от пережитых потрясений, приступает к нормальной трудовой деятельности в своей прежней должности старшего научного сотрудника Отдела Сибири. Наступает новый этап ее жизни и творчества. Ей 60 лет, и, несмотря на все испытания, еще есть здоровье и силы для продолжения любимой работы. Полтора десятка лет будет отпущено судьбой на новые исследования, которые стали замечательным венцом ее творческого пути. И, по отзывам сотрудников, работавших в то время рядом с Василевич, «она никогда в разговорах не возвращалась к теме несправедливого суда и наказания» и «в ее поведении не было нисколько озлобленности»⁸³. Как пишет Ж.К.Лебедева, близко соприкасавшаяся с Василевич в последние годы ее жизни, она не помнит, «чтобы Глафира Макарьевна когда-либо вспоминала горькое лагерное бытие, которое она достойно перенесла, оставшись выдержанной, доброжелательной, сохранив любознательность и любопытство к миру. В середине 60-х годов еще живы были "герои" драматических событий, по чьей вине, в том числе доносам, была оговорена и осуждена Глафира Макарьевна <...> Однажды я имела неосторожность отозваться нелестно в один адрес, на что тут же, бросив суровый взгляд, она отреагировала: "Ты не вправе кого-либо осуждать!"»⁸⁴.

В 1956 г., после четырехлетнего перерыва в публикациях, в томе «Народы Сибири» (серия «Народы мира») была напечатана

завершенная Глафирой Макарьевной еще до заключения глава «Эвенки». Несмотря на существенное сокращение — с пяти до трех авторских листов, — это было хорошее продолжение трагически прерванной работы. Участие в таком крупном коллективном издании ИЭ, получившем мировую известность и опубликованном вскоре в США на английском языке, стало важной вехой в научной биографии Василевич. Она снова в работе, у нее много творческих планов, нужно спешить наверстать упущенное, не по своей вине потерянное время.

И прежде всего ей хотелось издать то, что уже давно было готово и более десятка лет пылилось на полках архива. Она вновь обращается к этим рукописям, дорабатывает и частично сокращает их до более компактного издательского объема. В результате одна из таких работ, завершенная еще в 1944 г., вышла наконец в 1957 г. под названием «Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков»⁸⁵. Эта публикация стала несомненной творческой удачей. Написанная целиком на основе собственных полевых материалов, собранных у разных групп эвенков в экспедициях 1929, 1930, 1935—1936 и 1947—1948 гг., эта большая статья вводила в научный оборот очень интересные, до того неизвестные или малоизвестные данные об обрядовой стороне культуры эвенков. Ритуалы добывания охотничьего счастья, посвящения оленя, медвежьих церемонии впервые были рассмотрены достаточно подробно и глубоко. Здесь же был впервые описан уникальный обряд *икэшипкэ* — «обновления жизни», который Василевич наблюдала у сымских эвенков в 1930 г.

Кроме того, Глафира Макарьевна не оставляла надежды на издание «Материалов языка к проблеме этногенеза тунгусов». Эту идею поддерживали известные лингвисты, занимавшиеся проблемами алтаистики. Известны, например, положительные отзывы на данную работу профессоров В.И.Цинциус и А.Н.Кононова. В связи с тем что в 1960 г. в Ленинграде планировалось проведение 25-го Международного конгресса востоковедов, они писали в 1958 г., что «желательно скорейшее опубликование интересного по широте постановки вопросов этногенеза по данным языка труда Г.М.Василевич, тем более что в области алтаистики за последние годы не было сколько-нибудь значительных публикаций такого охвата»⁸⁶. К сожалению, несмотря на все усилия, этот труд так и не был опубликован и лишь незначительная его часть вошла в отдельные публикации⁸⁷.

Более удачно складывалась судьба лексикографических работ Василевич, что, очевидно, объяснялось лучшим финансированием Государственного издательства иностранных и национальных словарей. Очередной Эвенкийско-русский словарь, подготов-

ленный Глафирой Макарьевной и увидевший свет в этом издательстве в 1958 г., стал ее последней крупной работой в области языкознания. Он включал около 25 тыс. слов, составляя 60 а. л. Это был самый большой словарь, созданный Василевич, пятый по счету (после двух эвенкийско-русских и двух русско-эвенкийских словарей), завершающий начатую ею выпуском в 1934 г. небольшого диалектологического словаря огромную работу в области лексикографии. К словарю прилагался грамматический очерк эвенкийского литературного языка с характеристикой диалектов и карта, показывающая их распространение. Выход столь крупного словарного издания был высоко оценен специалистами, в том числе и за рубежом, о чем свидетельствуют отзывы таких известных исследователей в области алтаистики, как К. Менгес, И. Бенциг, О. Прицак⁸⁸. Словарь стал ценнейшим пособием не только для лингвистов и переводчиков, он незаменим также и для этнографов, которые опираются на его материалы как на надежный научный источник, помогающий в изучении того или иного явления культуры и истории эвенков.

И все-таки главным содержанием деятельности Глафиры Макарьевны остается этнография. Она активно включается в работу Отдела Сибири и участвует во всех крупнейших изданиях ИЭ. Ее статьи начинают ежегодно выходить в «Сборниках МАЭ», «Трудах» и «Кратких сообщениях» Института, в журнале «Советская этнография». Каждая новая тема, разрабатываемая Василевич, затрагивает важную исследовательскую проблему и содержит интересный сравнительный материал. В конце 50-х годов ее привлекают данные по одежде и колыбели, в обращении к которым она видит хорошую научную перспективу. В 1957—1958 гг. выходят две первые работы, освещающие эти сюжеты: «К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей)» и «Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения)»⁸⁹. Обе написаны в этногенетическом аспекте, который по-прежнему более всего интересует исследователя. Немного позднее, в начале 60-х годов, выйдут еще две значительные публикации, продолжающие разработку этой тематики на широком сибирском материале, — «Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров)» и «Типы обуви народов Сибири»⁹⁰. И в каждой публикации Василевич выступала научным первопроходцем, поднимавшим тяжелую исследовательскую целину. Свежая мысль, новизна подходов, никаких банальностей или повторов уже написанного до нее. Во всем сказывается пылкий ум, великолепное владение материалом и прекрасная базовая подготовка, основы которой были заложены еще в студенческие годы в школе Л.Я.Штернберга и В.Г.Богоразы, а

затем развиты в период преподавания этнографии в Ленинградском университете и во время продолжительной работы в «поле».

В это же время Василевич приступает к написанию своего основного этнографического труда — монографии «Эвенки». Эта работа проходит по плану Отдела Сибири в 1958—1960 г. Всего за три года огромная рукопись была завершена, обсуждена в Отделе и представлена Ученым советом Ленинградской части ИЭ на Совет ИЭ в Москву. Почти 500 страниц текста, 110 фотографий и рисунков, 8 карт-схем и приложение «Список родовых названий, записанных в XVII—XX вв., и их распространение» — общий объем 35 а. л. К величайшему сожалению, эта интереснейшая работа, представляющая собой первое крупное этнографическое исследование истории и культуры эвенков, увидела свет только в 1969 г., притом в значительно сокращенном, урезанном виде. Был сильно уменьшен иллюстративный материал, пострадали главы исторического характера и разделы по традиционной культуре, наконец, была совсем выброшена последняя, третья часть, в которой рассматривалась история советского кооперативного и культурного строительства. Такое сокращение не могло не отразиться на качестве исторической части и главах по традиционной культуре, что в значительной степени исказило первоначальное содержание работы и сыграло основную роль в том, что монография «Эвенки», как отмечалось выше, после выхода в свет наряду с положительными отзывами вызвала также и нелестную критику.

Что касается последней части исследования, посвященной советскому периоду истории эвенков, то она так и осталась неопубликованной, хотя Глафира Макарьевна вложила в ее написание огромный труд, связанный с собиранием необходимых материалов, с их обработкой, анализом, научной интерпретацией. О том, насколько серьезно готовила Василевич эту часть монографии, говорит тот факт, что во время написания книги она дважды, в 1959 и 1960 г., специально выезжала в «поле», чтобы на месте познакомиться с происходящими изменениями и довести исследование до самого последнего времени. Первая из этих экспедиций была предпринята в Катангский район Иркутской области, в район верхнего течения Нижней Тунгуски. Эта поездка, в которой Г.М.Василевич работала совместно с двумя московскими коллегами — этнографом Ю.Б.Стракачом и антропологом Ю.Г.Рычковым, состоялась в июне—августе 1959 г. А спустя год, летом 1960 г., Глафира Макарьевна побывала в Эвенкийском национальном округе, где она работала вместе с фотографом и посетила пять эвенкийских колхозов в Байкитском и Илимпейском районах.

В обеих экспедициях ей удалось собрать прекрасные полевые материалы, по которым были представлены научные отчеты и докладные записки. Что касается публикаций, то эти материалы были предназначены для использования в последней части монографии и поэтому к отдельному выходу не готовились. Лишь одна статья, посвященная традиционному и современному быту эвенков Катангского района, была опубликована в «Трудах» ИЭ в 1962 г.⁹¹. Все остальное осталось лежать в архиве.

Глафире Макарьевне не суждено было увидеть опубликованной еще одну работу — «Заселение эвенками енисейской тайги» (4,5 а. л.), которая была написана в 1961 г. на основе литературных, архивных и полевых источников XVIII—XX вв. Она вышла уже посмертно в сборнике, посвященном ее памяти⁹².

Однако не все было так безнадежно. И если большие рукописи годами ожидали своего выхода в свет, то работы меньшего объема имели вполне благополучную судьбу. А Василевич благодаря своей целеустремленности и потрясающей работоспособности успевала писать и «в стол», и для издания. Так, в 1961 г. было опубликовано уникальное фундаментальное издание ленинградских этнографов-сибиреведов «Историко-этнографический атлас Сибири», в котором перу Василевич (совместно с М.Г.Левиным) принадлежал раздел «Оленный транспорт» — большая яркая работа, продолжившая изучение северного оленеводства, начатое этими исследователями в 1951 г. Через несколько лет Г.М.Василевич подготовит новую разработку темы оленеводства, на этот раз на тунгусском материале, и представит ее в виде доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, проходившем в 1964 г. в Москве⁹³.

С конца 1950-х годов начинается еще одна страница творческой биографии Василевич, связанная с ее участием в организации исследований эвенкийского языка и фольклора в Якутском институте языка, литературы и истории. Эта работа, проводившаяся якутскими лингвистами А.В.Романовой и А.Н.Мыреевой под непосредственным руководством Василевич, продолжалась более десяти лет, до самой смерти Глафиры Макарьевны. Результатом этой совместной деятельности явился выпуск четырех крупных изданий по языку и фольклору эвенков Якутии, каждый из которых выходил с предисловием Василевич и под ее общей редакцией⁹⁴. Благодаря такому тесному сотрудничеству у Василевич сложились очень теплые взаимоотношения с коллегами из Якутска, и ее помощь и забота об их научной деятельности выразилась впоследствии в том, что она завещала свою личную библиотеку, включавшую работы многих известных этнографов, историков, лингвистов, а также 15 фотоальбомов о результа-

Г.М.Василевич. 60-е годы

тах своих экспедиционных поездок к эвенкам (1925—1969) Якутской республиканской библиотеке им. А.С.Пушкина⁹⁵.

В 1962 г. Глафира Макарьевна выполняет новую крупную работу, обработав и подготовив к изданию тексты исторического фольклора эвенков (сказания и предания), которые она собирала во время своих экспедиционных исследований в течение 25 лет, начиная с 1935 г. по 1960 г. Теперь она сделала к ним литературный перевод и написала введение и научный комментарий. В 1966 г. этот огромный труд объемом 31,5 а. л. — работа, достойная целого коллектива исследователей, — вышел из печати под названием «Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания». Трудно переоценить значение этого великолепного издания, содержащего в общей сложности 63 текста героических сказаний и преданий. Выдающийся исследователь фольклора Б.Н.Путилов охарактеризовал эту книгу как «фундаментальный научный свод произведений этого жанра <...> отражающих эпический репертуар всех основных групп эвенков <...> Запись, перевод и двуязычная публикация текстов осуществлены на высоком филологическом уровне и в соответствии с современными требованиями фольклорной текстологии. Это позволяет фольклористам, не владеющим тунгусскими языками, пользоваться

книгой как надежным источником и привлекать опубликованные в ней тексты для историко-филологических исследований»⁹⁶.

Еще более важен этот сборник для тунгусоведов лингвистов и этнографов. Все тексты опубликованы на диалектах исполнителей и сопровождаются не только переводами, но и обстоятельными историческими комментариями, содержащими множество сведений по истории эвенков, их быту, верованиям, космогонии, шаманским представлениям и т.д.

Издание «Исторического фольклора эвенков», получившее большой научный резонанс, сыграло немаловажную роль в том, что примерно с середины 60-х годов для Василевич наступает новый этап ее творческого пути. Она уже давно хорошо известна в мире науки и у себя на родине, и за рубежом. Ее называют крупнейшим тунгусоведом, созданные ею труды пользуются всеобщим признанием и входят в основной фонд исследований по этой тематике; широтой своих научных интересов, в равной степени включающих этнографию, фольклористику и языкознание, она выделяется среди всех других тунгусоведов. К ней обращаются за консультациями из центральных и сибирских научных учреждений, приезжают коллеги из-за границы. Каждый год выходят новые интересные публикации, многие из них издаются за рубежом⁹⁷. И в то же время Г.М.Василевич не являлась доктором наук, хотя для многих было совершенно бесспорным, что она уже давно заслуживала присуждения этого звания, причем в области как исторических, так и филологических наук (по отзыву В.И.Цинциус в ноябре 1967 г.)⁹⁸.

Ситуация начинает меняться в 1967 г., после того как в печать была наконец сдана монография «Эвенки», написанная Г.М.Василевич уже более пяти лет назад. И почти вслед за этим Сектор Сибири Ленинградской части ИЭ обратился в дирекцию Института с просьбой ходатайствовать перед Всесоюзной аттестационной комиссией (ВАК) о присвоении Василевич ученой степени доктора исторических наук по совокупности работ. Дирекция и Ученый совет Института поддержали эту инициативу и после прохождения необходимых процедур Президиум ВАК постановлением от 19 июля 1968 г. разрешил Василевич представить к защите вместо докторской диссертации совокупность выполненных и опубликованных работ.

Глафира Макарьевна по опубликованным работам готовит в качестве автореферата доклад «Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков)» и 12 декабря 1968 г. на заседании Ученого совета ИЭ в Москве успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, утвержденную решением ВАК СССР 16 мая 1969 г.⁹⁹.

Официальными оппонентами на защите выступали такие известные исследователи, как С.А.Токарев (отзыв этнографа), К.В.Чистов (отзыв фольклориста) и В.И.Цинциус (отзыв лингвиста). Все они дали работам Василевич самую высокую оценку, и некоторые краткие выдержки из их выступлений хотелось бы здесь привести:

«Объем и высокое качество работ Г.М.Василевич с избытком превышает ту норму научных заслуг, которая дает человеку право на присуждение ученой степени доктора исторических наук» (С.А.Токарев).

«Если бы Г.М.Василевич претендовала на степень доктора исторических наук как фольклорист, если бы даже ее лингвистических и этнографических работ не существовало, она имела бы бесспорное право на это. И в этом случае сегодняшняя защита была бы формальным выражением того признания, которое давно заслужили ее работы по фольклору эвенков» (К.В.Чистов)¹⁰⁰.

Вернувшись после успешной защиты домой, в Ленинград, Василевич сразу без всякой передышки включается в свой обычный трудовой ритм. Уже ровно через неделю, 17 декабря 1968 г., на заседании Сектора Сибири вновь обсуждается ее работа «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов». Рукопись представлена теперь в значительно переработанном и сильно сокращенном виде, что было сделано в основном за счет этнографической части, так как монография «Эвенки» уже находилась в печати. Теперь «Материалы» составляли вместе с иллюстрациями 29 а. л. Решением Сектора, принятым совместно с тремя независимыми рецензентами, которыми являлись такие авторитетные исследователи, как А.П.Окладников, Б.Н.Путилов и В.И.Цинциус, работа Василевич была рекомендована для утверждения к печати и введения ее в издательский план Института¹⁰¹. В очередной раз появилась надежда, что рукопись удастся опубликовать, но, к сожалению, ей не суждено было сбыться, и лишь отдельные разделы, прежде всего из фольклорной части, увидели свет в последние годы жизни Василевич, а также были изданы посмертно¹⁰².

Последним изданием в ряду крупных монографических работ Глафиры Макарьевны стала, как уже отмечалось, книга «Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.)». Это была первая и до сих пор единственная обобщающая работа по этнографии эвенков, дающая глубокое и целостное представление об их истории, культуре, хозяйстве, социальном устройстве и мировоззрении. Книга, ставшая своего рода энциклопедией жизни эвенков, вышла в 1969 г., за два года до смерти Глафиры Макарьевны, подведя определенный итог ее этнографическим исследованиям.

В том же году состоялась и последняя экспедиция Василевич. Несмотря на солидный возраст — 74 года, она еще раз побывала на юге Якутии и в Амурской области, посетив эвенкийские поселки Первомайский, Тында и Золотинка, где до этого работала в 1947 г.

В поселке Иенгра, как теперь называется бывшая Золотинка, Василевич хорошо помнят и по сей день. Летом 2000 г., находясь там в экспедиции, мы смогли в этом убедиться сами. Правда, уже не осталось стариков, с которыми Глафира Макарьевна работала, собирая полевые материалы, но местные жители с большим уважением отзываются о ней, зная, что она написала об эвенках много книг, а также учебников по языку и прекрасно сама говорила по-эвенкийски. В 1995 г., когда отмечали 100-летний юбилей Василевич, средней школе-интернату в Иенгре было присвоено ее имя. Там висит теперь большая фотография Глафиры Макарьевны, есть уголок ее памяти, и школьники знают, почему она так знаменита в народе.

Имя Василевич среди эвенков известно повсюду, и, бывая в разных местах, всегда убеждаешься в этом. Представители интеллигенции — учителя, работники культуры — часто просят прислать ее книги, что трудно сделать, так как они давно уже стали библиографической редкостью. Старики нередко сами делятся воспоминаниями о ней — своими собственными или услышанными от кого-то. Ее называли «эвенка из Ленинграда» за то, что она говорила по-эвенкийски как на родном языке. «Красивая, смелая такая, шутница. Лучше эвенка по-нашему лопочет». Некоторые истории о ней приобрели легендарный характер, как, например, та, что рассказывает о ее встрече с медведем, которого она застрелила. «Вот это девушка была! Энгэси у нее имя теперь»¹⁰³. Энгэси по-эвенкийски значит «сильная» — так удивительно точно в одном слове выразили эвенки суть ее характера, благодаря которому она справлялась с любыми сложностями, каких бы сторон жизни они ни касались.

Рано начав трудиться, Глафира Макарьевна всегда отличалась огромной работоспособностью и безграничной преданностью избранному делу. Могла работать в любых условиях, будь то экспедиционная неустроенность, тяготы войны в блокаду и эвакуацию, не слишком благоустроенное собственное жилье (эта проблема возникла в результате ее необоснованного осуждения). Лишь в самые последние годы жизни она вступила в жилищный кооператив. Как вспоминает Ж.К.Лебедева, «Глафиру Макарьевну никогда не занимали бытовые вопросы. Она жила в достаточно скромных условиях, никого не обременяя своими проблемами личного характера. У нее не было семьи, не было своей квар-

тиры, и личная сторона ее жизни была закрыта для других. Пройдя трехлетний лагерный путь в Молотовской области, она вернулась в Ленинград, где ее приютила в своей квартире подруга по Петровской женской гимназии, которую Глафира Макарьевна закончила в 1912 г.»¹⁰⁴.

Надо полагать, что и тяжелейший лагерный период, на три года отнявший у нее свободу и любимую работу, не смог лишить ее возможности размышлять, думать о науке, строить планы будущих исследований. Такого же отношения к науке она требовала от своих учеников. Вновь обратимся к воспоминаниям Ж.К.Лебедевой, которая познакомилась с Василевич в августе 1967 г. Вначале она показалась ей «суровым, немногословным и чрезвычайно требовательным человеком. Помню, пришел срок утверждения плана-проекта диссертации, и Глафира Макарьевна пригласила для собеседования со мной Б.Н.Путилова. У меня до сих пор сохранился черновик этого проекта с пометками, где ее рукой внесено, в частности, слово-добавление — "целомудренная". По-видимому, она считала его принципиально важным для характеристики эпической героини. Это не случайное вкрапление в портретную ткань богатырши раскрывает нравственный мир самой Глафиры Макарьевны. Она заботилась о моей научной подготовке и тогда, когда отправлялась на отдых, который, как правило, проводила в туристических поездках и экскурсиях. Иногда от нее приходили письма делового содержания, но в них сквозила нежная забота учителя. В конце, прощаясь, непременно делала приписку типа: "Работай, помни, что отдых тебе не положен". Часто, часов в десять вечера, она звонила в аспирантское общежитие и говорила коротко: "Я завершила свои дела, приезжай сейчас со своими записями". В воскресные зимние дни, вернувшись с лыжных прогулок, приглашала на обед с последующей консультацией и просила дать очередной фрагмент рукописи диссертации»¹⁰⁵.

Сила характера Василевич проявлялась и в особой научной честности, когда ни в одной из своих работ она не допустила ни оголтелой критики шаманства, ни пафосного восхваления ленинской национальной политики, а всегда писала только то, что имело непосредственное отношение к исследованию. И даже после тяжелых испытаний в лагере она не потеряла этой подлинной свободы научного мышления, на которую способен, к сожалению, далеко не каждый ученый, особенно в гуманитарной, т.е. наиболее идеологизированной, области науки. Об этом говорят ее полевые отчеты, написанные по результатам последних экспедиционных поездок 1959, 1960 и 1969 гг., а также докладные записки, которые подавались тогда после экспедиций в

органы власти. В них по-прежнему нет ни украшательства, ни стремления камуфлировать ситуацию, а написано то, что действительно беспокоит исследователя, который видит, что в обустройстве жизни на Севере далеко не все делается правильно. Так до самых последних лет она сохраняла удивительную силу духа и способность отстаивать свое научное мнение, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

Такой Василевич и ушла из жизни 22 апреля 1971 г. Она умерла после тяжелой неизлечимой болезни, которая внезапно обрушилась на нее и за четыре месяца привела к неизбежному трагическому исходу. «Мы все видели, — вспоминает Ж.К.Лебедева, — как она боролась с тяжелым недугом. Обычно перед обедом Глафира Макарьевна, даже в непогоду, преодолевая мучительные боли, непременно выходила на прогулку. Надо заметить, что, несмотря на ее строгий, даже суровый внешний вид в больничных условиях, она казалась беззащитной и с какой-то детской послушностью выполняла все предписания врачей. За неделю до ухода из жизни мы с сотрудниками Сектора Сибири пришли ее навестить. В тот день была Пасха, и В.П.Дьяконова принесла кулич и клюквенный кисель. Силы уже покидали ее, она стала путать наши имена. Мы поняли, что в последний раз слышим ее живой голос и ловим ее взор, обращенный к нам с благодарностью. В последнее, роковое утро я пришла к ней, чтобы облегчить ее страдания, и вдруг увидела совершенно другую Глафиру Макарьевну. Она обратилась ко мне с просьбой приготовить уху из свежей рыбы и, как прежде, поинтересовалась моими аспирантскими делами, почему-то при этом сказав, чтобы впредь я обращалась за консультациями к Б.Н.Путилову. К 12.30 я вернулась с выполненной просьбой, но ее уже в палате не было. На тумбочке стояла пасха и церковная свеча»¹⁰⁶.

Глафире Макарьевне было 76 лет, когда она умерла. Она успела сделать так много, что кажется, будто работал не один человек, а целый научный коллектив. Ее труды, охватывающие практически все стороны жизни эвенков, включая их язык, культуру и историю, внесли огромный вклад не только в область историко-этнографического и историко-лингвистического изучения народов Сибири, но и в отечественную этнографию в целом. Впечатляет уже одно только простое перечисление наиболее глобальных разработанных Василевич исследовательских направлений. Это проблемы этногенеза и классификации тунгусо-маньчжурских языков, эволюция хозяйства (включая происхождение оленеводства) и традиционного мировоззрения — от самых ранних космогонических представлений до развитого шаманства, историческая специфика фольклорных сюжетов, и такой акту-

альный для исследований эвенков аспект, как соотношение общего и регионального в их культуре, формирование отдельных элементов в одежде (кафтан, нагрудник, типы обуви), транспорте (лыжи, лодки, нарты), хозяйственно-бытовом укладе (жилище, колыбель), и сложение традиционной культуры эвенков в целом, наконец, общественный строй и развитие этноса в XX столетии. Широкий круг проблем, но на первом плане для Василевич всегда были вопросы этногенеза и этнической истории тунгусоязычных народов, составившие самостоятельную и чрезвычайно важную область ее научных исследований.

С самого начала проблема этногенеза была поставлена Василевич очень широко, в тесной связи с чрезвычайно сложной группой вопросов по истории заселения Северной Азии и происхождения монголоязычных, тюркоязычных и других, вплоть до индоевропейских, народов. Ее концепция сразу строилась на очень смелых выводах о последовательных стадиях языкового развития на территории Сибири и шире — Евразии и затем постепенно за годы упорного исследовательского труда совершенствовалась и уточнялась на основе всех имеющихся источников, главным из которых наряду с лингвистикой стал этнографический, этнонимический и фольклорный материал с привлечением также археологии и антропологии. Все работы Василевич по проблемам эвенкийского этногенеза отличаются комплексным лингвистико-этнографо-фольклористическим подходом, и в этом отношении еще никто не сделал больше, чем она, хотя в последние десятилетия появились новые имена и новые труды в области тунгусоведения.

Конечно, Василевич удалось решить не все проблемы. Они настолько сложны, что научные споры вокруг многих из них продолжаются и поныне, спустя 30 лет после ухода Глафиры Макарьевны. Однако ее концепция этногенеза до сих пор является основной, и лишь время от времени в нее вносятся некоторые уточнения. Не потеряли своего значения и разработанные Глафирой Макарьевной вопросы формирования эвенкийской этнической культуры. Региональные же исследования, проведенные Г.М.Василевич практически по всем группам эвенкийского этноса, стали надежной основой для дальнейшего развития тунгусоведения. Особую актуальность приобрели в последнее время ее изыскания в области шаманства, верований, пространственных представлений, а также социальной организации эвенков. Статьи Василевич по этой тематике, в том числе и самые последние, изданные уже посмертно¹⁰⁷, имеют огромное значение для понимания сложнейших процессов развития традиционного мировоззрения и общественного устройства.

Невозможно переоценить вклад Глафиры Макарьевны в тунгусоведение и сибиреведческую науку в целом. Своими трудами она не только кардинально продвинула эти исследования, но и создала прочный фундамент для их плодотворного продолжения.

¹ О несомненном признании на родине говорит тот факт, что последние 30 лет своей жизни Г.М.Василевич работала в ведущем этнографическом центре страны — Институте этнографии Академии наук СССР, где она занимала должность старшего научного сотрудника Отдела (на протяжении ряда лет — Сектора) Сибири. Была доктором исторических наук, автором более 200 публикаций, участвовала в международных научных симпозиумах, имела государственные награды. О широкой известности исследований Василевич за рубежом свидетельствуют опубликованные там положительные отзывы на ее работы, например: *Jettmar K.* Zum Problem der tungusischen 'Urheimat'. — *Kultur und Sprache*. 1952, Jg. IX, S. 488—489, 498—500; *он же.* Zu den Anfängen der Rentierzucht. — *Anthropos*. 1952, Bd. 47, S. 739—755, *Menges K.* Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen — *Anthropos*. 1965, Bd. 60, S. 591—608.

² *Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы. — *Народы Азии и Африки*. 1990, № 4, с. 118

³ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография люди и судьбы — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994, с. 357—359.

⁴ Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). Якутск, 1965. 48 с.

⁵ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич. — *Вопросы языка и фольклора народностей Севера*. Якутск, 1972, с. 241—251.

⁶ *Таксами Ч.М.* Глафира Макарьевна Василевич (некролог). — *СЭ*. 1971, № 5, с. 184—186.

⁷ *Степанов Н.Н.* Глафира Макарьевна Василевич (К 70-летию со дня рождения). — *ИВГО*. 1965, т. 97, вып. 4, с. 380—381.

⁸ *Гурвич И.С., Долгих Б.О., Туголуков В.А.* [Рец. на:] *Г.М.Василевич*. Эвенки. — *СЭ*. 1971, № 1, с. 166—168.

⁹ *Смоляк А.В., Соколова З.П.* [Рец. на:] *Г.М.Василевич*. Эвенки. — *СЭ*. 1971, № 1, с. 163—166.

¹⁰ *Ермолова Н.В.* Глафира Макарьевна Василевич и современные проблемы тунгусоведения. — 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000, с. 205—212.

¹¹ *Новикова Ю.* Сквозь таежные дебри. — *Пионер*. 1957, № 3, с. 27—32.

¹² К сожалению, структура сборника не позволяет поместить эти воспоминания как отдельное приложение, но в значительной степени они использованы в нашей статье, за что мы выражаем Жанне Карувне Лебедевой искреннюю признательность и благодарность.

¹³ Документ хранится в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁴ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 357; *Цинциус В.И.* Г.М.Василевич. — Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения), с. 7.

¹⁵ *Штернберг С.А.* Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа. — *СЭ*. 1935, № 2, с. 140—141; Из текущей жизни Географического института. — *Бюллетень Географического института*. 1922, № 5—6, с. 20; *Гаген-Торн Г.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — *СЭ*. 1971, № 2, с. 138—141.

¹⁶ *Станюкович Т.В.* Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). — *Очерки*

истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971 (ТИЭ. Нов. сер., т. 95, вып. V), с. 127; материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁷ Штернберг С.А. Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа, с. 141.

¹⁸ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17; материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

²⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.

²¹ В дореволюционной литературе тунгусами называли несколько народов, говоривших на близкородственных (тунгусских) языках. В 1930-е годы за ними были закреплены новые этнонимы — эвенки, эвены и негидальцы. С тех пор наименование «тунгусы» стало использоваться чаще всего как синоним или старое название эвенков, поскольку по отношению к эвенкам в XIX в. употреблялось также название «ламуты».

²² Материалы хранятся в Отделе Сибири МАЭ.

²³ Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске. — Северная Азия. 1926, кн. 5—6, с. 150.

²⁴ Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске, с. 150—157; она же. Токминские тунгусы. — Советский Север. 1930, № 5, с. 27—38.

²⁵ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17; Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с. 242.

²⁶ Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с. 242.

²⁷ МАЭ. Колл. № 3515; Василевич Г.М. Игры тунгусов. — Этнограф-исследователь. 1927, № 1, с. 150—157.

²⁸ Цинциус В.И., Горцевская В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. 1960, т. 167, с. 21, 23.

²⁹ Среди первых учениц Г.М.Василевич в Институте народов Севера была и мать Ж.К.Лебедевой, закончившая Институт в 1935 г.

³⁰ Василевич Г.М. Памятка тунгусам-отпускникам. Стеклограф. Л., 1928. 30 с.

³¹ Кронгауз Ф.Ф. Крупный ученый и педагог эвенкийского народа. — Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед, с. 14.

³² Василевич Г.М. Первая книга для чтения на тунгусском языке. Стеклограф. Л., 1929. 28 с.

³³ Кронгауз Ф.Ф. Крупный ученый и педагог..., с. 15.

³⁴ Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. — Этнография. 1930, № 3, с. 57—67.

³⁵ Выставка первобытных орудий и оружия. Путеводитель. Л., 1927. 13 с.

³⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 1.

³⁷ МАЭ. Колл. № 4103.

³⁸ Василевич Г.М. Сымские тунгусы. — Советский Север. 1931, № 2, с. 132—152; она же. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. — Советский Север. 1931, № 10, с. 133—145.

³⁹ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

⁴⁰ Василевич Г.М. Корятообразная нарта сымских эвенков. — Сб. МАЭ. 1949. т. 10, с. 93—97; она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 42—61; она же. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — Сб. МАЭ. 1957, т. 17, с. 151—186.

⁴¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 39—40.

⁴² Василевич Г.М. Начальная тунгусская книга. М., 1931. 156 с.

⁴³ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ; ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.

- ⁴⁴ *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. С приложением введения и карты распространения диалектов. Л., 1934, с. III—IV.
- ⁴⁵ *Василевич Г.М.* Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Для курсов по переподготовке учителей эвенкийских школ. Л., 1934, 160 с.
- ⁴⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 6.
- ⁴⁷ *Чистов К.В.* Фольклористические работы Г.М.Василевич. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 115.
- ⁴⁸ *Василевич Г.М.* Материалы по фольклору эвенков Сибири. — Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- ⁴⁹ *Цинциус В.И.* Памяти Глафиры Макарьевны Василевич, с. 245—246.
- ⁵⁰ Документы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ; ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.
- ⁵¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17, 44—45.
- ⁵² *Василевич Г.М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940; Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. Сост. Г.М.Василевич. М., 1940.
- ⁵³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, л. 1.
- ⁵⁶ Там же, л. 7.
- ⁵⁷ Там же, л. 8.
- ⁵⁸ Там же, л. 29.
- ⁵⁹ Материалы Г.М.Василевич, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁶⁰ *Василевич Г.М.* Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. — СЭ. 1946, № 4, с. 34—49; *она же.* Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусо. — КСИЭ. М., 1946, вып. 1, с. 46—50; *она же.* Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. — ТИЭ. Нов. сер. 1947, т. 2, с. 206—232.
- ⁶¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 24, 27.
- ⁶² Там же, л. 27.
- ⁶³ *Василевич Г.М.* Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов). — Труды Второго Всесоюзного географического съезда. М., 1949, т. 3, с. 355—364; *она же.* Ранние представления о мире у эвенков (материалы). — Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., Л., 1959 (ТИЭ. Нов. сер., т. 51), с. 157—192.
- ⁶⁴ *Василевич Г.М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, 352 с.; Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. Сост. Г.М.Василевич. М., 1948, 332 с.
- ⁶⁵ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич, с. 248—249.
- ⁶⁶ *Василевич Г.М.* По колхозам джудырских эвенков. — ИВГО. 1950, т. 82, вып. 2, с. 163.
- ⁶⁷ МАЭ. Колл. № 6041, 6131, 6625.
- ⁶⁸ *Василевич Г.М.* Эвенкийская экспедиция (предварительный отчет). — КСИЭ. М., 1949, вып. 5, с. 54—63.
- ⁶⁹ *Василевич Г.М.* Корытообразная нарта сымских эвенков. — Сб. МАЭ. 1949, т. 10, с. 93—97.
- ⁷⁰ *Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 42—61.
- ⁷¹ *Василевич Г.М.* Фольклорные материалы, с. 355—364; *она же.* Языковые данные по термину *хэл—кэл* (Дополнения к статье С.В.Иванова «Мамонт в искусстве народов Сибири»). — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 154—156.
- ⁷² *Василевич Г.М.* К вопросу о киданях и тунгусах. — СЭ. 1949, № 1, с. 155—160; *она же.* К вопросу о палеоазиатах Сибири. — КСИЭ. 1949, вып. 8, с. 48—52.

- ⁷³ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 26.
- ⁷⁴ *Василевич Г.М.* Ессейско-чирингдинские эвенки (по коллекции В.Н.Васильева, МАЭ, № 1004). — Сб. МАЭ. 1951, т. 13, с. 154—186.
- ⁷⁵ *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1, с. 63—87.
- ⁷⁶ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич, с. 250.
- ⁷⁷ Из справки архива ФСБ по Санкт-Петербургу и области от 17 декабря 1991 г., полученной А.М.Решетовым и впервые опубликованной им (*Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358).
- ⁷⁸ Там же; АМАЭ. Личное дело № 32, л. 168.
- ⁷⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 41, 45.
- ⁸⁰ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358.
- ⁸¹ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 168.
- ⁸² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 45.
- ⁸³ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358, 359.
- ⁸⁴ Воспоминания Ж.К.Лебедевой. Рукопись хранится в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁵ *Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — Сб. МАЭ. 1957, т. 17, с. 151—186.
- ⁸⁶ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁷ *Василевич Г.М.* К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. — Вопросы языкознания. 1960, № 2, с. 43—49; *она же.* Этноним самансамай у народов Сибири. — СЭ. 1965, № 3, с. 139—145; см. также работы, указанные в примеч. 57.
- ⁸⁸ *Menges K.* Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen; см. также письменные отзывы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁹ *Василевич Г.М.* К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (По материалам изучения колыбелей). — КСИЭ. 1957, вып. 28, с. 57—61; *она же.* Тунгусский кафтан (К истории его развития и распространения). — Сб. МАЭ. 1958, т. 18, с. 122—178.
- ⁹⁰ *Василевич Г.М.* Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров). — Сб. МАЭ. 1960, т. 19, с. 5—28; *она же.* Типы обуви народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1963, т. 21, с. 3—64.
- ⁹¹ *Василевич Г.М.* Эвенки Катанского района. — Сибирский этнографический сборник. М., Л., 1962 (ТИЭ. Нов. сер., т. 78), с. 98—121.
- ⁹² *Василевич Г.М.* Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 183—238.
- ⁹³ *Василевич Г.М.* Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой расселения их по Сибири. — Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. 11 с.
- ⁹⁴ См.: Очерки токкинского и томмотского говоров. Л., 1962. 107 с.; Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. Л., 1964. 169 с.; Диалектологический словарь говоров эвенков Якутии. Л., 1968. 215 с.; Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971. 330 с.
- ⁹⁵ Якутская библиотека с благодарностью приняла дар Василевич, составивший 1537 библиотечных единиц, в числе которых были уникальные и редкие издания, и инвентаризовала их в своем книгохранилище под индексом «редкий фонд» (*Гулеева Е.П.* Дар Г.М.Василевич Якутской республиканской библиотеке им. А.С.Пушкина. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 252). В 1995 г. в связи со 100-летием со дня рождения Василевич в г. Якутске был выпущен каталог «Библиотека Г.М.Василевич. Дарственные коллекции в фондах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)». Вып. 1. 185 с.

⁹⁶ Путилов Б.Н. Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965—1969). — СЭ. 1971, № 2, с. 155.

⁹⁷ Из неназванных следует еще отметить следующие работы Г.М.Василевич: Этнографические наблюдения и лингвистические записи А.Л.Чекановского. — Сборник неопубликованных материалов А.Л.Чекановского. Иркутск, 1962, с. 47—54; Древние географические представления эвенков и рисунки карт. — ИВГО. 1963, т. 95, вып. 4, с. 306—319; Самоназвание ороchon, его происхождение и распространение. — Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9, вып. 3. Новосибирск, 1963, с. 71—73; Уранкаи и эвенки. — Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 3. Л., 1966, с. 59—93; Тунгусы. — История Сибири. Т. 1. Л., 1968, с. 395—402; *Wassiljewitsch G.M. Erwerbung der Schamanenfähigkeiten bei den Ewenken (Tungusen)*. — Glaubenswelt und Volklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, S. 369—380; The Horse in Ewenki Folklore. — Central Asiatic Journal. 1965, № 12, p. 320—332.

⁹⁸ Документ хранится в Отделе Сибири МАЭ.

⁹⁹ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 118, 119.

¹⁰⁰ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См. работы Г.М.Василевич: Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник. — Одежда народов Сибири. Л., 1970, с. 137—165; Этнонимы в фольклоре. — Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 23—35; Топонимы тунгусского происхождения. — Этнография имен. М., 1971, с. 160—171; Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных по Сибири (опыт картографирования). — Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 296—302.

¹⁰³ Суворов И. Большой друг и учитель эвенков. — Сб.: Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед, с. 30—31.

¹⁰⁴ Воспоминания Ж.К.Лебедевой.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ К ним относятся следующие статьи Г.М.Василевич: Дошаманские и шаманские верования эвенков. — СЭ. 1971, № 5, с. 53—60; О культе медведя у эвенков. — Сб. МАЭ. 1971, т. 27, с. 150—169; Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 223—229; Запреты, обереги и сказки, записанные на юге Якутии в 1947 г. — Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971, с. 307—328; Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. — Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972, с. 160—171.

Т.П.Роон, А.А.Сирина

*Е.А.Крейнович:
жизнь и судьба ученого*

«Что она — моя жизнь?

Муки и нелепое, наивное подвижничество».

(Из письма Е.А.Крейновича)

Труды доктора филологических наук Ерухима Абрамовича Крейновича (1906—1985) хорошо известны специалистам лингвистам и этнографам-сибиреведам, но они стоят несколько особняком, как особняком держался и сам автор, переживший тяжелые испытания и выстоявший благодаря непрестанному научному творчеству. Всю жизнь он посвятил лингвистическим и этнографическим исследованиям народов Сибири: нивхов, кетов, юкагиров, коряков, ительменов. Его перу принадлежат десятки статей, опубликованных в отечественных и зарубежных научных изданиях, монографии о редких языках народов Сибири. Вслед за выдающимися российскими путешественниками и этнографами конца XIX — начала XX в. Е.А.Крейнович совершил прорыв в изучении языка и культуры нивхов. Однако его жизненный путь был тернист. Он провел в лагерях, ссылке и на поселении в общей сложности семнадцать лет, подорвав не только физическое, но и в какой-то степени душевное здоровье.

В этой публикации о жизни и научном творчестве Е.А.Крейновича мы использовали материалы его личного архива¹, Санкт-Петербургского филиала архива РАН (ПФ АРАН)², ксерокопии архивных дел из ФСБ³, переписку между Т.П.Роон и вдовой ученого Г.А.Разумниковой⁴, а также его научное наследие.

* * *

Ерухим Абрамович Крейнович родился 12 апреля 1906 г. в многодетной еврейской семье в белорусском городе Невеле⁵. В годы Первой мировой войны и революции семья жила в Витебске, где арендовала частный дом. Отец торговал пушниной и был не особенно удачлив в делах, в отличие от своего брата, имевшего мага-

зин в Санкт-Петербурге. Семья долгое время не могла выбиться из бедности.

Ерухиму не пришлось учиться в гимназии: он не выдержал вступительного экзамена по русскому языку. По-видимому, до 12-летнего возраста он учился в начальной религиозной школе основам иудаизма и еврейской грамоте. В 1918 г. он поступил в литературный кружок имени В.Г.Короленко, затем в городскую драматическую студию. Общение с высокообразованными людьми зажгло в юном сердце любовь к познанию и творчеству. Гуманист и искусствовед, полиглот И.И.Соллертинский наизусть читал кружковцам классические поэмы Шекспира, стихи Шиллера, Гёте, Овидия на языке оригиналов. Под его влиянием 13-летний подросток прочел много книг по истории поэзии и драматургии, а также сами произведения, начиная с древнегреческих поэм. В юности он прекрасно декламировал стихи и выступал в самодеятельных концертах. Какое-то время Ерухим действительно думал об артистической карьере. Увлечение поэзией и память о прекрасных учителях юности остались у него на всю жизнь.

Рано ушла из жизни мать, и отец женился второй раз. Позрелевшие сестры переехали в Петроград. В городской комсомольской организации работал его брат Наум, позже репрессированный. Одна из старших сестер, Эсфирь, любила своего младшего брата больше других и в дальнейшем приняла деятельное участие в его судьбе. Ерухим некоторое время оставался с отцом и много работал, помогая ему в деле. Нужда и постоянное недоедание сказались на молодом организме: вероятно, в те годы он заболел туберкулезом. В 1922 г. 16-летний юноша переехал в Петроград и поселился в доме сестер. Началась его самостоятельная жизнь.

Новая, советская власть и жизнь большого города открывали невиданные ранее возможности. Он устроился работать в Ленгубфинотдел и одновременно поступил в вечернюю школу рабочей молодежи им. Н.Г.Чернышевского, которую окончил в августе 1923 г. Здесь большое влияние на него оказали Б.А.Фингерт и А.Я.Кораблева. От них он впервые узнал о марксизме, а также начал изучение книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁶. Эти занятия определили профессиональный выбор юноши. Осенью того же года после сдачи экзаменов он был принят на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета. Кстати, в его стенах он получил свое второе имя — Юрий. Однажды девушка-однокурсница спросила, как его зовут. Он ответил: «Ира» (сокращение еврейского имени Ерухим). Сту-

дентка не поняла, с удивлением ответив, что это женское имя и, скорее всего, его имя Юра. Молодой человек разрешил называть себя Юрой. Так было проще, не нужно было ничего объяснять⁷. В жизни он пользовался обоими именами (Юрием его называли коллеги, знакомые и родственники), а научные труды он подписывал своим настоящим именем.

Крейнович буквально впитывал новые знания и искал свой путь. Однажды он познакомился с человеком в военной форме — это был Я.П.Кошкин (Алькор), будущий директор Института народов Севера, который посоветовал Ерухиму и его товарищу Павлу Моллу послушать лекции проф. Л.Я.Штернберга, которые тот читал в Географическом институте и в Университете. Юрий вспоминал: «...в аудиторию вошел старый, бородастый и мрачный на вид человек. Его мрачность усиливалась подергивающейся щекой. Он снял свое темное пальто и остался в темном кителе. Сев за стол, он стал вытаскивать из-за пазухи (точнее, из внутреннего кармана кителя) какие-то конверты, чего ни один профессор на своих лекциях не делал. Потом он достал портсигар с табаком, завернул сигарку и закурил. Раскрыв один конверт и вынув из него бумажные карточки, он переложил их и начал свою лекцию <...> Все, о чем рассказывал Л.Я.Штернберг, для меня, 17-летнего юноши, было ново и интересно <...> Я стал посещать его лекции по эволюции религиозных верований и социальной культуры. Я стал узнавать на этих лекциях о неизвестных мне до этого времени народах, религиозных представлениях и обычаях. Я забросил все и стал заниматься одной лишь этнографией»⁸. Известные еще в дореволюционное время этнографы Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз стали основателями этнографического отделения Ленинградского университета, породив плеяду ученых-этнографов новой, советской формации, щедро передавая свой богатый опыт и знания молодым студентам.

Для воплощения в жизнь национальной политики властям нужны были преданные революционным идеям молодые люди, которые бы несли народам Севера «новое солнце». Получив теоретическое образование, они уезжали на два-три года на Север и Дальний Восток, по согласованию с органами советской власти устраивались на работу учителями, сотрудниками Комитетов Севера, переписчиками, работниками культбаз, одновременно изучая язык и собирая бесценные этнографические материалы. Мало кто из них дожил до старости: Г.Каминский, Н.А.Котовщикова, П.Ю.Молл умерли, работая в экспедициях на Севере в конце 20-х годов; С.Н.Стебницкий, Н.Б.Шнакенбург, Г.Д.Вербов погибли на полях Великой Отечественной войны; Г.И.Мельников и Г.Корсаков умерли во время блокады Ленинграда;

Е.А.Крейнович, Г.М.Василевич, Н.И.Гаген-Торн подверглись репрессиям.

Мудро устроенная человеческая жизнь не позволяла заглядывать так далеко в будущее. Настоящее же было многообещающим. Через год учебы в университете Ерухим перешел на этнографическое отделение географического факультета, где в течение трех лет слушал лекции, посещал семинары выдающихся отечественных ученых, которые обладали огромным опытом полевых исследований самобытных культур народов Севера. Полный курс состоял из 32 предметов, в том числе таких, как «культура полярного круга», «учение о верованиях», «палеоазиатский цикл», «гиляцкий язык». В.Г.Богораз, который читал курс этногеографии, посоветовал Юрию заняться изучением удэгейцев или гиляков⁹. Для подготовки к дальнейшей экспедиции в 1925—1926 гг. Крейнович вместе с однокурсником Н.К.Каргером начал изучать нивхский язык у Штернберга после прочтения его книги «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора». Этот выбор действительно стал решающим и определил его дальнейший научный путь. Учеба включала практику в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — знаменитой Петровской Кунсткамере, старейшем научном центре России, где хранились в запасниках и экспонировались в выставочных залах редчайшие коллекции, собранные за два столетия у разных народов всех континентов Земли. В старинных залах первого российского музея начинающие этнографы соприкасались с миром традиций и культур, получали практические знания по избранной специальности, постигали тонкости и нюансы будущей профессии. Однако музейная практика не могла заменить работу «в поле». Первым испытанием для студента Крейновича стала короткая командировка на Украину, этнографическая практика в деревне Чулаковка, а также работа в селе Рудаково Псковского района, где он собирал новый народный фольклор — революционные частушки и вел этнографические наблюдения над повседневной жизнью русской глубинки¹⁰.

В студенческие годы он впервые испытал сильное чувство к Нюэми Шпринцин. Ученица В.Г.Богораз Н.Г.Шпринцин была хорошо образованна, владела иностранными языками. Она прекрасно знала Ленинград и водила экскурсии, подрабатывая на жизнь. Совместные студенческие и комсомольские мероприятия сближали молодых людей. Однако взаимностью на чувства Юры она тогда не ответила. Спустя несколько лет, в начале 30-х годов, они все же встретились вновь, но жизнь опять развела их.

В мае 1926 г. Крейнович получил свидетельство об окончании Ленинградского государственного университета. Были выполне-

ны все формальности, достигнуты договоренности, можно было ехать на Сахалин. Для многих людей, никогда не бывавших в Сибири, она представлялась краем каторги и ссылки, суровой и холодной землей, полной опасностей. Родные отговаривали Крейновича от далекого путешествия, ведь он был болен туберкулезом. Но ничто не могло задержать Юрия. 14 мая 1926 г. он уехал из Ленинграда, имея бесплатный билет до Владивостока и 200 рублей из средств комиссии по студенческим экспедициям¹¹. Его спутниками были Н.К.Каргер и И.Г.Козьминский. Крейнович описал незабываемый момент прощания на страницах своей книги. Их провожали родные, учителя из вечерней школы, университетские друзья и преподаватели¹². Перед отъездом В.Г.Богораз вручил Крейновичу шутовое четверостишие:

Юре малахольному, шкетному, аскетному,
Камню самоцветному.
Нет ему сочувствия, нет в любви сопутствия,
Лишь одна тематика — нивхская грамматика¹³.

Прощание состоялось. «Поезд тронулся. Когда он пошел быстрее, за ним бежал лишь один человек и махал мне рукой. Это был беспредельно близкий и родной Лев Яковлевич»¹⁴.

* * *

На шестнадцатые сутки пути поезд прибыл во Владивосток. А еще через неделю, 11 июня, пароход «Монгугай» встал на рейде у острова Сахалин. «В предрассветной сизости Сахалин казался темно-синим. Белые снеговые шапки покрывали головы его хребтов. Кое-где во впадинах гор были видны облака тумана. Сахалин был суров, но очень красив. Так вот каков он — остров моей мечты! <...> Ступив на берег Сахалина, я стал нажимать на него то одной, то другой ногой — будто ощупывал ногами землю этого острова страданий. И я понял, что это та же самая земля, на которой я родился и вырос. Так нечего же страшиться своей родной земли! Я не уеду с острова до тех пор, пока не выполню намерения, ради которого сюда приехал»¹⁵. Северный Сахалин лишь год назад был освобожден от японцев и стал частью Советского Союза. Здесь, на самом востоке страны, советская власть только начинала вставать на ноги после Гражданской войны и интервенции.

Сахалинский период (июнь 1926—июль 1928 г.) имел огромное значение в становлении этнографа и лингвиста Крейновича. В эти годы он приобрел бесценный опыт проведения полевых исследований и общения с людьми иной культурной традиции. Именно на основании собранных в те годы материалов спустя

Е.А.Крейнович. Северный Сахалин.
Конец 20-х годов

почти 45 лет была написана и опубликована великолепная этнографическая работа — книга «Нивхгу».

Нивхи, исконные жители низовьев Амура и острова Сахалин, были оседлыми рыболовами и охотниками на морских и лесных животных, занимались собирательством. Потомки древнейшего населения этих мест, они сохраняли в культуре и социальной организации много архаичных черт, одновременно заимствовав некоторые культурные особенности у своих соседей — айнов, тунгусо-маньчжурских народов. К тому времени, когда Юрий

собрался ехать на Сахалин, о нивхах и других народах Дальнего Востока, благодаря подвигам и трудам российских офицеров Г.И.Невельского, Н.К.Бошняка, Д.И.Орлова, ученых-исследователей Л.И.Шренка, Б.О.Пилсудского, Л.Я.Штернберга, были собраны богатые и разнообразные, но отнюдь не исчерпывающие материалы¹⁶.

В годы пребывания Крейновича на Сахалине нивхи (гиляки) сохраняли свои традиции: они вели размеренный образ жизни, рыбачили и охотились, почитали духов природы, родовых предков, проводили обрядовые праздники. В многочисленных нивхских деревеньках и сезонных стойбищах повсюду слышна была только нивхская речь, и любой желающий смог бы выучить тогда этот удивительный и своеобразный язык. По воспоминаниям самого ученого, многие нивхи в те годы очень плохо говорили по-русски, а то и вовсе не говорили. Начинаящему этнографу повезло. Он получил уникальную возможность увидеть традиционное нивхское общество изнутри.

Приехав на Сахалин, Крейнович хотел скорее приступить к изучению языка и сбору этнографических материалов, но должен был совмещать занятия наукой с работой в Сахалинском революционном комитете в качестве помощника уполномоченного по Охинскому району¹⁷. Он писал Штернбергу: «...больше всего меня смущает широта, неопределенность и размах работы моей среди туземцев. Ведь это не шутка, работать по изменению всего хозяйственного уклада, т.е. надо помочь им вылезти из нищеты...»

Менее чем через полтора месяца он переходит на работу завхозом, затем воспитателем туземной школы-интерната в национальном селении Хандуза. Дело в том, что работа в ревкоме не только отвлекала от научных занятий, но и требовала больших нервных затрат, особенно от такого человека, как Крейнович¹⁸. Для Юрия в то время были характерны перепады настроения, и он нуждался в постоянном одобрении и поддержке. Редкостная увлеченность сочеталась в нем с сомнением, связанным, по-видимому, с исключительными способностями к изучению языков — ему легко давалось то, на что у других ушли бы годы тяжелого труда. Сам Крейнович понимал особенности своего характера и психики: «<...> все не так, быть может, уж плохо, если бы не моя нервозность, которая из мухи слона делает». В другом письме к Штернбергу он писал: «Скоро я моей богине Неудаче сложу гиляцкую молитву и стану приносить ей в жертву пучки серянки, табак». А повод был — «разошелся, не застал информатора». Он явно недооценивал проделанную работу, полагая, что за 2 месяца ничего не сделано, в то время как в письмах встре-

чаются тексты на обоих языках! «Я понял теперь, что такое полевая работа и какие трудности она представляет. Самое тяжелое — это все же язык вначале, а затем не менее тяжелый сбор фактов и постоянная проверка их»¹⁹.

Попав в деревню Хандуза, расположенную на берегу одноименной речки, впадающей в залив Чайво на северо-востоке острова, где было всего несколько одноэтажных домов, он обнаружил, что в школе-интернате жили и учились дети эвенков, уйльта (ороков), якутов и почти не было детей нивхов, несмотря на то что нивхи населяли берега залива. Одной из задач Крейновича как молодого специалиста стало привлечение их в интернат, хотя условия жизни в интернате были тяжелыми и дети часто болели. В первую зиму его пребывания на берегу залива Чайво разразилась эпидемия кори, которая свалила не только школьников, но и взрослое туземное население. На руках молодого воспитателя умирали маленькие воспитанники интерната. Сам Крейнович тоже заболел воспалением легких и долго не мог оправиться от болезни. В суровых климатических и бытовых условиях у него началось обострение туберкулеза.

Вскоре он вновь возвращается в ревком, где работу Юрия курировал секретарь Сахалинского ревкома А.Ильин. В письме под грифом «секретно» от 18 ноября 1926 г. из Александровска он напутствовал молодого уполномоченного по туземным делам: «Ваша работа в основном должна сводиться к следующему: не допускать кабальных сделок. Выяснять все случаи закабаления. Главной задачей является то, чтобы по возможности больше добытой пушнины было сдано в факторию, а не ушло в другие руки (Николаевск на А., из частников — Калевский, китайцы, японцы). Необходимые с Вашей точки зрения мероприятия по организации и защите интересов туземцев представляйте в ревком. Как задание ставится составление наиболее полных туземных словарей, которые бы своим построением и содержанием могли дать возможность средне владеть разговорным языком туземцев»²⁰.

Представитель Комитета Севера по Дальневосточному краю К.Я.Лукс помог молодому человеку и словом и делом. Весной 1927 г. он ходатайствовал об отправке Крейновича в санаторий «Олентуй» в Забайкалье из-за обострившегося туберкулеза. После кратковременного отдыха и лечения Юрий вернулся на Сахалин. Он перебрался на западное побережье острова, где климат был несколько мягче, ездил оттуда в селения Тымовской долины, где организовал первый ликбез, агитировал нивхов создавать артели, выяснял их настроение.

Крейнович серьезно относился к своим обязанностям уполномоченного по туземным делам. «Знаю, что существуют мнения

о том, что из гиляк выйдут рабочие на нефтяных промыслах, что они станут земледельцами, — писал он в своем отчете в ревком за 1927 г. — Считаю своим долгом сказать, что ничего подобного никогда не удастся сделать. Туземец — зверобой, рыболов и зверовод. Не отрывать его от занятий, к которым он веками привык, надо, а наоборот, дать ему возможность ими заниматься, так как они необходимы в общей системе социалистического строительства»²¹. В то время он верил новой власти. Много километров прошел он пешком и проехал на собачьих упряжках и телегах по Сахалину, создавая туземные советы и агитируя за артели. Два года пролетели быстро. К 1928 г. на Сахалине было создано пять туземных советов: Висковский и Москальвский в Рыбновском районе, Ныйский и Чирвинский в Рыковском районе и Чайвинский в Охинском районе. В июне того же года планировалось закончить создание двух туземных советов в Александровском районе и довести советизацию туземцев Сахалина до 70%²².

На Сахалине Крейнович вел дневники и с первого же дня заносил туда свои наблюдения и впечатления. В общих тетрадях в толстых картонных обложках мелким почерком простым карандашом и ручкой почти каждый день он записывал беседы со стариками, новые нивхские слова, древние мифы и легенды, делал зарисовки разных этнографических объектов: нивхского погребения утопленника, медвежьего праздника, орудий рыболовства и т.д. Тексты и стиль этих сравнительно ранних дневников значительно отличаются от литературного текста и последовательности событий, изложенных в книге «Нивхгу». Постоянные поездки к нивхам и общение со стариками Чуркой, Моклеем, Саратом, Семеном и другими принесли свои плоды. Постепенно он осваивал разговорный нивхский язык, чем приводил в восторг самих нивхов. «У меня, по-видимому хороший слух и хорошая способность копировки звуков их речи. Чурка и Плетунка <...> высокого мнения о моих способностях». Один из стариков нивхов, желая похвалить Юрия за его знание нивхского языка, говорил ему, что у Льва Яковлевича «в языке была косточка, а у тебя язык свободно болтается»²³. Некоторые старики помнили ссыльных Бронислава Пилсудского (Пачурлянда, или «Красивого лицом») и Льва Штернберга (Ытыка, или «Отца»), которые тоже записывали нивхские обряды, фольклорные тексты и оставили о себе добрую память. При встречах старики спрашивали Крейновича, знает ли он этих людей и, получая утвердительный ответ, охотнее шли на разговор. Штернберг письменно рекомендовал своего ученика старому другу и переводчику гиляку из Арково Чурке: «Крейнович мне как сын все равно, вы его любите.

Разные старинные законы, разные предания, сказки, песни <...> все, все ему хорошенько рассказывайте»²⁴.

Человек другой культуры, он искренне пытался понять мировоззрение нивхов и зафиксировать его особенности: ел одну пищу с нивхами, спал в их домах, рыбачил, принимал участие в обрядах и праздниках, совершая жертвоприношения духам. Нивхи в шутку называли его «сказочным начальником», и не только из-за его особого интереса к нивхским легендам, сказкам и преданиям, но и потому, что он читал им нивхские сказки, записанные еще Штернбергом, одновременно практикуясь в языке. Юрий просил нивхов рисовать разные сцены, раскрывающие их хозяйственные занятия и ритуалы. Это был взгляд изнутри на культурные традиции самих носителей этих традиций. В архиве ученого сохранились рисунки «очень умного и приятного» нивха Керкера из стойбища Маславо на темы медвежьего праздника, охоты на морского зверя, разделки морских животных в стойбище, а также на темы мировосприятия нивхами Вселенной; есть в архиве и отдельные рисунки из жизни амурских нивхов²⁵. Лишь малая часть собранных уникальных материалов была опубликована в 30-е годы.

Л.Я.Штернберг живо интересовался успехами своего ученика. В письмах он сообщал университетские новости, спрашивал о собранных материалах, давал советы и рекомендации по теме исследования: «Каждое более или менее редкое слово надо переспрашивать в разных комбинациях и примерах. Вы пишете, что плохо дело у Вас с некоторыми звуками; трудное это дело, единственное средство — это многократно переспрашивать, повторять этот звук гиялку, пока не скажет, что правильно, и смотреть, как он артикулирует»²⁶. Известие о смерти Льва Яковлевича в августе 1927 г. застало Крейновича в дороге. «Вчера с мешком за плечами, усталый, добираюсь в Николаевск после недельной работы у гиялков на Лянгре. Ташу с собой толстую тетрадь с текстами и думаю — пошло ее старику. К чему мне она на Сахалине, еще потеряю ее в поездках. А возле дома услышал эту новость от наших студентов. Дрожь прошла по телу. Пусто стало. Не стало учителя. Не пошлешь ему теперь ничего. Не получишь и не прочитаешь уж больше его бодрящих, ласковых отеческих писем»²⁷. 28 июля 1928 г. производственная практика на Сахалине окончилась, и Юрий уехал в Ленинград.

* * *

После возвращения в Ленинград в августе 1928 г. начался новый, не менее плодотворный период жизни ученого. Крейнович был зачислен аспирантом в Ленинградский университет и начал

писать кандидатскую диссертацию, одновременно обрабатывая полевые материалы и публикуя этнографические статьи, освещающие хозяйственные занятия, космогонические воззрения нивхов, а также их представления о человеке²⁸.

Если хозяйственные занятия нивхов хотя бы в общем виде были описаны в литературе, то вопросы происхождения мира и человека в представлениях народов Дальнего Востока, в том числе нивхов, были исследованы мало. Причиной этого в основном был языковой барьер. Крейнович впервые сделал космогонические воззрения нивхов предметом специального научного изучения, выявил первичные фольклорные источники, систематизировал их на основе тематического принципа по основным ключевым сюжетам. Он описал представления нивхов о происхождении Вселенной, ветра, солнечных затмений, Земли, наконец, самого человека, проводя широкие сравнительные параллели. Им впервые была поставлена проблема изучения генезиса и распространения сюжетов о множественности солнц в мифологии народов юга Дальнего Востока²⁹. Свою первую работу о верованиях нивхов он посвятил памяти Л.Я.Штернберга³⁰.

Одновременно в 1928 г. Юрий начал преподавать нивхский язык в Институте народов Севера ВЦИК³¹. У истоков образования Института народов Севера (ИНС), который был создан для подготовки национальных кадров из среды аборигенов-северян, стояли В.Г.Богораз, Л.Я.Штернберг, Я.П.Кошкин (Алькор) и другие видные ученые-сибиреведы.

После смерти Льва Яковлевича Штернберга была создана специальная комиссия под руководством Я.П.Кошкина по подготовке его трудов к публикации. Е.А.Крейновичу, как знатоку нивхского языка, было поручено разобрать опубликованные и неопубликованные лексические записи — фольклорные тексты и картотеку. Из уважения к памяти учителя и являясь единственным специалистом в этой области, молодой исследователь согласился принять участие в обработке личного архива Штернберга.

Это были последние годы свободного развития науки. Началось наступление на «буржуазных» специалистов, «марксистизация» предмета науки, методологические дискуссии, в которых вместо стремления к научной объективности, поискам истины культивировались идеологическая чистота, политическая целесообразность и классовый подход. Нарастала атмосфера идеологического психоза. В такой обстановке в Ленинграде 5—11 апреля 1929 г. проходило Совещание московских и ленинградских этнографов, на котором обсуждался предмет и метод этнографической науки. В частности, ленинградцы отстаивали преимущество стационарного метода исследований перед экспедиционным, подчерки-

вая необходимость близости этнографа к изучаемым им людям, «романтику» полевой работы³². Вслед за В.Г.Богоразом Крейнович в своем выступлении подчеркнул тесную взаимосвязь материальной и духовной культуры: «Жилище нельзя рассматривать как дом, сруб и больше ничего. Жилище имеет большое значение в том культурном комплексе, где оно создавалось. Вы увидите, что в пороге живет дух собаки, что в дымовом отверстии тоже живет какой-то дух, что в стенах живут духи <...> Вы идете дальше, изучаете огневище, и вы видите, что это очень сложный комплекс, что в нем нельзя отделить элементы материальные от духовной культуры»³³.

С 15 октября 1929 г. по 1 января 1932 г. Крейнович работал младшим научным сотрудником в МАЭ, директором которого был тогда Н.М.Маторин. По-видимому, чувствуя свое предназначение и возможность реализации именно в сфере этнолингвистических исследований, Юрий довольно формально относился к сбору коллекций и вообще к музейной работе, причем часто в неприемлемой для окружающих форме³⁴. Не сложились отношения с новым лидером комсомольской ячейки музея. Его дважды исключали из комсомола, а затем восстанавливали.

В те годы началась кипучая работа по разработке письменности для языков народов Севера и Сибири. В апреле 1931 г. состоялся пленум Комитета Севера ВЦИК в Москве, который указал на необходимость форсирования работы по созданию письменности для этих народов. В том же году отдел науки при СНК СССР утвердил единый алфавит, подготовленный Я.П.Кошкиным (Алькором). Создание письменности для бесписьменных прежде народов должно стать демонстрацией революционных подходов советской власти к национальному вопросу и способствовать быстрой интеграции «туземцев» в советское общество. Крейнович переключился на исследования в области языкознания. Комитет Севера ходатайствовал перед Ученым комитетом АН СССР о его откомандировании в гиляцкую лингвистическую экспедицию. Неясно, было ли найдено компромиссное решение, но в экспедицию на Нижний Амур Крейнович выехал вместе с этнографом А.С.Эстрин, снабженный за казенный счет браунингом с патронами, сапогами, плащом, аптечкой, мануфактурой и деньгами на приобретение этнографических коллекций. Находясь в экспедиции в Лимано-Гиляцком туземном районе, он с головой ушел в работу: собирал фольклор, записывал легенды и предания о происхождении амурских родов нивхов, рисовал подробные схемы нивхских стойбищ по Амуру и Охотскому побережью с обозначением промысловых территорий о-ва Лянгр, стойбищ Уд, Пуир, Иски, Коль, Лярво, Вайда, выяснял вопросы

Медвежий праздник у нивхов селения Тык.

Рисунок гиляка (нивха) К.Кандо. Личный архив Е.А.Крейновича

собственности у нивхов на рыболовные и охотничьи угодья и многое другое. За несколько месяцев работы на Амуре Крейнович собрал большой этнографический и лингвистический материал по диалектным особенностям нивхского языка, фонетике, произношению слов и чередованию согласных, продолжил изучение нивхской системы счета.

После экспедиции в лаборатории ИНСа Крейнович занялся теорией фонетики и начал работу по созданию алфавита для бесписьменного нивхского языка. К этому периоду относятся несколько его рукописей, среди которых программа разработки письменности на основе латиницы. Он разработал новую фонетическую систему записи звуков нивхского языка. Огромный пласт его рукописей составляют лингвистические материалы по таким разделам, как «фонетика», «сетка для разности чередований смычных и спирантов», «глагол», «каузатив», «глаголы движения и пространства», «переходные глаголы», «наречие», «ударения», «инкорпорирование в нивхском языке», «количественные числительные» и т.д.³⁵

Ежедневная работа в ИНСе со студентами помогала в изучении языка. В Институте обучались студенты-нивхи, у которых он уточнял свои наблюдения, совершенствовал знание письмен-

ного нивхского языка. Но и для студентов Крейнович был учителем и помощником. Яркий пример — тетрадь записей нивхского студента К.Кандо, в которой, осваивая новую грамоту, нивх записывал на своем родном языке разные тексты. После окончания ИНСа Кандо стал редактором первой газеты на нивхском языке «Нивхская правда» — "Nivhgu Meker Qlaj-Dif", издаваемой на Нижнем Амуре в 30-е годы. Две «Пьесы на нивхском языке (амурский диалект) первого нивхского драматурга Вингун М.К.», обнаруженные в архиве ученого, до настоящего времени не изданы³⁶.

1932 год стал знаменательным в судьбе Крейновича. В трудах Научно-исследовательской ассоциации ИНСа ЦИК СССР была опубликована его первая лингвистическая статья «Гиляцкие числительные», в которой он описал и уточнил различные категории числительных в нивхском языке. Ученый установил, что особого класса неодушевленных предметов в гиляцком языке не существует, а числительные, отнесенные Шренком и Штернбергом к этому классу, употребляются для счета предметов крупной круглой формы. Класса деревьев также не существует, а класс числительных «с таинственным основанием» не содержит в себе ничего таинственного и относится к группе мелких круглых предметов³⁷. Это было научным открытием. Исследователь впервые продемонстрировал огромное значение языка для изучения закономерностей развития мышления. На примере анализа нивхского языка он доказал, что мышление древнего человека имело конкретный, логический характер и, вместо того чтобы говорить о первобытном мышлении, нужно говорить о первобытном мировоззрении. Работа получила лестные отзывы профессоров Б.Фингерта и М.Серебрякова³⁸.

В этом же году увидел свет первый нивхский букварь на латинице «Cuz dif» («Новое слово»), автором которого тоже был Крейнович³⁹. В начале 30-х годов он перевел на нивхский язык две книги для чтения, брошюры об Октябрьской революции, два учебника арифметики для начальных классов, брошюру Кошкина (Алькора) «Что дала Октябрьская революция народам Севера» и другие издания. Тогда начиналось преподавание национального языка в нивхских школах Нижнего Амура и Сахалина, для чего была разработана «Памятка к овладению нивхским алфавитом». Появилась единая стенная газета на нивхском языке «Колхозный путь» (1934 г.), тиражом 500 экземпляров, выпускаемая специально для туземных стойбищ.

В середине 30-х годов было решено перевести обучение народов Севера на русский язык, а для письма на национальном языке использовать кириллицу. Поскольку в русском алфавите

отсутствовали буквы, обозначающие специфичные фонемы, присущие неславянским языкам, была разработана система диакритических знаков и новые буквы для алфавитов языков народов Севера и Сибири. В начале 1937 г. Крейнович представил рукописный проект нивхского алфавита на основе кириллицы в виде тезисов к докладу «Принципы орфографии нивхского языка».

В это же время он исполнял обязанности ученого секретаря ИНСа. Обстановка в стране и в научных кругах была нездоровой, шли «партийные чистки», где коллеги высказывали в адрес друг друга нелицеприятную критику, заканчивавшуюся порой приглашениями в органы ОГПУ—НКВД. Как видно из архивных материалов, Крейнович тоже принимал в этом участие. Не здесь ли кроется повод для надвигающегося ареста?

К 1936 г. ученый подготовил кандидатскую диссертацию по фонетике нивхского языка. В архиве сохранился рукописный черновой вариант его монографии «Фонетика нивхского языка», которая вышла в свет в 1937 г. в трудах ИНСа⁴⁰. Однако защита диссертации не состоялась.

* * *

Крейнович был арестован в ночь с 20 на 21 мая 1937 г. Ему только что исполнился 31 год. По навету малознакомых людей он был обвинен в участии в троцкистско-зиновьевской шпионско-террористической организации, связанной с японской разведкой, и шпионаже в пользу Японии. Эту мифическую организацию с «филиалом» в Институте народов Севера якобы возглавлял умерший в начале 30-х годов председатель Дальневосточного Комитета Севера К.Я.Лукс. «Спиридонов, видимо после тюремных побоев, оговорил почти весь преподавательский состав Института народов Севера. На основании его показаний были арестованы Я.Кошкин, А.Форштейн, Е.Крейнович, К.Шавров и другие североведы»⁴¹.

Арест перевернул всю жизнь ученого. Незадолго до этого, будто чувствуя грядущие испытания, он расстался с Н.Г.Шпринцин. Все его научные материалы (статьи, полевые дневники и т.д.) находились сначала у его сестры Эсфири. Но вскоре она отказалась держать их в доме, и тогда Шпринцин взяла их к себе и хранила все годы заключения Крейновича. За то что она сберегла его материалы и возвратила их через много лет в полной сохранности, Ерухим Абрамович был ей бесконечно благодарен⁴².

Крейнович предпринимал отчаянные попытки найти правду. Арест казался ему недоразумением и чудовищной ошибкой. Спустя год, 5 августа 1938 г., он обратился с жалобой к Гене-

ральному прокурору СССР. На тридцати девяти страницах двух школьных тетрадей Крейнович изложил всю жизнь: поездку на Сахалин, работу в Сахалинском ревкоме, десятилетнюю научную работу и ее результаты, клевету и несправедливость обвинений. Он описал также допросы и пытки, которым подвергался в тюрьме. «Меня взяли на допрос и держали на нем 190 часов. Восемь суток я пробыл на допросе без сна и отдыха. Лишение сна и пищи, быть может, не было бы столь тяжелым, если бы оно не сопровождалось унижением и потрясениями психики, которые были ужасней всего. На третий день допроса у меня стала кружиться голова. Я стал засыпать. Меня по нескольку раз в сутки стали водить в уборную и там под краном поливать мою голову водой. Голова стала тяжелой, мысли стали путаться. Крики следователей продолжались беспрерывно, в особенности ночью. На седьмые сутки допроса со мной стало твориться что-то ужасное. Моментами я переставал владеть речью и мыслью. Я начинал говорить, а затем моя речь переходила в бред, в нечленораздельное мычание. Потом в глазах стали проваливаться части стен и на меня из провалов набегала тьма. Это было самое ужасное, что мне пришлось испытать». Вероятно, документ так и не попал к прокурору, ибо ответа на него не последовало, да и не могло последовать⁴³. Не соглашаясь с ложным обвинением, он объявил голодовку, но выстоять до конца в таком аду не смог. «Восьмисуточный допрос определенно повредил мою психику, кроме того, меня разъедал жгучий внутренний стыд, что я подписал на людей клевету, о которых ничего не знаю»⁴⁴. Суд приговорил его к десяти годам тюремного заключения по ст. 58, п. 10—11 с поражением в правах на пять лет. Другие же, проходившие с ним по одному делу, были приговорены к расстрелу, среди них Я.П.Кошкин (Алькор), Н.И.Спиридонов (Текки Одулок).

Начались годы испытаний в сибирских лагерях. О колымских лагерях, куда попал Ерухим Абрамович, шла дурная слава: ледяной холод, голод, рабский труд до изнеможения, смерть. Страшная атмосфера ломала людей. Он чудом выжил. По его словам, жизнь ему спас один заключенный-венгр. Но как это произошло, осталось тайной. «Будучи в лагерях, — вспоминал Крейнович, — я с болью в сердце думал о начатых и неоконченных мною исследованиях языков народов Севера»⁴⁵. Он подал прошение лагерному начальству с просьбой разрешить ему заниматься языками северных народов. Начальство долго рассматривало его просьбу: посылали запросы в Ленинград ведущим языковедам страны. Директор Института языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР акад. И.И.Мещанинов дал положительный отзыв на его труды. Видный ученый Д.А.Ольдерогге,

который позже написал предисловие к книге «Нивхгу», пересылал ему в места заключения деньги⁴⁶. Время шло. Но специалисты по редким языкам высоко ценятся во всем мире, и Крейновичу все же разрешили занятия языком с северянами и перевели в Магадан. Там был не столь строгий режим. Он стал работать санитаром в лагерном медпункте. Дабы не терять времени даром, начал делать конспекты по медицине, составил справочник фельдшера с описанием симптомов разных болезней и первой помощи. В 1944 г. окончил шестимесячные фельдшерские курсы при больнице Магаданлага. Днем был лазарет, а вечером после отбоя к нему пускали заключенных северян, с которыми он занимался языками, и «благодарил их за труды своими скудными пайками хлеба»⁴⁷. В обычных тонких ученических тетрадях карандашом он записывал слова, предложения и тексты от осужденных коряков и чукчей — аборигенов Северо-Восточной Азии, при этом выделяя материалы по фонетике, числительным, морфологии и другим разделам языкознания. Там, в заключении, им были собраны прекрасные лингвистические материалы от юкагиров, коренных жителей р. Колымы. А.И.Солженицын включил строки об ученом в «Архипелаг ГУЛАГ», который был издан в Париже почти в то же самое время, что и книга Крейновича «Нивхгу» в Москве. Солженицын писал: «Если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь: даже на Колыме он пытался заниматься юкагирским языком»⁴⁸. Много позже результаты его исследования по этнографии тундровых юкагиров были опубликованы на английском языке в журнале "Arctic Anthropology"⁴⁹. Он интересовался языками ительменов-аборигенов Камчатки, эвенов и смешанного населения Охотского побережья. В период заключения в 1943—1944 гг. ученый собрал материалы по арманскому диалекту эвенского языка, которые затем передал исследовательнице эвенского языка Л.Д.Ришес. Много позже по данным языка и фольклора эвенов Крейнович написал статью об истории заселения Охотского побережья⁵⁰. Научные исследования были спасительным маяком. Он возвращался из лагерей с новыми полевыми материалами, что само по себе было чудом.

После освобождения из лагеря в 1947 г. Е.А.Крейновичу не разрешили жить в больших городах. Было невозможно устроиться на работу в Институт. Он был вынужден поселиться в районном центре Ленинградской области г. Луге. Тяга к исследованиям брала верх над обстоятельствами жизни. Он работал над собранными в лагерях материалами и облек часть из них в рукопись новой диссертации. Материал был настолько оригинален, нов и

незауряден, что его кандидатскую диссертацию по юкагирскому языку, который он изучал в годы пребывания на Колыме в Магаданлаге, представили к защите на Ученом совете Института языкознания АН СССР. Защита диссертации, состоявшаяся в феврале 1949 г., прошла блестяще. По сути, это была его вторая диссертация. Первая, написанная еще до ареста, по фонетике нивхского языка, так и не была представлена к защите.

Крейнович много раз обращался с заявлениями о реабилитации, но ему постоянно отказывали. Некоторые крупные ученые хлопотали перед властями о реабилитации своего коллеги. Акад. И.И.Мещанинов в обращении к председателю Верховного суда СССР отмечал: «Поскольку работы Е.А.Крейновича дважды поступали ко мне на отзыв из МВД, я прошу Вас обратить особое внимание на его ходатайство. Он не прерывал работу и в трудовом лагере, где его занятия над языками встретили полную поддержку со стороны администрации лагерей, что дало ему возможность там же написать серьезную научную работу. Эта его работа с разрешения Высшей аттестационной комиссии (осведомленной о всех деталях дела) была допущена к защите на учную степень кандидата филологических наук. Решение о присуждении искомой степени было единогласным. Е.А.Крейнович, как редкий специалист по северным языкам СССР, принадлежит к числу лиц исключительно полезных в области изучения этих языков»⁵¹.

Но вскоре после освобождения, в 1949 г., последовал второй арест и ссылка в Сибирь. Не выдержав нового ареста, Крейнович решил вскрыть себе вены и уйти из жизни, но сосед по камере спас его, позвав на помощь. Возможно, попытка самоубийства повлияла на смягчение приговора, и его отправили в дальнюю ссылку на Енисей.

В Игарке он работал фельдшером здравпункта местного лесокombината. В 1951 г. экстерном окончил Красноярскую фельдшерскую школу и успешно сдал экзамены. Ученый-лингвист стал акушером, помогая рождаться на свет маленьким людям. Вот несколько строк, сделанных им на ходу после сдачи экзамена: «Белые стены. Большие окна. Класс и я за партой. Только мне не 8 и не 10, а 45. Вокруг были девушки, юноши. Некоторые из девушек едут в Красные чумы на Крайний Север. Одной из них я рассказываю о Таймырском п-ове, о тавгийцах (устаревшее название нганасан. — *Т.Р., А.С.*), с которыми она встретится. Я смотрю на зеленоватые глаза этой девушки и вспоминаю свою молодость — зеленую, пылкую, перрон Московского вокзала и отъезд на Сахалин. Что она — моя жизнь? Муки и нелепое, навивное подвижничество»⁵². Высшая, жизнеутверждающая фило-

софия помогла по-другому осмыслить страшный излом его судьбы. Под впечатлениями своей медицинской деятельности Крейнович задумал написать литературное произведение о рождении человека⁵³. Но интерес к языкам и науке перевесил это желание.

В ссылке Ерухим Абрамович продолжил заниматься любимым делом, благо что на Енисее и его притоках жили кеты, численностью чуть более тысячи человек, рыболовы и таежные охотники, говорящие на редком изолированном языке. Позже, восстановившись на работе в академическом институте, он ездил в полугодовые экспедиции в самые отдаленные селения кетов на р. Сым. Полевые дневники, фольклорные записи, лингвистические карточки свидетельствуют об углубленном изучении древнего сибирского языка. По результатам многолетних полевых работ он составил словарь кетского языка, состоящий из 25 тетрадей, объемом 372 листа. Сказки о Кайгусе, посылавшем удачу охотникам, легенды о богатыре Бальбе, рассказы о таежной жизни кетки Ольги Твегановой ученый записал на кетском языке и в переводе на русский язык. Его работа по кетскому глаголу составляет три большие тетради. Многие материалы, собранные среди енисейских кетов, вошли в статьи и монографии⁵⁴.

В 1953 г. в стране наметилось ослабление репрессий, но до настоящей оттепели еще было далеко. Маленький клочок бумаги — справку о прекращении судебного преследования и полной реабилитации Е.А.Крейновича первой получила его сестра Э.А.Карасик, а затем уже и сам ученый в 1955 г. Это позволило ему переехать в Ленинград и восстановиться на работе в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР.

Обстановка в Секторе палеоазиатских языков, где работал Е.А.Крейнович, была сложной. Слухи о нем в изобилии «ходили» по Институту. Как могли коллеги относиться к человеку, который сидел в лагере по 58-й статье «за измену Родине»? Некоторые откровенно завидовали его таланту, намеренно не замечая новизны его работ. Другие указывали на мнимые «неточности», требовали отказаться от научных поисков. Семнадцать лет лагерей и ссылок не прошли для него бесследно. Коллеги отмечали его неуживчивый, вспыльчивый характер. Пережитое давало о себе знать: привыкнув постоянно защищать себя, он стал подозрительным и мнительным. По воспоминаниям его вдовы, он был настолько поглощен мыслями о происках «недрузгов», что ни о чем другом думать не мог. Он писал жалобы в дирекцию института, инициировал постоянные разбирательства на партийном бюро. По-видимому, особенности личности и характера заслоняли от коллег его большие достижения в области лингвистики и этнографии народов Севера.

Здесь необходимо сказать еще об одном — незаслуженных обвинениях его в плагиате, с которыми ученый не мог примириться. «Служ», распространенный вдовой Л.Я.Штернберга С.А.Ратнер-Штернберг о том, что его ученик Е.А.Крейнович в годы работы с архивом своего учителя воспользовался его научными записями и «украл» у него лексические нивхские материалы, с середины 30-х годов упорно держался в научных кругах Ленинграда. Клевета, о которой он знал, даже в большей степени отравляла его жизнь, чем пережитые в лагерях физические и моральные страдания. Безусловно, такое обвинение было абсолютным недоразумением. Однако он не мог долгое время ответить на это, поскольку был репрессирован. Крейнович был на грани срыва. Некоторые даже думали, что он душевно болен. Всей своей работой — статьями, монографиями — он доказал, что всегда пользовался только своими материалами. Сегодня, спустя много лет после смерти исследователя, разобрав его архив, можно уверенно сказать, что Крейнович был честен в науке по отношению к себе, своим информантам, коллегам и учителям. В рукописи «История моего отношения к гиляцкому лингвистическому архиву Л.Я.Штернберга» он с болью описал искаженные события и свою работу над архивом учителя, убедительно опроверг все домыслы и кривотолки. Рукопись, датированная 1968 г., не предназначалась для публикации: слишком резки были оценки упомянутых в ней людей. Скорее, это была исповедь, обращенная к потомкам: «Вовлечение меня в подготовку к печати гиляцких лингвистических материалов Л.Я.Штернберга вылилось в величайшую трагедию моей жизни, по поводу которой я вынужден составить нижеприводимое объяснение. Я не могу больше жить, не дав его <...>» — писал Крейнович в первых строках рукописи⁵⁵. По-видимому, не случайно его единственная работа по истории науки посвящена Л.Я.Штернбергу как исследователю нивхского языка⁵⁶. Он начал добиваться восстановления правды и признания научных заслуг в отношении другого исследователя аборигенов Сахалина, товарища Штернберга по сахалинской каторге, незаслуженно забытого Б.О.Пилсудского, когда обнаружил новые неопубликованные материалы о нивхской культуре. Блестящий доклад Крейновича на годичной сессии Института языкознания об обнаруженных им записях любовных лирических песен нивхов, сделанных в конце XIX в. Б.О.Пилсудским, произвел большое впечатление на ученых. Эти фольклорные тексты стали публиковаться Сахалинским краеведческим музеем лишь с 1997 г. в издании «Известий Института наследия Бронислава Пилсудского»⁵⁷.

Своеобразным спасением стал брак Юрия Абрамовича с Галиной Александровной Разумниковой в 1965 г. Они прожили

вместе двадцать лет, поддерживая друг друга. Здоровье, подорванное еще в юношеские годы, а затем и в сталинских лагерях, все чаще напоминало о себе. Бесконечные стрессы и психическое напряжение от пережитого сказались на общем состоянии. Через год после женитьбы у Крейновича случился тяжелый инфаркт. Несколько лет понадобилось на то, чтобы восстановить силы и поправить здоровье. Несмотря на все сложности и превратности судьбы, ученый продолжал работать.

Крейнович был одним из ведущих специалистов в области редких и исчезающих языков народов Сибири. Такой выбор диктовался скорее обстоятельствами жизни, а не только личными пристрастиями автора. Ученый анализировал и скрупулезно разбирал сложнейшие лингвистические системы, абсолютно непохожие друг на друга. Он изучал ительменский, эвенский, чукотский, юкагирский, нивхский, ненецкий языки, начал изучать китайский язык. Не всякий современный лингвист может похвастать таким «послужным» списком. В 1957 г. он стал старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР.

В конце 50-х годов Крейнович выезжал в лингвистическую экспедицию в Среднеканский район Магаданской области, где собирал материалы по юкагирскому языку⁵⁸. В 1958 г. была опубликована его книга «Юкагирский язык». Затем последовали такие статьи и монографии, как «О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке», «Об изучении языка сымских кетов» и ряд других. В 1968 г. вышла в свет монография «Глагол кетского языка», которая стала основой его докторской диссертации, защищенной в 1972 г. Одна из тем его работ в области лингвистики — сравнительные языковедческие исследования, которые важны не только с точки зрения законов развития языка, но и для выяснения вопросов исторического характера, этнических связей и этногенеза. Из-под его пера вышли статьи, в которых анализировались параллели нивхского и тунгусо-маньчжурских языков, отдаленные исторические связи с корейским, монгольским и другими языками⁵⁹. Конечно, лингвистические работы Крейновича заслуживают специальных исследований языковедов, и мы уверены, что они еще впереди.

Ученый не оставил работу над нивхским языком, начатую еще в 20-е годы. Он составил двухтомную рукопись большого нивхского словаря (более 500 страниц), в которой записал слова, словосочетания и предложения на амурском и восточносахалинском диалектах с указанием места записи и имени информанта. Рукопись не опубликована до настоящего времени и хранится в личном архиве Крейновича⁶⁰.

Ученый использовал любую возможность для общения с северянами, которые учились в Педагогическом институте им. А.И.Герцена в Ленинграде. Со студентами-нивхами Н.Зескиным, Л.Тывусом и другими он выяснял произношение и значение отдельных слов и словосочетаний, относящихся к разным областям традиционной культуры. Причем одинаковые вопросы он задавал нескольким людям, проверяя таким образом правильность и точность переводов, диалектные различия. Его отличала удивительная работоспособность. Самыми преданными помощниками были Николай Удинович Воксин, Иван Степанович Хуган, Лидия Чвыгайн, Валентина Сачгун, Владимир Санги и многие другие нивхи. В гостях у него на улице Красной бывали Виктор и Валентина Сачгун из поселка Катангли Ногликского района, которые много лет работали с ученым. В архиве Крейновича сохранились тетради с фольклорными текстами в записи Л.Чвыгайн, магнитофонные пленки с ее голосом. Между ними поддерживалась тесная и плодотворная переписка⁶¹.

Учительница математики из сахалинского поселка Ноглики Г.И.Паклина, работавшая с ученым в его ленинградской квартире, вспоминала, что Юрий Абрамович работал без устали по несколько часов подряд, спрашивая и уточняя смысл и произношение фраз. Он прерывал работу лишь в том случае, если уставал сам информант. За искренний интерес к нивхской культуре местные жители уважали и любили его. Навещали ученого нивхи Гоша Мечкин, Галина Отаина и др. Параллельно он занимался с юкагиром Гавриилом Николаевичем Куриловым, братом известного юкагирского писателя, с кеткой Ольгой Твегановой. Г.А.Отаина и Г.Н.Курилов закончили аспирантуру Института языкознания АН СССР и посвятили свою жизнь изучению родных языков и культур.

Спустя тридцать лет, в 1957 и 1960 гг., Крейнович вновь ездил на Сахалин к нивхам. Многих друзей уже не было в живых, некоторые знакомые нивхи были репрессированы в 30-е годы, кто-то был в преклонном возрасте. На острове произошли большие перемены. В Тымовской долине, на восточном и западном побережьях давно исчезли маленькие стойбища рыбаков и оленеводов, в которые когда-то он ходил пешком. Нивхские стойбища Чайво, Тыгмыч, Ныйво, Набиль, Такрво и другие остались только на бумаге, в тщательно зафиксированных Крейновичем карандашных схемах, которые показывали расположение мест промыслов, сбора ягод, кореньев, рыболовных тоней. На лесистых берегах устья р. Тымь вырос новый, благоустроенный поселок Ноглики.

Е.А.Крейнович в последние годы жизни

Ученый с удовольствием общался с нивхами, записывал фольклорные тексты, уточнял записи тридцатилетней давности. Там, в «поле», он был в своей любимой стихии: новые встречи и впечатления, новые материалы. В полевом дневнике он записал, что очень хорошее впечатление произвел на него молодой нивх Анатолий Кавозг из Набиля, который долго жил в отдаленном селении вместе с престарелыми родными и от них унаследовал прекрасное знание нивхского языка, мифов и легенд, приемов охоты на морских и лесных животных. Они много разговаривали по-нивхски, и Юрий Абрамович был рад, что есть еще знающие молодые нивхи, достойные своей богатой народной культуры. Материалы, собранные в 1926—1928 и 1931 гг., дополненные в 1957 и 1960 гг., послужили основой для книги «Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура», которая вышла в свет значительно позже, в 1973 г.

Научно-популярная книга «Нивхгу» является, пожалуй, главным трудом его жизни. Был подготовлен огромный материал — несколько сот страниц рукописного и машинописного текстов составляют черновой вариант этой интересной и увлекательной монографии. Вновь возвращаясь в прошлое, вспоминая и выби-

рая из дневников 20—30-х годов самое главное о традиционной жизни нивхов, которую он успел зафиксировать, ученый хотел явить миру научное откровение. Содержащиеся в книге перво-классные этнографические материалы, представленные в литературно-художественном обрамлении, на фоне личного пути в науке, делают ее постоянно востребованной. Форма изложения материала в виде дневника необычна для отечественных изданий того времени. Вновь ожили на ее страницах особенности самобытной культуры — ловля первой рыбы, сцены убиения выращенного в селении медведя, ритуал сожжения покойного. Мы видим нивхов его глазами: идем вместе с ним по льду залива на коллективную рыбалку, слушаем легенды о горных и морских людях, присутствуем на медвежьем празднике. В книге вернулась, чтобы уже не уходить, юность ученого.

В начале 70-х годов, когда книга Крейновича была опубликована, нивхское общество уже далеко ушло от самобытных традиций своих предков. Многие обычаи и знания были утеряны в процессе той самой советизации общества, в которой деятельное участие принимал ученый в молодости. Наступление индустриальной цивилизации на аборигенов кардинально изменило самих нивхов и их землю, так что собранные ученым материалы стали уникальными не только для науки, но и для потомков тех самых «загадочных обитателей Сахалина и Амура». В 2001 г. книга «Нивхгу», снабженная вступительной статьей об ученом, дополненная предисловием, редкими фотографиями Е.А. Крейновича и рисунками нивхов из его архива, была переиздана на Сахалине и вскоре исчезла с книжных полок магазинов⁶².

Первая часть монографии посвящена анализу хозяйственной жизни (орудиям и способам рыболовства и охоты) в свете трактовки роли средств производства марксистской философией. В этой и других частях книги «рассыпаны» интереснейшие материалы о знаниях нивхов о животных и растениях. «<...> Этнограф не может обойтись без знания ботаники и зоологии», — писал Юрий Штернбергу в мае 1927 г., столкнувшись, по-видимому, с проблемой определения растений⁶³. К сожалению, он не смог собрать гербарий, а названия растений в подавляющем большинстве случаев даны на нивхском языке, без русского перевода, что снижает ценность этих материалов. Во второй части рассмотрены общественные отношения нивхов, которыми Крейнович интересовался вслед за Штернбергом, и это была одна из важных тем эволюционистского направления в этнографических исследованиях. Он был последователем Штернберга во взглядах на родовой строй нивхов.

Особенно интересны, а сейчас и уникальны полевые материалы по религиозным воззрениям, вошедшие в третью часть книги.

Материалы, раскрывающие особенности медвежьего праздника у нивхов (на трех он присутствовал лично), представляют исключительную ценность. Записи делались на нивхском языке во время праздников от знающих информантов и единодушно считаются специалистами наиболее полными. Описания удачно дополнены рисунками самих нивхов. Ученый же критически подходил к этим записям (кого из настоящих исследователей не охватывало подобное чувство?!) и признавался: «Я стою рядом с этим прошлым (речь идет о медвежьем празднике. — *Т.Р., А.С.*), но в действительности нахожусь очень далеко от него — все это чуждо и потому недосыгаемо. Это иной, чрезвычайно интересный мир, но я чужой в нем, чужой»⁶⁴. Кроме материалов о медвежьем празднике Крейнович собрал уникальные материалы о похоронном обряде, в частности о похоронах близнецов, утнувших, об их культе. Обширные комментарии и словаря-указатель использованных нивхских слов и названий завершают книгу.

Методологические установки автора представляли собой смесь марксизма и эволюционизма. На нивхском материале он обращался к проблемам истории первобытного общества. В своих теоретических обобщениях автор широко использовал метод пережитков, находя их в изобилии в традиционной нивхской культуре и языке. Фактически, согласно Крейновичу, вся традиционная нивхская культура — это пережиток, сохранившийся к началу XX в., и он прямо экстраполировал ее на время неолита. Исследователь считал, что мировоззрение нивхов — это «почти не тронутое еще ничем мировоззрение неолита — каменного века. <...> Я <...> этнограф буду жить в живой культуре неолита»⁶⁵. Между тем о постепенных изменениях в культуре нивхов, происходивших столетиями под влиянием контактов с соседними народами Восточной Азии — маньчжурами, китайцами, японцами, а затем и с русскими, под влиянием торговли, существовавшей на Амуре и Сахалине с древних времен, писали и говорили еще его предшественники⁶⁶.

Уже в те годы он разделял позиции современных феминистов (отчасти это и марксистская традиция), считая, что происхождение различных запретов в нивхском обществе по половозрастному признаку связано с узурпацией прав мужчинами-старейшинами (мужчина — «квинтэссенция человечества», по его собственному ироничному выражению). Он писал об униженном и подчиненном положении женщины в нивхском обществе, что не подтверждается позднейшими наблюдениями⁶⁷. Такая позиция, по-видимому, была связана с утверждением в советском государстве идеи равноправия, в том числе и по половому признаку.

Крейнович, ссылаясь на свои полевые материалы, работы Штернберга и других авторов, был уверен, что у нивхов бытовало понятие собственности на родовые угодья. Известная исследовательница народов Дальнего Востока А.В.Смоляк придерживалась противоположного мнения, ссылаясь при этом на те же работы Штернберга. Вопрос о собственности на родовые угодья был связан с поисками оснований для выделения территорий коренному населению. Разные точки зрения объяснялись не только конкретным местным контекстом, но и спецификой собственности, неразработанностью этого понятия в традиционных обществах. Вопрос о собственности на угодья у нивхов, как и у других народов Сибири, остается открытым⁶⁸.

Редакторские правки текста не нравились автору. Он был ограничен в объеме книги, поэтому часть подготовленных лингвистических и этнографических материалов по культуре медведя и медвежьему празднику, о пережитках группового брака и другие были изданы позже отдельными статьями в отечественных и иностранных научных журналах⁶⁹.

Крейнович поддерживал переписку со многими коллегами в стране и за рубежом, с отечественными и зарубежными издательствами. В его архиве хранятся несколько тысяч писем от многих корреспондентов, в основном на научные темы. Так, ему писали из редакции журнала «Вопросы языкознания», издательства «Наука», известные ученые, как отечественные (Д.А.Ольдерогге, В.В.Виноградов), так и зарубежные (Х.Такеси, Р.Аустерлиц, Р.Якобсон). Останавливался в его доме исследователь из Венгрии Я.Варга. Крейнович был общительным человеком. «К нам постоянно приходило множество людей: его ученики, аспиранты, с которыми он занимался, северяне, приезжавшие с Кольского полуострова и Дальнего Востока, коллеги из ученого мира, — вспоминала Е.А.Разумникова. — В день рождения Юрия Абрамовича с поздравлениями приходили его молодые друзья: А.П.Володин, А.С.Асиновский, Н.Б.Вахтин, Е.В.Головко. Дружеская беседа перемежалась чтением стихов. Особенно он любил Н.Гумилева и А.Блока»⁷⁰.

В последние годы жизни силы стали покидать его. Обострились старые болезни. Врачи обнаружили опасное заболевание, но диагноз скрывали от больного и его родных. Ученый решил перебраться из шумного Ленинграда в город Пушкин, в дом ветеранов для ученых Академии наук. В то время там жили Л.Пантелеев, В.Шифнер, Н.И.Гаген-Торн и другие ученые. Семья отнеслась к его решению спокойно: условия жизни в пансионате были хорошие. В 1983 г. Крейнович перенес первую операцию. Здоровье продолжало стремительно ухудшаться, и он

почти не выходил на прогулки. Затем последовали больница и еще одна тяжелая операция. Уже все ночи напролет жена дежурила у его постели. Ерухим Абрамович Крейнович ушел из жизни 20 марта 1985 г. Проститься с ним пришли коллеги, сотрудники Института языкознания АН СССР и самые близкие люди. По его завещанию тело кремировали, как это было принято у нивхов. Прах Е.А.Крейновича покоится на одном из петербургских кладбищ.

* * *

Жизнь и судьба лингвиста и этнографа Ерухима Абрамовича Крейновича повторяют изломы и коллизии непростого, порой трагического развития советского общества и науки. Его формирование как этнографа пришлось на 20-е годы, время теоретико-методологического многообразия в этнографии. Это был последний период «дореволюционного» этапа развития отечественной этнографии, характеризующийся преемственностью и небывалым предкризисным расцветом. Совершенно справедливо вести отсчет первого периода в развитии «советской» этнографии не с 1917 г., а с 1929—1931 гг.⁷¹.

Воспитанный на традициях «старой школы», один из самых любимых учеников Штернберга, Крейнович в чем-то и повторил судьбу своего учителя, но с противоположным знаком. Л.Я.Штернберг, ставший этнографом и лингвистом в ссылке на Сахалине, и Е.А.Крейнович, сохранившийся как языковед и этнограф, несмотря на лагеря и ссылку. Ирония истории состояла в том, что Крейнович попал в лагеря именно в советское время и, по-видимому, в худшие условия, чем его учитель. Но, как и Штернберг, Крейнович не сидел сложа руки, не впал в уныние, продолжая научные исследования. Он пошел дальше своего учителя в области изучения языка и культуры нивхов.

В середине—второй половине XX в. уже почти не осталось исследователей-этнографов, которые бы в совершенстве владели языками коренных народов Сибири и Дальнего Востока и одинаково хорошо писали работы по языкознанию и этнографии этих народов. Одним из таких ученых и был Крейнович. Безоглядная преданность науке, стремление к творчеству и самореализации помогли ему пройти через все жизненные испытания. Наследие Крейновича составляют несколько фундаментальных научных трудов и множество других исследований, а также большой личный архив, требующий изучения и публикации.

¹ Е.А.Крейнович завещал после смерти закрыть доступ к своему архиву на 10 лет, по прошествии которых вдова ученого Галина Александровна Разумникова передала его в Сахалинский областной краеведческий музей. См.: *Роон Т.П.* Личный архив Ю.А.Крейновича. — Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1994, вып. 4, с. 44—51. Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ) и Т.П.Роон выражают глубокую признательность Г.А.Разумниковой и доктору филологических наук Н.Б.Вахтину за участие в судьбе личного архива Е.А.Крейновича и помощь в его передаче музею.

² Из Сибири (г. Иркутск, Читинская обл., с. Олентуй) и Дальнего Востока (о-в Сахалин, г. Хабаровск) Е.А.Крейнович написал Л.Я.Штернбергу 22 письма, которые сейчас хранятся в ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154. А.А.Сирина искренне признательна сотрудникам архива за неоценимую помощь в работе.

³ Эти материалы находятся в Российской национальной библиотеке (РНБ), в еще не обработанном фонде, составляющем часть проекта «Ленинградский мартиролог» (соруководитель проекта А.Я.Разумов). Копии материалов были любезно переданы Н.Б.Вахтиным авторам настоящей статьи и ныне хранятся в личном архиве А.А.Сириной.

⁴ Личный архив Т.П.Роон. Переписка с Г.А.Разумниковой поддерживается с 6 марта 1996 г.

⁵ Свидетельство о рождении Е.А.Крейновича, г. Невель, 1913 г. — СОКМ. Колл. № 6473 (личный архив Крейновича), ед. хр. 30.

⁶ *Крейнович Е.А.* Автобиография. Рукопись, 1951 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 20, с. 2.

⁷ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 1 марта 1999 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁸ *Крейнович Е.А.* История моего отношения к архиву Л.Я.Штернберга. Рукопись. 1968 г. — СОКМ. Колл. № 6473. Архив Крейновича в настоящее время еще не полностью обработан, и эта рукопись, как и некоторые другие, пока не имеет номера.

⁹ *Крейнович Е.А.* Автобиография. Рукопись, 1951 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 20, с. 20.

¹⁰ Там же; удостоверение о командировке Крейновича в Херсон на производственную практику в 1925 г. — Там же, ед. хр. 84.

¹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975, с. 208.

¹² *Крейнович Е.А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Амура и Сахалина. Л., 1973, с. 11—12.

¹³ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г., с. 6. — Личный архив Т.П.Роон.

¹⁴ *Крейнович Е.А.* Нивхгу..., с. 12.

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855. М., 1947; *Бошняк Н.К.* Экспедиция на Сахалин. — Морской сборник, 1858, № 11; *Смоляк А.В.* Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине. — СЭ. 1954, № 3, с. 77—82; *Поляков И.С.* Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг. — Приложение к Известиям Русского географического общества. СПб., 1883, т. XIX; *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. В трех томах. СПб., 1899; *Пилсудский Б.О.* Аборигены острова Сахалина. — Живая старина. СПб., 1909, т. XVIII, вып. 2—3; *он же.* Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о-ва Сахалина. СПб., 1910; *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

¹⁷ Документы Сахалинского ревкома 1926—1928 гг. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 72—94.

- ¹⁸ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 59об., 12—13.
- ¹⁹ Там же, л. 9об., 10, 20об.
- ²⁰ СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 88, л. 1.
- ²¹ *Крейнович Е.А.* Отчет за 1927 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 104.
- ²² *Крейнович Е.А.* Тузсоветы в стойбищах. — Советский Сахалин. 20.05.1928.
- ²³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, № 154, л. 17об., 59об.
- ²⁴ *Крейнович Е.А.* Л.Я.Штернберг как исследователь палеоазиатов. Рукопись. — ПФ АРАН, ф. 250, оп. 5, ед. хр. 45, л. 11.
- ²⁵ Рисунки нивха Керкера. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 212—223.
- ²⁶ Письмо Л.Я.Штернберга Е.А.Крейновичу на Сахалин от 14 июня 1926 г. — Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001, вып. 5, с. 202—203.
- ²⁷ Письмо Е.А.Крейновича С.А.Ратнер-Штернберг. — ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 45.
- ²⁸ См. работы Е.А.Крейновича: Очерк космогонических представлений гиляков. — Этнография. 1929, № 7 (1), с. 78—102; Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков. — Этнография. 1930, № 9 (1—2), с. 89—113; Собаководство у гиляков и его отражение в религиозной идеологии. — Этнография. 1930, № 12 (4), с. 29—54; Морской промысел гиляков деревни Куль. — СЭ. 1934, № 5, с. 78—96; Охота на белуху гиляков деревни Пуир. — СЭ. 1935, № 2, с. 108—115; Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков. — Вопросы истории доклассового общества. М.—Л., 1936 (Труды Института антропологии и этнографии, т. 4), с. 711—754.
- ²⁹ *Шаньшина Е.А.* Мифология первотворения у тунгусоязычных народов Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток, 2000, с. 11.
- ³⁰ *Крейнович Е.А.* Очерк космогонических представлений гиляков. — Этнография. 1929, № 7 (1), с. 78—102.
- ³¹ Личная карточка Ю.А.Крейновича. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 2830, л. 30; ф. 155, оп. 2, ед. хр. 370, л. 97.
- ³² Хроника. Совещание этнографов Москвы и Ленинграда. — Этнография. 1929, № 2, с. 110—121.
- ³³ Архив МАЭ, ф. К1, оп. 7, ед. хр. 7, л. 302—303. Цитата любезно предоставлена С.С.Альмовым.
- ³⁴ Личная карточка Ю.А.Крейновича. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 2830, л. 25.
- ³⁵ Лингвистические материалы по нивхскому, кетскому, юкагирскому, корякскому, ительменскому языкам в архиве Крейновича составляют огромный массив в сотни единиц хранения. До конца еще не обработанные, они хранятся в СОКМ (Колл. № 6473).
- ³⁶ Пьесы на нивхском языке (амурский диалект) первого нивхского драматурга М.К.Вингун. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 553.
- ³⁷ *Крейнович Е.А.* Гиляцкие числительные. — Труды ИНС. 1932, № 1 (3).
- ³⁸ Отзывы Б.Фингера и М.Серебрякова. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 63—64.
- ³⁹ *Suz dif* (Новое слово). Начальная учебная книга на нивхском языке. Л., 1932.
- ⁴⁰ *Крейнович Е.А.* Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. — Труды по лингвистике ИНС. 1937, № 5.
- ⁴¹ *Огрызко В.* Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Биобиблиографический справочник. М., 2000. Ч. 2, с. 7.
- ⁴² Об участии Н.Г.Шпринцин в развернувшихся репрессиях см.: От составителя. — Наст. изд., с. 7.
- ⁴³ Жалоба Е.А.Крейновича Генеральному прокурору СССР. 1938. Рукописная копия. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 4.

⁴⁴ Из заявления Е.А.Крейновича К.Е.Ворошилову — РНБ. Фонд «Ленинградский мартиролог» (соруководитель проекта А.Я.Разумов). Копия с копии из архива бывшего Ленинградского ГПУ—КГБ (б/н), переданная А.Я.Разумовым через Н.Б.Вахтина. Хранится в личном архиве А.А.Сириной.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г., с. 3. — Личный архив Т.П.Роон.

⁴⁷ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 25 января 2000 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁴⁸ См.: *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. Архипелаг ГУЛАГ, гл. 6, ч. 6, с. 313. Хотя Е.А.Крейнович и попал в ссылку как сложившийся языковед, но именно в ссылке он изучил кетский и юкагирский языки и, вернувшись, защитил докторскую диссертацию по кетскому языку.

⁴⁹ *Kreyovich E.A.* The Tundra Yukagir at the Turn of the Century. — *Arctic Anthropology*. 1979, vol. 16, № 1, p. 178—217.

⁵⁰ *Крейнович Е.А.* Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола). — *Страны и народы Востока*. М., 1979, вып. XX, кн. 4, с. 186—201.

⁵¹ Копия обращения И.И.Мещанинова. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 62.

⁵² Запись Е.А.Крейновича на листке бумаги. — СОКМ. Колл. № 6473, б.н.

⁵³ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г. — Личный архив Т.П.Роон; *Крейнович Е.А.* Рукопись «Человек (патетический фрагмент)». — Колл. № 6473, ед. хр. 669, л. 9.

⁵⁴ См. работы Е.А.Крейновича: *Глагол кетского языка*. Л., 1968; *Способы действия в глаголе кетского языка*. — *Кетский сборник*. Лингвистика. М., 1968; *Кетское предание об одном из их сражений с юраками*. — *Кетский сборник*. Мифология, этнография, тексты. М., 1969; *Медвежий праздник у кетов*. — Там же; *Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов*. — Там же; *Кетские загадки*. — Там же; *Об изучении языка сымских кетов*, б/м, 1969; *Анализ одной кетской легенды о птице Даб*. — *Лингвистические исследования*. М., 1983, с. 104—115.

⁵⁵ *Крейнович Е.А.* История моего отношения к архиву Л.Я.Штернберга. Рукопись 1968 г. — СОКМ. Колл. № 6473, б/н, л. 1.

⁵⁶ *Крейнович Е.А.* Л.Я.Штернберг как исследователь нивхского языка. — *Языки и топонимика*. Томск, 1977.

⁵⁷ Тетради с текстами нивхского фольклора в записи Б.О.Пилсудского. — *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. Южно-Сахалинск, 1997, вып. 1; 1998, вып. 3; 1999, вып. 4; 2001, вып. 5.

⁵⁸ Об этом вспомнила Д.П.Борисова, юкагирка, во время интервью с ней А.А.Сириной в 1998 г. в п. Сеймчан Магаданской области.

⁵⁹ *Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусско-маньчжурские языковые параллели. — *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР*. 1955, № 8, с. 135—167.

⁶⁰ *Словарь нивхского языка*. — СОКМ. Колл. № 6473, б/н.

⁶¹ Письмо Л.Чвыгайн от 11 марта 1963. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 157.

⁶² *Крейнович Е.А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Амура и Сахалина. Южно-Сахалинск, 2001. Книга издана СОКМ и Сахалинским книжным издательством при финансовой поддержке ОАО «Роснефть-Сахалинморнефтегаз». В частной беседе с одним из авторов статьи представитель этой компании отметил, что ее сотрудники стояли в очереди, чтобы прочитать вариант издания 1973 г., составивший основу переизданной книги, настолько увлекательным и интересным было для них это чтение.

⁶³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 42.

⁶⁴ Крейнович Е.А. Нивхгу, с. 196.

⁶⁵ Там же, с. 43.

⁶⁶ Смоляк А.В. [Рец. на:] Крейнович Е.А. Нивхгу... — СЭ. 1975, № 2, с. 171—174.

⁶⁷ *Shternberg Lev. The Social Organization of the Giliak. Ed. with a Foreword and Afterword by Bruce Grant. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1999, № 82; Смоляк А.В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина. — Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 264—299; Фадеева Е.В. Образ женщины в религиозном сознании и фольклоре материковых нивхов и нивхов острова Сахалин (середина XIX—начало XX в.). — Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998, с. 179—183.*

⁶⁸ Смоляк А.В. Традиционные основы природопользования у народов Нижнего Амура. — Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999, с. 126—131.

⁶⁹ См. работы Е.А.Крейновича: О пережитках группового брака у нивхов. — Страны и народы Востока. М., 1973, вып. 15; Медвежий праздник у нивхов. — Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974, с. 339—348; La fête de l'ours chez les Nivkh. — Ethnographie. 1977, № 74—75, p. 195—208; О шмидтовском диалекте нивхского языка. — Диахрония и типология языков. М., 1980, с. 133—144; О культе медведя у нивхов. — Страны и народы Востока. М., 1984, вып. 24, с. 244—283; Этнографические наблюдения у нивхов 1927—1928 гг. — Страны и народы Востока. М., 1987, вып. 25, с. 107—123.

⁷⁰ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 7 апреля 1989 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁷¹ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнографической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 119.

Е.Н.Романова

*Г.В.Ксенофонов:
миф о странствующем
герое*

Писать о Гаврииле Васильевиче Ксенофонтове (1888—1938) — ярком ученом, крупном общественном деятеле, в чьей судьбе как в зеркале отразились трагические страницы становления национальной якутской интеллигенции, зарождения якутской этнографической школы, — трудно и ответственно.

Ученый-энциклопедист, юрист, крупнейший сибиревед, он прекрасно разбирался в вопросах ориенталистики, разрабатывал собственные курсы по истории религии, занимался литературоведческими изысканиями, увлекался переводами философских работ немецких ученых, читал лекции по этнографии и фольклору народов Сибири.

Вклад Г.В.Ксенофонтова в разработку теоретических проблем архаичных форм мышления и собственно шаманства общепризнан. На его работы ссылается практически каждый, кто занимался и занимается традиционным мировоззрением, мифологией и ритуалами. Среди многочисленных поклонников ученого можно назвать известного антрополога М.Элиаде и крупнейшего религиоведа С.А.Токарева. Значительный объем текстов по шаманству якутов, бурят и тунгусов, собранных Г.В.Ксенофонтовым, был использован в книге М.Элиаде «Шаманизм. Архаичные техники экстаза», посвященной раскрытию самого феномена шаманизма, анализу его идеологии, символизма, мифологии¹. С.А.Токарев, анализируя формы первобытного мышления в своей книге «Ранние формы религии», не раз обращался к материалам якутского ученого².

Было время, когда научные выводы и положения ученого продолжали жить своей самостоятельной жизнью в работах других исследователей, странствуя из книги в книгу. Личность же ученого оставалась загадкой, образ воспринимался как своеобраз-

ный миф, имя было окутано тайной. И только в последнее время пробудился подлинный интерес к Ксенофонтову как человеку, гражданину, общественному деятелю. В то же время нельзя не отметить, что якутские ученые еще в 70-е годы прошлого столетия пытались дать объективную оценку его научной деятельности. Так, в 1978 г. в Москве в академическом издании «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» вышла статья Г.У.Эргиса, посвященная научной деятельности и рукописному наследию Г.В.Ксенофонтова³.

На сегодня наиболее полная научная биография Ксенофонтова представлена в монографическом исследовании А.Н.Дьячковой⁴. К юбилею ученого появился ряд публикаций, посвященных его жизни и научной деятельности⁵. Однако отдельные вехи его жизненного пути до сих пор остаются малоизвестными, а некоторые события требуют новой интерпретации. Допускаю, что и мое «прочтение» сложных жизненных коллизий в судьбе этого человека лишь набросок к портрету неординарной, многогранной личности.

Освещение без политических купюр жизненного пути первого якутского ученого, репрессированного в годы советской власти, полное возвращение его имени в научное сообщество — это своего рода ритуал покаяния якутского народа перед его выдающимся сыном, беззаветно служившим ему и ставшим жертвой сталинского тоталитарного режима.

Имя Гавриила Васильевича Ксенофонтова как «врага народа» на долгие годы было вычеркнуто из национальной истории саха. Тем не менее я впервые услышала о нем еще в детстве. У нас дома хранились старинные фотографии начала века, подаренные моему отцу известным историком Ф.Г.Сафроновым. Мы, дети, часто разбирали и с интересом рассматривали пожелтевшие от времени фотографии разных лет. Отец иногда собирал нас и, разложив фотографии на столе, мог часами рассказывать о каждом, кто был запечатлен на черно-белом снимке. Запомнилось, что это были удивительно красивые, умные и одухотворенные лица. На одной фотографии была изображена целая семья, на обратной стороне — карандашная надпись: «Семья Ксенофонтовых. Сыновья: Павел — юрист, расстрелян, Гавриил — этнограф-ученый, расстрелян, Аркадий — инженер в Москве, убит, Илья зверски избит, умер от побоев, Иван отправлен в Соловецкие лагеря, Константин эмигрировал в Харбин, а затем в Америку, где в скором времени умер». Вот тогда трагедия семьи Ксенофонтовых впервые вошла в мою жизнь. Потом, уже будучи студенткой кафедры этнографии и антропологии Ленинградского университета, я открыла для себя удивительный мир науч-

ных трудов якутского ученого Гавриила Васильевича Ксенофонтова.

* * *

В конце XIX в. Якутия являлась одной из наиболее отсталых частей Российской империи. Начавшееся после отмены крепостного права развитие страны по буржуазному пути почти не затронуло общественно-политическую и социально-экономическую жизнь отдаленных национальных окраин. На Якутию не была распространена ни одна из буржуазно-либеральных реформ, что еще более тормозило развитие края. Несмотря на низкий уровень образования, просвещения и культуры, в конце XIX—начале XX в. начался процесс формирования национальной интеллигенции.

Г.В.Ксенофонтов родился 16 января (4 января по ст. ст.) 1888 г. в местности Тиит-Арыы, на берегу живописной реки Лены. Сразу после рождения родители отдали его на воспитание в семью якута Ионы Слепцова. Связано это было с тем, что у Ксенофонтовых новорожденные дети часто умирали и в этом случае, согласно якутским поверьям, необходимо было поменять местожительство ребенка, чтобы запутать злых духов — *абасы*, приносящих болезнь и смерть. Гавриил был старшим сыном в семье, после него у Ксенофонтовых родились еще пять сыновей и три дочери. Ученый в автобиографии писал о своих родителях: «Мои родители — якуты Западно-Кангаласского улуса 4-го Мальжегарского наслега, Василий Никифорович Ксенофонтов и Екатерина Максимовна. Отец был состоятельным и служил по выборам в улусном управлении на разных должностях. Но меня по рождении отдали на воспитание рядовому якуту середняку Ионе Слепцову, в семье которого я вырос и прожил до поступления в школу»⁶. Научившись грамоте в сельской школе, Гавриил через год поступил в детский Мариинский приют в Якутске. Вскоре семья переезжает на постоянное жительство в город, с тем чтобы дать всем детям образование. Отец в городе устроился работать в якутскую контору Ленских приисков приказчиком по скупке и зимней доставке грузов. На этих операциях он скоро нажил значительный капитал.

Василий Никифорович Ксенофонтов сыграл заметную роль в общественной жизни маленького провинциального городка. Во многом благодаря его инициативе и настойчивости в Якутске появились телефонная связь, электричество. Позднее, в годы Первой мировой войны, В.Н.Ксенофонтов обратился к якутской общественности с призывом помочь денежными средствами

фронту. В.Н.Ксенофонтов вместе с другими якутскими интеллигентами боролся за представительство Якутии в Государственной думе, за проведение земской реформы в крае. Ксенофонтов-старший способствовал тяге своих детей к знаниям, образованию, культуре.

В 1899 г. после окончания Мариинского приюта Г.В.Ксенофонтов был принят в Якутское реальное училище, где проявил себя способным и прилежным учеником. Особых успехов Гавриил достиг в математике, за что товарищи прозвали его «Архимедом». В старших классах он стал посещать библиотеку политических ссыльных и активно читал революционную литературу. Библиотекой заведовал социал-демократ С.Ф.Котиков, который организовал в Якутске нелегальный кружок, привлекая в него демократически настроенную часть учащейся молодежи. Здесь юный Ксенофонтов впервые познакомился с работой К.Маркса «Капитал» и долгое время находился под большим впечатлением от теоретических идей, содержащихся в этом фундаментальном исследовании. Сложная по содержанию и по форме изложения книга требовала вдумчивого и кропотливого чтения и осмысления уже прочитанного. Безусловно, изучение такого рода литературы прививало навыки к работе над серьезными научными трудами и их анализу. Об этом времени Ксенофонтов писал: «В период революции 1904—1905 гг. принимал участие лишь в движении учащихся, посещая митинги, конспиративные заседания "политиков", дебатировавших вопросы аграрной политики и прочие программные документы. Но эта эпоха оставила неизгладимые воспоминания, а главное, дала марксистское научное мировоззрение, хотя вопросы политической программы большевиков и меньшевиков для меня были малопонятны и не особенно привлекали»⁷. После окончания училища, проработав год в Якутске в качестве репетитора, он в 1907 г. устраивается на работу народным учителем в сельскую школу.

По настоянию отца в 1908 г. Гавриил поступает на юридический факультет Томского университета. Надо заметить, что Василий Никифорович, пользуясь непререкаемым авторитетом, оказывал огромное влияние на сыновей. Он был человеком прогрессивных взглядов и не жалел средств для образования своих детей. Выбор В.Н.Ксенофонтовым для сына карьеры юриста был неслучайным. Вопросы права, законодательной деятельности были наиболее актуальными для молодой формировавшейся тогда национальной интеллигенции. Несомненно, на Ксенофонтова-старшего оказывал большое влияние и духовный лидер якутской интеллигенции юрист-практик В.В.Никифоров, с которым Василий Никифорович был в дружеских отношениях

через отца. С этого момента личность Никифорова станет символом-действием в жизни молодого Ксенофонтова. Заглядывая вперед, отметим, что судьбы этих двух выдающихся представителей якутской интеллигенции впоследствии будут одинаково трагичны.

* * *

Старинный сибирский город Томск жил насыщенной культурной, интеллектуальной и общественно-политической жизнью. Томский университет был не только крупнейшим учебным центром Сибири, но и средоточием общественной жизни. При Томском университете функционировало юридическое общество, впервые занявшееся разработкой земской реформы для сибирских народов. Бесспорным лидером местной интеллигенции являлся этнограф, географ и путешественник Г.Н.Потанин. Оказавшись в Томске, Ксенофонтов сразу погружается в вольнолюбивую демократическую студенческую атмосферу: увлекается идеями сибирского областничества, посещает научный кружок. Как известно, деятельность «Сибирского кружка томских студентов» предусматривала создание благоприятных условий для обучения студентов Сибири и «культивирования в них научного интереса к своей родине»⁸. Его почетными членами были выдающиеся исследователи Сибири Г.Н.Потанин и А.В.Адрианов. Именно в годы учебы Г.В.Ксенофонтова в кружке разрабатывались планы создания в Томском университете кафедры сибиреведения. Примечательно, что члены кружка были первыми, кто услышал известный доклад Г.Н.Потанина «Областническая тенденция в Сибири». Увлеченные идеей областничества, члены кружка занимались пропагандой автономистских взглядов среди интеллигенции⁹.

Григорий Николаевич Потанин, в прошлом активный член студенческого сибирского землячества, был доступен студентам-сибирякам. Он живо интересовался их жизнью, оказывал им моральную и материальную поддержку, внимательно относился к их первым научным занятиям. Он хорошо знал и якутских студентов, участвовавших в Сибирском кружке. Так, в письме к своему другу Л.Ф.Пантелееву Г.Н.Потанин настоятельно просил принять участие в судьбе студента-якута Никифорова: «...направляю Вам молодого якута Алексея Никифоровича Никифорова, студента Томского университета, юридического факультета. Он отсюда едет в Петербург на лето участвовать в занятиях Пекарского, печатающего якутский словарь. Сибирский студенческий кружок, существующий при здешнем университете, избрал его

заведующим маленькой библиотекой, какая имеется при кружке. Кружок пользуется случаем и поручает г. Никифорову закупить библиографические работы из литературы о Сибири. Обращаюсь к Вам с просьбой помочь ему приобрести для кружка книгу Драгоманова "Россия и Польша"¹⁰.

Очевидно, что сокурсник Ксенофонтова студент Никифоров и привел его в кружок и там познакомил с самим Потаниным. Более того, Ксенофонтов сразу же подключился к научной работе Никифорова, и они скоро вдвоем составили редакторские комментарии к «Малому словарю якутского языка» Э.К.Пекарского. Молодой, подающий надежды студент-исследователь Никифоров умер очень рано, Ксенофонтов лишился близкого друга¹¹. Гавриил Васильевич сразу вошел в число талантливой студенческой молодежи, активно проявлявшей себя в общественной и научной жизни университета. Прогрессивная, либерально-демократическая среда города во многом определила будущее студента-якута. В эти годы могла произойти встреча Ксенофонтова и с этнографом А.В.Адриановым.

А.В.Адрианов жил в это время в Томске и активно пропагандировал этнографические знания. В 1909 г. по его инициативе состоялся «Сибирский вечер», на котором присутствовал Г.Н.Потанин. В этом вечере участвовали представители разных коренных народов Сибири, среди них и якуты¹². В якутском импровизированном «исполнении олонхо (эпоса)» на сцене участниками были и сами члены Сибирского кружка. Именно на этом вечере Адрианов выступил с докладом «Шаманская мистерия», после чего состоялось камлание алтайского шамана. Можно представить, какой мощный импульс был послан находившимся в зале участникам происходящего «действия». Возникает вопрос: а не в этот ли памятный вечер молодой Ксенофонтов впервые серьезно задумался о стезе этнографа? О том, что Ксенофонтов мог там присутствовать, говорит и тот факт, что денежные сборы от вечера шли в пользу Сибирского кружка. Еще учась в Томске, Ксенофонтов во время летних каникул начинает изучать религиозные верования, собирать фольклорные материалы, все большее внимание уделяя «устной летописи» народа саха.

Таким образом, подводя итог «томского периода» в жизни ученого, следует отметить, что на формирование его научных и политических взглядов оказали влияние такие крупные ученые, как Г.Н.Потанин, который одновременно являлся идеологом сибирского областничества, и продолжатель его идей этнограф А.В.Адрианов.

В 1912 г. Ксенофонтов получает диплом юриста второй степени и предложение Н.Н.Розина остаться на кафедре уголовного права для подготовки к профессуре. Гавриил Васильевич отказывается от предложения и поступает в адвокатуру в качестве помощника присяжного поверенного в Омском округе с местожительством в Томске. Год он занимается судебной практикой под руководством присяжного поверенного Б.М.Гана, а затем возвращается в Якутск. С этого времени начинается его блестящая карьера адвоката. Профессиональные знания, полученные в университете, давали возможность молодому адвокату защищать своих клиентов как в гражданских, так и в уголовных делах. «К нему за помощью обращались люди разных национальностей, принадлежащие к различным слоям общества, — пишет А.Н.Дьячкова. — На его счету было множество судебных дел. Но за все дела он брался с одинаковой мерой ответственности и стремился довести дело до конца, добиваясь справедливого решения дела, сколько бы времени оно ни потребовало»¹³. Прекрасное владение двумя языками (якутским и русским), эмоциональная, образная речь, великолепное знание греческого, латыни и немецкого языков делали его выступления яркими и запоминающимися. Речь его на судебных процессах была строго выверена и логична, по свидетельствам очевидцев, он обладал незаурядным ораторским искусством. Вскоре он становится одним из самых известных юристов в Якутске. Многие уже специально едут из далеких сел, чтобы попасть на прием к справедливому адвокату «Гавриилу».

В 1913 г. он получает документы на ведение всех ценных бумаг, связанных с иркутской фирмой Громовых и, таким образом, становится частным поверенным в делах А.И.Громовой¹⁴. Позднее он ведет финансовые дела фирмы «Московское торгово-промышленное общество взаимного кредита», становится адвокатом торгового дома «Рубанович и Мордухович». Вот здесь и пригодились математические способности Г.В.Ксенофонтова. Он легко разбирался в запутанных денежных операциях любой фирмы и мог без труда представлять их финансовые интересы в суде.

Однако активная натура Гавриила Васильевича не позволяла ему ограничиться только адвокатской практикой, в нем жила тяга и к общественной жизни. В своей автобиографии он по этому поводу пишет: «С 1913 до революции 1917 года проработал в адвокатуре, попутно занимаясь среди якутов и общественной деятельностью интеллигента-культурника»¹⁵. И это было вполне закономерно, так как дореволюционная юриспруденция включа-

Семья Ксенофоновых. 1914 г.
Г.В.Ксенофонов — сидит, второй справа, рядом с отцом

ла в себя не только теоретические правовые и процессуальные дисциплины, но и изучение «традиционных» обществ, сравнительное правоведение, историю древнего права, социологию. Более того, во второй половине XIX в. право и антропология (этнография) как самостоятельные отрасли научного знания развивались параллельно; в то время многие известные антропологи (этнографы) были юристами либо имели уже юридическое образование. Следовательно, юридическую деятельность Ксенофонтова можно рассматривать как ступень на пути становления его как профессионального этнографа.

В этом контексте открытие в 1913 г. в Якутске отдела Императорского русского географического общества, в работу которого сразу же активно включился Ксенофонов, можно считать в какой-то степени знаменательным. Следует заметить, что почетными членами общества в то время стали известные исследователи быта и культуры народов Якутии Э.К.Пекарский, В.М.Ионов, Н.А.Виташевский, В.И.Иохельсон, В.Г.Богораз-Тан. Этнографическая «заряженность» Географического общества дала, таким образом, молодому юристу новый импульс к изучению народной культуры. Его первые юридическо-антропологические исследования обращены к правовому положению коренных народов

Якутии. Вопросы просвещения и образования также волновали молодого юриста. Так, в 1914 г. в газете «Якутская окраина» появляется статья Ксенофонтова «Нужна ли якутам письменность?». Появление в массовой печати серии ярких публикаций о необходимости обучения родному языку и создания собственного якутского букваря стали заметным событием в общественной жизни Якутска¹⁶. Позднее, в 1916 г., в продолжение этой темы он выступит на страницах печати с предложением об открытии университета.

В статьях Ксенофонтова поднимались наиболее острые проблемы народного образования, просвещения и развития культуры, и в этом отношении они продолжали лучшие просветительские традиции интеллигенции. Следует особо отметить, что взгляды Ксенофонтова следует рассматривать в контексте философских размышлений якутской интеллигенции, которые отражали духовный универсум того времени, ментальность определенной части якутского общества¹⁷. «Жизнь властно требует радикальных изменений во взаимоотношениях между отдельными группами, классами; жизнь вносит коррективы в обычное (якутское) право, а для этого нужны нам юристы из своей же среды, отсутствие совета и помощи которых так тягостно сказывается на малоимущей, бедной части населения. Нам, наконец, и это самое главное, нужно поднять свое правовое и экономическое положение, а для этого необходимо исследовать, изучить свой родной край; необходимо те мертвые богатства, кои покоятся в недрах нашей земли и о которых так много говорят и пишут, превратить в действительное богатство края. И многое, многое, что уже есть у наших соотечественников, нам только приходится желать. Ждать, что кто-то придет к нам и устроит нашу жизнь, что кто-то поднимет наше благосостояние, нам не приходится. Это дело наше, ибо каждый должен ковать свое счастье сам; мы сами должны думать и заботиться о себе. Давно известно, что, чем образованнее народ, тем он лучше живет. Следовательно, мы должны думать о том, чтобы как можно больше было из нашей среды, из коренного населения Области людей с высшим образованием <...> Нам нужен университет»¹⁸. Это выдержка из статьи Ксенофонтова «Основные задачи якутской интеллигенции», опубликованной в газете «Якутские вопросы» в 1916 г. Редактором газеты был В.В.Никифоров — давний знакомый Ксенофонтова, разделявший его взгляды и духовные интересы. Никифоров — бывший адвокат, когда-то повлиявший на выбор профессии Ксенофонтовым, приглашает его работать в свою газету. К этому времени Никифоров становится идеологом национально-освободительного движения в Якутии, создавшим первую по-

литическую организацию «Союз якутов». Этот человек оказал огромное влияние на формирование гражданской позиции Ксенофонтова. В годы Первой мировой войны они сотрудничали в политическом Красном Кресте, выступали против привлечения якутов как «инородцев» к военным действиям.

Большие надежды связывала национальная интеллигенция с Февральской революцией, знаменовавшей падение монархического режима. Без особых колебаний Никифоров и Ксенофонтов вошли в Якутскую фракцию областного Комитета общественной безопасности (ЯКОБ). На фоне этих событий в Якутии большое значение имел Первый съезд русских и якутских крестьян, работой которого руководили Ксенофонтов и Никифоров. Именно на этом съезде был образован союз «Свобода», объединивший цвет якутской интеллигенции. Основной целью союза стала идея земского самоуправления. Примечательно, что через много лет Г.В.Ксенофонтов, продолжая дело отца, настойчиво пытался претворить земскую реформу в жизнь. Деятельность этой организации переросла рамки обычного союза, и вскоре на ее основе была образована партия Якутский трудовой союз федералистов. Новая партия якутской интеллигенции продолжала лучшие традиции первой политической организации «Союз якутов». Идеями вдохновителями и лидерами партии вновь стали соратники-единомышленники Никифоров и Ксенофонтов. Якутские федералисты последовательно развивали идеи суверенитета, стояли на принципах федеративного устройства государства, в чем, несомненно, сказались областнические взгляды их лидера Ксенофонтова. Об авторитете Ксенофонтова как политического деятеля свидетельствует тот факт, что он единодушно был избран от федералистов депутатом в Учредительное собрание. Одновременно Ксенофонтов занимается подготовкой к выборам в земские учреждения. Во многом благодаря его усилиям в октябре 1917 г. стало возможным открытие земства в Якутии. Став земским гласным от Западно-Кангаласского улуса, Ксенофонтов разворачивает энергичную деятельность по развитию земских учреждений в Якутии, выезжает в Омск, представляя интересы области. Перед Сибирским правительством он ходатайствует о предоставлении денежного кредита, пособий для развития просвещения, добивается положительного разрешения вопроса о строительстве Аянской дороги¹⁹.

Дальнейшие события резко изменили ситуацию демократического подъема в Якутии. Приход к власти большевиков в Петрограде расколол, как и повсюду в России, местное общество на два непримиримых лагеря, размежевал интеллигенцию, оттолкнув ее либерально-демократическую часть. Деятельность якут-

ских федералистов не вписывалась в эпохальную картину пролетарской революции. Надежды якутской интеллигенции теперь были связаны только с созывом Учредительного собрания и с Сибирской областной думой. Как депутат от Якутской области, Ксенофонтов принимал непосредственное участие в работе Сибирской думы, идейными вдохновителями которой были его давние знакомые — патриарх сибирского областничества Потанин и его последователь Адрианов. Казалось, что пришло их время. Однако мечтам об автономной и свободной Сибири не суждено было сбыться. С разгоном Учредительного собрания и ликвидацией Сибирской думы период активной политической деятельности Ксенофонтова завершился: реализовать областническую программу так и не удалось, в сентябре 1921 г. Дума была распущена. Летом 1919 г. Ксенофонтов возвращается в Якутск и начинает работать заведующим юрисконсультским отделом областной управы. Благодаря его энергичной деятельности в Якутской области началось формирование суда присяжных заседателей из числа земских гласных²⁰. Сам Ксенофонтов был избран заместителем председателя областного земского собрания, но вооруженный переворот большевиков осенью 1919 г. навсегда похоронил надежду на земское самоуправление. Не желая сотрудничать с новой властью, Ксенофонтов уходит со службы.

В этот бурный для Гавриила Васильевича период политическая деятельность не оставляла времени для научных штудий, но свою работу в местном Географическом обществе он не прекратил. «...Большое значение для моей будущей научной деятельности имело знакомство с тов. Ярославским, который состоял тогда консерватором Музея Географического общества и интересовался вопросами шаманизма. В первые же дни революции 1917 года он начал в Якутске свою антирелигиозную пропаганду, знакомя своих слушателей с животрепещущими вопросами науки о религии, о боге, об умирающих и воскресающих богах, о библейских мифах и прочее. Его выступления, в особенности благодаря его ораторскому темпераменту, производили очень сильное впечатление. Интерес к основным темам моих научных работ, а именно к вопросу об умирающих богах — шаманах, к изучению библейских мифов зародился во мне главным образом под влиянием тов. Ярославского»²¹. Следует отметить, что Ксенофонтов уже в те годы не принимал однолинейного эволюционного подхода при рассмотрении этнографических фактов; в своих первых научных статьях, относящихся к 20-м годам, он писал: «...не может быть народов "исторических и неисторических". Все народы безусловно историчны, и их культурная жизнь может быть изучаема методами исторического познания <...> Отрывочный эт-

нографический метод познания культуры в плоскостной проекции необходимо заменить историческим, более того историко-материалистическим. Что вытекает из сути этого требования? В частности, если говорить о самобытной культуре якутского народа, то его историк обязан быть именно историком в полном смысле этого слова, т.е. знать культурно-хозяйственную жизнь этого народа со всех сторон, его экономику, материальный быт, искусство, религию, народную поэзию — богатырский эпос, народную лирику, социально-философские воззрения народа»²². По сути, речь здесь идет о новом, комплексном, мультидисциплинарном методе, который сегодня так широко используется учеными.

* * *

Оказавшись в горниле политических событий, Ксенофонтов чувствует душевное смятение и разлад, не понимая и не принимая большевистскую диктатуру. Он хочет уединения. В сентябре 1920 г. он добивается командировки в Иркутск с целью получить там медицинское образование.

Он приезжает в город, о котором был наслышан еще с юношеских лет, ведь здесь жил когда-то кумир якутской просвещенной молодежи, первый якутский революционер — народоволец К.Г.Неустроев, выпускник Петербургского университета, получивший степень кандидата естественных наук, уроженец Кангаласского улуса, земляк Гавриила Васильевича. Ему необходимо встретиться со своим юношеским идеалом, символом свободы, равенства и братства. Тогда для них, молодых студентов, обучавшихся за пределами Якутии, Неустроев был примером беззаветного служения народу. В 1883 г. Неустроев был казнен «за оскорбление действием» генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г.Анучина. Здесь, в Иркутске, Гавриил Васильевич не раз вспоминал выученные когда-то наизусть строки предсмертного письма якутского революционера: «<...> Я был простой работник, но не изменил святыне — знамени и верю ему. Прости родина, цветы, красуйся! Прими эти пожелания от чистого сердца. Все, что я делал, писал или говорил, было искренне и исходило из глубины души»²³. Но ведь Ксенофонтов с Никифоровым также искренне желали свободы и процветания своему народу. Почему же сейчас все происходящее в стране напоминало акт насилия и произвола? Ксенофонтов чувствует свое «инакомыслие» по отношению к Советской власти, но он не может предать свои идеалы. Он решает продолжать политическую борьбу за «право быть услышанным» и выбирает своим орудием борьбы науку —

народоведение. Позднее он не раз повторял: «Относиться с уважением и даже любовью к тому народу, который вскормил, вспоил нас своими трудами, уделил нам крупицу своих племенных дарований, — это еще не значит совершить позорное, предосудительное деяние <...>»²⁴.

Гавриил Васильевич, будучи сам юристом, научная эрудиция которого базировалась в первую очередь на европейском гуманитарном знании, на греческой и немецкой философии, приходит к принципиальному убеждению о больших возможностях прикладной этнографии.

Он поступает на общественный факультет (медицинский факультет к тому времени был уже переполнен), где начинает слушать лекции по истории Сибири.

Надо сказать, что в последующих своих работах он определит этнографию наукой в высшей степени политической²⁵. Анализируя дореволюционную историю этнологии, он отмечал, что колониальная политика, воинствующая пропаганда христианства в большей мере нашли отражение в этнографических трудах и описаниях быта неевропейских народов. В связи с этим он писал: «Такие понятия, как "дикарь", низшая раса <...> должны быть выброшены за борт, ибо они порождают национальное и расовое высокомерие и создают ложное представление <...> о тех или иных народах»²⁶.

На становление же его как профессионального этнографополевика повлияла научная среда Иркутского университета, где он начинает принимать активное участие в кружке «Народоведение» и в работе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО).

В Иркутском университете в то время было только два факультета по общественным наукам: историко-филологический и юридический. Гавриил Васильевич, будучи слушателем историко-филологического факультета, начинает посещать лекции Г.С.Виноградова, М.К.Азадовского и Б.Э.Петри. Особый интерес вызывали лекции и семинары по этнографии коренных народов Сибири профессора кафедры истории первобытной культуры Б.Э.Петри, ученика В.В.Радлова и Л.Я.Штернберга²⁷.

При кафедре был свой кабинет археологии и этнографии с небольшой библиотекой и музеем. Здесь же проходили занятия студенческого кружка «Народоведение». Руководителем кружка был сам Б.Э.Петри. Вот сюда-то и стал часто заходить Ксенофонтов. Он близко знакомится с Б.Э.Петри, и тот через некоторое время приглашает его к себе на кафедру в качестве ассистента (в этот период правление Университета определило его ассистентом на кафедру восточных языков).

Проблема происхождения народов Сибири, которая так увлекала Петри, становится исследовательской темой Ксенофонтова. Молодой преподаватель под влиянием своего учителя начинает серьезно изучать археологию и физическую антропологию. В 1920 г. на одном из заседаний кружка Гавриил Васильевич делает научный доклад «Происхождение якутского народа». Текст доклада вызвал настолько оживленный интерес, что Ксенофонтову пришлось выступить вскоре еще с двумя докладами, посвященными этно- и культурогенезу народа саха. Высокую оценку им дали профессора Огородников и Петри. Особое внимание было уделено оригинальному методу исследования — привлечению широкого фольклорного материала для изучения исторических вопросов²⁸.

Важно, что якутский ученый этногенез народа саха рассматривал в контексте общей культуры Центральной Азии. «<...> Материалы по древней культуре якутов являются совершенно новой и довольно богатой категорией научных источников по ориенталистике вообще, которые в дальнейшем несомненно сыграют очень большую роль в деле изучения культурной истории всех пастушеских народов Центральной Евразии. Их исключительная ценность обуславливается тем обстоятельством, что якуты не попали в сильнейший водоворот исторических событий, сопровождавших образование империи Чингис-Хана. В эту эпоху почти до основания разрушилась самобытная пастушеская культура степных народов турецкого (тюркского. — *Е.Р.*) происхождения, которая складывалась в течение многих тысяч лет внутри монгольских степей в процессе постоянного взаимодействия с оседлой китайской цивилизацией»²⁹.

На одном из заседаний кружка Ксенофонтова увидел тогда еще совсем молодой А.П.Окладников. Вот как описывал эту знаменательную встречу известный впоследствии академик: «Среди сотрудников и учеников Б.Э.Петри я встретил еще одного человека, первая же встреча с которым поразила меня. Это был ассистент Гавриил Васильевич Ксенофонтов. Он привлек меня сразу своей необыкновенной страстностью и эмоциональной силой речи. В нем, казалось, пылал неугасимый внутренний огонь. Выразительное, красивое лицо этого человека становилось даже яростным и страшным, когда он опровергал доводы своих противников и громил ненавистные для него построения <...> Позже я узнал, что Г.В.Ксенофонтов окончил до революции юридический факультет. Но теперь весь его страстный темперамент и талант оратора-публициста был целиком посвящен истории его народа и страны»³⁰. Потом они часто встречались на заседаниях Географического общества. Свою юношескую влюбленность и

глубокое уважение к якутскому ученому А.П.Окладников пронесет через всю свою жизнь, называя его своим Учителем.

В 1921 г. Ксенофонтов в качестве члена экспедиции Петри едет в свою первую этнографическую экспедицию в Якутию для сбора материалов по религиозному фольклору. Здесь наряду с основной программой молодой исследователь изучает петроглифы на р. Лене. Лето 1922 г. проводит в Аларском аймаке Бурятии, знакомясь с шаманской верой бурят. Надо сказать, что уже к этому времени он уволился из Университета, этнография полностью поглощает его. Иркутский университет не забывал своего талантливого преподавателя. В 1924 г. он вновь получает приглашение от Б.Э.Петри:

«Многоуважаемый Гавриил Васильевич!

В недалеком будущем предполагается открыть при Педагогическом факультете Иркутского Государственного Университета Якутский разряд, который получил задание готовить преподавателей якутского родного языка, а также культурных работников в Якутской Республике.

Планы преподавания на Якутском разряде уже выработаны и посланы на утверждение в Москву.

Я уполномочен Словесно-исторической комиссией в порядке предварительных переговоров запросить Вас, не желаете ли Вы вступить в число преподавателей Якутского разряда.

Если Вас интересуют планы преподавания, канцелярия может их вам выслать.

С уважением профессор Б.Петри»³¹.

Г.В.Ксенофонтов отказывается от этого предложения, тем не менее дружеские отношения двух талантливых ученых не прекращались. Позднее Гавриил Васильевич расшифровал найденные иркутским профессором в Прибайкалье загадочные рунические письма и подтвердил гипотезу Петри о южном происхождении «курумчинской» культуры.

Итак, с этого времени «поле» становится главным источником в его исследованиях. Все его экспедиции носили длительный стационарный характер: для сбора материалов по этнографии, фольклору, шаманству у северных якутов он поступил на службу секретарем Северного отделения Якутского наркомата торговли и промышленности и потому прожил на Севере около года. В 1925 г. он совершил самую продолжительную экспедицию по маршруту: Якутск — остров Тойон Ары — таежные районы Западно-Кангаласского улуса и Средневилюйский улус — Вилюйск — Верхневилюйск — Марха — Нюрба Шея — Сунтар — Хочинский улус — Брангатский наслег — Чона — Эрбогаче — Ново-Туруханск — Красноярск. В 1926 г. ученый съездил в Хакасию и та-

ким образом завершил свой намеченный маршрут. О своем самом длительном полевом сезоне Ксенофонтов писал: «Приехав в Якутск, я поступил секретарем Северного отделения Якутского наркомата торговли и промышленности, чтобы иметь возможность прожить за полярным кругом и изучать на месте шаманство среди самых отсталых и окраинных якутов — оленеводов и рыболовов. Прожил год в низовьях Лены в с. Кюсюр. За это время совершил двухмесячную поездку к устью р. Оленек для изучения быта тамошнего населения. В октябре 1924 вернулся в Якутск и здесь до конца декабря изучал якутский фольклор, разъезжая по Кангаласскому улусу. Совнарком Якутии дал мне командировку в центр для обработки собранных мною этнографических материалов, определив научным сотрудником при Наркомпросе. Зимой, в феврале 1925 г., я выехал в центр через Вилюй, Чону, Эрбогачон, Нижнюю Тунгуску, Туруханск, Красноярск, чтобы найти новые материалы по верованиям и фольклору якутов Вилюя, а также ознакомиться с шаманством тунгусов бассейна Нижней Тунгуски, живущих вне якутского влияния. Приехав в июле в г. Красноярск, я совершил месячную поездку в Хакасию для ознакомления с бытом, языком хакасов в целях уяснения степени родства с якутами»³². Так был собран обширный корпус источников по этнографии, фольклору, мифологии, ритуалу, верованиям и искусству якутов, эвенков, хакасов. Следует отметить, что в экспедициях Гавриил Васильевич все зарисовки к своим материалам делал сам, и делал это профессионально. Сохранились его великолепные зарисовки орудий быта, ритуальных предметов, шаманского костюма, орнаментальных знаков и др.

К сожалению, это была его последняя экспедиция: по состоянию здоровья ученый вынужден был уехать из Якутии, сначала в Ленинград, а затем в Москву. 23 мая 1927 г. в Якутском представительстве в Москве Ксенофонтов выступил с обширным докладом о проделанной научной работе перед правительством Республики. Отчет был единодушно утвержден, а Ксенофонтову назначили ежемесячную правительственную стипендию в размере 200 рублей³³. Приехав в Иркутск, он продолжает успешно выступать с лекциями и докладами. Как раз тогда при ВСОРГО образовалась якутская секция и Ксенофонтов стал ее активным участником. Секция начала издавать «Очерки по изучению Якутского края».

1927 год был очень тяжелым для Г.В.Ксенофонтова. При родах умерла его жена, Н.Н.Кандинская, первая и самая сильная его любовь. По воспоминаниям, она была очень красивой. Серьезное душевное потрясение вынудило его поехать на лечение в

Крым³⁴. В тот же год репрессии коснулись самых близких ему людей: была раскрыта антибольшевистская деятельность партии якутских конфедералистов. Павел, брат Г.В.Ксенофонтова, возглавлявший эту организацию, был арестован и приговорен к расстрелу. А вскоре Ксенофонтов узнает об аресте В.В.Никифорова, обвиненного в национализме, а затем и о его смерти в заключении в далеком Новосибирске. Смерть Никифорова как бы отделила его прошлую жизнь от настоящей. Гибель друга, единомышленника и соратника была первым сигналом о возможном трагическом финале его собственной судьбы.

По воспоминаниям его современников, в этот период Ксенофонтов был особенно загружен научной работой. Он занимался переводами собранных им образцов якутского фольклора и обрабатывал материал о шаманизме якутов, бурят и тунгусов. Полки в его скромно обставленной комнате от пола до потолка были забиты папками с рукописями, дневниками, зарисовками и другими этнографическими материалами, а также книгами по древней истории, мифологии, этнологии на разных языках, были здесь и сочинения К.Маркса и Ф.Энгельса. Сильное впечатление на окружающих производили его обширные знания в области общественных наук, исключительное трудолюбие и преданность науке. Гавриил Васильевич почти все время проводил за книгами и рукописями, нигде не бывал и никого не принимал у себя. Он полностью находился во власти своих научных изысканий, нигде не служил и испытывал серьезные материальные затруднения, так как существовал только на небольшое пособие, получаемое им на правах стипендиата от правительства Якутской республики³⁵.

Г.В.Ксенофонтов торопится писать, публиковаться и много работает. Он хотел быть услышанным, но большинство его трудов не понимали и не принимали. Советская идеологизированная научная среда не могла простить ему его оригинальных теорий и кросскультурных исследований. В одном из писем своему иркутскому другу В.А.Кротову он признавался: «Очень сожалею, что, пользуясь Вашим отсутствием, я значительно отошел от Ваших заветов — насчет "тона" работы. Это, вероятно, не к добру, ибо вызывать и бранить ученую братию начинающему работнику не следовало бы. Но, по-видимому, рока не избежать. Сознательная целесообразность Ваших предостережений, я решил накликать на себя суровую отповедь спецов. По крайней мере — не замолчат, и то будет благо»³⁶. Как ученый он принципиально отстаивал свои взгляды, не боясь оказаться в меньшинстве. Широта и смелость его суждений, обращение к обширному сравнительному материалу вплоть до античности вызывали глухое раздражение узких специалистов и ортодоксальных материалистов.

В эти годы были опубликованы его статьи «Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа», «Происхождение якутов», «Кочевой быт и религия». При помощи издательства якутской секции ВСОРГО увидела свет его первая книга «Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов». В 1929 г. вышли из печати теоретические исследования, посвященные религиозным воззрениям Запада и Востока³⁷. В этих работах впервые был введен в научный оборот обширный корпус текстов по шаманскому фольклору и мифологии сибирских народов, получила развитие оригинальная теория происхождения религии, идея «странствующего бога». Проблема происхождения шаманизма рассматривалась на широком фоне истории народов Евразии, была предпринята смелая попытка сравнительного анализа таких сложных религиозных явлений культуры, как христианство и шаманизм. Это был период прилива творческих сил, душевного подъема, жизнь как будто обретала новый смысл.

В Иркутске Ксенофонтов встретил новую спутницу жизни — К.А.Рогову, которая стала его женой. В 1930 г. у Ксенофонтовых родился первенец Леонид, который оказался единственным ребенком. Жена разделяла с ним все тяготы жизни и была с ним до трагического конца.

* * *

Начало 30-х годов в научной деятельности Ксенофонтова ознаменовалось рядом серьезных выступлений в крупных академических институтах страны. Так, его теоретические доклады по ранней истории и религии были заслушаны в Ленинграде (в Институте антропологии и этнографии, Институте востоковедения) и везде получали высокие отзывы.

Г.В.Ксенофонтов этого времени предстает перед нами уже сформировавшимся, крупным этнографом со своим оригинальным научным мировоззрением. Он получает специальный заказ написание книги по происхождению и древней истории якутов в местном издательстве. В 1933 г. Ксенофонтову вручают удостоверение Представительства Якутской республики, в котором говорится, что «тов. Г.В.Ксенофонтов в качестве историка-этнографа состоит научным сотрудником якутских научно-издательских организаций по разработке древней истории якутов»³⁸. С этого времени начинается новый якутский период его жизни, в котором он проявил себя как подвижник, сделавший очень много для становления молодой якутской науки. Летом он выезжает в Якутию в Кангаласский улус для проведения совместных археологических раскопок с директором Якутского обла-

стного музея М.А.Ковининым. Эта была по существу первая научно организованная археологическая экспедиция в Якутии. В «поле» была проделана огромная работа, а затем археологические материалы древних захоронений были выставлены в экспозиции Якутского областного музея. Трудно переоценить эту сторону деятельности Гавриила Васильевича. Как отмечают исследователи, «Ковинин и Ксенофонтов организовали первую специальную экспедицию по обследованию древнеякутских погребений, положив начало переходу от единичных, случайных работ к согласованным, продуманным исследованиям в данном направлении. Экспедиция наглядно доказала научное и познавательное значение погребального материала»³⁹.

Гавриил Васильевич являлся ученым-гуманитарием поистине широкого профиля. Он активно включился в развернувшиеся тогда теоретические дискуссии о языке (концепция Н.Я.Марра) и написал серию полемических исследований по данной проблеме. Примером могут служить его блестящие работы, посвященные расшифровке памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья⁴⁰.

Интерес Ксенофонтова к литературе проявился в ряде серьезных научных исследований по литературоведению, в частности в области пушкинианы. Он знал всего Пушкина, цитировал легко, наизусть, более того, занимался специальным анализом таких его произведений как «Медный всадник» и «Евгений Онегин». Эти темы были вынесены Ксенофонтовым на обсуждение в научном кружке при кафедре литературы Иркутского университета⁴¹.

В феврале 1936 г. Ксенофонтов в Иркутске на совещании писателей Восточной Сибири выступил с научным докладом по теме «Великий декабрист (к вопросу о символах "Медного всадника")». По мнению Ксенофонтова, революция в «Медном всаднике» не столько изображается в прошлом, сколько предугадывается в будущем. Подготовленная к изданию на якутском языке, статья носила рабочее название «Медный конь революции». К сожалению, рукопись статьи так и не была опубликована⁴².

В 1935 г. Ксенофонтов принимает участие в языковедческой конференции в Якутске. Здесь он встречается с П.А.Ойунским, видным партийным и государственным деятелем, ученым-филологом, основоположником якутской советской литературы. Вскоре Ксенофонтов получает от Ойунского предложение о сотрудничестве в только что созданном научно-исследовательском Институте языка и культуры при Совнаркоме Якутской республики. В этот период Ксенофонтов уже работал над древней историей якутов «Ураангхай сахалар». Сам Гавриил Васильевич придавал

Г. В. Ксенофонтов. Начало 30-х годов

огромное значение открытию гуманитарного исследовательского института в Якутии и, обращаясь к Ойунскому, писал: «Теперь история и фольклор якутов уже не беспризорные дети. Мое искреннее желание заключалось в том, чтобы вся сумма проделанной мною работы не лежала втуне, а превратилась в общее достояние новых, нарождающихся научных кадров самой Якутии»⁴³. В качестве научного сотрудника института Ксенофонтов много и плодотворно работает. В 1937 г. выходит первый том его монументального исследования «Ураангхай сахалар», ученый продолжает писать конспекты второго тома⁴⁴. Дальнейшая научная деятельность требовала работы в центральных архивах и библиотеках, и при личной поддержке Ойунского он добивается длительной научной командировки в Москву. Так вместе с семьей Ксенофонтов переезжает в столицу, а затем поселяется в подмосковном городе Дмитрове.

Последние годы жизни ученого были очень тяжелыми. Сильно пошатнулось здоровье, его преследовали хроническое безденежье и нужда. Обивание порогов различных инстанций в надежде быть напечатанным отнимало много времени и сил. Теперь его полемические научные труды подвергались особому «редак-

тированию» или изымались в процессе подготовки к печати. Это было уже началом конца.

Несмотря на все трудности, Гавриил Васильевич 24 марта 1938 г. завершает свой многолетний труд «Миф о сыне божьем у якутов, древних турок и монголов» и отправляет рукопись в Институт языка и культуры. Эта была последняя работа, вышедшая из-под пера ученого.

В апреле 1938 г. он был арестован по заранее сфабрикованному делу об участии в антисоветской националистической организации. Позднее сын Леонид вспоминал, как ночью за отцом пришли люди в черном, и его последние слова: «Теперь я уже не вернусь»⁴⁵. Ксенофонтов понимал, что последствия этого ареста могут быть самыми тяжелыми. Ему ставились в вину участие в областническом движении, поддержка Временного правительства, принадлежность к партии федералистов, оппозиционное отношение к Советской власти, наконец, шпионаж в пользу Японии. Г.В.Ксенофонтов и проходящие по этому делу были обвинены в организации японской агентурной сети в различных городах страны. Военная коллегия Верховного суда СССР 28 августа 1938 г. приговорила его к высшей мере наказания, приговор был исполнен без промедления в тот же день⁴⁶. Долгое время не было известно о точном месте его захоронения. Лишь сравнительно недавно установили, что Гавриил Васильевич был похоронен в братской могиле на территории колхоза «Коммунар» в подмосковном поселке Бутово. Г.В.Ксенофонтов был реабилитирован в 1957 г.

* * *

Обращаясь сегодня к научному наследию Г.В.Ксенофонтова, в первую очередь отмечаешь его колоссальную трудоспособность и преданность своему делу. Работы Гавриила Васильевича по религиоведению («Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов», 1928; «Хрестес. Шаманизм и христианство», 1929; «Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме», 1929; «Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока», 1929), по языкознанию («Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья», 1933), по ранней истории якутов («Ураангхай сахалар», 1937) уже давно получили высокую оценку и мировое признание. Хотелось бы только добавить, что уже в то время ученый в своих исследованиях предложил новый подход к проблемам культуры.

Ориентация ученого на многоуровневые интерпретации разных текстов выводит его на создание единого *языка описания*

культуры. Прекрасный лингвист и ученый широкого диапазона, он одним из первых применил историко-сравнительный анализ и системный подход. В своих неопубликованных работах «Вопросы мифологии и религии», «Миф о праотце и учителе у скифов», «Материалы по Ысыаху», «Письмена Эллэйя» и других ученый впервые поставил *вопрос о взаимоотношении текстов различного типа.*

В рукописном фонде ученого мною была обнаружена краткая аннотация на рукопись «Материалы по дохристианским верованиям и религиозному фольклору якутов». Эти материалы были собраны Гавриилом Васильевичем с 1921 по 1925 г. Аннотация вместе с письмом в Институт антропологии и этнографии АН СССР на имя тогдашнего директора А.М.Маторина была отправлена для подготовки рукописи к изданию. Полный текст рукописи пока обнаружить не удалось. Ксенофонт в аннотации писал: «Материалы представляют из себя протокольные записи на якутском языке бесед с пожилыми якутами на разные темы об их старинных верованиях, обрядах, поверьях, легендах, рассказах-воспоминаниях о том, что и как совершалось на их памяти. В первое время в интересах выигрыша времени некоторые беседы протоколировались по-русски, но позже, напрактиковавшись в якутской скорописи, все беседы мы записывали по-якутски. При этом пользовались особой упрощенной транскрипцией из латинских и русских букв без надстрочных знаков <...> Эта транскрипция дала нам возможность позже перейти к протокольной записи шаманских мистерий и фиксации мимолетных бесед с якутами, не утомляя их ожиданиями и паузами на время записи. Медленная запись обычно замораживает вдохновение рассказчиков, наводит на них скуку, а иногда ведет к измышлениям и к забвению весьма интересных мелочей. Так как старинная религия в условиях современности сохраняется в едва заметных реликтовых явлениях, постоянно изменяющихся под давлением новых впечатлений и прогрессивного разложения старого быта, нельзя не дорожить самыми незначительными мелочами и тонкими штрихами в народных понятиях и представлениях. С другой стороны, нельзя довольствоваться единичными показаниями, которые могут быть случайного происхождения. *Признак народности того или другого явления, вместе с тем и глубокая давность его бытования обнаруживаются лишь в факте его широкой распространенности. Отсюда необходимость прослеживания вариантов, типических форм явления и единичных отступлений. Только при этом условии уясняются народные воззрения, исконные понятия и представления* (выделено мною. — Е.Р.)»⁴⁷.

По мнению Ксенофонтова, культура народа саха состоит из набора определенных элементов-образов, которые, взаимодействуя друг с другом, и создают его «культурное полотно». Так, все его работы, посвященные мифологии народа саха, пронизывает «конская тема», в одном культурном контексте рассматриваются миф—религия—обряд. Главным символом якутской традиции ученый считал ритуал первотворения: «Ысыах — центральная ось и символ веры древних религиозных воззрений якутов, унаследовавших самое последнее достижение степного нomaдизма». Ученый подчеркивает, что всякое исследование по якутам надо начинать с этого праздника⁴⁸.

Ксенофонтов в своих работах употреблял термин «древние религиозные понятия» в значении «понятия-образы», например, «древние религиозные понятия народа отлагаются в различных формах изобразительного искусства, проявляющегося в типах жилища, домашней утвари, одежде, нарядах <...> в якутском орнаментальном искусстве особенно ярко выражен культ солнца и его дериватов». Сюда же он относит повествовательный фольклор, обрядовые песни⁴⁹.

Таким образом, миф—религия—фольклор—ритуал для него, по сути, становятся знаковым выражением культуры народа саха.

Возвращаясь к рукописи по религиозному фольклору якутов, следует отметить скрупулезную работу по подготовке материалов и особое научное видение в их разделении на блоки. Судя по аннотации к рукописи, это было фундаментальное монографическое описание якутской «картины мира»: 1. Космогонические сказания. 2. Naturфилософия древнего якутского язычества. 3. Древний якутский календарь. 4. Рассказы о понимании особо отмеченными людьми языка зверей, птиц, домашних животных, малых детей, не умеющих говорить (имеется в виду этнография речи. — *Е.Р.*). 5. Следы почитания якутами стихийных и физических явлений. 6. Следы культа птиц, зверей и домашних животных. 7. Древний якутский Олимп. 8. Богиня чадородия и брака. Обряды испрошения детей, проводы богини после родов и разные обряды ее почитания, укладывание ребенка в зыбку и т.д. 9. Представления якутов о душе человека, ее элементах, о зачатии ребенка, о повторном рождении души. Записи якутских сновидений. 10. Души людей, превращающихся в злых духов (*уорев*). Легенды и рассказы об образовании этих духов, их биографии при жизни. Причинение ими болезней. 11. Рассказы о прадеде всех шаманов — духе Кээлээни (дух-заика). 12. Дух-предок кузнецов, царей и шаманов Кыдай Бахсы. Рассказы и обряды его почитания. 13. Призвание и становление шамана. Оборотничество шаманов. 14. Культ белых шаманов. Рассказы о кумысном

празднике Ысыах: порядок совершения, обстановка, ритуал, молитвенные призывания. 15. Брак и свадьба. Обряды при свадьбе, молитвы-благопожелания, игры. 16. Похороны⁵⁰.

Большое внимание ученый уделил сбору «второстепенного рода фольклора», который в фольклористике обозначается как «малые жанры». В рукописи значатся пословицы и поговорки, скороговорки, детский фольклор, сказания о знаменитых певцах и состязании с ними злых духов. Такие метатексты, наряду с другими материалами, исследователь активно вводил в научный оборот при описании и толковании культурной традиции народа саха. Прекрасное владение двумя языками (в качестве научного он использовал русский) способствовало и ускоряло перевод устной якутской традиции на книжную без потерь и ускоряло этот процесс.

В целом труды Ксенофонтова, созданные в лучших традициях европейской гуманитарной мысли и подкрепленные богатой источниковедческой базой, собранной в «поле», положили начало интеллектуальной традиции народа саха, становлению якутской этнографической школы.

Важнейшим итогом всей своей научной деятельности Ксенофонов считал собранный им свод мифологических текстов о гонимом божественном герое Эллэе, первопрядке народа саха, и его мифологическом противнике Омогое. Еще в рукописи эта работа получила высокую оценку В.Г.Богораза-Тана, М.А.Гудошниковой, А.А.Попова, А.П.Окладникова⁵¹. Тем не менее при жизни ученого рукопись так и не была издана. Только в 1965 г. сотрудник Института языка, литературы и истории (бывший Институт языка и культуры) Сибирского отделения АН СССР П.Е.Ефремов обнаружил рукопись в архиве Государственного антирелигиозного издательства, а в 70-х годах усилиями якутских фольклористов она была подготовлена к печати. В 1977 г. «Эллэйада» Г.В.Ксенофонтова увидела свет⁵². Вводная статья ученого «Первобытная пастушеская библия у якутов» в книгу не вошла.

Я открываю книгу Ксенофонтова «Эллэйада» и читаю первые попавшиеся строки: «Эллэй был царский сын. Он бежал от войны между татарами и русскими. Отец его, умерший в дороге, был, кроме того, шаманом, вообще большим знатоком. Он заранее указывал ему дорогу <...>»⁵³. Эр-Соготох-Эллэй — создатель якутской культуры, проповедник новой религии.

Кажется, что собранные исследователем по крупицам сюжеты о странствующем герое Эллэе как нельзя лучше проецируются на научное творчество самого ученого. Гавриил Васильевич, как и его любимый мифологический герой, был своего рода деми-

ургом якутской науки и культуры, активным проповедником всего нового и прогрессивного. Символично и то, что последней работой выдающегося исследователя стал «Миф о сыне божьем у якутов, древних турок и монголов». В этом труде рассматривается миф о странствующем герое-одиночке — один из основных источников «Эллэяды».

Полный текст «Эллэяды», как и огромное количество неопубликованных рукописей ученого (более 16000 л.), хранится в архиве Якутского научного центра и еще ждет своего исследователя. Впервые о существовании личного архива ученого в Дмитрове стало известно в 1949 г. Якутский фольклорист Г.У.Эргис, ознакомившись с архивом ученого, информировал о его огромной научной ценности Якутский филиал Академии наук. Большую помощь в передаче рукописного наследия Ксенофонтова в Якутск оказали ученые-сибиреведы С.А.Токарев, Б.О.Долгих, И.С.Гурвич, А.П.Окладников.

Так научное наследие ученого, пройдя длительный путь в пространстве и времени, возвратилось на родину. Архив Ксенофонтова — это целая эпоха в истории нашей страны, трагическая страница в истории науки, а главное — сама жизнь и переживания Ученого.

Жизненный путь Гавриила Васильевича — это долгий путь странствий и испытаний одинокого путника, путь возвращения к себе.

Когда-то, еще в юношеские годы, у него зародился глубокий интерес к античности, который он пронес через всю свою жизнь. И я хочу завершить свой рассказ об этом удивительном человеке стихами великого римского поэта Публия Овидия, которые оказались в рукописи Гавриила Васильевича, посвященной исследованию символов в творчестве А.С.Пушкина. Думаю, что этот отрывок из поэмы «Метаморфозы» Овидия (в пер. А.Фета) как нельзя лучше отражает жизненное кредо выдающегося сибирского ученого.

Кончил я дело, которое не уничтожит железо,
Ни громовержца Юпитера гнев, ни огонь-истребитель,
Ни ненасытное время!.. Пусть день тот, который имеет
Власть лишь над телом моим, когда хочет, покончит
Срок моей жизни; но вечный дух унесется, надеюсь,
К горним светилам, и имя мое на земле не исчезнет!⁵⁴

¹ *Eliade Mircea. Schamanismus und archaische Ekstasentechnik. Zürich—Stuttgart, 1957.*

² См. работы С.А.Токарева: Предисловие. — Легенды и рассказы о шаманах. М., 1930, с. 3—4; Ранние формы религии. М., 1964.

- ³ *Эргис Г.У.* О научной деятельности и рукописном архиве Г.В.Ксенофонтова. — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 8 М., 1978, с. 122—135.
- ⁴ *Дьячкова А.Н.* Г.В.Ксенофонтов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск, 2000, с. 203.
- ⁵ *Попов Г.В.* Г.В.Ксенофонтов как этнограф-художник (на якут. яз.). — Илин. 1998, № 1, с. 12—14. Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе. Сборник научных статей. М., 1998.
- ⁶ Автобиография. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 6.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX—начале XX века. Вып. 1. Областники. Новосибирск, 1995, с. 88—89.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГАЛИ, ф. 1691. Пантелеев Л.Ф. Письма, оп. 1, д. 478.
- ¹¹ АЯНЦ, ф. 5, оп. 1, д. 108, л. 3.
- ¹² *Дэвлет М.А.* А.В.Адрианов как этнограф. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 35.
- ¹³ *Дьячкова А.Н.* Ксенофонтов, с. 37.
- ¹⁴ НАРС(Я), ф. 192, оп. 10, д. 2370, л. 5.
- ¹⁵ Автобиография, л. 6.
- ¹⁶ Якутская окраина. 1, 3. V. 1914
- ¹⁷ *Романова Е.Н., Дьяконова Н.Н.* Символы власти и национальная интеллигенция народа саха: историко-культурный дискурс. — Республика Саха (Якутия): Путь к суверенитету. Якутск, 2000, с. 44.
- ¹⁸ Якутские вопросы. 14.IX.1916.
- ¹⁹ *Яковлев Э.М.* Г.В.Ксенофонтов и земское движение. — Ил. Исторический, культурологический журнал. Якутск, 1999, № 3—4.
- ²⁰ *Яковлев Э.М.* Г.В.Ксенофонтов и земство в Якутии 1917—1920. — Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе, с. 20.
- ²¹ Автобиография, л. 7.
- ²² АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 95.
- ²³ *Дьяконова Н.Н.* Народолюбческая организация К.Г.Неустроева в Сибири (80-е гг. XIX в). СПб., 1995, с. 97.
- ²⁴ *Окладников А.П.* «Эллейада» и ее создатель — Г.В.Ксенофонтов. — Сибирские огни. 1978, № 6, с. 191.
- ²⁵ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 92.
- ²⁶ Там же, л. 94.
- ²⁷ См.: *Сирин А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э.Петри. — Репрессированные этнографы. Вып. 1, с. 57—80.
- ²⁸ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 16, л. 22.
- ²⁹ Там же, д. 59, л. 47.
- ³⁰ *Окладников А.П.* «Эллейада» и ее создатель, с. 187—192.
- ³¹ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 19.
- ³² Автобиография, л. 7.
- ³³ НАРС(Я), ф. 461, оп. 1, д. 8, л. 4.
- ³⁴ *Антонов Е.П.* Из истории семьи Г.В.Ксенофонтова. — Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе, с. 90.
- ³⁵ *Кротов В.А.* К биографическим материалам Г.В.Ксенофонтова. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 161, л. 4.
- ³⁶ Там же, л. 10.
- ³⁷ См. работы Г.В.Ксенофонтова: Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа. — Бурятведение. 1928, № 3—4; Кочевой быт и религия. —

Бурятоведение. 1928, № 1—2; Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Иркутск, 1928 (Приложение к сб. «Очерки изучения Якутского края». Вып. II. Иркутск, 1928. В 1930 г. в Москве вышло второе, дополненное издание); Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме (К вопросу об умирающих и воскресающих богов). С предисл. А.П.Окладникова. Иркутск, 1929; Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока, Иркутск, 1929; Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск, 1929.

³⁸ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 11.

³⁹ *Винокуров П.* Экспедиция на бычьей шкуре. — Ил. 1999, № 3—4, с. 42.

⁴⁰ *Ксенофонов Г.В.* Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья. — Язык и мышление. Сб. статей. Т. 1. Л., 1933, с. 36.

⁴¹ *Кудряцев Ф.* Из воспоминаний о Г.В.Ксенофонове. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 2.

⁴² АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 121, л. 43.

⁴³ Там же, д. 152, л. 19.

⁴⁴ *Ксенофонов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

⁴⁵ *Антонов Е.П.* Из истории семьи Г.В.Ксенофопова, с. 90.

⁴⁶ *Алексеев А.А.* «Признаю виновным...». Служба безопасности Республики Саха (Якутия). М., 1996, с. 159.

⁴⁷ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 151, л. 43—45.

⁴⁸ Там же, д. 12а, л. 86.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, д. 151, л. 52.

⁵¹ Там же, д. 137, л. 25—42.

⁵² *Ксенофонов Г.В.* Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977, с. 43.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Ксенофонов Г.В.* Материалы и исследования о «Медном всаднике». 1936. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1. ед. хр. 121, л. 14.

Е.П.Батьянова, Л.Т.Рюмина

*Георгий Маркелович Токмашев:
просветитель, этнограф,
фольклорист*

Имя Георгия Маркеловича Токмашева в настоящее время известно лишь узкому кругу алтайских фольклористов и историков. Причем в работах фольклористов он до недавнего времени нередко упоминался лишь как «грамотный алтаец», записавший несколько уникальных фольклорных текстов, а в работах историков — как «алтайский националист» и «контрреволюционер». Между тем в алтайской фольклористике, педагогике, этнографии Г.М.Токмашев во многом является первооткрывателем. Ученик Г.Н.Потанина, участник этнографических экспедиций Российской академии наук, он одним из первых начал записывать произведения народного творчества алтайцев на их родном языке. Ему принадлежит открытие алтайского героического эпоса «Когутэй». Токмашев — ведущий автор первых советских учебников для школ на алтайском языке.

Георгий Маркелович Токмашев родился в 1892 г. в с. Челухоеве Кузнецкого уезда Томской губернии в бедной семье «телеутских татар». Телеуты — немногочисленный народ, родственный по своему происхождению и культуре алтайцам. Этническое название «телеуты» восходит к древним тюркам V—VII вв. В XVII в. телеуты имели самостоятельное кочевое государство на юге Западной Сибири и представляли, по определению И.Э.Фишера, «знатнейший народ Сибири»¹. К середине XVIII в. они постепенно из мест своих прежних кочевий «выехали на государево имя» и приняли российское подданство. Значительная их часть расселилась в порубежных сибирских уездах — Кузнецком и Томском. Со временем телеуты перешли к оседлости и образовали в этих уездах ряд селений. Одним из таких селений и было Челухоево (улус Челухоевский, Чолкой), где родился Георгий Токмашев.

Улус Челухоевский описан в дневниках известного тюрколога В.В.Радлова, посетившего это селение во время своего путешествия в 1861 г. «Солкой — большая и богатая деревня, — пишет Радлов, — состоит из 60 деревянных домов и 5—6 плетеных хижин <...> Крещеных татар <...> здесь очень мало. Здешние татары <...> занимаются земледелием и скотоводством. В Солкое живут один башлык (староста) и два шамана <...> Я провел в Солкое почти два дня и записал много песен и легенд»².

За два года до рождения Г.М.Токмашева в жизни с. Челухоева произошло знаменательное событие — здесь было открыто отделение Алтайской духовной миссии, а через год построена и освящена «прекрасная каменная церковь — лучшая из всех церквей миссии по отделке и внутреннему убранству»³. Храм Святого Пантелеймона (так называлась челухоевская церковь) строился на средства московского фабриканта А.С.Миронова в течение трех лет. Украшением церкви стал великолепный резной иконостас. Иконы, ризница, утварь были заказаны Мироновым у лучших московских мастеров. Из Свято-Афонского Андреевского скита в церковь была доставлена чудотворная икона с частицами святых мощей великомученика Пантелеймона. Церковь произвела впечатление даже на закоренелых язычников. Уже в 1895 г. местный священник отметил в своих записках: «Некрещеные бачатские инородцы (телеуты. — *Е.Б., Л.Р.*) ранее относились к церкви и миссионеру враждебно, но ныне понемножку стали проявлять широкое дружественное расположение <...> даже язычники с уважением относятся к челухоевской православной святыне»⁴.

Со временем привычными формами общественного быта с. Челухоева стали коллективные чтения церковных книг, посещения храма, отправление церковных праздников. Христианство относительно мирно уживалось здесь с шаманизмом, создавая своеобразные синкретические формы религии, обрядов, обычаев.

Открытие миссионерского отделения традиционно предполагало организацию при нем школы. Еще основатель миссии выдающийся церковный и общественный деятель Макарий Глухарев считал одним из главных условий успеха миссионерства «заведение школ во всякой деревне»⁵. В с. Челухоеве школа была открыта в том же году, что и отделение миссии. Сначала занятия проходили прямо в доме миссионера, но уже через год для школы было построено специальное каменное здание, в котором также находилось и общежитие для учеников. Школа, как и большинство школ Алтайской миссии, была двухклассной, т.е. рассчитанной на пять-шесть лет обучения. Учеников в ней было обычно около 30. Учились вместе и девочки и мальчики⁶.

Помимо школы миссионеры открыли при челухоевской церкви и библиотеку. Она насчитывала около 300 книг, которыми могли пользоваться как ученики, так и все грамотные жители села.

Георгий Токмашев окончил челухоевскую церковноприходскую школу в 1904 г. Его учителями были «инородец» Дальне-Каргинской волости, выпускник Бийского катехизаторского училища Василий Прокопьевич Кирсанов и дьякон, впоследствии получивший должность миссионера, Иван Кумандин. Старшим миссионером отделения долгие годы был Гавриил Васильевич Оттыгашев, награжденный за безупречную службу орденом Святой Анны третьей степени⁷. Эти люди в своей профессиональной деятельности руководствовались следующим девизом: «Всего больше можешь принести пользы человечеству, если заботиться не только о том, чтобы воздвигать крыши храмов и домов, сколько о том, чтобы возвысить душу каждого человека»⁸. Забегая вперед, отметим, что в отношении своего ученика Георгия Токмашева эту благородную миссию они выполнили с успехом.

По окончании школы Георгий пошел работать пастухом на конный завод. Но, побуждаемый желанием учиться, в 1910 г. он отправляется в Томск. Попытка поступить в Томскую духовную семинарию кончается неудачей. Переросток, не имеющий к тому же средств на учение, Георгий выполняет в Томске различную поденную работу.

Между тем губернский город Томск в первые десятилетия XX в. представлял собой «сибирские Афины». Общественную и культурную жизнь города во многом определял известный на всю Россию путешественник, ученый, общественный деятель Григорий Николаевич Потанин. Главный идеолог сибирского областничества, он активно пропагандировал идеи сибирской автономии, выступая в печати с яркими, страстными статьями. По твердому убеждению Потанина, экономическая и культурная самостоятельность отдельных российских регионов должна была стать для России великим благом и привести ее к расцвету. «Местный патриотизм, — говорил Потанин, — это великая культурная сила, если бы <...> в каждой области образовался свой деятельный контингент патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, — сколько было бы сделано культурной работы. Если бы это случилось, лицо русской земли сделалось бы неузнаваемо <...> Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве <...> напрасно не трепещи за судьбу России, в полной надежде на ее культурный расцвет и славное будущее — снимем с нее пеленки, которые окутывают ее тело. Пусть в воздухе сво-

бодно расправятся члены этого тела. Пусть каждая область зажжет свое солнце, и вся страна будет иллюминирована»⁹.

Г.Н.Потанин в этот период очень многое делает для развития сибирской науки и культуры. В 1906 г. группа томских ученых и общественных деятелей, собравшись на квартире Григория Николаевича, принимает решение создать Общество изучения Сибири. Главой общества избрали молодого профессора геолога В.А.Обручева. При поддержке томского губернатора Н.Л.Гондатти Общество выпускало «Труды», где печатались статьи по экономике, статистике, этнографии, фольклору Сибири. С обществом сотрудничали представители алтайской интеллигенции: известный художник Г.И.Гуркин, учителя и собиратели фольклора Н.Никифоров, А.Кульджин, К.Танашев. Все они пользовались неизменным вниманием и поддержкой Потанина. Как писал в своих воспоминаниях литературовед Н.М.Мендельсон, «при огромном интересе Потанина к азиатскому Востоку, живые его представители, сибирские инородцы, были предметом постоянных дум, бесед и писаний его»¹⁰.

Много путешествовавший по Алтаю и влюбленный в этот замечательный уголок планеты, Потанин был страстным пропагандистом культуры и искусства алтайских народов. При его поддержке в 1907—1908 г. в Томске была организована выставка работ Григория Ивановича Гуркина, имевшая необыкновенный успех. В марте 1908 г. в Томском отделении Русского музыкального общества композитор, дирижер, этнограф, исследователь музыкальной культуры алтайцев Андрей Викторович Анохин сделал доклад об алтайской и монгольской музыке. Доклад сопровождался прослушиванием фонографических записей и пением алтайских песен учащимися Томской духовной семинарии. По инициативе Потанина в Томске, Барнауле и других сибирских городах демонстрировались камлания алтайских шаманов.

Счастливая судьба свела в Томске Г.М.Токмашева с А.В.Анохиным, Г.Н.Потаниным, Г.И.Гуркиным и другими замечательными людьми из их окружения — профессорами, писателями, общественными деятелями. Знакомство с ними предопределило всю его дальнейшую жизнь. По протекции Потанина и Анохина Георгий в 1911 г. получает помощь Томского общества содействия народному образованию, где начинает брать бесплатные уроки у репетиторов — студентов Томского университета, с тем чтобы впоследствии поступить в учебное заведение. Анохин и Потанин привлекают способного юношу к занятиям наукой. Токмашев помогает Потанину в расшифровке и переводах алтайских фольклорных текстов, работает у него стенографистом. Весьма плодотворным оказывается его участие в фольк-

лорно-этнографических экспедициях к тюркам Саяно-Алтая, организованных Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Комитет возглавлял академик В.В.Радлов. Работая в этих экспедициях под непосредственным руководством Анохина, Токмашев обнаруживает талант фольклориста-собиранья.

7 июня 1913 г. Андрей Викторович Анохин записал в своем дневнике: «Наша экспедиция, состоящая из трех человек, Софьи Константиновны Просвиркиной, Георгия Токмашева (телеута) и меня, [отправилась] из Томска вверх по Томи»¹¹. Экспедиция продолжалась два месяца. Работали в селениях шорцев, кумандинцев, телеутов. Просвиркина выполняла обязанности художника, Токмашев помогал Анохину в записи, обработке и переводе фольклора. Участники экспедиции много работали в родном селе Георгия Маркеловича, в Челухоеве. Здесь ими были собраны самые разнообразные материалы по фольклору и этнографии телеутов, в том числе уникальные сведения по телеутскому шаманству, которые потом легли в основу работы Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов»¹². На фоновалики Анохиным и Токмашевым были записаны шаманские мистерии, а также песни жителей с. Челухоева. Здесь же, в Челухоеве, участники экспедиции получили от кама Канакая (Николая Алексеевича Челухоева) и от шаманки Пёдök (Федосьи Тыдыковой) два шаманских бубна, которые до настоящего времени хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (коллекция № 2014-1)¹³.

Весьма интересны этнографические наблюдения, сделанные в тот период непосредственно Токмашевым. Ссылки на них имеются в трудах этнографов. Так, в одной из своих поздних работ Потанин, обосновывая связь шаманства с кузнечным культом, ссылается на наблюдения Георгия Маркеловича: «Г.Токмашев, по личному сообщению, сделанному им мне летом 1915 г., имел случай попасть на камлание в сойотской юрте. Шаман, камлавший внутри юрты, подошел к двери и, отбросив бубен, встал на четвереньки и стал руками рыть землю по-звериному; потом стал требовать, чтобы ему подали железный нож. Тогда толпа присутствовавших стала кричать ему: "Железа в юрте нет, старик Гархан умер и железа ковать некому!"»¹⁴.

Увлечением и подлинной страстью Токмашева становится фольклор народов Алтая. Уже в 1915 г. в «Трудах» Томского общества изучения Сибири выходят «Телеутские материалы, собранные Г.М.Токмашевым»¹⁵. Основу этой публикации составила записанная Георгием Маркеловичем в 1913 г. в с. Челухоеве от телеутского сказителя Чымыя Алагызова «Сказка об Алтай-Куучуны», представляющая собой телеутский вариант популяр-

ного алтайского героического сказания о богатыре Алтай-Буучае. Впервые сказание «Алтай Буучай» было записано в 1880-х годах Н.М.Ядринцевым. Пересказ его сюжета на русском языке Ядринцев передал Потанину, который опубликовал его в известном труде «Очерки Северо-Западной Монголии»¹⁶. Токмашев записал это сказание на телеутском языке (оригинал записи до сих пор не найден) и перевел его по просьбе Потанина на русский язык. Этот перевод под редакцией Потанина и был представлен в «Телеутских материалах». По мнению современных фольклористов, токмашевский вариант сказания отличается от многих других «своей полнотой и подробностью описаний»¹⁷.

В 1914 г. Токмашев записывает уникальнейший образец эпического творчества алтайцев «Когутэй». Но, как мы увидим ниже, опубликовать это замечательное произведение ему удалось лишь 20 лет спустя.

В 1915 г. Токмашев сдает экстерном экзамен при Томской духовной семинарии на звание учителя церковноприходских школ. Решив продолжить учебу, он поступает соискателем на Томские вечерние общеобразовательные курсы и начинает работать конторщиком в Службе пути Томской железной дороги.

Летом 1916 г. Георгий Маркелович помогал А.В.Адрианову, известному археологу, близкому другу Потанина¹⁸, производить археологические раскопки в Туве. В статье М.А.Дэвлет об А.В.Адрианове Токмашев упоминается как «некий» загадочный «Маркелыч»: «В Туве Адрианов во время раскопок помогал приехавший летом из Томска по рекомендации Г.Н.Потанина некий Маркелыч. В середине сентября Адрианов погрузил на плот четыре каменные плиты с "руническими" надписями и в сопровождении Маркелыча отправил их в Минусинск. Маркелыч спешил, ибо "подал прошение об определении его учителем в подвижную инородческую школу где-то на Кондоме"»¹⁹. М.А.Дэвлет справедливо предположила, что этот же Маркелыч упоминается в письме сказителя Р.А.Хлопотина А.В.Анохину, датированном декабрем 1913 г.²⁰.

Его намерение устроиться учителем в «инородческую» школу не осуществилось. Менее чем через полгода грянула Февральская революция. Идея национального самоопределения, пропагандируемая революционерами, была воспринята алтайской интеллигенцией с великим воодушевлением. Первого июля 1917 г. в Бийске открылся Съезд представителей инородческих волостей Горного Алтая, участником которого был Токмашев. Об атмосфере, в которой проходил съезд, поведала газета «Жизнь Алтая»: «Настроение участников съезда мало назвать воодушевлением — они казались одухотворенными строительством новой,

светлой жизни. Это не выработка проектов и форм предстоящего самоуправления, нет, эта работа напоминала что-то дивно прекрасное: здесь невесту к венцу обряжали, здесь каждая мелочь, деталь с любовью прилаживалась к целому, украшалась самым благородным назначением. В общем, настроение съезда внушает веру в будущее этого народа, потому что чувствуется, что у него есть искреннее стремление к свету, свободе и счастью»²¹.

Съезд провозгласил создание Алтайской Горной думы как временного исполнительного органа до признания ее самостоятельной земской единицей. Руководителем Горной думы избрали Г.И.Гуркина. Токмашев был приглашен на работу в Думу в качестве инструктора по народному образованию. Он переезжает из Томска в Бийск и активно включается в политическую деятельность. В августе Горная дума командировает его и С.И.Гуркина (брата художника) в Кузнецкий и Бийский уезды для агитации за партию социалистов-революционеров (эсеров) перед выборами в Учредительное собрание. Со своей миссией агитаторы справились весьма успешно: 80% «инородчества» Алтая голосовало за список партии эсеров²².

О благородном стремлении принести своему народу свободу и счастье, о трудностях, с которыми приходится сталкиваться Горной думе в ее деятельности, Токмашев сообщает в письмах Потанину в Томск, нередко прося у него совета и поддержки. Приводим выдержки из этих писем, хранящихся в архивном фонде Потанина в библиотеке Томского государственного университета:

«Дума еще держится, хлопочет о самостоятельном земстве под названием Горно-Алтайский уезд, — писал он 20 сентября 1917 г. — Идут выборы гласных в земства, в волостные и окружные. Сегодня я еду в Онгудай для введения там земства.

Дорогой Григорий Николаевич! Вы не можете ли написать кому-нибудь в Петроград, чтобы тот, кому Вы напишете, частным образом мог бы поторопить об утверждении нашей Думы в отдельную земскую единицу. Из Министерства запрашивали нас представить материалы, основываясь на которых можно утвердить наши хлопоты, но материалы посланы, только, наверное, лежат под спудом. Нужен человек, стоящий близко ко Временному правительству и который толкнул (бы) наши хлопоты на путь скорейшего утверждения»²³.

«Дорогой Григорий Николаевич, — обращается он к Потанину в следующем письме, — всей душой я и Григорий Иванович (Гуркин. — *Е.Б., Л.Р.*) стараемся помочь своему обездоленному народу и хотим быть полезными ему, стараемся от души и хватаемся за все, чтобы превратить в орудие для достижения наших целей. Как в сказке Алтай Куучуны, конь темчи јерін ат ищет живую воду для воскрешения своего хозяина Алтай Куучуны, так же мы, чувствуя (себя) сынами Алтая и любя его, любя свою национальность, стараемся создать своему народу новую жизнь <...>.

Алтайская Горная дума существует и надеется продолжать свое существование при поддержке друзей алтайцев и друзей красот Алтая. Среди гор Алтая в русском населении подыскиваются и враги Алтая <...> Я крайне удивляюсь этим людям. Что с ними случилось? <...> Они говорят: мы социалисты, мы народники и мешают маленькому народу проявить свою самостоятельность в деле устройства своей жизни <...>.

Григорий Иванович ездил в Петроград по делам Думы. Просил министров об утверждении Думы в особую земскую единицу. Только что уехал из Петрограда 24 октября, большевики заняли вокзалы (имеется в виду Октябрьская революция. — *Е.Б., Л.Р.*), если бы опоздал на несколько часов, то остался бы до сего времени там»²⁴.

В письмах к Потанину четко прослеживаются политические ориентации Токмашева. Они откровенно антибольшевистские. «В большевиках мало честности», — считает Георгий Маркелович²⁵. Зато он восторженно отзываясь о редактируемой А.В.Адриановым газете «Сибирская жизнь», выражающей позиции эсеров:

«"Сиб. Жизнь" становится единственной газетой, которую можно читать беспристрастно. Я за последнее время читаю лишь ее, а другие партийные газеты <...> кричат и ругаются, утопая в политике, и теперь кажутся как дети, кричащие после драки.

Я любил Александра Васильевича (Адрианова. — *Е.Б., Л.Р.*), а теперь его еще больше люблю <...> Я за статьи, помещаемые в "Сиб. Жизнь", за политику, ведущую[ся] ею, и за направление поцеловал бы дорогого Александра Васильевича»²⁶.

Окунувшись с головой в политику, Токмашев не оставляет занятий фольклором. В том же письме он рассказывает Потанину о своей «жажде заниматься сказками», о работе над переводами собственных фольклорных записей:

«По приезду (так в тексте. — *Е.Б., Л.Р.*) с Алтая я выставил свои сборы и взял за сказку "Кыжан-Ару". Думал перевести ее до конца. Война <...> стремление учиться и служба отвлекли меня от сказок. Теперь во мне зародилась мысль и жажда заниматься сказками. У меня есть сказка переведенная (телеутская) "Боро-Чокур атту Борозы Каан". Не знаю, я давал или нет Вам напечатанный экземпляр. Она напечатана на 83 страницах. Если Вы вздумаете ее прочесть и поместить в какой-нибудь сборник, я пошлю Вам ее. Еще перевести есть сказки "Алгара мерген" и "Ак Каан", эти сказки еще на машинке не переписаны. Скоро будет готов "Кыжан Ару". Быстрому ходу переводов мешает всегда служба»²⁷.

Русский перевод сказания «Борозы Каан», упоминаемого Токмашевым, был опубликован в журнале «Школа и жизнь Сибири» в 1918 г.²⁸. Этот журнал, выразивший политическую платформу

сибирского областничества, был основан в 1917 г. в Томске. Помимо материалов Токмашева в первых номерах журнала было опубликовано еще несколько интересных этнографических работ²⁹, а также «Обращение к гражданам и организациям, интересующимся сибирскими инородцами», подготовленное руководством Алтайской Горной думы. Приводим это обращение, так как оно непосредственно связано с деятельностью Токмашева и показывает, какое большое значение придавало руководство Горной Думы изучению истории, этнографии, географии Алтая:

«По [постановлению Алтайского Инородческого Съезда в г. Бийске <...> учреждена Алтайская Горная дума, задачей которой является содействие национально-культурному возрождению алтайского народа. В этих целях предположено организовать при Думе особое книгохранилище, где были бы сосредоточены все документы и литературные материалы, характеризующие природу и климат Алтая, материальную, духовную и пр. стороны жизни алтайцев. Не располагая нужными для осуществления поставленной задачи средствами, Алтайская Горная дума, рассчитывая на сочувственное отношение лиц и учреждений, интересующихся Алтаем, обращается к ним с горячею просьбой прислать в библиотеку Алтайской Горной думы, если это окажется возможным, все, что имеет то или иное отношение к Алтаю (книги, рукописи, журнальные статьи, портреты, открытки и пр.), а также и к другим сибирским инородцам»³⁰.

Журнал «Школа и жизнь Сибири» крайне негативно откликнулся на «октябрьский переворот» в Петрограде³¹ и с приходом в Томске к власти большевиков вскоре прекратил свое существование.

Тексту токмашевского перевода «Борозы Каан», опубликованного в первых номерах журнала, предшествует предисловие автора³², где он указывает, что записал «сказку» во время поездки с Анохиным в с. Челухоево от сказителя Чымыя в 1913 г. и что, работая над ее переводом, «стремился как можно точнее сохранить самое содержание ее, а также все обороты и особенности алтайского (телеутского. — *Е.Б., Л.Р.*) языка»³³. Предисловие содержит разнообразную информацию, касающуюся этнографии и истории телеутов. Автор приводит, в частности, свой вариант бытующей до настоящего времени легенды о происхождении телеутов: «Сказка "Борозы-каан" принадлежит бачатским телеутам, живущим в Кузнецком уезде по реке Бачаты <...> Я сам происхождения алтаец-телеут. Телеутами называется один из алтайских народов. По нашим телеутским преданиям, мы жили в Бачатах задолго до появления там русских. У нас не сохранилось никаких памятников, кроме устных рассказов о том, каким образом мы оказались подданными Русского государства. Наши ба-

чатские предания говорят, что мы пришли сюда, в Бачаты, из-за реки Иртыш за своим могучим богатырем Шуни-Кайраканом, который родился от нашего бывшего хана Кондаи и его первой жены, а от второй жены Кондаи родились два мальчика — Амыр-Санаа и Темир-Санаа, которые, выросши, стали бороться с Шуни-Кайраканом за престол. После многих поражений Шуни-Кайракан бежал, отказавшись от первенства, захватив с собой свой любимый народ — телеутов. Оставив нас в Бачатах, сам он отправился к русскому царю предлагать свои услуги участвовать в тех многочисленных войнах, которые вел русский царь. Шуни-Кайракан долго жил при русском дворе. Прощаясь с царем, он сказал ему: "Вручаю тебе свой народ. Если ты или кто-нибудь из твоего поколения позволит себе обижать телеутов, то я вернусь обратно и соберу их. Если они к тому времени перемешаются с русским народом, на девятом поколении узнаю по глазам свой народ и отведу его от русских, как ячмень от пшеницы". Оставив это завещание, Шуни-Кайракан отправился на восток на белом коне, был при дворе китайского царя, а затем исчез неизвестно куда»³⁴.

В рассуждениях автора предисловия о судьбах малых народов Сибири и о роли Алтайской православной миссии чувствуется влияние его авторитетного наставника Г.Н.Потанина — вечного оппозиционера власти и защитника малых народов. Токмашев обыгрывает популярный революционный лозунг того времени: «Царская Россия — тюрьма народов». Отсюда утверждение, что российская политика в Сибири «всегда была направлена на порабощение малых народов, на насильственный захват их земель и к такому господству над ними, которое не давало возможности развиваться этим народам». «Невежественное русское чиновничество, — пишет Токмашев, — веками обиравшее их, не заботилось о просвещении этих народов. Поэтому у нас, алтайцев-телеутов, до настоящего времени нет своей интеллигенции, за исключением нескольких человек. Впрочем, у нас на Алтае давно существует просветительный орган — Алтайская духовная миссия, которая всегда ставила своей целью обращение язычников в православную веру <...> Нужно отдать справедливость миссии, что в среде миссионеров были люди, которые действительно хотели послужить народу, как, например, один из выдающихся миссионеров В.И.Вербицкий. Но поскольку для миссии просвещение являлось делом второстепенным, а главной ее целью было, как я сказал выше, обращение в православную веру, то она (миссия) и не могла способствовать развитию алтайской интеллигенции <...>» Далее выпускник Томской духовной семинарии (!) обвиняет миссию в непочтительном отношении к шаманизму: «Также миссия небрежно относилась к алтайской ре-

лигии — шаманизму, да и не только к шаманизму, ко всей духовной жизни алтайцев. Поэтому она утратила свой авторитет в народе»³⁵.

В конце 1917 г. Горная дума избирает Токмашева членом Сибирского Национального совета. Он возвращается в Томск. Здесь он работает вместе с проф. В.И.Анучиным — известным сибирским этнографом, поборником сибирского областничества. О работе Национального совета, о своих соображениях относительно будущего «устройства Алтая» Токмашев регулярно информирует Горную думу в письмах. В феврале 1918 г. он сообщает в Думу следующее:

«Я лично все-таки мечтаю, если будет возможно, выделиться в особую самостоятельную земскую единицу, в федерацию Алтая в союзе с минусинцами, и, может быть, к нам присоединится Урянхайский край. Очень было бы хорошо и очень возможно <...> В Национальном совете движет почти всю работу В.И.Анучин. Он подает нам готовые законопроекты на наше рассмотрение. Об устройстве Алтая Василий Иванович мыслит так: Алтай должен быть самостоятельным штатом с присоединением к нему минусинцев и Урянхая. Когда он делал мне это предложение, мне показалось очень возможным осуществление этого предложения Анучина, т.е. о соединении этих народов в одну автономию.

Конечно, Анучин как экономист прекрасно знаком со всем устройством республик и приводил много примеров. Выделение в самостоятельный штат — штука очень заманчивая. Почему не быть самостоятельными, почему не пользоваться нам совместно с минусинцами всем богатством Алтая?»³⁶.

В начале 1918 г. Токмашев принимает активное участие в подготовке Учредительного Горно-Алтайского краевого съезда. Накануне съезда он информирует Потанина о ситуации на Алтае и от имени участников съезда посылает ему приветствие:

«Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Я был на Алтае, по совету Григория Ивановича, рассказывал алтайцам, что такое Учредительное собрание и губернское собрание и для чего мы устраиваем свой съезд <...> не заметил никаких бунтов среди населения. Они, наоборот, ждут Учредительное собрание и уверены, что за вековые угнетения их старым правительством новое правительство удовлетворит их требование <...> свободного пользования выгонами на Алтае, искоренения на Алтае кабинетских дач³⁷, для широкого развития ими скотоводческого хозяйства и т.д. <...> В Бийск уже третий день собираются алтайцы на съезд <...> Дорогой Григорий Николаевич! Приветствую Вас как носившего желания видеть свободной дорожку нашу Сибирь и боровшегося за инородцев, за их благосостояние <...> Привет Григорию Николаевичу от Алтайского съезда. Ваш Г.Токмашев»³⁸.

Горно-Алтайский краевой съезд состоялся в марте 1918 г. На съезде выступил Анучин с докладом «О необходимости объединения земель бывшего государства Ойрот в самостоятельную республику с присоединением к общероссийской республике»³⁹. Создание такой республики съезд отложил до особого курултая — съезда представителей всех земель «бывшего государства Ойрот». На съезде было также объявлено о выделении Горного Алтая в самостоятельный Каракорум-Алтайский округ, центром которого временно объявлялась Улала, впоследствии предполагалось построить новую столицу — г. Каракорум. Была избрана Каракорум-Алтайская управа, в которой Токмашев был сначала назначен инструктором, а затем избран ее членом и зав. отделом по народному образованию и краеведению.

Как одному из руководителей управы Токмашеву приходилось выполнять ряд ответственных миссий. Так, весной 1918 г. в с. Быстрянском он вел переговоры по урегулированию вооруженного конфликта между представителями Каракорума и красногвардейцами⁴⁰. Но главным направлением его деятельности становится претворение в жизнь обширной программы по развитию народного образования в Каракорум-Алтайском округе. Программа предполагала открытие новых школ и интернатов, сети воскресных и вечерних школ для взрослых, организацию сельских народных читален и библиотек. В Улале и Онгудае планировалось открыть гимназии. Предполагались создание «культурно-нравственных кружков и обществ», организация любительских спектаклей, открытие кинотеатров, общедоступных вечерних музыкальных школ и пр. Помимо этого Токмашев планировал проведение масштабных этнографических сборов и исследований на Алтае, о чем он информировал Потанина в октябре 1919 г.:

«<...> Я обращаюсь к Вам с просьбой следующей. Не напишете ли Вы нашей Земской управе или предстоящему Каракорумскому земскому собранию от своего лица письмо поддержать мое ходатайство перед земским собранием. Я думаю сделать маленький докладик земскому собранию, которое будет с 1 мая по старому стилю. Буду просить специально ассигнований средств на сбор этнографических материалов. И на эти средства возможно расширить сбор всякого научного материала, используя учителей и других более культурных людей. Я прошу Вас, дорогой Григорий Николаевич, мой план поддержать перед земским собранием своим авторитетным письмом <...>»⁴¹.

Токмашев по-прежнему жалеет, что не хватает времени заниматься любимым делом — фольклором, и рассказывает Потанину о своих случайных фольклорных находках:

«В отношении сбора сказок почти ничего не сделано, записал только одну сказку — это зачем алтайцы на макушке шапки носят красную кисть. История красной кисти на шапке, оказывается, такова. Из Китая или из Тибета в Монголию во времена Чингис-хана прибыл буддийский монах, который стал проповедовать буддизм. Представители шаманизма стали выгонять монаха из пределов Монголии. На границе с неба пущенная стрела попала на темя монаха, из раны от стрелы просочилась кровь. Вот откуда, оказывается, идет ношение на голове кисти. Подробно можно сделать перевод сказки. А суть сказки то, что я написал»⁴².

Весной 1920 г. Токмашев рассылает в местные отделы народного образования предложения «О собирании и зафиксировании памятников быта и народного творчества алтайцев»⁴³. Но осуществить свои этнографические планы Токмашеву не пришлось. 1920 год стал для Георгия Маркеловича временем великих потрясений и потерь. В марте по приговору Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией был расстрелян А.В.Адрианов, а 30 июня скончался Г.Н.Потанин — великий гуманист, наставник и друг Токмашева. В декабре того же года, после восстановления советской власти на Алтае, Токмашев был арестован как член контрреволюционной земской управы и приговорен к расстрелу. Его помиловали, однако два года он провел в заключении⁴⁴.

О последующих годах своей жизни Георгий Маркелович пишет в автобиографии:

«<...> Находился не у дел в своей родной деревне в Кузнецком уезде, с. Челухоевском. Жил у своих родственников, занимаясь в помощь родственникам сельским хозяйством. В 1924 году в ноябре м-це я вернулся в г. Улалу, стал принимать участие в литературной работе»⁴⁵.

В 1925 г. Токмашев женился на Капитолине Александровне Чевалковой, по-видимому родственнице Михаила Чевалкова — первого священника-алтайца, просветителя и писателя, участника потанинской экспедиции 1879 г. О жизни Токмашевых в Улале (с 1932 г. — Ойрот-Тура) вспоминает его сын Александр:

«Отец женился на моей матери в июне 1925 года, когда ему было 32 года, а маме — 23. Мама — уроженка села Мьюта Шебалинского аймака (района) ныне Горно-Алтайской автономной области. В 1928 году родился первенец, мой старший брат Юрий, который прожил всего восемь лет и умер в Иркутске <...> По отрывочным сведениям я знаю, что это был очень одаренный ребенок. В свои восемь лет, будучи прикованным к постели, он прочитал много книг: мама открывала ему страницы, а он прочитывал одним взглядом <...>

Г.М.Токмашев с семьей. 1925 г.

Наш дом стоял в центре города (теперь там сквер). Дом был деревянный, двухэтажный, привезенный отцом с родины матери — из деревни Мьюта <...> По воле судьбы я прожил в нем всего три года. Помню, во дворе еще стояла изба, где жили кто-то из наших родственников. Почему-то всплывает в памяти огород и <...> помнятся тыквы с их крупными листьями-дудками. Уже после отец рассказывал мне, что в этом доме у него в гостях бывали такие люди, как Новиков-Прибой А.С., Шишков В.Я., Коптелов А.Л., Заzubрин В.Я., художники и многие другие»⁴⁶.

В этот период Токмашев много трудится на ниве просвещения. В 1926 г. его назначают учителем в Кокуринскую школу-

интернат, где он проработал три года. В 1929—1930 гг. Георгий Маркелович заведует Кош-Агачской опорной школой.

В эти годы на Горном Алтае работала археологическая экспедиция Государственного музея этнографии, руководимая С.И.Руденко и М.П.Грязновым. Георгий Маркелович оказывал помощь ленинградским археологам. Согласно семейному преданию, в сарае Токмашевых несколько дней перед отправкой в Ленинград хранились останки знаменитых лошадей из Пазырыкского кургана.

В 1930 г. облоно командирует Токмашева на работу в Ойротское национальное издательство. Одновременно он преподаёт алтайский язык в Ойротском педагогическом техникуме и в совпартшколе. Токмашев — постоянный член переводческой комиссии при облоно. Начальство характеризует его как «опытного педагога, хорошего автора и переводчика»⁴⁷. Убедительное свидетельство его активной и успешной работы в области просвещения в этот период — серия подготовленных и опубликованных им лично или в соавторстве школьных учебников и пособий на алтайском языке, включающая около десятка книг⁴⁸.

Помимо учебников и пособий Токмашев в этот период пишет и публикует стихотворения, пьесы. Спектакль по его пьесе «Последний день» в 1930—1931 гг. три раза шел в театре г. Улалы. Он активно публикует свои фольклорные материалы. В 1926 г. в Москве вышла на алтайском языке книга «Тапкактар», где были представлены собранные им материалы телеутского фольклора. Через год он издает в Москве отдельной книгой на алтайском языке эпическое сказание «Ак-Олдош». По издательским делам Георгий Маркелович в 1925 г. впервые побывал в Москве. Впечатлениями об этой поездке он даже много лет спустя делился со своими сыновьями.

Событием в алтайской фольклористике стало издание записанного Токмашевым в 1914 г. алтайского героического сказания «Когутэй». С 1933 по 1935 г. оно издавалось четыре раза. История издания «Когутэя» изложена известным алтайским фольклористом С.С.Суразаковым в книге «Алтайский героический эпос»: «В начале 30-х годов на Алтай приезжал писатель В.Я.Зазубрин (автор романа "Два мира"). Он заинтересовался собирательской деятельностью Г.М.Токмашова. По его просьбе Токмашов сделал подстрочный перевод одного из записанных им сказаний — "Когутэя". Зазубрин считал "Когутэй" одним из "редкостных и прекраснейших образцов народного творчества". Он взял на себя труд редактирования текста, но фактически был сопереводчиком <...>»⁴⁹. Перевод «Когутэя», подготовленный Токмашевым и Зазубриным, впервые опубликовал в 1933 г. журнал «Новый

мир». Издателям удалось передать высокие художественные достоинства алтайского сказания, свидетельствующие, по мнению писателя А.Л.Коптелова, о том, что «алтайский народный эпос может быть смело поставлен на один уровень с мировым художественным эпосом»⁵⁰. Через два года «Когутэй» вышел отдельной книгой в академической серии «Фольклор», издававшейся под редакцией Ю.М.Соколова⁵¹. Перевод сказания сопровождался вступительной статьей и комментариями известного тюрколога Н.К.Дмитриева. На обложке и титульном листе издания указывалось несколько имен маститых фольклористов, так или иначе связанных с изданием. Токмашев среди них значился лишь как переводчик, хотя справедливее было бы указать также, что он первым открыл и записал этот замечательный памятник фольклора. Увидеть академическое издание своего «Когутэя» Георгию Маркеловичу в то время не пришлось — в 1934 г. он был арестован и осужден на пять лет «за антисоветскую деятельность».

«Отец рассказывал, — вспоминает сын Токмашева Александр, — что приехали за ним глухой ночью, потребовали собраться и увезли на "черном вороне". Отец уже знал, что творится в стране и приготовился к смерти, но его приговорили к пяти годам лишения свободы "за антисоветскую агитацию"»⁵².

Судя по протоколу допроса, Токмашев «признался» в различного рода «преступлениях»: «разжигании недовольства алтайского населения <...> путем агитации», в «развале колхозов», в «проталкивании через учебники и художественную литературу националистических установок», в стремлении создать «под руководством Японии» государство алтайцев «такого же вида, как Манчжоу-Го»⁵³. Обычный набор необоснованных обвинений — в те времена карательные органы умели заставить арестованного беззащитного человека оклеветать и себя и других.

О последующих злоключениях семьи Токмашевых рассказывает его сын Александр:

«По моим представлениям, мы после ареста отца прожили в нашем доме еще год-два. Дядя мой, брат моей матери, Чевалков Никандр Александрович, руководил Ойрот-Туринским областным книжным издательством и был главным редактором областной газеты. Это был честнейший человек, преданный своему народу, выросший во времена эйфории и энтузиазма того времени, был сначала активным комсомольским работником. Учился на высших партийных курсах в Ленинграде. После ареста моего отца над ним также нависла угроза как над родственником "врага народа", и дядя уезжает в Иркутск. Я хорошо помню ту обстановку в Иркутске. Дядя работал там главным редактором (может, я ошибаюсь) областной газеты.

Мать моя, испытав все "прелести" быть женой врага народа, оставшись без средств к существованию с двумя детьми и старой матерью на руках, видимо, по совету ее брата переезжает в Иркутск к нему, зная, что где-то там поблизости находится мой отец. Прожили мы там недолго. Там и умер мой старший брат Юрий.

Однажды Никандр был вызван под каким-то предлогом в Барнаул. Он поехал и был там арестован. Ему предъявили обвинение, типичное для тех лет: троцкизм, ослабление бдительности и т.п. Он был осужден на десять лет без права переписки. Мать моя до конца своей жизни верила, что он вернется. Она не знала, что 10 лет без права переписки означает расстрел.

После ареста дяди мы переехали в г. Тайшет. Там и отбывал мой отец [наказание]. В Тайшете нашлись родственники, а может, просто знакомые по Алтаю, — Косачевы. Сам он был репрессирован, а его жена, тетя Зина, жила там. Здесь мать и дождалась в декабре 1938 года освобождения моего отца.

Я смутно помню тот день. Была какая-то железнодорожная насыпь, были сумерки (или, может, мне так теперь кажется), какие-то заборы с колючей проволокой. Отец вышел, подошел к матери. Они обнялись и о чем-то говорили. Потом отец бросился ко мне, но я убежал от него, крича, что это не мой папка. Вид у него был ужасный: живой скелет.

Когда отец освободился, встал вопрос: куда ехать и на что? Ни средств, ни каких-либо видов на жительство не было. Отец с матерью устраиваются в местный лесхоз чернорабочими, как тогда называли.

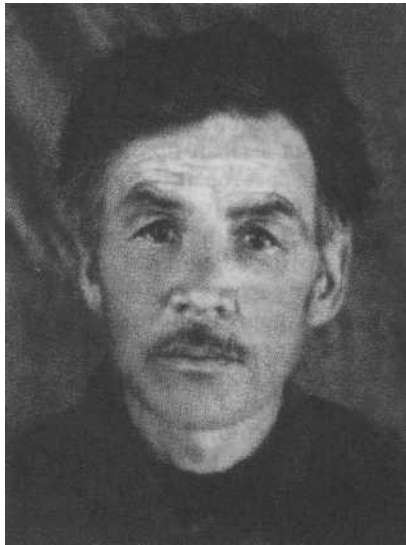
Мы жили в лесу, в какой-то лесной избушке. Родители оставляли меня в избушке, а сами пилили лес на дрова, чтобы заработать деньги на проезд. Я днями сидел у окна избушки и видел, как подходили олени дикие, а может, лоси.

Заработав денег, родители приехали в Челухоево в 1939 году. Жили мы в то время на квартире у одной женщины на краю деревни. Отец устроился в колхозе счетоводом. В этом доме зимой родился мой младший брат Михаил. Не могу не отметить, что у отца были еще друзья или сверстники, которых он знал и которые его знали, почему-то все старые мужчины и женщины. Его называли "Тюкай". Что это значит, я не знаю. Может, это имя, а может, просто уважительное отношение.

Что было на душе отца, как теперь рассудить и воспроизвести?

В ноябре 1945 года отец, не имея на руках никаких документов об образовании, попросил своих односельчан Хлопотина Дмитрия Алексеевича, Кильтеева Трифона Ивановича и Челухоева Степана Алексеевича подтвердить, что он действительно имеет право быть учителем. После этого он работал в начальной школе, которая находилась на противоположном берегу р. Бачат в деревне Верховская.

Дальнейшая жизнь моего отца прошла в сплошной борьбе за выживание <...>⁵⁴.

Г.М.Токмашев. 1939 г.

Из воспоминаний младшего сына, Михаила: «Отец, Хлопотин Митян и еще кто-то рассматривают в газете фотоснимок, где Черчилль, Рузвельт, Сталин. Не знаю, то ли это Ялта. Запомнилась только их радость: теперь жить станет легче»⁵⁵.

Но жизнь менялась к лучшему очень медленно. Токмашевы жили бедно, как и подавляющее большинство их односельчан. Правда, они больше не ютились у родственников, а приобрели собственное жилье — купили избушку. Как вспоминает Михаил Токмашев, это был «совсем маленький домик. Деревянный, рубленый, два окошечка, крыша заслана дерном. И приплетенные к нему сени и сарайчик из прутьев <...> Жили по-крестьянски, деревенским трудом, огородик у нас был. Коровка. Такой промысел был у нас в Челухоеве — щетки ковыльные. Ковыль рвали, щетки делали и продавали или же <...> ходили в лес, собирали смородину, потом в Белово на базар возили продавать <...> иногда (правда, отец был не специалистом) сусликов ловили по весне, шкурки сдавали, а мясо ели сами»⁵⁶.

В детях Георгий Маркелович воспитывал любовь к труду, к знаниям, к науке. При удручающей бедности главными семейными реликвиями в доме Токмашевых были два этюда Г.И.Гуркина, большой том Пушкина и книга Тэйлора «Первобытная культура».

Сам Георгий Маркелович хотя и понемногу, но все же продолжал заниматься фольклором. Он общался с местными скази-

телями. Завел тетрадь, куда записывал сказки, пословицы, поговорки, присказки. По мере возможности следил за новой этнографической литературой об алтайских народах. Был знаком с работами Л.П.Потапова.

Иногда рассказывал детям о своих встречах с Потаниным и Анохиным. Добрые чувства к этим людям он сохранил на всю жизнь.

В Челухоеве Токмашев прожил до 1956 г., а когда старший сын Александр обосновался в Прокопьевске, вся семья Токмашевых переселилась туда. До того как Александр получил квартиру, жили в бараке, все в одной комнате. Пенсии ни Георгий Маркелович, ни его жена Капитолина Александровна до конца жизни не получали. Единственным источником их существования в старости стала помощь сына.

В Ойрот-Туру, переименованную в 1948 г. в Горно-Алтайск, Георгий Маркелович больше никогда не ездил и с прежними друзьями и сослуживцами никаких связей не поддерживал. Да и мало кто из них уцелел в период репрессий 1930-х годов. По обвинению в организации контрреволюционного националистического повстанческого центра в 1937 г. был расстрелян Григорий Иванович Гуркин и еще пятеро алтайцев, видных общественных деятелей Ойротской автономной области. В обвинительном заключении по делу Гуркина фигурировала и фамилия Токмашева как одного из участников заговора³⁷. Спасло Токмашева то, что в это время он уже находился в заключении.

С наступлением в стране «оттепели» в середине 50-х годов алтайские фольклористы вспомнили о Токмашеве. Сначала пришло письмо от С.С.Каташа, затем от С.С.Суразакова. Вот это письмо:

«Глубокоуважаемый Георгий Маркелович!

Давно я собирался написать Вам письмо, но не знал, где Вы живете. Помог мне С.С.Каташ.

Я сам алтаец, работаю по изучению фольклора алтайцев и алтайской художественной литературы, являюсь кандидатом филологических наук, автором многих научных трудов.

Ваше имя давно мне знакомо, особенно по "Когутею". Этот эпос является одним из самых лучших. Записали его Вы. Для истории нашего фольклора необходимо установить, кто такой был Ютканаков, где он жил, имя, отчество, при каких обстоятельствах Вы его записали и когда точно. Кто, кроме Ютканакова, рассказывал этот эпос? Какие еще сказания он знал?

А самое главное — где, у кого находится рукопись оригинала "Когутея" записанная Вами? Нам необходима эта рукопись.

Напишите о себе, ибо Ваше имя прочно вошло в нашу фольклористику.

И, наконец, я просил бы Вас сообщить, знал ли кто-нибудь из телеутов эпос "Алып-Манаш"? Бытует ли он теперь? Кто сейчас рас-

сказывает его? Этот вопрос нас сейчас в сильной мере интересует. Также напишите и о тех, кто из алтайцев прежде исполнял этот эпос. Буду очень благодарен.

Мы с Вами, по-видимому, в скором будущем встретимся и обо многом поговорим. Я собираюсь приехать к Вам.

С глубоким уважением и приветом Суразаков.
12/ХІІ 1956 г.»⁵⁸.

Токмашев послал Суразакову обстоятельное ответное письмо:

«Уважаемый Сазон Саймович!

Я получил Ваше письмо от 12/ХІІ. Оно быстро ко мне не попало, потому что я живу у сына в г. Прокопьевске.

Вас особенно интересует алтайская сказка "Когутей", она же "Когулдей". Она была записана мной в 1914 году летом от сказочника Ютканакова Михаила, проживавшего в поселке Айула на реке Катунь, против Чемала. Запись происходила в его айле вечером, айл бывал каждый вечер полон слушателями. Я тоже слушал и, не останавливая воодушевленного сказочника, записывал отдельные моменты поэтического, красивого и запомнил сказку от начала до конца, а затем следующие три-четыре дня Ютканаков по частям под топшур (струнный шипковый музыкальный инструмент. — *Е.Б., Л.Р.*) повторял сказку, а я записывал дословно с начала и до конца всю сказку. Этот способ записи всегда был для меня лучшим, потому что от сказки ничего не выпадало и не прибавлялось. Ютканаков Михаил, на мой взгляд, в то время был самый яркий из сказочников Алтая, хотя он был не из стариков, а в средних годах. Я записал тогда перечень всех его сказок в отдельном листе, и был этот перечень приложен к "Когутею". Кроме Ютканакова, я не встречал рассказывающего "Когутея", но думаю, что многие сказочники Алтая знали и рассказывали "Когутея".

Алып-Манаш, которым Вы интересуетесь, мне не встречался, я его не знаю. Алып, он же Мойыс, в сказках бывает, т.к. это одно и то же слово, а Манаш — такого имени героя не помню.

Вы просите, чтобы я написал о себе. Что же я могу написать о себе? Я уж теперь престарелый, нет у меня прежних сил и энергии. В молодости я любил собирать сказки и пословицы и прочее у своего народа с тем, чтобы эти народные творения даром не пропали и не исчезли, может быть, они когда-нибудь пригодятся, чтобы полнее осветить историю наших соплеменников алтайцев, телеут, кумандинцев и других <...> К моему несчастью, вот я больше двадцати лет ничего больше не записывал и вдобавок не знаю, сохранятся ли мои сборы.

С уважением Г.Токмашев»⁵⁹.

Встреча С.С.Суразакова и Г.М.Токмашева состоялась в 1957 г. во время экспедиции Суразакова в Кемеровскую область. Магнитофонная запись их беседы хранится в семейном архиве Суразаковых⁶⁰.

В последние годы жизни Георгий Маркелович тяжело болел. Когда болезнь немного отпускала, ездил в Челухоево к родственникам, но большую часть времени проводил в Прокопьевске. Александр Токмашев вспоминает, что отец часто уходил в поле, на природу: «Уйдет куда-то, ковыль рвет, принесет, щетки делает, на базарчик выйдет. Я говорю: "Зачем тебе это нужно? Зачем ты этим занимаешься? Тяжело ведь". Он говорит: "Я уйду в поле — мне так хорошо там, вроде думаешь, одиноко". Это уже последний год был»⁶¹.

Умер Георгий Маркелович в 1960 г. от рака печени в г. Прокопьевске. Ему было 68 лет. В 1992 г. он был реабилитирован посмертно.

Литературные способности отца, интерес к фольклору унаследовали его сыновья. Старший сын Александр закончил горный техникум. Работал на шахте. Собирает материалы о деятельности отца.

Младший сын Михаил — кандидат физико-математических наук, доцент, преподает в Новокузнецком педагогическом институте. Автор ряда книг. Работал над переводами алтайских сказок, оставшихся после смерти отца, о чем он рассказывает в одном из писем Л.Т.Рюминой:

«<...> Я давал Чиспиякову Электрону Федоровичу две телеутские сказки, "Кер-Сагал" и "Палкаштан Жураган палачак", для издания, но он умер. Его жена Чиспиякова Фавзия Гизитуловна пыталась их издать. Электрону Федоровичу я делал подстрочный перевод. Потом этот текст оказался у Фисаковой Г.Г., она приехала ко мне с просьбой помочь перевести текст сказок. У Фисаковой были копии сказок отца, перепечатанные Фавзией Гизитуловной, и, очевидно, было много искажений <...> Я даже сделал в некотором роде литературный, авторизованный перевод на русский язык, работал над этим серьезно и долго и выслал ей в Кемерово <...> Я не знаю, была ли публикация этих сказок, которой я усердно способствовал»⁶².

Ряд фольклорных материалов, записанных Г.М.Токмашевым, хранятся в архиве Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы, а также в архиве МАЭ⁶³.

В последние годы в Горно-Алтайске и Кемеровской области вышло несколько небольших публикаций о Г.М.Токмашеве⁶⁴. Авторы настоящей статьи стремились собрать воедино разрозненные сведения о жизни и творчестве этого человека с трагической судьбой, оставившего заметный след в истории и культуре народов Алтая.

¹ О телеутах в XVII в. см.: *Уманский А.П.* Телеуты и русские. Новосибирск, 1980.

² *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989, с. 190.

³ Православный благовестник. 1893, № 18, с. 37.

⁴ Там же, 1895, № 12, с. 175.

- ⁵ Колоткин М.Н. О проекте «Российского миссионерского общества» Макария Глухарева. — Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996, с. 80.
- ⁶ Государственный архив Алтайского края, ф. 164, оп. 1, д. 80, л. 5.
- ⁷ Там же, д. 82.
- ⁸ Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998, с. 9.
- ⁹ Г.Н.Потанин [Речь на юбилее]. *Речь произнесена 21 сентября 1915 г. в Томске в день чествования Г.Н.Потанина по случаю его 80-летия.* — Литературное наследие Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986, с. 256—258.
- ¹⁰ *Сибирский патриот.* [Мендельсон Н.М.] — Там же, с. 307—308.
- ¹¹ АМАЭ, ф. 11, оп. 1, д. 55, л. 6.
- ¹² Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов. Сб. МАЭ, т. 8. Л., 1929, с. 253—269.
- ¹³ *Потапов Л.П.* Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев (к 55-летию со дня смерти). — Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987, с. 143; *Функ Д.А.* Из истории изучения шорского героического эпоса (1861—1915 гг.). — Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: Традиции и современность. М., 1995, с. 137—146.
- ¹⁴ *Потанин Г.Н.* Ерке. Культ сына неба в Северной Азии: Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916, с. 26. Ссылки на материалы Г.М.Токмашева имеются также в ряде работ Л.П.Потапова См., например: *Потапов Л.П.* Охотничий промысел алтайцев. СПб., 2001, с. 150, 165.
- ¹⁵ Телеутские материалы. Собраны Г.М.Токмашевым. Сказка об Алтай-Куучуны. — Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. III. Вып. 1, с. 62—81.
- ¹⁶ *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Ч. IV, с. 369—371.
- ¹⁷ *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985, с. 122.
- ¹⁸ О А.В.Адрианове подробнее см.: *Дэвлет М.А.* А.В.Адрианов как этнограф. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 9—56.
- ¹⁹ Там же, с. 47.
- ²⁰ Там же, с. 56.
- ²¹ *Курский М.* Заря новой жизни. — Жизнь Алтая. 11.07.1917.
- ²² *Мамет Л.П.* Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1994, с. 68.
- ²³ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину от 20 сентября 1917 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 857.
- ²⁴ Там же, д. 323.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Борозы каан. — Школа и жизнь Сибири. Томск, 1918, № 2, 3. Перевод сказки был переиздан Д.В.Кашубой в 2001 г. См.: Устное народное творчество коренных народов Кузбасса — телеутов и шорцев. Кемерово, 2001, с. 119—167.
- ²⁹ *Просвиркина С.* Долина Эмегень (Алтай). — Школа и жизнь Сибири, № 1; *Анохин А.В.* Кузнецкие инородцы Томской губернии. — Там же, № 2, с. 23—33; *Харузина В.* О занятиях этнографией в средней школе. — Там же, с. 38—40.
- ³⁰ Обращение к гражданам и организациям, интересующимся сибирскими инородцами. — Школа и жизнь Сибири, № 1, с. 84.
- ³¹ *Денисов В.* Перед пропастью. — Там же, № 2, с. 3—8.
- ³² *Токмашев Г.М.* К сказке Борозы каан. — Там же, с. 8—10.
- ³³ Там же, с. 8.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Мамет Л.П.* Ойротия, с. 69.

- ³⁷ Значительная часть земель Горного Алтая до Февральской революции 1917 г. считалась собственностью императорского кабинета — «кабинетскими дачами».
- ³⁸ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину, март 1918 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 1187.
- ³⁹ Алтайский луч. 1918, № 26.
- ⁴⁰ *Мамет Л.П.* Ойротия, с. 87.
- ⁴¹ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину от 24 апреля 1919 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 1557.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Государственный архив Республики Алтай (далее ГАРА), ф. Р-55, оп. 8, д. 2. Протоколы заседаний коллегии отдела народного образования, л. 37.
- ⁴⁴ *Гордиенко П.* Ойротия. Горно-Алтайск, 1994, с. 12; Копия протокола допроса Г.М.Токмашева (выписка из следственного дела). — Семейный архив А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁴⁵ ГАРА, ф. Р-55, оп. 8, д. 43, л. 33.
- ⁴⁶ *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 10 декабря 1990 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁴⁷ ГАРА, ф. Р-55, оп. 1, д. 350, л. 13.
- ⁴⁸ Краткую библиографию педагогических трудов см.: *Самаев Г.М.* Один из первых. — Эл-Алтай. Горно-Алтайск, 1991, № 1—2
- ⁴⁹ *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос, с. 219.
- ⁵⁰ *Коптелов А.Л.* Литература Советской Ойротии. — Сибирские огни. 1933, № 6, с. 95.
- ⁵¹ Когутэй. Пер. Г.Токмашева. Ред. и предисл. В.Зазубрина. Введ. Н.К.Дмитриева. М.—Л., 1935; первое изд. на рус. яз. см.: Новый мир. 1933. Кн. 12, с. 51—83. В 1934 и 1935 гг. сокращенные варианты сказания на алтайском языке были опубликованы в Новосибирске.
- ⁵² *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 10 декабря 1990 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵³ Копия протокола допроса Г.М.Токмашева (выписка из следственного дела). — Семейный архив А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁵⁴ *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 29 февраля 1992 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵⁵ *Токмашев М.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 15 июня 1991 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵⁶ Полевые материалы Е.П.Батьяновой. Экспедиция в Кемеровскую обл. 2000 г., кассета № 1.
- ⁵⁷ *Эдоков В.И.* Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994, с. 213.
- ⁵⁸ Из семейного архива А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁵⁹ Из архива С.С.Суразакова (Публикация В.М.Гацака и З.С.Казагачевой). — Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986, с. 311—312.
- ⁶⁰ Там же, с. 312.
- ⁶¹ Полевые материалы Е.П.Батьяновой. Экспедиция в Кемеровскую обл. 2000 г., кассета, № 1.
- ⁶² *Токмашев М.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 15 июня 1991 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой. Упоминаемые в письме Э.Ф.Чиспияков и Г.Г.Фисакова — лингвисты, специалисты по языкам алтае-саянских тюрков.
- ⁶³ В архиве МАЭ хранится оригинал записи на телеутском языке сказки «Тодыл ала Кушкатан» (ф. 11, оп. 1, № 54, л. 1—1об.), сделанной Г.М.Токмашевым, и его наброски перевода этой сказки (ф. 11, оп. 1, № 61, лл. 1—2). Выражаем признательность Д.А.Функу, обратившему наше внимание на эти материалы.
- ⁶⁴ *Самаев Г.М.* Один из первых; *Рюмина Л.* Наш земляк. — Ленинское знамя, 25.VII.1991 г.

Т.В.Лукиянченко

*В.В.Чарнолуский:
певец Земли Саамской*

Саамы — один из коренных малочисленных народов Крайнего Севера Европы, создавший оригинальную культуру оленеводов, рыболовов и охотников. Саамы живут в пределах четырех стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая их численность в настоящее время около 60 тыс. человек. В России, на Кольском полуострове, насчитывается около двух тысяч саамов. Именно им посвятил свои исследования Владимир Владимирович Чарнолуский — известный этнограф, исследователь жизни, быта, хозяйства и культуры саамов.

Владимир Владимирович родился в интеллигентной дворянской семье в Санкт-Петербурге 31 мая 1894 г. Его отец, Владимир Иванович, был деятелем народного просвещения, основателем и редактором издательства «Знание» и журнала «Вестник народного образования». Мать, Екатерина Матвеевна (девичья фамилия Самуйленко), активно занималась дошкольным образованием, увлекалась музыкой, иностранными языками, была автором, составителем и издателем многих детских книг¹. В семье было трое детей. Старший — сын Владимир и две его сестры: Татьяна и младшая Христина, которая в 16 лет трагически погибла в 1918 г. Чарнолуские имели небольшую усадьбу в Черниговской губернии, близ города Новозыбкова, однако никогда не подчеркивали свою принадлежность к дворянству. Семья Чарнолуских была очень хлебосольна и общительна. Круг их друзей состоял из высокообразованных людей: литераторов, издателей, редакторов, учителей.

Детство и юность Володи прошли в общении, с одной стороны, с народной культурой России, в основном сельской, а с другой — с ее элитой, заботившейся о народе и его культуре. Все это и определило, по-видимому, тот путь фольклориста и этнографа, который выбрал для себя в дальнейшем Владимир Владимирович².

У отца Володи была огромная домашняя библиотека, и сын с детства очень много читал. Самым сильным увлечением его юношеских лет было чтение книг о путешествиях, причем полярные страны интересовали его больше всех остальных. Уже на склоне лет Владимир Владимирович признался как-то, что подвиги Кнуда Расмуссена, Фритьофа Нансена, Руала Амундсена и других великих полярников вместе с восторгом порождали в нем жгучую зависть. Хотелось быть путешественником и только путешественником³.

Как пишет, вспоминая отца, сын Чарнолуцкого, Владимир Владимирович младший, события начала XX в. (русско-японская война и революция 1905 г.) повлияли на жизнь семьи Чарнолуцких. «Как и многие прогрессивные деятели того времени, мой дед Владимир Иванович был вовлечен в революционное движение. И как следствие — аресты, ссылка в Архангельскую губернию. При этом <...> он ухитрялся продолжать активную издательскую деятельность»⁴.

В 1906 г. Владимир Владимирович поступил в Санкт-Петербургское коммерческое училище и в 1914 г. окончил его. Одновременно он увлекался живописью и готовился к поступлению в Академию художеств. Он посещал классы живописи и рисунка Штиглица, а затем студию профессора Зайденберга с целью подготовки к поступлению в Академию художеств⁵. Однако начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этих планов.

Владимир Владимирович участвовал в войне в качестве добровольца — вначале санитаром, а затем начальником обоза по оказанию помощи раненым, их эвакуации в тыл. В 1916 г. Чарнолуцкий был призван в ряды действующей армии. На фронте он был рядовым, а потом командиром взвода пулеметной роты. Военная служба закончилась демобилизацией после окончания войны в 1918 г.⁶.

В 1918—1919 гг. Владимир Владимирович живет в Петрограде, а затем в Новозыбкове и в селе Риловичи (недалеко от Новозыбкова). Здесь, в Новозыбкове, вместе с сестрой Татьяной он работает в уездном отделе народного образования. «Они создавали городские и сельские театральные студии, ставили спектакли, много ездили по окрестным селам. Все это было в русле семейных традиций. Они стремились организовать народную жизнь по-новому, неся культуру в массы»⁷. Однако бандитизм в селах, произвол уездных властей были небезопасны для молодых людей.

Татьяна в 1921 г. уезжает учиться в Петроград, где поступает в Академию художеств. В мае 1921 г. Чарнолуцкий женится на

Екатерине Васильевне Смирновой, учительнице одной из сельских школ близ Новозыбкова. Осенью того же года он по путевке Новозыбковского профсоюза был направлен на учебу в Петроградский географический институт. А 1 мая 1922 г. в Новозыбкове у молодой семьи родился сын Владимир. Жена Чарнолуского, Екатерина Васильевна, в 1923 г. поступила на 1-й курс Московского университета, оставив сына в Новозыбкове на попечении бабушки. На следующий год, получив комнату в Москве, она взяла к себе двухлетнего Володю⁸.

В 1922 г. отец будущего ученого, Владимир Иванович, опасаясь возможных преследований, оставляет Петроград и переезжает в Подмоскowie. Свою огромную научную библиотеку он передает в дар Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Вскоре перебирается в Подмоскowie и мать Чарнолуского, Екатерина Матвеевна, вместе с семьей дочери, которая бросила занятия в Академии художеств и уехала из Петрограда. Все они поселяются в городе Пушкино Московской области⁹.

Студенческая жизнь Володи Чарнолуского, который остался один в Петрограде без всяких средств к существованию, была нелегкой. Чтобы обеспечить себе более или менее нормальную жизнь и возможность учиться в институте, надо было работать. И Владимир Владимирович работал: ночным сторожем, грузчиком в порту, чертежником и т.д. На заработанные деньги летом 1922 г. он смог поехать в студенческую научную экспедицию на п-ов Канин для изучения оленеводства у ненцев. Летом 1925 г. Институт методов внешкольной работы предложил В.Чарнолускому командировку в Крым с обслуживанием экскурсионных баз и затем заказал ему книгу-путеводитель о Крыме. Эта книга под названием «Южный берег Крыма» вышла в 1926 г. в издательстве «Вопросы труда»¹⁰.

По окончании института молодой ученый стал искать работу. Вот как он об этом вспоминает: «Я поступил на службу в почтовое отделение, как раз на место того почтальона, который обслуживал Государственное географическое общество. Это была временная работа, но она меня вполне устраивала. Сдав почту, я отправлялся в Публичную библиотеку. Условия работы там прекрасные, очень уютно и тихо. На стенах на особых подставках — бюсты великих ученых. Между ними мне грезилась (по крайней мере, мне очень хотелось, чтобы они там находились) и мои ученые-лопареведы — И.Шефферус, написавший еще в XVII в. знаменитую книгу о саамах — "Лаппония", и наш русский этнограф Н.Харузин, автор известной монографии "Русские лопари". А внизу, между рабочими столами, ходили озабоченные читатели — старцы с юношески восторженными взорами и юноши

с глазами умудренной старости. Шелест страниц, перевертываемых множеством рук в большом зале, звучал как своеобразная музыка. Эта музыка в те дни покорила меня на долгие годы»¹¹.

В 1926 г. Чарнолуским была выполнена первая работа, связанная с Севером: составлена по материалам экспедиции 1922 г. карта кочевков ненцев на п-ве Канин. Карта была представлена в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), одобрена и рекомендована к печати, однако осталась неопубликованной.

В декабре 1926 г. Владимир Владимирович зачисляется старшим научным сотрудником в Лопарскую экспедицию Государственного географического общества (ГГО), руководимую проф. Д.А.Золотаревым. Кроме Золотарева и Чарнолуского в состав экспедиции входил также врач Ф.Г.Иванов-Дятлов. Золотарев должен был производить антропометрические измерения, Иванов-Дятлов заниматься врачебно-медицинским обследованием населения, а главной задачей Чарнолуского являлось исследование хозяйства, культуры и быта саамов. Чарнолуский выехал на Кольский полуостров в конце декабря 1926 г., чтобы связаться с Мурманским обществом краеведения и его председателем В.К.Алымовым, подготовить к середине января встречу остальных членов экспедиции на станции Пулозеро, создать условия для будущей работы (подыскать помещение для работы, для проживания сотрудников, достать олени упряжки для поездки на восток и пр.). Надо сказать, что в этом Чарнолускому очень помог заведующий Мурманским краеведческим музеем М.Н.Михайлов.

Работая в составе экспедиции, Владимир Владимирович совершил две поездки. Зимой 1927 г. он на оленьей упряжке проехал около 80 км от станции Пулозеро Мурманской (позже Кировской, теперь Октябрьской) железной дороги на восток до села Ловозеро (Ловозерский погост), после чего посетил саамские погосты: зимний Семиостровский, Каменский, зимний Иокангский, Лумбовский, а также деревню Каневку и село Поной. Этнографические работы велись главным образом в Иокангском и Лумбовском погостах. Возвращаясь назад, Чарнолуский посетил Кильдинский погост, Пулозеро и ряд мелких поселений на железной дороге. Собирая этнографический материал, исследователь составлял карту кочевков саамов (лопарей) разных погостов и их оленьих стад.

Вторая поездка ученого состоялась в августе—октябре 1927 г. в составе Кольской экспедиции АН СССР (Лопарская экспедиция стала ее частью), руководимой акад. А.С.Ферсманом. Морем был проделан путь от Архангельска до села Поной, погостов Соснов-

ского и летнего Семиостровского (село Варзино). Вместе с семиостровскими саамами исследователь пешком добрался до рыболовных тоней у озер Енозеро и Низявр, а с саамами летнего Иокангского погоста совершил выезд в тундру на сбор оленей после летнего вольного выпаса. В 1930 г. ГГО издает книгу Чарнолуцкого «Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова», в основу которой легли главным образом материалы второй поездки в составе Кольской экспедиции. К книге приложена карта погостов и маршрутов кочевков саамов на обследованной территории, которая называется Летний Наволок. Сюда входят погосты терских саамов (Иокангский, Лумбовский, Сосновский, Каменский), население которых составляет 71% всего саамского населения Летнего Наволока, и Семиостровский погост. Сюда же относится бывшее саамское, а ко времени посещения его Чарнолуцким уже русское село Поной. Владимир Владимирович подробно описал природные условия Летнего Наволока, этнический состав населения, занятия, типы жилищ. Работая в экспедиции, ученый собирал необходимые ему сведения путем личных наблюдений или опроса наиболее уважаемых старых саамов.

Большой интерес представляют его материалы о способах распознавания путей и ориентировки саамов в тундре. Он пишет, что саамы выработали «особую память и привычку к своему краю, навык разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов, в волнистом рельефе тундры <...> Интересно отметить, что лопари хорошо ориентируются в лесу зимою, летом же чувствуют себя менее уверенно и часто сбиваются с правильного пути»¹². Владимир Владимирович приводит, например, такой факт: в Куроптевском погосте один старый саам, будучи слепым, мог ездить зимой в стадо, что свидетельствует, по мнению исследователя, о том, что у саамов помимо зрения развито особое чувство местности. Саам может узнавать дорогу с закрытыми глазами «по тем потряхиваниям на неровностях почвы, по которым он едет»¹³. Из рассказов саамов Чарнолуцкий выяснил, что понятие «дорога» у них имеет четыре значения, которые обозначаются разными названиями. Это тропа (*пальгес*), дорога, соединяющая летнее и зимнее поселения одного погоста (*кайна*), плотная зимняя дорога (*роота*) и свежая дорога, по первому следу (*секкас*). Чтобы не сбиться с пути, дорогу определяют по звездам, пользуясь в основном Большой Медведицей и Полярной звездой, по направлению ветра, иногда по расположению на небе луны и солнца. Существуют и другие способы. Три большие главы книги посвящены занятиям саамов: оленеводству, рыболовству и охоте на пушного и морского зверя,

а также на дикого северного оленя — и влиянию этих занятий на весь бытовой уклад жизни. В целом книга «Материалы по быту лопарей» представляет собой уникальный труд этнографа-профессионала, содержащий массу интересных, неизвестных до того времени сведений о хозяйстве, культуре и быте саамов восточных районов Кольского полуострова.

Этнографические работы в составе Кольской экспедиции в 1930 г. были прекращены, но Владимир Владимирович продолжает сбор материалов по этнографии и фольклору саамов, работая в экспедициях ГГО, Мурманской землеустроительной партии, Всесоюзного арктического института и т.д. Одной из его задач была разработка проблем, связанных с развитием хозяйства коренного населения Мурманского края. Особенно много внимания ученый уделяет изучению оленеводства саамов. Им был составлен проект организации Каневского оленеводческого совхоза. Чарнолуский подолгу работает в землеустроительных партиях. В результате им был разработан детальный план пастбищеоборота, предложены решения других вопросов выпаса оленей в государственном хозяйстве. Все это стало возможным потому, что Владимир Владимирович хорошо знал особенности традиционного хозяйства коренного населения. Чарнолуский участвует в организации одного из первых коллективных хозяйств на Кольском полуострове — Ивановского оленеводческого колхоза, в котором объединились саамы Каменского погоста и местные коми-ижемцы. Базой этого колхоза стала деревня Ивановка (саамское название — Чальмны-Варре). Одним из результатов этой работы была составленная Чарнолуским записка для Комитета Севера (Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК) по общим вопросам оленеводства на Кольском полуострове. Кроме того, в эти годы выходят его статьи: «Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей», «Пастбища и приемы выпаса оленей», «Оленья изгородь»¹⁴. В них ученый характеризует особенности оленеводства саамов, которое рядом черт (применение летнего вольного выпаса, использование во время выпаса дымокуров, оленьих сараев и изгородей, форма оленьей упряжки и др.) отличалось от оленеводства других северных народов. Продолжая изучение хозяйственных занятий коренного населения Кольского полуострова, Владимир Владимирович в 1933—1935 гг. исследует на Терском берегу Белого моря местные промыслы.

Если говорить о личной жизни Чарнолуского, то следует признать, что она не сложилась удачно. С самого начала и в продолжение последующих тринадцати лет супруги жили отдельно друг от друга (один — в Петрограде, другая — в Москве), и в результате их брак в 1934 г. закончился разводом¹⁵.

В.В. Чарнолуский. Середина 30-х годов

Чарнолуского в его исследованиях интересовали не только прикладные вопросы этнографии. Он тщательно изучает фольклор саамов. Общаясь с ними, он записывает слова их родного языка, составляет словарь саамских слов и выражений. Работа фольклориста вообще сложна, а северного фольклориста — особенно. Нужно затратить очень много сил, чтобы «раскачать» человека, говорящего на другом языке, и записать от него хотя бы несколько фольклорных произведений. А народы Крайнего Севера не особенно охотно раскрываются перед «чужими». Владимир Владимирович проделал огромную работу по записи фольклора саамов. Зная язык народа, ученый иногда сначала записывал фольклор на его языке, а потом уже переводил на русский. Это давало возможность сохранить в переводе особую поэтичность и образность, присущую фольклорным произведениям. «Произносятся вслух записанные по-саамски тексты, — пишет Чарнолуский, — я улавливал своеобразие стиля сказителей, что и старался передать впоследствии при обработке сказок. Каждый из них имеет свои речевые особенности, приемы и манеру сказывания. У каждого своя интонация. У одного стиль сказывания словно свысока — он рассказывает о больших людях маленьким, тон часто повелительный (М.И.Титов). Н.С.Матрехин умиляется.

У.П.Тарунова всегда вела сказ лаконично. В.В.Койбина, наоборот, очень любила сентенции, она бранила или осуждала своих героев, и все они у нее словно бы кукольные»¹⁶. Иногда запись сказок шла сразу на русском языке.

Подвижническая одержимость ученого помогла ему сохранить для этнографической науки и древние эпические произведения маленького народа, и мифы незапамятных времен, и бывальщины, и сказки, и многое другое, что позволяет представить жизнь саамов в полном объеме. Кроме того, им было сделано множество прекрасных зарисовок предметов быта, одежды, жилых и хозяйственных построек, типов людей, пейзажей. Изучая саамскую одежду, ученый не только пользовался информацией пожилых мужчин и женщин, касавшейся прошлого, но и составлял выкройки современного костюма (зимнего из оленьих шкур, летнего из тканей, обуви и разнообразных головных уборов). Среди собранных исследователем материалов имеется большое количество фотографий. В конце 20-х годов, когда Чарнолуцкий впервые попал на Кольский п-ов, у саамов еще сохранялись традиционные формы жизни и культуры, утраченные ими в дальнейшем. Поэтому материалы ученого, собранные в тот период, имеют для нас огромную ценность. С 30-х годов, в частности в связи с коллективизацией, начинается усиленное влияние коминужмцев на оленеводство и культуру саамов.

Исследования Чарнолуцкого в области фольклора заинтересовали специалистов, и в 1935—1936 гг. он по поручению проф. Б.М.Соколова был командирован фольклорной секцией Союза писателей СССР для сбора фольклорных материалов у Кольских саамов. Его первая поездка состоялась к мончегорским саамам, обитающим на губе Монча на оз. Имандра. Позже он собирал фольклор также и у других групп саамов. Его сказителями были знатоки саамских сказок и других фольклорных произведений: Устинья Павловна Тарунова (Иоканга), Марина Лазаревна Матрехина (Иоканга), Анна Васильевна Железнякова (Ловозеро), Ирина Фоминична Койбина (Каменский погост), Петр Васильевич Сорванов (г. Мончегорск), Варвара Ивановна Куроптева (Иоканга) и многие другие. Уже в это время, в 30-е годы, Чарнолуцкий начинает собирать фрагменты одного из удивительнейших и очень заинтересовавших его фольклорных произведений саамов — мифа об олене-человеке Мяндаше, который в седой древности пели в стихах. Этот миф ученому рассказывали (пели) терские саамы, жившие в восточных районах Кольского полуострова.

В 1938 г. успешно развивавшаяся научная деятельность Владимира Владимировича трагически прервалась. Он был необоснованно арестован, осужден по 58-й статье и отправлен на Се-

вер. Одним из мест его заточения был Каргопольлаг, в годы войны — лагеря на Урале, а затем после пяти лет заключения — два года подневольных работ в трудармии в Куйбышевской (ныне Самарской) области, после чего в течение года (с 1944 по 1945 г.) он работал пастухом в подмосковном совхозе в поселке Снегири. Все это на долгие годы буквально выбило его из жизненной колеи. Не могло быть и речи о занятиях наукой.

Наконец в 1945 г. Владимир Владимирович получает паспорт. Однако и после освобождения в течение долгих лет Чарнолуский по психологическим причинам не может вернуться к любимому делу, а зарабатывает себе на жизнь трудом художника-оформителя, рисует плакаты, оформляет книги, выполняет различную техническую работу по их изданию. Он живет один в маленьком домике в подмосковном городе Пушкино. В 1958 г. Чарнолуский выходит на пенсию, и с этого времени начинается новый, очень плодотворный в научном плане период жизни ученого.

В конце 50-х годов Чарнолуский приходит в Институт этнографии (ИЭ) АН СССР в Москве. Институт располагался тогда в небольшом старинном особняке на улице Фрунзе (в 1990 г. этой улице вернули ее прежнее название — Знаменка). Институт занимал на втором этаже одну большую комнату, из которой вели двери в четыре сравнительно небольших помещения. В одном из них находились сотрудники отдела народов Европы (как Европейской части СССР, так и Зарубежной Европы), в другом — сотрудники сектора антропологии и сектора Америки, в третьем — располагалась институтская библиотека вместе с маленьким читальным залом, а в четвертом — канцелярия, из которой можно было пройти в две маленькие комнаты: в одной из них сидел директор Института, известный ученый, исследователь древнего Хорезма С.П.Толстов, в другой — два его заместителя: антрополог М.Г.Левин и этнограф-африканист И.И.Потехин. Хотя Институт этнографии занимал очень небольшое помещение, сотрудники могли общаться друг с другом, обсуждать различные научные проблемы, проводить дискуссии. В этом же здании располагался Институт государства и права АН СССР, и на четвертом этаже находился общий конференц-зал, где оба Института проводили конференции, сессии и т.д.

Появившись в Институте, Чарнолуский стремится восстановить прежние научные связи, и, конечно, больше всего его интересуют исследования, ведущиеся по саамам. В то время в ИЭ создается новый сектор во главе с известным ученым-сибиреведом Б.О.Долгих¹⁷ по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. К малым народам Севера относятся и саамы. В это время Чарнолуский знакомится с автором данных

строк, которая, окончив МГУ, поступила в ИЭ и занималась изучением саамов. Научные контакты между нами очень скоро переросли в добрые дружеские отношения. Скромность, интеллигентность и дружелюбие отличали этого человека. Владимир Владимирович был очень одарен от природы, он прекрасно рисовал и обладал большим художественным вкусом. Кроме того, он был очень прост в общении и никогда не давал почувствовать собеседнику своего превосходства.

Чарнолуский ко времени своего появления в Институте был уже на пенсии. Его не приняли в штат Института, не работал он и по договорам. Чарнолуский занимался в основном обработкой своих материалов, рукописей, готовил к изданию сборник саамских сказок, работал над «Очерками по истории саамов», над книгой «В краю летучего камня» и др.

У Владимира Владимировича дома хранился большой личный архив. Это были многочисленные рукописи его работ, уже изданных или готовящихся к печати. Многие из них были снабжены рисунками и фотографиями, сделанными самим автором. Чарнолуский проявлял большой интерес к верованиям саамов, культовым местам и отправлению разных культов. Он сохранял рукопись русского перевода книги норвежского ученого И.Квигстада «Священные места и горы саамов в Норвегии», которую снабдил сделанными им самим рисунками священных камней-сейдов. Обычно это был один большой камень антропоморфного или зооморфного вида или целые горки из камней.

В архиве Чарнолуского долгие годы находилась также рукопись русского перевода с латинского книги Иоганна Шеффера «Лаппония» (1673 г.). Эта редкая книга, переведенная вскоре после ее написания на многие европейские языки, до сих пор не опубликована на русском. В 30-х годах перевод «Лаппонии» на русский язык был сделан по инициативе Мурманского общества краеведения латинистом В.С.Золотиловым. Перевод был напечатан на пишущей машинке на тонкой бумаге в пяти экземплярах. Со временем сохранились только два экземпляра: у директора Мурманского краеведческого музея М.Н.Михайлова и у Владимира Владимировича, который любезно передал свой экземпляр мне. В настоящее время копии перевода В.С.Золотилова, как и его первоначальный перевод, хранившийся у М.Н.Михайлова, находятся в архиве Кольского филиала РАН (г. Апатиты).

В архиве Чарнолуского было очень много записей сказок. Часть из них к настоящему времени опубликована, а рукописи остальных хранятся в архивах Мурманского краеведческого музея. Кроме того, в этом архиве содержится обширная библиография: по саамам, карелам и финнам.

После того как Владимир Владимирович вышел на пенсию, он всецело отдался любимой работе: разбирал архив, готовил к печати новые публикации, систематизировал рисунки и фотографии, но главное — подготавливал к изданию собранные им в экспедициях фольклорные материалы.

В 1962 г. Издательство художественной литературы выпустило сборник саамских сказок в записи, переводе и обработке Чарнолуского¹⁸. Он был первым, кто выделил в фольклоре саамов разные жанры. Сказки саамов — *майнс*, в понимании самих сказителей, это «легкий» жанр. Сказки, как говорит автор, бывают самого различного содержания и разными по форме. «Особо выделяются детские сказки — парна-майнс. Тала-майнс — сказки о существе по имени Тала (на Западе этот Тала предстает в образе Сталло — человека сильного и опасного для саама), сказки о равках (вурдалаках), о купцах (называются купец-майнс), о царях — саре-майнс, о карликах чакли — чакли-майнс и т.д.»¹⁹. Кроме сказок Чарнолуский выделяет в фольклоре саамов *ловту*, или миф, легенду. «Здесь хороший сказитель очень строг к каждому слову. В старину ловты пели, словесная ткань их была стихотворной. Теперь в этой форме ловты забыты, рифмованные строки остались в очень редких случаях. К ловтам в нашем сборнике относятся фрагменты мифа о Мяндаше (Мяндашнийд), Найнас, Рухтнас»²⁰.

Третий вид фольклорных произведений саамов — *сакки* (по-русски — сказы, по-скандинавски — саги). Это рассказы на патристические темы: оборона родного края, военные подвиги саамских героев, эпизоды из эпохи «подземной войны» и предания о горах, озерах²¹. Четвертый вид — краткие шуточные рассказы назидательного характера — «бывальщины». И наконец, к пятому виду относятся *муштоллы*, т.е. «что на ум пало», «что на ум пришло».

В сборник «Саамские сказки» вошли отдельные фрагменты мифа о Мяндаше, в котором отразились тотемистические представления саамов, в частности культ дикого северного оленя. Этот миф ведет свое происхождение с древнейших времен, когда охота была основным источником существования. Мяндаш — олень-человек — занимает особое место в пантеоне саамских божеств. Это одно из главных божеств терских (восточных) саамов. Чарнолуский записывал этот миф по частям во время своих поездок. Он зафиксировал несколько вариантов стихотворного мифа, который в старину, по-видимому, пели.

Однажды, в январе 1928 г., после возвращения в Ленинград из экспедиции к саамам Владимир Владимирович отправился в Эр-митаж. Каково же было его изумление, когда на одном из стен-

дов с надписью «Пермский звериный стиль» он увидел отлитого из бронзы в конце I — начале II тыс. н.э. оленя-человека, очень похожего на Мяндаша Йоканги. После этого Владимир Владимирович усиленно занялся изучением коллекций Эрмитажа. В атласе А.А.Спицына «Шаманские изображения»²² он нашел около 30 подобных бронзовых бляшек, как бы напоминающих миф о Мяндаше. Отличие их от последнего состояло в том, что у этих человекообразных существ головы были не оленя, а лося. По мнению Чарнолуского, в этом не было ничего удивительного, так как культовым животным у населения огромных лесных пространств Пермского края был лось. И возможно, лось на Кольском Севере предшествовал в этом качестве оленю. Как считает Чарнолуский, эта аналогия может свидетельствовать о том, что в начале нашей эры между Кольским полуостровом и Пермским краем существовали определенные связи. Надо сказать, что многим исследователям эта гипотеза показалась спорной.

Кроме мифа о Мяндаше в сборник вошли также мифы (*ловты*) «Найнас» и «Рухтнас». «Найнас» — это миф и серия сказок о северном сиянии. В старину саамы почитали Солнце как божество, которое, по их верованиям, объезжало небо на олене и медведе. «Древнейший фольклор саамов посвящен детям Солнца — дочерям и сыновьям его. Они во всем похожи на обыкновенных жителей земли, простых людей — не случайно в сказке они спускаются с неба, чтобы жить с людьми. Враждебные Солнцу существа — пауки, лягушки, кузнечики — строят им разные козни»²³. Найнас — предводитель сполохов — взял в жены дочь Луны, прекрасную девушку Акканийди. Он отправил ее в дом своей матери, которая постелила им постель в амбаре. На ночь Найнас прилетал к жене, а как только занималась заря и небо начинало светлеть, Найнас оставлял свой дом и улетал обратно. Но Акканийди была также невестой сына Солнца — Пейвальке. И однажды Найнас не успел оставить дом до зари. Когда он «выскочил из дома наружу, жаркое Солнце ожгло его <...> Акканийди метнулась заслонить мужа от Солнца, но голова ее была не покрыта — Солнце схватило ее за волосы. Оно жгло ее. Она звала Найнаса-мужа, чтобы спас ее от Солнца, от жара его, она просила оросить ее водой! Но Солнце крепко держало в жарких руках дочь Луны, невесту Пейвальке. Когда оно сжалилось над нею, то вознесло в высокое небо и метнуло в лоно матери-Луны <...> И вот она сказка, о Найнасе, вся <...> прежде песнею пели»²⁴.

Рухтнас был мужем Разиайке-Настай, братом верховного божества терских саамов Каврая. Это был защитник саамов, изгнавший из пределов Летнего Наволока враждебных саамам су-

ществ, называемых «Тала». Тала — сказочный персонаж. Иногда его связывают с одним из тотемических предков саамов — медведем. Разиайке была очень красива и очень любила петь. Но Рухтнас не разрешил ей этого: боялся, что Тала услышит и похитит ее. Однажды, когда Рухтнас с братьями ушел по делам, Разиайке осталась дома одна. Она не послушалась мужа и стала петь песни. Проходивший в это время мимо Тала услышал, как поет Разиайке, утащил ее в свой дом и захотел сделать своей женой. Разными хитростями Разиайке избавилась от Талы и его матери Талакке. А вскоре вернулся и Рухтнас. «Все, что в амбарах у Талы было, все Рухтнас собрал, все увезли к себе и оленей угнали. Работники Таловы были рады жить у Рухтнаса <...> Разиайке по-прежнему правит порядок в своем доме и песни поет травам, ягелю рост дает, и золотое веретене в руках ее вертится <...> А вокруг оленцы малые, пыжики, бегают и резвятся, играют и прыгают вокруг дома хозяйки-матери их, Разиайке»²⁵. Кроме мифов в сборнике опубликовано более 30 сказок: детские («Олешка Золотые Рожки», «Сказка про медвежью лапу», «Мышка» и др.), про животных, о войне с чужью («Лаурикадж», «Сказ про Няластарца и его сыновей») и др.

Сборник «Саамские сказки» имеет большое научное значение. Опубликованный в нем фольклорный материал представляет собой прекрасный источник по происхождению отдельных групп саамов (миф об олене-человеке и др.), по отдельным моментам истории и военных столкновений лопарей с норманнами (сказ о старце Няле), шведами (сага о Лаурикадже), норвежцами (сага «Красивая Катрин»). Большой материал содержится в сборнике по дохристианским верованиям саамов (поклонение Луне, Солнцу и др.).

После возвращения к любимой работе, к занятию этнографией, Владимиру Владимировичу очень хотелось снова побывать на Кольском полуострове, посмотреть, какие изменения произошли в жизни саамов. И вот в 1961 г. эта поездка состоялась, она длилась около трех недель. Деньги для нее были выделены Союзом писателей СССР. Для ученого особенно интересно было посещение Лапландского заповедника, где, как уверен был Чарнолуцкий, «должен сохраниться в неприкосновенности дикий олень, его образ жизни, а в сознании саамов — легенды о диком северном олене»²⁶, а также знакомство с новым Ловозером.

Заповедник дикого северного оленя, или Лапландский заповедник, был организован в 1930 г. по инициативе научного сотрудника Александровской биологической станции Германа Михайловича Крепса (1896—1944). Он же стал его первым директором (с 1930 по 1935 г.). «Сохранение природных ландшафтов

Кольского полуострова было главной, но не единственной задачей заповедника. Предполагалось, что он станет резерватом ценных охотничье-промысловых животных, восстановит численность видов, пострадавших от перепромысла, и обогатит охотничью фауну области»²⁷. Заповедник занимает территорию озерно-речной системы озера Имандры площадью около 1600 кв. км. После Г.М.Крепса директором стал О.И.Семенов-Тянь-Шанский.

Чарнолуцкий надеялся, что среди обслуживающего персонала Лапландского заповедника окажется много саамов. Но его ждало разочарование. Здесь жила всего одна саамская семья, состоявшая из бабушки Федосьи с внуками. «Бабушка Федосья кругла как горошина, перетянутая посередине. На поясе у нее позвякивали ключи, ножик в бисерном футляре, ножницы в чехлике и наперсток в бисерном чехлике. Одевалась она очень аккуратно: самшир на голове и беленькие каньги на ногах <...> Все это было очень хорошо, но у нее был всего один зуб. И этот единственный зуб мешал ей говорить. Тем не менее она очень живо откликнулась на мою просьбу рассказать ее сказки и легенды о диком олене»²⁸. Бабушке Федосье помогала внучка Таня. Вместе они записали сказку «Про диких».

Федосья посоветовала Чарнолуцкому съездить на кордон (там люди охраняли оленей и других животных от браконьеров), где живет саам Максимыч. «Он все про этих оленей знает», — сказала она. И действительно, он рассказал прекрасную сказку «Олень-дикарь (Мяндаш)», которая давно волновала воображение ученого, но ее приходилось собирать по частям. Позже, в 1965 г., легенда об олене-человеке была Чарнолуцким опубликована²⁹.

Теперь несколько слов о Ловозере 1961 г. и том впечатлении, какое оно произвело на ученого по сравнению с впечатлениями его первой поездки туда в 1927 г. В конце января 1927 г. Владимир Владимирович писал: «Поселок саамов едва заметен. От места, где он раскинулся, поднимается десятка два струек дыма. Домов не видно. Кажется, дым исходит прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю <...> Каждая тупа есть не что иное, как простейший сруб из тесаных бревен. Наиболее старые тупы покрыты односкатной крышей, а поверх — дерном, травой или мхом <...> Ни одного нового дома, ни одного украшения или орнамента»³⁰.

В 1961 г. Чарнолуцкий увидел несколько кирпичных домов, в том числе жилых, большое каменное здание средней школы. В поселке появился водопровод с холодной и горячей водой. Большинство жителей жили в отдельных квартирах многоэтажных коммунальных домов со всеми удобствами. Нельзя согла-

ситься с Чарнолуским, что ядро поселка составляли аборигены Ловозерского погоста. Это не совсем так. Общая численность населения Ловозера начиная с 60-х годов и по настоящее время держится примерно на одном уровне — около 3700 человек, из них 800 человек — саамы, около 750 — коми, остальные — приезжие из других регионов страны (русские, украинцы, татары и др.). Однако прав Чарнолуский в том, что среди саамов не только коренные ловозерцы, которых большинство, но и жители других погостов: Вороненского, Чудзьяврского (Кильдинского), частично Пулозерского и некоторых других.

В целом Ловозеро в 1961 г. произвело на Владимира Владимировича очень благоприятное впечатление. В поселке шла активная культурная жизнь: работал Дом культуры, устраивались вечера танцев, приглашали актеров, показывали кинофильмы и т.д. Развивались новые отрасли хозяйства: огородничество, молочное животноводство. Продолжали заниматься и озерным рыболовством. К сожалению, в настоящее время сфера традиционных занятий саамов сузилась. Главным осталось оленеводство. Рыболовство и охота стали частными лицензионными промыслами. Без лицензий рыбу ловят оленеводы во время перекочевок в тундре. Жители поселка, в том числе пенсионеры, покупают лицензии, причем саамам полагаются определенные льготы. Охотой занимаются мало. Даже столь распространенный в недавнем прошлом зимний промысел белой куропатки теперь почти сошел на нет. Большим спросом пользуются покупные продукты. В то же время надо заметить, что в семьях, где кто-нибудь работает в оленеводстве, круглый год на столе бывает олень мясо.

Побывав в 1961 г. у саамов Кольского полуострова, Владимир Владимирович пишет книгу, в которой сравнивает жизнь коренного населения в конце 20-х—начале 30-х годов и в 60-е годы. Книга называется «В краю летучего камня». Она снабжена фотографиями и цветными рисунками, сделанными самим автором. Главное ее содержание — проникновенный поэтический рассказ о Земле Саамской и ее народе. К сожалению, ученый не увидел свой труд. Здоровье его было подорвано тяжелыми экспедициями и, конечно, годами заключения. Сердце все больше давало о себе знать. Последние годы жизни он работал с большим трудом и почти не покидал свой дом в Пушкине. Тем не менее книга «В краю летучего камня» была им закончена. К этому времени он снова жил вместе со своей женой Екатериной Васильевной, которая вела хозяйство, а также помогала Владимиру Владимировичу в работе. В результате очередного сердечного приступа 16 марта 1969 г. Владимира Владимировича не стало.

Рукопись книги «В краю летучего камня» пролежала в домашнем архиве Чарнолуцкого три года после его кончины. В 1972 г. она была издана сотрудниками Отдела народов Крайнего Севера ИЭ Т.В.Лукиянченко и Ю.Б.Симченко, которые написали послесловие «Об авторе и о саамах» и комментарии.

Первая часть книги касается более раннего времени. Чарнолуцкий вспоминает, как ехал из Ленинграда на Север по только что отстроенной Мурманской железной дороге, как знакомился из окна вагона с северной природой: прекрасными лесами на возвышенностях, чахлой растительностью на болотах, бесчисленным количеством озер. Отмечает, что по пути нигде не встретились старые небольшие поселения, а только такие маленькие города, как Сорока (теперь Беломорск), Кемь, Кереть. До Мурманска добирались двое суток.

Чарнолуцкий тогда поразился: «Города-то нет! Вокзала нет, улиц нет <...> На месте будущих улиц справа и слева проложены мостки. Кое-где стояли железные "чемоданы" — бараки из гофрированной жести. Палатки, опять бараки, около порта одноэтажные деревянные дома <...> На рейде всего пятнадцать пароходов»³¹.

Книга «В краю летучего камня» содержит очень много интереснейшей этнографической информации, особенно по быту, верованиям, фольклору саамов. Владимир Владимирович в конце 20-х и в 30-е годы не только объездил все погосты Летнего Наволока, но и обошел практически всю тундру, особенно те места, где в старину или в сравнительно недалеком прошлом саамы отправляли свои культы. Например, в устье реки Иоканги, посреди болотца, стоял сейд, внешне похожий на однокамерное рубленое жилище саамов — тупу. «Однажды весной, когда уже начали ловить семгу <...> молодые парни затеяли играть в лапту, а девушки пели песни и шумели. Вдруг из-за горы предстал старик с длинной бородой. Одет он был в самую простую одежду. Он поднялся так, что все его видели. Он возвысил свой батожок и погрозил им разгулявшейся молодежи. Посох его сиял. Другие говорили, что и одежды его сияли золотом. Народ испугался старца и разбежался кто куда. Вот это и был сейд. Тот, кто живет в камне»³². Иокангский сейд ушел из своего жилища, потому что слишком шумно стало вокруг, много народу ходит, особенно женщин. «Сейдушка собрался и ушел. А куда? А кто знает куда — улетел!»³³. Примечателен также разговор Чарнолуцкого с его проводником саамом Афоней во время их перехода по тундре. Владимир Владимирович просил Афоню сводить его на сейд Червечулт («роговой клин»). Однако Афоня очень удивился и сказал, что никакого Червечулта нет: «Это сказывают так нароч-

но старые люди <...> Червечулт и на Сыйвыне есть, и вон там, за Атчейог, — он везде есть, где олени держатся. А на самом-то деле его нет». — «Из этой тирады я понял, — пишет Чарнолуцкий, — что червечулт — понятие не материальное <...> видимо, червечулт — магический термин, символ для удержания оленей в определенном месте»³⁴.

В книге приводятся интересные сведения по организации рыболовного промысла саамов. Привлекает внимание, как саамы ведут себя на воде. «Во время лова рыбы все их движения медленны, они не торопятся, но как бы священнодействуют, говорят негромко, не бранятся, не стучат веслами. Первое правило — не шуметь и не стучать. Сети не забрасывают, их опускают осторожно в местах, хорошо известных на тоне <...> Заповедных озер, то есть водоемов, где рыбу обычно не ловят, а берут только в определенные дни года и только путем общественной путины, у каменных саамов было несколько <...> Обычно это самые богатые рыбой озера <...> Качеством рыбы славились озера Сейдьярв и Пурнач»³⁵.

Очень интересно описание религиозного обряда саамов, называемого *лыхте-верра*. «Огромный камень, очень похожий на голову оленя, скрывался под обрывом скалы, в глухом, затененном месте. Около этого камня, под одним из его навесов, приносились жертвы (*пальв*), совершались жертвенные трапезы в честь божества Мяндаша. Смысл их заключался в приобщении к священному животному-оленю путем его поедания. После трапезы все косточки собирались и раскладывались на правой половине шкуры убитого оленя. Раскладывались в строго определенном порядке — точно так, как они расположены в теле живого оленя, в его костяке. Полученный скелет покрывали левой половиной шкуры. Костяку и шкуре придавали позу живого спящего оленя»³⁶. Люди, съев оленя, полагали, что душа его осталась живой и олень снова вернется на землю к людям.

* * *

Владимир Владимирович Чарнолуцкий был первым этнографом, который работал у саамов Кольского полуострова после Октябрьской революции. Его наблюдения тем более ценны, что это было время (конец 1920-х годов) перед коллективизацией, когда хозяйство саамов, в частности оленеводство, и вся их культура еще сохраняли свои традиционные черты.

С именем В.В.Чарнолуцкого связана целая эпоха в изучении саамов Кольского полуострова. Свою жизнь, правда с очень большим вынужденным перерывом, он посвятил саамам и оста-

вил значительный след в изучении этого народа. Его наблюдения по хозяйству и быту, по поселениям и жилищам, одежде, верованиям и другим элементам самобытной культуры остаются ценными и в наши дни. Огромен вклад Владимира Владимировича в изучение и сохранение саамского фольклора. Многие собранные им материалы остаются еще неопубликованными и хранятся в фондах музеев или в частных коллекциях. Надо сказать, что вклад Владимира Владимировича Чарнолуцкого в отечественную этнографию и фольклористику был бы гораздо более весомым, если бы многие годы, проведенные им в заключении, были отданы любимой науке.

В 1993 г. шведская исследовательница Черстин Эйдлитц Куольйоок в издательстве «Айтте» (Северная Швеция) издала шведский перевод книги В.В.Чарнолуцкого «Легенда об олене-человеке»³⁷.

¹ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы. Вспоминая отца. — Северные просторы. 1994, № 5, с. 43; Биография В.В.Чарнолуцкого, составленная его женой Е.В.Смирновой и сыном В.В.Чарнолуцким (младшим). — Семейный архив Чарнолуцких, с. 1.

² Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 1.

³ Лукьянченко Т.В., Симченко Ю.Б. Об авторе и о саамах (послесловие). — В.В.Чарнолуцкий. В краю летучего камня. Записки этнографа. М., 1972, с. 249.

⁴ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы, с. 43.

⁵ Там же.

⁶ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 2.

⁷ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы, с. 44.

⁸ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 3.

⁹ Там же, с. 2—3.

¹⁰ Там же, с. 3—4.

¹¹ Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня, с. 4.

¹² Чарнолуцкий В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930, с. 47.

¹³ Там же.

¹⁴ Чарнолуцкий В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей. — Кольский сборник. Л., 1930; он же. Оленья изгородь. М.—Л., 1931; он же. Пастбища и приемы выпаса оленей. Под ред. С.В.Керцелли М.—Л., 1932.

¹⁵ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 5.

¹⁶ Саамские сказки. Зап., пер., обработка, предисл. и примеч. В.В.Чарнолуцкого. М., 1962, с. 14—15.

¹⁷ Вайнштейн С.И. Судьба Б.О.Долгих — человека, гражданина, ученого. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 284—307.

¹⁸ Саамские сказки. М., 1962.

¹⁹ Там же, с. 12.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 12—13.

²² Спицын А.А. Шаманские изображения. Атлас. — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. 1906, т. VIII, вып. 1.

²³ Саамские сказки, с. 12.

²⁴ Там же, с. 78—79.

²⁵ Там же, с. 127—128.

²⁶ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня. Записки этнографа. Послесловие «Об авторе и саамах» и комментарии Т.В.Лукьянченко, Ю.Б.Симченко. М., 1972, с. 107.

²⁷ Лапландский заповедник. Сост., авторы текста и фотографий О.И.Семенов-Тян-Шанский, Н.Н.Дельвин. М., 1984, с. 17—18.

²⁸ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня, с. 110.

²⁹ *Чарнолуский В.В.* Легенда об олене-человеке. М., 1965; *он же.* О культуре Мяндаша. — Скандинавский сборник. XI. Таллин, 1966, с. 301—315.

³⁰ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня, с. 244—245.

³¹ Там же, с. 7—8.

³² Там же, с. 37.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 42.

³⁵ Там же, с. 68.

³⁶ Там же, с. 87.

³⁷ *Tjarnoluskij V.V.* Den vilda renen i myt och rit. Inledning och översättningar Kerstin Eidlitz Kuoljok. Yokkmokk, 1993.

А.М.Решетов

*Трагедия личности:
Николай Михайлович
Маторин*

Одной из ярких, деятельных фигур в советской этнографической науке конца 20-х—начала 30-х годов XX в., несомненно, является Николай Михайлович Маторин, последний директор Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР перед его вхождением в Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) АН СССР, первый директор этого Института и ответственный редактор журнала «Советская этнография»¹. Важных должностей, постоянных и временных, у него было предостаточно. По размаху научно-исследовательской, научно-организационной, пропагандистско-преподавательской и общественно-политической деятельности он по праву был одним из признанных лидеров советской этнографической науки конца 20-х—начала 30-х годов. В середине 30-х годов Маторина незаконно репрессировали, и его имя надолго исчезло из истории науки. Несомненно, давно пора рассказать об этом ученом, о его многогранной деятельности.

Нередко о людях того времени пишут, что все они были скованы страхом, что их общественная деятельность и поведение были конъюнктурными. Нам, живущим тоже в бурные, но совсем иные времена, иногда нелегко понять жизнь и мотивы поступков наших предшественников, на долю которых выпала необходимость вольно или невольно принимать участие в революционной борьбе, в социалистическом строительстве, в утверждении марксистской методологии в отечественной этнографии. Еще предстоит написать подлинную историю нашей науки, непременно учитывая все сложности и противоречия той эпохи.

Были ли среди наших коллег старших поколений искренне верящие в революцию, социализм? Думаю, что были, и немало, но, как это ни парадоксально, именно многие из них оказались

репрессированными. Они активно включались в борьбу за новую жизнь, вносили свою посильную лепту в слом старого и утверждение нового быта, новых отношений, искренне радовались достижениям и огорчались срывам, в едином порыве славил передовиков, социализм и разоблачали «врагов» внутренних и внешних. У них были свои убеждения, своя логика жизни. Очевидно, нам не надо выступать строгими судьями их поступков, а стоит внимательнее взглянуть в эпоху, когда им довелось жить, объективно рассмотреть их деятельность в то время и таким образом понять их жизнь и труды. А может быть, благодаря этому и само время станет для нас хотя бы чуть-чуть более понятным...².

* * *

Николай Михайлович Маторин родился 5 (17) августа 1898 г. в с. Первитино Тверской губернии³. Мать — Зинаида Николаевна (1874—1939) — происходила из крупного потомственного дворянского рода Хвостовых. Предки отца, Михаила Васильевича Маторина (1866—1926), были из мещан, сам он работал писарем в Генеральном штабе, потом дослужился в Царском Селе до штабс-капитана и даже получил за усердие личное дворянство. После революции М.В.Маторин состоял хранителем дворцовых музеев в Детском Селе.

Учился Николай Маторин в знаменитой царскосельской классической гимназии, которую закончил в 1916 г. с серебряной медалью. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, особенно увлекся историей древних обществ⁴, но в 1917 г. был призван на военную службу. После Октябрьской революции, вернувшись домой из армии, Николай занялся пропагандистской работой. В 1918 г. он уже лектор Отдела народного образования уездного Детскосельского совдепа, агитатор Детскосельского уездного военкомата. 15 марта 1919 г. Николай Маторин вступил в ряды большевистской партии. В 1920—1922 гг. он на советской и партийной работе в Гдове⁵, а с июля 1922 г. — в Петрограде, где сначала в течение короткого времени (менее года) занимал ответственную должность секретаря Председателя Петроградского совета и секретаря Председателя Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). На обоих председательских постах был тогда известный партийный и государственный деятель Григорий Евсеевич Зиновьев (1883—1936)⁶. Маторин в известной степени прошел зиновьевскую «школу» со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Совместная работа и знакомство с Зиновьевым в последующем будут

Н.М.Маторин с женой. Начало 20-х годов

играть значительную, а в конце концов трагическую роль в судьбе Николая Михайловича. Впоследствии он занимал другие руководящие посты: помощника заведующего агитационно-пропагандистским отделом Петроградского губкома РКП(б) (1922 г.), члена губернской контрольной комиссии (1925 г.), секретаря губернской комиссии по шефству над деревней, ответственного секретаря Ленинградского союза рабочих обществ «Смычка города с деревней» и т.д.

Это было время, когда в общественной жизни страны активную роль стала играть молодежь. Нередко молодые люди, выходящие из состоятельных семей, без колебаний, всем сердцем принимали идеи революции, равенства и братства, идеи борьбы со всем старым, по их представлениям отжившим, самозабвенно боролись за утверждение нового, которое приведет к светлому и счастливому будущему для всех людей. В таком бурном ритме жизни молодежь ощущала себя коллективом единомышленников, идущих в сплоченном строю. Именно в это время Николай Маторин познакомился с Лидией Ильинской, с которой его связывало общее дело. Она родилась 22 марта 1895 г. в г. Новая Ладога. В 1919 г. вступила в партию большевиков. В начале 20-х годов работала в коммунальном и женском отделах Гдовского уездного комитета, где тогда же в агитационно-пропагандистском отделе

вел активную деятельность Николай Маторин. В 1920 г. они поженились. В дальнейшем Лидия Петровна Маторина занимала различные посты в культурно-просветительных учреждениях Ленинграда, Себежа и Казани, куда в разные годы потом судьба забрасывала ее мужа⁷.

Николай Михайлович не имел законченного высшего образования⁸. Тем не менее, очевидно, из-за отсутствия достаточного количества партийных кадров в науке его с 1918 г. привлекали к различного рода лекционной работе, а с 1922 г. он занимается преподавательской деятельностью в ряде вузов Петрограда: в Коммунистическом университете читает курсы «Исторический материализм», «Теория агитации и пропаганды», «Работа в деревне», в Институте политпросветработы им. Н.К.Крупской — «Работа в деревне», в Технологическом институте — «Основы ленинизма»⁹. С 1924 г. он по приглашению Л.Я.Штернберга начинает преподавать на этнографическом отделении Географического института, в дальнейшем — географическом факультете ЛГУ. Здесь Маторин в качестве доцента читал спецкурс «Методики изучения деревни»¹⁰.

В 1923—1926 гг. Николай Михайлович, работая научным сотрудником Петроградского/Ленинградского научно-исследовательского института марксизма, написал ряд пособий о методах работы в деревне. Некоторые книги по этой же тематике вышли под его редакцией¹¹. В Коммунистическом университете в Ленинграде он вел специальный семинар по изучению современной деревни, состоял членом Комиссии по изучению деревни при Ленинградской секции научных работников. Методам изучения деревни было посвящено несколько его докладов на различных научных съездах, конференциях и заседаниях¹².

1922—1926 годы — это первый этап научно-педагогической деятельности Маторина. Из перечня курсов, читавшихся им в вузах города, написанных им работ и отредактированных трудов других авторов, а также тем прочитанных докладов очевидно, что ведущей проблемой в его научных изысканиях была методология работы в деревне, так называемой смычки города с деревней. Столь пристальное внимание к методологическим проблемам и жизни современной ему деревни определялось, несомненно, его активной партийной позицией, требованиями времени.

Выше уже отмечалось, что Маторин занимал видное место в Ленинградской партийной организации. Есть свидетельства, что в середине 20-х годов Маторин какое-то время работал секретарем Лодейнопольского уездного партийного комитета, вел там активную работу, возглавляя сторонников Зиновьева¹³. Он

был избран от Московско-Нарвской парторганизации делегатом XXII Ленинградской губернской партконференции, проходившей с 1 по 10 декабря 1925 г.¹⁴, т.е. накануне XIV съезда партии (18—31 декабря 1925 г.). Как известно, Зиновьев и его сторонники потерпели на съезде неудачу: большинство съезда их не поддержало, и после съезда Зиновьев теряет ведущее положение в Ленинградской парторганизации; в 1926 г. его исключают из Политбюро, а в 1927 г. — из состава ЦК. Сторонников его также снимали с постов в Ленинградской парторганизации и направляли с большим понижением на работу в другие районы страны. Среди них оказался и Маторин.

Уже 5 февраля 1926 г. Николай Михайлович распоряжением Северо-западного бюро ЦК ВКП(б) направляется на низовую работу в органы народного образования Псковской области. В марте—июле 1926 г. он — заместитель заведующего Псковским ГубОНО, с августа 1926 по август 1927 г. — заведующий Себежским РОНО. Наряду с основной работой он продолжал свою научную деятельность, был членом Псковского общества изучения местного края¹⁵, написал «Историю Себежского края» (объемом 7—8 а. л., оставшуюся неизданной), весной 1926 г. на Ленинградском областном краеведческом съезде прочитал доклад «О методах изучения современной деревни», проводил антирелигиозные диспуты и др.¹⁶. Одновременно Маторин занимался литературным творчеством, и воспитанники местного детского дома на вечерах читали его стихи лирического характера¹⁷.

В сентябре 1927 г. Маторин с семьей по чьей-то воле был переведен на работу в Казань, где в Татарском обкоме партии занимался антирелигиозной работой и одновременно состоял сотрудником научно-методического кабинета. С января по сентябрь 1928 г. он заведует бюро самообразования при Татнаркомпросе. В декабре 1927 г. за фракционную деятельность (активное участие в зиновьевской оппозиции) Маторин неожиданно задним числом был исключен из партии, но в августе 1928 г. Центральной контрольной комиссией ВКП(б) благополучно восстановлен по личному заявлению. Несмотря на сложность своего положения в Казани, Николай Михайлович много и плодотворно работает: собирает и систематизирует материал, пишет книгу «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество—ислам—православие—сектантство», изданную в 1929 г. в Москве Союзом безбожников и Главполитпросветом¹⁸.

Выход в свет этой монографии Маторина был положительно воспринят в научных кругах. Так, С.П.Толстов в своей рецензии писал: «Книга представляет стройное целое, связанное единой

концепцией — подходом к определенной религии не как к отвлеченной догматической системе, а как к сложному комплексу элементов, формально относящихся к различным религиям, но фактически связанных воедино социально-экономическим укладом населения»¹⁹.

Представляется, что в Казани Маторин в еще большей степени, чем в Псковской губернии, почувствовал опасность участия во внутрипартийной фракционной борьбе. Особенно это стало ему ясным после разгрома зиновьевской оппозиции. Во всяком случае, Маторин в эти годы начал сознательно сторониться большой политики. Уже в Себеже он усиленно занялся краеведением, а в Казани его научная активность дала плоды, о чем убедительно свидетельствует выход в свет монографии. Столица Татарстана — один из старейших и признанных центров отечественной науки, где были сильны традиции этнографии, заложенные проф. Б.Ф.Адлером²⁰. Несомненно, общение с местными учеными, хорошо знавшими Поволжье, было полезным для Маторина, способствовало расширению опыта полевой этнографической работы, накоплению оригинального материала, в том числе для монографии. Из Казани он часто ездил в Москву, где не только работал в библиотеках, но и встречался с этнографами, устанавливая новые контакты, весьма полезные для будущего. Несмотря на кратковременность пребывания Маторина в Казани, этот период целесообразно выделить как этап его жизни, этап становления его как ученого-этнографа, будущего организатора и руководителя науки.

* * *

В сентябре 1928 г. Маторин возвращается в Ленинград, получив приглашение вести занятия в Университете в качестве доцента. Начинается третий, самый плодотворный период его исключительно активной научно-организационной, научной и преподавательской деятельности в Ленинграде.

Чтение лекций на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ Николай Михайлович начал по приглашению Я.П.Кошкина (Алькора), ставшего одним из руководителей этнографического отделения после смерти Л.Я.Штернберга²¹. Для этнографов он читал курсы «Методика антирелигиозной пропаганды», «Современное состояние религиозных верований в СССР», «Советское строительство и национальный вопрос» и «Советское строительство среди малых и отсталых народностей», для восточнославянского цикла на V курсе вел семинар «Двоеверие в русской деревне», для антропологов —

«История развития общественных форм». На историческом отделении факультета языка и материальной культуры (ямфаке) ЛГУ, являясь с 1929 г. заведующим антирелигиозным отделением факультета, он читал курс «Современное состояние религии в СССР» по циклу истории религии, на северном факультете зимой 1928—1929 гг. вел занятия по обществоведению²². На географическом факультете Маторин был председателем социально-экономической комиссии, на ямфаке — комиссии по истории религии. Его положение как преподавателя в вузах Ленинграда было довольно высоким: с 1924 г. он занимал в ЛГУ должность доцента, с 1929 г. возглавлял кафедру истории религии, в Ленинградском институте лингвистики и истории (ЛИЛИ) был доцентом с 1930 г. и профессором с 1931 г.

Николай Михайлович принимал участие в создании учебных пособий. Особой популярностью пользовался подготовленный под его редакцией сборник статей «Первобытное общество». К его созданию были привлечены как опытные, так и молодые авторы, среди них акад. И.И. Мещанинов, А.В. Шмидт, Б.Б. Пиотровский, С.Н. Быковский, А.Н. Бернштам, П.И. Борисковский, А.М. Золотарев, В.И. Равдоникас, С.В. Иванов, Е.Ю. Кричевский, А.Т. Лукачевский²³. По свидетельству учившихся в те годы студентов, эта книга у них пользовалась большой популярностью благодаря ясности и доступности изложения материала. В ней давалась в сжатой форме четкая характеристика жизни первобытного общества. Часто в библиотеке можно было услышать: «У вас есть Маторин?» — «Нет, Маторин на руках». В этой работе Маторин, будучи автором и редактором, выступал как ученый, хорошо знакомый с археологией и этнографией, глубоко разбирающийся в теоретических вопросах этих наук. В течение нескольких лет именно эта книга была основным учебным пособием по истории первобытного общества, прежде всего в Ленинграде, а затем она была запрещена, ряд авторов ее были репрессированы, упоминание их имен стало недозволённым²⁴.

Помимо преподавательской деятельности Маторина следует отметить его активность в Географическом обществе, где он в течение ряда лет был председателем Отделения этнографии. В этой связи хотелось бы напомнить, что в 20—30-е годы, даже после создания специализированного института в системе АН СССР, Географическое общество и его отделения и комиссии объединяли ученых разных специальностей и были важными центрами ленинградской и всесоюзной науки. Хотя Николай Михайлович немало сделал для развития этнографии в Обществе, его участие в работе Отделения этнографии по известным причинам вплоть до последнего времени замалчивалось, о нем предпочитали не

Н.М.Маторин в одной из экспедиций.
Конец 20-х годов

упоминать²⁵. Плодотворно сотрудничал он и в других научных центрах, причем был не только практическим работником, но зачастую и активным участником их создания.

29 декабря 1929 г. председатель Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС) акад. Н.Я.Мартенсон и ученый секретарь М.Г.Худяков обратились в Президиум АН СССР с предложением зачислить на должность научного сотрудника 1-го разряда Маторина Н.М., «известного своими работами по этнографии народов Поволжья, а также своею научно-общественною деятельностью»²⁶. 21 января 1930 г. Николай Михайлович приступил к работе. Здесь он исполнял обязанности зам. председателя КИПС, зав. Европейским отделом, а в нем возглавлял Русский сектор²⁷. В КИПСе, вскоре переименованном в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), он значительно активизировал работу по исследованию религиозных верований и синкретизма²⁸, культуре и быту современного колхозного села²⁹, экспедиционную деятельность³⁰ и т.д. Маторин способствовал установлению разнообразных связей Института с местными научными и музейными центрами, организации комплексного изучения народов региона. Как заместитель председателя ИПИИ он неоднократно выезжал в Нижегородскую и Нижневолжскую области, в Карельскую АССР³¹.

Особого внимания заслуживает серия публикаций Маторина, посвященная работе в деревне. Сельская тематика занимает не-

малое место в его научно-исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности. Уже во второй половине 20-х годов в советской этнографии был поставлен вопрос об изучении быта современной деревни. Д.А.Золотарев выступил со специальной статьей, в которой писал: «Мы присутствуем при целом движении, направленном на то, чтобы познать особенности бытия внегородского населения в целях воздействия на его сознание и в целях изменения уклада жизни деревни. Этот жизненный практический интерес как нельзя лучше сочетается с научным интересом, особенно осязаемым в настоящее время»³². И Маторин был в числе пионеров изучения современной деревни — целого научного направления, особенно активизировавшегося после Отечественной войны.

Решением общего собрания АН СССР от 12 октября 1930 г. Маторин был избран на высокий пост директора старейшего отечественного государственного музея — Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого³³.

Несомненно, быстрому продвижению Николая Михайловича на крупные посты в АН СССР в определенной степени, как можно предполагать, способствовало его членство в ВКП(б). Однако от партийной организации АН СССР не было никакого специального представления или рекомендации по этим вопросам. Его кандидатура была представлена неременным секретарем АН СССР акад. С.Ф.Ольденбургом, и академики при тайном голосовании большинством голосов поддержали кандидатуру Маторина, избрав его директором МАЭ. Очевидно, при этом признавались и оценивались его способности к научно-организационной и музееведческой деятельности. Достаточно вспомнить, что во главе МАЭ только в XX в. стояли такие выдающиеся ученые, как академики В.В.Радлов, В.В.Бартольд, Е.Ф.Карский. К работе в МАЭ Маторин отнесся очень ответственно. По отчетам АН СССР можно проследить большие изменения, происходившие в музее под руководством и при ближайшем участии его директора. Так, в 1932 г. в МАЭ уже был открыт второй зал 1-го этнографического отдела (первобытного коммунизма) с экспозицией австралийцев и андаманцев. Вместо отдела эволюции и типологии культуры организован кабинет музееведения и истории этнографии. Научно-исследовательская деятельность была сразу же теснейшим образом увязана с работой по реэкспозиции музея. При директоре систематически работало научное совещание. За год было проведено 19 заседаний с научными докладами³⁴. В 1933 г. в МАЭ были открыты восемь новых крупных экспозиций и ряд временных выставок, введены в практику новые методы экспонирования с использованием кинофильмов, яванского

театра теней, кукольного японского театра, музыкальных и звуковых иллюстраций и т.д. Некоторые из этих акций и сегодня являются новаторскими и применяются, мягко говоря, не во всех даже самых крупных отечественных музеях. Все это дает возможность высоко оценить усилия Маторина на ниве музееведения. Была организована подготовка экскурсоводов, проведен ряд семинаров для преподавателей средних школ. В течение года музей посетили 1026 экскурсий, а число всех посетителей составило 37 792 чел.³⁵. В целях активизации деятельности МАЭ были налажены связи с рядом крупнейших зарубежных музеев, в частности с Музеем археологии и этнографии в Кембридже, Музеем Пенсильванского университета в Филадельфии, с Музеем естественной истории в Нью-Йорке и др., регулярные контакты с виднейшими европейскими и американскими этнографами. Из последних особо отмечу главу американских этнологов, профессора Колумбийского университета Франца Боаса. По инициативе Маторина при Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей была организована фольклорно-этнографическая секция, имевшая целью расширить связи МАЭ с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными за границей³⁶. В целях ознакомления зарубежных ученых с научной деятельностью МАЭ на английском, французском и немецком языках был издан специальный сборник³⁷.

В научной литературе хорошо освещена деятельность Этнографического театра — коллектива, существовавшего под таким названием в 1930—1936 г. в помещении Русского музея, при его Этнографическом отделе. Задачей Этнографического театра было собирание, изучение и пропаганда средствами театра устного народного художественного творчества. Но под влиянием последовавших событий было предано забвению то, что во главе этого театра наряду с В.Н.Всеволодским-Гернгроссом стоял и проф. Маторин. После закрытия театра в 1932 г. Николай Михайлович употребил все свое влияние и авторитет и добился восстановления его деятельности. При содействии Маторина и с его предисловием была издана фундаментальная работа «Игры народов СССР»³⁸.

Как мы видели, Н.М.Маторин много сил и энергии отдавал музейной деятельности. В 1930 г. он вошел в состав комиссии, готовившей антирелигиозную выставку. Экспозиция была размещена в залах Зимнего дворца и вызвала большой интерес в городе. В ее создании деятельное участие приняли В.А.Казакевич, А.И.Востриков, Н.А.Невский, Н.К.Каргер, Н.П.Дыренкова, Н.Н.Волков и другие ученые. На базе именно этой выставки было решено создать в системе Академии наук Музей истории

религии. Работой по его созданию руководил комитет в составе акад. Н.Я.Марра, акад. С.Ф.Ольденбурга, Н.М.Маторина, С.Б.Волынского, В.Г.Богораза; последний был назначен и.о. директора этого музея³⁹. В 1932 г. ЦИК СССР постановил передать Академии наук для размещения в нем экспозиции нового музея Казанский собор. Вклад Маторина в создание музея и организацию в нем научно-исследовательской и научно-просветительской работы высоко оценен в истории науки⁴⁰.

В системе Академии наук Маторин по справедливости заслужил авторитет крупного музейного специалиста. Его часто привлекали к организации различных академических выставок. Так, распоряжением Президиума АН СССР от 13 июня 1931 г. он был включен в состав комиссии, которой поручалась подготовка выставки по четвертичным отложениям Ленинградской области, приуроченной ко 2-й Международной четвертичной конференции⁴¹. В 1933 г. была утверждена постоянная Музейная комиссия АН СССР под председательством акад. А.С.Орлова. Наряду с акад. А.Е.Ферсманом, акад. С.А.Зерновым, Н.А.Штормом, Н.Г.Шпринцин, А.П.Ильинским в нее вошел и Маторин⁴².

Активное участие Николай Михайлович принял в работе первого Всероссийского музейного съезда 1–3 декабря 1930 г.⁴³. В первый день он избирается в президиум съезда, выступает с приветствием от Центрального совета Союза воинствующих безбожников, которое он под аплодисменты заканчивает лозунгами: «Да здравствуют наши музеи, проводники культурной революции!», «Да здравствует Союз воинствующих безбожников и ленински поставленная антирелигиозная пропаганда!»⁴⁴. В дальнейшем он выступал в прениях по докладу И.К.Луппола «Диалектический материализм и культурное строительство» и Н.К.Крупской «Политпросветработа в музеях»; в последнем выступлении он призвал «на месте старых кунсткамер и прежних хранилищ создать подлинные очаги социалистической культуры»⁴⁵. Выступая по докладу Ю.К.Милонова «Целевые установки и сеть музеев различного типа», Николай Михайлович развивал мысль об этнографии как исторической науке, отстаивал право на существование самостоятельных этнографических музеев и этнографических материалов в краеведческих музеях⁴⁶. На антирелигиозной секции Маторин прочитал доклад на тему «Научная работа в антирелигиозных музеях»⁴⁷. Даже отдавая дань времени, ученый обосновал широкие перспективы научно-исследовательской и экспедиционной работы, призывая строить экспозицию на научной основе, чтобы она «давала для масс нечто глубокое и положительное»⁴⁸.

К сожалению, общие практические установки увлекали тогда Николая Михайловича, и он играл в их реализации не всегда благовидную роль. Это особенно проявилось в его обличении проф. Б.Ф.Адлера за публикацию статьи «Современное состояние науки о человеке в СССР» в немецком журнале «Архив антропологии» в 1930 г. Маторин призывал заклеить позором «предательский поступок» проф. Адлера и принять постановление об исключении его из состава делегатов съезда⁴⁹. И несмотря на разъяснение обстоятельств появления статьи, он упорно продолжал настаивать: «Я считаю, что нужно особенно подчеркнуть, что гр. Адлер (уже не профессор, а гражданин! — *A.P.*) на нашем съезде дал совершенно неудовлетворительные, уклончивые, лживые объяснения своих поступков»⁵⁰. Едва ли можно признать этичной и резкую критику Маториным научных взглядов проф. Б.А.Куфтина, особенно в 1931 г., когда тот находился в ссылке⁵¹. Так Маторин, как и многие другие, соединял в себе служение настоящей науке и существующему режиму, не понимая, что неумолимо набирает обороты маховик репрессий и что, поступая таким образом, он приближал час и своей гибели.

Плодотворную работу Николай Михайлович вел на ниве редакционно-издательской деятельности. Выходивший в 1926—1930 гг. в Москве журнал «Этнография» был переименован в «Советскую этнографию», его издание перенесли в Ленинград. В 1931—1933 гг. редакцию возглавлял Маторин. В этот период, как вспоминал впоследствии С.М.Абрамзон, «журнал не только ставил и решал некоторые острые вопросы развития самой науки, но и выполнял очень важную для того времени задачу сплочения кадров этнографов и фольклористов, работавших в центре и на местах, играл роль своего рода организатора и пропагандиста этнографии и фольклористики. Его разносторонняя деятельность в те, теперь уже далекие годы, заслуживает высокой оценки»⁵². То было сложное время, и не все историографы разделяют такую оценку⁵³, но несомненно одно: журнал сохранился как академическое издание, поднялся на качественно новый уровень и в немалой степени способствовал развитию фольклорно-этнографических исследований в нашей стране, выдвижению новых молодых сил, сыгравших в дальнейшем определяющую роль в развитии нашей науки⁵⁴. Душой, организатором всей этой работы был Маторин. В своей деятельности он опирался на поддержку членов редколлегии — ученых старшего поколения, таких, как Н.Я.Марр, С.Ф.Ольденбург и В.Г.Богораз, а также творческой молодежи — С.М.Абрамзона, И.Н.Винникова, Н.И.Гаген-Торн, А.Г.Данилина, А.И.Клибанова, М.И.Шахновича. Среднее поколение было представлено С.Н.Быковским, Я.П.Кошкиным,

М.Ю.Пальвадре. В редакцию были включены и москвичи Э.К.Мансуров и А.А.Тахо-Годи. В 1934 г. Маторин уже оставался только в составе редколлегии.

Много сил и энергии он отдал организации и изданию «Трудов Института по изучению народов СССР», редактированию «Известий ГАИМК», под его редакцией вышла целая серия работ его учеников и коллег и другие работы. Редакционно-издательская деятельность Николая Михайловича развертывалась не только в Ленинграде, но и во всеююзном масштабе. Например, как член редколлегии «Уральской советской энциклопедии» он организовал и возглавил в ней отдел этнографии⁵⁵. Под его редакцией выходили книги и в Москве⁵⁶.

* * *

Творческие интересы Маторина были весьма разнообразны. Его глубоко интересовали проблемы определения предмета этнографии и ее соотношения и размежевания с другими историческими науками, проблемы истории религиозных верований, религиозного синкретизма, методика и методология этнографических исследований, краеведение, фольклор, формы социальной организации, история науки и т.д.

Конечно, подходы Николая Михайловича к определению этнографии как науки следует рассматривать в контексте того сложного времени, когда бурлили страсти в дискуссиях о формациях и укладах, о правомерности деления народов на исторические и неисторические, о внедрении марксистской методологии в исследования, о борьбе с «буржуазно-империалистической» и «клерикальной» этнологией и т.д.⁵⁷. Это порой заставляло Маторина идти на компромисс, давать полемически заостренные оценки позиций коллег или обтекаемые формулировки.

Маторин возглавил в 1930 г. этнографическую секцию Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии. С октября этого года секция значительно активизировала свою работу. На ее заседаниях были заслушаны доклады на самые различные темы: «Доклассовое общество как первобытнокоммунистическая формация» А.М.Золотарева, «О работах современных американистов» В.Г.Богораз, «Методология Фрэзера» В.К.Никольского, «Культурно-историческая школа в этнографии и ее критика» И.Н.Винникова, «Взгляды Ф.Энгельса на развитие рода и семьи в свете новейших этнографических данных» Е.Г.Кагарова и др. На двух продолжительных заседаниях секции обсуждались доклады Н.М.Матори-

на, Я.П.Кошкина и С.Н.Быковского на тему «Национальная политика партии и борьба с уклонами в этнографии». Николай Михайлович выступил также с докладом «Предмет и метод советской этнографии». Бюро секции было тесно связано с организационным комитетом по созыву Всесоюзного этнографического съезда. Особую активность в организации этой работы проявляли Маторин и Кошкин⁵⁸.

Идея созыва этнографического съезда неоднократно декларировалась. Судя по всему, проводилась организационная работа по его подготовке, но съезд так и не был созван. Важными вехами, определившими развитие этнографии, явились совещание московских и ленинградских этнографов в Ленинграде (1929 г.), Всероссийское археолого-этнографическое совещание (там же, 1932 г.) и Первый Всесоюзный географический съезд (там же, 1933 г.)⁵⁹.

На совещании этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. Маторин выступил с докладом «Этнография и советское строительство», в котором были обрисованы значимость и общественная полезность этнографической работы в эпоху социалистических преобразований⁶⁰. Но основной доклад «Марксизм и этнография» сделал ученик Н.Я.Марра В.Б.Аптекарь, который, кстати, не был избран ни в президиум, ни в секретариат совещания⁶¹. Аптекарь договорился до того, что этнология и марксизм принципиально несовместимы, а потому необходимо ликвидировать этнологию как науку⁶². Очевидно, участники совещания восприняли Аптекаря как идеологического «громилу», взявшего на себя «роль идейного вдохновителя формировавшегося марксистского крыла в этнологии»⁶³. И это, естественно, не могли не учитывать ученые, участвовавшие в совещании. В такой ситуации надо было искать компромисс. «Итогом доклада и горячих прений по нему явился проект резолюции по общим вопросам этнографии, внесенный по предложению В.Б.Аптекаря, Я.П.Кошкина и Н.М.Маторина», — говорится в отчете, написанном двумя последними⁶⁴. Сглаживая возникшие противоречия, Кошкин и Маторин в отчете отметили, что доклад Аптекаря поднял ряд принципиальных вопросов и сыграл на совещании важную положительную роль, но общий ход дискуссии изложили так: «Выступавшие в прениях представители марксистского направления в этнографии с полной очевидностью показали теоретическую несостоятельность ряда буржуазных школ (как то: психологической, биологической и т.д.), доказали действительность и значимость этнографии как особой научной дисциплины, которая, применяя историко-материалистический метод, должна изучать конкретные варианты социально-экономических форма-

ций»⁶⁵ (выделено мною. — *А.Р.*). Вот компромиссная позиция Николая Михайловича, за которую проголосовало и совещание.

Сам-то он понимал, что изучение всех социально-экономических формаций не есть предмет этнографии, а потому не перестраивал структуры руководимых им учреждений по формационному принципу; они продолжали заниматься этнографией. В докладной записке от 9 июля 1931 г., адресованной в Президиум АН СССР, Маторин писал: «Этнография на данном этапе должна рассматриваться как часть единой исторической науки и служить задаче изучения докапиталистических укладов, собирая материал, характеризующий живые остатки этих укладов как в СССР, так и во всем мире»⁶⁶.

Слов нет, на рубеже 20—30-х годов этнография, как и другие общественные науки, переживала отнюдь не лучшие времена, удар следовал за ударом. Неумеренно горячие дискуссии привели к тому, что исчезла этнология как теоретическая дисциплина, к которой был приклеен ярлык «буржуазная наука», а этнографии предписывалось больше заниматься экономикой, изучать социально-экономические формации. Кроме того, в начале 30-х годов на несколько лет прекратилась подготовка кадров этнографов, реорганизации и перестройки отрицательно сказались на развитии науки. Но нельзя во всем этом винить одного человека, а тем более Маторина, который был осторожен в действиях, идя на компромисс на словах⁶⁷.

С моей точки зрения, при анализе положения, сложившегося в отечественной этнографии конца 20-х—начала 30-х годов XX в., следует иметь в виду два аспекта. Первый: дискуссия о предмете этнографии, о ее названии и т.д. Такого рода дискуссии о предмете и задачах науки — правомерное и даже необходимое явление. В свое время Л.С.Берг применительно к географии писал: «Вряд ли относительно какой-нибудь другой науки было столько споров о ее содержании, целях и методах, как относительно географии. Некоторые даже утверждают, что география вовсе не наука, а собрание фактов, понабранных из разных отраслей знаний, как естественных, так и гуманитарных. Но даже и те, кто признает географию за отдельную науку, весьма сильно расходятся в определении ее объема и задач»⁶⁸. Едва ли стоит искать какую бы то ни было партийно-классовую подоплеку в позициях разных географов. Очевидно, важен второй аспект: какими методами и кто добивался пересмотра предмета и задач науки, для нашего случая — этнографии. Как представляется, в конце 20-х годов XX в. были воинствующие, мало смыслившие в этнографии радикалы-марксисты, во главе которых стоял Аптекарь. Были и такие марксисты, которые сами занимались полевой, научно-ис-

следовательской и преподавательской этнографической деятельностью, которые руководили этнографическими учреждениями и соответственно понимали значение этнографии как науки и ее роль в жизни современного им советского общества. К таким принадлежали Маторин и Кошкин (Алькор). Существовали и другие группы, большинство из которых стремилось приобщиться к марксизму (В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, Е.Г.Кагаров и др.). Вокруг каждой из них группировалась молодежь.

Но основная борьба шла между двумя группами марксистов. По мере развития ситуации в партии и в стране первая группа чувствовала себя все более уверенно и занимала атакующие, наступательные позиции. Вторая, дабы сохранить этнографию как науку, вынуждена была пойти на компромисс. Именно в этом аспекте следует оценивать опубликованную в 1931 г. статью Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии», в которой он признает несамостоятельный характер этнографии. Видя ее как часть истории (ведь и К.Маркс говорил, что он знает только одну науку — историю, а мы, этнографы, до сих пор защищаем диссертации на степень кандидата или доктора исторических наук) и стремясь во что бы то ни стало сохранить саму науку, он находил для нее свою, особую нишу. Пусть это, может быть, была и узкая ниша, но она давала возможность на практике сохраниться традиционной этнографии. Ведь были и другие призывы. Так, Б.С.Хотинский со страниц журнала «Этнография» призывал: «Нельзя ограничить себя искусственной гранью на одном из общественно-исторических этапов исключительно. Невозможно материальную культуру изучать без людей, без групп, без классов, не скатываясь к фетишизму вещей. В области вещей: почему орнаменты, амулеты, жилища пейзаж и шалаш "дикаря"-кочевника — объект этнографии и в поле зрения исследователя, а украшения стен или "утварь", заводы, картины, архитектура в целом и т.д. этнографом игнорируются. Почему армяк ямщика прельщает этнографа, а риза или фрак или прозодежда отталкивают, производство, фабрики, рынки, город, их взаимоотношения с деревней, с колониями выпадают совсем <...> Изучая материальную культуру людей, коллективов, их быт, язык, этнография должна перекинуться, как на исходную предпосылку, на производство и на экономику, без деления — город, деревня, чтобы не остаться на пол-дороге. Продвигая в этнографию поставленную т. Сталиным задачу приблизить теорию к изучению проблем революционной практики, наша задача археологию и антропологию подчинить этнографии»⁶⁹.

Нельзя было не считаться с пустившим в те годы глубокие корни учением об общественно-экономических формациях: дос-

таточно вспомнить, что Государственная академия истории материальной культуры построила свою структуру по формационному принципу. Обух плетью не перешибешь, и Маторин писал: «Учение об укладах и формациях является чрезвычайно важным и плодотворным для теоретической и практической работы этнографов. В свете его только и возможно ответить наконец на вопрос о предмете и методе этнографии. Теперь совершенно очевидно, что "этнография" теряет свой смысл как особая наука. Существует лишь одна наука — история. Этнография, которая занималась комплексным изучением "первобытных народов" и "пережитков" первобытности у народов "культурных", представляет фактически один из разделов всемирной истории и занята изучением доклассовой общественно-экономической формации (разбивающейся, очевидно, на стадии: тотемистическую или возрастно-половую и родовую), иначе — первобытного коммунизма. С другой стороны, этнография занята анализом "пережитков" (по терминологии классической школы) или "остатков" (по ленинскому выражению) этой формации в обществе феодальном, рабовладельческом и капиталистическом»⁷⁰. Очевидно, помня свое прошлое и идя вынужденно на уступки, Николай Михайлович очерчивал сферу проблем, которыми занята этнография, опираясь на высказывания классиков марксизма. И далее, как бы развивая свой тезис, что у этнографии есть свой предмет, он рассуждает: «Возникает и второй вопрос: как быть с целым рядом актуальнейших вопросов современности, которые уже вошли в поле деятельности этнографов, но которые не покрываются тем определением предмета и границ этнографии, которые мы только что установили? Таковы: изучение быта современной деревни, изучение труда и быта в колхозах, отчасти изучение религиозного быта и т.д.»⁷¹. Николай Михайлович так отвечал на этот вопрос: «Термин "этнография" может и сохранять условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»⁷². Таким образом, он видит и объект этнографии, и методы его изучения*.

В другом документе, написанном в 1932 г. Маториным или по крайней мере при его участии, говорится о необходимости исследования тех «теоретических и вместе с тем практических, политически заостренных проблем, при изучении которых этно-

* О положении в советской этнографии и своем понимании предмета и задач этой науки Н.М.Маторин писал в 1931 г. Ю.П.Аверкиевой, находившейся на стажировке в США. См.: *Нитобург Э.Л.* Ю.П.Петрова-Аверкиева: ученый и человек. (Наст. изд., с. 407. — *Ред.*)

графические материалы могут сыграть особо важную роль. Таковыми проблемами являются: а) процессы этногенезиса и расселения этнических и национальных групп; б) материальное производство в его конкретных вариантах; в) происхождение семьи; г) происхождение классов; д) происхождение и формы религии, искусства и других надстроек⁷³. Практически, а не на словах, Маторин не отрицал да и не мог отрицать этнографию как науку, ибо он был директором МАЭ, заместителем директора ИПИНа, ответственным редактором журнала «Советская этнография», а в феврале 1933 г., как будет рассказано ниже, возглавил ИАЭ АН СССР, делал все возможное в тех условиях для их успешной деятельности. Как бы забывая о своих словах, он писал в только что цитированном документе об этнографии как о науке, такой же, как археология или фольклористика⁷⁴. Отбрасывая полемическую шелуху, снимая политический налет с его утверждений, мы не можем не признать, что многие его высказывания об этнографии и соотношении ее со смежными науками, о требованиях, предъявляемых к этой научной дисциплине, звучат актуально и сегодня. Например: «Я заранее подтверждаю старое этнографическое правило о необходимости знания языка изучаемого народа <...> Исследователи, работающие по истории хозяйства, права, религии и т.д., должны обязательно знакомиться с языком или языками изучаемой ими группы народов, чтобы иметь возможность непосредственного живого общения»⁷⁵. Или: «Необходимо укрепить научно-исследовательские институты и музеи, внедрить этнографические знания в школы и широкие массы трудящихся, развернуть популяризационную работу»⁷⁶. Разве сегодня нам еще не ясно, сколько бед нашему обществу приносит массовая этнографическая неграмотность? Николай Михайлович еще в самом начале 30-х годов предлагал бороться с нею. Мы и в наши дни повторяем за ним: «Необходимо координировать работу этнографов с усилиями специалистов сопредельных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, фольклора <...> необходимо поставить на деловую ногу подготовку этнографических кадров в вузах и через аспирантуру. Съезды этнографов следует созывать периодически»⁷⁷. Факты показывают, что Николай Михайлович заботился о перспективном развитии этнографии как науки и сам как ученый развивал ее.

И если на деле Маторин не отрицал этнографию как науку, то почему он все время шел на уступки, хотя бы частично присоединяясь к чуждым ему мнениям, озвучивая их в своих работах? Во-первых, он понимал опасность, исходившую от Аптекаря и его сподвижников. Т.Д.Соловей, рассказывая об одном из выступлений Аптекаря в 1929 г., отмечает: «Если в тезисе об отече-

ственной этнологии как "суррогате буржуазного обществоведения" не было ничего нового, то его выпады против "отцов современной этнологии" носили характер прямой политической инвективы»⁷⁸. А это уже было небезопасно — иметь дело с таким оголтелым радикалом-марксистом. Во-вторых, Маторин имел негативный опыт оппозиционной борьбы, поддержав в свое время платформу Зиновьева. В-третьих, в эти годы он активно общался со свергнутым с партийного Олимпа бывшим членом Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И.Бухариным⁷⁹, принимая участие в работе возглавляемой им Комиссии по истории знаний⁸⁰. И это общение только убеждало его в необходимости быть предельно осторожным, и он старался быть таковым.

* * *

Николай Михайлович вошел в историю нашей науки как один из крупнейших специалистов по истории народных верований и мировых религий⁸¹. Его вклад в науку в полном объеме еще предстоит изучить, ибо в течение нескольких десятилетий его имя как исследователя фактически замалчивалось, а его труды и в наши дни практически малодоступны даже специалистам: ведь в свое время они были просто-напросто изъяты из библиотек и уничтожены⁸². Только единичные экземпляры их сохранились в отделах специального хранения крупнейших библиотек страны и чудом в книжных собраниях отдельных ученых.

В круг научных интересов Маторина входило изучение всего процесса развития религиозных верований. В частности, проблемам возникновения ранних форм религиозных воззрений посвящены его работы «Первобытный коммунизм» и «Религия в родовом обществе», вошедшие в изданный под его редакцией сборник статей «Первобытное общество»⁸³.

Наибольший вклад Николай Михайлович внес в исследование проблем религиозного синкретизма. «Пионером в работе по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма в советское время в Ленинграде, — писал А.А.Невский, — конечно, надо считать Николая Михайловича Маторина»⁸⁴. Еще в середине 20-х годов он читал на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ курс «Верования русской деревни», который постепенно превратился в семинар. Затем изучение религиозного синкретизма было продолжено в ГАИМКе, где с августа 1929 г. начал работать Николай Михайлович. В 1929—1931 гг. при активном участии Маторина в ГАИМКе велась большая целенаправленная работа по составлению религиозно-бытовой карты, в связи с чем проводились интенсивные полевые

исследования в Ленинградской и соседних с ней областях, а также на Севере. Достоин сожаления, что в дальнейшем такого рода картографические работы в религиоведении не были продолжены. По инициативе Маторина в ГАИМКе была создана (работала под его руководством) группа по изучению истории культов как преемница Комиссии по составлению религиозно-бытовой карты СССР. В ее составе были этнографы ГАИМКа, МАЭ, ИПИНа и других научных учреждений города. С осени 1930 г. по июль 1931 г. с докладами и сообщениями выступали И.И.Мещанинов, Д.К.Зеленин, П.П.Ефименко, А.Г.Данилин, М.Г.Худяков, М.Ю.Пальвадре, А.А.Невский, Г.А. и Н.А.Никитины, А.И.Новиков, Е.Р.Лепер и др. Среди участвовавших в заседаниях — В.В.Струве, Е.Г.Кагаров, В.Г.Богораз. Доклады Николая Михайловича были посвящены культу женских божеств в свете яфетической теории и русским юродивым⁸⁵.

После образования Музея истории религии и атеизма АН СССР здесь в секции по изучению верований народов СССР также исследовались проблемы религиозного синкретизма и сектантства. В докладах А.Г.Данилина, А.И.Васильева, А.Я.Дуйсбург, Г.А. и Н.А.Никитиных, И.Н.Винникова, Н.В.Малицкого, В.В.Ломиа-Бардавелидзе и др. содержался большой конкретный материал по этим проблемам. «Руководитель группы Н.М.Маторин старался привлекать для собраний участников различных этнографических экспедиций», — сообщает А.А.Невский⁸⁶. Маторин выступал здесь с докладами «Русские юродивые» (10 сентября 1932 г.), «К вопросу об изучении религиозного синкретизма» (14 июня 1933 г.), «Религиозные пережитки в Пушкинском районе Ленинградской области» (26 сентября 1933 г.), «Об изучении верований народов Советского Союза» (9 февраля 1934 г.), «Марийская секта кугу-сорга» (материалы В.А.Мухина с комментариями Н.М.Маторина, 9 марта 1934 г.)⁸⁷.

Среди работ Маторина по проблемам религиозного синкретизма особо важное место занимает монография о религии у народов полиэтнического и поликонфессионального Волжско-Камского региона⁸⁸. Рассмотрев различные формы древнейших народных религий этого края (представления о душе, культ предков, почитание умерших, сохранение священных рощ, жертвоприношение, праздники и запретные дни, знахари и народная медицина и т.д.), он проанализировал разнообразный этнографический материал о таких формах религиозного синкретизма, как мусульманское и православное язычество. У чувашей, например, издавна бытовало особенное, священное отношение к дереву. В каждой конкретной местности выделялись свои, особо почитаемые деревья, которым давались даже собственные имена.

Посадкой деревьев чувашаи отмечали наиболее значительные события в личной и общественной жизни. Религиозные верования, их синкретический характер, столь подробно и ярко изученные Маториным, сохраняются и в наши дни. Так, по случаю празднования тысячелетия крещения Руси один верующий чуваш посадил более полутора тысяч деревьев!⁸⁹

Для обоснования своих теоретических положений о формировании и бытовании религиозного синкретизма Маторин широко использовал сравнительный этнографический материал по самым разным народам. «Христа и апостолов мордвин-крестьянин представляет "по образу и подобию своему", в мордовских рубашках, портах и лаптях <...> Совершенно логично с этой точки зрения, что католические миссионеры распространяют в Китае портреты Римского папы с китайской физиономией, а в Африку посылают Библии, где святые изображены черными, а Богородица выглядит курчавой негритянкой»⁹⁰.

Эта книга Маторина получила множество положительных отзывов самых разных ученых. Все они отмечали, что его исследование построено на большом оригинальном полевом, литературном и музейном материале, собранном автором. Очень важно, что в процессе создания рукописи автор консультировался также с местными этнографами. Сохранился положительный отзыв проф. Е.Г.Кагарова на эту работу⁹¹. Публикацию ее горячо поддержал А.М.Горький⁹². Еще на рукопись в 1927 г. дала отзыв Н.К.Крупская, которая указала на значительное преобладание материала о старых верованиях и недостаточный показ изменений в религиозной жизни в советский период⁹³.

В работе «Православный культ и производство» Маторин, основываясь на народном понимании образов христианских святых, установил наследственную связь древних славянских божеств — помощников в различных производственных занятиях (земледелии, скотоводстве, охоте, собирательстве, рыболовстве, ремеслах и т.д.) и образов православных покровителей тех же занятий⁹⁴. Степень развития культа того или иного святого в конкретной местности определялась значением здесь этого вида хозяйственной деятельности⁹⁵. Это, в частности, можно проследить на примере почитания святого Егория — покровителя скотоводства. В земледелии — основном занятии восточных славян — различные святые обеспечивали успех каждого этапа земледельческого труда: от сева (весеннего или осеннего) до уборки урожая.

И естественно, что главными святыми считались те, которые могли оказать влияние при самых различных жизненных и хозяйственных обстоятельствах. В этой связи особого рассмотрения

заслуживает проведенный Маториным анализ эволюции образа женского божества в православии⁹⁶. Истоки его исследователь находил в многочисленных женских культах водно-лесных существ (берегинь, русалок и др.) на этапе собирательно-охотничьего хозяйства. Основываясь на научных концепциях, господствовавших в то время, в частности разделяя концепцию акад. Н.Я.Марра о стадийности развития языка и общества, Маторин анализировал становление женского образа божества, привлекая материалы о женско-мужском характере некоторых божеств, о трансформации богини в бога и т.д. Он напрямую связывал культовые формы и тип производства⁹⁷. «Богородица для крестьянина-земледедца заменила и мать сыру землю, культ которой, сам по себе, вероятно, появился позднее охотничьих. В различных географических полосах она давала свое покровительство различным промыслам, спасала от града и засухи, посылала удачу рыболовам и земледельцам»⁹⁸. Верующие женщины видели в Богородице прежде всего покровительницу семейного счастья и богатства, незамужние девушки ждали от нее помощи в поисках хороших женихов и заключении удачных браков, замужние женщины просили обеспечить счастливую семейную жизнь, рассматривали ее как целительницу, чадоподательницу и помощницу при родах. Богородица на Руси почиталась и как военное божество. Сложилось устойчивое представление, что божество не только постоянно проявляет милость, но и, владея силами природы, может сурово покарать провинившихся. Как подчеркивал Маторин, Богородица — существо высшего синкретического порядка, к которому, по народным верованиям, надлежит обращаться за помощью в любых, самых различных жизненных ситуациях.

Эта монография построена на значительном этнографическом и фольклорном материале и представляет немалый интерес для современного исследователя своими выводами. И хотя эта работа с середины 30-х годов была изъята из научного оборота, она не потеряла своего значения и сейчас⁹⁹. Все последующие исследования по этой теме только подтвердили основные выводы ученого. Обратимся к авторитету В.И.Чичерова, который писал: «Слившиеся образы Параскевы Пятницы и Богоматери представляют собой главное женское божество, истоки которого надо искать в дохристианских верованиях восточных славян. Этому божеству дано было христианское имя. Обряды, связанные с ним, прикреплялись к датам аграрного календаря, получившим название по именам святых, празднуемых в эти дни соответственно церковным святым. Но сущность осталась той же. Исконный образ древнего божества, унаследованный земледельче-

ской Богоматерью — Пятницей, подчинил себе и объединил все другие образы христианских святых, которые почитались покровительницами женщин»¹⁰⁰. Заслугой Николая Михайловича является то, что он показал универсальный, всеобъемлющий характер этого женского божества в православии.

Диапазон исследований Маторина в области изучения религии необычайно широк — от исследования религиозно-бытового православия до современных религиозных процессов. Более того, он рассматривал эволюцию религиозных образов не только и не столько в ретроспективном плане, но и как живой, постоянно идущий процесс. На новом, современном ему религиозноведческом и этнографическом материале он пытался показать феномен формирования новых святых в православном культе¹⁰¹.

Как считает на основании изучения архивных материалов Г.А.Носова, все эти исследования «являлись ступенью к задуманной им двухтомной монографии по бытовому православию, первая часть которой готовилась им к печати»¹⁰².

Николай Михайлович придавал большое значение методологии изучения религиозного синкретизма. Давая определение понятия «религиозный синкретизм», он писал: «Под ним принято подразумевать смешение представлений и культовых действий, относящихся к различным религиозным системам. Частными случаями религиозного синкретизма являются известные всем моменты "двоеверия" или даже "троеверия" <...> То, что принято было называть "народными" культами или "антропологическими" религиями, будучи связанным тысячами переходных звеньев с религиями "высшими" или "сложными", есть на самом деле результат переживания "остатков" прежних формаций в более развитых»¹⁰³. Основываясь на громадном материале, накопленном по этому вопросу в этнографической, исторической и религиозноведческой литературе, и учитывая распространенность различных форм религиозного синкретизма, Маторин предпринял попытку классификации этих форм. Им выделены три группы явлений: 1. «Факты переживаний более примитивных культов в более сложных. Таковы все элементы анимизма, фетишизма и магии в буддизме, христианстве и исламе». 2. «Факты, когда элементы более сложных культов внедряются в более примитивный культ, сохраняющий, однако, целостность основной концепции и характера. Таково, например, воздействие буддизма или христианства на шаманизм». 3. «Явления, когда налицо смешение представлений и культовых действий нескольких сложных религий. Сюда относятся взаимные скрещения христианских, мусульманских и буддийских религиозных культов»¹⁰⁴. Определяя понятие «пережиток» как явление в истории культуры, Ни-

колай Михайлович рассматривал его взаимосвязи как с уже отжившим социально-экономическим укладом, так и с реальной структурой современного общественного организма. Для него важно было прежде всего понять механизм функционирования того или иного явления и проследить его генезис в зависимости от изменений в жизни общества. Только в этом контексте, считал исследователь, можно наиболее точно раскрыть существо религиозного пережитка¹⁰⁵. Как можно видеть, здесь автор не только искал пережитки примитивных культов в развитых мировых религиях, но и, осмысливая и объясняя весь спектр форм проявлений религиозного синкретизма, творчески, как подобает настоящему ученому, подходил к анализу предмета.

Большое количество научных статей Маторин опубликовал в таких журналах, как «Антирелигиозник», «Безбожник», «Воинствующий атеист». Все его работы по исследованию проблем религии в той или иной мере должны были способствовать антирелигиозной пропаганде. Исходя из практических потребностей того времени, Николай Михайлович особое внимание обращал на изучение степени религиозности населения различных конкретных регионов, пытался понять специфику ситуации в них, осмыслить проблему в теоретическом и практическом планах. Много сил он отдал совершенствованию методики антирелигиозной работы на разных уровнях, поискам гибких, отвечающих конкретным условиям форм воздействия на верующих. Здесь уместно напомнить, что в 1932—1934 г. Маторин возглавлял Ленинградский областной совет Союза воинствующих безбожников (СВБ), а с июля 1930 г. состоял членом Исполнительного бюро Центрального совета СВБ СССР. Ленинградская организация СВБ была одной из лучших и дееспособных в стране. Укомплектованная лучше других научными кадрами пропагандистов, лекторов-антирелигиозников, она планомерно вела работу по просвещению народных масс. Позднее организация была разгромлена, а ее руководитель Маторин подвергся критике со стороны руководителей Центрального совета Союза Е.М.Ярославского и Ф.Олещука сначала за слабую активность в работе, позднее его обвиняли уже в преступной, вражеской деятельности¹⁰⁶.

Вне всякого сомнения, научную и особенно практическую деятельность ученого в этом направлении сегодня следует рассматривать строго в контексте того времени. Очевидно, какие-то выводы устарели или просто оказались неверными. Кстати, сам исследователь, внимательно следя за новыми материалами и теориями, критически оценивал сделанное им и пересматривал ранее высказанные им положения¹⁰⁷. Главным достоинством работ Маторина являлись их солидная источниковедческая база, как

правило, строгий научный подход к анализу материала. Не случайно оппоненты нередко критиковали его за это. Так, в одном обзоре можно прочитать: «Отличаясь обилием фактического материала, работы т. Маторина, однако, страдают налетом некоторой академичности»¹⁰⁸. Но основные его труды выдержали проверку временем и после его реабилитации пережили второе рождение, вновь становясь достоянием науки. К ним нередко обращаются современные исследователи для подтверждения своих построений и выводов¹⁰⁹.

В своих исследованиях Николай Михайлович касался самых разнообразных проблем этнографии. Наибольший интерес у него всегда вызывали сюжеты, связанные с традиционными верованиями и религией народов, среди которых ему довелось побывать даже короткое время. Так, встречаясь в Приволжье с калмыками, он обратил внимание на своеобразное обращение верующих буддистов со своими божествами: «Мажут им мордочку сметаной, маслом, а в случае неудачи — бьют»¹¹⁰.

И сегодня для нас представляют большой интерес его наблюдения о межнациональных отношениях в регионе. «Следы исконной вражды казаков с "иностранцами" еще сохранились до сих пор. Гордый казак не равняет себя с крестьянином. Он — "хлебобор"»¹¹¹. Еще тогда Маторин предупреждал, что уничтожить следы этой старой вражды, имеющей свои определенные глубинные причины, будет не так-то легко¹¹². В наше время это предостережение ученого звучит весьма злободневно¹¹³.

В последние годы жизни в научных интересах исследователя все большее место занимал фольклор. На состоявшемся в декабре 1933 г. Первом совещании писателей и фольклористов он принципиально отстаивал идею близкой связи фольклора именно с этнографией, говорил о научно-историческом значении фольклора. Было решено образовать специальное бюро Союза писателей как постоянную организацию для совместной работы фольклористов и писателей, а Николай Михайлович был избран членом этого бюро¹¹⁴.

В начале 1934 г. получает оформление идея проведения в декабре того же года I Всесоюзной конференции по фольклору. Инициатором ее созыва был Маторин. Оргкомитет возглавил акад. И.И.Мещанинов, в него вошли Н.М.Маторин, А.А.Тахо-Годи, Ю.М.Соколов, В.М.Жирмунский, М.К.Азадовский и др. Предполагалось, что Николай Михайлович выступит с докладами «Фольклор и антирелигиозная пропаганда» и «Место фольклора в ряду исторических дисциплин»¹¹⁵.

В Институте языка и мышления под руководством Маторина был организован специальный семинар по фольклору и его свя-

зи с лингвистикой. За короткий срок сам руководитель выступил с докладами, посвященными фольклорным работам Поля Лафарга, Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.Н.Веселовского¹¹⁶.

* * *

Знакомство с обширными, прежде всего архивными, материалами дает право утверждать, что у Николая Михайловича на научной и личной почве были довольно близкие отношения со многими учеными, например с акад. С.Ф.Ольденбургом, акад. Н.Я.Марром, членом-корр. АН СССР Д.К.Зелениным, профессорами В.Г.Богоразом, М.К.Азадовским, Б.М. и Ю.М.Соколовыми, И.И.Зарубиным и др. С.Н.Маторина, дочь ученого, вспоминает, что в их доме были книги В.Г.Богоразы с дарственными надписями — их читали и взрослые, и дети. Владимир Германович был хорошим рассказчиком, и дети особенно ожидали его прихода к ним в гости.

Н.М.Маторин принял участие в юбилейном сборнике, посвященном С.Ф.Ольденбургу, а после его кончины выступил в Географическом обществе с докладом «С.Ф.Ольденбург как этнограф»¹¹⁷. Памяти своего московского друга Б.М.Соколова он также посвятил скорбные слова прощания¹¹⁸. Николай Михайлович принадлежал к числу таких ученых, которые искренне приняли учение Н.Я.Марра и пропагандировали его¹¹⁹. 28 августа 1931 г. М.К.Азадовский писал ему: «<...> говорят, Вы еще не скоро выберетесь к нам, — мне же хочется поговорить с Вами о куче разных дел, из которых некоторые представляются довольно срочными <...> Я считаю совершенно необходимым организовать специальное издание под примерным названием что-либо вроде "Бюллетеня фольклорной секции"»¹²⁰.

Близкие, неформальные отношения связывали Николая Михайловича с его учениками, среди которых следует назвать в первую очередь Н.Н.Волкова, Н.А.Кислякова, А.И.Клибанова, Л.П.Потапова, М.И.Шахновича, молодыми сотрудниками Н.И.Гаген-Торн, Н.П.Дыренковой, И.В.Карнауховой, И.Н.Винниковым и др. Дружески принимали в доме Маторина стажера из США индейца Арчибальда Финнея (Арчи), у которого даже завязался роман с одной из родственниц хозяина.

Но все больший размах и частоту приобретали политические дискуссии, чистки, приводившие к обострению отношений, как это, например, произошло с известным теоретиком в области этнографии и археологии С.Н.Быковским. Прежде Маторин и Быковский были единомышленниками, соратниками. Когда у Сергея Николаевича обострились отношения в ГАИМКе, Мато-

рин пригласил его на работу в ИАЭ возглавить археологический отдел. Позднее сам Быковский так охарактеризовал свое отношение к бывшему другу и коллеге: «Работая с 1930 г. в Ленинграде, столкнулся в практической работе с двурушником Маториным, которого неоднократно разоблачал, в частности за год до его ареста на партийной чистке ставил вопрос о том, что субъективно или объективно он противодействует линии партии»¹²¹. В те годы это не могло не отразиться на судьбе Николая Михайловича.

Маторин, несомненно, был опытным руководителем, понимавшим, с одной стороны, интересы подлинной науки, а с другой — жесткие требования времени, партийных и государственных властей. Как директор учреждения и член партии он был хорошо информирован о жизни страны и партии, о всех важных событиях. И это заставляло его быть предельно осторожным. И в то же время руководимые им научные учреждения не всегда следовали идеологизированным установкам, продолжая по преимуществу заниматься традиционной этнографией.

Н.М.Маторин пользовался уважением в руководимых им научных коллективах. В Архиве РАН хранится приветственный адрес, врученный Николаю Михайловичу по случаю его 35-летия, в котором дана объективная оценка его деятельности: «Не будучи специалистом-этнографом, Вы быстро уяснили истинные интересы, задачи и перспективы нашей многострадальной науки — этнографии, которая так долго была предметом злостных экспериментов, и сделали все зависящее от вас для того, чтобы вывести наш Институт из тупика <...> В тяжелую эпоху жизни нашего Института Вы Вашим чутьем и высоко гуманным отношением поддерживали во всех нас энтузиазм и тесную сплоченность <...>»¹²². Отмечалось и чуткое отношение к ученым-специалистам, и оздоровление атмосферы в коллективе, и создание нормальных условий для дружной и плодотворной работы, и внимание к росту молодых кадров этнографов как в АН СССР, так и в ЛГУ, и непреклонная борьба с легкомысленным отношением к делу, верхоглядством, бахвальством и безответственностью. Напомню только один показательный случай. После доклада Д.К.Зеленина «Итоги и перспективы изучения материального производства за 15 лет» на I Всесоюзном географическом съезде в апреле 1932 г. выступившие в прениях А.К.Супинский, С.П.Толстов, В.И.Равдоникас, Е.Ю.Кричевский, А.Н.Бернштам, И.И.Смирнов, Я.П.Кошкин обвиняли Зеленина в вульгарном упрощенстве и панславизме, и только Маторин тактично взял его под защиту, отметив, что «докладчик за последние годы старается продвинуться в деле овладения марксизмом и внедрения

его в практическую работу и что основное достоинство докладчика в том, что он занимается конкретными темами материального производства»¹²³. Кстати, С.Н.Быковский, Я.П.Кошкин, С.А.Токарев, С.П.Толстов и другие выступили тогда же с резкой критикой доклада Маторина «Советская этнография за 15 лет и ее дальнейшие задачи» за отсутствие связи между предложенной им периодизацией советской этнографии и периодизацией социально-экономической и политической жизни Советского Союза¹²⁴.

2 февраля 1933 г. Общее собрание АН СССР утвердило постановление Отделения гуманитарных наук о слиянии МАЭ и ИПИНа¹²⁵. 15 февраля уже начал функционировать созданный на их базе ИАЭ АН СССР¹²⁶. Николай Михайлович стал первым его директором. Институт структурно, помимо отделов Музея, состоял из трех секций. Под председательством Маторина в Институте работала комиссия содействия местным научно-исследовательским институтам. В Институте возникли новые подразделения, например группа первобытного коммунизма, была значительно активизирована деятельность Ученого совета, рабочего совещания и т.д. Здесь постепенно были собраны ведущие ленинградские этнографы, антропологи и частично археологи. К работе в Музее и Институте Маторин привлек ряд молодых талантливых ученых, в том числе С.М.Абрамзона, И.Н.Винникова, С.В.Иванова, Н.А.Кислякова, Н.Ф.Прыткову и др. Для работы в ИАЭ были приглашены американский ученый Р.Ф.Бартон и индийский ученый В.А.Чатопадайя, на стажировку в США была направлена Ю.П.Аверкиева, в Институте проходил аспирантскую подготовку американский индеец А.Финней¹²⁷.

ИАЭ, возглавляемый Маториным, с первого года своего существования превратился в крупное, ведущее в стране комплексное научное учреждение с широкими внутрисоюзными и международными связями.

Н.М.Маторин планировал поездки советских этнографов для полевой работы за границей. В 1932—1933 гг. предполагалось послать первую советскую зарубежную экспедицию в Индонезию и на Новую Гвинею «для изучения одного (или группы) из примитивнейших народов земного шара по марксистскому методу», хотя Николай Михайлович понимал, что для этого «придется преодолеть много политических и технических затруднений»¹²⁸. Как известно, именно эти препятствия не удалось преодолеть, и экспедиция не состоялась, да уже и не могла состояться в те годы.

Отчеты о работе МАЭ и ИПИНа за 1930—1932 гг., а также ИАЭ за 1933 г. — годы руководства Маторина этими коллективами — свидетельствуют об организации в них разносторонней

Н.М.Маторин. Начало 30-х годов

научной деятельности. Так, хорошо понимая организующую роль печатного органа, Маторин с первых шагов своей деятельности в ИАЭ приступает к созданию серии «Труды Института антропологии и этнографии АН СССР». В 1934 г. в свет выходит под его редакцией первый выпуск первого тома этого издания, и в нем была напечатана чисто этнографическая работа Д.К.Зеленина «Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма». Она была сдана в набор 20 декабря 1933 г. при директорстве Маторина, подписана к печати 13 февраля 1934 г. уже при другом руководителе Института. Вышедший в том же году выпуск второй — монография Д.Н.Лева «К истории горного дела», подготовленная к печати Николаем Михайловичем, — уже был подписан другим ответственным редактором, по должности¹²⁹.

Создавая ИАЭ как ведущее в системе АН СССР учреждение по этим наукам, Маторин строил самые разнообразные, поистине грандиозные планы. О них, в частности, можно судить по его недавно опубликованному письму французскому ученому Андре Вараньяку¹³⁰. В нем он подробно характеризует основные направления деятельности Института в целом и ведущих сотрудни-

ков в отдельности, сообщает о состоявшихся контактах с ведущими американскими этнографами, предлагает активизировать советско-французские научные связи, включая обмен музейными коллекциями и т.д. Буквально с первых дней создания ИАЭ Николай Михайлович развернул кипучую деятельность по организации научных исследований и музейной работы. В этих целях в Институте была сформирована соответствующая новая структура. Были образованы следующие секции и группы: этнографическая секция под руководством директора с группами материального производства (первобытной техники) во главе с Д.К.Зелениным, социальных отношений первобытного общества во главе с И.Н.Винниковым и первобытной идеологии (религия и искусство) во главе с В.Г.Богоразом; антропологическая секция во главе с Б.Н.Вишневским и фольклорная — под руководством М.К.Азадовского, с двумя исследовательскими группами, которые возглавили М.К.Азадовский (современный фольклор) и Е.Г.Кагаров (фольклор докапиталистической формации). Музей теперь состоял при Институте, в нем были отделы антропологии (Б.Н.Вишневский), археологии (С.Н.Замятнин), а также Сибири (В.Г.Богораз), Передней и Средней Азии (И.И.Зарубин), Индии (В.А.Чатопадайя), Дальнего Востока (Н.В.Кюнер), Северной Америки (С.А.Ратнер-Штернберг), Южной Америки (временно без руководителя) и Африки (Д.А.Ольдерогге). В Институте были собраны высококвалифицированные кадры этнографов, антропологов и археологов. Стали регулярно читаться научные доклады (в среднем 8—10 докладов в месяц) на самые разнообразные темы, с которыми выступали как сотрудники Института, так и приглашенные гости, например москвич В.А.Городцов и ленинградец В.М.Жирмунский. Предпринимались активные шаги к установлению международного сотрудничества как по линии ИАЭ, так и по линии журнала «Советская этнография».

Очевидно, напористая практическая деятельность Маторина на посту директора нового Института к концу 1933 г. уже не устраивала определенных руководящие, прежде всего идеологические, органы. Кое-кто не упускал случая напомнить о его участии в партийной оппозиции. Против него велась открытая и скрытая борьба, постоянно плелись закулисные интриги, что и заставило Николая Михайловича подать заявление об уходе с поста директора Института. Нельзя исключать и такого варианта, что ему было предложено подать в отставку. Заслуживает внимания решение Президиума АН СССР от 23 декабря 1933 г. по кадровым перестановкам в ИАЭ: «§ 17. Доложено заявление Н.М.Маторина об освобождении его от должности директора Института антропологии и этнографии. Постановлено: 1) Осво-

бодить Н.М.Маторина от должности директора Института антропологии и этнографии, согласно его заявления, с 1 января 1934 г. с оставлением его в должности старшего специалиста. 2) Утвердить акад. И.И.Мещанинова в должности директора Института антропологии и этнографии с 1 января 1934 г. с последующим утверждением Отделением общественных наук и Общим собранием. 3) Учредить должность заместителя директора Института антропологии и этнографии и утвердить в этой должности А.А.Бусыгина с 1 января 1934 г. 4) Поручить акад. И.И.Мещанинову и А.А.Бусыгину приступить к приему дел с таким расчетом, чтобы Н.М.Маторин был освобожден от административных обязанностей с 1 января 1934 г.»¹³¹.

Конечно, с точки зрения академической науки может показаться логичным назначение на пост директора Института в системе АН СССР академика, в данном случае И.И.Мещанинова¹³². Однако, пожалуй, нельзя не обратить внимание на два обстоятельства. Освобождение Маторина и назначение Мещанинова производились явно в спешке, без решения Отделения общественных наук и Общего собрания АН СССР. И если бы Маторин сохранял доверие вышестоящих партийных органов, его по крайней мере могли бы назначить на вновь утвержденный пост заместителя директора Института, но и этого не произошло. Напрашивается вывод, что Маторина просто в большой спешке «убирают» с руководящей должности. Здесь уместно напомнить, что в начале 30-х годов постепенно снимались со всех маломальски руководящих постов бывшие «зиновьевцы». Вполне вероятно, что вспомнили и о Маторине. Вне всякого сомнения, при новом директоре явно для усиления идеологического влияния и контроля специально учреждается должность заместителя директора Института, на которую назначается специалист по марксизму и опытный кадровик А.А.Бусыгин¹³³. Назначение Бусыгина в определенной степени объясняет причины ухода Маторина с должности директора: одного его теперь заменяют двое, у каждого из них явно свои обязанности и полномочия. Маторин должен спешно сдать дела, чтобы новое руководство через неделю, с 1 января 1934 г., начало по-новому руководить Институтом. Акад. И.И.Мещанинов, для которого этнография являлась маргинальной областью его научных занятий, мало интересовался делами ИАЭ. Руководящую роль откровенно стал играть А.А.Бусыгин. Итак, с 1 января 1934 г. по штатному расписанию Института Н.М.Маторин уже значился старшим специалистом.

В 1934 г. в ИАЭ была введена новая структура, и основными научно-исследовательскими ячейками стали кабинеты, группы и

секции, функционально отражающие основные направления научных исследований. Маторин возглавил деятельность двух крупных групп: первобытного коммунистического общества и фольклора доклассового общества. К участию в их работе были привлечены ведущие ученые и творческая молодежь: В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, В.А.Городцов, М.К.Азадовский, С.А.Ратнер-Штернберг, С.Н.Быковский, И.Н.Винников, В.А.Чатопадайя, М.Д.Торэн, К.М.Мыльникова, А.С.Форштейн, А.И.Никифоров и др.¹³⁴ Николай Михайлович сам активно выступал с докладами: «Н.Я.Март и историческая наука», «Эволюционная школа в этнографии», «Значение работ А.Н.Афанасьева в области сравнительной мифологии и советская фольклористика»¹³⁵. Был подготовлен и сдан в печать сборник, посвященный 50-летию выхода в свет книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В том же, 1934 г. под редакцией Маторина были переданы в издательство два первых тома из запланированного шеститомного справочника «Народы СССР»¹³⁶.

В 1934 г. в Ленинграде в издательстве АН СССР под редакцией Николая Михайловича выходит первый выпуск сборника «Советский фольклор», который задумывался как неперIODическая серия «Трудов фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР». Он был посвящен исключительно проблемам современного фольклора — фольклора Октябрьской революции и гражданской войны¹³⁷.

С 12 по 16 июня 1934 г. Н.М.Маторин принимал деятельное участие в научно-исследовательской конференции по антирелигиозной работе, после которой он выехал до 1 июля в Мордовию для руководства этнографической экспедицией, а с 1 сентября по 5 ноября находился по заданию АН СССР в командировке в Северной и Южной Осетии, Абхазии и Азербайджане¹³⁸.

В «Советской этнографии» (1934, № 6) среди юбилейных статей, посвященных 50-летию выхода в свет книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса, должна была быть напечатана статья Маторина «Пережитки матриархата в религии народов Поволжья»¹³⁹.

30 декабря 1934 г. Маторин принимал участие в расширенном научном совещании Музея истории религии АН СССР, посвященном вопросам изучения религии доклассового общества, которое состоялось в малом конференц-зале АН СССР в Ленинграде. Как позднее сообщалось в отчете, со вступительным словом выступил В.Г.Богораз, в совещании участвовали А.И.Тюменев, В.В.Струве, И.Г.Франк-Каменецкий, П.П.Ефименко, Ю.П.Францов¹⁴⁰. Имя Маторина в списке уже не значилось, на него на многие годы было наложено табу.

После убийства С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. в судьбах множества людей в Ленинграде наступила черная полоса¹⁴¹, не миновала она и Маторина. 29 декабря 1934 г. партийный комитет АН СССР исключил его из членов ВКП(б) «как активного оппозиционера в прошлом, не порвавшего идейных связей с контрреволюционной зиновьевской оппозицией в последние годы»¹⁴². Но и в эти дни он продолжал работать. В его записной книжке читаем: «1935 г. 1 января. ЛГУ. Лекция по курсу "Этнография СССР" на 5 курсе географического факультета (О народах Севера). 2 января. Работал до 2 часов ночи, готовился к очередной лекции (5 января). В ночь на 3 января — арест»¹⁴³. Понимал ли Николай Михайлович, что произошло и насколько серьезно обстоит дело? Чем он занимался после ареста? «3—14 января. Обдумывал статьи и курсы. 14 января. Начал писать конспекты книг и статей. 27 января. Первый набросок плана романа, драмы "Кудекуша Трепец", поэмы "Вятич Кукша". 30 января. Передача из дому. 8 февраля. Передача из дому. Январь—февраль — разработка драмы "Кудекуша Трепец". Читал "Жан-Кристоф" Ромена Роллана»¹⁴⁴.

А в это время 15 января на заседании Президиума АН СССР, как гласит его протокол за подписью неперменного секретаря акад. В.П.Волгина, постановлено: «Снять с работы в Академии наук (Институт антропологии и этнографии, Музей истории религии и редакция "Советской этнографии") Н.М.Маторина и утвердить старшим специалистом ИАЭ Я.П.Кошкина с 15 января 1935 г. с окладом 500 рублей в месяц»¹⁴⁵. 19 января Николай Михайлович был уволен как член контрреволюционной организации с профессорской должности в Ленинградском институте философии, литературы и истории (ЛИФЛИ, до 1934 — ЛИЛИ)¹⁴⁶. 23 января 1935 г. Василеостровский РК ВКП(б) заочно исключил Н.М.Маторина из членов партии «за принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе»¹⁴⁷. Отныне судьба Николая Михайловича окончательно и бесповоротно связана с судьбой членов этой группы, и он сам в полной мере разделит с ними их предешенную участь.

Но Николай Михайлович продолжал самозабвенно работать. «6 февраля. Написана объяснительная записка и конспект докторской диссертации "Религиозный синкретизм"»¹⁴⁸. 13 февраля, после свидания с матерью, женой и детьми, ему был зачитан приговор Особого совещания НКВД СССР: «за контрреволюционную деятельность» он был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, а 14 февраля его отправляют по железной до-

роге в Ташкент для отбытия срока. За 10 дней пути он прочитал для своих спутников шесть лекций на самые разные темы: «Первобытное общество», «Народы СССР», «Христианизация России», «Бытовое православие», «Народы Средней Азии», «А.С.Пушкин». С дороги послал домой три письма и одну телеграмму, беспокоился о судьбе семьи, родственников.

Братья и сестры Николая Михайловича, их супруги были арестованы или высланы в различные отдаленные места. Мать оказалась в Стерлитамаке... Вскоре после вынесения ему приговора решила и участь семьи: 27 февраля 1935 г. жена с детьми была административно выслана в Ташкент, куда они и прибыли в начале марта¹⁴⁹. Маторин отбывал наказание в лагере под Ташкентом, близ совхоза Малек, куда периодически к нему теперь могли приезжать члены семьи¹⁵⁰.

Активность, жажда творчества, стремление к полноценной деятельности и здесь не оставляли Николая Михайловича, хотя, можно думать, это давалось ему нелегко. Сферы приложения энергии были самые разнообразные: он вел переговоры о работе на опытном поле, участвовал в выпуске стенгазеты, беседовал с солагерниками, собирая у них этнографический и фольклорный материал, связанный со свадьбой, верованиями, поверьями, обычаями и т.д. Продумывал статьи: «Об этнографическом образовании», «Этнография, история и география», «О религиозных легендах после революции», «Проблемы религиозного синкретизма в трудах Н.Я.Марра», «Шаманизм и православие», «Религиозный синкретизм в старообрядчестве и сектантстве», «Пережитки шаманизма в религиях Поволжья», «Н.Я.Марр и А.Н.Веселовский», «Религиозный синкретизм в исламе». В связи с темой докторской диссертации он планировал работу в архивах Ленинграда, Москвы, Киева, Минска, защиту диссертации в Казани¹⁵¹. Над ней он постоянно работал в лагере. Еще в ленинградской тюрьме он написал статью «Фольклор как исторический источник», которую через руководство лагеря направил в АН СССР для напечатания в «Советской этнографии». 3 декабря 1935 г. закончил статью «В Брянских лесах (этнографические материалы из села Чернино бывшей Орловской губернии)», работал над статьей «К вопросу о бытовом исламе».

Сегодня трудно судить о том, типичны ли были лагерные условия, в которых оказался в 1935 г. Маторин. Здесь он продолжал творчески трудиться, надеясь на защиту докторской диссертации, на публикацию своих работ в журналах. Даже если начальство лагеря и отправило его статью в редакцию журнала «Советская этнография», она едва ли могла быть доброжелательно встречена новой редакционной коллегией (И.И.Мещанинов,

А.А.Бусыгин и др.), а тем более напечатана. Но Николай Михайлович верил в лучшее. Летом 1935 г. он разрабатывал программу для собирания материалов по религиозным представлениям, культу и бытовому исламу¹⁵², ознакомил с нею руководство лагеря и получил согласие на сбор материала путем бесед с заключенными, среди которых были выходцы не только из Средней Азии и Казахстана, но и Кавказа, Крыма, Поволжья... Николай Михайлович старался читать научную литературу, в том числе «Советскую этнографию», конспектировал новые доходившие до него книги, следил за новинками художественной литературы, делая выписки из журналов «Новый мир», «Звезда», «Красная новь». И много писал сам, особенно стихов. Пожалуй, даже их названия могут дать некоторое представление, о чем думал тогда заключенный лагеря Малек Н.М.Маторин. Воспоминания о людях («Лев Штернберг», «В.А.Городцову»), о местах, где бывал («Дагестан», «Себеж»), и много мучительных размышлений («Ласточка», «Журавли», «Вы бежали, глотая слезы», «Давно свою продумал я вину», «Нас встретил хмуро солнечный Восток», «Я никому не нужен тут», «Лиде», «Я нового творить сегодня не могу», «Я размышляю о себе», «Я заглянул, что там за гранью», «Я не сетую, только знаю»).

Имея возможность читать прессу, следить за событиями в стране, он должен был чувствовать приближение новых репрессий, но надеялся на свое освобождение и, рассказываясь в своем участии в партийной оппозиции, верил в торжество правого дела, которому служил всю свою короткую жизнь. В лагерных условиях Николай Михайлович пытался осмыслить все происходящее в стране, все случившееся с ним. Вот отрывки из его пусть несовершенных, но несомненно искренних стихов:

Я погружен в позорную трясины,
Но звездочки мне светят до сих пор.
Когда-нибудь болото я раздвину
И выйду вновь на солнечный простор.

Или еще:

Давно свою продумал я вину
И помню день тяжелого удара,
С пути достойного я больше не сверну,
Пусть исполнится заслуженная кара...
Стоит Союз Советов как скала,
И счастье новое он строит новым людям.
Так в доме собственном мы не потерпим зла,
Мы истреблять врагов ползучих будем...
Нет выбора! Туда или сюда —

И не дано блаженной середины...
Восторжествует красная звезда
И твердость пролетарской дисциплины¹⁵³.

Что это? Потрясающая вера в правое дело, в строительство новой жизни и... такая невероятная слепота! Конечно, Николай Михайлович предполагал, что его переписка перлюстрируется, но он писал все искренно. Он знал, что не виновен, но тем не менее много думал о вине, которую ему инкриминировали, и, как подавляющее большинство народа, верил, что в стране действуют враги с коварными целями, а потому не только оправдывал жестокие меры, но и сам призывал «истреблять врагов ползучих», хотя прекрасно знал, что вместе с ним сидят невинные люди. Неужели он тогда еще не понимал, что власти и в нем видят именно такого врага? Как трудно и сегодня понять эту эпоху, умонастроение людей несомненно искренних.

18 февраля 1936 г. Маторина отправляют в Ташкент на пересыльный пункт, ведение записок обрывается¹⁵⁴. Николая Михайловича возвращают в Ленинград, где началось новое следствие по делу «контрреволюционной зиновьевской группы», сопровождавшееся пытками и мучениями. Теперь уже не было никаких условий не только читать и писать, но и думать о науке, о перспективах, наверное, и исчезла вера в возможность вернуться на свободу. Маторину в тех ужасных условиях сообщили, что в конце обвинительного заключения по делу Зиновьева и его группы, оглашенного в Москве в Доме Советов 19 августа 1936 г., наряду с другими упоминалось и его имя с указанием о выделении их дел в особое производство в связи с продолжением следствия по нему: он это «продолжение следствия» ежедневно испытывал физически. Р.Конквест пишет: «О Маторине, личном секретаре Зиновьева, в ходе суда было сказано еще раз, что он находится под следствием и будет судим позже, "в связи с другим делом". Но ни один из названных людей никогда больше не появился перед открытым судом, и в большинстве случаев мы ничего не знаем об их судьбах»¹⁵⁵.

Сегодня о судьбе Маторина мы можем определенно сказать следующее. 11 октября 1936 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В.Ульриха Маторин был обвинен в том, что «является участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С.М.Кирова», и приговорен на основании статьи 58—8, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу¹⁵⁶, который в тот же день, через считанные минуты после оглашения приговора,

был приведен в исполнение¹⁵⁷. Тогда же был расстрелян А.А.Бусыгин. С.Н.Быковского расстреляли в Ленинграде несколько позднее, 19 декабря 1937 г., за принадлежность все к той же «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации».

20 марта 1958 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговор в отношении Маторина был отменен и дело его прекращено за отсутствием состава преступления¹⁵⁸, а летом 1989 г. он решением Ленинградского обкома КПСС по ходатайству дочери — С.Н.Маториной был восстановлен в партии¹⁵⁹.

Сразу после арестов в периодической печати, в научных изданиях, в отдельных письменных и устных заявлениях прозвучали критика и разоблачения «врагов народа», среди которых прямо называлось или подразумевалось имя Маторина¹⁶⁰. А потом наступил длительный период забвения.

* * *

В настоящей публикации ставилась цель включить Маторина как равноправного участника в процесс развития науки в 20—30-е годы и рассказать о его сложном, трагическом жизненном и творческом пути. Совершенно очевидно, что он был одним из крупных ученых-этнографов, умелых организаторов и руководителей науки. Это подтверждает отзыв академиков И.И.Мешанинова и И.А.Орбели о Маторине, написанный еще 8 июня 1929 г.: «Николай Михайлович провел ряд интересных исследований по прослеживанию хозяйственной подосновы в сохранившихся культурных обрядах, свидетельствующих о последовательной смене хозяйственных структур. Николай Михайлович уже участвует в работе Академии, принимая деятельное участие в занятиях секции генетики культуры. Зная отзыв Н.Я.Марра о работах Н.М.Маторина, мы в полной мере поддерживаем кандидатуру его на избрание научным сотрудником I категории, к каковой он вполне подходит по своей научной квалификации, каковую может занять с большой пользой для проведения плановых работ Академии»¹⁶¹. Напомним, что этот отзыв написан еще до появления ряда крупных работ Маторина, которые, как мы отмечали выше, не потеряли своего значения и поныне¹⁶². Об этом говорит и факт повторного издания некоторых его статей. Так, в 1974 г. в тематическом сборнике была вновь опубликована его статья «К вопросу об идеологии скопчества»¹⁶³, готовится к переизданию работа его ученика Н.Н.Волкова на аналогичную тему.

В течение короткого времени Маторин создал целое направление в советской этнографии, связанное с изучением сектантст-

ва, народных верований, деятельно способствовал росту новых исследователей по этой проблеме. Недавно в архиве МАЭ мне довелось познакомиться с «Биографическими заметками» одного из ведущих советских кавказоведов Л.И.Лаврова, в которых он тепло вспоминает о содействии, оказанном ему Николаем Михайловичем: «Маторин покровительствовал всем, кого интересовали народные верования. После его ареста эта тема надолго оказалась забытой, так как научные работники боялись, что их заподозрят в былых связях с "врагом народа"»¹⁶⁴. Данью уважения памяти Маторина было бы издание тома избранных трудов этого яркого, самобытного ученого, сказавшего свое слово в науке. В предлагаемой книге могли бы быть собраны и воспоминания о Николае Михайловиче его современников и учеников.

Маторин в сложное, трудное время возглавлял этнографическую науку в Ленинграде и играл заметную роль во всесоюзном масштабе, ибо в те годы центр этнографии в системе АН СССР находился в городе на Неве. Николай Михайлович был одним из активных участников многогранного, противоречивого, но поступательного процесса развития этнографической науки в нашей стране¹⁶⁵. Он погиб, когда ему едва исполнилось 38 лет.

¹ О Н.М.Маторине см.: Те, чье дело мы продолжаем. Николай Михайлович Маторин (1898—1936). — Наука и религия. 1967, № 7, с. 15; *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии (к 70-летию со дня рождения). — Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М., 1969, с. 366—386; *Решетов А.М.* Н.М.Маторин — педагог, организатор науки, исследователь (к 90-летию со дня рождения). — Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985—1987 гг. Тезисы докладов научной сессии. Л., 1989, с. 23—25; *он же.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера: этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4, с. 213—216; *он же.* Николай Михайлович Маторин (опыт портрета в контексте времени). — ЭО. 1994, № 3, с. 132—154; *он же.* Вступительная статья к публикации: *Маторин Н.М.* Письмо к доктору Андрэ Вараньяку. — Курьер Петровской Кунсткамеры, 1999. Вып. 8—9, с. 201—202; *Reshetov A.M.* Matorin N.M. — International Dictionary of Anthropologists. General editor Ch.Winters. N.Y.—L., 1991, p. 460.

² В этой связи мне хотелось бы напомнить точку зрения М.И.Ростовцева, высказанную им в письме Н.Я.Марру от 12 апреля 1921 г. из Чикаго: «Какое право я имею кого-либо судить, а тем паче осуждать за глаза, живя в других условиях и не перенося того, что они переносят? Никогда этого не делал и не собираюсь делать <...> Жизнь эмигранта не сладка, но я предпочитаю эту жизнь. Что бы я делал, если бы остался в России, не знаю, не могу судить. По всей вероятности, то же, что делали Вы» (Скифский роман. Под общей ред. акад. РАН Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997, с. 414).

³ Николай был старшим в семье, после него родились Наталия — 1900 г., Зинаида — 1902 г., Нина — 1904 г., Роман — 1906 г., Михаил — 1908 г., Дмитрий — 1910 г. О семье Маториных см.: *Маторин Д.М.* От «Шпалерки» до Магадана. — Спортивная жизнь России. 1989, № 5, с. 40—43.

⁴ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8. Особенно выделял Н.М.Маторин лекции акад. Б.А.Тураева по истории Древнего Востока.

⁵ Подробнее см.: ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851 и 6306.

⁶ О Г.Е.Зиновьеве в этот период см.: История КПСС. Изд. пятое, дополненное. М., 1977, с. 349—352; *Лисочкин И.* Революционер, теоретик, публицист. — Ленинградская правда. 21.VI.1988, с. 2; *Васецкий Н.А.* Г.Е.Зиновьев (страницы политической биографии). М., 1989.

⁷ Благодарю С.Н.Маторину за предоставление этих сведений.

⁸ В 1916 г. Н.М.Маторин поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета и проучился на нем всего один год. Сам Маторин в анкетах при заполнении графы об образовании писал «Незаконченное высшее, историко-филологический факультет ЛГУ» (ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 1; д. 6306, л. 1).

⁹ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁰ Там же, л. 1. С этого же года Н.М.Маторин вел стаж своей научной работы по этнографии и состоял членом профсоюза работников просвещения с 29 октября 1924 г., хотя членом профсоюза он стал в 1918 г. См.: ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 6306, л. 1; д. 2851, л. 1; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 1—2.

¹¹ Подробнее см.: Список основных работ Николая Михайловича Маторина. — ЭО. 1994, № 3, с. 154—155. См. также: АИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 420, л. 8.

¹² Там же.

¹³ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г., л. 2. Хранится в архиве автора статьи.

¹⁴ Российский Государственный архив военно-морского флота, ф. 2192, оп. 2, д. 8900, л. 30. Благодарю О.М.Федорову, обратившую мое внимание на этот материал.

¹⁵ Наука и научные работники СССР. Часть VI. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928, с. 248.

¹⁶ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁷ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г. Хранится в архиве автора статьи.

¹⁸ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество—ислам—православие—сектантство. М., 1929. На с. 6 этой книги Н.М.Маторин указал точную дату и места ее создания: «Май—август 1928 г. Казань—Москва». См. также: АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁹ *Толстов С.П.* [Рец. на:] *Маторин Н.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. — Советское краеведение. 1930, № 11—12, с. 50.

²⁰ О состоянии этнографической науки в Казани в этот период см.: *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.— 20-е гг XX в.). Казань, 1998.

²¹ О работе Н.М.Маторина в вузах Ленинграда в 1928—1935 гг. подробнее см.: АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033.

²² На этом факультете соответствующие лекции читали преподаватели этнографического отделения.

²³ Первобытное общество. Сб. статей. М., 1932. 255 с.

²⁴ *Miller M.* Archaeology in the USSR. — Praeger Publications in Russian History and World Communism, № 25. N.Y., 1956, p. 91, 186.

²⁵ См., например: Географическое общество за 125 лет. Л., 1970.

²⁶ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 2.

²⁷ Там же, л. 6, 8, 12. В Европейский отдел входили Русский, Украинский, Белорусский, Средневолжский секторы.

²⁸ *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии.

²⁹ См., например: Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов. I. Л., 1931; *Данилин А.* Группа по изучению быта колхозов. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 161—162.

³⁰ Там же, ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 11.

³¹ *Тамми В.С.* Новое изучение карел. — СЭ. 1931, № 3—4, с. 226; ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 14.

³² *Золотарев Д.А.* Вопросы изучения быта деревни СССР. — Этнография. 1926, № 1—2, с. 45.

³³ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 15. Одновременно с Маториным директором Института востоковедения АН СССР был избран акад. С.Ф.Ольденбург, директором Института новой русской литературы — акад. А.В.Луначарский, директором Института по изучению народов — акад. Н.Я.Марр, Председателем комиссии по изучению украинской истории — акад. М.С.Грушевский. Достоянные лица и достойная компания!

³⁴ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933, с. 204.

³⁵ Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934, с. 213.

³⁶ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933, с. 207.

³⁷ Ethnographie, folklore et archéologie en URSS. Recueil périodique Illustré. Organ de la Société pour relations culturelles entre l'URSS et l'étranger. 4 année. Vol. IV. М., 1933.

³⁸ Об этом см.: *Всеволодский В.* Открывается этнографический театр. — Смeна. 17.X.1934; *Андреева Т.И., Сомова О.В.* Забытый эксперимент (Из истории этнографического театра). — СЭ. 1985, № 2, с. 83—90; Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н.Всеволодским-Гернгроссом, В.С.Ковалевой и Е.И.Степановой. С введ. В.Н.Всеволодского-Гернгросса и предисл. Н.М.Материна. М.—Л., 1933.

³⁹ Подробнее см.: К организации Музея истории религии Всесоюзной Академии наук. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 171—172.

⁴⁰ *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 246.

⁴¹ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 20.

⁴² Вестник АН СССР. 1933, № 5, с. 56.

⁴³ Подробнее см.: Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т I—II. М., 1931. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 10 (Маторин был членом Оргкомитета по созыву этого съезда).

⁴⁴ Труды, т. I. Протоколы пленарных заседаний 1—5 декабря 1930 г., с. 22, 23

⁴⁵ Там же, с. 162.

⁴⁶ Там же, с. 201—202.

⁴⁷ Труды, т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г., с. 129—133.

⁴⁸ Там же, с. 133.

⁴⁹ Подробнее см.: Труды, т. I, с. 222—226.

⁵⁰ Там же, с. 226.

⁵¹ См.: *Алымов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути. — Наст. изд., с. 253.

⁵² *Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа). — СЭ. 1976, № 4, с. 91.

⁵³ *Периц А.И., Чебоксаров Н.Н.* 50 лет журнала «Советская этнография». — Там же, с. 4.

⁵⁴ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л., 1978, с. 181, 198; *Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 30-х годов, с. 90—92.

⁵⁵ Уральская советская энциклопедия. Т. 1. Свердловск—Москва, 1933; СЭ. 1932, № 5—6, с. 209.

⁵⁶ Список основных работ Николая Михайловича Маторина см. в примеч. 11.

⁵⁷ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931, № 1–2, с. 3–38.

⁵⁸ Подробнее см.: *Сукоркин И.* Этнографическая секция Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии. — СЭ. 1931, № 1–2, с. 155.

⁵⁹ Подробнее см.: АМАЭ, ф. К I, оп. 3, № 7; *Соколов Б.М.* Построение и деятельность советских этнографических музеев. — Этнография. 1929, № 2, с. 131–139; Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. — СЭ. 1932, № 3, с. 3–14; Труды Первого всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.) Л., 1934; АРГО, ф. 1–1933, оп. 1, № 5.

⁶⁰ Я.К[ошкин] и Н.М[аторин]. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы. 5/IV–11/IV 1929 г. (Хроника). — Этнография. 1929, № 2, с. 110.

⁶¹ Там же, с. 110.

⁶² См.: Тезисы доклада В.Б.Аптекаря «Марксизм и этнология». — Этнография. 1929, № 2, с. 115–116.

⁶³ *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 109. Там же сообщается, что В.Б.Аптекарь являлся неформальным лидером ячейки содействия обществу историков-марксистов при 1-м МГУ; по мнению Т.Д.Соловей, члены этой ячейки — «молодые интеллектуалы».

⁶⁴ Я.К[ошкин] и Н.М[аторин]. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы, с. 112.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 2, оп. 1 (1931), д. 5, л. 244.

⁶⁷ Американский историк науки Н.Найт задается вопросом, не был ли Н.М.Маторин «негодяем, заслужившим свою участь» (*Night N.* «Salvage Biography» and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. — *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Spring 2000. Bloomington, Indiana. Vol. 1, № 2, p. 374). Категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Историк не судья и не прокурор, а беспристрастный исследователь происшедших событий. Даже о В.Б.Аптекаре так не должен ставиться вопрос: в действиях этнографов 30-х годов я не вижу «враждебных вылазок», которыми полагалось заниматься карательным органам, но им свойственны были ошибки, заблуждения, они нередко вынуждены были идти на компромиссы. Не могу согласиться и с Т.Д.Соловей, преувеличившей роль Маторина в «коренном переломе», который пережила советская этнофафия в конце 20-х—начале 30-х годов, и тенденциозно интерпретировавшей некоторые его высказывания. См.: *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: история отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998, с. 165–169; она же. «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 116–117.

⁶⁸ *Берг Л.С.* Предмет и задачи геофафии. — Известия ИРГО. 1915, т. 51, вып. 9, с. 463.

⁶⁹ *Хотинский Б.С.* XVI съезд партии и наши задачи. — Этнография. 1930, № 4, с. 7–8.

⁷⁰ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 19. Обращаю внимание на неточное цитирование в статье Т.Д.Соловей приведенных нами суждений Маторина: *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 116.

⁷¹ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 20. Кстати, он здесь перечисляет тот круг вопросов, которыми непосредственно занимался сам в те годы.

- ⁷² Там же, с. 20.
- ⁷³ Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (По докладом С.Н.Быковского и Н.М.Маторина об археологии и этнографии). — СЭ. 1932, № 3, с. 14.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же, с. 20.
- ⁷⁶ От редакции. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 1.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 112.
- ⁷⁹ О Н.И.Бухарине см.: *Козн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988.
- ⁸⁰ Благодарю заведующую сектором истории РАН Института истории естествознания и техники РАН кандидата исторических наук Г.И.Смагину за эти сведения.
- ⁸¹ Ученик Маторина проф. А.И.Клибанов называет его «видным деятелем советской этнографической науки и научного атеизма». См.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 32.
- ⁸² Даже после реабилитации имя Маторина не упоминалось в литературе, в том числе специальной. См., например: По этапам развития атеизма в СССР. Сб. статей. Л., 1965.
- ⁸³ Первобытное общество. Сб. статей.
- ⁸⁴ *Невский А.А.* Опыт работы по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма в 20—30-х годах XX в. в Ленинграде. — Архив Музея истории религии и атеизма, ф. 36, оп. 2, д. 2, л. 1.
- ⁸⁵ Подробнее о работе группы см.: *Невский А.А.* Работа группы по изучению истории культов Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). — СЭ. 1931, № 1—2, с. 169—171.
- ⁸⁶ *Невский А.А.* Опыт работы по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма, л. 2.
- ⁸⁷ *Невский А.А.* Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии АН СССР. — СЭ. 1934, № 3, с. 106—107. Летом 1930 г. на Нижнюю Волгу была отправлена экспедиция для изучения сектантства (начальник Н.М.Маторин, заместитель А.М.Покровский). Изучая быт и деятельность представителей разных сект, экспедиция сняла документальный фильм о жизни сектантских общин. Об этом см.: *Терской А.* У сектантов. Путевые заметки. М., 1965, с. 5—55.
- ⁸⁸ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края...
- ⁸⁹ С любовью к родной природе. Священное дерево. — За рубежом. 1989, № 48, с. 21.
- ⁹⁰ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края..., с. 105.
- ⁹¹ См.: ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 2, д. 1088, л. 42.
- ⁹² См.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 380.
- ⁹³ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. 10. М., 1962, с. 250—251.
- ⁹⁴ *Маторин Н.М.* Православный культ и производство. М.—Л., 1931, см. также: *Маторин Н.М.* Православие как производственный культ. — Антирелигиозник. 1929, № 5, с. 20—25; № 7, с. 76—85; № 8, с. 54—62; *Маторин Н.М.* и *Невский А.А.* Программа для изучения бытового православия (Программа-инструкция для краеведов). Л., 1930; *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе. Пятница — Богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931.
- ⁹⁵ Это позднее подтвердят и исследования В.И.Чичерова: «Крестьяне в своем обрядовом обиходе прочно и долго (дольше, чем господствующие классы) сохраняли элементы культа мертвых и верования, возникшие в связи с представлениями об умирающей и воскресающей природе. Для бытового православия

была характерна потеря любым христианским образом, любой христианской легендой, при проникновении их в среду крестьянства, отвлеченного церковного характера. Легенды и образы христианской церкви низводились на землю, применялись к волнующей теме труда, земной, а не загробной жизни» (*Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. — ТИЭ. Нов. сер., т. XL. М., 1957, с. 38).

⁹⁶ Анализ работы Н.М.Маторина «Женское божество в православном культе» подробнее см.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 372—376.

⁹⁷ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе, с. 13—16.

⁹⁸ Там же, с. 127.

⁹⁹ Это отнюдь не противоречит тому, что ряд положений данной работы являются дискуссионными или устарели. См.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 376.

¹⁰⁰ *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря, с. 42.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Живые святые. — Антирелигиозник. 1934, № 4, с. 17—24.

¹⁰² *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 377. Сам Маторин свидетельствует: «Подготавливаю к печати большую работу о православии с этнографической точки зрения ("Православное язычество")». — АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 9.

¹⁰³ *Маторин Н.М.* К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма. — Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с. 339.

¹⁰⁴ Там же, с. 341.

¹⁰⁵ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Изучение корней религиозности и задачи антирелигиозной работы. — Воинствующий атеизм. 1931, № 4, с. 20—28.

¹⁰⁶ Подробнее о его работе на поприще антирелигиозной пропаганды см.: *Дунаевский Л.* Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет. — Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932, с. 441—461; *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 367; *Алексеев В.А.* «Если враг не сдастся». — Атеистические чтения. Вып. 20. М., 1991, с. 24; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 31.

¹⁰⁷ См., например: *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 10.

¹⁰⁸ *Дунаевский Л.* Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет, с. 445.

¹⁰⁹ См., например: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России; *он же.* Религиозное сектантство и современность. М., 1969; *он же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1974; Критика религиозного сектантства. Ред. А.И.Клибанов. М., 1974.

¹¹⁰ *Маторин Н.М.* Волга и Дон (Из сталинградских впечатлений). Л., 1925, с. 45.

¹¹¹ Там же, с. 30.

¹¹² Там же, с. 31.

¹¹³ См., например: *Фомин В.* Казачий круг приветствуют «День» и «Молодая гвардия». — Литературная газета. 4.XII.1991.

¹¹⁴ А.Н[икифоров]. Первое совещание писателей и фольклористов. — СЭ. 1934, № 1—2, с. 204—206.

¹¹⁵ Конференция по фольклору. — Там же, с. 208—209.

¹¹⁶ *Лозанова А.* Работа по фольклору в Институте языка и мышления АН СССР. — Там же, с. 209.

¹¹⁷ *Маторин Н.М.* С.Ф.Ольденбург как этнограф. — СЭ. 1934, № 1—2, с. 3—5; 50-летие научной деятельности акад. С.Ф.Ольденбурга. — За социалистическую науку. 25.11.1933 г.

¹¹⁸ *Маторин Н.М.* Ученый-общественник Борис Матвеевич Соколов. — Сообщения ГАИМК. 1931, № 1, с. 30—32. Совместно с Ю.М.Соколовым он подготовил работу Б.М.Соколова «Русский фольклор». См.: *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Вып. IV. Частушки, мещанские и блатные песни, фабрично-заводской и крестьянский фольклор. Отв. ред. Н.М.Маторин. М., 1932.

¹¹⁹ См., в частности: *Маторин Н.М.* Н.Я.Март и историческая наука (к 45-летию творческой деятельности). — СЭ. 1933, № 5—6, с. 3—13.

¹²⁰ Из писем М.К.Азадовского (1912—1941). Публикация Л.В.Азадовской. — Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 231—232.

¹²¹ *Быковский С.Н.* Автобиография. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 4683, л. 28. В свою очередь, более или менее близкие отношения с Маториным вменялись в вину его ученикам. А.И.Клибанов рассказывал мне, что одним из вводов к его аресту было предисловие Николая Михайловича к его книге. Л.П.Потапов выразил благодарность Маторину как своему бывшему научному руководителю во время прохождения аспирантуры (*Потапов Л.П.* Очерки истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933, с. 12), за что в дальнейшем неоднократно подвергался критике за утрату политической бдительности.

¹²² ПФ АРАН, ф. 849, оп. 2, д. 195, л. 1.

¹²³ *Данилин А.* Секция этнографов Всесоюзного географического съезда. — СЭ. 1933, № 2, с. 114.

¹²⁴ Там же, с. 113.

¹²⁵ Вестник АН СССР. 1933, № 2, с. 44.

¹²⁶ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи, с. 206—210.

¹²⁷ Приезжавший в начале 1933 г. в Ленинград на юбилей акад. С.Ф.Ольденбурга директор Индийского института в Париже проф. Сильвен Леви на встрече с востоковедами города предложил установить постоянную и теснейшую связь с французскими востоковедами и был приятно удивлен, узнав из выступления Н.М.Маторина, что в МАЭ работают три американских этнографа и вскоре для работы приезжает индеец. См.: Красная вечерняя газета. 4.11.1933.

¹²⁸ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 38.

¹²⁹ Эта серия «Трудов» Института прожила долгую и яркую жизнь. За период 1934—1937 гг. были опубликованы 15 томов в 19 выпусках. Как настоящий боец, она в этих сложнейших условиях выстояла, но понесла и существенные потери: целый ряд объявленных томов и выпусков не вышли из печати. В 1947 г. стали выходить «Труды Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия», и за 1947—1991 гг. было опубликовано 116 томов по самым различным вопросам этнографии, фольклористики, антропологии народов СССР и народов мира. Серия объединяла не одно поколение ученых Института. Подчеркну, что у истоков этого начинания стоял Н.М.Маторин.

¹³⁰ *Маторин Н.М.* Письмо к доктору Андрэ Вараньяку. Вступит. ст., подготовка текста и примеч. А.М.Решетова. — Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8—9, с. 201—213.

¹³¹ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 2 (1933), д. 2, л. 201.

¹³² Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — советский языковед и археолог. В 1907 г. закончил Петербургский университет. Преподаватель, профессор университета. Действительный член ГАИМК, заведующий сектором Государственного Эрмитажа. Академик АН СССР (1932). Директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1934—1937), Института языка и мышления АН СССР (1935—1950), академик-секретарь Отделения литературы и языка

АН СССР (1934—1950). Лауреат Сталинской премии (1943). Герой Социалистического труда (1945).

¹³³ Об А.А.Бусыгине см.: *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин (Опыт портрета в контексте времени), с. 152—153.

¹³⁴ Институт антропологии и этнографии. — Отчет АН СССР за 1934 г. М.—Л., 1935, с. 385—388.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ По отчету Института за 1934 г. эти тома значились как находящиеся в печати, см. там же, с. 392.

¹³⁷ В 1936 г. вышел очередной, № 2—3, сборник «Советский фольклор» под редакцией М.К.Азадовского. В этом томе имя Маторина уже не указывалось по понятным причинам.

¹³⁸ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 56.

¹³⁹ Объявление содержания журнала «Советская этнография», № 6. — СЭ. 1934, № 5. Номер 6 был задержан и сдан в набор только 13 января 1935 г., т.е. уже после ареста Маторина.

¹⁴⁰ *Мануйлова Л.Н., Шахнович М.И.* Научное совещание Музея истории религии в Академии наук СССР. — СЭ. 1935, № 2, с. 158—160.

¹⁴¹ *Лисочкин И.* Революционер, теоретик, публицист.

¹⁴² Об этом см.: В Обкоме КПСС. В партии восстановлены. — Диалог. Л., 1989, август, № 23, с. 29.

¹⁴³ *Маторин Н.М.* Записные книжки. Благодаря С.Н.Маторину — дочь ученого, познакомившую меня с «Записными книжками» за 1935—1936 гг., предоставив в мое распоряжение их копии.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 59.

¹⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 47.

¹⁴⁷ В Обкоме КПСС..., с. 29.

¹⁴⁸ *Маторин Н.М.* Записные книжки 1935—1936 гг., л. 1.

¹⁴⁹ В последние годы свободной жизни в Ленинграде Л.П.Маторина возглавляла журнал «Работница и крестьянка» и как его руководитель оказывала возможную помощь всем, кто к ней обращался. Так, популярная в свое время писательница Л.А.Чарская тепло отзывалась о Л.П.Маториной после встречи с ней: «Удивительно обаятельный человек». Поэтесса Е.Г.Полонская однажды рассказала ей о горестях и нищете Л.А.Чарской, и Л.П.Маторина вызвалась помочь ей и выхлопотать ей пенсию. И действительно, Л.А.Чарской дали пенсию «за литературные заслуги в дореволюционное время». (Об этом см.: *Полонская Е.* Из литературных воспоминаний. — Час пик, № 27 (237). 21.IX.1994, с. 15). Л.П.Маторина умерла в Ташкенте 26 июля 1968 г. Реабилитирована в 1958 г. 20 июня 1989 г. решением Обкома КПСС она по ходатайству дочери, Светланы Николаевны (1928 г. рождения), восстановлена в КПСС.

¹⁵⁰ Подробнее см.: Записные книжки 1935—1936 гг.

¹⁵¹ Не исключено, что он предполагал после освобождения из лагеря обосноваться в Казани: здесь он намеревался читать курс лекций по этнографии.

¹⁵² *Маторин Н.М.* Программа для собирания этнографических и фольклорных материалов. — ЭО. 1994, № 3, с. 155—158.

¹⁵³ Благодаря С.Н.Маторину, предоставившую в мое распоряжение копии стихотворений Н.М.Маторина, хранящихся у нее в архиве.

¹⁵⁴ Ранее сделанные записи Николай Михайлович успел в Ташкенте передать жене, у которой они и сохранились.

¹⁵⁵ *Конквест Р.* Большой террор. — Нева. 1989, № 11, с. 120.

¹⁵⁶ См.: В Обкоме КПСС..., с. 29; Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г. (хранится в архиве автора).

¹⁵⁷ К сожалению, места захоронений жертв репрессий до июля 1937 г. в Ленинграде пока не установлены.

¹⁵⁸ В связи с реабилитацией Маторина семья получила из Ленинградского ЗАГСа свидетельство о смерти Николая Михайловича 29 февраля 1940 г. Эта дата опубликована мною (*Решетов А.М.* Н.М.Маторин — педагог, организатор науки, исследователь, с. 25). В первый период реабилитации, начавшейся после XX съезда КПСС, даты кончины репрессированных устанавливались произвольно, «разбрасывались» по разным годам, чтобы они не концентрировались в конце 30-х годов, особенно в 1936—1937 г. Для сравнения см.: *Игумен Андроник (Трубачев), Флоренский П.В.* Из истории русской философской мысли. Павел Александрович Флоренский. — Литературная газета. 30.XI.1988. Теперь мы знаем точную дату гибели Маторина — 11 октября 1936 г.

¹⁵⁹ В Обкоме КПСС..., с. 30.

¹⁶⁰ См., например: *Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С.* О методах вредительства в археологии и этнографии. — Историк-марксист. 1937, кн. 2, с. 78—91; О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий. — Советская археология. 1937, № 3, с. V—X. Некоторые коллеги Маторина выступали с критикой его как «врага народа», тем самым пытаясь отмежеваться от него во избежание неприятностей. Другие отрекались от него, уже попав в тяжелую ситуацию. Так, сотрудница МАЭ, сибиревед и индонезист Л.Э.Каруновская, после ареста мужа В.А.Чатопадай и увольнения ее с работы писала в 1937 г. в своем обращении в партийный комитет: «Маторина, которого при назначении директором МАЭ мы все понимали как проводника твердой партийной линии, я довольно скоро разглядела. Его содружество с реакционными элементами музея (под флагом "консолидации сил" научных работников), вылившееся в полное подчинение им, в потерю партийного лица, было мне совершенно ясно, он это чувствовал, поэтому в последние годы к числу <моих> недоброжелателей присоединился и директор его, номинально коммунист, проглядевший срыв роста кадров в нашем Институте» (АМАЭ, ф. 15, оп. 2, д. 17, л. 20). Это письмо Л.Э.Каруновской содержит то объяснение причин снятия Маторина с должности директора Института, которое тогда циркулировало среди его сотрудников. Попытки сказать правду о Маторине пресекались даже в первые годы после его реабилитации. См., например, письмо А.В.Арциховского и С.П.Толстова в Отделение истории АН СССР от 27 ноября 1962 г. (АРАН, ф. 142, оп. 10, д. 156, л. 1—2). Первая статья о Маторине была опубликована только в 1969 г.

¹⁶¹ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 10.

¹⁶² Подробнее см.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России; *Носова Г.А.* Язычество в православии. М., 1975; *Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977; *Тулцева Л.А.* Традиционные верования, праздники и обряды русского крестьянства. М., 1990.

¹⁶³ *Маторин Н.М.* К вопросу об идеологии скопчества. — Критика религиозного сектантства, с. 178—182.

¹⁶⁴ *Лавров Л.И.* Биографические заметки. — АМАЭ, ф. 25, оп. 1, д. 93, л. 91.

¹⁶⁵ См., в частности: *Зеленин Д.К.* Обзор советской этнографической литературы за 15 лет. — СЭ. 1932, № 5—6, с. 234—267.

О.Ю.Артемова

*А.М.Золотарев:
трагедия советского ученого*

Александр Михайлович Золотарев родился в 1907 г. и трагически погиб в 1943-м. Он прожил короткую, но чрезвычайно насыщенную трудами и событиями жизнь. Прекрасное образование (политэкономическое, историческое, этнологическое и археологическое), которым он был обязан главным образом самому себе, недюжинное исследовательское дарование, исключительная работоспособность и страстное трудолюбие, энтузиазм молодости и смелая готовность браться за решение самых разнообразных научных задач, а также за изучение фактического материала необычайно широкого спектра, склонность к научным спорам и настойчивый полемический задор, увлеченность преподавателя и неутомимость собирателя полевых данных — все это сделало его одной из самых ярких фигур предвоенной отечественной этнологии, особенно той ее отрасли, которая называлась историей первобытного общества.

Ему довелось активно работать немногим более десяти лет. Он начал публиковаться в 1928 г. А в июле 1941 г. — ему было всего 34 года — ушел на фронт. Тогда его научная деятельность оборвалась навсегда. В октябре 1941 г. он оказался в плену. Потом героически бежал, добрался до своих и успел написать воспоминания о 35 днях фашистского плена. И вскоре — за отвагу и самоотверженность, как и великое множество его соотечественников, которым выпала горькая доля побывать в плену у немцев, — А.М.Золотарев был заключен в сталинский лагерь строгого режима, где и погиб.

Но сколько же он успел сделать! Первая его публикация вышла, когда ему был 21 год¹. В 24 года он опубликовал первую монографию. Она была небольшая. Но на какую тему? «Происхождение экзогамии»². И до него и после корифеи этнологии объявляли эту проблему неразрешимой.

К 1941 г. было опубликовано около двадцати статей, более десятка рецензий, три небольшие книги, а также одна объемная и, наконец, была готова докторская диссертация (около 30 а. л.). Помимо того, в его личном архиве осталось не менее десяти законченных или почти законченных работ, статьи внушительных размеров и одна монография (листов 10—12)³, а также немало заготовок для задуманного на будущее и масса конспектов трудов иностранных и отечественных коллег. При этом разброс тем таков: от каменных орудий австралийских аборигенов до религии ульчей, от этногенеза народов «Амеразии» до общественного строя античной Спарты, от пережитков матриархата в Сибири до пережитков родового строя в Древнем Египте, от происхождения оленеводства до происхождения дуальной организации, от тотемизма в Америке до близнечного культа в Полинезии и т.п.

Далее, в течение тех же десяти лет А.М.Золотарев совершил несколько этнографических и археологических экспедиций. Параллельно он интенсивно преподавал в ряде высших учебных заведений Москвы и Ленинграда. Читал лекции по этнографии народов мира и народов СССР, вел спецкурсы и «семинарии» по этнографии Австралии, Океании, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Америки и еще — по общим проблемам изучения систем родства и первобытной религии. О степени тщательности подготовки к этим занятиям свидетельствуют многочисленные исписанные аккуратным мелким почерком тетради с полными текстами лекций и подробными планами семинаров, сохранившиеся в его личном архиве.

В этот перечень дел и трудов входит еще и активнейшее участие во всяческих научных заседаниях, встречах и конференциях, которых было множество.

При такой одаренности и такой почти неправдоподобной интенсивности работы общий вклад А.М.Золотарева в развитие отечественной науки и гуманитарного знания — прежде всего в изучение ранних форм социальной эволюции и в этнологическую теорию в целом — не мог не быть чрезвычайно весомым. Не восхищаться тем, что Александр Михайлович сумел сделать за столь малые сроки, нельзя, но и оценить однозначно невозможно. Чтобы это понять, следует собрать воедино все имеющиеся биографические сведения о нем, а также совершить небольшой экскурс в историю развития этнологической науки.

* * *

О жизни А.М.Золотарева известно немного. Это в основном необширные воспоминания его сына — Дмитрия Александровича Золотарева. Ему было всего 11 лет, когда он расстался с отцом

навсегда. Любезно согласившись встретиться, Д.А.Золотарев поделился со мной тем, что сохранилось в его памяти, а также показал мне семейный фотоальбом и предоставил фотографии для этой публикации.

Существуют, кроме того, две стандартные автобиографии, которые сам А.М.Золотарев писал при поступлении в государственные учреждения⁴, его краткие служебные отчеты, а также многочисленные документы отдела кадров в Архиве Института истории материальной культуры (АИИМК)⁵. Наконец, некоторые сведения удалось почерпнуть из отрывочных устных воспоминаний коллег.

Александр Михайлович родился 1 июня 1907 г. По словам сына, это произошло в Елисаветграде (впоследствии Кировограде), по автобиографиям — в Харькове. Верно первое: в Харькове он получал паспорт и по какой-то неясной причине этот город был указан как место рождения. А.М.Золотарев воспитывался в семье интеллигентных родителей — Михаила Осиповича Золотарева и Генриетты Яковлевны Золотаревой (урожденной Гаркави). Отец его был инженером, до революции работал на различных заводах Харькова, Николаева, Москвы и Петербурга, после революции — в различных советских учреждениях в Кировограде, Харькове и Москве. Мать не работала, она происходила из семьи людей образованных и имевших широкие гуманитарные интересы. Родственные узы связывали ее с семьями Ю.Тынянова и И.Эренбурга.

Начал учиться Золотарев в Харькове еще в гимназии — в подготовительном и в первом классах, продолжал обучение в семилетней трудовой школе. В конце 1921 г. семья переехала в Москву, где он в 1924 г. окончил девятилетку. В 1926 г. А.М.Золотарев поступил на технологический факультет Института народного хозяйства имени Плеханова. Затем перешел на экономический факультет того же института. Усердно, по его собственным словам, занимаясь политэкономией и философией⁶, он увлекся историей первобытной культуры⁷. Это потребовало усиленного изучения этнографии и археологии. На четвертом курсе Александр Михайлович оставил Институт имени Плеханова. Высокого профессионализма в области изучения древнейших и бесписьменных культур он достиг в первую очередь путем самообразования. Очевидно, благодаря еще не устоявшимся правилам послереволюционной научной жизни ему удалось в 1930 г. поступить по конкурсу в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. В качестве вступительной работы им было представлено на конкурс упоминавшееся уже «Происхождение экзогамии», которое вскоре было опубликовано в «Известиях ГАИМК».

В 1930—1932 г. Золотарев жил в Ленинграде, учась в аспирантуре. Работал над проблемами ранней эволюции человеческого общества, участвовал в этнографических и археологических экспедициях — в 1930 г. в Волжской палеолитической, в 1931 г. в Амурской этнографической — и преподавал на правах ассистента в Ленинградском институте философии, литературы и истории (ЛИФЛИ). Закончив аспирантуру, переехал в 1932 г. в Москву. Работал в Институте антропологии МГУ, затем — сверхштатным сотрудником в ГАИМК — как сказано в официальных архивных документах, «по доклассовому сектору совместно с В.К.Никольским и В.И.Эдинг»⁸. Согласно тем же документам, 8 октября 1937 г. Золотарев был «освобожден от службы в ГАИМК». Причина не указана⁹. После этого он работал «штатным доцентом» в Московском областном педагогическом институте, в марте 1939 г. был снова зачислен в московское отделение ГАИМК, преобразованной к тому времени в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК)¹⁰. По устным сообщениям коллег, перед самой войной А.М.Золотарев был штатным преподавателем на кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

Параллельно в разное время Александр Михайлович преподавал в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), в Воронежском педагогическом институте и других учебных заведениях. В 1934, 1936 и 1940 гг. совершил — уже в качестве руководителя — три этнографо-археологические экспедиции: две на Амур и одну в Ханты-Мансийский национальный округ.

А.М.Золотарев был активным членом секции этнографии и археологии при Институте антропологии МГУ, а также научно-исследовательской группы при Комитете Севера (наряду с такими учеными, как М.О.Косвен, М.Г.Левин, С.А.Токарев и др.)¹¹.

Степень кандидата исторических наук была присвоена Золотареву только в марте 1937 г. — в МИФЛИ, без защиты диссертации. Очевидно, там же он получил звание доцента по древней истории¹². Накануне войны Александр Михайлович закончил докторскую диссертацию о дуальной организации и ее отражении в мифологии бесписьменных и древних обществ¹³. Готовился к защите. Имел семью: жену и двух сыновей.

В июле 1941 г., предварительно отправив семью в эвакуацию в Ташкент, Александр Михайлович ушел на фронт, поступив добровольцем в народное ополчение вместе с другими сотрудниками МГУ. После разгрома ополчения наступающими немецкими войсками он продолжал сражаться на подступах к Москве как боец 975-го артиллерийского полка 8-й стрелковой дивизии. 4 октября 1941 г., находясь в окружении, Золотарев попал в плен вместе с группой бойцов этой дивизии¹⁴.

О пребывании А.М.Золотарева в плену мы знаем по его собственным драматическим воспоминаниям, опубликованным в марте 1942 г. в журнале «Смена». Приводим выдержки из этой публикации.

«Тридцать пять дней пробыл я в плену врага. За это время я побывал в трех лагерях для военнопленных: в деревне Стайке, в Ельне и в центральном Смоленском лагере. Мне удалось бежать <...> Восемнадцать дней шел я затем по оккупированной территории, пробираясь глухими дорогами и волчьими тропами к родной Красной Армии. Картины и сцены, свидетелем которых мне пришлось быть, глубоко потрясли меня. Негодование и ненависть, смертельную ненависть к озверелому врагу вызовут они в сердцах каждого человека. То, о чем я здесь рассказываю, истина печальная и страшная <...>

Положение красноармейцев в немецком плену настолько тяжело, что едва ли можно найти в истории подходящую аналогию. Ни римские рабы, ни крепостные не были столь бесправны, как русские бойцы в плену фашистских захватчиков. Быть может, только самые свирепые из пиратов, перевозивших в начале XIX века негров-рабов из Африки в Америку, обращались со своими жертвами так, как фашисты обращаются с красноармейцами <...>».

Голод, страдания и унижения, сцены массовых расстрелов обессиленных советских бойцов... Непреклонное намерение бежать созрело у Золотарева и одного из его товарищей в первые же дни плена. Но осуществить его, находясь в лагере, было невозможно, только при переезде в Оршу, куда военнопленных повезли на центральный распределительный пункт, они сумели ночью «с помощью заранее припасенных напильников и обломка косы бесшумно откинуть крюк, которым снаружи замыкались двери теплушки, и выскочить на ходу <...>».

«В первой же деревне, в которую мы забрели, — продолжает Александр Михайлович, — нас приняли как родных: напоили, накормили, дали одежду, указали, куда надо держать путь, чтобы не наткнуться на немецкий патруль. Восемнадцать суток мы шли по родной земле, занятой врагом. Но ни одной ночи не провели под открытым небом, ни одного дня не были голодны: всюду, несмотря на строжайшие запреты немецкого командования, нам оказывали помощь, давали советы. Чего мы только не насмотрелись за это время!.. Смерть и разрушение царят в местах, где еще совсем недавно жизнь была ключом <...> Но чем свирепее и наглее хозяйничают фашисты на оккупированной земле, тем упорнее становится сопротивление советского народа <...> Земля горит под ногами захватчиков. Скоро она, наша свободная совет-

ская земля, сбросит с себя кошмар фашистского ига <...> Этот желанный час уже близок»¹⁵.

Преданному и мужественному солдату не нашлось места на «свободной советской земле» и до «желанного часа» ему дожить не пришлось. После перехода через линию фронта он был направлен лектором в политчасть 145-го запасного артиллерийского полка, приезжал в Москву, побывал на своей квартире, встречался с сослуживцами и, как уже упоминалось, написал статью для журнала «Смена». Однако 26 февраля 1942 г., незадолго до выхода в свет этой статьи, Александр Михайлович был арестован органами военной контрразведки. Оказалось, что нашлся свидетель, который заявил, что Золотарев, возможно, был завербован немцами. В обвинительном заключении говорилось, что он «является весьма подозрительным в шпионской деятельности в пользу немецкой разведки». 2 сентября 1942 г. Особое совещание при НКВД приговорило его по статье 58—1 «б» УК РСФСР к 10 годам лагерей «за измену родине»¹⁶. Александр Михайлович умер 6 апреля 1943 г. от авитаминоза и общего истощения в лагере, расположенном в Ухте Коми АССР, — за два года до окончания войны. 29 июля 1957 г. военный трибунал Московского военного округа отменил постановление Особого совещания в отношении А.М.Золотарева, дело о нем прекратил «за отсутствием состава преступления» и реабилитировал его посмертно¹⁷.

Ученые старшего поколения рассказывают, что на кафедре этнографии МГУ, руководимой С.П.Толстовым, имелась рукопись конспектов лекций А.М.Золотарева и после войны студенты свободно ею пользовались, что было нетипично для тех времен. Вообще его имя и его труды — в отличие от имен и трудов других репрессированных ученых — не подвергались беспощадным гонениям в сталинскую эпоху, хотя многие из его достижений замалчивались до начала 60-х годов. Его архивами пользовались, его идеи заимствовали, но на него почти не ссылались и не отдавали ему должного в печати. В то же время в «устной традиции», бытовавшей среди отечественных этнологов и археологов, его образ высоко чтился.

* * *

А.М.Золотарев начал интенсивно работать в период жестокого перелома в советской внутривластной обстановке и научной жизни¹⁸. Человеку молодому, талантливому, широко эрудированному и чрезвычайно активному почти невозможно было в тех условиях одновременно реализовать свое дарование, сохранить духовную целостность и уцелеть физически. Его творчество раз-

вивалось на основе дореволюционного нравственного и интеллектуального багажа российской интеллигенции и в то же время на фоне грубого идеологического давления на нее и массовых репрессий. Вместе с тем оно развивалось в эпоху искренних поисков новых идеалов и истин, в эпоху подлинной веры в возможность достижения социальной справедливости. Эти искания и вера в полной мере захватили и Золотарева в его молодые годы. Равно близко коснулись его идеологический прессинг, а также политические гонения, которым подвергались родственники и друзья ученого с конца 20-х годов.

Как и многие другие выходцы из интеллигентных семей, он увлекся идеями, оппозиционными партийной группировке, набравшей силу в стране, и, как многие, был за это преследуем.

На первом курсе Плехановского института он, по его же словам, «вступил в кандидаты РКСМ. Во время партийной дискуссии 1927 г. имел троцкистские колебания и голосовал на комсомольском собрании за резолюцию оппозиции. Через несколько дней подал в Бюро ячейки РКСМ заявление с осуждением троцкизма и признанием своей ошибки. В январе 1928 г. по постановлению XV съезда был исключен из кандидатов РКСМ»¹⁹.

После этого ни в комсомоле, ни в компартии Золотарев никогда не состоял. Однако во всех своих публикациях он подчеркнуто выражал преданность идеалам коммунизма, марксистской научной методологии и другим установкам, предписываемым советскому ученому, что тем не менее, как мы убедимся далее, не уберегло его от суровых идеологических нападок особенно рьяных коллег — этнографов и историков.

Советской этнологии (в той ее части, которая была связана с изучением ранних этапов социальной эволюции) досталось солидное наследство от дооктябрьской эпохи. Первобытной историей интересовались и ее разрабатывали крупнейшие русские ученые, блестяще образованные, свободно читавшие научную литературу как минимум на трех европейских языках, сотрудничавшие лично во время длительных периодов работы за границей с иностранными учеными, ведущие с ними обширную переписку, выписывавшие в Россию множество зарубежных изданий и регулярно следившие за событиями современной им международной научной жизни, а также научными дискуссиями за рубежом.

Именно стремлением быть в курсе всех идейных направлений мировой этнологии и шагать с ней в ногу объясняется то странное, казалось бы, обстоятельство, что русские этнографы, практически лишенные возможности вести полевые исследования среди аборигенов Австралии, индейцев Америки, африканских,

южноазиатских, океанийских и других «экзотических» народов, уделяли им огромное внимание, пользуясь чужими материалами — литературными источниками. Дело в том, что австралийские, американские, африканские и тому подобные этнографические данные служили и продолжают служить почвой для теоретических построений, касающихся ранних этапов социальной эволюции, а также для сближения с западной наукой. Ведь она развивалась в первую очередь на этих материалах, и никакое взаимодействие, никакая теоретическая полемика с ней невозможны без анализа тех конкретных этнографических данных, которыми она питалась и питается. Именно поэтому в предшествующий Октябрьской революции период развития русской этнологии не существовало не только барьера, но даже сколько-нибудь заметной границы между нею и западной этнологией (социальной/культурной антропологией).

Большинство российских этнологов с воодушевлением восприняло американский и английский эволюционизм и работало в этом русле. Вместе с тем, как и в западной науке, в русской этнологии к концу XIX—началу XX столетия среди некоторых специалистов стало развиваться весьма скептическое отношение к эволюционистским схемам. Особенно отчетливо оно выразилось в исследованиях А.Н.Максимова. В первую очередь, именно благодаря ему накануне Октября в российской этнологической печати нашли отражение теоретические представления о ранних этапах социальной эволюции, соответствовавшие передовым рубежам международного знания. И было еще одно крайне важное обстоятельство: существовала устойчивая традиция серьезной и объективной критики исследований отечественных и иностранных коллег. Так, каждый номер дореволюционного «Этнографического обозрения» имел специальный раздел «Критика и библиография», содержащий от 13 до 20 рецензий и занимавший половину или более объема журнала (весьма солидного). Неблагодарным, «черновым» — кропотливым, но дающим мало «пищи для личного честолюбия», — трудом по изложению и разбору чужих взглядов регулярно занимались Д.К.Зеленин, А.Н.Максимов, В.Ф.Миллер, Н.Ф.Сумцов, В.Н. и Н.Н.Харузины и другие выдающиеся исследователи.

После революции в советской этнологии была декларирована задача разработки марксистских методов исследования, которая с особой интенсивностью реализовалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызвавших специфический интерес у основоположников марксизма. При этом вследствие того особого влияния, которое оказали на К.Маркса и Ф.Энгельса Л.Морган и некоторые другие представители эволю-

ционистского направления в этнографии, советский «этнографический марксизм» вступил в своего рода симбиоз с классическим эволюционизмом. В русле классического эволюционизма социальное развитие человечества мыслилось в виде однолинейного, сугубо поступательного процесса и общества на ранних стадиях социальной эволюции представлялись весьма единообразными, характеризующимися определенным набором социологических и культурных универсалий. Интерес к генезису различных социальных институтов и культурных феноменов заметно перевешивал интерес к их сущности, к механизмам функционирования и функциональному их назначению в контексте конкретных культур. Одновременно происходила как бы автономизация советской этнологии, шло обособление ее от западной науки, вызывавшееся в подчеркнутом стремлении найти свой собственный путь.

Однако тогда, в 20-е годы, марксизм в нашей этнологии выступал в виде комплекса общих концептуальных установок, а не в форме готовых решений тех или иных проблем, как это стало позднее. И поэтому в публикациях того времени можно встретить значительное разнообразие оригинальных авторских решений, непохожих друг на друга концепций. Кроме того, в те годы все еще активно работали ученые, получившие известность до революции и не переходившие на марксистские позиции.

Конец 20-х и самое начало 30-х годов отмечены выходом в свет целой серии исследований, во многом не утративших своего значения и до сих пор. В ряде отраслей советской науки, в частности в биологии, в психологии, этот период фигурально именуется «золотым веком» — он был очень коротким, но весьма продуктивным. Не знаю, можно ли говорить о золотом веке в этнологии, но появление работ, сказавших новое слово не только в отечественной, но и в мировой науке, несомненно. В их числе ранние публикации С.А.Токарева, некоторые весьма оригинальные, хотя и во многом поверхностные, ранние работы С.П.Толстова²⁰. Среди них такие новаторские и обстоятельные исследования, как «Первобытный монотеизм у огнеземельцев» П.Ф.Преображенского²¹, уже не раз упоминавшееся «Происхождение экзогамии» А.М.Золотарева и др.

Но период, когда писались эти работы, был трагическим рубежом во внутриполитической обстановке в стране. Общее чрезвычайное ужесточение режима, как известно, самым печальным образом сказалось на развитии советской науки и даже такой, казалось бы, весьма далекой от текущей политики ее отрасли, как изучение ранних форм социальных институтов. В течение нескольких лет (начало 30-х) марксизм был превращен из мето-

дологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности писать и публиковать свои работы, но и реальную опасность для жизни исследователя.

Процесс этот выразился в канонизации концепции эволюции социальных институтов первобытности, которая была разработана Л.Морганом в 60—70-е годы XIX в. и в основных чертах воспроизведена в 1884 г. Ф.Энгельсом в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним.

В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ; затем групповой брак с двумя последовательно сменяющимися друг друга формами семьи — кровнородственной и пуналуальной; одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив; затем постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классового образования. Далее, доклассовая эпоха (по крайней мере на стадии расцвета первобытнообщинного строя) — эпоха полного социального равенства. Причем это представление как-им-то странным образом уживалось с понятием матриархата — господства женщин в классической первобытности.

Таким образом, теоретическая мысль в нашей стране (в сфере изучения эволюции социальных институтов) не просто затормозилась, но — в известном смысле — оказалась отброшенной в 70—80-е годы XIX в. И это в то время, когда в мире в целом этнология сделала огромный шаг вперед.

Многие советские авторы теперь уже не следовали традиции тщательного поиска новых фактических данных в иностранной литературе. Даже универсальная прежде установка на изучение по крайней мере трех европейских языков в значительной степени утратилась. Немало этнографов стали обходиться каким-нибудь одним языком или работали вообще «без языка». Анализ новых теоретических направлений западной науки сменился так называемой критикой буржуазных концепций, которая велась преимущественно с идеологических позиций, и во «внутренней» научной жизни подлинная аналитическая критика отступила перед критикой идеологической. Стало не страшно недобрать фактов или даже их исказить, страшно лишь заслужить обвинения в «антимарксизме», в буржуазных заблуждениях вроде «прамонотеизма», «бюхерианства», «релятивизма» и т.п.

В такой обстановке, естественно, было почти невозможно продолжать настоящие непредвзятые исследования в области древнейшей социальной истории, так как фактический материал по архаическим обществам плохо сочетался с данной схемой, как не сочетался с нею и выводы серьезных исследований предыдущих лет. Авторы их либо были репрессированы, как профессор П.Ф.Преображенский, либо отошли от острых тем, как С.А.Токарев, либо вовсе ушли из науки, как вынужден был сделать А.Н.Максимов. Некоторые же, как, например, Е.Ю.Кричевский, взяли на себя роль гонителей всего, что не согласовалось с утвердившимися догмами. А.М.Золотарев же попытался соответствовать советскому представлению об «истинном марксисте» и в то же время серьезно работать; интенсивно публиковаться, активно — на первых ролях — участвовать в научной жизни и вместе с тем сохранять верность традициям досконального научного анализа. Это оказалось невозможным. Трагедия — и творческая, и человеческая — была предопределена такой попыткой.

* * *

А.М.Золотарев учился у ученых старой закалки — дореволюционной школы. Его образование было, что называется, европейским. Он свободно читал по-английски, по-французски, по-немецки. Ссылаясь на древнегреческие и латинские первоисточники. В лучших традициях полевой этнологии (особенно настойчиво создававшихся американскими и английскими антропологами) стремился освоить ульчский язык, а также кропотливо собирал и изучал головоломные системы терминов родства у обских угров и тунгусоязычных народов Амура. В лучших традициях кабинетных этнологов-теоретиков он не ограничивал свои научные интересы каким-то определенным регионом, стремился к широким кросскультурным сопоставлениям и, исследуя общие проблемы, — такие, как, например, происхождение оленеводства, — опирался на обширную литературную базу, с чрезвычайной подробностью систематизировал и излагал фактический материал.

Но в духе наступивших времен, в одном ряду с многочисленными молодыми энтузиастами, он был захвачен стремлением построить «свой новый мир» в науке и противопоставить его старому. С этой целью он самым тщательным образом и с глубоким интересом изучал труды классиков марксизма-ленинизма, искренне пытаясь овладеть историческим и диалектическим материализмом как научной методологией.

Начало на этом поприще у Александра Михайловича было очень удачным. В первой своей значительной работе — «Проис-

хождение экзогамии» — он самым блестящим образом совместил марксистский поиск с глубокими научными традициями. Как уже говорилось, он представил эту работу на конкурс в аспирантуру в начале 1930 г. Стало быть, написал ее еще раньше — чуть ли не в 22 года. Она основана преимущественно на данных этнографии коренных австралийцев. Будучи этнологом-австрало-ведом, автор этих строк может с полным основанием сказать, что в ней Золотарев во многом опередил свое время.

Главная гипотеза монографии, состоящая в том, что экзогамия первоначально (в далекие первобытные времена) возникла как экзогамия локальных групп, т.е. общин (а не кровнородственных образований), а также в том, что ее формирование было обусловлено экономическими потребностями — необходимостью расширять хозяйственные связи, что и достигалось через посредство «междугрупповых» браков, — вряд ли доказуема и не вполне оригинальна. Последнее признает и сам автор, указывая на Г.Эйдельмана как на своего не слишком удачливого (его резко критиковали в печати за «вульгарный материализм») предшественника²². Ценность работы, однако, не в этой гипотезе, а в обобщениях, выводах и прозрениях, касавшихся этнологии охотников и собирателей в целом и аборигенов Австралии в частности.

Отдавая должное Моргану и Энгельсу, Золотарев остается свободен от всего устаревшего в их работах. Говоря об ограниченности возможностей буржуазной науки, он в полной мере опирается на добытые ею надежные данные. Придерживаясь концепции «первобытного коммунизма» и следуя марксистской методологии, он ищет для этой концепции новые основания: факты не позволяют говорить о коллективном производстве у охотников и собирателей, равно как и о коллективной собственности на орудия труда, и Золотарев выдвигает идею о том, что первобытный коммунизм зиждется на коллективной собственности на землю, — идею, на которой позднее (уже 60—80-е годы) воспитывались советские этнологи по крайней мере двух поколений.

В соответствии с фактами современной ему этнологии он избегает главных «марксистско-эволюционистских» фетишей — группового брака, родовой организации и примата матрилинейного счета родства. Первый он просто даже не упоминает. О втором говорит следующее: «Учение о родовом быте, сформулированное впервые Морганом, расплодилось в бесформенную массу, готовую исчезнуть каждую секунду»²³. Эта позиция, впервые в отечественной литературе обоснованная А.Н.Максимовым в 1913 г.²⁴, вновь была сформулирована в нашей печати только в самом конце 1990-х годов²⁵.

Далее в рассматриваемой работе Золотарев утверждает, что у охотников и собирателей, и в первую очередь у коренных австралийцев, не род, а община, т.е. локальная группа, «является основной ячейкой общества»²⁶ — тезис, за который бились (в полемическом смысле) в 60-е и 70-е годы В.М.Бахта, Н.А.Бутинов и в особенности В.Р.Кабо²⁷. Причем оппоненты их выступали с позиций не столько науки, сколько идеологии.

Вопрос об историческом соотношении матриликальности и патрилокальности, матрилинейности и патрилинейности, всегда являвшийся камнем преткновения у советских историков, был поставлен в «Происхождении экзогамии» примерно так же, как он ставился «радикальными» участниками громких дискуссий 60—70-х годов²⁸. Это могли быть параллельные пути развития, а могло быть и так, что патрилокальность и патрилинейность первичны и типичны для охотников и собирателей, а матриликальность и матрилинейность — приметы мотыжных земледельцев. Причем подход А.М.Золотарева представляется более тонким и взвешенным, потому что он, в отличие от последующих советских единомышленников, говорит не о роде, как об универсальном институте, но лишь о родственной филиации, об унилинейном прослеживании кровного родства²⁹.

Но самым значительным достижением автора в этой ранней работе представляется изучение систем брачных классов (секций и подсекций, по современной терминологии) и системы двух секций (фратрий, или половин, по современной терминологии) у австралийцев. Во-первых, Золотарев пришел к выводу о том, что брачные классы вовсе не регулируют брачные отношения, а регулируют их *родство, родственные системы*³⁰. Этот вывод до совсем недавнего времени оставался совершенно чуждым отечественной этнологии, а в зарубежном австраловедении он примерно через год после Золотарева (конечно же, независимо) был сделан А.Рэдклиффом-Брауном, опиравшимся на собственные полевые материалы. Впоследствии — уже в 60—70-е годы — с ним согласились такие корифеи полевой этнологии, как А.Элькин, Э.Сэрвис, М.Меггит, Х.Шеффлер и др.³¹. Сумел Золотарев раскрыть и социологический механизм образования брачных классов, не прибегая, как это делали до него некоторые английские эволюционисты, а у нас А.Н.Максимов³², после же него Ю.И.Семенов³³, к идее наложения патрилинейной филиации на матрилинейную. По Золотареву, для возникновения брачно-классовой организации достаточно двух «взаимобрачающихся» локальных групп («без всякой линейности») и «классификаторской» номенклатуры родства³⁴. Именно этим путем пошел позднее, в 40-е годы (разумеется, независимо), А.Элькин и еще

позднее (в 70-е) Х.Шеффлер, утвердившие в современном австраловедении представление о секциях как о неких классифицирующих знаковых категориях, которые действуют в дополнение к классифицирующим номенклатурам родства, «систематизируют и обобщают родство», являются специфическим преобразованием «надклассов родства» и имеют весьма позднее происхождение. А нужны они были, как показывают современные австралийские социальные антропологи, главным образом для расширения и упрощения практики «межплеменного взаимодействия»: помогали аборигенам «раскидывать» сети классификационного родства и соответствующих поведенческих стереотипов, захватывая огромные пространства континента. Ведь широкое межгрупповое взаимодействие было важнейшей чертой культуры аборигенов³⁵.

К этому Золотарев также подошел очень близко и совершенно самостоятельно. Он полагал, что те австралийские племена, у которых отсутствовали брачные классы и имелись лишь две фратрии (он, как уже говорилось, называл их секциями), были наиболее продвинутыми в социальном отношении. «Двухсекционная» система австралийцев, писал он, является не порождением древней дуальной организации, а редукцией четырех- или восьмиклассовой системы, она есть продукт упрощения социальной структуры — упрощения, необходимого для развития межплеменных связей, которые типичны для наиболее развитых групп охотников и собирателей, а также для ранних земледельцев. Он, в частности, указывал на распространение системы двух фратрий у меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи. Эти его рассуждения и сегодня выглядят весьма плодотворными.

В этой же первой серьезной публикации А.М.Золотарева определенно проявился и его глубокий интерес к проблеме первобытной дуальной организации, а также ее отражению в мифологии.

В целом «Происхождение экзогамии» — работа на удивление зрелая и одновременно *фундированно* новаторская. Автора можно лишь упрекнуть в том, что он, во-первых, не отмечает заслуг своих отечественных предшественников, на чьи достижения в области австраловедения безусловно опирается, — А.Н.Максимова, автора многих работ об австралийцах, и С.А.Токарева, опубликовавшего первоклассную статью об австралийских системах родства³⁶, и, во-вторых, в духе однолинейного эволюционизма сильно преувеличивает значение австралийских материалов для решения общих проблем ранней социальной эволюции. Но можно полагать, что второй недостаток вскоре был бы преодолен, если бы дальнейшее творчество Золотарева развивалось в том же русле. Этому не суждено было случиться.

В том же, 1931 г. у него вышла небольшая заметка «Проблема австралийской культуры»³⁷. Она была в известном смысле «идеологически нейтральна» и содержала оригинальную — по тем временам — мысль о происхождении аборигенов Австралии от единого ствола переселенцев (потом эта идея получила подробное развитие у ряда зарубежных австраловедов, а в СССР — у В.Р.Кабо³⁸) и оправдавшееся через несколько лет предсказание, что в Австралии будут найдены человеческие останки четвертичного времени³⁹. Однако последующие работы А.М.Золотарева стали другими.

«Происхождение экзогамии» опубликовано с пространном предисловием С.Н.Быковского, взявшего в те годы на себя роль радетеля и охранителя установочных положений «марксистской этнографии». В нем А.М.Золотарев в патетической манере объявлялся в «лучшем случае» «полумарксистом», который лишь на словах «расшаркивается» перед классиками, а на деле пренебрегает (кем же?)... Энгельсом (!) и его «Происхождением семьи, частной собственности и государства», лишь для «отвода глаз» пишет о слабостях буржуазных ученых, не владеет диалектическим материализмом, не понимает учения академика Марра и т.д. и т.п. Все самое интересное, самостоятельное и оригинальное в работе молодого ученого было подвергнуто разгрому в качестве «заблуждений» и «грубых ошибок» «с точки зрения марксистской методологии». А общий вывод был таков: Золотарев «выступает в качестве представителя мелкой буржуазии, щедрой на трескучие революционные фразы и скупой на революционные дела»⁴⁰. Недооценивать опасность подобных обвинений в печати было нельзя, и Золотарев, очевидно, сделал выводы. Повлияла, конечно, не только критика Быковского, но и пришедшееся как раз на начало 30-х годов общее ужесточение режима в стране, а также резкое усиление идеологического давления на советскую этнографическую науку.

Быковский сурово упрекал Золотарева в том, что он «поверхностно критикует буржуазных авторов без намека на выявление социальных корней их взглядов»⁴¹. Золотарев публикует статью «Кардинал Шмидт и Омар Шпан» (1932). В ней он, по его собственным словам, «вскрывая классовые корни культурно-исторической школы и ее тесную связь с религией, с одной стороны, и с фашизмом — с другой, обнаруживая ее антимарксистский и антипролетарский теологизм, не только предостерегает советских ученых от излишнего увлечения модными теориями культурных кругов, но и ставит перед ними задачу беспощадной методологической, логической и классовой критики "теоретических" построений наших классовых врагов». В этой же статье

Золотарев пишет о том, как патер Вильгельм Копперс «надеется выбить научный базис из-под ног рабочего движения», как кардинал Вильгельм Шмидт «протягивает руку кровавому фашизму», а заодно и о том, как П.Ф.Преображенский «с умилением отзывается о трудах "новой этнологической школы" и не видит ее "реакционности и нелепости"»⁴².

В таком идеологическом обрамлении формулируется и установка, согласно которой диффузионизм, стремившийся реконструировать мировую историю культурных заимствований, рассматривается как «антиисторизм», а под «историзмом» подразумеваются эволюционистские построения схем ступенчатого *конвергентного* (т.е., в понимании А.М.Золотарева, независимого) развития самых различных обществ земного шара — развития, детерминированного единими закономерностями⁴³.

В том же, 1932 г. выходит статья «Общественные отношения родовой коммуны». Она написана еще в духе доставшейся в наследство от более свободных 20-х годов концепции «родового общества» у охотников и собирателей, но в ней уже говорится о беспорности этнографических (в том числе и австралийских) данных о групповом браке — данных, которые безнадежно «пытались дискредитировать ряд буржуазных этнологов», а именно: Э.Лэнг, Н.Томас, А.Н.Максимов, Б.Малиновский, П.Ф.Преображенский (какова плеяда!)⁴⁴. А в 1933 г. А.М.Золотарев публикует статью «Новые данные о групповом браке»⁴⁵, где в качестве «неопровержимых» этнографических свидетельств существования группового брака приводит сороратную полигинию, братскую полиандрию и случаи простого сожительства мужчин с чужими женами у ряда индейских племен, а также многие другие примеры, которые ему самому в 1931 г. показались бы, как представляется, более чем сомнительными.

К слову сказать, в том же, 1933 г. Золотареву снова приходится терпеть нападки из-за группового брака. В статье «Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ» он всего-навсего честно написал, что о групповом браке как об уцелевшем институте у нивхов исследованного им района ему «ничего не известно»⁴⁶. Некто, не пожелавший назвать себя, поместил вслед за статьей Золотарева — в том же номере «Советского Севера» — довольно пространную заметку с указанием на «антимарксистскую» позицию А.М.Золотарева и утверждением (по собственным полевым наблюдениям), что групповой брак все еще бытует у гиляков названного района, в частности братья сожительствуют с женами друг друга, сестры — с мужьями друг друга⁴⁷.

В 1934 г. выходит рецензия Золотарева на книгу М.О.Косвена «Морган — жизнь и учение». В ней мы читаем, что «наряду с

А.М.Золотарев. Середина 30-х годов

групповым браком учение о родовом строе составляет центральный пункт, по которому направлен огонь буржуазной социалфашистской критики»⁴⁸, и положение о возникновении рода в глубочайшей первобытности прямо из «первобытного стада», а также представление о роде как о первобытном производственном коллективе никогда более не подвергаются сомнению ни в публикациях, ни в рукописях Золотарева. Напротив, они становятся краеугольными камнями всех его построений, основанных на том, что «родовые связи выступают в форме производственных»⁴⁹.

В публикациях 1933—1934 г. отказывается А.М.Золотарев и от своего прежнего взгляда на историческое соотношение «материнского и отцовского права», примат матрилинейности объявляется им «неопровержимым». И он даже специально пишет две работы, в которых пытается объяснить «ненормальную» — с этой точки зрения — ситуацию у коренных австралийцев: наличие патрилинейных кровнородственных групп. Впоследствии это получило у советских этнологов наименование австралийской контроверзы. Сначала, опираясь на А.Хауита, Золотарев написал статью о каменной индустрии аборигенов, где пытался доказать,

что племена Юго-Восточной Австралии, имевшие матрилинейную филиацию тотемических групп и фратрий, обладали более примитивной техникой изготовления орудий, чем племена севера и центра с патрилинейной филиацией фратрий и тотемических групп. На этом основании он делал вывод, что юго-восточные племена, в частности диери, были более «отсталыми» и поэтому сохранили матрилинейность, которую более «продвинутые» — северные и центральные — утратили⁵⁰. При этом он игнорировал сведения того же А.Хауита, согласно которым у диери и соседних племен Юго-Восточной Австралии была самая сложная (т.е., в парадигме Золотарева, самая «развитая») в традиционной Австралии система лидерства⁵¹.

А несколько позднее (как можно полагать)⁵² А.М.Золотарев разрешает австралийскую контроверзу совсем просто: еще в XVIII в. все аборигены жили при матриархате, их «правильное», естественное развитие было нарушено европейской колонизацией, в результате которой «ненормально» рано сформировался отцовский род. Впоследствии этот ход использовали многие, и прежде всего С.П.Толстов. На самом деле, к слову сказать, никакой австралийской контроверзы не существует. Матрилинейные и патрилинейные родственные институты (кланы, фратрии, или половины, тотемические группы) в Австралии сплошь и рядом сосуществовали в одних и тех же районах, выполняя разные функции (так, патрилинейные территориальные кланы могли сосуществовать с матрилинейными экстерриториальными половинами или матрилинейными тотемическими группами). Они возникли для удовлетворения разных потребностей общества, а тип филиации, скорее всего, как раз и был обусловлен конкретными потребностями. Это пример довольно распространенного явления — двойного десцента, явления функционального, не связанного с так называемыми пережитками. Там же, где оба типа десцента не сосуществовали, имелись лишь патрилинейные структуры, а доказательств их былой матрилинейности нет. К началу 1930-х годов это уже убедительно показали А.Рэдклифф-Браун за рубежом и А.Н.Максимов — у нас⁵³.

В качестве одного из грубых «промахов» Золотарева в зловещем предисловии Быковского к «Происхождению экзогамии» указывалось на недооценку роли тотемизма в первобытном обществе, равно как и древности происхождения тотемизма⁵⁴. В статье о дородовой коммуне (1932) А.М.Золотарев пишет: «Тотемизм — это целое мировоззрение, целая всеобъемлющая идеология, устанавливающая соотношение между природой и обществом». Он объявляет тотемизм (наряду с «брачными классами» и экзогамией) универсальной составляющей первобытной культуры и отно-

сит его возникновение к «мадленско-азильскому периоду»⁵⁵. А в 1934 г. он публикует работу «Пережитки тотемизма у народов Сибири». Не исключено, что она была напечатана как бы в противовес вышедшей несколькими годами ранее статье А.Н.Максимова «К вопросу о тотемизме у народов Сибири», где автор, проанализировав массу источников, пришел к заключению, что — ввиду немногочисленности и фрагментарности надежных свидетельств — невозможно с определенностью судить о былом существовании тотемизма у коренных жителей Сибири⁵⁶.

А.М.Золотарев тоже использует обширную источниковедческую базу, но стремится доказать, что тотемизм в прошлом имелся у всех или почти у всех сибирских народов. При этом в поисках доказательств допускает явные натяжки, привлекая все, что хоть как-то может служить косвенными аргументами: медвежьи культы (в отличие от тотемических культов, которые всегда сопряжены лишь с отдельными сегментами социума, медвежьи культы в Сибири, как известно, практикуются целыми этносами или даже еще более крупными общностями), всевозможные пищевые запреты, представления о сожительствах женщин с животными, сны о животных и многое другое. А закрепляются подобные перечисления непрерываемыми утверждениями типа: «Приведенные свидетельства не позволяют сомневаться в существовании тотемизма у угро-финнов»⁵⁷.

В 1932—1934 гг. другим стал даже литературный стиль Золотарева. В первой опубликованной работе это был сдержанно-элегантный научный стиль, похожий на стиль дореволюционных русских историков, в последующих публикациях появились несвойственные академическим текстам жесткие формулы, больше похожие на лозунги, чем на аналитические заключения, как то: «Род — основа всей первобытной истории» или «Тотемизм — идеология родового строя»⁵⁸. Сложилось обыкновение употреблять такие выражения и эпитеты, которые скорее подошли бы не слишком требовательному к себе журналисту, нежели ученому, «извращения, к которым прибегали общепризнанные вожди английской антропологической школы, страдавшие "катедер-социалистским косоглазием"»; «беззубые нападки» на Моргана; «культурно-историческая школа выступает в качестве служанки практической теологии» и т.п.⁵⁹.

Теоретически реконструируя глубокое прошлое, Золотарев так уверенно — в повествовательном жанре — излагал события и бытовые детали этих скрытых от нас времен, будто ему каким-то чудом довелось наблюдать все это: «Первобытная женщина охотилась не хуже мужчины и вместе с мужчиной <...> между-половое разделение труда отсутствовало и возрастное тоже <...>

человек, подобно животному, не проводил различий между родственниками и неродственниками, не отличал своих родителей и детей, своих братьев и сестер от прочих членов стада <...>⁶⁰. Строилось же изложение так, словно все события первобытной истории разворачивались не в конкретных временных и географических контекстах (причем весьма различных), а в каком-то абстрактном пространстве, где ни джунгли, ни ледники, ни пустыни, ни горы, ни катаклизмы, ни переселения, ни нашествия врагов не мешали людям вершить их единообразный путь от одной стадийальной ступени к другой.

Но нельзя упускать из виду, что Александр Михайлович писал так, будучи очень молодым человеком, которого, с одной стороны, безжалостно калечили внешние, вненаучные обстоятельства и который, с другой стороны, забрел в такие научные дебри, где безнадежно плутали и люди куда более зрелые.

И нельзя не отметить особо, что на страницах перечисленных выше работ наряду со всеми «знамениями времени» рассыпаны мелкие и крупные жемчужины острого, цепкого и прозорливого научного ума. То намечена какая-то новая проблема, остававшаяся без внимания исследователей, то сделано оригинальное наблюдение, то извлечены на свет Божий никому не ведомые факты или малодоступные источники. Так, например, в работе «Новые данные о групповом браке» впервые в отечественной этнологии — насколько мне известно — привлечено внимание к такому широко распространенному в традиционных обществах явлению, как подшучивание (Золотарев пользуется английским термином "joking relations"), и высказана идея о функциональной связи этого явления с избеганием — за несколько лет до А.Р.Рэдклиффа-Брауна, которому в этом вопросе принято приписывать первенство⁶¹.

А в следующие годы, 1935—1938, Золотарев, развиваясь как ученый, несколько отошел от идеологически нагруженных проблем и сосредоточился преимущественно на анализе конкретных архивных и оригинальных полевых материалов, к концу же своей недолгой жизни — к 1939—1940 г. — выработал в себе готовность к осторожному и взвешенному протесту против нетерпимого положения в интересующей его области этнологического знания.

Еще в 1933 г. А.М.Золотарев опубликовал статью «К вопросу о генезисе классовообразования у гиляков», где обстоятельно рассмотрел имеющиеся в ранних письменных источниках и этнографических исследованиях, а также собственные полевые — собранные во время первой экспедиции на Амур — данные о патриархальном рабстве и о традиционной торговле у нивхов⁶².

В 1934 г. вышла статья «Амурские орочи», в которой собраны воедино основные литературные сведения и собственные наблюдения автора, относящиеся к этому малоизученному народу Дальнего Востока⁶³. В 1935 г. А.М.Золотарев совместно с М.В.Воеводским подготовил для журнала «Советская археология» очень добротную статью «Материалы к археологии Нижнего Амура», где излагались результаты раскопок, ведшихся во время экспедиции на Амур летом 1934 г.⁶⁴. Вслед за этим было написано исследование «Древнейшие судьбы Приамурья»⁶⁵, в котором даны сводка и анализ основных материалов археологических и письменных источников по истории названного региона до XVIII столетия. Позднее часть этой работы была использована в статье «Из истории народов Амура»⁶⁶. В 1937 г. в журнале "American Anthropologist" печатается основанная на полевых наблюдениях статья о медвежьем празднике ульчей⁶⁷.

Итогом кропотливого анализа источников и сбора оригинальных полевых материалов в конце 30-х годов явилось издание монографии «Родовой строй и религия ульчей». В ней дается очерк истории тунгусоязычных народов Нижнего Амура с древнейших времен и выдвигается оригинальная версия этногенеза ульчей: в основе древний палеоазиатский (т.е. нивхский или близкий к нему) субстрат, испытавший позднейшие тунгусские (преимущественно языковые), маньчжурские и китайские (преимущественно культурные) влияния. В книге приводится также обширная информация о родовом составе ульчей, их брачных отношениях, родственной терминологии, праздниках, обрядах и фольклоре. В приложение включено внушительное число фольклорных текстов, записанных автором на ульчском языке и им же переведенных на русский. Помимо авторской версии происхождения ульчей особо интересным представляются результаты анализа номенклатур родства тунгусоязычных народов Нижнего Амура. А.М.Золотарев попытался объяснить специфическую черту их классифицирующих терминологий: старший брат отца именуется так же, как отец, младший брат отца — так же, как и старший брат говорящего, один племянник — племянник, другой — кузен и т.д. Исследователь связывал эту черту с особой формой кросскузенного брака, практиковавшегося у тунгусоязычных народов⁶⁸. Создается впечатление, что специалистам по системам родства и сегодня рассуждения Золотарева из книги об ульчах могли бы сослужить хорошую службу.

Куда менее убедительными представляются содержащиеся в той же книге выкладки относительно группового брака. Вслед за своим безымянным критиком 1933 г. Золотарев утверждает, что на Нижнем Амуре сохраняется этот вид брачной практики, и

приводит самые разнородные известные ему примеры индивидуальных сексуальных связей ульчей, нанайцев, орочей, включая случаи простого внебрачного сожительства одной женщины с несколькими братьями, т.е. неформализованного (неинституализированного) аналога братской полиандрии⁶⁹.

В те же годы (1935—1938) проявляется большой интерес Золотарева к проблемам эволюции ранних форм хозяйства, в первую очередь охоты и оленеводства, а также к проблемам этногенеза охотничьих и оленеводческих народов Европейского Севера России, Восточной Сибири и севера Америки. В этой связи он публикует статью «Саами (лопари)» (совместно с М.Г.Левиным) и работы «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии», «Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.», а также «Первые сведения о юкагирах и чукчах»⁷⁰. Во всех этих статьях в научный оборот вводятся данные малоизвестных и труднодоступных публикаций, а также никогда не публиковавшихся архивных источников. Особо отметим, что в работе «Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.» анализируются этнографические рукописи Якова Линденау, к которым до Золотарева никто из российских этнографов всерьез не обращался и которые были изданы только в 1983 г. Н.М.Александровым (переводчик), И.С.Вдовиным и З.Д.Титовой⁷¹. Александр Михайлович не только проделал огромную работу по расшифровке чрезвычайно трудночитаемых немецких текстов, но написал первый в нашей литературе краткий биографический очерк о Линденау.

В личном фонде А.М.Золотарева, хранящемся в архиве ИЭА, имеется объемная рукопись почти под тем же названием, что и одна из упомянутых выше статей, — «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии и севере Америки». Она, очевидно, является итогом его изысканий в области древней и доколониальной этнической истории и эволюции хозяйства народов Сибири и Северной Америки. В ней, среди прочего, вводится понятие «хозяйственный тип», очень близкое по значению к разработанному позднее М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым понятию «хозяйственно-культурный тип», а также выделяется целый ряд хозяйственных типов охотников и оленеводов северо-востока Азии и охотников севера Америки. В ней же отстаивается идея самостоятельного зарождения оленеводства на северо-востоке Евразии — в противовес развивавшейся более ранними авторами (в том числе А.Н.Максимовым и С.М.Широкогоровым) гипотезе распространения оленеводства из южного (Саяно-Алтайского или Забайкальского) очага одомашнивания оленя.

Эти более ранние авторы полагали, основываясь, в частности, на китайских источниках, что сибирское оленеводство было либо впервые «создано» во II в. н.э. (или немного позднее) коневодцами-тюрками, лишившимися в силу неблагоприятных обстоятельств своих лошадей (как временный паллиатив), а затем заимствовано южными самодийцами или тунгусами и постепенно распространено до северо-восточной оконечности Азии, либо оно было «изобретено» каким-то тунгусским или самодийским народом — в подражание тюркскому коневодству. А.М.Золотарев же стремился доказать, что на северо-востоке Сибири оленеводство возникло очень поздно (чуть ли не в XVIII в.) независимо от более южных типов лесного оленеводства, возможно, в нескольких самостоятельных очагах (как проявление закономерного движения всех народов к производящему хозяйству), непосредственно из охоты, а промежуточным этапом была охота с использованием оленя-манщика. Эта идея нашла отражение в печати в совместной с М.Г.Левиным статье «К вопросу о древности происхождения оленеводства» (1940), которая до сих пор является, пожалуй, одной из самых цитируемых в отечественной этнологической литературе работ Золотарева⁷².

Интересно, что в публикации 1938 г. А.М.Золотарев писал, что подобный ход событий вероятен, но для его доказательства нет аргументов⁷³. А М.Г.Левин в статье, написанной совместно с Г.М.Василевич в 1951 г., возвращается к теории южного очага происхождения и дальнейшего распространения оленеводства по всей Сибири⁷⁴. И.И.Крупник в сравнительно недавней работе, сделав обзор всевозможных точек зрения по вопросу о происхождении оленеводства, отдает должное оригинальности постановки проблемы в статье Золотарева и Левина, но заключает, что такая гипотеза не имеет «убедительных документальных подтверждений»⁷⁵.

В конце 30-х годов и в 1940 г. А.М.Золотарев печатает ряд статей, в которых снова обращается к вопросам самого общего теоретико-методологического характера. Еще в 1936 г. выходит обширная обзорная статья «Исторические предпосылки формирования *Ното сариенс* в освещении советских археологов». В ней он впервые отходит от жесткой методологической установки на «конвергентность» (т.е. одинаковость, обусловленную едиными закономерностями, а не взаимовлияниями) развития самых различных первобытных обществ ойкумены и пишет о значении культурных заимствований, миграций и о роли географической среды и климатического фактора, а также о необходимости пристального изучения всего этого при построении теории ранней социальной эволюции, т.е. по существу отказывается от преж-

А.М.Золотарев с женой и сыновьями. 1939 г.

него резкого и идеологически окрашенного неприятия диффузионизма и антропогеографии. «В борьбе с расовыми теориями многие исследователи нередко переходили границы, сводя все к понятию стадиальности <...> Отвлечясь от локальных форм, от различий в пространстве, от переселений, заимствований, взаимных влияний — это значит, — писал А.М.Золотарев в 1936 г., — свести историю к равнозначной для всех времен и народов бесцветной и безличной алгебраической формуле»⁷⁶.

Однако в статье 1938 г. «Расовая "теория" и этнография», демонстрирующей широчайшую историографическую эрудицию, А.М.Золотарев как будто возвращается на позиции, которые он занимал в 1932—1934 гг. Поиск (в бесписьменных культурах всего мира) «конвергентно» развивающихся явлений и процессов — главная задача исследователя первобытной культуры, формулируемая в этой работе. «Исследованиями Моргана было установлено, что человечество во всем мире двигалось по одному и тому

же пути <...> Оно всюду прошло стадии группового брака, материнского рода, затем отцовского рода <...> Идея единства исторического процесса получила незыблемое основание». Это и есть подлинный историзм, а Ратцель и Фробениус со своими географизмом и миграционизмом пожертвовали историзмом и открыли «вопреки, быть может, своим субъективным взглядам» двери расизму⁷⁷. Таково было требование «политического момента». В 1937—1938 гг., когда готовился и печатался этот сборник, были арестованы и уничтожены десятки коллег А.М.Золотарева. Повидимому, эта статья была специально заказана ему для тематического сборника «Наука о расах и расизм».

Но в самом конце 1940 г. в журнале «Историк-марксист» появляется публикация, явно свидетельствующая о формирующейся у Золотарева решимости бороться за изменение сложившегося в советской этнографии — по сути невыносимого — положения, а также о готовности к риску. Хотя нельзя не отметить, что к началу 40-х годов волна гонений спала. А в огне репрессий 1937—1938 гг. парадоксальным образом «сгорели» как раз наиболее рьяные радетели неприкосновенности моргановско-энгельсовских схем (С.Н.Быковский, Е.Ю.Кричевский и др.). Общая ситуация в советской этнологии несколько смягчилась.

Публикация называется «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современная наука». В ней А.М.Золотарев настаивает на необходимости пересмотра моргановской схемы периодизации первобытной истории. Он доказывает, что Энгельс «никогда не считал» периодизацию Моргана «своей периодизацией». Поэтому распространенная среди многих советских историков «канонизация "схемы Моргана-Энгельса" сугубо ошибочна. Она не только искажает подлинное положение вещей, но и приводит к игнорированию современных научных фактов, сплошь и рядом этой схеме противоречащих <...> Энгельс не отождествлял своих взглядов со взглядами Моргана, следовательно, — пишет Золотарев, — не существует "периодизации Моргана-Энгельса" <...> Марксистская наука должна смело и недвусмысленно отбрасывать устаревшие положения <...>», и «<...> несомненно, ряд частных положений Энгельса устарел»⁷⁸.

В том же, 1940 г. в «Ученых записках» Московского областного педагогического института вышла статья «К истории ранних форм группового брака», в которой Золотарев сосредоточил внимание на одном из таких частных устаревших положений, а именно на положении о кровнородственной семье. Под кровнородственной семьей Морган, как известно, понимал такую универсальную и наиболее раннюю в стадийном смысле форму

семьи, которая якобы основывалась на браке группы сестер с группой братьев. Реконструкция этой гипотетической формы семьи опиралась на малайскую классифицирующую терминологию родства. А.М.Золотарев, отметив, прежде всего, что Энгельс в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» высказывал некоторые сомнения по поводу этой моргановской реконструкции, подробно, в строгой научной традиции (следуя в основном за У.Риверсом) анализирует номенклатуры родства, относимые к типу малайских, и приходит к выводу, что между такими номенклатурами и тем, что Морган называл кровнородственной семьей, «нет никакой связи»⁷⁹. Вдобавок он указывает, что номенклатуры родства малайского типа соответствуют весьма поздним обществам, утратившим родовую организацию или по крайней мере экзогамию. В этой же статье Золотарев предлагает собственную гипотезу происхождения терминологий родства малайского типа — гипотезу, которая в дальнейшем получила подтверждение и развитие в работах Д.А.Ольдерогге и М.В.Крюкова⁸⁰. А завершает свою публикацию Золотарев такой фразой: «Во всяком случае, тот, кто пожелает настаивать на существовании кровнородственной семьи, не сможет теперь просто ограничиться повторением аргументов Моргана. Он вынужден будет подтвердить ее какими-то новыми доказательствами»⁸¹. В этой работе к Золотареву вернулся и строгий академический литературный стиль.

В дальнейшем, уже после войны, убеждение в ошибочности положения о кровнородственной семье утвердилось в нашей этнологической литературе благодаря публикациям Д.А.Ольдерогге, С.А.Токарева, Ю.И.Семенова и ряда других авторов⁸².

Таким образом, мы видим, что в двух своих публикациях 1940 г. Золотарев первым (насколько нам известно) начал процесс расшатывания совершенно несостоятельной «официальной» схемы ранней социальной эволюции. Процесс этот возобновился в 50—60-е годы прошлого столетия — главным образом усилиями таких исследователей, как В.М.Бахта, Н.А.Бутинов, В.Р.Кабо, М.В.Крюков, А.М.Хазанов, М.А.Членов, — и, пожалуй, еще сегодня не завершился. Как представляется, можно с полным основанием полагать, что, если бы судьба А.М.Золотарева сложилась иначе, он был бы в числе тех, кто пробивал бреши в твердыне идеологизированной этнографии, более все-таки дорожа научной истиной, нежели своим положением в официальной науке. Ведь в то время, когда Александр Михайлович решился на протест, приходилось рисковать куда большим.

Самый крупный труд Золотарева, труд, который, несомненно, был делом всей его жизни, плодом титанической кропотливой работы, начавшейся еще в конце 20-х годов, — «Родовой строй и первобытная мифология» — увидел свет, как уже говорилось, только через много лет после его смерти. Главная задача монографии — обосновать, опираясь на широчайший этнографический, исторический и фольклористический материал, положение о том, что дуальная организация была «древнейшей упорядоченной формой общества», развившейся непосредственно из «первобытного стада», обуздавшей «звериное в человеке» и определившей весь строй жизни первобытного человека: «экономическую организацию, организацию племенной власти, брачные нормы, поведение людей, порядок исполнения религиозных обрядов и церемоний»⁸³. Она же «структурировала» мировоззрение первобытного человека и определила его развитие: от простейших мифов о сестрах и братьях-близнецах до сложных представлений о парных верховных божествах древних дуалистических религий. «Можно сказать, — писал Золотарев в "Заключении" к этой работе, — что в дуальной организации и близнечном мифе мы нашли чудесный корень жизни, от которого произросли многообразные разветвления социального, религиозного, мифологического, эпического и сказочного творчества человечества, корень, помогающий понять окаменелые институты, воскресить древних забытых героев, оживить их поблекшие черты, восстановить их древние подвиги и вывести их из темных недр народной памяти на светлое поле научного познания»⁸⁴.

Книга «Родовой строй и первобытная мифология» получила широкое признание среди советских этнографов, историков, филологов и фольклористов. О ней неоднократно писали, и ее внимательно анализировали такие авторитетные ученые, как В.В.Иванов, Е.М.Мелетинский, С.А.Токарев, В.Н.Басилов и многие другие.

Некоторые мои коллеги в устных беседах выражали сожаление о том, что рукопись А.М.Золотарева не была опубликована полностью и, в частности, выпущенными оказались разделы, в которых рассматривались кавказские этнографические и фольклорные материалы.

В качестве сугубо личной ремарки отмечу, что, стремясь доказать универсальное распространение — на ранних стадиях социальной эволюции — родовой организации, дуального деления племен и дуалистических, в том числе близнечных, мотивов в мифологиях всего мира, Золотарев не остался свободен от натяжек и преувеличений. Как представляется, методологическая установка на универсализм стадияльных явлений социальной орга-

низации и духовной жизни сослужила плохую службу даже такому талантливому и яркому труду.

Очерк творчества Золотарева останется незавершенным, если не сказать несколько слов об опубликованных им рецензиях. Рецензированием он занимался постоянно и напечатал немало серьезной аналитической критики. Многие его рецензии весьма информативны. Порой он буквально извлекал из небытия на свет Божий никому не известные, труднодоступные этнографические публикации зарубежных авторов и делал их достоянием советского читателя⁸⁵. Много внимания уделял Золотарев и публикациям советских коллег. Особо можно отметить критическую рецензию на книгу А.Ф.Анисимова «Родовое общество эвенков». В ней Александр Михайлович продемонстрировал куда более обширные, чем у автора книги, знания по эвенкийской культуре и сделал ему множество аргументированных замечаний⁸⁶. Интересны высказанные в рецензии на монографию С.А.Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии» возражения против концепции феодализма чуть ли не двухтысячелетней давности у алтайцев и хакасов. Приходится лишь пожалеть о том, что общая теоретическая позиция С.А.Токарева названа в этой публикации «антиисторической», а в последнем ее абзаце говорится: «Автор (С.А.Токарев. — О.А.) присоединяется к осужденной практикой советского строительства, враждебной нам и гнилой теории о якобы положительной роли родовых пережитков в колхозном строительстве. Политический вред этой "теории" неоднократно разоблачался в нашей печати»⁸⁷.

Упомянем также в целом положительную рецензию на монографию П.П.Ефименко «Первобытное общество», где в полной мере проявилась огромная археологическая эрудиция Золотарева, а также рецензию на книгу А.Хрдлички о заселении Америки и Австралии, в которой продемонстрирована широкая осведомленность в области палеоантропологии⁸⁸. Немало сил вложил Золотарев в рецензию на русское издание трудов Э.Тэйлора, объединенных под названием «Первобытная культура»⁸⁹. Высоко ценя достижения знаменитого английского ученого, он сурово порицал издателей, в первую очередь В.К.Никольского, за эклектическую подборку материала, необоснованные купюры, искажения мыслей автора при переводе, а также поверхностное и изобилующее ошибками предисловие. По хранящейся в архиве ИЭА переписке Александра Михайловича с сотрудниками редакции «Вестника древней истории» можно заключить, что опубликовать такую рецензию в полном объеме стоило немалых усилий и нервных затрат.

Как представляется, два главных устремления А.М.Золотарева, четко прослеживающихся во всех его трудах (опубликованных и неопубликованных), — доказать единообразие развития человеческих обществ на ранних этапах истории, а также выстроить явления мировой культуры и социальной жизни в жесткой стадиальной последовательности — не выдержали проверки временем. Он способствовал утверждению в устной и письменной советской научной традиции многих идеологически нагруженных формул (у него их черпали годами), которые с большим трудом преодолевались вплоть до недавнего времени и, пожалуй, не совсем вытеснены до сих пор. Тем не менее подлинные заслуги Золотарева перед наукой велики, и в полном объеме они, пожалуй, все еще скрыты от внимания коллег.

Заслуги эти, на мой взгляд, состоят не столько в глобальных теоретических построениях, сколько в аналитической обработке, систематизации и внедрении в научный оборот гигантской этнографической информации, а также в рассыпанных в его публикациях и рукописях аналитических заключениях, прозрениях, предположениях, догадках, высказанных по самым разнообразным проблемам этнологии бесписьменных обществ и в дальнейшем блестяще подтвердившихся. Сводка таких заключений, прозрений и предположений потребует долгого кропотливого труда, но работа эта стоит усилий, так как отдельные проблемы, оригинально решавшиеся или ставившиеся в работах Золотарева (вроде происхождения аборигенов Австралии, смысла и функций их брачных классов, исторического соотношения упряжного собаководства и транспортного оленеводства в Сибири, выделения хозяйственных типов охотников и оленеводов «Амеразии», происхождения малайской системы терминов родства, функциональной связи избегания и подшучивания в бесписьменных культурах и т.п.), лишь на первый взгляд кажутся частными, а по сути таковыми не являются.

Не потеряли также своего значения его археологические исследования на Дальнем Востоке, не устарели обширные полевые этнографические материалы, все еще лежащие необработанными в архиве, не может устареть основанная на его собственных полевых данных монография об ульчах, и в первую очередь обстоятельно аргументированные выводы о сложном этногенезе этого маленького народа. По моему глубокому убеждению, именно такие выводы, открытия и прозрения, опирающиеся на конкретную эмпирическую базу, а не тщетные попытки протянуть одну красную нить через всю историю человечества обеспечивают прогресс нашей науки.

В заключение мы должны с благодарностью вспомнить покойную вдову А.М.Золотарева Александру Евсеевну Золотареву, которая бережно сохранила его личный архив и в образцовом порядке передала Институту этнографии АН СССР; покойного Л.А.Файнберга, ведущего научного сотрудника этого института, который предпринял первичную систематизацию упомянутого архива и опубликовал, снабдив вдумчивыми комментариями, «Родовой строй и первобытную мифологию»; покойного С.А.Токарева, ученого, принадлежавшего к одному с А.М.Золотаревым поколению, самого прославленного советского этнографа, который перед опубликованием провел первичное редактирование текста рукописи этой монографии; покойного В.Н.Басилова, одного из выдающихся сотрудников ИЭА РАН следующего — более молодого — поколения, который инициировал работу по изучению творческого наследия А.М.Золотарева.

Считаю своим долгом выразить личную признательность за помощь при подготовке этой статьи сыну ученого — Дмитрию Александровичу Золотареву, сотруднику кафедры этнологии МГУ С.П.Полякову, а также сотруднице ИЭА И.А.Кремлевой.

¹ Золотарев А.М. Карл Каутский и марксизм. — Большевик Украины. 1928, № 6, с. 34—40.

² Золотарев А.М. Происхождение экзогамии. — Известия ГАИМК. 1931, т. 10, вып. 2-4, с. 1-85.

³ Вот перечень наиболее крупных из неопубликованных работ А.М.Золотарева, хранящихся в его личном фонде в ИЭА: «Патрилинейность и матрилинейность у аборигенов Австралии», «Из истории материальной культуры на севере Америки и в Азии», «Развитие брака, семьи и рода», «Общественные отношения родового общества», «Пережитки дуальной организации в Древнем Египте», «Материалы к археологии Нижнего Амура (в соавторстве с М.Воеводским)», «Древнейшие судьбы Приамурья», «Очерк истории родового строя», «К вопросу о происхождении рода». Фонд Золотарева до сих пор не обработан и не описан.

⁴ Одна автобиография содержится в «личном деле» А.М.Золотарева, хранящемся в архиве петербургского Института истории материальной культуры (АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 299). Другая поступила ко мне от сына ученого, Д.А.Золотарева, в виде ксерокопии. Она была получена им от покойного В.Н.Басилова, место хранения оригинала неизвестно. Данные этих автобиографий несколько расходятся, при разночтениях мы опираемся на первую.

⁵ АИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 123; ф. 2, оп. 3, д. 299; ф. 35, оп. 5, д. 75 и 122.

⁶ Именно с этими дисциплинами была связана его первая публикация, см. примеч. 1.

⁷ Автобиография. — АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 299, л. 5—6.

⁸ Там же, ф. 35, оп. 5, д. 122, л. 6.

⁹ Там же, л. 7.

¹⁰ Там же, л. 16.

¹¹ А.З. Этнография в Москве. — СЭ. 1934, № 3, с. 118—119.

¹² АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 229, л. 6, 8.

¹³ Была издана как монография через много лет после его смерти: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁴ Следственное дело А.М.Золотарева. — Центральный архив ФСБ. Ф. Военная прокуратура, 1942, д. 3996. Со следственным делом ознакомился сын ученого Д.А.Золотарев, который предоставил краткие выписки составителю сборника.

¹⁵ *Золотарев А.М.* 35 дней в фашистском плену. — Смена, март 1942, № 6, с. 18—19. Статья была перепечатана в ЭО (1995, № 2, с. 3—6, публикация В.Н.Басилова).

¹⁶ Следственное дело А.М.Золотарева.

¹⁷ Справка военного трибунала Московского военного округа от 31 июля 1957 г. № н-1956/ос.

¹⁸ См.: *Артемова О.Ю.* Послесловие. — Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997, с. 456—460; *Артемова О.Ю.* La société traditionnelle des aborigènes d'Australie dans l'anthropologie soviétique. — Regards sur l'anthropologie soviétique. Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. XXXI (2—3), 1990, p. 431—441; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнографической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 101—120.

¹⁹ Автобиография из личного архива А.М.Золотарева.

²⁰ Например, он утверждал, что аборигены Австралии ко времени колонизации находились накануне мощного революционного переворота, старики лишь с помощью «кровавого религиозного террора» удерживали свою власть и привилегии, но «тотемический строй» был обречен. См.: *Талстов С.П.* Проблемы родового общества. — СЭ. 1931, № 3—4, с. 96—97, 100.

²¹ *Преображенский П.Ф.* Первобытный монотеизм у огнеземельцев. — Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1929, т. 1, с. 35—46.

²² *Эйдельман Г.* Первобытный коммунизм и первобытная религия. М., 1923.

²³ *Золотарев А.М.* Происхождение экзогамии, с. 8.

²⁴ *Максимов А.Н.* Теория родового быта. — Сборник в честь 70-летия Д.Н.Анучина. М., 1913, с. 100—120.

²⁵ *Артемова О.Ю.* Еще раз о «родовом быте» и об австралийской контроверзе. — Ранние формы социальной организации. СПб., 2000, с. 25—56.

²⁶ *Золотарев А.М.* Происхождение экзогамии, с. 31.

²⁷ *Бахта В.М., Сенюта Т.В.* Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии. — Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 68—90; *Бутинов Н.А.* Разделение труда в первобытном обществе. — Проблемы истории первобытного общества. М., 1960 (ТИЭ, нов. сер., т. 54), с. 109—150; *Кабо В.Р.* Первобытная община охотников и собирателей. — ПИДО. М., 1968, с. 223—265. См. также: *Тумаркин Д.Д.* К вопросу о сущности рода. — СЭ. 1970, № 5, с. 93—101.

²⁸ См., например, материалы дискуссии о так называемой австралийской контроверзе: *Членов М.А.* Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной? — СЭ. 1971, № 4, с. 68—71; *Семенов Ю.И.* Проблема исторического соотношения отцовской и материнской филиации у аборигенов Австралии. — СЭ. 1971, № 6, с. 101—111; *Хазанов А.М.* Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода. — СЭ. 1973, № 1, с. 114—121; *Крюков М.В.* Дает ли система брачных классов ключ к разрешению «австралийской контроверзы»? — СЭ. 1974, № 3, с. 60—70; *Членов М.А.* Еще раз об «австралийской контроверзе» и методике ее рассмотрения. — СЭ. 1974, № 6, с. 51—57; *Хазанов А.М.* О связи линейности и локальности с образом жизни. — Там же, с. 58—61.

- ²⁹ Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 35 и др.
- ³⁰ Там же, с. 33 и др.
- ³¹ Keen I. Twenty-five Years of Aboriginal Kinship Studies. — *Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies. A Contemporary Overview.* Canberra, 1988, p. 99.
- ³² Максимов А.Н. Брачные классы австралийцев. — ЭО. 1909, № 2—3, с. 1—32.
- ³³ Семенов Ю.И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа). — СЭ. 1970, № 1, с. 57—71.
- ³⁴ Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 55.
- ³⁵ Keen I. Twenty-five..., p. 98—99.
- ³⁶ Токарев С.А. О системах родства австралийцев. — Этнография. 1929, № 1, с. 25—50.
- ³⁷ Золотарев А.М. Проблема австралийской культуры. — Сообщения ГАИМК. 1931, № 2, с. 34—36.
- ³⁸ Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969. В настоящее время эта точка зрения — о происхождении аборигенов Австралии от одного ствола переселенцев — не находит достаточно убедительного подтверждения, скорее, наоборот имеются основания полагать, что первая «струя» переселенцев из Азии попала на материк в плейстоцене, а вторая — в голоцене.
- ³⁹ Золотарев А.М. Проблема австралийской культуры, с. 36.
- ⁴⁰ Быковский С.Н. Предисловие. — Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 3—7.
- ⁴¹ Быковский С.Н. Предисловие..., с. 7.
- ⁴² Золотарев А.М. Кардинал Шмидт и Омар Шпан. — Сообщения ГАИМК. 1932, № 1—2, с. 18—21.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Золотарев А.М. Общественные отношения дородовой коммуны. — Первобытное общество. М., 1932, с. 87—90.
- ⁴⁵ Золотарев А.М. Новые данные о групповом браке. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 197—204.
- ⁴⁶ Золотарев А.М. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ. — Советский Север. 1933, № 2, с. 57.
- ⁴⁷ Там же, с. 59—60.
- ⁴⁸ Золотарев А.М. [Рец. на:] Косвен М. Л.Г.Морган — жизнь и учение. — СЭ. 1934, № 4, с. 139.
- ⁴⁹ Золотарев А.М. Буржуазная наука и вопрос о первобытном коммунизме. — Под знаменем марксизма. 1933, № 5, с. 224.
- ⁵⁰ Золотарев А.М. Каменные орудия австралийцев (рукопись, б/г, личный фонд А.М.Золотарева в АИЭА). Мне не удалось обнаружить в печати этой статьи, хотя А.М.Золотарев писал в 1933 г., что статья сдана в печать. См.: Золотарев А.М. Буржуазная наука и вопрос о первобытном коммунизме, с. 234.
- ⁵¹ Howitt A.W. The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904, p. 302—316; 690—710.
- ⁵² Золотарев А.М. Матриархат и патриархат у аборигенов Австралии. Работа осталась неопубликованной, на рукописи в АИЭА дата ее не указана.
- ⁵³ Radcliffe-Brown A.R. The Social Organization of Australian Tribes. — Oceania. 1930—1931. Vol. 1. № 1—4; Максимов А.Н. Материнское право в Австралии. М., 1930.
- ⁵⁴ Быковский С.Н. Предисловие..., с. 3.
- ⁵⁵ Золотарев А.М. Общественные отношения..., с. 103—104.
- ⁵⁶ Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. — Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 7, с. 3—14.
- ⁵⁷ Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. М., 1934, с. 32.

⁵⁸ Там же, с. 6—7.

⁵⁹ См. работы А.М.Золотарева: [Рец. на:] *Косвен М. Л.Г.Морган — жизнь и учение...*, с. 138—139; Кардинал Шмидт и Омар Шпан, с. 19.

⁶⁰ *Золотарев А.М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современная наука. — Историк-марксист. 1940, № 12, с. 35—36.

⁶¹ *Золотарев А.М.* Новые данные о групповом браке. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 197—204; *Radcliffe-Brown A.R.* On Joking Relations. — Africa. 1940, vol. XIII, № 3, p. 195—210.

⁶² *Золотарев А.М.* К вопросу о генезисе классообразования у гиляков. — За индустриализацию Советского Востока. 1933, № 3, с. 28—35.

⁶³ *Золотарев А.М.* Амурские орочи. — Советский Север. 1934, № 6, с. 80—85.

⁶⁴ Мне не удалось найти эту статью в печати, есть рукописный вариант в личном фонде Золотарева в АИЭА.

⁶⁵ Рукопись, хранящаяся там же.

⁶⁶ *Золотарев А.М.* Из истории народов Амура. — Исторический журнал. 1937, № 7, с. 27—40.

⁶⁷ *Zolotarev A.M.* The Bear Festival of the Olcha. — American Anthropologist. 1937, № 1, с. 37—43.

⁶⁸ *Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, с. 65—67.

⁶⁹ Там же, с. 61 и др.

⁷⁰ См. работы А.М.Золотарева: Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Б.м., 1938. 15 с. (перепечатано: Кунсткамера, вып. 4, 1995, с. 180—200); Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. — Историк-марксист. 1938, кн. 2 (66), с. 63—88; Первые сведения о юкагирах и чукчах. — Там же. 1939, кн. 2 (72), с. 188—192, а также: *Золотарев А.М., Левин М.Г.* Саами (лопары). — Советское краеведение. 1936, № 5, с. 62—67.

⁷¹ *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. Магадан, 1983.

⁷² *Левин М.Г., Золотарев А.М.* К вопросу о древности происхождения оленеводства. — Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных. М.—Л., 1940, т. 1, с. 171—189.

⁷³ *Золотарев А.М.* Из истории этнических взаимоотношений..., с. 84.

⁷⁴ *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1, с. 63—87.

⁷⁵ *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов севера Евразии. М., 1989, с. 146—147.

⁷⁶ *Золотарев А.М.* Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов. — Антропологический журнал. 1936, № 3, с. 354.

⁷⁷ *Золотарев А.М.* Расовая «теория» и этнография. — Наука о расах и расизм. М.—Л., 1938, с. 40—51.

⁷⁸ *Золотарев А.М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства»..., с. 31—32.

⁷⁹ *Золотарев А.М.* К истории ранних форм группового брака. — Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 2. М., 1940, с. 154.

⁸⁰ *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства. — Родовое общество. М., 1951, с. 28—66; *Крюков М.В.* Система родства китайцев. М., 1972.

⁸¹ *Золотарев А.М.* К истории ранних форм группового брака, с. 169.

⁸² См., например: *Токарев С.А.* Энгельс и современная этнография. — Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1951. Т. 3, № 1, с. 28—66; *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства, с. 28—66; *Семенов Ю.И.*

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современные данные этнографии. — Вопросы философии. 1959, № 7, с. 137—147. В те же годы была показана несостоятельность другого элемента моргановской схемы — опровергнуто существование семьи пуналуа, основанной на групповом браке, причем были выявлены источники заблуждения Моргана в этом вопросе. См.: *Тумаркин Д.Д.* К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII—начале XIX в. — СЭ. 1954, № 4, с. 106—116.

⁸³ *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология, с. 289.

⁸⁴ Там же, с. 297.

⁸⁵ См., например: *Золотарев А.М.* [Рец. на:] Report of the Australian and New Zealand Association for the Advancement of Science, vol. 16. Wellington, 1923; vol. 17, Adelaide, 1924; vol. 18, Perth, 1926; vol. 19, Hobart, 1928; vol. 20, Brisbane, 1930; vol. 21, Sydney, 1932; vol. 22, Melbourne, 1935. — СЭ. 1936, № 2, с. 164—165.

⁸⁶ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Анисимов А.Ф.* Родовое общество эвенков. М., 1936. — СЭ. 1937, № 1, с. 193—195.

⁸⁷ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Потапов Л.П.* Разложение родového строя у племен Северного Алтая. Материальное производство. — Известия ГАИМК. М.—Л., 1935, вып. 128; *Потапов Л.П.* Очерки по истории Шории. — Труды Института востоковедения Академии наук СССР. М.—Л., 1936, т. XV; *Токарев С.А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936. — Историк-марксист. 1938, № 1, с. 132—134.

⁸⁸ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Л., 1938. — Вестник древней истории. 1939, № 2, с. 107—114; *Hrdlička A.* Melanesians and Australians and the Peopling of America. L., 1935. — Антропологический журнал. 1936, № 3, с. 364—366.

⁸⁹ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Тейлор Э.Б.* Первобытная культура. Пер. с англ. под ред., с предисл. и примеч. В.К.Никольского. — Вестник древней истории. 1939, № 3 (8), с. 138—142.

С.С.АЛЫМОВ, А.М.РЕШЕТОВ

*Борис Алексеевич Куфтин:
изломы жизненного пути*

В истории отечественной этнологии 20-е годы прошлого века характеризуются плодотворным развитием различных теоретических направлений и школ в рамках нескольких научных центров. Этнология в Москве существовала прежде всего в стенах Московского университета — на открытой в 1919 г. Д.Н.Анучиным кафедре антропологии физико-математического факультета, преобразованной в 1922 г. в Антропологический институт им. Д.Н.Анучина, и на созданной в том же, 1922 г. кафедре этнологии факультета общественных наук (в 1925—1931 гг. — этнологическом факультете) I МГУ. Кроме того, важную роль играли московские музеи — Центральный музей народоведения (ЦМН) и Музей Центрально-промышленной области (МЦПО), а также возглавляемый А.Н.Максимовым и В.В.Богдановым этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), издававший журнал «Этнографическое обозрение».

В деятельности всех этнографических учреждений Москвы чрезвычайно активную и зачастую руководящую роль играл Б.А.Куфтин — один из наиболее крупных ученых-этнографов 20-х годов. Он внес значительный вклад как в конкретные исследования в основном по восточноевропейской этнографии и археологии Грузии, так и в теоретико-методологические. Широта его научных интересов характеризуется поистине энциклопедическим масштабом и включает проблемы этнографии, антропологии и археологии практически всех регионов России и сопредельных ей стран. Активнейшее участие Куфтин принимал в музейном строительстве, благодаря его чрезвычайно интенсивной экспедиционной деятельности была собрана значительная часть коллекций МЦПО и ЦМН. Не менее важна его преподавательская работа в Московском университете, благодаря которой

было воспитано поколение ученых, многие из которых впоследствии определяли развитие отечественной науки. С 1930 г. Куфтин был насильственно выключен из участия в этом процессе, так как его репрессировали и сослали на три года в Вологду. Задача данной статьи проследить изломы творческого и жизненного пути Б.А.Куфтина, попытаться показать его деятельность на фоне ситуации, сложившейся в отечественной науке.

* * *

Б.А.Куфтин родился 12 (24) января 1892 г. в Самаре. Отец его, Алексей Никанорович Куфтин, был поручиком Бузулукского резервного батальона, мать — учительницей. В детстве Борис Куфтин проявлял склонность к естественным наукам. Еще будучи учеником Оренбургского реального училища, он занимался сбором ботанических и зоологических коллекций и совершил путешествие пешком от Аральского моря до Ташкента. В 1909 г. Борис поступил в Московский университет на физико-математический факультет. Однако через два года, в 1911 г., за участие в студенческом движении Куфтин был исключен из университета и уехал за границу, где прожил около двух лет в Швейцарии и Италии. В 1913 г. по объявленной в честь трехсотлетия дома Романовых амнистии он вернулся в Москву и некоторое время работал внештатным ассистентом-преподавателем на кафедре ботаники в Московской сельскохозяйственной академии, читал курсы ботаники в Народном университете Шанявского. В 1916 г. молодой ученый совершил поездку в район Джунгарского Алатау (горная система в юго-восточной части Казахстана), результатом которой стала работа «Орография Джунгарского Алатау», представленная в качестве кандидатской диссертации в Московский университет. Во время поездки в Казахстан в сферу научных интересов Куфтина вошла новая область — этнография. Это произошло благодаря знакомству с руководителем этнологического отделения Московской секции Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), а впоследствии директором МЦПО В.В.Богдановым, который предложил ему заняться сбором материалов по казахскому народному календарю. Уже в 1916 г. Богданов опубликовал в «Этнографическом обозрении» статью «Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа», первую этнографическую работу Куфтина, явившуюся, по его словам, также «почти первой работой, посвященной вопросу выяснения формы тюркского народного календаря по его пережиткам, сохранившимся у киргиз-казац-

кого народа»¹. В 1917 г. Куфтин сдал кандидатские экзамены и был оставлен Д.Н.Анучиным при Университете на два года для подготовки к профессорскому званию по кафедре антропологии. Влияние идей Д.Н.Анучина относительно неразрывности триады (этнографии, антропологии и археологии) скажется как на эмпирических работах, так и на теоретических взглядах Куфтина. «Сформулированные Анучиным принципы, — пишет С.А.Токарев, — вдохновляли русских исследователей на протяжении многих лет. В духе этих принципов писались ценные монографии — от "Русских лопарей" Николая Харузина до работ Б.А.Куфтина 20-х годов, посвященных проблемам восточнославянской этнографии»². Таким образом, мы видим, что на становление Куфтина как этнографа наибольшее влияние оказали Д.Н.Анучин и В.В.Богданов. Сотрудничество с последним было особенно плодотворным и продолжалось на протяжении всех 20-х годов.

* * *

Советские историографы справедливо отмечают, что основные заслуги Куфтина как этнографа состоят в изучении материальной культуры в связи с проблемами этногенеза. С.А.Токарев считает, что такие ученые, как В.В.Богданов, Б.А.Куфтин, Н.И.Лебедева, Е.Э.Бломквист, Г.С.Маслова и другие, «сумели найти правильный угол зрения на явления материальной культуры»³. Г.Ф.Дебец также замечает: «Первый период научной деятельности Б.А.Куфтина характеризовался преимущественно работами в области этнографического изучения материальной культуры народов СССР»⁴. Действительно, объектам материальной культуры в своих работах Куфтин отдает явное предпочтение. Это является характерной чертой московской этнографии 20-х годов, развивавшейся в основном вокруг музейных центров: недаром практически все перечисленные выше ученые были тесно связаны с работой двух московских музеев — МЦПО и ЦМН. Особый интерес к материальной культуре объясняется, по-видимому, самой спецификой музейной работы, а также популярными в то время теоретическими установками «культурно-исторической школы».

Практически все работы Куфтина по этнографии Центральной России проводились под эгидой МЦПО. Если судить по публикациям 20-х годов, это было довольно разностороннее учреждение и этнографическая составляющая была далеко не единственной в его деятельности. Значительную часть изданий музея составляют биологические и орнитологические исследования А.Н.Формозова, П.А.Смирнова и других, а также археологи-

ческие исследования, проводившиеся под руководством Б.С.Жукова и О.Н.Бадера.

О методике этнографических исследований музея мы можем судить по программному докладу В.В.Богданова на Первом этнологическом совещании по изучению ЦПО. Богданов провозгласил необходимость «отрешиться от тех приемов этнологического обследования, которые в нашей науке базируются на принципе эволюции форм и элементов общечеловеческого быта»⁵. Эволюционистскому методу, конструирующему абстрактный «общечеловеческий быт», противопоставлялось конкретное изучение истории бытовых явлений, распространенных на определенной территории, в чем, собственно, и состоял смысл отстаиваемого Богдановым «культурно-исторического метода». Этнологу-эволюционисту он предпочитает этнолога-областника, опирающегося в изучении своего региона на комплексное использование археологических, исторических, лингвистических и других данных. В.В.Богданов пишет: «Территориальная связь бытовых явлений есть специальная и основная задача областного изучения, но эта связь идет дальше, за пределы областной территории <...> Этнолог-областник обязан оперировать с этими труднейшими задачами для его областных этнологических тем и многое брать из областей смежных наук, особенно лингвистических, исторических и др.»⁶. Этот тезис был полностью воплощен в работах Куфтина 20-х годов, например, он полностью разделяет следующее определение Богдановым основных задач «культурно-исторического метода»: «При культурно-историческом понимании исследуемых явлений народного быта необходимо ценить три условия: 1) историческую датировку, 2) хронологическую последовательность одних форм после других (как это соблюдается в исследованиях диалектологических), 3) территориальную и бытовую связь одних явлений с другими, как, например, в работах Д.К.Зеленина — связь известных форм костюма с известными фактами говора»⁷.

Еще одной важной чертой позиции Богданова, разделявшейся и Куфтиным, является его крайне скептическое отношение к участию этнографов в «изучении современности». Эта общая черта «московской школы» проявится и на совещании этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г. Этнология — наука историческая, объектом ее изучения является прошлое и его «пережитки», следовательно, «современность» не может входить в круг ее интересов: «культурно-исторический принцип нельзя применить к современному быту, и изучать быт можно лишь постольку, поскольку он дает материал *пережитков прошлого* (курсив Богданова)»⁸.

Музей провел два совещания этнографов по изучению Центрально-промышленной области (ЦПО) — в марте 1926 и декабре 1927 г. Куфтин принимал деятельное участие в обоих совещаниях. Основной целью этих совещаний было «поставить и обсудить многие вопросы как методики, так и направления изучения культуры населения области»⁹. Доклады по наиболее общим вопросам принадлежали В.В.Богданову, Д.К.Зеленину, Б.А.Куфтину, С.П.Толстову. Рассмотрение этих докладов и развернувшихся на совещаниях дискуссий позволяет очертить круг теоретических проблем, актуальных для московских этнографов тех лет. Совещания, по мнению одного из молодых, но наиболее активных сотрудников Музея ЦПО С.П.Толстова, подводят итог этапу еще недолгой истории советской этнологии, который он вслед за Преображенским называет «периодом стихийного самотека»¹⁰. «Стихийное» развитие этнографии и краеведения необходимо, по мысли организаторов совещания, направить в единое, теоретически и методически определенное русло. Многие наиболее влиятельные участники совещаний связывали этот процесс с понятием «культурно-исторической школы».

По мнению Д.К.Зеленина, этнографическое изучение ЦПО должно вестись в контексте теоретических проблем, стоящих перед мировой наукой. Из них он выделяет два наиболее «ударных» и актуальных вопроса: вопрос о конвергентности (независимом, параллельном возникновении определенных явлений культуры в разных культурах) и диффузии, а также вопрос о культурных районах и культурных центрах, распространяющих на эти районы свое влияние¹¹. Основным методом разрешения этих вопросов Зеленин считает метод картографирования ареалов распространения преимущественно явлений материальной культуры (техники гончарства, обработки кож и т.д.).

П.Ф.Преображенский в своем докладе также отмечает, что основная теоретическая дискуссия в мировой этнографии между эволюционистами и «исторической школой» идет вокруг дихотомии «независимое развитие — диффузия», причем «историческая школа является все время атакующей и в значительной степени подорвала авторитет старых эволюционистских теорий»¹². Обсуждение доклада Преображенского, проходившее на вечернем заседании совещания 10 декабря 1927 г. под председательством Куфтина, показывает, что лидеры московской этнографии того времени — Куфтин, Преображенский, Толстов — были достаточно единодушны в своем понимании процесса смены парадигм в этнографической науке, а также принципов «культурно-исторической школы». Однако были и существенные разногласия. Наиболее оптимистичные оценки высказывает

Куфтин: «Культурно-историческая школа ставила и разрешала вопросы взаимоотношения и формирования культуры в историческом аспекте и понимала этот процесс как исторический, а не теоретически-эволюционный, и в этом смысле приходится сказать, что эволюционная школа не давала возможности разработать вопросы аккультурации и взаимодействия отдельных культур. Сущность значения исторической школы именно в том, что от теоретических построений она перешла к анализу конкретных фактов во всей их географической, исторической и этнической сложности»¹³. И далее: «Культурно-историческая школа жива и имеет все данные для развития»¹⁴.

Гораздо более сдержанную позицию занял Преображенский. По его мнению, западная наука переживает глубокий кризис, причинами этого кризиса являются не только несогласия эволюционистов и диффузионистов, но и недостатки в теориях самой культурно-исторической школы. Он выделяет три основные проблемы: во-первых, можно ли на основе сходства материальной культуры делать выводы о наличии культурных контактов, влияний и т.п. (при этом теряется «культурная связка», т.е. понятие о культуре как целом)¹⁵; во-вторых, неясен сам механизм заимствования¹⁶; и в-третьих, не разработана проблема этноса: «Школа имеет дело лишь с культурным кругом, имеющим самостоятельное существование и не увязанным с этническими организмами. Без разрешения проблем структуры культуры, аккультурации и этнической группы этнология не может дальше развиваться, она заходит в тупик»¹⁷.

С.П.Толстов, соглашаясь с Преображенским, выражал, однако, большую уверенность в жизнеспособности парадигмы: «Основы культурно-исторической школы — расценка культурных явлений как отражения истории общественных групп, принцип диффузии, заимствования и аккультурации — не оспариваются»¹⁸. Следует отметить, что, хотя «культурно-историческая школа» (точнее, «культурно-исторический метод») Богданова и Куфтина возникла под влиянием западноевропейских диффузионистских школ, она была свободна от крайностей диффузионизма и не претендовала на глобально-исторические обобщения. Эта интересная и оригинальная школа еще не получила достаточного освещения в отечественной историографии. Как увидим далее, теоретические дискуссии на совещаниях по изучению ЦПО были непосредственно связаны с исследовательскими работами Куфтина.

* * *

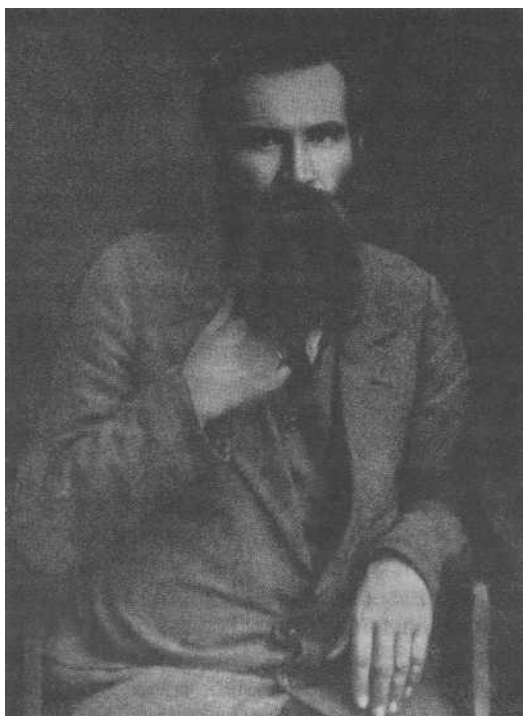
На этнографическом совещании 1929 г., подытоживая свой многолетний опыт экспедиционной и исследовательской деятельности, Куфтин говорил: «В основе сравнительного этнологи-

ческого изучения района лежит исследование <...> прежде всего материальных орудий производства <...> Далее следует сравнительное изучение и соби́рание других сторон культуры, но по возможности в формах, поддающихся зрительной фиксации. К такого рода явлениям принадлежат расовые типы, вся материальная культура (пища, одежда, средства передвижения), годовые циклы производственных процессов и годовые циклы бытовой жизни, а также те стороны племенной идеологии, которые выражаются в материальных предметах и действиях. Преимущественное изучение таких явлений вытекает из самого существа сравнительной этнологии, так как даже сложный факт социальной жизни, закрепленный в материальном объекте, становится легко фиксируемым и достоверным»¹⁹.

Основываясь именно на этом принципе, Куфтин предполагал осуществить «сравнительное этнологическое изучение» этнографической группы, проживающей в основном в северных районах Рязанской области и известной под названием «русской мешеры». Исследование, посвященное материальной культуре этой группы, должно было состоять из четырех частей: женский и мужской костюм, жилище, средства передвижения, занятия и орудия труда. Выполнить, да и то не полностью, удалось только первую часть этого плана: в 1926 г. в серии трудов МЦПО выходит монография Куфтина «Материальная культура русской мешеры. Часть I. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан». В 1927 г. музеем были заявлены как готовящиеся к печати вторая часть «Женский костюм: наверхник, шушпан. Головной женский убор, обувь» и третья — «Мужской костюм, мужская и женская верхняя одежда», однако они так и не увидели свет.

Рассматриваемое исследование основывается на материалах, собранных для музея Рязанской экспедицией, организованной В.В.Богдановым. Работа этой экспедиции занимала, по крайней мере до последней трети 20-х годов, центральное место в этнографической деятельности музея. Б.А.Куфтин проводил сбор коллекций в 1921 г. В 1919 и 1920 гг. он также участвовал в работе экспедиции, однако в эти годы коллекции для музея не приобретались и материал собирался «исключительно в виде записей, зарисовок и фотографий»²⁰.

В основу монографии «Материальная культура русской мешеры» легли два доклада: «Народный костюм Мещерского края в связи с историей его колонизации» на петроградской секции РАИМК и «Народный костюм восточной части области средне-великорусских говоров» — в Московской диалектологической комиссии. В отличие от довольно популярного в те годы жанра статистико-этнографического описания современного состояния

Б.А.Куфтин. Середина 20-х годов

деревни, эта работа является примером применения к великорусской этнографии «культурно-исторического» метода. Главной целью автора было выявить наиболее архаические черты быта населения.

Еще одной важной чертой методологии Куфтина является широкое использование сравнительного материала. Женский костюм географически ограниченной группы великороссов он рассматривает на фоне типологии и истории не только великорусского костюма в целом, но и данных о костюме южных славян, прибалтийских народов, Западной Европы. Кроме того, он опирается на археологические исследования (часть из которых проводил он сам), а также работы А.А.Шахматова, Е.Ф.Будде и других лингвистов.

Опыт изучения великорусского костюма Куфтин подытоживает в докладе «Задачи, методы и достижения в изучении костюма ЦПО» на Первом этнологическом совещании при Музее ЦПО. Он подчеркивает значение костюма как «наиболее яркого этни-

ческого признака» и, следовательно, наиболее ценного (сравнительно с другими явлениями материальной культуры) этнографического источника.

«Изучение костюма должно вскрыть этническую структуру области, направление, куда тяготеют отдельные ее части и, наконец, процесс смены форм в связи с историей образования областного типа»²¹. Чтобы понять «историю областного типа», необходимо под современными наслоениями последовательно обнаруживать все более архаические элементы. В то время путем непосредственного опроса стариков можно было выявить костюм эпохи, предшествовавшей отмене крепостного права. Согласно методологии Куфтина, большая хронологическая глубина исследования возможна только при широком территориальном охвате.

Б.А.Куфтин также подчеркивает особое значение исследования районов с «задержавшимся культурным развитием». Этот принцип определял экспедиционную политику возглавляемого Богдановым музея. Куфтин прибегает к естественно-научным аналогиям, ярко характеризующим его понимание работы этнографа: «Подобно геологу, ищущему для определения последовательности слоев выходов горных пород в естественных разрезах местности, или подобно зоологу и фитогеографу, пользующимися реликтовыми островами для уяснения истории развития флоры и фауны района, этнологу, изучающему крупные этнические массивы, эти районы бытования реликтовых, так сказать, форм служат по отношению к более обширной окружающей их территории ключом для выделения древней структуры области и выделения исходных форм и наслоений — эта мысль, высказанная В.В.Богдановым, здесь должна быть особенно пропагандируема»²².

Рязанская область интересовала Богданова и Куфтина именно в качестве такого «реликтового» района. Таким же районом была и территория активно изучавшегося в то же время Н.И.Лебедевой Калужского полесья. «Эти районы, — говорит Куфтин, — дали материал для подхода к истории главным образом южно-великорусских комплексов костюма и раскрытия культурных взаимоотношений в южной половине ЦПО»²³.

Б.А.Куфтин представляет комплекс женской крестьянской одежды в качестве своего рода геологического образования, отдельные элементы и формы которого должны быть сопоставлены с определенными этническими группами — их носителями, влиянием которых объясняется их наличие в костюме данного региона: «Морфологический анализ должен выяснить ряд групп, выделение которых, однако, должно базироваться не только на

формах, но и на этнокультурных основаниях, то есть путем установления принадлежности каждой данной группы к определенной культурно-исторической среде»²⁴.

Центральной частью исследования Куфтина о мешере является глава о поневе — поясной женской одежде, напоминающей юбку. Наибольшее внимание он уделяет поневам, характерным только для Мещерского края. Некоторые параллели мещерским поневам Куфтин отмечает только в районе Калужского полесья, что подтверждается и при анализе им покроя мещерских рубах. В носителях этих понев исследователь видит потомков древнего славянского населения края, оттесненного позднейшей (XV—XVI вв. и далее) южновеликорусской колонизацией.

Подкрепление своей гипотезе он находит в языковедческих работах Е.Ф.Будде и А.А.Шахматова, посвященных изучению великорусских диалектов. Е.Ф.Будде, специально изучавший говоры практически той же территории — Касимовского уезда, отмечает, что касимовские говоры, несмотря на характерное южновеликорусское аканье, во многих чертах сходны с говорами северных великороссов. Куфтин оспаривает установившуюся благодаря Д.К.Зеленину традицию считать поневу принадлежностью южновеликорусского костюма, в отличие от северовеликорусского сарафана. Он приводит свидетельства того, что понева когда-то бытовала и в северовеликорусской среде. Носителей мещерского типа понев Куфтин склонен считать потомками летописных вятичей.

Следует отметить, что впоследствии некоторые выводы монографии подверглись критике. Н.И.Гаген-Торн назвала работу Куфтина типичной для московских этнографов и «впервые дающей законченную и четкую методологию описания одежды». Тем не менее она подвергла критике сам подход к изучению одежды, при котором основной проблемой исследования является вопрос, «откуда пришла в изучаемую этническую группу данная одежда и к каким культурным традициям она может быть отнесена»²⁵, тогда как с марксистской точки зрения важнее является вопрос, почему данная одежда бытует и сохраняется. Кроме того, она отметила, что увлечение лингвистическими данными помешало ученому увидеть связи одежды мещеры и народов Поволжья²⁶. Несогласие с Куфтиным выразили также С.П.Толстов и Н.И.Лебедева, считавшие мещеру обрусевшим финно-угорским племенем. Так, Н.И.Лебедева в письме Г.С.Масловой уже в 60-е годы писала: «Куфтин разработал данные о рубахе, поневе и сарафане — элементах славянских, но работа его осталась незаконченной, а если бы он коснулся обуви и головных уборов, то, вероятно, и выводы его были бы другие»²⁷. Тем не менее данная

работа стоит в ряду исследований, оказавших влияние на методологию классификации и изучения одежды на основе ее «конструктивных» признаков (покроя и т.д.).

География работ Куфтина по великорусской этнографии не ограничивается Рязанской областью. В 1924 г. совместно с А.М.Россовой-Куфтиной он проводит экспедицию по Московской области, на материале которой появляется статья «У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов в Московской губернии». Изучение технологии гончарства также было созвучно направлению работ МЦПО, Богданов не раз настаивал на необходимости изучения промыслов этого региона, сохранивших много архаичных черт. Работа строится на сравнительном анализе двух очагов гончарного производства в Московской губернии. Основное внимание уделяется конструкции гончарного круга — главному признаку, различающему традиции использования ручного или ножного гончарного круга. Промысел с ручным кругом характерен для всего великорусского гончарства, в отличие от украинского, использующего ножной. Появление в Московском уезде украинско-белорусского круга Куфтин связывает с притоком сюда белорусского населения, вероятно в XVII в.

* * *

В 1923 и 1925 гг. Куфтин по поручению Антропологического института и ОЛЕАЭ, ученым секретарем которого также был В.В.Богданов, совершил несколько экспедиций в Крым, результатом которых стали его работы, посвященные культуре крымских татар. С октября 1922 г. Куфтин являлся членом Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) — организации, ставившей своей целью всестороннее (геологическое, археологическое, экономическое, биологическое и т.д.) изучение полуострова. Он принимает активное участие в его организационной и исследовательской работе. Так, 22 октября 1923 г. Куфтин участвует в открытии Ялтинского отделения общества, в феврале 1924 г. на заседании Общества в Политехническом музее он зачитывает доклад «О задачах этнологического изучения Крыма».

Следует отметить сходство самого названия работы, основанной на собранных в Крыму материалах, — «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы)» с названием первого варианта работы о мешере — «Народный костюм Мешерского края в связи с историей его колонизации». Схожи и их методологические основы, что, конечно, вполне естественно, так как работа по этим темам велась Куфтиным практически одновременно: несмотря на то что нача-

ло экспедиционной деятельности в Крыму относится только к 1923 г., ее результаты были обобщены и опубликованы уже в 1925 г., на год раньше книги о мещере. В обоих случаях Куфтин подчеркивает необходимость привлечения широкого сравнительного материала, сопоставления с археологией, этнографией и антропологией соседних регионов и культур, участвовавших в формировании «культурных элементов» изучаемого района.

С этой точки зрения между Рязанской областью и Крымом есть нечто общее: Рязанщина является территорией, по которой проходит граница расселения южных и северных великороссов, ареной многовекового смещения и взаимодействия этих (а также других, например местных, финских) традиций. То же мы видим и в Крыму. Б.А.Куфтин пишет: «Крымский полуостров <...> принадлежит культурно к двум различным мирам»²⁸. Они определяются, с одной стороны, влиянием северной кочевнической культуры, с другой — земледельческой средиземноморской, с юга. Эти, а также другие культурные влияния «несли на почву Крыма выработанные в иных природных условиях культурные черты, которые перерабатывались здесь в своеобразном взаимодействии друг с другом, приспособляясь к местной природе и туземным формам быта»²⁹. Кроме того, Крым, как и Рязанская область, привлекает Куфтина тем, что на его территории длительное время как своего рода «реликты» сохранялись остатки скифов, гуннов и других племен.

Как и в работах по великорусской этнографии, в «крымских» исследованиях речь шла также почти исключительно о материальной культуре, но на этот раз главным объектом изучения оказалось жилище. Впрочем, во время экспедиций в Рязанский край Куфтин собирал материалы и по истории русского жилища. Во всяком случае, именно к нему обратилось в 1925 г. Общество исследователей Рязанского края с просьбой составить анкету по изучению крестьянского жилища. Вместо анкеты Куфтин включает краткую инструкцию в изданную в том же году отдельную брошюру, в соответствии с которой должно проходить изучение крестьянского жилища. Он подчеркивает его важность как источника для реконструкции «подлинной народной истории»³⁰ и намечает конкретную программу, по которой должно осуществляться описание жилища.

Для «Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова» характерна присущая Куфтину исследовательская стратегия: на первом этапе он создает географическую классификацию конструкции крымских жилищ. Затем постепенно, как во время археологических раскопок, «снимает» различные, сна-

чала наиболее поздние, слои особенностей, характерных для разновременных и принадлежащих различным культурам строительных традиций.

Б.А.Куфтин выделяет четыре типа строений крымских татар, каждый из которых имеет различное происхождение. Это характерные татарские дома города Бахчисарая, деревенские дома Бахчисарайского района, жилище степного района вокруг городов Карасубазара и Симферополя и, наконец, дома южного берега Крыма. Первый, по времени наиболее поздний, тип — бахчисарайский городской дом является результатом влияния турецко-османского зодчества, наиболее примечательным образцом которого в Крыму был ханский дворец. Куфтин отмечает, что в конструкции типичного дома в Бахчисарае отражено стремление подражать стамбульской архитектуре.

Ко второму типу относятся срубные постройки предгорных районов Западного Крыма, которые, по Куфтину, связаны с древней земледельческой культурой племен готов. Основываясь на греческих и латинских источниках, Куфтин дает исторический экскурс готской колонизации Крыма и описывает своеобразный «северный» характер построек. Идея поиска готских влияний в татарском жилище была также подсказана ему Богдановым еще в 1923 г.³¹.

Два оставшихся типа, по мнению Куфтина, — наиболее ранний пласт, отражающий характер жилища древних аборигенов Крыма, причем «древнейший слой татарского жилища восстанавливается из сравнения его с кавказским»³². Третий из выделяемых типов встречается в степном районе вокруг Карасубазара. Куфтин прежде всего обращает внимание на конструкцию крыш этих домов, которая встречается в «наиболее примитивном типе плетневых построек черкесов, их сараев и курятников»³³, а также на Балканском полуострове. Кроме того, Куфтин отмечает, что в конструкции крымских крыш содержатся элементы свайных построек, распространенных некогда по берегам Азовского моря и известных в трипольской культуре.

Наконец, четвертый тип татарского жилища распространен среди татар южного берега Крыма, известных под именем татов. Отличительной особенностью татских деревень является скученная планировка и расположение по склонам гор, при котором один дом буквально нависает над другим. Для самих домов характерны плоская крыша и крестовидное расположение комнат. «Если мы сравним, — пишет Куфтин, — эту обстановку и вместе форму южнобережного дома с архаическими домами грузинскими, осетинскими, лезгинскими, чеченскими, также армянскими на Кавказе, мы увидим полное сходство между ними»³⁴. То, что

сходство проявляется именно в архаических чертах строения, доказывает древность культурных контактов между этими регионами.

Отмечая это сходство, Куфтин, однако, не ставит вопроса, имеющего важное значение не только для данной работы, но и для «культурно-исторической» методологии в целом: может ли отмеченное сходство являться результатом воздействия сходных природных условий, а не общности исторических судеб? Это возвращает нас к критике Преображенским теории «культурно-исторической школы», поставившей, по его словам, «задачу показать сравнительно малую изобретательность отдельных человеческих групп и стремившейся установить огромное значение принципа культурной диффузии, перенесения и заимствования культурных факторов»³⁵. В начале своей работы о жилище крымских татар Куфтин пишет, что «жилище находится в зависимости от данной природы, с которой связаны и материал, и техника, и форма жилища»³⁶. Однако природа оказывается, по Куфтину, так сказать, сдерживающим фактором: «Та или иная деталь жилища, получив распространение при сложившихся культурно-исторических отношениях, может привиться только в том случае, если этому не противоречит природа»³⁷. Поэтому в сходных природных условиях могут существовать различные строительные традиции, принесенные различными культурными влияниями: «Безусловно, невозможно свести к чисто природным влияниям отличия жилищ южнобережного татарского населения от горных поселений северного склона или местные различия по материалу и конструкции жилищ степной полосы»³⁸. Действительно, всегда ли наличие сходных черт конструкции жилища в сходных природных условиях можно объяснить культурными связями и взаимовлияниями? Куфтин безусловно склоняется к такой возможности. В кратком очерке «Южнобережные татары Крыма», охватывающем все составляющие этнографического описания (антропологический тип, костюм, жилище, занятия, духовная культура), он пишет: «Своеобразный тип южнобережной деревни по своему происхождению не может быть сведен ни к общегурецким степным формам, ни объясняться из тех влияний готских, аланских, скифских, которые естественно искать на почве Крыма. Сходство южнобережных построек с закавказскими и малоазиатскими заставляет относить появление и развитие их в Крыму к тому культурному слою, который, может быть, предшествовал появлению здесь скифов, первых греческих колоний и с которым связана древняя этническая история всего Средиземноморья»³⁹. Относительно этой древнейшей эпохи Куфтин высказывает только осторожные предположения: «<...> культурное

взаимодействие Крыма и Кавказа поддерживалось вероятным этническим единством населения всего европейского и азиатского Средиземноморья. В названии пролива меж Азовским и Черным морями Босфора Киммерийского означена эта историческая связь Крыма с Кавказом через загадочную народность киммерийцев, о которых Геродот сохранил древнейшие предания»⁴⁰.

Материалы по татарскому жилищу послужили основой для еще одного исследования Куфтина. Участвуя в работе Рязанской экспедиции, он обратил внимание на культуру касимовских татар и группы так называемых татар-мишарей. Возможно, это было связано с подготовкой Музеем ЦПО экспозиции «Нацмены ЦПО», осуществлявшейся под руководством С.П.Толстова. Материал для этого исследования Куфтин собирал во время нескольких кратковременных поездок в 1921, 1925 и 1926 гг. Результаты этой работы ученый представил в своем докладе на Втором совещании этнологов ЦПО, 7—10 декабря 1927 г. Изучение этих групп проведено им в этногенетическом разрезе. Этноним группы мишарей Куфтин связывает с встречающимся в русских летописях этнонимом «можары», который, в свою очередь, выводится от мажар, живших, согласно арабскому географу Ибн Русту, в X в. в области Нижней Волги и Дона. Ученый разделяет мишарей и другие группы татар, отмечая «конгломератный состав и различное происхождение различных составных частей волго-татарской народности»⁴¹. Он считает мишарей потомками «культурно поработанной казанскими татарами народности», для которой предполагается древняя финская этническая основа. Подробно анализируя жилище и в особенности строение печи, Куфтин приходит к выводу, что «мишарские печи с подвесными котлами и часто без труб свидетельствуют не о татарском прототипе, а о древнем туземном ядре, просвечивающем сквозь более поверхностные татарские наслоения»⁴². «Такого рода устройство печи <...>, — считает Куфтин, — вводит мишарскую печь в один круг с волго-финскими и западно-финскими, а также, по видимому, и балтийскими вообще дославянскими печами с очагом на всей этой территории»⁴³. Конструкция же татарских печей генетически связывается с печами, распространенными в оседлых жилищах башкир, казахов, а также в примитивных жилищах народов Западной Сибири. По мнению Куфтина, источником происхождения печей касимовских и казанских татар является «культурная среда, в которой некогда соприкасались и взаимодействовали угро-самоedские и турецкие племена»⁴⁴.

В статье о мишарях, пожалуй, ярче, чем в других работах, проявляется подчеркиваемая Куфтиным крайняя сложность этно-

генетической проблематики. Вопросам социальной организации изучаемых им обществ Куфтин уделяет очень мало внимания, к примеру, в статье о крымских татарах этому посвящено буквально несколько предложений, что также является чертой «культурно-исторического метода».

* * *

Как уже было сказано, археология с самого начала являлась неотъемлемой частью научной деятельности Куфтина, бывшего также членом комиссии по археологии московской секции РАИМК. Первые археологические работы он проводил в Рязанской губернии, на берегу оз. Святого, где еще в 1919 г. им были обнаружены следы неолитической стоянки. В 1923 г. совместно с Б.С.Жуковым Куфтин осуществляет раскопки близ подмосковного села Льялово. Предварительный отчет о раскопках был опубликован Куфтиным в серии трудов Общества исследователей Рязанского края⁴⁵. Характерной чертой льяловской культуры являлось одновременное нахождение неолитической гребенчатой керамики и макролитических орудий, характерных для раннего неолита Северной Европы. На тот момент это было древнейшее известное науке поселение на территории Московской области, позволившее датировать ее заселение по крайней мере III тыс. до н.э.

Следующая археологическая работа Куфтина вновь связана с Рязанщиной и осуществлена совместно с заведующим Касимовским музеем И.А.Китайцевой и заведующей Русским отделом ЦМН Н.И.Лебедевой. Подборная культура (по названию оз. Подборное) была обнаружена в нескольких километрах от Касимова. Борис Алексеевич считает ее родственной срубной и андроновской культурам⁴⁶.

Кроме эмпирических работ по археологии Куфтина интересует теоретическая проблема интеграции этнографических и археологических исследований. Историографы отмечают, что в археологической науке 20-х годов было три методологических направления: классическое, эволюционистское и палеоэтнологическое. Последнее связывается с деятельностью двух университетских школ, основателями которых были проф. Ф.К.Волков в Петербурге и Д.Н.Анучин в Москве. «Палеоэтнология в МГУ, — пишет В.Ф.Генинг, — наиболее ярко представляла в советской науке культурно-историческое направление, как оно понималось в западной науке, но в силу специфики своего развития в России (влияние деятельности Д.Н.Анучина) оно получило значительную окраску географического детерминизма»⁴⁷. Главным

сторонником палеоэтнологии был коллега Куфтина по Антропологическому институту Б.С.Жуков, считавший, что в рамках палеоэтнологии исследователи «вступили на путь принципиально-го уничтожения границ между погребенными и современными культурами...»⁴⁸. Свои идеи, связанные с этой проблемой, Куфтин изложил в докладе на Палеоэтнологическом совещании при МЦПО 27—29 мая 1926 г. Взаимодействие этнографии и археологии, отмечает ученый, сталкивается с рядом серьезных затруднений. Несмотря на общие цели этих двух наук — «дать конкретную историю развития человечества во всем многообразии культурно-племенных проявлений его быта»⁴⁹, сами материалы, которыми они оперируют, противоположны по своим характеристикам: археологические находки имеют, как правило, определенную датировку, в то время как этнография имеет дело с объектами, одновременно существующими в современном быту. «Хронологическая глубина, в смысле археологии, этнологическому факту не присуща, она восстанавливается теоретически только для типа, а не для данного реального предмета»⁵⁰. Археологический объект имеет определенную территорию, в то время как территория распространения этнографического объекта неопределенна: «для типа, уясняемого как памятник некоторой эпохи, территория становится тоже гипотетической»⁵¹. В то же время этнографический объект обладает определенной этнической характеристикой, тогда как археологический ее лишен.

Каковы пути интеграции этих наук? Б.А.Куфтин пишет: «Этнология стремится с помощью археологии или выяснить территорию прошлого пребывания племени по остаткам его культуры, поддающимся отождествлению с современными элементами, или же обнаружить реально-древний культурный тип племени на территории, выявленной этнологическим анализом для определенной эпохи»⁵². Этот путь, однако, осложняется тем, что, как правило, те предметы, которые бытуют в этнографической действительности, очень скудно представлены в археологии, а то, с чем имеет дело археолог, каменная и костяная индустрия, бронза, медь, в основном вышло из употребления у современных народов. Выход из этой ситуации ученый видит в максимально строгой и подробной фиксации при раскопках этнографически наиболее ценного материала по жилищу и остатков одежды: «Было бы желательно, чтобы к изучению особенно поздних могильников, дающих фрагменты ткани, привлекался бы обязательно этнолог, работающий в области костюма»⁵³.

На археологию возлагает Куфтин надежды в разрешении поставленного в его работе «Материальная культура русской мешеры» вопроса о распространении поневного комплекса среди се-

верных великорусов. При установлении этнической принадлежности археологических культур, особенно при отсутствии исторических свидетельств, касающихся территорий их нахождения, археолог сталкивается с еще большими трудностями, так как легко впасть в заблуждение, идентифицируя эти культуры исходя из современной этнической ситуации. Решение этого вопроса, считает Куфтин, возможно «только при учете широкого племенного окружения и при совокупном анализе взаимоотношений погребенных и современных культурных типов на крупных территориях»⁵⁴. Ученый приходит к выводу, что необходимо не только использование этнографами выводов археологии и наоборот, но «в полном смысле совместное их участие в этой работе и создание специальной методологии, не вытекающей из существа материалов каждой из них по отдельности, но только из общей их задачи»⁵⁵.

* * *

Наряду с исследовательской деятельностью Куфтин на протяжении 20-х годов преподает в Московском университете. Его преподавательская работа поражает своей интенсивностью и широтой материала. Куфтин читает курсы по этнографии практически всех регионов СССР, а также лекции по теоретической этнографии, методике музейной работы, проводит полевой практикум и т.д. Весной 1919 г. Анучин предлагает Куфтину, сдавшему экзамены на звание магистра, читать курсы по «народоведению». После смерти Анучина ему было поручено заведовать всем народоведческим циклом на кафедре. В своей автобиографии Куфтин пишет: «До 1930 г. мною читались курсы: 1) история первобытной культуры и народоведение; 2) описательное народоведение; 3) народоведение Восточной Европы и Кавказа; 4) народоведение Сибири и Средней Азии; 5) народоведение турецких племен»⁵⁶. Кроме того, он вел занятия по курсам «Методы научного определения этнографических памятников», подготавливавшему студентов к музейной работе, и «Введение в археологию доклассового общества». Теоретическая составляющая народоведческого курса носила название «Сравнительное народоведение или общая этнология, ее предмет, задачи и история». В фонде Куфтина в Архиве МАЭ хранятся рукописные планы этих курсов, по которым можно составить приблизительное представление об их содержании.

Курс лекций по сравнительному народоведению делился на историографическую и фактическую части. В первой давался обзор трудов классиков-эволюционистов, однако упор делался на

антропogeографию и диффузионистов — Ф.Гребнера, Ф.Ратцеля, Г.Фоя, В.Шмидта и др. Далее Куфтин объяснял основные теоретические понятия: культура, «прогрессивные и регрессивные признаки в культуре», «культурные переживания (культурный атавизм)», единство культуры, культурные провинции и элементарные идеи Бастиана, теория «культурных кругов» и исторический метод в этнологии и т.д.⁵⁷. Вторая часть курса строилась по принципу выделения определенных «элементов» культуры (например, лук, топор, гончарство, обработка металлов, жилище и т.д.) и рассмотрения вопросов их происхождения и распространения в различных регионах и культурах.

«Прикладное народоведение» совмещалось с полевой практикой и было ориентировано на обучение навыкам конкретной исследовательской деятельности. Этот курс, по словам Куфтина, «ставит своей задачей дать на конкретном материале работнику народоведу-натуралисту теоретическую и практическую подготовку, научно правильно подойти на месте к пониманию своеобразно сложивших свой быт и культуру отдельных национальностей Союза и сопредельных областей, верно оценить нередко поразительную культурную приспособленность данной народной группы к особенностям местной природы и выявить те условия, на которых возможно ее дальнейшее культурное национальное бытие и развитие»⁵⁸. Вопрос об использовании марксистских понятий применительно к этнологии в лекциях Куфтина, по всей видимости, не поднимался.

За время своей преподавательской деятельности Куфтин создал целую школу, воспитал учеников, многие из которых занимали впоследствии лидирующие позиции как в этнографии, так и в смежных дисциплинах. Среди них С.П.Толстов, М.Г.Левин, С.А.Токарев, Г.Ф.Дебеч, Н.Н.Чебоксаров, Я.Я.Рогинский и др.

* * *

В 1924 г. в Москве по проекту В.В.Богданова создается Центральный музей народоведения (ЦМН). Он стал одним из важных этнографических центров. В его работе в разное время принимали участие видные московские ученые — Е.М.Шиллинг, В.Н.Белицер, В.К.Гарданов, П.И.Кушнер, С.А.Токарев, В.Ю.Крупянская и многие другие. С 1924 по 1930 г. Куфтин руководил в нем отделом Сибири.

В издательстве музея вышли две небольшие научно-популярные работы Куфтина, связанные с музейными экспозициями⁵⁹. Одна из них является этнологическим очерком, кратко обрисовывающим основные характерные черты хозяйства и быта каза-

хов: дается детальное описание конструкции казахской юрты и ткацкого станка, национальной одежды. Работа основана на полевых материалах первой экспедиции Куфтина 1916 г., во время которой были сделаны и многочисленные фотографии. Вторая брошюра также имеет прикладное значение — «помочь посетителю, заинтересовавшемуся выставленной в Музее коллекцией бронзовых статуэток по ламаистскому культу, легче подойти к их пониманию и разобраться в вопросах, с ними связанных»⁶⁰. В то же время это издание отражает сугубо музейную работу ученого — описание и инвентаризацию им коллекции тибетских, монгольских и бурятских статуэток, «бывшей по условиям поступления в музей совершенно немой»⁶¹.

Музей вел активную экспедиционную деятельность, одним из активных организаторов и участников которой был Борис Алексеевич. Значительно расширяется география его исследований: если раньше они ограничивались в основном европейской частью России, то теперь он участвует в экспедициях в Сибирь, на Дальний Восток и Кавказ. В 1926 и 1929 г. Куфтин проводит палеоэтнологические, антропологические и этнографические (в основном по материальной культуре) исследования в Северной Осетии; в 1927—1928 г. руководит работами организованной совместно с Антропологическим институтом И МГУ экспедицией по изучению тунгусо-маньчжурских народностей.

Экспедиция начала свою работу летом 1927 г. В ней принимали участие Б.А.Куфтин, помощник хранителя отдела Сибири ЦМН Б.А.Васильев, аспиранты Антропологического института Я.Я.Рогинский и М.Г.Левин, а также студент-антрополог А.Н.Покровский. Экспедиция разделилась на две группы. Первая (Б.А.Куфтин, М.Г.Левин и Я.Я.Рогинский), занимавшаяся изучением тунгусского населения Прибайкалья, прибыла на место приблизительно в начале июля и, «выехав на пароходе к северной оконечности Байкала, обследовала там, двигаясь на лодке, современные и древние (могильники) тунгусские поселения Киндыгирского и Самагирского родов на северном, восточном (до Томпы) и западном (до Горемыки) берегах Байкала»⁶². Другая группа в составе Б.А.Васильева и А.Н.Покровского направилась в Приморье в район расселения орочей. Куфтин, покинув первую группу, провел археологическую разведку на восточном берегу Байкала, а также раскопки тунгусского могильника в районе устья р. Зеи. Затем, через Хабаровск, он следует на соединение со второй группой, попутно останавливаясь у гиляков, нанайцев и удэгейцев. «Наблюдения среди удэхэ, — пишет Борис Алексеевич в одном из полевых дневников, — были сделаны мною во время двух посещений летних стойбищ удэхэ в 27 г. в

устье р. Онюй и в 28 г. в устье р. Хор. Кроме того, во время стоянок парохода, следовавшего во Владивосток, мною были осмотрены могильник удэхэ в устье р. Нельмы и жилище в устье р. Самарги. На р. Онюе 19.08. я посетил вместе с местным проводником погребение накануне похороненного удэхэ. 20—28.08 провел в стойбище удэхэ, собравшихся со всех верхних притоков р. Онюя, и присутствовал при шаманском обряде жертвоприношения двух свиней и лечения больных»⁶³. В конце августа—начале сентября Куфтин посетил поселения негидальцев (гиляков). В «Путеводителе по отчетной выставке тунгусской экспедиции» участники экспедиции пишут: «В результате первого года работы экспедиции были собраны коллекции по быту орочей более 500 предметов, <...> тунгусов, гольдов, удэхэ и гиляков <...> Сделано свыше 400 фотографий по быту всех упомянутых народностей. Из палеоэтнологической разведки привезен материал с трех неолитоидных стоянок по Байкалу и 7 стоянок на Нижней Ангаре. Измерено около 200 взрослых и несколько десятков детей. Привезено 7 гипсовых масок, 13 портретов, рисованных с натуры, свыше 150 антропологических фотографий, 28 черепов тунгусов и 2 черепа орочей»⁶⁴. В 1928 г. Куфтин и его коллеги продолжили изучение ороков Восточного Сахалина и удэгейцев в районе р. Хора. Оба года экспедиция работала на протяжении нескольких летних месяцев. В работе экспедиции 1928 г. также принимала участие супруга ученого В.А.Стешенко-Куфтина, опубликовавшая исследование о музыкальной культуре палеоазиатов и тунгусов⁶⁵.

В статье, посвященной проблемам сибирской этнографии, Куфтин рассматривал их прежде всего с этногенетической точки зрения (культурные связи палеоазиатов и американских индейцев, история взаимодействия палеоазиатов и тунгусов и т.д.). Относительно приморских народностей, в частности, Борис Алексеевич, ссылаясь на Гребнера, высказывает предположение о существовавших некогда связях с океанийскими культурами: «...всюду по берегам островов западной части Великого океана, вплоть до амурских племен, айнов и Камчатки, встречаются отдельные черты быта, которые могут быть объяснены только как следы индонезийских культурных течений, некогда более широко охватывавших всю Восточную Азию. Сюда относятся, например, свайные постройки айнов, гиляков и камчадалов, много-семейные дома у гиляков, следы материнского права; наконец, своеобразный спиральный орнамент у гиляков и айнов, приближающийся к океанийскому»⁶⁶. По мнению Куфтина, нанайцы, удэгейцы, ороки и негидальцы появились в результате смешения тунгусов и южных палеоазиатов, а эвены — это отунгузившиеся палеоазиаты.

По пути этногенетических исследований пошла и работа экспедиции 1927—1928 г., однако, к сожалению, Куфтин не успел обработать свои полевые материалы и опубликовать их. Большая их часть осталась в виде черновых полевых дневников и записей, почти целиком заполненных зарисовками различных предметов материальной культуры, жилища, шаманских принадлежностей, а также записями соответствующей терминологии. Впрочем, то же можно сказать и о полевых материалах других экспедиций Куфтина. Исключение составляют несколько тетрадей «Краткого эпизодического дневника экспедиции Антропологического института I МГУ и ЦМН летом 1927 г.». Стиль записей этого дневника, не чуждающегося описаний природы и фиксации самых разнообразных происшествий, а иногда превращающегося во внутренний монолог-размышление, разительно отличается от большинства полевых материалов ученого. Дневник интересен для нас тем, что в нем описываются разнообразные житейские ситуации, сопутствующие экспедиционному сбору информации, которые оказываются подчас не менее показательными, чем сам материал. Сам ученый, по-видимому, не причислял фиксируемые им подробности пути и знакомств как с туземным населением, так и с местными русскими к достойным войти в научный отчет об экспедиции «этнографическим фактам». Так, к примеру, он описывает камлание: «К сожалению, само шаманство прошло мало удачно, так как доктор (с ним Куфтин познакомился на пароходе. — С.А. и А.Р.), считая, что без этого шаман не будет чувствовать себя свободно, излишне угостил его и его помощника водкой. Одним из центральных моментов шаманства было растаптывание шаманом горящего очага ногами во время пляски. Ночью мы вели шамана, едва стоявшего на ногах, домой, а его помощник, вышедший еще во время камлания из чума на траву, спал непробудным сном. Я пожалел, что ушел из чума, а не остался ночевать там, и мы вместе с Максимом Григорьевичем (Левиным. — С.А. и А.Р.), захватив с собой шкуру медвежонка для подстилки, отправились ночью в тайгу на розыски чума. Нам удалось его разыскать по шуму ручья, и, переночевав там, наутро с пришедшим туда протрезвевшим шаманом мы фотографировали, зарисовали и записали его облачение»⁶⁷.

Первоначально работа экспедиции напоминала прием у врача: «В больнице Яков Яковлевич (Рогинский. — С.А. и А.Р.) подготовлял уже с доктором помещенье для приема тунгусов, производства измерений и фотографирования антропологических портретов. Я занялся фотографированием, а <1 нрзб.> помогал заполнять бланки и производить расспросы. Работы двигались быстро и удобно; к сожалению, только среди инструментов не

оказалось тазового циркуля, который был отпущен Институтом для экспедиции в ЦПО. Приходилось применять для этого антропометр, что сильно задерживало. Вскоре все-таки приспособились, и на исследование одного человека по полной программе уходило в среднем минут двадцать»⁶⁸.

В дневнике Куфтина описываются и эпизоды, характеризующие взаимоотношения тунгусов и русских, как участников экспедиции, так и ее случайных попутчиков. Видимо, под влиянием этнографов заинтересовался коллекционированием и сопровождавший некоторое время экспедицию местный врач, обезжавший тунгусские стойбища и делавший прививки. Борис Алексеевич записывает в своем дневнике: «За спирт доктору удалось приобрести связку домашних идолов, которые иначе получить совершенно невозможно. Тунгусы, однако, не одобряли их хозяина, что дурак он, плохо ему от этого будет. Действительно, их слова оказались пророческими: в ту же ночь сестра его, жена Савелия Шангина, в связи с размолвкой из-за продажи родовых богов в отчаянии убежала в тайгу, по словам однородцев, чтобы повеситься, ее не могут найти до сих пор»⁶⁹. Все закончилось относительно благополучно: через три дня женщина была найдена в тайге в состоянии тяжелого нервного расстройства. Куфтин, также некоторое время отсутствовавший в этом стойбище, застал через несколько дней финал этой истории: «По-видимому, шаманкой делается, говорили тунгусы, так не пройдет. Савелий, ее муж, узнав, что мы пришли в стан, послал сына попросить у нас $\frac{1}{4}$ бутылки водки для камлания; собирались пригласить Алексея (шаман. — С.А. и А.Р.) освобождать большую от духов»⁷⁰. Случай с покупкой божков произошел перед самым отъездом Куфтина на восток, в район работы второй группы экспедиции. Уезжая, он сделал в дневнике запись, в которой чувствуется, что эта история навела его на размышления об этической стороне взаимоотношений исследователя и изучаемого им населения: «Отношение тунгусов к нам было очень хорошим и как-то особенно приветливым. Это возможно было отнестись только к их прекрасному нраву. Какая-то особая степенность, чувство достоинства и в то же время детская простота и несквозанность в обращении невероятно поражали. Не хотелось расставаться с этими людьми, с которыми были в общении каких-нибудь четыре дня и успели точно бы сдружиться с ними; от них мы получили много, а что мы им дали?»⁷¹.

* * *

Принципы полевой работы, наряду со многими другими, обсуждались на чрезвычайно важном для истории отечественной

науки совещании этнографов Москвы и Ленинграда, проходившем в Ленинграде с 5 по 11 апреля 1929 г. Куфтин принял в нем активнейшее участие. Апрельское совещание 1929 г. было частью развернувшейся в конце 20-х—начале 30-х годов дискуссии о предмете этнологической науки. Историографы называют это совещание началом «революции в этнографии»⁷², поставившей усилиями возглавляемых В.Б.Аптекарем радикалов-марксистов под вопрос само существование этнографии/этнологии как самостоятельной научной дисциплины⁷³. Из московских ученых наиболее активную роль в работе совещания играли декан этнологического факультета I МГУ П.Ф.Преображенский, выступивший с программным докладом «Этнология и ее метод», основной идеей которого было стремление вписать этнологию в гегелевско-марксистское представление об истории и отстоять таким образом ее право на существование, а также Б.А.Куфтин, доклад которого назывался «Задачи и методы полевой этнологии».

Обсуждению вопросов полевой работы на совещании было посвящено отдельное заседание. Уже тот факт, что содокладчиком Куфтина был В.Г.Богораз-Тан, наиболее авторитетный этнограф того времени, говорит о том, что Борис Алексеевич, несомненно, к 1929 г. был одним из самых влиятельных ученых-этнографов. Со многими теоретическими позициями, провозглашенными в его докладе, солидаризировались все активно выступавшие на совещании московские этнографы — С.П.Толстов, С.А.Токарев, М.Г.Левин и др., что подтверждают до сих пор не опубликованные протоколы дискуссии по докладам.

Этот доклад является, пожалуй, наиболее полным и обобщенным изложением теоретического кредо Куфтина как этнолога. Обсуждаемые в нем вопросы специфики этнографических знаний и предлагаемые ответы на них актуальны и в настоящее время. Как подчеркивает Куфтин, доклад имеет не столько практическо-методический, сколько теоретико-методологический характер. Задачи и методы полевой работы, по справедливому мнению докладчика, не могут быть оторваны от общего представления о том, чем должна заниматься этнография как наука и что является объектом ее изучения.

Как и Преображенский, Куфтин подчеркивает принадлежность этнографии к историческим наукам: «Этнология является наукой исторической. Изучая племенные культурно-бытовые, хозяйственные образования, она стремится понять их в процессе их сложения, как продукты социального развития всего человечества на стадиях более примитивной доиндустриально-фабричной общественности и общественности хотя и более развитой, но сохраняющей в тех или других частях пережитки последней.

В этом смысле этнология становится частью всеобщей истории человечества, восстанавливаемой ретроспективно на основании не только закрепленных письменностью событий, но и их бытовых пережитков и других бесписьменных памятников народного языка, различных сторон культурного и расового типа»⁷⁴. Куфтин дает несколько формулировок своего видения задач науки. С одной стороны, он подчеркивает, что этнология «сосредоточивает свое внимание на этногенезе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития»⁷⁵. Вместе с тем внимание этнолога обращено на такие культурные реалии или, как говорит Куфтин, «формации», которые, «возникая в определенной этнической среде», в дальнейшем проходят «процесс денационализации, т.е. выхода за пределы своего национального типа». Таким образом, объекты изучения этнологии делятся на «племенные» (или этнически специфические) и «внеплеменные». Первые, согласно Куфтину, включают «национальные группы, их языки и идеологию, а также чисто национальные пласты в их антропологическом строении (физиогномическое, психологическое своеобразие, общественно-биологические свойства), в хозяйственно-бытовом укладе и социальном строе», ко вторым относятся «расовые типы с их биологическими особенностями, орудия и техника труда, хозяйственно-бытовые формы географических зон и культурно-исторических провинций»⁷⁶.

Следует сказать, что теоретическая часть доклада Куфтина вызвала у наиболее активных радикалов-марксистов крайнее раздражение. В.Б.Аптекарь, к примеру, отзывается о ней как о чем-то недостойном серьезного обсуждения: «Я считаю большой ошибкой президиума, — заявил Аптекарь, — что он не гильотинизировал первой части доклада Куфтина <...> Что касается Куфтина, то здесь каждый мог констатировать наличие совершенно первобытного теоретического хаоса мировоззрения. На это не стоило тратить времени»⁷⁷. Не менее категоричен Н.М.Маторин: «...я вынужден с места в карьер отмежеваться от той методологической путаницы, которую мы видели в докладе Б.А.Куфтина и которая произвела, вероятно, на все совещание угнетающее впечатление. Что касается чисто практической части доклада, то я, может быть, отношусь с глубоким уважением к тому, что на практике проделал Борис Алексеевич, но я считаю, что это менее всего нашло отражение в его докладе»⁷⁸. Эти слова Маторина стали основой для формулировки, которая появилась в отчете о работе совещания в журнале «Этнография»: «Б.А.Куфтин, к

сожалению, большую часть своего доклада использовал на отвлеченные экскурсы в область теоретических вопросов, что лишило его возможности в достаточной степени изложить свой громадный методический опыт полевых экспедиционных исследований»⁷⁹.

По следам состоявшихся дискуссий Маториным была опубликована программная статья «Современный этап и задачи советской этнографии», призванная положить конец спорам о предмете этнографической науки. В этой статье он критикует ученых «старой школы» — Штернберга, Богораза, Преображенского, Куфтина — за слишком широкое понимание «компетенции» этнографии, которая, по его словам, «представляет фактически один из разделов всемирной истории и занята изучением доклассовой общественно-экономической формации <...> и анализом "пережитков" или "остатков" этой формации в обществе феодальном, рабовладельческом и капиталистическом»⁸⁰. В резком тоне Маторин отзывается о позиции Куфтина (к тому времени уже сосланного в Вологодскую область). Цитируя приведенные выше формулировки доклада «Задачи и методы полевой этнологии», он пишет: «Довольно скучно во всем этом копать, но совершенно очевидна и необходимость подобных раскопок. Вспомним хотя бы о путаной методологии Б.А.Куфтина, причислявшего себя к московской "антропологической школе" <...> Теории этого представителя московской "антропологической школы", выдвинувшего особую "этническую формацию", представляют, таким образом, мешанину из старой расовой антропологии и учения пресловутой культурно-исторической школы. Характерную черту марксистского учения — точность теоретических формулировок — Б.А.Куфтин пренебрежительно называет "номинализмом"»⁸¹.

Наибольшее недовольство критиков вызвало, как мы видим, довольно свободное обращение Куфтина с ключевым для марксистской философии истории термином «формация». Действительно, значение этого, по всей видимости, нового для ученого слова, употребляемого им для придания своим идеям большей «марксистскости», в докладе не вполне однозначно: Куфтин говорит о «вненациональных (классовых, политических и пр.) формациях», «расовых, эргологических и вообще культурных формациях» (подразумевая различные составляющие культуры — технологию, язык и т.д.) и, наконец, «общественных формациях». Вообще, доклад содержит довольно много теоретических идей, смысл которых остался, по-видимому, для многих неясен. После доклада было задано много вопросов, большая их часть сводилась к требованию уточнения употребляемых терминов.

Ответы ученого, не вполне владевшего марксистской терминологией, отличались усложненностью и тяжеловесностью формулировок, но за многими из них скрывались идеи, ставшие впоследствии в советской этнографии аксиомами. Прежде всего это касается не раз высказанного Куфтиным тезиса о связи этнологии и истории и о понятии этногенеза, являющегося их главным связующим звеном. Защищая тезисы своего доклада, он, в частности, говорил: «Я и наша антропологическая школа Московского университета рассматриваем основным объектом этнологической науки не отдельные как бы застывшие статические или метафизически созданные понятия об этносе, племени и т.д., а изучаем *процесс*, процесс определенный, который я называю процессом этногенетическим, т.е. процессом образования тех различий, которые мы в обычном нашем понимании называем племенным различием. Этнология изучает процесс образования, т.е. сложения, на определенных стадиях общественного развития определенной стадии производства, хозяйственных отношений, затем их бытование и дальнейшее разложение»⁸².

Как видно из некоторых формулировок доклада, Борис Алексеевич, подобно большинству «старых специалистов», стремился овладеть марксистской терминологией, в дискуссии он ссылался на «диалектический материализм», «политэкономию» и т.д., однако применение этой терминологии в его докладе (как, например, в случае с «формацией») нельзя признать удачным. Куфтин, по-видимому, чувствовал это и сам. Так, в самом начале своего доклада он сделал оговорку: «Не будучи марксистом, не имея специального марксистского образования, я, конечно, не могу претендовать на то, чтобы выразить основы этнологии в терминах и категориях диалектического материализма»⁸³. В ходе дискуссии Куфтин признал актуальность овладения марксизмом, но ученый прежде всего отстаивал свободный, плюралистический путь развития науки: «Если мы наблюдаем, и наблюдаем на нашем совещании, целый ряд споров относительно методологии и задач нашей науки, то это показывает, что вопрос о методологии этнологии на основе диалектического материализма еще неработан. Для выработки его необходим коллектив. Только коллектив с его внутренними противоречиями, которые вполне естественно могут возникнуть, поскольку в коллектив должны войти этнологи-марксисты, и марксисты-неэтнологи, и этнологи-немарксисты, может дать правильную установку для нашей науки. Только в противоречиях рождается истина»⁸⁴. Однако такие простые утверждения в общественно-политических условиях конца 20-х годов были далеко не самоочевидны. Молодые радикалы отнюдь не ощущали потребности в противоречиях, так как,

по их мнению, истина им была хорошо известна. Ее выразителем на совещании стал Аптекарь, с воодушевлением процитировавший своего «коллегу» из цеха историков М.Н.Покровского: «Если до сих пор еще кое-кто мог думать, что мы можем создавать себе научную смену руками старых ученых, то теперь эти соображения надо оставить»⁸⁵.

Возвращаясь к дискуссиям на заседании по вопросам полевой работы, следует сказать, что на нем было поднято множество принципиальных вопросов: о соотношении «стационара» и экспедиции, об участии этнографов в административной и пропагандистской работе, об этической ответственности ученого перед изучаемым им народом и др. Большая часть времени на заседании была посвящена обсуждению преимуществ и недостатков двух основных методов полевой работы — стационарного и экспедиционного, однако это обсуждение выявило значительные концептуальные разногласия не только между различными «философиями» собственно полевой работы, но и между разными взглядами на задачи этнографической науки в целом. Poleмика была настолько острой, что участвовавший в обсуждении представитель московского МЦПО С.П.Толстов усмотрел в ней противостояние двух «школ», имеющих различные методологические установки⁸⁶.

Действительно, совещание разделилось, с одной стороны, на ленинградских учеников Богораза во главе с ним самим, а с другой — на «москвичей», в основном связанных с музеями и работающих экспедиционным методом. Куфтин и Богораз явились, таким образом, выразителями двух различных, а во многом и противоположных представлений о характере работы этнографа.

Доклад Богораза назывался «Стационарный метод этнографии» и был посвящен обоснованию преимуществ этого метода полевой работы, предполагающего длительное (по Богоразу — как минимум полуторагодовое) пребывание исследователя в среде изучаемого народа при обязательном условии свободного владения языком. Богораз отстаивал холический принцип этнографического изучения, представляющий культуру в качестве единого целого, а не совокупности различных «культурных элементов»: «Культура каждой этнической группы представляет сплошной культурный комплекс, изучение которого невозможно без длительного стационарного подхода. Метод стационарного исследования включает как главный момент комплексное изучение методических разделов материальной, социальной и духовной культуры. Статистические элементы материальной культуры, как пища, жилище, одежда, не могут являться главным предме-

том изучения. Необходимо изучение трудовых производственных процессов и их отображений духовных (в частности, религиозных и социальных). Производственные процессы имеют циклический характер, поэтому существенно необходим годовой цикл изучения»⁸⁷. Работа этнографа состоит в проникновении в мир иной культуры, невозможном без длительного и порой болезненного процесса «вживания», «понимания» ее реалий. Из тезиса о том, что «статистические элементы материальной культуры <...> не могут быть главными объектами изучения», следует критика Богоразом экспедиций музейного типа, ориентирующихся именно на сбор и изучение этих элементов. Такие работы, определяемые им как «немой комплекс», не могут дать адекватного представления о реальной жизни изучаемой группы: «В результате собираются вещи: а) по культу, б) по оружию, в) по народному платью, как будто бы люди только молятся, сражаются и наряжаются»⁸⁸. Большинство ученых согласилось с тезисом Богораз о невозможности изучения материальной культуры в отрыве от духовной и о необходимости исследования всего «культурного комплекса» народа в целом.

Не менее остро встал на совещании вопрос об этической стороне взаимоотношений этнографа и «туземцев». Мнения по этому вопросу разделились. Верный народническим идеалам, Богораз полностью приветствует «практическое применение» знаний этнографа в качестве «секретаря сельсовета, уполномоченного по туземным делам» и т.д.: «В условиях СССР полевая работа этнографии должна непрерывно сочетаться с культурно-общественной работой»⁸⁹. Гораздо сдержаннее по отношению к «прикладному» аспекту науки Куфтин: «Практические требования каждого отдельного момента не должны по возможности влиять на планомерность и углубленность этнологической исследовательской работы. Прикладная ценность этнологии, не исчерпываемая только сегодняшним днем, должна гарантироваться правильно разработанной методологией»⁹⁰. Также он является категорическим противником занятия этнографом каких-либо административных должностей, что, по его мнению, отрицательно сказывается на объективности собираемого материала.

Столкнувшись с достаточно жесткой позицией ленинградцев «полевиков», «москвичи» — Куфтин, Преображенский, Толстов, Левин, Токарев — вынуждены были защищать свое понимание науки. В заключительном слове Борис Алексеевич, отнюдь не отвергая первостепенного значения «стационарного» метода, отстаивает необходимость сравнительного этнологического подхода, основанного на широком использовании сопоставлений: «Исследователь, который работает сравнительным этнологическим

методом, имеет возможность самой подготовкой своей (это вовсе не шутка) познакомиться со всем окружением данной народности. В сущности говоря, нужно познакомиться с материальной культурой или другими институтами всего земного шара, чтобы быть сравнительным этнологом. Этнолог с такой подготовкой, приезжая в определенную область даже на короткий срок, может получить в высшей степени ценные и необходимые результаты, каких местный краевед, как бы точно он ни знал язык группы, не может получить, просто не заметив»⁹¹. Основным аргументом «москвичей» в защиту своей методики явилась «объективность» достигаемых с ее помощью результатов. В противоположность ориентации Богораза на «понимание» и «вживание» Куфтин подчеркивал: «...нельзя понимать вещи так, как их понимает сам носитель, сам народ. Нужно понимать их в свете сравнительной, широкой этнологии»⁹².

Помимо рассмотренных выше доклад Куфтина поднимал еще ряд важных вопросов: о соотношении центральной науки и краеведения на местах, о роли этнографических музеев и правильной организации экспедиций по сбору музейных коллекций. Полевую работу Куфтин связывал прежде всего именно с деятельностью музеев, так как именно музей является основным хранителем этнологической информации: «Все эти собранные материалы, помещенные в музей вместе с точно зафиксированным языком, фольклором и музыкальными мелодиями, являются действительно реальными материалами для построений этнологии»⁹³.

Итак, на совещании проявилась существенная разница в методологиях этнографов Москвы и Ленинграда. Штернберг, Богораз и их ученики были по преимуществу специалистами по одному народу или группе народностей. Длительные полевые исследования с неременным знанием языка изучаемого народа для них были основным принципом работы этнографа. Для Куфтина же и других москвичей, занимавшихся материальной культурой и «этнологическими» обобщениями (в основном на материале этнографии Европейской России), принцип знания языка и стационарной работы был не столь важен. В резолюции по докладам Куфтина и Богораза подчеркивался безусловный приоритет «стационарных» исследований, кратковременные же экспедиции «возможны лишь как повторные после стационарной длительной работы или в целях выполнения тематических заданий, но, конечно, при условии знания соответствующего языка. В отдельных случаях в целях этнографической рекогносцировки или пополнения материалов и музейных коллекций возможны и кратковременные экспедиционные работы без зна-

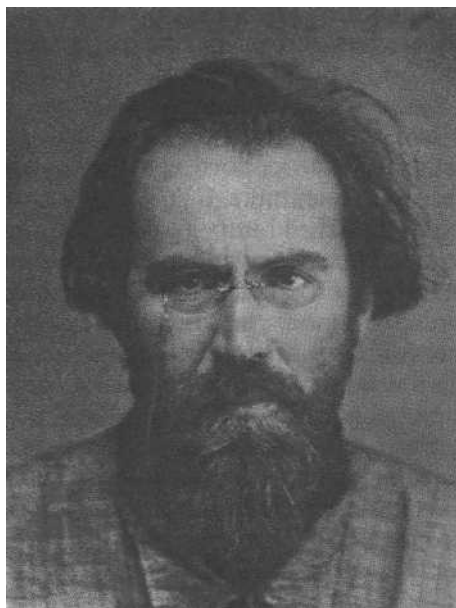
ния языка»⁹⁴. Дальнейшее развитие отечественной этнографии, однако, показало, что, несмотря на то что сторонники экспедиций оказались на Совещании 1929 г. в позиции обороняющихся, в защите скорее нуждался стационарный метод.

Чрезвычайно ценное свидетельство, характеризующее ситуацию в этнографической науке того времени, мы находим в недавно опубликованном дневнике С.А.Токарева, тогда еще аспиранта и сотрудника ЦМН. 11 апреля 1929 г., в день окончания совещания, он сделал следующую запись: «Ленинградское совещание дало страшно много, по крайней мере мне лично. Я отчетливо уяснил себе сущность важнейших оформившихся в настоящее время течений в этнологии, соотношение сил, между кем и кем идет и должна идти борьба. С одной стороны — штернберго-богоразовское направление, господствующее в Питере; его отличительные черты — наличие неизжитых элементов биологизма и психологизма; глава его Богораз страдает хаотичностью теоретического мышления, отсутствием оформленной и надежной методологии. Находящаяся под его и покойного Штернберга влиянием молодежь в большей или меньшей степени разделяет эту болезнь и лишь часть ее, под влиянием марксизма, высвобождается из-под этого одеяния теоретической аморфности, да и то едва ли вполне, разве лишь отдельные лица, вроде Маторина, м.б. Кошкина. О стариках и говорить нечего. В Москве такую же примерно роль играет Куфтин и его немногочисленные сторонники; Толстов как будто решительно "отмарксизировался" от Куфтина, но Маркелов — еще как будто не вполне; Левин — тем более»⁹⁵.

Однако в год «великого перелома» практически более значимыми оказались не споры между сторонниками стационарного и экспедиционного методов, а наступление радикальных обществоведов-марксистов (не обремененных глубокими познаниями в этнографии, но пользовавшихся поддержкой «сверху»), а также части примкнувших к ним ученых-этнографов на носителей «старых» взглядов и приверженцев идеологического плюрализма, объявленных «буржуазными специалистами». К этой категории был причислен и Б.А.Куфтин.

* * *

Вскоре после участия в этнографическом совещании 1929 г. Куфтин был насильно выключен из дальнейшего хода развития отечественной науки. Партийно-государственное давление на науку значительно усилилось, в научных и учебных заведениях прошла волна чисток. Попал в нее и Борис Алексеевич: 27 сентября 1930 г.

Б.А.Куфтин.

Фото из следственного дела

он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и выслан на Север сроком на три года, которые отбывал в Вологде⁹⁶. Мало что известно об этом, пожалуй, самом тяжелом периоде жизни ученого. Однако даже в этих условиях Куфтин не прекращает попыток заниматься наукой: в 1932 г. он пишет статью «Архитектура туземцев Дальнего Востока» для подготавливавшейся в то время «Дальневосточной энциклопедии»⁹⁷. Ссылка продолжалась три года. В 1933 г. Куфтин был восстановлен в правах, но продолжать работу в Москве уже не было возможности: он был официально отнесен к «группе идеологов либеральной буржуазии», которым ставилось в вину «некритическое восприятие буржуазного наследства»⁹⁸. Поэтому по предложению профессора Г.К.Ниорадзе, работавшего некоторое время в Антропологическом институте у Анучина, Борис Алексеевич перебирается на постоянное место жительства в Тбилиси и становится ученым-консультантом по археологии в Государственном музее Грузии. Этот переезд, по-видимому, уберег ученого от новых репрессий. В конце 1933—начале 1934 г. по сфабрикованному «делу славистов» была арестована большая группа уче-

ных-гуманитариев, среди них — девять этнографов, в том числе ближайшая сотрудница Куфтина по ЦМН Н.А.Лебедева⁹⁹.

Трагические обстоятельства, обусловившие резкий перелом в судьбе ученого, даже не упомянуты, по понятным причинам, ни в одном из опубликованных текстов, посвященных Куфтину. В написанных Г.Ф.Дебецем и М.Е.Массоном некрологах этот факт трактуется как добровольный переезд¹⁰⁰. Впрочем, Закавказье входило в орбиту научной работы ученого и ранее: в 1929 г. он участвует в Закавказской экспедиции ЦМН в составе второго ее отряда, в который кроме него входили В.А.Стешенко-Куфтина и художник В.А.Ватагин. Борис Алексеевич занимался в экспедиции в основном изучением материальной культуры. Однако после 1933 г. Куфтин полностью отказывается от организации или участия в каких-либо этнографических работах. Мы не имеем возможности достоверно судить о том, в какой степени этот отказ был вынужденным. Очевидно, по каким-то причинам занятия этнографией в Грузии для ученого оказались невозможны. Таким образом, с 1933 г. начинается новый период в научной деятельности Куфтина, целиком посвященный археологическим исследованиям в Грузии.

Б.А.Куфтин сразу же активно включается в работу грузинских археологов. В 1934—1935 гг. он участвует в организованной под руководством акад. И.И.Мещанинова Абхазской археологической экспедиции в составе отряда, изучавшего памятники «родового и античного общества»; в 1936 г. возглавляет экспедицию Института им. Марра в селении Дабла-Гоми Самтредского района; в 1937 г. работает на раскопках дольменов на территории Абхазии в селениях Кюр-Дере и Азанта. В результате этих раскопок Куфтину удается выявить истинный возраст этих сооружений, построенных, по его оценке, на рубеже III и II тысячелетий до н.э., в то время как прежде на основании обнаруженных там впускных погребений, содержащих железное оружие и золотые монеты, их датировали II в. н.э. Раскопки в Абхазии выявили особый культурный комплекс, доказывающий, как пишет Куфтин, «значительно независимое от Малой Азии культурное достояние широких общественных групп населения Западной Грузии и вообще Западного Кавказа в I-й пол. 2-го тыс.»¹⁰¹. Результаты раскопок Абхазской экспедиции составили обширное двухтомное издание «Материалы по археологии Колхиды» (т. 1, Тбилиси, 1949; т. 2, Тбилиси, 1950).

Уже в первые годы пребывания в Тбилиси Куфтин проводит большую работу по систематизации и датировке археологических материалов, хранящихся в фондах Государственного музея Грузии и ряда местных краеведческих музеев. Одним из результатов

этой работы стала организованная в 1934 г. под руководством Ниорадзе и Куфтина первая в Музее Грузии археологическая выставка. Она носила название, в котором отразились и этнографические интересы Куфтина, «Доклассовое общество в Закавказье». Эта выставка, по мнению историографов, послужила серьезным толчком для развития грузинской археологии. Так, А.М.Анакидзе пишет: «Значение первой археологической выставки трудно переоценить: целое поколение молодых работников получило здесь методологические установки и богатейшие специальные познания...»¹⁰².

В 1936—1940 г. Куфтин руководит раскопками на Цалкском плато в Триалети. Эти раскопки принесли результаты, которые, по мнению О.М.Джапаридзе, «коренным образом изменили наши представления о далеком прошлом Грузии и Кавказа в целом»¹⁰³. В науке того времени преобладало мнение, согласно которому «расцвет металлической индустрии на Кавказском хребте и в Грузии начинается внезапно лишь на рубеже 1-го и 2-го тыс. до н.э. вместе с появлением железа...»¹⁰⁴. Благодаря работам Куфтина в Триалети это представление было пересмотрено. Им были открыты самобытные культуры эпохи ранней и средней бронзы. На Цалкском плато Куфтиным было раскопано множество памятников, датированных от палеолита до раннего средневековья. Исследование открытых на Цалкском плато куро-аракской и триалетской культур позволило восстановить картину постепенного развития железной индустрии на территории Кавказа, а также выявить тесные связи между Кавказом и переднеазиатским миром. Результаты этих работ были опубликованы Куфтиным в монографии «Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников» (т. 1), которая была отмечена в 1942 г. Сталинской премией¹⁰⁵.

Раскопки в Триалети, а также систематизация музейных археологических коллекций позволили Куфтину поставить важную этногенетическую проблему происхождения грузинской культуры. В 1944 г. в «Вестнике Государственного музея Грузии» он публикует статью «К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе», являющуюся своеобразным итогом его десятилетних исследований в этой области. Лейтмотивом этой статьи является стремление ученого доказать самобытность открытых им древних кавказских культур. Новые археологические находки, а также анализ коллекций музейных фондов позволили Куфтину говорить о длительном (начиная с III тыс. до н.э.) развитии на Южном Кавказе местной оседлой земледельческой культуры, знающей обработку металла. Статья, в характерной для исследователя манере, насыщена широким сравнительным

материалом и археологическими параллелями, анализ которых приводит к выводу о том, что в эпоху ранней бронзы территория Южного Кавказа «не оставалась вне господствовавших в это время культурных течений и была тесно связана с древнейшими центрами месопотамской цивилизации независимо от Малой Азии»¹⁰⁶. Куфтин выделяет на территории Грузии несколько культурных областей. Кроме того, в доказательство преемственности развития культуры он приводит сходство в формах некоторых сельскохозяйственных орудий, найденных при раскопках и еще бытующих в этнографической современности. В другой работе Борис Алексеевич подчеркивает: «Открытие в Триалети очага высокой культуры эпохи средней бронзы (сер. II тыс. до н.э.) и возможность проследить его местное развитие, уходящее своими корнями в установленный нами, также впервые, на территории Куро-Аракского Двуречья основной культурный пласт, созданный древнейшими оседло-земледельческими обществами Южного Кавказа на заре появления металла, явились серьезнейшим ударом по господствовавшим до этого времени теориям о миграции грузинских племен на территорию их современного расселения из Малой Азии, Каппадокии и Киликии»¹⁰⁷.

Послевоенные исследования Куфтина явились дальнейшим логическим продолжением его триалетских раскопок. В 1945 г. он осуществляет экспедицию в Южную Осетию и Имеретию. Прерванные в 1941 г. работы Триалетской экспедиции были возобновлены осенью 1947 г. при финансовой поддержке грузинской Академии наук. Результаты этих раскопок были опубликованы ученым в книге «Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе»¹⁰⁸.

Современные исследователи-археологи подтверждают правильность основных положений работ Куфтина по кавказской археологии. «Им с самого же начала была воссоздана в основном правильная картина культурно-исторического развития, — писал О.М.Джапаридзе, — и сделан вполне обоснованный вывод, что древнейшие корни истории грузинского народа следует искать в далеком прошлом, в культуре эпохи бронзы. Дальнейшие исследования, давшие огромный фактический материал, еще более уточнили и утвердили выдвинутые им положения о ранних стадиях истории Грузии»¹⁰⁹. О влиянии кавказоведческих работ Куфтина можно судить по количеству ссылок на них в таких обзорных трудах по древней грузинской истории, как «Наследие Древней Грузии» (Тбилиси, 1989) и «Древняя Колхида» (Тбилиси, 1979) О.Лордкипанидзе.

Справедливости ради следует отметить, что Борис Алексеевич не избежал свойственного в те годы многим ученым, интересо-

вавшимися этногенетической проблематикой, увлечения марризмом. С наибольшей полнотой это проявилось в изданном в 1949 г. (накануне появления «гениальной» работы Сталина о языкознании!) первом томе «Материалов по археологии Колхиды», вышедшем с посвящением Н.Я.Марра. Напомним, что сама работа была написана еще в 1935 г., однако в предисловии к изданию Куфтин пишет, что «этногенетические концепции Н.Я.Марра» по-прежнему остаются в силе. Во втором томе (1950 г.) яфетидологический анализ Куфтин не применяет. Автор вышедшей в 1952 г. рецензии на оба тома «Материалов...» И.С.Кацнельсон предъявляет Куфтину в этой связи обвинения в «попытке замолчать методологические ошибки, допущенные в первом томе»: «Если Б.А.Куфтину еще в 1934 г. стали ясны ошибки Н.Я.Марра, то почему же он счел возможным не только издать в 1949 г. без изменения свой труд, основанный именно на четырехэлементном анализе, но и пропеть панегирик "новому учению о языке" в предисловии? Почему он пишет об этом лишь в сентябре 1950 г.? Таким образом, он не только не подвергает критике ошибки первого тома, а, наоборот, замалчивает их и вводит в заблуждение читателя, указывая, вопреки очевидности, на свою якобы исконную приверженность к "подлинному историзму"»¹¹⁰. Впрочем, в том, что касается археологической части работы, выводы Куфтина Кацнельсон под сомнение не ставит. Забегая вперед, отметим, что подобные обвинения и призывы к самокритике ожидали Куфтина и на сессии Отделения истории и философии АН СССР, ИИМК и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований в 1952 г. В ее резолюции записано: «Сессия отмечает, что и сейчас, почти через три года после выхода в свет гениальных трудов И.В.Сталина по вопросам языкознания, многие активные в прошлом пропагандисты марризма — А.Д.Удальцов, П.П.Ефименко, Б.А.Куфтин и другие — не выступили в печати с признанием и разбором своих ошибок»¹¹¹.

Возвращаясь назад, отметим, что заслуги Куфтина перед национальной археологической и исторической наукой Грузии были по достоинству оценены. В 1944 г. он был избран членом-корреспондентом грузинской Академии наук, в 1946 г. — ее действительным членом. Его работы широко публиковались. Однако в жизни Куфтина в Грузии были не только положительные стороны. Не просто складывались отношения с коллегами. Вот, к примеру, что пишет в своих воспоминаниях известный советский археолог и востоковед Б.Б.Пиотровский: «В 1938 г. уже были первые выдающиеся находки Куфтина из раскопок цалкинских курганов середины II тыс. до н.э. в Триалети. В коллек-

ции предметов были замечательные расписные сосуды, совершенно необычные, выдающиеся ювелирные изделия, в которых интуитивно чувствовались влияния культуры Древнего Востока, — все было великолепно и необычно. Куфтин раскрывался с трудом, дневники не показывал, просил ничего не зарисовывать. Он стал заниматься и урартскими древностями, в частности колумбарием в Игдыре, материал которого он разобрал и со мной консультировался, но многое не договаривал»¹¹². Тот же Пиотровский называет отношения, сложившиеся между Куфтиным и Ниорадзе, «несносными»¹¹³. Подобный конфликт в судьбе ученого уже имел место: именно из-за соперничества за приоритет публикации раскопок Льяловской стоянки были испорчены отношения между ним и Б.С.Жуковым, что нашло отражение в сноске, которой Куфтин сопроводил свою статью: «К сожалению, мне не удалось до конца разобрать керамику, так как при обработке льяловского материала мне было оказано препятствие Б.С.Жуковым, который, однако, сам свободно пользовался моим дневником, рисунками, советами и дружеской критикой»¹¹⁴. Вполне возможно, что Куфтин старался не раскрывать своих материалов до публикации не только из-за опасения, что кто-то может их использовать, но и потому, что не хотел испытывать влияния чужих интерпретаций его находок.

Возьмем на себя смелость предположить, что подобные обстоятельства послужили одной из причин, по которой Борис Алексеевич — уже в который раз — меняет объект своих научных исследований. В 1951 г. по приглашению профессора М.Е.Массона он принимает участие в работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, занимавшейся изучением поселений эпохи энеолита, меди и бронзы — «культуры Анау». Куфтин возглавляет отряд экспедиции, работавший на раскопках холма Намазгар-Депе. По материалам этих раскопок он подготовил два сообщения, опубликованные уже посмертно¹¹⁵. М.Е.Массон пишет: «Осенью 1952 г. со свойственным ему жаром Б.А.Куфтин приступил к работе, обследовав до двух десятков больших и малых поселений от Геок-Тепе до Меаны, на ряде из них осуществив раскопки и заложив глубокие шурфы. Полученные результаты, даже в их первичном осмыслении, оказались исключительно плодотворны, дав ряд четких положений к истории человеческого общества на территории Южного Туркменистана поры патриархально-общинного строя»¹¹⁶. Весной 1953 г. Куфтин в Москве на сессии Отделения исторических наук АН СССР делает доклад, который, по словам Г.Ф.Дебеца, «позволял надеяться, что изучение культуры Анау вступило в новый, высший этап»¹¹⁷. Однако летом того же года трагический

несчастный случай, произошедший во время отдыха под Ригой, оборвал жизнь ученого.

В данной статье мы попытались осветить все грани разностороннего дарования Б.А.Куфтина — выдающегося этнографа и археолога. Арест и ссылка резко разделили судьбу ученого на два периода. Первый, московский, характеризуется активной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью, а также широкими теоретическими обобщениями, позволяющими говорить о нем как о ведущем представителе российского варианта «культурно-исторической школы», возникшей в отечественной науке как реакция на кризис эволюционизма под влиянием немецкой этнологии. В 20-х годах он был одним из виднейших ученых-этнографов, повлиявшим на становление целого поколения отечественных исследователей. Второй период — после переезда в 1933 г. в Тбилиси — характеризуется значительным усилением археологической составляющей в его научных интересах, этнографическая же проблематика, не исчезая полностью, отходит на второй план. Репрессии и ссылка не сломили Куфтина как ученого. Обратившись вновь к научным исследованиям, но уже в Грузии, вдали от политико-идеологических бурь центра, Куфтин внес крупный вклад в изучение древней истории этой страны, добился официального признания своих заслуг. Он пользовался неизменным авторитетом среди коллег. Так, М.Е.Массон пишет: «Глубина эрудиции и широта научного кругозора, большая страстность в труде, умение горячо увлечься проблемой, поставить задачу и, преодолевая все трудности на пути, разрешить ее проходят через все научное творчество Б.А.Куфтина»¹¹⁸. Нет сомнений в том, что, если бы не те трагические перемены в его судьбе, о которых мы говорили, он мог бы сделать еще больше. Сегодня настало время по достоинству оценить роль этого ученого в истории отечественной науки.

¹ *Куфтин Б.А.* Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа. — ЭО. 1916, № 3—4, с. 124.

² *Токарев С.А.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. — Избранное. Т. 1. М., 1999, с. 3.

³ *Токарев С.А.* К методике этнографического изучения материальной культуры. — Там же. Т. 2, с. 3.

⁴ *Дебец Г.Ф.* Памяти Б.А.Куфтина. — СЭ. 1954, № 1, с. 167.

⁵ *Богданов В.В.* Задачи этнологического изучения Центрально-промышленной области. — Вопросы этнологии Центрально-промышленной области. М., 1927, с. 9.

⁶ Там же, с. 10.

⁷ Там же, с. 9.

⁸ Там же, с. 12.

- ⁹ Там же, с. 3.
- ¹⁰ Толстов С.П. Предисловие. — Культура и быт населения ЦПО. М., 1929, с. 5.
- ¹¹ Зеленин Д.К. Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-промышленной области. — Там же, с. 23.
- ¹² Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии. — Там же, с. 15.
- ¹³ Культура и быт населения ЦПО. Протоколы совещания. Протокол № 8. М., 1929, с. 222.
- ¹⁴ Там же, с. 224.
- ¹⁵ Там же, с. 223.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Куфтин Б.А. Задачи и методы полевой этнологии (тезисы доклада). — Этнография. 1929, № 2, с. 128.
- ²⁰ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мешеры. М., 1926, с. 9.
- ²¹ Куфтин Б.А. Задачи, методы и достижения в изучении костюма Центрально-промышленной области. — Вопросы этнологии Центрально-промышленной области. М., 1927, с. 34.
- ²² Там же, с. 36.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мешеры, с. 104.
- ²⁵ Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 120.
- ²⁶ Там же, с. 127.
- ²⁷ Цит. по: Маслова Г.С. Из истории восточнославянской этнографии (Жизнь и творчество Н.И.Лебедевой). — СЭ. 1991, № 5, с. 53.
- ²⁸ Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма. — Крым. 1925, № 1, с. 22.
- ²⁹ Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы). М., 1925, с. 5—6.
- ³⁰ Куфтин Б.А. Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии. Рязань, 1925, с. 4.
- ³¹ Куфтин Б.А. Жилище крымских татар, с. 14.
- ³² Там же, с. 50.
- ³³ Там же, с. 30.
- ³⁴ Там же, с. 49.
- ³⁵ Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии, с. 15.
- ³⁶ Куфтин Б.А. Жилище крымских татар, с. 6.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма, с. 27.
- ⁴⁰ Там же, с. 23.
- ⁴¹ Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари ЦПО. К вопросу выяснения областных типов и составляющих элементов волго-татарской этнической культуры (Этнические наименования и элементы жилища). — Культура и быт населения ЦПО, с. 140.
- ⁴² Там же, с. 146.
- ⁴³ Там же, с. 144.
- ⁴⁴ Там же, с. 148.
- ⁴⁵ Куфтин Б.А. Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и ранне-неолитическим культурам Северной Европы. — Труды общества исследователей

Рязанского края. Вып. 5. Рязань, 1925; об археологических работах Куфтина также см.: *Формозов А.А.* Следопыты земли московской. М., 1988, с. 108—111.

⁴⁶ *Куфтин Б.А.* Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на оз. Подборном близ г. Касимова Рязанской губ. — Материалы к доистории ЦПО. М., 1927, с. 45—48.

⁴⁷ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982, с. 79.

⁴⁸ Там же, с. 86; подробнее о Б.С.Жукове см.: *Решетов А.М.* Борис Сергеевич Жуков как представитель анучинской школы. — Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов. Омск, 1999.

⁴⁹ *Куфтин Б.А.* О методе изучения преемственности погребенных и современных племенных культур. — Материалы к доистории ЦПО, с. 19.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 20.

⁵³ Там же, с. 21.

⁵⁴ Там же, с. 23.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ АМАЭ, ф. 12, оп. 1, № 110.

⁵⁷ Там же, № 116, л. 14.

⁵⁸ Там же, л. 5.

⁵⁹ *Куфтин Б.А.* Киргиз-казаки. Культура и быт (применительно к обстановочному залу «Уголок кочевого аула» в ЦМН). М., 1926; *он же.* Краткий обзор пантеона северного буддизма в связи с историей учения. М., 1927.

⁶⁰ *Куфтин Б.А.* Краткий обзор пантеона северного буддизма., с. 3.

⁶¹ Там же, с. 4.

⁶² АМАЭ, ф. 12, оп. 1, № 109, л. 8.

⁶³ Там же, № 42, л. 1.

⁶⁴ Там же, № 109, л. 9.

⁶⁵ *Стещенко-Куфтина В.Н.* Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и туңгусов. — Этнография. 1930, № 3, с. 81—108.

⁶⁶ *Куфтин Б.А.* Мелкие народности и этно-культурные взаимоотношения на северо-востоке Сибири. — Северная Азия. 1925, № 1—2, с. 70.

⁶⁷ АМАЭ, ф. 12, оп. 1, № 51, л. 36—37.

⁶⁸ Там же, л. 34.

⁶⁹ Там же, л. 41.

⁷⁰ Там же, л. 45—46.

⁷¹ Там же, л. 47.

⁷² *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928—1938. — ЭО. 1993, № 3, с. 116; подробнее об этом см.: *Соловей Т.Д.* Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе 1917—1932 гг. — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990, № 5, с. 50—60; *она же.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 101—121.

⁷³ Термины «этнология» и «этнография» в отечественной научной традиции употреблялись равноправно. Куфтин предпочитал говорить об «этнологии». Как и для многих других ученых, «этнография» для Куфтина связывается с эмпирической, описательной работой. «Этнология» же имеет значение чего-то более синтетического, связанного с теорией, однако он противник их разделения и противопоставления. Так, первый тезис его доклада гласит: «Принципиальное единство этнологии и этнографии. В одной науке не может быть разделения на науку черную и описывающую — этнографию и белую чисто кабинетную —

этнологию» — *Куфтин Б.А.* Задачи и методы полевой этнологии (тезисы доклада), с. 125.

⁷⁴ Там же, с. 126.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, с. 127.

⁷⁷ АМАЭ, ф. К1, оп. 7, № 7, л. 287.

⁷⁸ Там же, л. 308.

⁷⁹ *Я.К.* и *Н.М.* Совещание этнографов Ленинграда и Москвы 5/IV—11/IV 1929 г. (Хроника). — *Этнография*. 1929, № 2, с. 112.

⁸⁰ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 19. Подробнее о Н.М.Маторине см.: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. — Наст. изд., с. 148—193.

⁸¹ Там же, с. 9.

⁸² АМАЭ, ф. К1, оп. 7, № 7, л. 249. Эргология (эргономика) — научная дисциплина, комплексно изучающая человека (или группу людей) в конкретных условиях его (их) деятельности в современном производстве. В СССР в 20—30-е годы развитие этой дисциплины связано с работами В.М.Бехтерева и В.Н.Мясищева.

⁸³ Там же, л. 246.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, л. 288.

⁸⁶ Там же, л. 295.

⁸⁷ *Богораз В.Г.* Стационарный метод этнографии. — *Этнография*. 1929, № 2, с. 123—124.

⁸⁸ Там же, с. 124.

⁸⁹ Там же, с. 123.

⁹⁰ *Куфтин Б.А.* Задачи и методы полевой этнологии, с. 126.

⁹¹ АМАЭ, ф. К1, оп. 7, № 7, л. 340.

⁹² Там же.

⁹³ *Куфтин Б.А.* Задачи и методы полевой этнологии, с. 128.

⁹⁴ *Этнография*. 1929, № 2, с. 130.

⁹⁵ *Токарев С.А.* Из дневников. — Благодарим судьбу за встречу с ним. О С.А.Токареве — ученом и человеке. М., 1995, с. 161.

⁹⁶ См.: *Решетов А.М.* Б.А.Куфтин — выдающийся советский этноархеолог. — Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов. Владивосток—Омск, 2000, с. 46.

⁹⁷ Подробнее см.: *Бутенина Н.Д.* К истории Дальневосточной энциклопедии. — Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск, 1989, с. 73—74.

⁹⁸ *Этнография*. — БСЭ. Т. 64. М., 1934, с. 776.

⁹⁹ См.: *Полищук Н.С.* Подвижнический путь в науке: Наталия Ивановна Лебедева. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 265—283.

¹⁰⁰ *Дебец Г.Ф.* Памяти Б.А.Куфтина. — СЭ. 1954, № 1; *Массон М.Е.* Б.А.Куфтин. — Известия Академии наук Туркменской ССР. 1954, № 1.

¹⁰¹ *Куфтин Б.А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — Вестник Государственного музея Грузии. Т. 12-В. Тбилиси, 1944, с. 306.

¹⁰² *Анакидзе А.М.* Развитие археологической науки в советской Грузии. — Советская археология. 1964, № 4, с. 5—6.

¹⁰³ *Джаспаридзе О.М.* К 100-летию со дня рождения академика Б.А.Куфтина. — Российская археология. 1993, № 3, с. 247.

¹⁰⁴ *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триаleti. Опыт периодизации памятников. Т. 1. Тбилиси, 1941, с. 3.

¹⁰⁵ Чрезвычайно подробную рецензию на эту работу опубликовала Т.С.Пассек в «Вестнике древней истории» (1946, № 1); см. также рецензии С.В.Кисе-

лева, Ш.Амиранашвили и Г.Чубинашвили в «Историческом журнале» (1942, № 2) и С.В.Киселева в «Архитектуре СССР» (1942, № 1).

¹⁰⁶ Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры..., с. 300.

¹⁰⁷ Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 1—2

¹⁰⁸ Куфтин Б.А. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.

¹⁰⁹ Джапаридзе О.М. К 100-летию со дня рождения академика Б.А.Куфтина, с. 248.

¹¹⁰ См.: Вестник древней истории. 1952, № 1, с. 127.

¹¹¹ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 509, л. 128.

¹¹² Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995, с. 153.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Куфтин Б.А. Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме..., с. 25.

¹¹⁵ Куфтин Б.А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». — Известия Академии наук Туркменской ССР. 1954, № 1, с. 22—29; *он же*. Полевой отчет о работе 14-го отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашх., 1956.

¹¹⁶ Массон М.Е. Б.А.Куфтин, с. 92.

¹¹⁷ Дебец Г.Ф. Памяти Б.А.Куфтина, с. 167.

¹¹⁸ Массон М.Е. Б.А.Куфтин, с. 91.

А.М.Решетов

Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А.Крюковой¹

Российский этнографический музей (РЭМ) недавно отметил свой знаменательный юбилей. Сто лет назад, в 1902 г., с утверждением «временных штатов этнографического отдела», началась его богатая история. За это время музей стал не только крупным научно-просветительным учреждением страны, экспозиции которого знакомят многочисленных посетителей с культурой и бытом народов России и сопредельных стран, но и известным научно-исследовательским центром. На разных этапах развития музея в его стенах трудились многие поколения отечественных этнографов: Д.А.Клеменц, Н.М.Могилянский, Е.А.Ляцкий, А.А.Миллер, С.И.Руденко, Д.А.Золотарев, Б.Г.Крыжановский, С.А.Теплоухов, А.Д.Данилин. Новое поколение молодых, талантливых, одержимых жадой поиска музейных работников пришло в 1930-е годы: В.С.Дубов, В.А.Казакевич, А.С.Морозова, А.Г.Никитин, Л.П.Потапов, Н.Ф.Прыткова, В.В.Романовская, М.В.Сазонова, Л.В.Строева, Е.Н.Студенецкая, А.К.Супинский, Н.Г.Талонов. В этой славной когорте была и Татьяна Александровна Крюкова, пришедшая в этнографический музей трудным и неожиданным для самой себя путем. Ее драматическая судьба заслуживает специального рассказа.

Татьяна Александровна родилась 30 декабря 1904 г. по старому стилю, или 12 января 1905 г. по новому, в городе Минусинске Енисейской губернии в семье служащего. Ее дед по матери Климин Иннокентий Федорович, студент Московского земледельческого училища, 8 декабря 1869 г. был арестован полицией, привезен в Санкт-Петербург, заключен в Петропавловскую крепость как проходящий по делу народовольца Нечаева. Приговор гласил: 5 лет ссылки и строгого наблюдения со стороны поли-

ции. Сначала он был выслан в Архангельскую губернию, а затем в 1872 г. переведен в Тюмень. После освобождения в 1876 г. остался в Сибири, где жил его отец, крупный торговец и золотопромышленник, считавшийся третьим в списке обладавших наибольшим состоянием в Сибири. Он и ссылку сына сделал достаточно сносной, а затем добился разрешения на поселение сына в Поволжье. Здесь, в Козьмодемьянске на Волге, дочь Иннокентия Федоровича вышла замуж за почетного гражданина и весьма состоятельного человека Павла Бычкова. А когда дочь Бычковых Евгения решила выйти замуж за молодого землемера Александра Ивановича Крюкова, родители хотя и не пошли против воли дочери, но посоветовали молодым самостоятельно нажить себе состояние и добиться успеха в жизни. После этого Александр и Евгения уехали в Сибирь и поселились в Минусинске. Здесь А.И.Крюков сначала работал на строительстве Великого Сибирского пути, а потом занял престижную должность лесничего. Он имел широкие знакомства среди местной интеллигенции, был в добрых отношениях с директором знаменитого Минусинского музея Н.М.Мартьяновым, увлекался составлением гербария на хорошем научном уровне — его собрания вошли в состав музея. Не чурался он и встреч с политическими ссыльными, участливо относился к их судьбам, по возможности помогал им, что было сопряжено с определенным риском для его служебного положения и с несомненностью свидетельствовало о его прогрессивных взглядах, которые полностью разделяла его супруга.

В дружной семье Татьяна была средней, помимо нее росли еще брат Борис (1898 г. рождения) и сестра Нина (1912 г.). Позднее родители с детьми переехали в Козьмодемьянск. Здесь в 1921 г. Татьяна Крюкова закончила школу II ступени и в том же году как стипендиат Марийской области поступила на первый курс историко-филологического факультета Нижегородского университета. Ей было тогда всего 16 лет! Это пора романтических увлечений. Она занималась в Государственной литературной студии, увлекалась лекциями молодого преподавателя В.Л.Комаровича², который в дальнейшем играл большую роль в ее жизни. По его совету через год она поехала в Петроград, куда переезжал и В.Л.Комарович.

Здесь Татьяна поступила на этнолого-лингвистическое отделение (с 1925 г. — отделение языка и литературы) факультета общественных наук Университета. Приехав впервые в культурную столицу страны, еще недавно столицу Российской империи, провинциальная девочка, став студенткой одного из лучших университетов мира, с головой погрузилась в его жизнь, стараясь

узнать как можно больше нового, интересного, а для нее все здесь было только новым и исключительно интересным. Позднее сама Татьяна Александровна вспоминала об этом времени так: «Приехав девчонкой семнадцати лет из глухой провинции, я старалась как можно больше всего увидеть, послушать и бежала всюду, куда можно было проникнуть. Мною посещались более или менее регулярно: Союз писателей, Пушкинский Дом, Общество "Старый Петербург", Вольнофилософская ассоциация, Дом работников просвещения, Институт истории искусств, Институт живого слова, Дом ученых и т.д. В Университете кроме лекций по своей специальности слушала курсы лекций на других факультетах, и все это надо было посетить не в ущерб занятиям по специальности, в Университете я была не из отстающих». На факультете в те годы были отделения: общественно-идеологическое, где занимались историческими науками, и этнолого-лингвистическое — здесь основными были филологические науки. Именно на втором и училась Татьяна Крюкова, увлекаясь преимущественно творчеством А.С.Пушкина и Ф.М.Достоевского. Д.С.Лихачев о своей учебе тогда на том же факультете сообщает следующее: «Процветали различные курсы на частные темы — "спекурсы", по современной терминологии. Так, например, В.Л.Комарович вел по вечерам два раза в неделю курс по Достоевскому, и лекции его, начинаясь в шесть часов вечера, затягивались до двенадцатого часа. Он погружал нас в ход своих исследований, излагал материал как научные сообщения, и посещали его лекции многие маститые ученые»³. Среди самых активных участниц семинара В.Л.Комаровича была и Татьяна Крюкова, которая оставалась преданной ему до самой его смерти в блокадном Ленинграде.

К 17 июня 1925 г. Татьяна выполнила все требования учебного плана отделения языка и литературы факультета общественных наук ЛГУ по славяно-русской секции. Она получила блестящее образование, прослушав у лучших профессоров Университета разнообразные курсы, среди которых — введение в языкознание, введение в славяноведение, психология, логика, развитие социальных форм, история устной народной словесности, история русского языка, разные специальные курсы по истории литературы и т.д. А сколько лекций было прослушано на других факультетах Университета и в других институтах города, сведения о которых не зафиксированы в свидетельстве об окончании Университета! И это было естественно: ведь «такого созвездия ученых-литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов, какое представлял собой Ленинградский университет и Институт истории искусств в Зубовском дворце в 20-е годы, не

было в мире»⁴. Эти слова Д.С.Лихачева наилучшим образом характеризуют ту творческую атмосферу, в которой формировались научные интересы Татьяны Александровны. Они включали широкий спектр тем: изучение творчества Пушкина, Достоевского, истории русской литературы, славяноведения.

С ноября 1925 по август 1926 г. Крюкова стажировалась в Праге. Об этом времени она вспоминала: «По окончании Университета в 1925 г. я уехала за границу, в Прагу, для усовершенствования в славяноведении и славянской лингвистике. Город и специальность были выбраны не случайно. Принималось во внимание то, что я окончила в Университете славянско-русскую секцию при факультете общественных наук. Пополнить же образование и получить некоторую специализацию было нужно, так как год моего окончания был годом реорганизации Университета и наш курс был лишен специальности, а именно: от педагогического уклона прежних лет Университет отошел, предоставив это специальным педагогическим институтам, в то же время он не выпускал еще литературных работников, корреспондентов, как в последующие годы. Советский паспорт я получила вполне официально, а визу заграничную выслал мне профессор-славист Петров⁵, советский гражданин, командированный от Академии наук в Прагу. Деньги на поездку даны были родными. За границей я училась в Пражском университете в качестве вольнослушательницы (действительной студенткой меня не приняли из-за советского паспорта) и была допущена к экзаменам. Занятия шли успешно, что видно хотя бы из того, что я овладела вполне неизвестным мне языком в 8 месяцев, которые пробыла в Праге, и сдавала зачеты на чешском языке. За время моего пребывания там, благодаря моей природной общительности, конечно, у меня образовалось много знакомых, люди, с которыми я сталкивалась, исключительно студенты или профессора. Среди них, конечно, были и русские, к ним я подходила не со стороны их политических убеждений, а как к коллегам по занятиям».

Прага в 20-е годы стала одним из крупнейших центров российской научной эмиграции⁶. Здесь читали лекции выдающиеся русские ученые-эмигранты, и Татьяна Александровна, естественно, просто не могла не посещать читаемые ими курсы или отдельные лекции. В архиве РЭМ хранится Лекционный лист Русской учебной коллегии в Праге, выданный 22 июля 1926 г. на имя студентки историко-филологического отделения Татьяны Крюковой, из которого явствует, что она прослушала лекции проф. Г.В.Флоровского⁷ «Очерки по истории русской мысли», проф. И.И.Лаппо⁸ «Курс русской истории. Смутное время» и занималась в семинарии проф. Н.О.Лосского⁹ по этике В.С.Соло-

веева. Во время пребывания в Праге Крюкова овладела чешским, словацким и отчасти сербским языками. Таким образом, можно считать, что стажировка ее в Чехословакии в значительной мере способствовала формированию ее как слависта-филолога широкого профиля.

Вернувшись в Ленинград, Татьяна Александровна возобновила посещения своих многочисленных друзей и знакомых, в том числе и Ивана Михайловича Андреевского¹⁰, у которого всегда собиралось много интересных людей. «Комнатки Андреевского никогда не были пустыми»¹¹, — вспоминает Д.С.Лихачев. Крюкова стала бывать здесь еще в студенческие годы. Встречи у Андреевского имели свое название — здесь устраивались заседания Художественно-литературной, философской и научной академии (Хельфернак). Их участник академик Д.С.Лихачев позднее об этом периоде напишет так: «Вплоть до конца 1927 г. город кипел различными философскими кружками, студенческими обществами, журфиксами у тех или иных известных людей <...> Расцвет Хельфернака приходился примерно на 1921—1925 гг., когда в двух тесных комнатах Ивана Михайловича Андреевского на мансардном этаже дома по Церковной улице № 12 (Блохина) каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты (М.В.Юдина¹², В.Л.Комарович, М.М.Бахтин¹³ <...>). Доклады были самые разнообразные — на литературные, философские и богословские темы. Обсуждения были оживленными»¹⁴. Позднее этот кружок постепенно начал приобретать все более религиозный характер, что в известной мере объяснялось гонениями на церковь в те годы. Особенные споры разгорелись в 1927 г. после опубликования «Декларации» митрополита Сергия, стремившегося примирить церковь с государством и государство с церковью¹⁵. «В разыгравшемся в 1927 г. и последующие годы споре сержанцев и непримиримых иосифлян мы, интеллигентная молодежь, были всецело на стороне митрополита Иосифа, не согласившегося признать декларацию митрополита Сергия, в которой он объявляет, что у нас не было и нет гонений на церковь <...>»¹⁶. Все эти дебаты в немалой степени способствовали тому, что кружок Андреевского в конце концов получил название «Братство Святого Серафима Саровского». В его деятельности принимало участие немало интересных людей, но для Татьяны Крюковой притягательным магнитом был В.Л.Комарович — один из самых активных его членов. Видимо, именно с ним она пришла сюда впервые.

О своих посещениях кружка Андреевского в университетский период Татьяна Александровна позднее напишет так: «Андреевский <...> человек образованный, окончивший три факультета,

прекрасный педагог, любящий свое дело и молодежь. С ним я познакомилась случайно на литературном заседании в Пушкинском Доме и тогда же была приглашена на доклад, вернее на лекцию о гипнозе, которая читалась в школе II ступени, где преподавал литературу Андреевский. При школе этой существовал кружок самообразования (вполне официальный) с уклоном в сторону литературы и психологии. Дело кружка, благодаря личному умению Андреевского, было поставлено очень интересно. Им в качестве лекторов привлекались крупные силы литературные и научные. Обширные знакомства его в научном мире позволяли ему устраивать доклады на самые разнообразные темы, приглашались писатели, поэты для читки литературных произведений. Я посещала лекции, тем более что круг посещавших их не был ограниченным, иногда билеты на лекции даже продавались, средства шли на школьные нужды. По окончании школы члены кружка не забывали своего преподавателя и заходили к нему. Помимо личных симпатий к нему как к образованному интересному человеку и педагогу привлекала молодежь и обширная библиотека, где можно было найти книги по любому вопросу гуманитарных наук. Иногда читались и доклады. Но ни о какой организации и даже о каком-либо постоянном контингенте посетителей не может быть и речи. Состав был самый текущий. Корнем кружка были бывшие ученики Андреевского. Я изредка тоже заходила к Андреевскому, слушала некоторые из докладов, которые в то время были исключительно на литературные темы. Посещать эти доклады регулярно и часто я лично не могла уже потому, что не имела на это физических возможностей».

Итак, во время обучения в Университете Татьяна Александровна много, старательно и увлеченно занималась, у нее были свои кумиры среди преподавателей, прежде всего любимый В.Л.Комарович, она серьезно и глубоко изучала классическую русскую литературу XIX в., из которой особо выделяла творчество Пушкина и Достоевского. Только это, по ее определению, была настоящая литература. Потом последовали девять месяцев напряженной учебы и работы в Чехословакии — это был следующий этап в ее самопознании славяноведения. Она чувствовала себя способной сделать многое, рассказать о том, что ею сделано, что выношено в душе. В таком радужном настроении она вновь встретилась в Ленинграде со своими учителями, с ними и пришла в кружок Андреевского, с которым было связано множество приятных воспоминаний. И, придя туда, она обнаружила там много изменений, сразу бросившихся ей в глаза. «К тому времени кружок у него (Андреевского. — *А.Р.*) приобретает более определенное очертание и окраску. Из докладов получают пре-

обладание доклады философско-религиозные, впоследствии с уклоном в сторону узкой тематики. Но ни устава кружка, ни определенного состава по-прежнему не имеется. Свои впечатления о заграничной поездке и о жизни в Праге я рассказывала как-то у Андреевского, но не в форме доклада, а скорее просто рассказа о впечатлениях. Это же, но в форме законченного доклада должна я была доложить в Славянской комиссии при Академии наук по просьбе председателя Комиссии Лященко <...>¹⁷. Попутно замечу, что такое приглашение — выступить с докладом о своей научной деятельности в Праге и о своих чехословацких впечатлениях в Славянской комиссии АН СССР — надо было заслужить. Можно предположить, что университетские учителя Крюковой, познакомившись с ее первыми сообщениями после возвращения в Ленинград, сочли их достаточно значительными и достойными быть представленными авторитетному ученому собранию.

Тем не менее после возвращения из Праги она столкнулась в Ленинграде со значительными трудностями в устройстве на работу. Дело в том, что в те годы, не имея профсоюзного билета, нельзя было устроиться на службу, а стать членом профсоюза было невозможно, не будучи сотрудником какого-нибудь советского учреждения. Крюкова словно попала в заколдованный круг: ведь она не была членом профсоюза... В начале 1927 г. старые друзья и добрые знакомые помогли ей устроиться на работу в рукописный отдел Библиотеки АН СССР с уклоном славяноведения в качестве внештатного и неоплачиваемого стажера, а жила она на средства, получаемые от родных. Ежедневно после шести часов работы в Библиотеке она еще занималась в частной библиотеке профессора Петрова, училась на Фонетических курсах английскому языку, периодически посещала кружок Андреевского и т.д. В конце концов трудности были преодолены, и 21 февраля 1928 г. Татьяна Александровна должна была выйти на работу, будучи зачисленной на штатную должность в Библиотеке АН СССР.

Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. Оказалось, что среди членов «Братства Святого Серафима Саровского» действовал провокатор, который в своих показаниях ГПУ представлял их как монархистов и ярых контрреволюционеров¹⁸. В ночь на 21 февраля 1928 г. Крюкова была арестована по обвинению «в принадлежности к антисоветской организации "Братство Серафима Саровского", т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-11 УК РСФСР»¹⁹. 22 июня 1928 г. прокурор Ленинградской области Кондратьев сделал заключение по обвинению 30 арестованных по этому делу (среди них также были

И.М.Андреевский, И.Е.Аничков, В.Л.Комарович, Д.С.Лихачев, С.А.Аскольдов, Д.П.Каллистов). Прокурор нашел, «что все перечисленные входили частью в состав организованной в начале 1926 г. нелегальной антисоветской организации, именуемой "Космической Академией наук" (сокращенно КАН), частью — в подобную же организацию под названием "Братство имени преподобного Серафима Саровского", существующее с 1923 г. Обе названные организации по характеру и принципу своему являлись организациями политическими с определенными целями и задачами, нелегальными систематическими заседаниями кружков, с заранее выработанными повестками и докладами, носившими явно антисоветский характер. Причем как самые организации, так и работы их являлись строго конспиративными с словесно-ограниченным в них доступом».

«Принимая во внимание, что характер этих организаций, а также лица, входившие в них (бывшие дворяне, чиновники, дети священников и пр. и т.д.), являются сугубо социально опасными», прокурор присоединился к предложению Полномочного представительства Объединенного главного политического управления (ПП ОГПУ) в Ленинградском военном округе (ЛВО) о рассмотрении дела Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ²⁰.

В связи с арестом Крюкова позднее так охарактеризует то время: «1928 г. был годом, когда закрывали и арестовывали всевозможные кружки немарксистского содержания, так что кружок Андреевского не был исключительным явлением. Тюрьма окончательно подорвала мое и без того слабое здоровье. В тюрьме, в условиях одиночки, перенесен аппендицит, началось сильное обострение туберкулезного процесса с кровохарканьем. На целый год потеряла я способность занятий из-за болезни глаз». В связи с обострением болезней, согласно ордеру ПП ОГПУ в ЛВО от 9 мая 1928 г., Крюкова была освобождена из-под стражи. 25 мая известный профессор А.Н.Рубель дал письменное заключение, что туберкулезный процесс в правом, а частично и в левом легком в настоящее время активизировался, а потому ей «необходимо немедленно уехать из Ленинграда и поселиться в деревенской обстановке, создав там непременно санаторные условия жизни». С 1 по 11 октября 1928 г. Татьяна Александровна находилась на излечении в госпитальной хирургической клинике I МГУ, где 5 октября ей была сделана операция по поводу аппендицита.

С благожелательными отзывами о работе Крюковой выступили коллеги. Так, 15 мая старший библиотекарь АН СССР Н.А.Вукотич²¹ написала: «Настоящим свидетельствую, что гражданка Татьяна Александровна Крюкова с 1927—28 гг. работала в Биб-

лиотеке Академии наук СССР в отделе периодических изданий в качестве практикантки. Ею исполнялись все виды библиотечной работы, как то: регистрация и инвентаризация поступлений, обработка журналов и газет, библиографические работы по расписыванию журналов и газет и составление библиографических указателей. В исполнении всех указанных работ Т.А.Крюкова, кроме исключительной работоспособности и исполнительности, проявила большой интерес к работе, инициативу и библиотекарское чутье, ставящее ее в ряды способных и многообещающих молодых библиотечкарей». Этот документ явно предназначен для судебных органов. Судьбой молодой девушки в канун надвигающегося суда были обеспокоены все: коллеги, друзья, родственники, которые обращались в различные инстанции с просьбой учесть все обстоятельства дела и максимально смягчить ей приговор. Так, например, в Президиум ЦИК СССР обратился со специальным ходатайством ее дедушка И.Ф.Климин, который, в частности, писал: «Я, старый революционер (нечаевец), ныне слепой 80-летний старик, но горячо приветствующий и твердо верящий в торжество и достижения, добытые Октябрьской революцией, обращаюсь в Президиум ЦИК'а с большой просьбой — о снижении наказания моей провинившейся внучке, Т.А.Крюковой. Человек она очень способный, хороший, хотел бы видеть ее полезным членом общества, а не выкинутым за борт общественной жизни, тем более что ей только 23 года и она не успела выработать еще каких-либо прочных убеждений».

Пожалуй, все эти обстоятельства — состояние здоровья Татьяны Александровны, обращения с просьбой учесть неопытность молодой девушки, отсутствие у нее каких бы то ни было «антигосударственных замыслов» и желание ее трудиться на благо общества — в конце концов сыграли свою роль. Стоит учесть и тот факт, что это происходило еще в 1928 г., т.е. до «академического дела» и тем более до трагического 1937 г. По решению суда участники «Братства Святого Серафима Саровского», которое все-таки квалифицировалось как антисоветская организация, не получили больших сроков, в основном их выслали в различные города страны с отбыванием там наказания в течение примерно трех лет. Татьяна Александровна судебным постановлением от 30 ноября 1928 г. была выслана по месту жительства родителей в г. Козьмодемьянск сроком на три года²².

Деятельное участие в судьбе Крюковой на этом этапе сыграл марийский художник Александр Владимирович Григорьев. Ученик известных художников А.Е.Архипова и Н.А.Касаткина, воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он рано занялся революционной деятельностью, в 1918 г. всту-

пил в партию большевиков, в 1919 г. организовал в Козьмодемьянске музей предметов искусства и старины, впоследствии названный его именем. В 1924 г. он был избран действительным членом Академии художественных наук. Сам Григорьев жил в Москве, но пользовался на родине большим авторитетом и влиянием²³. Он предварительно договорился с директором Козьмодемьянского музея местного края С.Р.Пузырниковым о трудоустройстве Крюковой в музее и сразу же обратился за содействием и поддержкой в Козьмодемьянский кантонный комитет ВКП(б). «Тов. Крюкова Т.А. (дочь лесничего А.И.Крюкова), во-первых, с высшим образованием и, во-вторых, с весьма большими задатками и большой эрудицией для научно-исследовательских работ. История с ее высылкой есть некоторое недоразумение для нее, ибо она попала "как кур во щи" в той академической заварухе, которую прочистила наша партия: она с большим энтузиазмом (правда, с некоторой наивностью в области политики) рвалась везде впитывать в себя научные истины, научные новинки и незаметно для себя попадала в кружки, научные собрания, которые руководствовались (так в оригинале. — А.Р.) противниками нашей идеологии, академиками, очищенными из Академии наук. Она еще молода. Работать имеет право — как сказали в Верх<овном> суде, этого права ее не лишали. Поэтому просьба не возражать к приему на штатную должность в музее моего имени. У нас в Козьмодемьянске почти, а может быть, и абсолютное отсутствие таких научных, способных, с большим энтузиазмом людей. Она поставит на должную высоту научную работу в музее, и этим в период культ<урной> революции принесет огромную пользу для нашего культурно отсталого народа. Плюс к тому же — ее отец А.И.Крюков в бытность свою в Минусинском крае заслужил для нашей революции имя помощника революции, ибо всячески и всем, чем мог, помогал высланным в дореволюционное время нашим партийцам-подпольщикам (отзывы Феликса Кона). Еще раз просьба: не возражать С.Р.Пузырникову в приеме т. Крюковой Т.А. на работу. Я ручаюсь за политическую безопасность т. Крюковой»²⁴.

Очевидно, Козьмодемьянский кантонный комитет ВКП(б) положительно отреагировал на обращение Григорьева и не препятствовал принятию на работу в музей Крюковой. Взвешенный, разумеется в духе времени, анализ ситуации, проведенный Григорьевым в письме, убедил партийных руководителей города в возможности такого решения. Уже 9 мая 1929 г. на заседании музейной коллегии Козьмодемьянского краеведческого музея под председательством С.Р.Пузырникова рассматривался вопрос о приеме на работу Крюковой. Заседание началось с зачитыва-

ния письма Григорьева, в котором он убедительно обосновал необходимость положительного решения вопроса. После обмена мнениями члены музейной коллегии сочли необходимым использовать Татьяну Александровну для научной работы в музее. Первоначально ее пригласили только на три месяца, поручив дирекции в дальнейшем изыскать возможность использовать ее на постоянной работе. Особо подчеркивалась необходимость дополнительных средств на содержание штатной единицы для научного сотрудника, без чего музей не может развиваться.

Для Крюковой наступили напряженные времена. До этого все ее интересы сосредоточивались в области славяноведения, истории русской классической литературы. Она страстно мечтала быть литературоведом, изучать творчество Достоевского, трудиться вместе с В.Л.Комаровичем. Теперь ей спешно надо было стать музейным работником. Пришлось вспоминать лекции на лингво-этнографическом отделении университета, посещения музеев в Ленинграде и в Праге, старательно изучать музейведческую литературу, усердно знакомиться с работой местного музея. Сказались такие черты характера Крюковой, как работоспособность и упорство в достижении поставленной цели. Работа шла буквально днем и ночью, что дало свои результаты. 16 июля 1929 г. на заседании музейной коллегии Козьмодемьянского краеведческого музея стоял основной вопрос: доклад Т.А.Крюковой о состоянии музея и перспективах дальнейшей работы. Докладчица явно волновалась и представила доклад в письменном виде. Смелый план перестройки отделов музея требовал решения таких острых вопросов, как музейные помещения, средства для сбора коллекций и создания новых экспозиций. Обсуждение было бурным, но доброжелательным. В результате постановили: «Зачитанную часть плана принять за основу. Поручить докончить план и выделить конкретные работы на ближайший отрезок времени (примерно на 1 год). При этом же приступить к разработке пятилетнего плана работы Козьмодемьянского музея».

Так начались этнографические университеты Крюковой. Об этом времени она позднее напишет: «В области этнографии и музейведения начала работу в Горно-марийском краеведческом музее г. Козьмодемьянска». Вместе с другими сотрудниками музея она формировала этнографические коллекции. Ею положено начало собиранию фотографических материалов о быте горных мари XIX—XX вв. 24 мая 1930 г. отзыв о ее работе в музее дал А.В.Григорьев: «Тов. Крюкова Т.А. вела работу в Марийском Национальном музее им. товарища Григорьева А.; причем эта работа длилась в течение 10 месяцев (с мая 1929 г. по март 1930 г.). Показала себя большой общественницей, отдающей

все знания на пользу трудящихся марийцев. Подготовила реорганизацию музея для приближения его к широким массам: 1) проект реорганизации музея, 2) выставка по колхозному движению, 3) подготовила выставку по лесному хозяйству в Марийской автономной области. Центр области пригласил ее к себе, видя ценность ее работы, особенно когда она подготовила пятилетний план работы (с краеведческим уклоном). Местная пресса дала положительные отзывы о работе музея за время ее работы. Сам я ее знаю и считаю весьма активной и полезной работницей». Будучи сотрудницей музея в течение 3 лет, в том числе один год научным сотрудником, Татьяна Александровна выполняла большую организационную и даже канцелярскую работу. Все эти годы она работала секретарем Козьмодемьянского отделения Общества краеведения. Руководство местного отделения ГПУ, учитывая слабое состояние ее здоровья, позволяло ей каждую весну и осень ездить на несколько дней к врачу в г. Горький.

Т.А.Крюкова работала в Козьмодемьянском музее в 1929—1931 гг. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в эти годы состоялось ее знакомство с Т.Е.Евсевьевым²⁵, который работал в Краснококшайске в Марийском научно-краеведческом музее. Это был крупный ученый-этнограф, фольклорист, краевед, музеевед, блестящий полевой исследователь, собиратель этнографического материала и коллекций, много времени он проводил в экспедиционных поездках, в частности в 1929 г. занимался сбором материала по традиционным видам охоты марийцев в разных кантонах области; в 1930 г. собирал марийские народные музыкальные инструменты для своего музея, выявлял исполнителей на них²⁶. Деятельность Крюковой в Козьмодемьянском музее и ее широкая эрудиция произвели на Евсевьева самое благоприятное впечатление. Нельзя исключать, что и приглашение в Центральный Марийский научно-краеведческий музей, о котором упоминает в своем письме Григорьев, было инициировано также Евсевьевым. Татьяна Александровна не приняла этого весьма лестного для молодой, по существу начинающей сотрудницы приглашения. И это решение было мудрым. Во-первых, нельзя было уходить из-под покровительства Григорьева; во-вторых, было жаль бросать так успешно начатое дело в Козьмодемьянске; в-третьих, подвергавшийся в печати критике Евсевьев 23 января 1931 г. был арестован и посажен в Йошкар-Олинскую тюрьму²⁷. Последний случай не мог не вызвать у нее трагических воспоминаний обстоятельств ее собственного ареста и хождений по мукам... Можно предположить, учитывая ее активную деятельность в г. Козьмодемьянске и факт приглашения на работу в столицу республики, что она была знакома и с дру-

гими учеными, работавшими по этнографии марийцев: В.А.Мухиным, В.М.Васильевым, Н.И.Ивановым, Л.Я.Мендиаровым, М.Н.Сазоновым (Янтемиром).

В 1931 г. окончился срок ссылки, и Крюкова смогла вернуться в Ленинград. И хотя за годы ссылки Татьяна Александровна стала хорошим специалистом по этнографии народов Поволжья, в первую очередь марийцев, ей пришлось опять испытывать трудности с устройством на работу. По свидетельству ее сына, А.Г.Никитина, она вынуждена была какое-то время проработать в Кольской экспедиции, куда попала по рекомендации добрых людей. Только теперь, имея надежные рекомендации и профсоюзные документы, она могла пытаться получить работу в Ленинграде. С августа 1931 по август 1932 г. Крюкова состояла библиотекарем в библиотеке рабфака Ленинградского технологического института. Одновременно по договору она трудилась в Этнографическом отделе Русского музея в качестве внештатного сотрудника. Летом по поручению музея и Института по изучению народов СССР (ИПИИ) Татьяна Александровна выезжала в Марийскую автономную область. Как гласит удостоверение, подписанное заместителем директора Института Н.М.Маториным²⁸ и ученым секретарем К.В.Вяткиной²⁹, ей поручалось с 1 июля по 1 сентября 1932 г. вести сбор русского и марийского фольклорного материала. С этой задачей начинающая исследовательница-этнограф справилась успешно, что укрепило ее авторитет среди коллег-этнографов. Для музея ею была собрана этнографическая коллекция и ряд материалов, представляющих немалый научный интерес. 1 октября 1932 г. Крюкова была зачислена на должность научно-технического сотрудника первого отдела Этнографического отдела Русского музея. Эту дату сама Татьяна Александровна считала этапной в своей жизни: именно с этого времени она по основной профессии стала считать себя этнографом. Как всегда, Крюкова работала старательно, с полной отдачей сил и увлеченно, овладевая всеми видами деятельности в этнографическом музее. Лучше всего охарактеризовала службу Крюковой заведующая первым отделом Этнографического отдела Н.П.Гринкова³⁰ в своем отзыве от 10 декабря 1934 г.: «Т.А.Крюкова, работая в качестве научного сотрудника II разряда, вполне справляется со своей работой. На нее возложено по линии музейно-хранительской работы наблюдение за резервом³¹, включающим поволжские коллекции; резерв находится в полном порядке и вполне удовлетворительном состоянии. Экспедиционная работа т. Крюковой, проведенная в 1934 году в Коми-области, показала ее с самой хорошей стороны. Ею собрана весьма ценная коллекция по этнографии коми, являющаяся важным

дополнением к имеющимся коллекциям Отдела. Собранные материалы снабжены исчерпывающими комментариями. Научно-исследовательская работа г. Крюковой, идущая по линии изучения марийской орнаментики, показала в ней весьма вдумчивого и способного работника в этой области». Как становится очевидным из этого отзыва, Татьяна Александровна успешно осваивала все виды музейной работы и занималась научно-исследовательской темой. Уже с первых лет работы в музее она старалась широко изучать этнографию финно-угорских народов Поволжья. При этом надо иметь в виду, что все эти годы она вела научно-исследовательскую, музейно-хранительскую и собирательскую работу по разделу «Народы Поволжья» в качестве единственного работника в музее по этой специальности. Только в 1934 г. она побывала в двух научных командировках, проходивших в исключительно трудных условиях: выезжала в глухие охотничьи районы области Коми для сбора этнографических материалов, а также в Горьковский край и к ветлужским мари, где она успешно добывала необходимые для ее научно-исследовательской темы сведения, а также помогала восстановить научную ценность громадной коллекции в 700 предметов, хранившейся в музее. По заключению специалистов, командировки прошли исключительно успешно, благодаря им музей пополнился весьма ценными и необходимыми для экспозиционной и исследовательской работы материалами. В 1932—1933 гг. она состояла секретарем кружка «Музейное дело». В мае 1934 г. Этнографический отдел Русского музея был преобразован в Государственный музей этнографии (ГМЭ).

Рассматривая деятельность Крюковой в 1932—1934 гг. в Этнографическом отделе Русского музея, можно предположить, что она была довольно достигнутыми результатами. Но ведь всего несколько лет назад она готовилась к совсем другой работе, у нее тогда были другие научные интересы. Что она переживала в эти годы, трудно сегодня представить, но, вероятно, это были для нее довольно тяжелые времена.

Да и в Этнографическом отделе обстановка в те годы была напряженной. Все еще помнили, что 5 августа 1930 г. был неожиданно арестован и осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей по «академическому делу» его заведующий С.И.Руденко³². Вместе с коллективом Русского музея Крюковой пришлось пережить трагический 1933 год: в течение сентября—ноября были арестованы М.П.Грязнов, А.И.Зарембский, Д.А.Золотарев, Н.В.Исаченко, А.М.Колаковская, Б.Г.Крыжановский, Н.В.Малицкий, А.А.Миллер, Е.К.Мроз, П.И.Нерадовский, Н.П.Сычев, С.А.Теплоухов, Ф.А.Фиельструп, М.А.Фриде³³. Какие чувства

испытывала в эти дни Татьяна Александровна? Какие воспоминания эти аресты вызывали у нее? Наверное, нетрудно предположить. Поэтому на всякий случай Крюкова запасалась авторитетными отзывами ведущих специалистов о ее благонадежности, активности и трудолюбии. Так, 10 мая 1933 г. член-корреспондент АН СССР В.И.Срезневский³⁴ подписал следующий документ: «Гражданка Крюкова Татьяна Александровна, в течение 1½ года служившая в Библиотеке Академии наук СССР, известна мне как отличная и деятельная работница, всегда умеющая вносить в свой труд много активности и общественности и выполнять возлагаемые на нее обязанности в высшей степени отчетливо». Представляется, что это была жизнь в постоянном страхе. В декабре 1934 г. был убит руководитель ленинградских большевиков, член Политбюро ЦК ВКП(б) С.М.Киров. Начались высылки из Ленинграда «социально опасных элементов». Опасность все время бродила рядом, и беда в конце концов разразилась.

25 марта 1935 г. приказом директора ГМЭ П.И.Воробьева³⁵ Крюкова была уволена без точного указания причины. При этом директор прямо заявил одному сотруднику, явно в целях перестраховки, что он не знает Татьяну Александровну и не хочет брать на себя ответственность за нее, но что если Ф.Я.Кон поручится за ее политическую благонадежность и признает привлечение ее в 1928 г. по статье 58—11 Уголовного Кодекса случайным, не являющимся препятствием для ее работы в музее, то она будет восстановлена в своей должности как полезный и ценный для музея работник. Такой поворот побудил Крюкову обратиться 2 апреля к Ф.Я.Кону³⁶, который в то время заведовал музейным делом при Народном Комиссариате просвещения. В своем заявлении она написала: «Мое прошлое, а именно — административная высылка (в 1928 г.) на три года по месту жительства моих родителей в г. Козьмодемьянск, также не может и не должна служить причиной моего увольнения из Музея, так как за все эти семь лет ни в чем предосудительном замечена не была, за что вполне отвечаю. Все эти годы (не исключая и годов высылки) работала безукоризненно. Нельзя же ошибку юности карать всю жизнь; подобные действия можно расценивать только лишь как недостаточное доверие к мерам воздействия советской юстиции, тем более что со стороны соответствующих органов НКВД ни при паспортизации 1933 года, ни ныне, когда Ленинград очищен от всех бывших людей, ни в отношении меня, ни в отношении моих родителей никаких репрессивных мер не последовало. Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу дать ход моему делу, произвести расследование о причинах

моего увольнения и вынести справедливое решение, восстановив меня на службу на занимаемой мною должности научного сотрудника Музея по изучению и исследованию народностей Поволжья и тем дать мне путевку в жизнь, т.е. дать возможность участвовать в том грандиозном социальном строительстве, которое идет сейчас быстрыми шагами в нашей великой родине трудящихся, в близкой моему сердцу области — музейной работы». Крюкова в своих письменных заявлениях клятвенно заверяла: «Как за время моей административной высылки, так и за все время службы в Музее никаких новых поводов заподозрить мою благонадежность по отношению к Советской власти я решительно не давала, и наоборот, в той области социалистического строительства, в которой я работала все семь последних лет, я отдавала ей все свои силы и все свои знания, не имея другой жизни, других интересов».

Для того чтобы оперативно решить дело, в Москву для переговоров с Коном из Ленинграда выезжала мать Крюковой Евгения Павловна, хорошо знавшая его лично. Старый большевик и добрый знакомый семьи и на этот раз помог отвести угрозу, нависшую над Татьяной, которой он уже, очевидно, помогал через А.В.Григорьева. Но на этот раз требовалась его личная гарантия, и она не только была получена и помогла благополучно закрыть «дело», но и обезопасила ее жизнь в дальнейшем: ведь авторитет Кона оставался непоколебленным вплоть до его кончины в 1941 г. За пересмотр неоправданного решения об увольнении Татьяны Александровны смело высказывались и другие уважаемые люди, например персональная пенсионерка, знавшая семью Крюковых еще по Минусинску, Е.И.Тырнкова. Она, в частности, писала: «Узнав в настоящее время о снятии с работы дочери Крюкова, Татьяны Александровны, которую я знаю за последние годы очень близко как хорошего советского работника, с энтузиазмом и горячностью относящегося к своему делу, я позволяю себе считать подобное увольнение недоразумением. Указанные выше данные о родителях Т.А.Крюковой и мое личное знакомство с ней заставляют меня писать настоящее заявление и просить особо внимательного подхода к выпадом против нее».

Даже в те годы активная сплоченная борьба против произвола могла дать положительные результаты. Уже 30 апреля 1935 г. Крюкова была восстановлена на работе в музее, правда на этот раз в массовом отделе. 6 апреля 1938 г. в ГМЭ была создана секция «Народы Поволжья», в конце 1940 г. преобразованная в отдел Поволжья и Приуралья. С первых дней там трудилась старший научный сотрудник Крюкова³⁷. В музее было много самой разнообразной работы, и она никогда не отказывалась от дела.

Ситуация в ГМЭ оставалась довольно сложной. В 1937 г. были арестованы П.И.Воробьев, В.А.Казакевич³⁸, Н.Г.Таланов³⁹ и несколько других сотрудников, причем некоторые из них по доносу коллег. Музей переживал тяжелые, трагические времена. Обо всем этом знала Татьяна Александровна и переживала их вместе с коллективом. Но были тогда и другие обстоятельства в ее жизни. В ГМЭ она познакомилась с молодым сотрудником Григорием Александровичем Никитиным. Первоначально их сближали общие интересы на работе: он тоже занимался изучением этнографии народов Поволжья. Потом они полюбили друг друга и решили объединить свои судьбы. Как верующие люди, они венчались: 30 мая 1936 г. этот торжественный обряд совершился в лицейской Знаменской церкви в Детском Селе (потом г. Пушкин). 14 августа 1937 г. у них родился сын, названный в честь деда Александром.

В мае 1941 г. родители отвезли сына на лето в Козьмодемьянск на Волгу и оставили его на попечение бабушки и дедушки. Сами вернулись в Ленинград, опять начались рабочие будни. Но вот наступило 22 июня, грянула война, а вскоре Ленинград оказался в блокаде. Крюкова вместе с оставшимися в городе сотрудниками ГМЭ оберегала коллекции и здание от налетов вражеской авиации. Л.П.Потапов⁴⁰ в беседе со мной рассказывал, как он, Татьяна Александровна, Григорий Александрович вместе встречали новый, 1942 год: сварили столярный клей и ели его, слушая принесенные им пластинки с записью музыки Бетховена. Приходилось дежурить на крыше, чтобы сбрасывать в случае необходимости зажигательные бомбы. Однажды Крюкова и Потапов стояли на металлических стропилах купола Мраморного зала ГМЭ, когда туда угодила фугасная бомба и взорвалась. Чудом остались живы. Во время налета фашистской авиации и бомбежки ударом взрывной волны Татьяна Александровна была контужена и вынуждена была лечиться. Крюкова тяжело переживала блокаду. В феврале 1942 г. умер В.Л.Комарович. 17 сентября того же года скончался Г.А.Никитин. Он не был призван в армию по состоянию здоровья. И хотя во второй половине 1942 г. бремя блокады несколько ослабело, мучившая его астма оборвала его жизнь. Перед смертью он дал обет: если выживет, то станет священником, продолжит потомственную традицию. Но этому желанию не суждено было осуществиться... Похоронив мужа на Смоленском кладбище, Крюкова по приглашению Марийского музея уехала в Краснококшайск. 15 октября 1942 г. она уволилась из ГМЭ по состоянию здоровья и в связи с эвакуацией⁴¹.

Вернулась Татьяна Александровна в Ленинград в 1944 г. и 9 сентября была назначена заведующей созданным ею отделом

Поволжья ГМЭ. Одновременно она осуществляла методическое руководство отделом Прибалтики. Вскоре ее ввели в состав Ученого совета ГМЭ. Интересы музея и прежде были близки ей, сейчас восстанавливались экспозиции, и работы было особенно много. Во всех видах музейной деятельности она активно сотрудничала с коллегами. Большая работа была проведена ею по спасению коллекций во время наводнения в октябре 1955 г. и по ликвидации его последствий; за этот самоотверженный труд 19 октября ей была объявлена благодарность. Она никогда не отказывалась от поручений дирекции, если музею была необходима ее помощь. В 1962 г. Крюкова была назначена материально ответственным лицом за хранение музейных экспонатов из драгоценных металлов. Неоднократно исполняла обязанности заместителя директора музея по научной работе. Много сил требовал и собственный отдел: росло количество коллекций, увеличивался штат сотрудников, большие задачи стояли не только в области учетно-хранительской и собирательско-экспозиционной деятельности, но и в сфере развития научных исследований. С 1 апреля 1965 г. она — заведующая отделом Поволжья и Прибалтики. В 1977 г. ее отдел был преобразован в отдел Поволжья и Приуралья, и приказом директора музея от 15 ноября 1977 г. Татьяна Александровна была поставлена во главе нового отдела. Она оставалась его руководителем вплоть до своей кончины. Многие сотрудники ГМЭ, еще и сегодня работающие в нем, прошли школу музейной работы у Крюковой и с благодарностью вспоминают ее. Среди ее учениц, которых она учила искусству музейной работы, которых пестовала в экспедициях, — Е.Н.Котова, Л.М.Лойко, А.Ю.Заднепровская.

За время работы в ГМЭ Крюкова участвовала в 35 экспедициях; для музея было собрано 3200 предметов, составивших 57 коллекций, характеризующих культуру и быт различных народов СССР⁴². Впервые она вынуждена была заниматься экспедиционной и собирательской работой самостоятельно в Козьмодемьянске. В Этнографическом отделе Русского музея, а потом в ГМЭ ее наставницей была Н.П.Гринкова, под руководством которой она трудилась первые годы пребывания в Ленинграде, ездила в экспедиции, в том числе в 1936 г. в Воронежскую область. Собранные тогда Татьяной Александровной научные материалы в дальнейшем легли в основу ее первой крупной научной работы.

Т.А.Крюкова была наделена великим даром собирателя. Обладая мягким характером и способностью расположить к себе собеседника, она везде была желанным гостем. Она легко находила общий язык с женщинами, и старухи охотно открывали ей свои сундуки, показывая тщательно сохраняемые старые вещи. Опыт-

ная музейщица, Крюкова простым языком рассказывала о Ленинграде, о своем родном музее, о его вещевых собраниях, которые выставлены на экспозициях и которыми восхищаются посетители музея. Красочно повествовала она о своих поездках, о знакомствах в экспедициях, об истории собирания наиболее интересных предметов... Проходило какое-то время, и даже самые несговорчивые хозяйки — владелицы интересных вещей сдавались и соглашались продать или даже подарить их музею.

Практически из каждой экспедиции Татьяна Александровна привозила «обильный урожай», заполняя имеющиеся в собраниях музея лакуны. Этнографы часто сетуют, что быстро текущее время, модернизация неумолимо теснят традиционную культуру, выходят из бытового употребления предметы, которые веками переходили из поколения в поколение. Это прекрасно понимала Крюкова и старалась обогатить музейные собрания такими предметами. Подводя итоги одной из своих экспедиций, она писала в 1965 г. в газете «Удмуртская правда», что в адрес ГМЭ послано 14 вещевых посылок, содержащих 120 предметов: комплекты удмуртской и бесермянской национальной одежды, предметы народной техники, вещи, характеризующие внутреннее убранство современного жилища (ковры, орнаментированные полотенца, покрывала, мебель и т.д.)⁴³. Она стала одним из самых опытных собирателей музея. Ее школу опытного полевика-этнографа проходили как сотрудники ГМЭ, так и местные этнографы-музейщики, которых она охотно привечала в своих экспедициях.

Т.А.Крюкова обладала колоссальным опытом музейной экспозиционной работы. Как лихорадочно быстро пришлось ей его приобретать! В первый год работы в Козьмодемьянске ею был подготовлен обширный доклад о принципах построения экспозиции в местном музее; доклад был не только одобрен, но и опубликован в Москве литографическим способом (3 п. л.)⁴⁴. В ГМЭ ею и при ее участии было организовано свыше 10 постоянных экспозиций и временных выставок. Приказом директора музея от 4 октября 1939 г. Крюкова была отмечена за проявленную активную работу и оперативность в создании выставки «Образцы народного искусства чувашей и марийцев». Среди ее выставок — «Русское население черноземных областей РСФСР», «Ленинградская область и Карелия», «Первая среди равных» и др.

В целях сбора материалов для новых экспозиций и выставок Крюкова выезжала в различные районы страны. Так, в 1954 г. она была командирована в Ярославскую и Костромскую области: для экспозиции ГМЭ «Русские» нужен был новый материал. По

этой же причине работала в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства. И повсюду находила недостающий музею этнографический материал, в том числе по современности. 4 октября 1957 г. Татьяне Александровне была объявлена благодарность за разработку экспозиционного плана постоянной выставки «Русские». Целиком на ее плечи легла подготовка новой фундаментальной экспозиции «Народы Поволжья», открытой в 1964 г. Даже простое перечисление названий экспозиций и выставок, в создании которых она принимала участие, красноречиво свидетельствует о том, что в лице Крюковой ГМЭ имел многоопытного экспозиционщика, которому под силу было решить проблемы создания выставки на любую тему, не говоря уже о родном ей Поволжье.

За годы работы в ГМЭ Крюкова стала не только первоклассным музейным работником, но и признанным авторитетом в области исследования этнографии народов Поволжья. Яркое и полное представление о том, насколько она была разносторонним и самобытным исследователем, дает список ее печатных трудов⁴⁵. Правда, активно печататься в научных изданиях Татьяна Александровна стала только в послевоенный период. Даже материалы экспедиции 1936 г. она осмелилась опубликовать лишь в 1947 г.⁴⁶ Но и предвоенные годы не были периодом простоя. Это подтверждается ее последующей издательской деятельностью, одна за другой выходили монографии: в 1951 г. — «Марийская вышивка» (еще в мае 1941 г. было вынесено постановление Совета народных комиссаров Марийской АССР «Об издании альбома марийских вышивок» — красочного альбома марийских вышивок и орнамента — к 20-летию юбилею республики, но из-за начала войны не было выполнено), в 1956 г. — «Материальная культура марийцев XIX века», в 1960 г. — «Чувашское народное изобразительное искусство», в 1968 г. — «Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву», в 1973 г. — «Удмуртское народное изобразительное искусство». В них впервые столь полно обобщен накопленный наукой и собранный лично автором громадный, исключительный по ценности этнографический материал. Все эти издания были благожелательно встречены научной общественностью в центре и на местах. Работы Крюковой печатались в самых авторитетных изданиях ИЭ АН СССР — журнале «Советская этнография» и «Сборнике Музея антропологии и этнографии». Когда ИЭ готовил монументальную серию «Народы мира», то в качестве автора статьи о марийцах приглашена была именно Крюкова. По существу данная статья, опубликованная в томе «Народы Европейской части СССР» (т. II. М., 1964,

с. 510—547) явилась минимonoграфией об этом народе. Отдельный блок ее работ — путеводители по различным выставкам ГМЭ. Каждый исследователь истории этнографической науки и музейного дела в нашей стране с благодарностью неизменно обращается к классическому труду Татьяны Александровны «Государственный Музей этнографии народов СССР», изданному ею в 1971 г. в соавторстве с Е.Н.Студенецкой. Как авторитетный исследователь-музеевед, она принимала участие в 1964 г. в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве и в 1970 г. в Конгрессе финно-угорских народов в Таллине. Она была неизменным участником ежегодных отчетных экспедиционных сессий, организуемых Отделением истории АН СССР.

Обширные знания Крюковой находили спрос и в высшей школе. Так, в 1945/46 учебном году она читала курс общей этнографии студентам Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена, в 1946—1948 гг. по приглашению заведующего кафедрой этнографии восточного факультета ЛГУ проф. И.Н.Винникова она руководила полевой практикой студентов-этнографов, будучи оформленной на факультете в качестве штатного преподавателя, в 1959—1961 гг. возглавляла полевую практику студентов Марийского педагогического института, в 1971/72 учебном году вела курс региональной этнографии «Поволжье» по приглашению заведующего кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ проф. Р.Ф.Итса и т.д. Совершенно невозможно учесть, сколько курсовых и дипломных работ студентов-этнографов было выпущено под ее руководством, сколько раз выступала на их защитах оппонентом, сколько написала отзывов, дала консультаций.

Большую научно-консультационную работу Татьяна Александровна вела по линии министерств культуры РСФСР и СССР. Я смогу назвать только некоторые ее выезды. Так, в 1955 г. она оказывала научно-методическую помощь Костромскому областному музею, в 1956 г. была командирована в Горький на совещание работников краеведческих музеев, в 1957 г. выезжала в Казань для оказания помощи Татарскому государственному музею; за ее работу по перестройке этнографического раздела экспозиции руководство этого музея объявило ей благодарность. В 1965 г. Крюкова участвовала в Йошкар-Оле во всесоюзной сессии, посвященной происхождению марийского народа. В 1970 г. на совещании в Новосибирске она прочитала доклад «Материальная культура как источник для изучения истории народов Приуралья». В 1958—1972 гг. Крюкова работала внештатным старшим научным сотрудником Научно-исследовательского институ-

Т.А.Крюкова. 1960.

та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР по сектору истории, оказывала большую консультационную помощь сотрудникам института. Это только некоторые факты, официально зафиксированные в ее личном деле, а сколько было бесед с приезжавшими из Поволжья научными работниками, вузовскими и школьными преподавателями, музейными сотрудниками, студентами. В ее отчетах ежегодно присутствовала строчка: «Проводила консультации по вопросам культуры и быта народов Поволжья».

В 1948 г. Татьяна Александровна была избрана действительным членом Всесоюзного географического общества (ВГО). Как секретарь отделения этнографии, она стала верным помощником председателя отделения проф. С.И.Руденко. Заседания отделения этнографии ВГО проходили всегда в деловой, доброжелательной обстановке, доклады читались на самые различные темы. Здесь с докладами и в дискуссиях выступали Н.И.Гаген-Торн, Е.П.Орлова, Г.М.Василевич, Л.Н.Гумилев, М.В.Воробьев, И.Н.Уханова, Е.В.Иванова, А.А.Шенников и многие другие. На заседаниях всегда было интересно, они собирали многочисленную аудиторию, и в этом большая заслуга руководителей отделе-

ния этнографии Руденко и Крюковой, которые сами задавали тон: выступали с докладами, участвовали в жарких спорах. Как многие научные сотрудники в те годы, Крюкова активно работала в нескольких всесоюзных добровольных обществах — «Знание» (с 1963 г.), «Любителей книги» (с 1975 г.) и др. Тогда это считалось естественным и необходимым — везде быть активным, не отставать от передовых.

За активную научно-исследовательскую, музейную, общественную деятельность Крюкова, помимо многочисленных благодарностей и денежных премий, удостоивалась Почетных грамот Комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР (1947 г.), Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1951 и 1958 гг.), Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры (1957 г.), нагрудного знака «Отличник культпросветучреждений Министерства культуры СССР» (1959 г.) и др. Наиболее памятными и дорогими были медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Она была удостоена почетных званий Заслуженного работника культуры Марийской АССР и Чувашской АССР, лауреата Государственной премии Удмуртской АССР.

Высоко ценили заслуги Татьяны Александровны и в родном музее. 1 октября 1947 г. исполнилось 15 лет ее работы в этом учреждении, и 6 октября директор ГМЭ Е.А.Мильштейн в связи с памятным событием издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «За годы работы в музее Крюкова Татьяна Александровна проявила себя как основной научный работник, положивший много труда на организацию Отдела этнографии народов Поволжья, на собирание его коллекций, ведущий научно-исследовательскую и полевую работы в области этнографии народов Поволжья. Т.А.Крюкова известна нам как инициативный, честный и преданный делу человек. В день 15-летия работы в музее выношу благодарность Т.А.Крюковой, поздравляю и желаю в дальнейшем многих лет плодотворной работы в нашем музее».

Будучи общепризнанным специалистом по этнографии народов Поволжья и музееведению, Татьяна Александровна никогда не ставила вопрос о защите диссертации. И в том, что она после защиты диссертации по совокупности работ была удостоена в 1972 г. историческим факультетом Новосибирского университета ученой степени кандидата исторических наук, большая заслуга акад. А.П.Окладникова — организатора этой защиты. В характеристике руководства ГМЭ, выданной ей в связи с защитой диссертации, справедливо констатировано: «Высокая научная ква-

лификация, исследовательский опыт, богатая эрудиция и бесспорный авторитет среди специалистов давно сделали Т.А.Крюкову достойной не только степени кандидата исторических наук, но и более высокой ученой степени». На защиту был вынесен научный доклад, обобщающий основные положения всего написанного ею, под названием «Материальная культура как источник для изучения истории народов Приуралья и Поволжья». Оппоненты и ведущая организация дали самые благоприятные отзывы. Присвоение Крюковой ученой степени кандидата исторических наук явилось скромным и довольно запоздалым признанием ее многогранных научных заслуг как собирателя коллекций, исследователя, популяризатора науки, опытнейшего музейного работника. Ее вклад в изучение этнографии финно-угорских народов Поволжья сделал ее имя широко известным в нашей стране и за рубежом.

Невольно все-таки задаешься вопросом: почему это радостное событие произошло по существу в конце жизни Татьяны Александровны? В чем здесь дело? Ведь она всегда много и плодотворно работала. Сыграла роль ее скромность? Несомненно, она была исключительно скромна и сама никогда не подчеркивала своих научных заслуг. Очевидно, влияло и то, что до начала 70-х годов защита диссертаций по этнографии проводилась только в Москве. Ехать в столицу и организовывать свою защиту — это было не в характере Татьяны Александровны. Думаю, что ситуацию осложнило еще одно существенное обстоятельство. По действовавшему тогда положению, право на защиту по совокупности работ надо было получать в Высшей аттестационной комиссии в Москве; оно давалось в порядке исключения и с большим трудом. Перед защитой надо было сдавать различные сложные экзамены. То, что потом с изящной легкостью осуществил влиятельный академик Окладников, в обычной ситуации выполнить было нелегко. Все это заставляло, несмотря на всеобщее признание, отодвигать даже мысль о защите диссертации. Тем более что в жизни Татьяны Александровны в послевоенное время еще оставалось много сложных проблем. Она одна растила и воспитывала сына. На ее руках были отец, получавший ничтожную пенсию (умер в 1950 г.), мать — совсем без пенсии (умерла в 1960 г.); необходимо было периодически помогать другим родственникам. Жить приходилось на одну зарплату старшего научного сотрудника музея, а она, как известно, была невысокой. Поэтому приходилось каждый день решать непростые жизненные проблемы, что отнимало много физических сил и душевной энергии. И все это при колоссальной занятости на работе в музее и отделении этнографии ВГО.

Еще в 1951 г. в издательстве АН СССР вышла в свет монография Татьяны Александровны «Марийская вышивка», на основе которой вполне могла быть защищена кандидатская диссертация. Но в 1953—1954 гг. в журнале «Советская этнография» были опубликованы разгромные статьи по поводу «антимарксистских извращений» в изучении первобытности и традиционной одежды в связи с модной в те годы критикой взглядов Н.Я.Марра (после осуждения марризма в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»), в частности его «труд-магической теории», оказавшей, по мнению авторов этих статей, пагубное влияние на исследование ряда этнографов, в том числе Крюковой⁴⁷. Неизвестно, какие последствия для Татьяны Александровны и ее коллег могли бы иметь эти обвинения, если бы вскоре в органе ЦК КПСС газете «Правда» не появилась статья «Вульгаризаторы в позе марксистов», и редакция журнала «Советская этнография» тут же признала свои ошибки и обязалась не допускать их впредь⁴⁸. Можно предполагать, что вся эта история оказала определенное влияние на дальнейшее поведение Крюковой, на обострение у нее чувства осторожности. Прежний опыт напоминал ей о необходимости уйти в тень, чтобы не привлекать к себе внимания критиков — хранителей «чистоты теории» — и не вызывать зависти у тех, кто всегда готов был поддержать этих критиков.

Мне кажется, что на поведение Т.А.Крюковой немалое влияние оказывало еще одно обстоятельство, о котором она не только не забывала, но вспоминала с особой тревогой, когда требовалось заполнить какую-то анкету, написать автобиографию, ответить на вопрос: есть ли родственники за границей? Я уже упоминал, что у Татьяны Александровны был старший брат. Борис Александрович после окончания гимназии в Минусинске в дальнейшем поступил на военную службу, этот выбор заставила сделать Первая мировая война. Он закончил Александровское военное училище, получил офицерский чин, воевал во время Гражданской войны на стороне Колчака. Из занимаемого красными войсками Владивостока попал в Японию, а оттуда в США. Там он получил высшее образование, совершил ряд крупных экспедиций, стал выдающимся ботаником. После окончания Второй мировой войны он пытался установить контакт с родителями и сестрами, предлагал встречу в Швеции. Но начавшаяся «холодная война» сделала невозможной не только встречу, но даже переписку. В 1962 г. Борис Александрович написал письмо в Козьмодемьянск, чтобы узнать о судьбе родных. Родителей уже не было в живых, а Татьяна Александровна, опасаясь за свою судьбу и особенно за будущее сына-геолога, не только не всту-

пала в переписку с братом, но всячески замалчивала факт его пребывания за границей. Б.А.Крюков умер в 1983 г.⁴⁹. Как представляется, «тень брата Бориса» заставляла Татьяну Александровну во многих жизненных ситуациях быть предельно осторожной и предусмотрительной. Тот, кто пережил эти годы, в полной мере поймет ее и посочувствует ей.

Помогали жить Крюковой опять-таки любимая работа и друзья — старые и новые. Ее общительность была поразительной. Сын Татьяны Александровны А.Г.Никитин рассказывал мне, как во время гастролей в Ленинграде в 1924 г. выдающегося немецкого актера албанского происхождения Александра Моисси она познакомилась с ленинградским физиком С.Э.Фришем (1899—1977) и его супругой, а потом дружила с ними всю жизнь⁵⁰. Легендарна ее преданность В.Л.Комаровичу, с которым она познакомилась во время учебы в Нижегородском университете. Татьяна Александровна дружила с ним в Ленинграде, ухаживала за ним, умирающим во время блокады, похоронила его, сохранила в память о нем его архив, обработала эти материалы и сдала в Институт русской литературы АН СССР. Никакие жизненные невзгоды не помешали ее дружбе с Д.С.Лихачевым и его семьей. Среди ее друзей также были московский археолог Н.Н.Воронин, ленинградский археолог П.Н.Третьяков и его супруга, коллега по моему В.В.Романовская, поэтесса А.А.Ахматова и ее сын — историк, географ и этнограф Л.Н.Гумилев, антрополог, этнограф и археолог С.И.Руденко, московский этнограф К.И.Козлова и множество других людей в разных городах страны. Эта любовь к людям, дружба с ними помогали ей в ее многотрудной жизни.

Как-то в перегруженном ленинградском общественном транспорте Крюкову сильно толкнули в грудь, появились боли, на которые она не обращала внимания. В эти годы она увлеченно работала над монографией о марийской национальной одежде, но закончить успела только одну, но очень важную главу — «Локальные группы марийцев по материалам одежды». Болезнь все-таки мешала, боли усиливались. А когда она обратилась к врачам, оперировать уже было невозможно. По протекции Д.С.Лихачева ее положили в больницу АН СССР, где она умерла от рака груди 14 апреля 1978 г. Отпевали ее в Князь-Владимирском соборе. Проводить Татьяну Александровну в последний путь собралось много народа. Это были самые разные люди, но всех их привела сюда любовь к покойной, благодарность за все доброе, что она для них сделала. На Смоленском кладбище, где покоится прах ее родственников и мужа, хоронить почему-то не разрешили. Свое упокоение она нашла на Парголово́м кладбище.

Время неумолимо движется вперед. Приближается столетие со дня рождения Татьяны Александровны, и мы с большой признательностью вспоминаем ее как великолепного исследователя, своими трудами вместе с другими советскими учеными заложившего основы изучения этнографии народов Поволжья, как талантливого собирателя музейных коллекций, создателя этнографических экспозиций, с которыми познакомились миллионы посетителя музея, как прекрасного, доброго, принципиального человека.

¹ В основу статьи положены материалы, хранящиеся в архиве РЭМ (фонд Т.А.Крюковой). Все цитаты, встречающиеся в тексте без сносок, взяты из документов этого (пока еще не обработанного и не описанного) фонда. О Т.А.Крюковой подробнее см.: *Заднепровская А.Ю.* Собирательская и исследовательская работа Т.А.Крюковой по этнографии народов Поволжья (к 80-летию со дня рождения). — Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Сборник научных трудов. Л., 1984, с. 122—128; *Айплатов Г.Н.* Татьяна Александровна Крюкова (к 90-летию со дня рождения). — Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994, № 4, с. 171—172; *Сенеев Г.А.* Т.А.Крюкова и вопросы этнографии марийцев (к 95-летию со дня рождения). — Финно-угроведение. 1999, № 4, с. 111—114; *он же.* Вклад Т.А.Крюковой в этнографическое изучение марийского народа. — Марийский археографический вестник. 2000, № 10, с. 61—82; Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А.Крюковой. Сборник статей. СПб., 2000.

² Комарович Василий Леонидович (1(13) января 1894 г. — 17 февраля 1942 г.) — известный советский литературовед и фольклорист. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского государственного университета и был оставлен при кафедре русской литературы для подготовки к профессорскому званию. В 1920—1924 гг. читал лекции сначала в Нижегородском университете, а затем в Институте народного образования. В 1924—1928 гг. вел курс по Ф.М.Достоевскому в ЛГУ и в Институте истории искусств Наркомпроса РСФСР. В 1928 г. полностью перешел на научно-исследовательскую работу, трудился в Институте языка и мышления АН СССР. В июне 1928 г. был арестован и проходил по делу членов «Братства имени преподобного Серафима Саровского». После освобождения с 1934 г. творчески был связан с Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. О нем см.: *Крюкова Т.А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича. — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.—Л., 1960, т. XVI, с. 583—588; *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1997, с. 491—493.

³ *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 146.

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Видимо, речь идет об А.Л.Петрове: Петров Алексей Леонидович (1859—1932) — известный российский историк-славист. После окончания в 1880 г. Петербургского университета преподавал в средних учебных заведениях, на Высших женских (Бестужевских) курсах; профессор кафедры славянской филологии и истории Петербургского университета. С 1922 г. постоянно жил и работал в Праге и Будапеште, сохраняя советское гражданство, что позволило послу СССР в Чехословакии А.Я.Аросеву на похоронах А.Л.Петрова в Праге сказать, что он «был одним из тех ученых, которые помогали строить советскую культу-

ру». Подробнее о нем см.: *Вялова С.О.* Петров Алексей Леонидович. — Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 265—266.

⁶ Подробнее об этом см.: Русские в Праге. 1918—1928 г. Ред.-сост. С.П.Постников. Прага, 1928; *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы). — Славяноведение. 1995, № 4, с. 17—26; *он же.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920—1930-е годы). — Там же. 1996, № 4, с. 3—10; *он же.* Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920—1930-е годы). — Там же. 1998, № 4, с. 43—51; *Поспишил И., Зеленка М.* Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого. — Там же, с. 52—59.

⁷ Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979) — до революции приват-доцент Новороссийского университета в Одессе. С 1920 г. преподавал в Праге, позднее в США. В 1980 г. в Москве издан его труд «Из прошлого русской мысли».

⁸ Лаппо Иван Иванович (1869—1944) — выпускник Петербургского университета, профессор Юрьевского университета. С 1921 г. жил и работал в Праге, с 1932 г. — в Каунасе. О нем см.: Лаппо Иван Иванович. — Славяноведение в дореволюционной России, с. 217.

⁹ Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — профессор философии Московского и Петербургского (Петроградского) университетов. В 1922—1945 г. работал в Праге и Братиславе, с 1945 г. — в США. В 1991 г. в журнале «Вопросы философии» (№ 10—12) опубликована работа Н.О.Лосского «Воспоминания. Жизнь и философский путь».

¹⁰ Андреевский (Андриевский) Иван Михайлович (1894—1976) — филолог, историк церкви, врач-психиатр, педагог. Учился на философском отделении Парижского университета, в Петроградском психоневрологическом институте, в 1921 г. окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета. С 1923 г. у него дома начал функционировать кружок литературного и религиозно-философского направления, в котором принимали участие преимущественно его ученики. Его знакомый А.Ф.Ильин-Женевский об этом вспоминал: «Большой поклонник Толстого и Достоевского, он воспринял от них полуанархическое, полухристианское мировоззрение, окутанное дымкой некоторого пуританства и, я бы сказал, подвижничества <...> Он был признанным вождем своего кружка, некоторые представители которого являлись настоящими его апостолами». В 1928 г. он был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, срок отбывал на Соловках и на строительстве Беломоро-Балтийского канала. После досрочного освобождения в середине 30-х годов работал в Новгороде как врач-психиатр. Во время оккупации, по некоторым сведениям, сотрудничал с немцами, затем оказался сначала в Германии, а позднее в США, где под именем И.М.Андреева преподавал в Джорданвиле в духовной семинарии, издавал свои труды по богословию, русской литературе, истории церкви, психологии и др. Подробнее о нем см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992, с. 459—460; *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 171—185, 396.

¹¹ *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 172.

¹² Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — выдающаяся советская пианистка, дружила со многими поэтами, писателями, философами, историками. За свои религиозные и эстетические убеждения неоднократно увольнялась с работы, подвергалась гонениям. О ней подробнее см.: Мария Юдина. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978; Невельский сборник. Вып. 3. СПб., 1998 (сборник посвящен М.В.Юдиной).

¹³ Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975) — известный советский литературовед, теоретик искусства, фольклорист, философ. Основные работы: Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972; Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

¹⁴ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 171—172.

¹⁵ Подробнее о деятельности митрополита Сергия в 20—30-е годы см.: Богословские труды. Т. 34. Юбилейный сборник. К 120-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Алексия I. К 80-летию восстановления Патриаршества. М., 1998.

¹⁶ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 175.

¹⁷ Лященко Аркадий Иоакимович (1871—1931) — советский славяновед, историк, литературовед, фольклорист, библиотековед. С 14 января 1928 г. член-корреспондент АН СССР по ряду русского языка и словесности Отделения гуманитарных наук. Летом 1926 г. как секретарь Славянской комиссии АН СССР и заведующий Славянским отделением Библиотеки Академии наук (БАН) А.И.Лященко побывал в Чехословакии в командировке для налаживания обмена изданиями между АН СССР и научными учреждениями этой страны. Если вспомнить, что в это время в Праге находилась Т.А.Крюкова, вполне можно предположить, что они познакомились там и поддерживали отношения после ее возвращения в Ленинград. В свете этого отнюдь не случайным является поступление Крюковой на работу именно в БАН. Об А.И.Лященко подробнее см.: Перетц В.Н. Памяти Аркадия Иоакимовича Лященко. — Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1932, т. 1, с. 354—376.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 177—180.

¹⁹ Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 31 марта 1998 г., хранится в архиве автора.

²⁰ Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 29 июня 1999 г., хранится в архиве автора.

²¹ Вукотич Наталия Алексеевна (1867—?) — помощник библиотекаря I отделения Императорской Библиотеки АН с 1912 г., старший библиотекарь БАН. Уволена в ноябре 1930 г. по сокращению штатов.

²² Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 31 марта 1998 г. В тексте ответа на запрос говорится о высылке Т.А.Крюковой в г. Минусинск, но к тому времени местом жительства родственников ее уже был г. Козьмодемьянск.

²³ Подробнее об А.В.Григорьеве (1891—1961) см.: Кудрявцев В.Г. Александр Владимирович Григорьев. Документы. Статьи. Письма. Воспоминания. Йошкар-Ола, 1992. Сам А.В.Григорьев в дальнейшем был репрессирован. В 1938 г. он был арестован по ложному обвинению, осужден и освобожден только через восемь лет. Реабилитирован 16 июня 1954 г. В 1966 г. Музею в г. Козьмодемьянске вернули имя его основателя.

²⁴ Текст письма А.В.Григорьева, а также некоторые другие материалы получены благодаря помощи директора Козьмодемьянского художественно-исторического музея им. Григорьева Н.В.Просвирнина, за что приношу ему сердечную благодарность. Об активной позиции А.В.Григорьева в трудоустройстве Т.А.Крюковой в Козьмодемьянске ярко свидетельствуют также два его письма от 24 января 1930 г., адресованные в Президиум Козьмодемьянского кантонного исполкома и руководителям Марийской автономной области. Во втором письме, в частности, говорится: «Мною рекомендована для работы в Козьмодемьянском Музее моего имени т. Крюкова Т.А. Очень умная, талантливая, энергичная, молодая работница с большим научным багажом. Происшедшее недоразумение с высылкой из Ленинграда из Академии наук было плодом не злой политики, а

молодого безудержного желания все знать, все видеть — почему она и бегала по всяким научным кружкам профессоров и академиков, оказавшихся (потом как выяснилось) нашими противниками. Я ее знаю хорошо и отвечаю за нее. Отец ее — лесничий Ал.Крюков скрывал и поддерживал в Минусинских краях Феликса Кона, Ленгника и ряд других партийцев (в подпольные и ссыльные времена), о чем имеет блестящие отзывы. В течение почти года она провела в Музее большую, прямо огромную научно-исследовательскую работу по постановке Музея на настоящие рельсы: изучение нашего края с экономической, бытовой и этнографической стороны, составление (бесплатно) каталога и письменный доклад (научно разработанный). Все это заставляет ее поставить в ряды лучших бойцов на фронте культурной революции в нашем крае и всемерно содействовать ей по оформлению себя в профсоюзной и служебной линии, в поездках по Марийской Автономной области (хорошо ее знает и Краснококшайский музей, который приглашал ее к себе). Моя убедительная просьба помочь ей». Благородное поведение А.В.Григорьева и сегодня вызывает восхищение. Он с завидной настойчивостью и упорством целеустремленно делал все, чтобы бескорыстно помочь молодой девушке, попавшей в беду. Он смело брал ответственность за ее поведение на себя. И его борьба увенчалась успехом. Как не вспомнить слова поэта «Россия — мать! Когда б таких людей ты иногда не послала миру, заглохла б нива жизни».

²⁵ Евсевьев (Евсеев) Тимофей Евгеньевич (1887—1937) — марийский ученый, создатель Марийского научно-краеведческого музея. Подробнее о нем см.: Краевед Т.Е.Евсевьев. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1988; *Сануков К.Н.* Тимофей Евсевьев: трагические страницы биографии. — Марийский археографический вестник. 1995, № 5, с. 77—98; *Сенеев Г.А.* Тимофей Евгеньевич Евсеев (Евсевьев). К 110-летию со дня рождения. — Там же. 1997, № 7, с. 203—205.

²⁶ *Сенеев Г.А.* Деятельность Т.Е.Евсевьева по этнографическому изучению марийского народа. — Краевед Т.Е.Евсевьев, с. 15.

²⁷ *Сануков К.Н.* Тимофей Евсевьев, с. 77.

²⁸ См. о нем подробнее: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. Наст. изд., с. 148—193.

²⁹ Вяткина Капитолина Васильевна (1892—1973) — советский этнограф, монголовед. Работала в ИПИНе, затем, с февраля 1933 г., — в ИЭА/ИЭ. Занималась научно-организационной деятельностью. Кандидат исторических наук.

³⁰ Гринкова Надежда Павловна (1895—1961) — советский этнограф, диалектолог. С 1918 г. работала в Этнографическом отделе Русского музея (с 1934 г. — ГМЭ), в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена. Профессор, доктор филологических наук. О ней см.: *Чагишева В.И.* Надежда Павловна Гринкова. — Русский язык в школе. 1961, № 3, с. 120; *она же* Творческий путь Н.П.Гринковой. — Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А.И.Герцена. Л., 1963, т. 248, с. 3—12.

³¹ *Резерв* — так в то время называли музейное хранилище.

³² О С.И.Руденко подробнее см.: *Решетов А.М.* С.И.Руденко — антрополог, этнограф, археолог. — С.И.Руденко и башкиры. Уфа, 1998, с. 5—25.

³³ Подробнее о деле Российской национальной партии см.: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

³⁴ Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936) — русский советский историк литературы, палеограф. С 1906 г. — член-корреспондент Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности, в дальнейшем — АН СССР. Работал в БАН заведующим с 1921 г. ее рукописным, а с 1923 г. — русским отделением.

³⁵ Воробьев Павел Иванович (1892—1937) — советский ученый-востоковед, музейевед, организатор науки. Ректор Восточного института, директор Русского музея, заместитель директора Института востоковедения АН СССР, директор ГМЭ. 11 сентября 1937 г. П.И.Воробьев был арестован. Ему было предъявлено обвинение по статье 58-6, 11 Уголовного кодекса РСФСР. 19 ноября 1937 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговорила П.И.Воробьева к высшей мере наказания. 24 ноября 1937 г. он был расстрелян в Ленинграде. Реабилитирован в 1957 г. О нем подробнее см.: *Решетов А.М.* Павел Иванович Воробьев: судьба человека и ученого. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* Helsinki, 1995, t. 86, p. 167—185.

³⁶ Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — деятель польского, русского и международного революционного движения. С 1884 г. отбывал 8 лет на каторге в Каре (Забайкалье), затем по 1904 г. был на поселении в Восточной Сибири. Участник революции 1905—1907 гг. В 1907—1917 гг. находился в эмиграции. В 1918 г. вступил в РКП(б). Принимал активное участие в Гражданской войне. Впоследствии был на партийной и советской работе: занимал видные посты в Коминтерне, был редактором газет и журналов, заведовал сектором искусств и музейным отделом Наркомпроса РСФСР и т.д. Был членом ЦИК и ВЦИК.

³⁷ Подробнее см.: *Крюкова Т.А. и Никитин Г.А.* Секция народов Поволжья в Государственном музее этнографии. — *Советская этнография.* Сб. статей. 1941, вып. 5, с. 168—171.

³⁸ Казакевич Владимир Алексеевич (1896—1937) — советский востоковед-монголовед, этнограф, музейевед. Работал в Институте востоковедения АН СССР, Ленинградском восточном институте, Государственном Эрмитаже и ГМЭ. Арестован 30 августа 1937 г. как японский шпион. 16 декабря 1937 г. постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 20 декабря 1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

³⁹ Таланов Николай Георгиевич (1897—1938) — советский тюрколог, организатор науки и музейного дела. Работал в Ленинградском восточном институте, Институте востоковедения АН СССР, Этнографическом отделе Русского музея. С 1935 г. — директор ГМЭ. Арестован 5 июля 1937 г. как участник контрреволюционной троцкистской террористической организации. 20 февраля 1938 г. приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор приведен в исполнение. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 мая 1957 г. приговор от 20 февраля 1938 г. в отношении Н.Г.Таланова отменен, дело за отсутствием состава преступления производством прекращено.

⁴⁰ Потапов Леонид Павлович (1905—2000) — советский этнограф, музейевед, организатор науки. В 1931—1948 гг. работал в ГМЭ, а затем заведующим Отделом Сибири и заместителем директора ИЭ АН СССР в Ленинграде. Доктор исторических наук, профессор. О нем см.: *Решетов А.М.* Старейшина этнографического цеха. К 90-летию со дня рождения Л.П.Потапова. — *Курьер Петровской Кунсткамеры.* СПб., 1995, № 2—3, с. 384—389.

⁴¹ О Т.А.Крюковой в период блокады см.: *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 491—493. К сожалению, здесь неверно указаны дата ее отъезда из Ленинграда в эвакуацию и ее отчество.

⁴² Об экспедиционной и собирательской работе подробнее см.: *Заднепровская А.Ю.* Собирательская и исследовательская работа Т.А.Крюковой по этнографии народов Поволжья, с. 122—128.

⁴³ *Крюкова Т.А.* Этнографы вернулись из экспедиции. — *Удмуртская правда,* 19.X.1965.

⁴⁴ *Крюкова Т.А.* Принципы построения экспозиции Марийского краеведческого музея в г. Козьмодемьянске. М., 1928 (mimeографированное издание).

⁴⁵ Список научных трудов Т.А.Крюковой см. в сб.: Личность и творчество. К 95-летию Т.А.Крюковой, с. 124—125.

⁴⁶ *Крюкова Т.А.* «Вождение русалки» в селе Оськине Воронежской области (по материалам экспедиции Государственного музея этнографии 1936 г.). — СЭ. 1947, № 1, с. 185—192.

⁴⁷ *Шаревская Б.И.* Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. — СЭ. 1953, № 2, с. 9—26; *Белицер В., Маслова Г.* Против антимарксистских извращений в изучении одежды. — СЭ. 1954, № 3, с. 3—11. На появление такого рода статей решающее влияние оказала позиция главного редактора журнала, директора ИЭ АН СССР С.П.Толстова.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Обсуждение корреспонденции «Вульгаризаторы в роли марксистов», опубликованной в газете «Правда» [ред. статья]. — СЭ. 1955, № 1, с. 172—173.

⁴⁹ Подробнее о жизни и деятельности Б.А.Крюкова см.: *Landrum Leslie R.* The Life and Botanical Accomplishment of Boris Alexander Krukoff (1898—1983). — *Advances in Economic Botany*. 1986, № 2, p. 1—96.

⁵⁰ Об успешных гастрольях А.Моисси в СССР 7—29 марта 1924 г. и 11 декабря 1924—7 января 1925 г. см.: *Бушueva С.К.* Моисси. Л., 1986, с. 67—80.

Ю.Д.Анчабадзе

Симон Петрович Басария: педагог, этнограф, краевед

Симон Петрович Басария принадлежит к числу выдающихся политических и культурных деятелей Абхазии прошлого столетия. Являясь представителем первого поколения молодой абхазской интеллигенции, своей жизнью и деятельностью он олицетворял ее лучшие черты. Басария был человеком высочайшей культуры, высокопрофессиональным специалистом, поборником прогресса, просвещения, либерально-демократических идей. В то же время он сохранял близкую связь с народом, кровно ощущал свое неразрывное единство с родной историей и культурой. Национальное мироощущение всегда оставалось важнейшей константой его самоидентификации и во многом определило жизненный путь и практическую деятельность Басарии.

Симон Петрович родился 8 декабря 1884 г. в крестьянской семье в с. Кутол Кодорского участка Абхазии, именованной тогда Сухумским военным округом¹. Десятилетним мальчиком Симона определили в церковноприходскую школу, находившуюся в соседнем селе Бедиа. Затем он учился в Сухумской горской школе, а после ее окончания в 1897 г. как лучший ученик был направлен в Горийскую духовную семинарию, которую окончил в 1902 г.

Однако священническая стезя не увлекала молодого человека, хотя мысль о практической деятельности на ниве духовного просвещения народа никогда не была для него чуждой. Поэтому он с радостью принял предложение от руководства Кавказского учебного округа отправиться учительствовать в какое-нибудь отдаленное селение. Выбор пал на черкесский аул Касиевский в Кубанской области, где молодой педагог знакомил местных детишек с русским языком и азами географии. В 1903 г. Басария был переведен в Армавирское высшее начальное училище.

В дальнейшем его педагогическая деятельность протекала в других районах Северного Кавказа, где он в основном препода-

вал в национальных классах для горских детей — черкесов, абазин и др.

Пребывание на Северном Кавказе — весьма знаменательный период в жизни Симона Петровича. Он углубленно занимался самообразованием, много читал, посещал различные учебные курсы, в том числе и в других городах края, выезжал, например, для этого в Анапу, а в 1908—1909 гг. находился в Москве, где посещал классы Общества по распространению технических знаний. В 1910 г. этим же Обществом он был направлен за границу для изучения постановки начального образования. Басария побывал в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии. В дальнейшем ему довелось побывать в Турции. Немало поездил он и по России, особенно по Кавказу. «Прожив на Северном Кавказе 15 лет, — писал он о себе впоследствии, — знаю почти все аулы Кубанской области».

Приобретенный жизненный опыт, глубокие раздумья над многими социальными реалиями современного ему быта и, видимо, подспудное стремление к писательству заставили его взяться за перо. К 1910 г. относится начало литературной и научной деятельности Басарии.

Находясь вдали от Абхазии, свою первую печатную работу Симон Петрович посвятил именно родному краю, который беззаветно и преданно любил. В 1910 г. в екатеринодарском журнале «На Кавказе» появилась его статья «Забывтый край», посвященная 100-летию присоединения Абхазии к России². Автор сетует, что Абхазия и ее народ мало известны русской читающей публике, между тем «это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавший в своем историческом прошлом немало и сохранивший, каким-то чудом, свою индивидуальность»³. В кратких сведениях из исторического прошлого Абхазии Басария пытается обрисовать основные вехи политического развития края до прихода туда русских. И далее он с болью пишет о нужде и лишениях абхазского народа, потерявшего свои земли, отнятые под поселения колонистов, не имеющего полноценной медицинской помощи, стремящегося к образованию, но оставленного без попечения властей. Басария говорит о нравственных страданиях абхазов, незаслуженно названных царским правительством «виновным населением» якобы за «измену» во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁴.

Басария и в дальнейшем немало писал об отчей земле. Однако его научные и литературные интересы тех лет были гораздо шире. 1910-е годы стали временем активного творчества для начинающего исследователя. Он печатается в кавказских изданиях, таких, как «Кавказский край», «Утро Кавказа», «Отклики Кавка-

за», «Кубанский край», «Кубанская школа», посылает свои корреспонденции на родину, где их охотно публикует газета «Сухумский вестник»; Басария был активным сотрудником и другой черноморской газеты — «Батумский вестник». Свои материалы молодой автор часто подписывал псевдонимами Симон Апсуа (т.е. Симон Абхазец) или Махаид Апсуа, используя в качестве имени старинный абхазский антропоним.

Темы его корреспонденций были самыми разнообразными. В статье «Горцы Кавказа в Турции» он коснулся судеб кавказских переселенцев-махаджиров в Османской империи. Много внимания он уделял вопросам просвещения кавказских горцев («Несколько слов о нормальных аульных школах», «Бегство учителей», «Школьная жизнь» и др.), обобщению и популяризации опыта видных педагогов — С.Г.Алферова, А.И.Измайлова, И.В.Долгова, которому посвятил прочувствованный некролог. Понимая важность налаживания внутрирегиональных путей сообщения для интенсификации культурных процессов на Кавказе, Басария выступал горячим сторонником строительства Черноморской железной дороги («О Черноморской железной дороге», «Как обстоит вопрос о Сухумско-Кубанской железной дороге у нас?»).

Неизменным объектом его литературно-публицистического творчества была родная Абхазия. «Какой рой мыслей возникает при приближении к Абхазии!» — восклицал он в статье «Опять в Абхазии»⁵. Его корреспонденции проникнуты неустанными думами о лучшей доле для отчей земли и ее жителей, надеждами на грядущие позитивные изменения. Предметом его беспокойств были состояние врачебного дела в крае, неразвитость школьной сети, неблагоустроенность социальной сферы. Басария довольно резко нападал на местные власти, обвиняя их в халатном бездействии, равнодушии к нуждам коренного населения, «полицейском разгуле». «Абхазия — это долина слез, — писал он. — Абхазцы всегда вне правительственной помощи; мольбы и плач этого народа не идут далее канцелярии начальников участков»⁶.

Дальнейшие события помогли Симону Петровичу принять участие в реализации чаяний своего народа не только на ниве печатного слова. В начале 1917 г. он возвращается в Абхазию, охваченную бурными политическими страстями, последовавшими, как и во всей стране, вслед за февральским падением самодержавия. Понимая, что Абхазия переживает переломный этап своего исторического бытия, Басария активно включается в политическую деятельность и становится одной из самых видных и деятельных фигур, тем более что к этому времени был уже хорошо известен на родине и пользовался там значительным авторитетом.

В условиях крушения старого порядка важнейшей исторической задачей, вставшей перед Абхазией, стали поиски путей дальнейшего самоопределения. Первоначально будущая Абхазия виделась в качестве автономной единицы в составе Российской демократической республики в тех формах национально-государственного устройства, которые должны были быть конституированы Учредительным собранием. Однако к тому времени стало очевидным стремление также искавшей политического самоопределения Грузии включить Абхазию в свои государственные пределы. Басария выступил решительным противником этой перспективы.

Первым шагом по дистанцированию от Грузии стали события 8—10 августа 1917 г., произошедшие на Всеабхазском съезде мирян и духовенства. К тому времени грузинские священники на своем съезде в мае 1917 г. провозгласили восстановление автокефалии Грузинской православной церкви, ликвидированной после присоединения Грузии к России в 1801 г. Определяя пределы своей канонической территории, грузинское духовенство заявило о своих претензиях окормлять и абхазские приходы. Это вызвало протесты в Абхазии и сделало необходимым созыв специального съезда мирян и духовенства, который должен был рассмотреть сложившуюся ситуацию.

Заседания съезда проходили при непосредственном участии Басарии, который вместе со своими сторонниками выдвинул идею об автокефалии Абхазской церкви⁷. Представители грузинского духовенства, также принимавшие участие в работе съезда, пытались противодействовать нежелательному для них повороту дебатов, причем временами казалось, что они уже близки к победе, особенно в период наиболее трагического накала событий, когда самурзаканские⁸ священники заявили, что в случае разрыва абхазских приходов с грузинской церковью они останутся в каноническом подчинении Тифлиса. Неоднократные выступления Басарии сумели переломить общее настроение, и съезд в конце концов принял декларацию, составленную в его редакции.

Одновременно Басария и его единомышленники начали деятельную подготовку к съезду абхазского народа, решения которого, по планам Симона Петровича, должны были декларировать и институировать политическую самостоятельность Абхазии. Басария провел напряженную подготовительную работу, разъезжая по абхазским селам и выступая на общинных сходах, выбиравших делегатов на съезд. В народной памяти осталось особенно яркое и эмоциональное выступление Симона Петровича в селе Лыхны, куда собрались представители многих сел Гудаутского участка.

Всеабхазский съезд начал свою работу в Сухуме 8 ноября. В числе его делегатов были не только абхазы, в зале присутство-

вали полномочные представители от всех этнических групп, проживавших в Абхазии. На съезде выступил Басария, который зачитал составленный им проект Декларации съезда, объявлявшей Абхазию свободно самоопределяющейся территорией. «Абхазский народ, как и все другие народы Российской республики, — говорилось в Декларации, — видит в революции прежде всего свободу национального самоопределения»⁹. Декларация констатировала, что «Абхазия, насчитывающая тысячелетнюю историю и имеющая огромные особенности в строении своей жизни, должна иметь такую национально-политическую организацию, которая, объединяя абхазский народ, выражала бы волю большинства и стояла на страже его интересов».

Такой организацией Декларация объявляла Абхазский народный совет (АНС). Делегатам была представлена Конституция АНС, в которой определялись его полномочия, задачи и функции. Являясь «представителем и выразителем воли абхазского народа», АНС считал своей задачей защиту его «национальных и культурно-экономических интересов и политических прав», должен был проводить «подготовительные работы по самоопределению абхазского народа», заниматься текущими вопросами, «требующими проявления воли абхазского народа». Конституция АНС признавала власть и административную компетенцию Окружного комиссариата, однако оговаривала, что работа и деятельность административных учреждений «должны протекать с АНС в интересах достижения плодотворных результатов». Этим Басария и его сторонники явно стремились придать Абхазскому народному совету парламентские функции.

Декларация и Конституция были приняты делегатами съезда, а на состоявшихся выборах руководящих органов АНС С.П.Басария был избран его председателем.

Став одним из ведущих государственных лидеров Абхазии, Басария предпринимает новые шаги по укреплению ее политической и экономической самостоятельности. В качестве иллюстрации деятельности Симона Петровича и возглавляемого им АНС можно привести решение, принятое советом 27 ноября 1917 г., в соответствии с которым «все земли на территории Абхазии: от р. Мзымта до р. Ингура, от Черноморской береговой линии до Кавказских хребтов со всеми их естественными богатствами передать в неотъемлемое распоряжение абхазского народа и народов других национальностей, живущих в Абхазии и имеющих наравне с абхазцами общую собственность»¹⁰.

Одновременно Басария стремился получить внешнюю поддержку. С самого начала Басария проявил себя приверженцем того политического крыла, которое гарантило политическое раз-

вития Абхазии видело в кооперативном единстве с другими северокавказскими народами. Вопрос вхождения Абхазии в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана дебатировался на съезде абхазского народа и получил поддержку большинства делегатов. Декларация закрепила результаты дебатов. Пункт IV гласил, что «абхазский народ входит в состав Союза объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии — и, конечно, нуждается в том, чтобы поддерживать самую тесную связь со своими северными братьями». В Декларации также выражалась уверенность, что «его братья — горцы Северного Кавказа и Дагестана — поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права». По настоянию Басарии в Конституцию АНС был включен пункт, по которому одна из задач Совета заключалась в «поддержании и укреплении связи абхазского народа с Союзом горцев Кавказа и проведении в жизнь общих политических лозунгов, постановлений и мероприятий Центрального комитета Союза». Однако вряд ли Симон Петрович мог предположить, что именно эта сторона его деятельности в недалеком будущем станет одним из главных пунктов обвинения, которое предъявят ему его палачи.

Между тем положение в Абхазии и вокруг нее ухудшалось. В мае 1918 г. Закавказский комиссариат распался, и 26 мая Грузия объявила о своей независимости. Дипломатическая игра Тифлиса с Берлином и Лондоном привела фактически к установлению англо-германского протектората над Грузией, что взамен давало ей, с одной стороны, гарантии от турецкой экспансии, а с другой — ошутимо укрепляло позиции Тифлиса, в том числе и в его споре с Абхазией. В самой Абхазии большевистские силы дважды предпринимали попытки захватить власть и оба раза — в феврале и апреле—мае 1918 г. — добивались временного успеха. Частая смена власти дестабилизировала ситуацию в крае, порождая чувство неуверенности у населения, усиливала идейно-политическое размежевание абхазской элиты, давала существенные козыри в руки прогрузинской фракции АНС, которой в конце концов удалось сместить Басарию с поста председателя Совета.

Однако, даже оставаясь рядовым его членом, Басария не отступал от своей принципиальной позиции, письменно выступив с протестом против заключения договора между Абхазией и меньшевистским правительством Грузии. «Ввиду того, — заявил он, — что проект договора, предлагаемый Грузинской республикой, носит характер ультимативный, лишаящий возможности обдуманного свободного обсуждения; ввиду того, что важный акт, как предлагаемый договор Абхазии с Грузией, делается на-

спех при ограниченном количестве членов Абхазского Народного совета и без ведома населения Абхазии, которое мыслит свою политическую свободу без всякой опеки с чьей бы то стороны ни было, я предлагаю Абхазскому Народному совету на ультиматум Грузии ответить просьбой дать возможность населению Абхазии устроить Абхазский Национальный съезд, полномочный окончательно определить политическое устройство Абхазии, заверив Грузинскую республику, что Абхазия как самостоятельный национальный организм обязательно вступит в добрососедские договорные союзы и соглашения с Грузией»¹¹.

Отстраненный от власти и преследуемый грузинскими властями, Симон Петрович был вынужден покинуть Абхазию, но, находясь за пределами родины (в Турции, на Кубани), он пытался активно влиять на происходящие там события. В Абхазию он вернулся лишь в декабре 1920 г., при этом его возвращение было оговорено со стороны грузинских властей рядом условий, лишивших его возможности заниматься активной политической деятельностью.

Советским режимом, установившимся в Абхазии в марте 1921 г., Басария востребован не был, да и сам он, чувствуя, видимо, свою чужеродность большевикам, к руководящим должностям не стремился и хвалебные оды новой власти петь не спешил. Впрочем, его отношение к советской действительности отличалось определенной двойственностью. Басария не мог не приветствовать первые шаги большевиков по национально-государственному устройству Абхазии, которая 31 марта 1921 г. была провозглашена независимой Советской Социалистической Республикой. Известная журналистка Зинаида Рихтер, встречавшаяся с Басарией в середине 20-х годов, отмечала, что он «страстный патриот», «всецело на стороне советской власти, которая за национальную независимость»¹².

Однако у советской власти были иные виды на Абхазию. 16 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б) своим постановлением признало «экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии». Прямым следствием этого решения было подписание 16 декабря 1921 г. союзного договора между ССР Грузия и ССР Абхазия, по которому республике объединялись на федеративных началах. I съезду Советов Абхазии, собравшемуся в феврале 1922 г., предстояло обсудить и утвердить договор и соответственно новый государственно-политический статус республики. Будучи делегатом съезда, Басария предпринял попытку, изначально, впрочем, обреченную, предотвратить губительный, по его мнению, ход событий. Его выступление было столь ярким и глубоко аргументированным, что

взявший заключительное слово по дебатам председатель СНК Абхазии Н.А.Лакоба специально остановился на критике и опровержении основных положений аргументации Басарии¹³.

Однако Басария продолжал оставаться непреклонным противником политического сближения Абхазии с Грузией. Он усматривал в этом угрозу для государственной самостоятельности Абхазии, считал это опасным для этнокультурной самобытности абхазов, рассматривая это сближение как негативный фактор в процессе изменения этнодемографического баланса населения республики. Та же Зинаида Рихтер несколько поверхностно оценила эти умонастроения Басарии, заметив, что «в глубине души его таится историческая неприязнь к грузинам, которая проявляется то в страстных выпадах против грузинских меньшевиков, то в придирах к настоящему грузинскому правительству»¹⁴.

Симон Петрович и в дальнейшем выступал с критикой властей, если их действия не совпадали с его представлениями о насущных нуждах Абхазии. Так, известно его выступление на IV Всеабхазском съезде Советов в марте 1926 г., где он как о большом недостатке говорил о том, что «абхазские дети проходят учение не на родном языке», сетовал на недостаточный приток учительских кадров в средние школы республики, критиковал власти за отток учителей из школ на «общественную и партийную работу»¹⁵.

Все эти вопросы были чрезвычайно близки Симону Петровичу, который все советские годы проработал в системе народного просвещения. В разное время он состоял в правлении Союза работников просвещения, будучи членом президиума Сухумского городского совета, возглавлял созданную при нем секцию народного образования, был членом коллегии Наркомпроса. В последнее десятилетие своей жизни Басария работал заместителем директора, а затем директором Абхазского педагогического техникума, много сил отдавая образованию и воспитанию столь нужных Абхазии молодых учительских кадров.

Симон Петрович выступал и как педагог. Он преподавал в техникуме такие предметы, как страноведение, краеведение и история Абхазии, экономическая география, методика преподавания абхазского языка, методика преподавания географии, педагогика. Басария много трудился над созданием учебной литературы. Он являлся автором учебника по географии Абхазии¹⁶. В нем с большим знанием дела и в увлекательной форме дано последовательное описание исключительно многообразной и живописной природы, народного хозяйства, населения и культуры Абхазии. В доступном школьникам изложении в учебнике раскрыты объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между отдельными элементами природного ландшафта,

с одной стороны, природой и хозяйством — с другой. Изъятый из обращения после ареста автора, учебник остался единственным в своем роде опытом создания подобного пособия. Его выпадение из педагогического обихода нанесло непоправимый ущерб всей системе постановки краеведческого образования в школьном деле республики.

Интенсивная педагогическая деятельность Басарии сочеталась с краеведческими и историко-этнографическими изысканиями. Для него была очевидной скудость и неразработанность основных проблем научного абхазоведения, которое по сравнению с другими региональными разделами кавказоведения оставалось, по существу, белым пятном в исследовательской литературе. Хотя к началу XX в. и был накоплен определенный историографический объем опубликованных работ, однако их уровень был весьма невысок. Басария резко отзывался о низком научном уровне существовавшей тогда абхазоведческой литературы, не без сарказма критикуя, например, методы «изучения» абхазов, которые практиковались иными бытописателями народа. Так, о В.Н.Желиховской он писал, что она «умудрилась описать жизнь и нравы абхазцев с парохода Русского морского общества»¹⁷. В запальчивости С.П.Басария даже подверг резкой и не во всем заслуженной критике Н.Ф.Дубровина — автора известного труда «Кавказ и народы, его населяющие», в котором есть большой раздел, посвященный абхазам. При этом Симон Петрович высоко отзывался о работах Н.М.Альбова, Н.Г.Рыбинского, К.Д.Мачавариани, но был прав, что даже эти первоклассные по глубине и насыщенности исследования не закрывали зияющие лакуны в этнографическом абхазоведении.

С тем большим энтузиазмом Басария взялся за абхазоведческие исследования. В 1923 г. вышел его главный труд — «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», в котором автор предпринял попытку обобщить имевшие к тому времени сведения о быте и культуре абхазов, в ряде случаев критически их пересмотрев. В книгу были включены сведения по физической географии края, которыми открывается монография. Кратко, но основательно рассматриваются такие темы, как особенности рельефа территории Абхазии, климат, речная сеть, растительный и животный мир, почвы и др.

Собственно этнографическую часть работы Симон Петрович начинает с этнодемографических данных по «семнадцати национальностям, безболезненно уживающимся на территории абхазского народа»¹⁸. В этот перечень помимо абхазов попали грузины, греки, армяне, русские, эстонцы, немцы и другие этнические группы, населявшие уже в тот период полиэтничный и полиязыковой край.

Значительный полемический заряд содержит раздел, раскрывающий этногенез абхазов. Басария — убежденный сторонник автохтонного происхождения абхазского этноса. Возводя его предков к античным гениохам, он считал ответвлением последних зихов, давших этническое начало адыгским народам, и абазгов, которые, по мнению автора, являлись непосредственными предками абхазов. Следует подчеркнуть, что современными данными подтверждается автохтонность происхождения абхазов на нынешней территории. Не вызывает сомнений и прямая этногенетическая связь между абхазами и позднеантичными абазгами. Однако гениохская проблема еще далека от удовлетворительного разрешения. Скорее всего, этим этнонимом раннеантичные авторы именовали не конкретный этнос, а конгломерат племенных образований, обитавших в Восточном Причерноморье на протяжении последних веков до н.э. В то же время зихи вряд ли имели какое-нибудь отношение к гениохам¹⁹.

Давая общую этнокультурную характеристику абхамам, Басария причисляет их к «западно-горским племенам», видя в адыгских народах их непосредственных родичей. Не отрицая лингвистических расхождений между абхазским и адыгскими языками, Басария отмечает: «Что касается устройства гражданского порядка, общности самобытной культуры, обычаев, то между ними не было абсолютно никакой разницы»²⁰.

Одним из первых Басария попытался определить границы этнографических групп абхазского народа, а также показать их место в довольно запутанной источниками этнонимической номенклатуре Восточного Причерноморья. Симон Петрович обосновывает два уровня последней. В соответствии со своей классификацией собственно абхазов он делит на самурзаканцев, абжуйцев, гумцев, гагринцев, цабальцев и дальцев. В то же время в абхазский этнический мир включаются садзы (джигеты), убыхи и малочисленные горские общины ахчипсовцев, псхувцев, медоцевцев, которые вместе с абхазами образуют некий суперэтнический слой коренного населения региона.

По существу, С.П.Басария впервые отметил наличие лингвистической и этнокультурной непрерывности, отражавшей этногенетическую близость этносов и племенных групп этого района Причерноморья. Отсюда путаница в этнонимах, которая характерна для письменных источников по этому региону Причерноморья. Идеи Басарии об этнокультурной общности населения данной территории позднее пытались обосновать и другие авторы²¹.

Весьма информативные разделы посвящены хозяйственному быту абхазов²². Читателю предоставляются элементарные сведения об основных занятиях в сфере земледелия, скотоводства,

садоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, охоты.

К сожалению, Басария совершенно не затрагивает проблемы материальной культуры, хотя известно, что он проводил обмеры и зарисовки старинных абхазских жилищ, предметов домашнего обихода, утвари и др. Однако архивных следов этой работы не сохранилось.

Между тем этнографический раздел монографии содержит интересные сведения по религиозному состоянию абхазов. Он начинается с полемических выпадов автора против трудов известного абхазского краеведа Н.С.Джанашии, описавшего в своей работе «Абхазский культ и быт»²³ основные черты абхазского пантеона. По мнению Басарии, сведения Джанашии не соответствуют этнографической действительности. Это относится прежде всего к его попыткам воссоздать многочисленный пантеон традиционных абхазских верований. «Указание Н.Джанашии на бесчисленное количество богов, в которых якобы верует абхаз, полнейший абсурд, — со свойственной ему даже в печатных текстах эмоциональностью восклицает Басария и добавляет: — В одной книжке Джанашии богов разных наименований, кажется, больше, чем самих абхазов»²⁴.

В абхазском пантеоне Симон Петрович выделяет главное божество, к которому обращаются абхазы при совершении сакральных действий. В то же время он подробно описывает типы молений, из которых выделяет два основных по значимости в религиозной жизни — моление фамильным культам и общинное моление по окончании полевых работ.

Басария отмечает религиозную толерантность абхазов, терпимо соединивших в своей религиозной практике элементы традиционных культов с христианскими установлениями. Впрочем, христианство носило здесь весьма неглубокий и поверхностный характер. «Церковь в абхазских селах, — пишет Басария, — открывается на первый день Пасхи и, кажется, Рождества, а в остальные дни абхаз находит, что нет большой надобности посещать ее». Самый популярный христианский праздник у абхазов — это Пасха. Обычно все съезжаются к церкви, а после службы поздравляют друг друга, потом устраивают развлечения: «<...> стреляют из револьверов и винтовок, джигитуют, танцуют и расходятся. Бывая в году раз или два в церкви, абхаз редко слушает до конца службу, обыкновенно во время службы выходит за церковь и начинает вести разговор на общественные темы или рассказывает новости»²⁵.

Столь же равнодушны абхазы и к исламу, установления которого также поверхностно усвоены частью населения. В дни кур-

бан-байрама — единственного мусульманского праздника, который укоренился в местном быту, «мусульмане и мусульманки собираются на большой поляне, к ним присоединяются христиане-абхазы, вместе веселятся, принимают участие в скачках, джигитовке, режут баранов и быков, заливают пиршество этого дня вином»²⁶.

Значительный интерес представляют описания социальных институтов традиционного быта. Автор рассматривает общественную взаимопомощь (супруга) при проведении пахотных работ, в обрядах семейного цикла (в чем проявляется социальная поддержка неимущих членов общины), гостеприимство, являвшееся едва ли не важнейшим институтом традиционного общества. Резко отрицательно Басария пишет о кровной мести. «Этот национальный порок, — отмечает он, — является бедствием для абхазского народа, отдающего массу жизней этому глупейшему, безнравственному обычаю. Ни с какой стороны нельзя оправдать этот бесславный порок»²⁷.

В своей монографии Басария касается и некоторых других сюжетов, в том числе предпринимает попытку дать этнопсихологическую характеристику абхазов.

Книга завершается разделом по экономике Абхазии, где наряду с описанием традиционных хозяйственных занятий автор представил краткий обзор местной промышленности республики. В монографию включены также очерки об исторических и природных памятниках Абхазии, что было актуально в связи с начавшимся курортным строительством и постоянно увеличивавшимся притоком туристов и отдыхающих.

В качестве приложения опубликована библиография по абхазоведению, разделенная автором на тематические разделы, в соответствии с главами книги. Для того периода она достаточно полная, и ее краткость свидетельствует о скудости существовавшей тогда литературы по затронутым автором проблемам. Поэтому выход книги Басарии стал значительным научным прорывом.

Почти восемь десятилетий, прошедших со дня опубликования «Абхазии в географическом, этнографическом и экономическом отношении», позволяют достаточно четко определить ее место в истории научного абхазоведения. Г.А.Дзидзария дал книге весьма суровую оценку. По его мнению, «книга <...> содержит немало ошибочных положений и неприемлемого с точки зрения нашей методологии, современного уровня науки»²⁸. Действительно, с последующим развитием исследований по истории и этнографии Абхазии стали очевидными многие ошибки Басарии. Ряд вопросов трактуются ныне в совершенно иных категориях, наши знания во многом углубились и усовершенствовались, и

на этом фоне некоторые идеи книги выглядят явно устаревшими.

Вместе с тем в книге есть немало идей, выдержавших испытание временем. Нами уже отмечалась плодотворность анализа автором этногенетической и этнокультурной ситуации на данной территории Восточного Причерноморья. Интересны его выводы об исторической динамике соотношения земледелия и скотоводства в хозяйстве абхазов — эти и другие положения автора получили полное признание и дополнительные обоснования и аргументацию в последующих работах по истории и этнографии региона.

Однако в большей степени книга Басария имеет историко-культурное значение. Она оказалась первым изданием, в котором этнография абхазов представлена в монографическом изложении с охватом если не всех, то по крайней мере большинства сторон их бытовой культуры. Источниками книги послужили не компилятивные обзоры предшествующей литературы, а самостоятельные полевые наблюдения, которые фиксировались автором в течение ряда лет. В предисловии к книге Симон Петрович писал, что мечтает о научной литературе, «написанной сынами Абхазии, которые могли бы дать точные сведения о своей родине и народе»²⁹. Своим трудом он во многом положил начало этой традиции.

И в дальнейшем Басария не оставил своих научных занятий. Среди увлекавших его тем особое место занимала абазинская проблема. Еще в годы работы на Северном Кавказе он неоднократно посещал абазинские аулы. В 1928 г. по поручению Абхазского научного общества он ездил в аул Кумско-Лоовский (ныне «Красный Восток»), расположенный вблизи Кисловодска. О результатах экспедиции он докладывал на заседании секции археологии, истории и этнографии Абхазского научного общества, а в 1929 г. вышла его брошюра с обобщенными результатами исследования³⁰.

Один из основных вопросов, поставленных исследователем, касался историко-культурных взаимоотношений абхазов и абазин. Подтверждая уже высказанное к тому времени в литературе предположение об абхазском происхождении абазин, Басария приводит интереснейшие данные полевых опросов стариков-абазин, реконструируя по их преданиям пути выхода абазинских родов с территории Северо-Западной Абхазии. В работе рассматривается внутренняя структура абазинского этноса. Упомянутая в позднесредневековых письменных источниках этнонимическая формула «алтыкесек (шестидольная) абаза» находит подтверждение в наличии шести основных территориальных подразделений абазин, границы которых определены Басарией. У автора немало

наблюдений и над современным ему бытом абазин Кумско-Лоовского аула и их культурными особенностями. При этом сообщаемые факты не всегда соответствуют принятому тогда пастирскому тону (так он сообщает, что до революции в ауле было несколько медресе, теперь, т.е. в период наблюдения в 1928 г., они закрыты, но школы нет ни одной, дети вынужденно нигде не учатся). Касаясь взаимоотношений абазин с окружающим и доминирующим карачаевским населением, Басария отмечает отсутствие каких-либо конфликтных обстоятельств между двумя контактирующими этносами, наоборот, автор свидетельствует о наличии между ними добрососедских взаимоотношений.

Новая работа Симона Петровича не осталась незамеченной. На «Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе» последовала достаточно благожелательная, правда анонимная, рецензия, автор которой говорил, что у Басарии «получилась небольшая, но ценная исследовательская работа». Единственный упрек, который рецензент предъявлял автору, состоял в том, что работе присущи «некоторый академизм и аполитичность». Рецензент советовал автору не забывать, что «абазинский аул по родственным признакам в составе Карачая мог быть только в советское время, что т. Басария мог поехать в Карачай для научно-исследовательской работы только в советское время, что он мог написать и выпустить работу, защищая их интересы, только в советское время, что рецензия о его брошюре могла быть о вреде аполитичности только в советское время»³¹.

Из других исследовательских тем, которыми занимался Басария, следует упомянуть проблему абхазского долгожительства³². В работе «Нарзан на лугах "Шьхашдза" и путь к нему»³³ много сведений из области народных поверий, охотничьих обычаев абхазов, что также характеризует сферу научных интересов Басарии.

Симон Петрович вел большую научно-организационную работу. В 1923 г. он был избран кандидатом в члены Совета Абхазского научного общества (АбНО), а в следующем году становится его членом, в 1925 г. возглавляет работавшую при обществе секцию абхазоведения, а в 1927 г. — секцию истории, археологии и этнографии. Басария принимал активное участие в работе организованной по инициативе Н.Я.Марра Академии абхазской культуры, являясь ее неперенным членом, членом президиума, входя в руководящий состав ее литературно-издательской секции. Басария сыграл большую роль в создании Абхазского государственного музея краеведения, в формировании и пополнении его фондов. Последнее осуществлялось во время экспеди-

ций, или, как их тогда называли, научных экскурсий, организуемых АБНО и Академией. Постоянным участником «экскурсий» был Симон Петрович, который разрабатывал маршруты, формулировал научные и практические цели экспедиций³⁴.

Истинным увлечением Симона Петровича была абхазская народная песня. Он много сделал для ее возрождения и популяризации, в частности, вошел в специальную группу творческих работников и интеллигенции Абхазии, работавшую над созданием и комплектованием народного абхазского хора, принимал живейшее участие в работах по нотной записи абхазских народных песен, которую проводили композиторы А.Навашин и К.Ковач, сам устраивал этнографические концерты. Об одном из таких концертов сохранилась газетная информация. «Особенностью настоящего вечера, — пишет автор заметки, — было то, что на сцене артисты дали не только номера пения, но и ряд сценок из быта абхазцев». Отмечалось также, что «удачны и необходимы были объяснения, дававшиеся С.П.Басария»³⁵.

С именем С.П.Басарии связано примечательное событие в научной жизни Абхазии и всего Западного Кавказа — Съезд деятелей краеведения Кубано-Черноморской области и Абхазии, состоявшийся в сентябре 1924 г. в Сухуме. Находясь в начале марта того же года в Краснодаре на совещании, обсуждавшем вопрос о перспективах проведения I Регионального краеведческого съезда, делегация Абхазии в составе Г.П.Барача и С.П.Басарии внесла предложение, чтобы местом проведения съезда был выбран г. Сухум. После обмена мнениями было принято решение обратиться к правительству Абхазии с соответствующей просьбой, на которую в короткое время был получен положительный ответ. Работа съезда началась 12 сентября 1924 г. Вступительным словом его открыл председатель СНК Абхазии Н.А.Лакоба, общее руководство работой осуществлял президиум во главе с Н.Я.Марром. Среди участников было много видных деятелей краеведения, историков, этнографов, лингвистов из Краснодара, Тифлиса, Москвы, Ленинграда и других городов и научных центров.

В самый разгар работы — 15 сентября на объединенном заседании президиума съезда и его распорядительного комитета прозвучало предложение С.П.Басарии провести последний день работы научного форума в каком-нибудь абхазском селе. Эта идея была поддержана Н.Я.Марром и остальными участниками заседания, и по предложению опять же Симона Петровича местом проведения выездного заседания было выбрано старинное и большое абхазское село Лыхны. Основная цель выездного заседания усматривалась в том, чтобы «сделать крестьянам как пред-

ставителям абхазского народа, на чьей территории состоялся съезд, полный отчет о работе съезда».

В день приезда ученой делегации все жители села собрались на знаменитой Лыхненской поляне. Выступивший Н.Я.Март говорил о необходимости укрепления связи между учеными и крестьянами, которые призваны в своей работе «материализовать» результаты научных разработок. Он поблагодарил присутствующих. «<...> Без абхазского народа не было бы съезда», — заявил академик.

Затем выступил Симон Петрович. Гостям он рассказал об истории Лыхны, его значении в истории Абхазии, в частности о знаменитой Лыхненской поляне, на которой по традиции абхазы собирались для решения важнейших и насущнейших вопросов национальной жизни. «Лыхненские сходы, — говорил Симон Петрович, — никогда не отменяются, и у абхазов существует поверье, что в назначенные дни собраний в Лыхнах бывает хорошая погода». Хозяевам-лыхненцам Басария рассказал о работе съезда, о его результатах, представил присутствующим прибывших гостей, которые затем познакомились с селом и его жителями.

В целом результаты съезда получили высокую оценку. Отмечалось его значение в «объединении и развитии краеведческой деятельности на Черноморском побережье и в Западном Закавказье», в «постановке изучения местного края и наилучшем использовании местных богатств», в «распространении и популяризации краеведческих знаний». Выдающаяся роль С.П.Басарии в организации и проведении съезда была отмечена особой благодарностью ЦИК и СНК Абхазии³⁶.

Казалось, впереди годы напряженного и увлекательного труда. Однако, как и у многих других представителей его поколения, судьба Симона Петровича круто и трагически изменилась. Захлестнувший страну вал государственного террора не оставлял надежды на спасение, тем более для Басарии, который был слишком заметной фигурой в Абхазии того времени и к тому же отягощен весьма «сомнительным» прошлым: для компетентных органов, естественно, не оставалась тайной ни его бурная политическая деятельность в революционные годы, ни идеи, которым он следовал, ни пресловутая «аполитичность» последних лет.

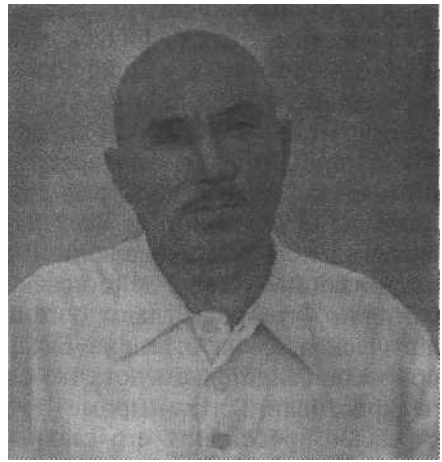
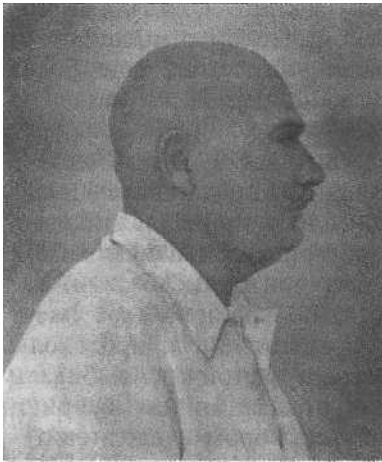
Удивительно, но Басария уцелел в первой большой волне террора, обрушившейся на Абхазию, как и на всю советскую страну, в конце 30-х годов. Но первые признаки страшной «меты» были налицо уже в тот период. В октябре 1937 г. в сухумском партийном офицозе — газете «Советская Абхазия» появилась статья, в которой Басария обвинялся в буржуазном национализме,

идеи которого якобы «протаскивались» в книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении»³⁷. В следующем году «Советская Абхазия» поместила еще более разнузданную и доносительскую статью, издевательски назвав ее «Унтер Пришибеев в роли директора»³⁸.

Симон Петрович был арестован в сентябре 1941 г. Вместе с ним аресту подверглись ряд других видных представителей абхазской интеллигенции. Всех их обвинили в принадлежности к «нелегальной контрреволюционной национал-социалистической организации», якобы действовавшей на территории Абхазии. Характерно, что роль главы организации, по крайней мере идеологическая, была отведена Басарии. Сохранившиеся протоколы допросов свидетельствуют, что следователи настойчиво выбивали из арестованных компрометирующие показания на Басарию, стремясь представить его главным организатором и вдохновителем мифической «организации».

О том, что следствие рассматривало Басарию в качестве главного обвиняемого, свидетельствует и другой факт. Большинство арестованных, проходивших по делу вместе с ним, были расстреляны уже в декабре 1941 г. В отношении же Басарии вынесение приговора было задержано. Он был этапирован в Тбилиси, где продолжились изнуряющие допросы. Наконец разыгрываемый сценарий подошел к концу. 8–9 мая 1942 г. в Тбилиси проходило закрытое заседание Военного трибунала НКВД Грузии, который приговорил Басарию С.П. «к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества». В архивных документах сохранилось указание, что приговор был приведен в исполнение 27 мая того же года³⁹.

Характерно, что имя Басарии было использовано сухумскими чекистами и в дальнейшем. В архиве НКВД/КГБ республики сохранились материалы, свидетельствующие о том, что карательные органы готовили в Абхазии новый виток репрессий, который должен был уничтожить последних оставшихся в живых представителей абхазской интеллигенции. По всей вероятности, арестованных социалисты обвинить в принадлежности к тайной организации националистического толка. Именно об этом свидетельствует архивный документ 1947 г. «Справка о контрреволюционно-националистическом движении в Абхазии»⁴⁰, в котором министр государственной безопасности Абхазской АССР генерал-майор И.А.Гагуа намечал для следствия основные этапы «истории» этой организации. Для нас «Справка» интересна тем, что в ней вновь упоминается С.П.Басария. Документ проливает свет и на характер обвинений, которые предъявлялись ему во время следствия и суда.

С.П.Басария. Фото из следственного дела

Приведем некоторые отрывки, сохраняя неповторимый стиль и уникальную лексику документа. «Басария Семен (так в тексте. — Ю.А.) Петрович, 1884 г. рождения, уроженец с. Квитаули⁴¹ Очамчирского района Абхазской АССР, с высшим образованием, по специальности педагог (осужден в 1941 году), в 1917 году прибыл в Сухуми из Северного Кавказа, где он работал до Февральской революции в качестве педагога среди горцев.

Будучи узким и большим абхазским националистом, ищущим для Абхазии государственной самостоятельности в соединении с горцами Северного Кавказа, приступил к практической деятельности по осуществлению своих намерений.

Первым его шагом в этом направлении был всеабхазский съезд мирян и духовенства, организованный им и в котором он принял руководящее участие. Съезд проходил под его председательством, и решения были приняты по его предложениям. Он ставил вопрос об отделении абхазского духовенства и церкви от грузинского. Басария тогда добился принятия съездом резолюции об отделении абхазской церкви от грузинской <...>.

После этого Басария подготовил и организовал первый всеабхазский съезд с участием представителей Северо-Кавказских горцев Шериповым и другими, на котором стоял вопрос о национальном органе и государственном оформлении Абхазии.

На съезде Басария внес предложение войти в Северо-Кавказское объединение горцев, что и было принято съездом <...>.

После установления Советской власти Басария был назначен на руководящую работу в системе Народного Комиссариата просвещения. В 1923 г. он выпустил книгу под названием "Абхазия в географическом, экономическом и этнографическом отношении". Книга эта, особенно в исторической части и по национальному вопросу, являлась программой Басария в национальном вопросе Абхазии. Будучи ненавистным врагом Грузии, он старался быть со всеми, только не с грузинами.

Басария С.П., используя свое служебное положение, начал прививать свои взгляды абхазской учащейся молодежи, с которой он имел непосредственное соприкосновение как директор абхазской десятилетки <...>.

Басария С.П. и Тарнава Михаил Иванович⁴², не соглашаясь с мероприятиями Советской власти в Абхазии и выражая свое недовольство по вопросу переселенческих колхозов и введения грузинского алфавита, пришли к выводу, что настал момент, когда можно осуществить мечту с помощью фашистской Германии, для чего решили сплотить подходящую группу из числа контрреволюционно-националистически настроенной интеллигенции с тем, чтобы с вступлением немецких войск в Абхазию взяться за свое национальное дело — отделение Абхазии от Грузии <...>.

В сентябре месяце 1941 года все они в количестве 20 человек были арестованы и осуждены».

Далее министр утверждал, что «в настоящее время в Абхазии проживают замешанные в той или иной степени в этом контрреволюционном буржуазно-националистическом движении (лица), которые не были привлечены к ответственности в свое время по непонятным нам причинам». Страшно читать следующий ниже список, в котором поименованы более двух десятков известнейших в Абхазии лиц, в числе которых народный поэт Абхазии Д.И.Гулиа, а также ставшие впоследствии видными учеными-абхазоведами историк Г.А.Дзидзария, лингвист К.С.Шакрыл, этнограф Ш.Д.Инал-ипа. По счастью, система дала какой-то сбой и замышлявшиеся аресты и расстрелы не состоялись.

В период десталинизации Басария был полностью реабилитирован. Однако возвращение из бездны несколько затянулось. Лишь 7 августа 1958 г. военная коллегия Верховного Суда СССР отменила все судебные решения в отношении С.П.Басарии и других осужденных лиц и постановила прекратить дело за отсутствием состава преступления. Понадобились еще два с половиной года, чтобы появилось первое печатное упоминание о Басарии, в котором Симон Петрович наряду с другими был назван «выдающимся деятелем просвещения»⁴³.

Отныне стало возможным и возвращение к его научному и публицистическому наследию. Оно небольшое, однако в истории абхазоведения оно навсегда останется важным этапом научного осмысления многих проблем историко-этнографического прошлого Абхазии. Остановленный в середине пути, в расцвете творческих и интеллектуальных сил, С.П.Басария не совершил многого, что было, вероятно, отпущено ему по жизни, в том числе и в сфере научных изысканий. Выпуская в свет свою работу по абазинскому аулу, он указывал, что это лишь часть материалов «по изучению абхазских племен, над чем я работаю»⁴⁴. Завершить работу ему не довелось.

Личность Симона Петровича Басарии во многом типична для поколения национальной советской интеллигенции, с энтузиазмом трудившейся на ниве культурного возрождения своих народов. Но столь же типична и ее трагическая судьба, которую разделил С.П.Басария.

¹ О биографии С.П.Басарии см.: *Дзидзария Г.А.* Видный деятель абхазской культуры. — Советская Абхазия. 7.XII.1984; *он же.* С.П.Басария. — *С.П.Басария.* Избранные сочинения. Сухуми, 1967; *он же.* О жизни и деятельности Симона Басарии. Биографический очерк. — Симон Басария. Сухуми, 1984; опубликованы воспоминания жены: *Тусишвили-Басария В.Н.* Симон Басария. Сухуми, 1971 (на абх. яз.).

² Большинство печатных работ С.П.Басарии, разбросанных по кавказской периодике начала XX в., были выявлены и опубликованы Г.А.Дзидзарией в двух изданиях: *Басария С.П.* Избранные сочинения. Сухуми, 1967; Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. Сухуми, 1984. В дальнейшем работы С.П.Басарии будут цитироваться по этим изданиям.

³ *Басария С.П.* Забытый край. — Избранные сочинения, с. 19.

⁴ Клеймо «виновного населения» было официально снято с абхазов рескриптом Николая II в 1907 г. в благодарность за «неучастие в противоправительственных смутах 1905 года».

⁵ *Басария С.П.* Опять в Абхазии. — Избранные сочинения, с. 29.

⁶ Симон Басария. Биографический очерк, с. 41.

⁷ С докладом по этому вопросу на съезде выступал известный абхазский деятель М.И.Тарнава. Изложение основных положений см.: *Тарнава М.И.* Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917.

⁸ Самурзакан — историческая область Абхазии, расположенная на крайнем востоке края, где традиционно было сильно этническое и культурное влияние грузин (мегрелов).

⁹ Тексты документов съезда цитируются по публикации в газ. «Вперед» (8.XII.1917).

¹⁰ Вперед. 8.XII.1917.

¹¹ Цит. по: История Абхазии. Главный ред. С.З.Лакоба. Гудаута, 1993, с. 297.

¹² *Рихтер З.* Кавказ наших дней. 1923—1924. М., б.г., с. 112—113.

¹³ *Лакоба Н.А.* Статьи и речи. Сухуми, 1983, с. 28.

¹⁴ *Рихтер З.* Кавказ наших дней, с. 113.

¹⁵ Выступление С.Басарии на IV Всеабхазском съезде Советов. — Советская Абхазия. 18.III.1927.

¹⁶ Последнее издание по времени выпуска: *Басария С.* Учебник по географии Абхазской АССР. 3-е, испр. изд. Сухуми, 1937.

¹⁷ *Басария С.П.* Забытый край. — Избранные сочинения, с. 20.

¹⁸ *Басария С.П.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум—Кале, 1923, с. 37.

¹⁹ *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

²⁰ *Басария С.П.* Абхазия, с. 37.

²¹ *Анчабадзе Ю.Д.* Абза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа). — Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII.

²² В монографии описание традиционных хозяйственных занятий абхазов дается не в этнографическом разделе, а включено в главу по экономике.

²³ *Джанашия Н.С.* Абхазский культ и быт. — Христианский Восток. Т. V. СПб., 1916.

²⁴ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 58. Между тем в своей запальчивости С.П.Басария оказался не во всем правым. Позднейшие исследования традиционной мифологии абхазов показали правоту Н.С.Джанашии, которому удалось зафиксировать реально функционировавшие в народном религиозном сознании имена богов и их функциональные «обязанности». См.: *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1965; *Акаба Л.Х.* У истоков религиозной мифологии абхазов. Сухуми, 1980.

²⁵ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 58.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 71.

²⁸ *Дзидзария Г.А.* С.П.Басария. — *С.П.Басария.* Избранные сочинения, с. 15.

²⁹ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 11.

³⁰ *Басария С.П.* Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929; эта работа была включена в кн.: *Басария С.П.* Избранные сочинения, с. 80—105.

³¹ Рецензия опубликована в журнале: Революция и горец. 1930, № 5, с. 79—80.

³² *Басария С.П.* Редкие случаи долголетия в Абхазии. — Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Сухуми, 1934. Вып. II, с. 99—118; включено в «Избранные сочинения» (с. 43—66).

³³ Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1930. Вып. I, с. 2—12; включено в «Избранные сочинения» (с. 67—77).

³⁴ Экскурсии Абхазского научного общества. — Голос Трудовой Абхазии. 6.VI.1923; *Басария С.П.* Наш Кисловодск. — Там же. 21.VIII.1924; Работа Госмузея. — Советская Абхазия. 18.II.1930; Экспедиция АБНО и Академии Абхазского языка. — Там же. 26.VI.1930.

³⁵ *Батанов.* Музыку и пение — в массы трудящихся. — Советская Абхазия. 30.XII.1927.

³⁶ Краеведческий съезд и его значение для Абхазии. — Голос трудовой Абхазии. 12.IX.1924. Отчет хозяину съезда — абхазскому народу. Революционный почин краеведческому съезду. — Там же. 17.IX.1924. Ученые и крестьяне. — Там же. 24.IX.1924.

³⁷ *Ленский С.* Буржуазный националист. — Советская Абхазия. 15.X.1937.

³⁸ Унтер Пришибеев в роли директора. — Советская Абхазия. 11.XI.1938.

³⁹ *Пачулиа В.* Как осуществлялся геноцид в малой империи. — Республика Абхазия. 1999, № 145.

⁴⁰ Документ опубликован: Абхазский архив. XX век. М., 2002. Вып. I, с. 72—80.

⁴¹ Официально употреблявшаяся в те годы грузинизированная форма абхазского наименования родного села С.П.Басарии Кутол.

⁴² *Тарнава М.И.* (1895—1941) — абхазский общественный и политический деятель, историк, публицист. Репрессирован вместе с С.П.Басарией.

⁴³ *Тарба Б.* Просвещение — народу. — Советская Абхазия. 11.I.1961.

⁴⁴ *Басария С.П.* Абазинский аул. — Избранные сочинения, с. 80.

Л.М.Варданян

*Евгения Тиграновна Гюзальян:
забытое имя
в армянской этнографии*

В истории армянской этнографии имя Евгении Тиграновны Гюзальян практически забыто. Е.Т.Гюзальян не имела научных трудов и даже небольших научных публикаций: она их просто не успела написать. Но когда при подготовке данной статьи буквально по крупицам и отдельным фрагментам стали воедино собирать результаты всего проделанного ею, постепенно начал вырисовываться образ неутомимой труженицы, своей будничной и, казалось бы, неприметной работой внесшей немалую лепту в становление и развитие этнографического музееведения в Армении.

Родилась Евгения Тиграновна в 1903 г. в интеллигентной семье. Ее детство и юность прошли в Тифлисе. Здесь работал ее отец, Тигран Галустович Гюзальян, выпускник Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, агроном по образованию; ее красавица мать, Ераняк Варданян, занималась общественной деятельностью; умерла довольно молодой от оспы.

Как известно, в тот период Тифлис был центром армянской научной, духовной и культурной жизни, и большая дружная семья Тиграна Гюзальяна постоянно находилась в гуще всех общественных событий. Двери их гостеприимного дома были всегда открыты для многих известных деятелей, с большинством из которых хозяин дома был не просто знаком, но и дружил. Особенно теплые и дружеские отношения связывали его семью с семьей великого армянского поэта Ованеса Туманяна, а также известного ученого и педагога С.Д.Лисициана, который впоследствии во многом определил выбор научного пути Евгенией Гюзальян.

Евгения (Женя) была самой младшей из четверых детей в семье (двоих сыновей и двоих дочерей). Окончив в Тифлисе известную армянскую женскую школу Гаянян, она поступила на

этнографическое отделение Государственного историко-лингвистического института в Ленинграде, где в это время на восточном факультете Ленинградского университета учился младший из ее братьев, впоследствии известный востоковед Левон Тигранович Гюзальян. Летом 1930 г., перейдя на последний курс Института, она получила приглашение пройти практику в Культурно-историческом музее (ныне Государственный музей истории Армении)¹. Инициатива эта исходила от крупнейшего армянского этнографа и организатора науки постреволюционного периода Степана Даниловича Лисициана², незадолго до этого возглавившего этнографический отдел музея. В этот период музей находился в состоянии организационного становления и испытывал острую нехватку профессиональных кадров.

Учитывая этнографическое образование Евгении Гюзальян, а также близкое знакомство с ее семьей по Тифлису, Лисициан возлагал на девушку большие надежды. Поэтому не случайно в следующем, 1931 г. он стал хлопотать о ее распределении именно в Армению, послав по двум адресам — в Историко-лингвистический институт в Ленинград и в Учраспред сектора кадров Наркомпроса в Москву — телеграммы следующего содержания: «Культурно-исторический музей Армении просит направить к нам оканчивающую курс этнографического отделения Историко-лингвистического института Евгению Гюзальян на постоянную работу»³. Так она приехала в Ереван и всю свою недолгую жизнь связала с Государственным музеем Армении. Здесь в этнографическом отделе за короткий срок (1931—1939) Евгения прошла путь от практикантки до старшего научного сотрудника, приобрела большой опыт музейной и полевой работы, собрала значительный этнографический материал.

Женя Гюзальян⁴ поступила работать в Государственный музей Армении в трудный и сложный для его истории период. В первое десятилетие своего существования музей был не столько научно-исследовательским центром, сколько средоточием, а нередко и местом складирования не только различного рода культурных и художественных ценностей, но и огромного количества не имеющих к ним отношения предметов. Здесь были собраны многочисленные этнографические и археологические материалы Тифлиского этнографического общества, часть коллекций Анийского музея, собрание древностей Лазаревского института, Нор Нахичеванское собрание материалов (рукописи, документы, личные архивы армянских деятелей культуры и литературы) известного историка и литератора Ерванда Шахазиза, музейные ценности Эчмиадзинского монастыря и т.п., а рядом — бессистемное множество отдельных предметов и приобретений в основном

Группа сотрудников Государственного исторического музея Армении.
Середина 30-х годов.

В первом ряду вторая справа — *Е.Т.Гюзальян*,
во втором ряду стоит справа зав. этнографическим
отделом музея *С.Д.Лисициан*

фабричного производства. Сложное положение в этнографическом отделе музея в тот период лучше всего характеризует С.Д.Лисициан, сменивший 1 ноября 1928 г. заведующего этим отделом известного армянского этнографа Ерванда Лалаяна: «Отдел я принял в хаотическом состоянии. В нем были собраны разнообразные предметы из самого различного рода источников, начиная от разных отделов Наркоматов и отделений милиции до Тифлисского этнографического общества. Здесь было более 350 штук разного вида оружия — разбитые фабричные ружья и сабли, пулеметы, обветшалые образцы конфискованных зангибасарских ковров, женские жилеты армянок-беженок из Западной (ныне Турецкой) Армении <...> и рядом с ними роскошные карабахские полотенца и т.п.»⁵. К приходу в музей Лисициана фонд этнографического отдела уже насчитывал около 1200 экспонатов.

Необходимо было срочно разобрать их, оставив только те, которые представляли музейную ценность и могли быть использованы для экспозиций и научных исследований. Эта работа тре-

бовала немало усилий и продолжалась несколько лет: с 1929 г. до середины 1931 г.⁶. В результате из 1200 предметов осталось около 350. Одновременно с отбором экспонатов проводились их инвентаризация и паспортизация, а также регистрация в новых инвентарных книгах.

Именно в это время, в июле 1931 г., в этнографическом отделе музея и появилась Женя Гюзальян, сразу ставшая помощницей и опорой Лисициана. На нее была возложена обязанность оформления инвентарных книг отдела. Как известно, регистрация музейных экспонатов и их паспортизация предполагают не только хорошее знание материала; эта кропотливая и тщательная работа требует внимания, усидчивости и аккуратности. Приступив к работе, Женя своим каллиграфическим, чуть мелким почерком заполняла инвентарные описи имеющихся экспонатов этнографического фонда и на каждый из них составляла более развернутые паспорта, где подробно указывались наименование, форма, размер, материал, а также время и место изготовления, способ применения, владелец, место и время приобретения. Работа эта была продолжена и в последующие годы по мере новых поступлений в отдел за счет приобретений (закупок), дарений, а главное — значительного экспедиционного материала. Всего за период пребывания в музее Женя Гюзальян зарегистрировала в инвентарных книгах и коллекционных описях 2570 этнографических экспонатов, сопроводив каждый из них паспортом, а также 122 этнографических рисунка и 600 фотографий видового и этнографического характера. Таким образом, через ее руки прошло около 3300 единиц хранения — вещевого, изобразительного и фотоиллюстративного этнографического материала. К счастью, эти первоначальные инвентарные книги (три тома большого формата) и коллекционные описи (два тома того же формата, из них первый целиком заполнен ею) дошли до наших дней и бережно хранятся в этнографическом отделе Государственного музея истории Армении⁷. Они не только являются официальным документом количественного учета и качественного содержания этнографического фонда в 20—30-е годы, но представляют собой по широте и разнообразию материалов уникальный и ценный этнографический источник, отражающий картину быта и всего уклада народной жизни того времени. К сожалению, этот источник незаслуженно обойден вниманием специалистов.

Итак, к середине 1931 г. фонд этнографического отдела музея был наконец сформирован, и, по определению Степана Даниловича, «период стихийного собирательства можно было считать завершенным. Этнографический отдел перешел к систематическому сбору материалов»⁸. Это было тем более неотложной зада-

чей, что в результате проделанной работы осталось «небольшое убогое собрание», ни одна из коллекций которого не была представлена полностью. Возникла настоятельная необходимость в кратчайший срок и всесторонне пополнить его. Не полагаясь на случайные приобретения и малочисленные закупки музея, Лисициан принял единственно правильное решение — собирать материал целенаправленно, организуя этнографические экспедиции во все регионы, причем не только в самой Армении, но и в армянские поселения за ее пределами. О широте охвата и интенсивности этой собирательско-организационной работы свидетельствует тот факт, что за период 1931—1938 гг. было осуществлено шесть экспедиций, неизменным участником которых была Женя. Под руководством опытного С.Д.Лисициана она прошла хорошую школу полевого этнографа, вместе с ним сполна разделив все тяготы и лишения экспедиционной жизни. Самое примечательное, что первоначально, в двух зангезурских экспедициях 1931 и 1932 гг., экспедиционный отряд состоял всего из трех человек — С.Д.Лисициана, Евгении Гюзальян и фотографа музея.

Зангезур в качестве первоочередного объекта исследования был выбран по нескольким веским причинам. Во-первых, в этом высокогорном, изолированном юго-восточном регионе Армении в большей мере сохранились остатки традиционного быта; во-вторых, после землетрясения 1931 г. в районе должны были начаться восстановительные работы, что грозило внести серьезные изменения в традиционный уклад жизни. Необходима была срочная фиксация старых форм быта⁹.

Именно поэтому спустя всего четыре месяца после землетрясения Лисициан, Гюзальян и фотограф Сурен Золян уже обследовали районы Гориса и Сисиана.

Экспедиция эта, длившаяся почти полтора месяца (с 30 августа по 11 октября 1931 г.), проходила в тяжелейшей обстановке, при отсутствии самых элементарных бытовых и санитарных условий. По признанию ее руководителя, ночевали они прямо на столах в исполкоме, в наспех сооруженных из фанеры и глины хибарах. Сложное положение в Зангезуре, пострадавшем от землетрясения, усугубляли наступившие холода и рано выпавший снег.

Жизнь участников экспедиции постоянно подвергалась опасности, поскольку в ряде глухих горных селений, особенно на дорогах и в ущельях, еще существовала реальная угроза нападения банд. Но даже в столь трудных и суровых условиях удалось наладить четкую работу экспедиции.

Вот как описывает сам Степан Данилович распределение обязанностей: «Ст. Лисициан — общее руководство; Евг.Гюзальян — помощник в приобретении экспонатов, фиксация этнографиче-

ских материалов и частично их самостоятельный сбор (эта экспедиция для нее одновременно и первая практика по сбору этнографического материала после летней полевой работы прошлого, 1930 г., которую она провела в течение 10 дней по своей инициативе в районе Камарлу [ныне г. Арташат. — Л.В.], изучая в этнографическом отношении женские проблемы). Тов. С.Зоян — фотографические работы при участии Евг.Гюзальян»¹⁰.

Материал, собранный Женей самостоятельно, — это сохранившиеся четыре листа бумаги, на которых своим бисерным почерком она сделала карандашом короткие записи, касающиеся ряда магических ритуалов (вызывание дождя во время засухи, прекращение дождя, лечение бесплодия, использование оберегов-талисманов от «сглаза» домашнего скота) и некоторых космогонических воззрений (о затмениях солнца и луны, происхождении молнии, грома, радуги и т.п.). Материал, собранный ею в селениях Горис, Брнакот, Хндзореск, Татев, Лцен и изложенный в виде кратких тезисов, даже в таком фрагментарном виде представляет несомненную ценность и вместе с тем демонстрирует круг ее научных интересов¹¹.

Несмотря на все сложности, обследование Зангезура было продолжено и в следующем, 1932 г. На этот раз Гюзальян совместно с Лисицианом и фотографом Погосом Григоряном работали в районах Капана и Мегри.

В результате двух полевых сезонов был собран огромный вещевой и иллюстративный (фотоснимки, зарисовки) материал, отражающий своеобразие этого историко-этнографического региона Армении, его традиционный быт и элементы колхозного строительства, последствия землетрясения и т.д. Одних только экспонатов зангезурской коллекции рукой Жени Гюзальян зарегистрировано 250¹². Следует подчеркнуть, что, помимо полноты охвата привезенных материалов, зангезурская экспедиция явилась первым опытом полевой экспедиционной работы, призванной положить конец хаотическому состоянию этнографического фонда музея и ознаменовавшей ее качественно новый, планомерный и целенаправленный этап. Дирекция музея сочла целесообразным организовать отчетную выставку для всеобщей наглядной демонстрации результатов этого опыта.

Известно, насколько трудоемка и кропотлива подобная музейная работа, сколько отнимает времени и сил. На протяжении всего 1933 и частично 1934 гг. Женя Гюзальян вместе со всеми сотрудниками этнографического отдела была занята обработкой привезенных экспедиционных материалов и организацией на их основе постоянной экспозиции музея, освещающей старый «умирающий» и зарождающийся новый быт Зангезура. Объем

организационно-подготовительных работ был чрезвычайно широк и разнообразен: заказаны стеклянные витрины, манекены, макеты, собирались статистические сведения и оформлялась наглядная диаграмма, готовился этикетаж. Из фонда было отобрано более 270 этнографических фотографий и заказаны около 70 рисунков и картин, а также карта сельскохозяйственных поясов Зангезура, о чем свидетельствуют регистрационные записи в соответствующих инвентарных книгах, сделанные Женей. Для посетителей выставка открылась лишь в 1934 г. и, пользуясь большой популярностью, была продлена до середины 1937 г., когда из-за крайней ограниченности выставочной площади музея часть ее разделов пришлось закрыть для демонстрации временных тематических экспозиций.

Следуя намеченной программе и воодушевленные результатами Зангезурской экспедиции, сотрудники этнографического отдела продолжили собирательскую работу. Следующим объектом экспедиционного обследования дважды, в 1934 и 1935 гг., стал историко-этнографический регион Лори в северной части Армении — один из немногих в республике, где хозяйственная деятельность была связана с преобладавшим здесь лесным ландшафтом. В двух Лорийских экспедициях вместе с Лисицианом, Гюзальян и фотографом (в первой — Борис Совер, во второй — Гевонд Гукасян) участвовал и новый молодой сотрудник этнографического отдела музея Сурен Сааруни¹³.

Поскольку материалы Лорийской экспедиции наиболее полно отражают деятельность Жени, остановимся на них подробнее. Дело в том, что в фонде этнографического отдела сохранились не только полевые материалы, но и экспедиционный дневник 1934 г., от первой до последней страницы записанный самой Женей¹⁴. Дневник этот, не говоря уже о его научной значимости, — поистине бесценный документ, во многом заполняющий пробел в скудных сведениях о личности и деятельности безвременно ушедшей коллеги.

Сейчас уже трудно судить, почему руководитель экспедиции вел этот дневник не сам, а поручил его Жене. Возможно, что, учитывая полевой опыт предыдущей, Зангезурской, экспедиции, Степан Данилович уже мог доверить ей эту важную работу, так как сам был чрезмерно загружен. Так или иначе, но именно Женя ежедневно вела записи, начиная со дня отъезда экспедиции и до возвращения в Ереван (с 9 по 29 сентября 1934 г.). Из этих записей становятся ясными маршрут, цели экспедиции, подробности приобретения экспонатов и связанные с этим трудности, отношение местных властей, организационно-бытовые проблемы и т.п. Примечательно, что повествование ведется от

3-го лица (даже о себе самой) и часто с указанием лишь инициалов участников экспедиции.

В этом экспедиционном обследовании особое внимание предполагалось уделить традиционному народному жилищу и различным аспектам материальной культуры, а также новым явлениям, проникающим в село в связи с колхозным строительством. В связи с этой задачей приобретались традиционные сельскохозяйственные орудия, домашняя утварь и посуда, в особенности деревянная, комплексы народной одежды и украшений и т.п. Лисициан как руководитель решал на местах (через председателей сельсоветов и колхозов) проблемы ночлега, продовольствия, транспорта и т.п., вел переговоры с сельчанами в поисках экспонатов, занимался их закупкой. Сааруни постоянно помогал ему в приобретении предметов, выполнял множество различных поручений, а также регистрировал материалы о хозяйственной деятельности и сельскохозяйственных орудиях. Женя собирала материалы по традиционной одежде, украшениям, рукоделию, а кроме того, помогала фотографу¹⁵.

Нередко по вечерам они собирали группу стариков, записывали этнографические материалы, подробно расспрашивали об интересующих их экспонатах. Полученные сведения приходилось перепроверять, поскольку бывали случаи их недостоверности. Много времени было потрачено на поиски традиционного тяжелого двенадцатиупряжного «черного» плуга (*сев гутан*). Его искали во многих селах (Дсех, Марц, Лорут, Ахпат и др.), и бывало, что хозяева «черного» плуга, которым пахали еще года два тому назад, уже разобрали его на части. Лишь в самом конце экспедиции в с. Хачидур (ныне с. Дебет) удалось наконец найти 6—8-упряжный *сев гутан* и после неоднократных переговоров с хозяином приобрести его. За два дня до окончания экспедиции Женя записывает в дневнике: «Сурен Сааруни вернулся из села, привезя с собой деревянный плуг, колеса старой арбы и другие предметы»¹⁶. Были приобретены также борона, серп, грабли, вилы, молотильная доска и другие орудия, деревянная двухколесная арба, амбар для зерна, прялка, деревянная и медная посуда, детали головного убора и одежды и т.д. Всего из двух экспедиций было привезено 236 предметов, а также отдельная коллекция (32 предмета) в основном женской одежды и украшений из с. Шахназар, заселенного выходцами из Алашкерта (бывш. Западной Армении, входящей в состав Турции), отснято 355 негативов.

Однако поисками и закупкой экспонатов задачи экспедиции не ограничивались. Эти экспонаты надо было доставить в Ереван. Следует отметить, что транспортные проблемы были одним

из уязвимых мест практически во всех экспедициях. Как отмечал Лисициан, «во время этого обследования мы очень редко имели возможность пользоваться железной дорогой или автомашиной <...> большей частью передвигались на арбе, фургоне, а в основном на лошадях и пешком. В Лори, как и в Зангезуре, транспортные неудобства очень часто ставили нас в трудное и неприятное положение и поглощали много времени»¹⁷. Об этом неоднократно упоминает Женя Гюзальян на страницах дневника: «Прибыв на станцию Колагеран в 5 часов утра, погрузив наши вещи на лошадей, мы сами пешком по горной тропе поднялись в Дсех <...> потратили много времени, чтобы найти арбу; были сельчане, которые требовали за нее 100 руб. Наконец в 13.30 отправились на арбе и короткой дорогой около 17.30 прибыли в с. Лорут. Большую часть пути пришлось идти пешком <...> опять столкнулись с трудностями в получении транспортных средств. Все наши закупленные экспонаты погрузили на арбу, а сами пешком, взвалив наши личные вещи на лошадь, спустились в Колагеран»¹⁸. Степану Даниловичу приходилось нередко с большим трудом через местное руководство улаживать этот вопрос. Больше всего хлопот было с крупногабаритными экспонатами: транспорт в первую очередь был необходим для их доставки на ближайшую железнодорожную станцию, откуда их товарным вагоном отправляли в Ереван. Более мелкие экспонаты упаковывали в ящики и посылали по почте¹⁹. Наиболее наглядно одну из подобных сложных ситуаций Женя описывает в предпоследний день экспедиции в Ахпате. «В 11 часов все наши приобретенные вещи отправили на арбе в сопровождении тов. С.Сааруни на станцию Ахтала, чтобы сдать их железной дороге. Остальные участники экспедиции только после 13.30 смогли на лошадях отправиться в Алаверды <...> Из Алаверды председатель райисполкома по телефону поручил председателю сельсовета с. Узунлар (ныне с. Одзун. — *Л.В.*) прислать на станцию Санаин арбу или четырех лошадей, чтобы привезти участников экспедиции в село. Тов. Сурен Сааруни, сдав вещи железной дороге, из Ахталы добрался до Алаверды, где и присоединился к экспедиции. Прибыв на станцию Санаин, мы не нашли ни арбы, ни лошадей. Вынуждены были снова со станции телефонировать в с. Узунлар в поисках транспортных средств. Очень поздно, лишь после 9 часов вечера, на станцию прислали двух лошадей. Шел проливной дождь»²⁰. Картина более чем красноречивая. Не надо иметь много воображения, чтобы представить себе состояние четырех сотрудников музея, оставшихся в тот поздний промозглый осенний вечер в томительном ожидании на затерянной станции Санаин...

Со страниц дневника ясно проступают и бытовые сложности экспедиции. Буквально на второй день после ее начала Женя Гюзальян отмечает «трудности с продовольствием, особенно с приобретением хлеба», в последующие дни записывает: «Из-за отсутствия керосина надолго остались без света. После неприятных просьб получили лампу <...> из-за позднего возвращения председателя в село с большим трудом удалось наконец найти для нашего проживания более или менее подходящее место, собрать постельные принадлежности и создать сносные условия снабжения продовольствием»²¹. Но невзирая на все трудности, участники экспедиции продолжали упорно работать. На счету был не только каждый день, но и каждый час: уже начались холода и сезон затяжных дождей, ожидалась ранняя зима. В эти дни, как неоднократно отмечала Женя, «в деревнях днем и даже ночью бывало пустынно <...> Все крестьяне, особенно колхозники, выйдя в поле, основное внимание уделяют срочным посевам озимых, торопятся закончить работы в зимовниках, собрать урожай в своих садах и потому из-за своей занятости не могут посвятить нам короткие вечера, что очень замедляет сбор необходимых нам этнографических сведений»²².

Наряду со сбором музейных экспонатов важной задачей Лорийской, как и всех других экспедиций, была запись полевого этнографического материала. В те годы Степан Данилович неоднократно и настойчиво подчеркивал первоочередность этой задачи, имея в виду стремительную трансформацию всех областей традиционной народной культуры в условиях коренных социалистических преобразований. Полевые тетради содержат материал, собранный и Женей Гюзальян. Опыт предыдущей, Зангезурской экспедиции, а также работа в отделе музея с инвентарными книгами и коллекционными описями в значительной мере углубили и расширили ее этнографические познания. И если Зангезур был для нее своего рода «пробой пера», то спустя всего три года в Лори она собирала этнографический материал самостоятельно. В первую экспедицию 1934 г. Женей были сделаны записи (правда, несколько отрывочные и схематичные), в которых можно найти сведения по верованиям, в частности связанным с судьбой и роком, культурами очага (*тоныра*), огня, солнца, некоторыми птицами (голубем, ласточкой, удоном, вороной), по местным святыням²³. Довольно подробно описаны женская одежда и способ повязывания головы, а также похоронные обряды. В экспедицию 1935 г. был записан материал по родильной и, особенно обстоятельно, свадебной обрядности, праздникам годового календарного цикла.²⁴ Поскольку в задачу экспедиции входило также уточнение и дополнение этнографических сведений по дан-

ному региону, ранее собранных и опубликованных Ерв. Лалаяном²⁵, Женя Гюзальян обращала внимание на его сведения по традиционной семейной обрядности. Так, в с. Дсех она с группой старых женщин уточняла сведения о рождении детей и описания свадьбы, в Санаине вместе с Лисицианом проверила у пожилых женщин описание Лалаяном похоронной обрядности²⁶.

Об уникальности и ценности полевых этнографических материалов 1930-х годов говорить излишне. В полевых тетрадах Лорийской экспедиции примечательна подача материала: Лисициан и Гюзальян вели записи не каждый в своей тетради, а в одной общей, поочередно. Материал первой экспедиции — это семь ученических тетрадей объемом 47 листов, из которых 32 листа (первые 27 л. и последние 5 л.) написаны Лисицианом, остальные (л. 28—42) — Женей. Особенно примечательна одна тетрадь (15 л.) второй экспедиции, где представлен материал лишь по с. Кохб²⁷. Здесь между материалами Гюзальян о календарных праздниках и свадьбе на одном листе имеются сделанные Лисицианом запись и набросок рисунка местной святыни Сурб (Св.) Вардапет (л. 7 и 7об.). Но еще более интересны записи свадебной обрядности: подробно излагаемые Женей (с л. 8), они с половины текста, буквально с середины строки сменяются записями Лисициана, который и доводит их до конца (л. 11—13). Далее записи заканчивает Женя (материал по родильной обрядности), причем сделаны они карандашом, что встречается крайне редко. Чем вызвана столь резкая и неожиданная смена авторов записей, сейчас уже сказать невозможно.

И наконец, еще об одном интересном материале Лорийской экспедиции. В полевых тетрадах 1934 г. в конце записей Жени Гюзальян на пяти страницах представлен список из 85 пунктов. Как оказалось, это своеобразный подсчет всех экспедиционных расходов. Большая часть его записана Женей и лишь две страницы (л. 40об.—41) Лисицианом²⁸.

Среди всех перечисленных пунктов можно выделить две основные статьи расходов: 1. Оплата экспонатов. 2. Организационно-бытовые и транспортные.

Прежде всего отметим, что этот список дает четкую картину всех приобретенных экспонатов, от уже упоминавшихся крупногабаритных сельскохозяйственных орудий до мелких украшений и амулетов. Но самым примечательным здесь является форма оплаты. Дело в том, что правая сторона этого списка состоит из пяти небольших граф, озаглавленных: «бязь широкая», «бязь узкая», «ахлук» (головной платок), «ситец», «деньги» (рубли); в каждой строке против указанного слева наименования предмета в соответствующих графах проставлены цифры. Выясняется, что

с хозяевами закупаемых экспонатов участники экспедиции расплачивались не только деньгами, но и мануфактурой. Учитывая социально-экономические и бытовые сложности сельской жизни того времени, можно полагать, что во многих случаях сельчане были заинтересованы в мануфактуре даже больше, чем в деньгах: в графе «деньги» против наименований многих экспонатов стоит прочерк. Примечательно, что в каждом конкретном случае размер оплаты мог варьировать, включая в себя как различные виды товаров, так и денежный вариант. Для наглядности приведем несколько примеров. Самым дорогим приобретением Лорийской экспедиции оказался тот самый с трудом разысканный деревянный «черный» плуг: его хозяину было уплачено 15 аршин бязи, 2 ахлуха и 20 руб. деньгами. Для сравнения: плужная цепь обошлась в 1 ахлук и 10 руб., медный поднос — в 3 аршина ситца, серебряные украшения — в 2 аршина широкой бязи и 2 аршина узкой и т.п.

Другую часть расходов, причем только деньгами, составляли экспедиционно-бытовое обеспечение и транспортные средства. Сюда входили стоимость железнодорожных билетов из Еревана и обратно, оплата комнат сельчанам, в домах которых проживали члены экспедиции, оплата лошадей, арбы, изготовления ящиков — для транспортировки экспонатов и т.д.²⁹. Даже подобный финансовый документ может служить своеобразным и ценным этнографическим источником, отражающим специфику жизни и быта той эпохи, в данном случае армянского села середины 1930 годов.

По завершении полевого сезона 1934—1935 гг. участники экспедиции в первом квартале 1936 г. наряду с обработкой привезенных экспонатов и текущей музейной работой были заняты разработкой плана этнографической экспозиции Лорийского региона. «Распределение обязанностей предполагается следующее. С.Д.Лисициан — Географические условия. История. Поселения и жилища. Общественная жизнь. Верования; Евг.Гюзальян — Домашние занятия. Традиционная одежда. Обработка шерсти (ткачество, ковроткачество и пр.). Семейная жизнь; С.Сааруни — Земледелие и скотоводство, охота, рыболовство, пчеловодство. Деревообработка. Гончарство. Средства передвижения»³⁰. Позже, из-за чрезмерно уплотненного графика, работа эта была перенесена на последний квартал.

Для самой Жени Гюзальян период 1934—1935 гг., судя по сохранившимся материалам, можно считать «урожайным». Помимо того, что она активно работала в Лорийских экспедициях, ею был записан довольно обширный материал по традиционной армянской одежде, бытовавшей в различных историко-этнографиче-

ских регионах как самой Армении (Мегри), так и за ее пределами — ахалцихских армян Грузии, акулисских армян Нахичеванского края, армян из Тавриза (Иран), ряда районов бывшей Западной Армении — Шатаха, Трапезунда, Тимара, а также армяноязычных удийцев (удин) с. Варташен Азербайджана. Эти записи представляют собой восемь ученических тетрадей объемом в 93 листа, где Женей подробно описаны мужские и женские комплексы традиционной одежды каждого из указанных регионов, начиная от нижней рубашки и штанов до локальных разновидностей верхней одежды и обуви; представлены мужские и в особенности женские головные уборы, девичьи и женские прически, детально описаны способы повязывания головы замужними женщинами, украшения. При описании отдельных деталей одежды указаны местное диалектное наименование, покрой, ткань, цветовая гамма, расположение орнамента и т.п. По ходу изложения рукой Жени сделаны многочисленные чертежи кроя и рисунки отдельных деталей. Они не только способствуют более четкой и наглядной подаче материала, но и значительно дополняют и обогащают его.

В собранном Женей Гюзальян материале особое место занимают персидский и западноармянский комплексы, описание которых получено от армян-беженцев. В этом отношении примечательны краткие сведения об информаторах. В первом случае это Петросян Зардар, 60 лет, из с. Махлук (ок. Салмасты). В 1916 г. эмигрировала в Багдад, откуда прибыла в Ереван; во втором случае материал записан от Сарксян Нубар, 60 лет, беженки из Тимара в 1914 г.³¹. Проблема беженцев, после геноцида 1915 г. и последствий Первой мировой войны, впервые поднятая Лисицианом, занимала важное место в исследованиях этнографического отдела музея. Дело в том, что сложный этап социалистического строительства совпал с массовым переселением зарубежных армян из Турции, ряда европейских (Франция и др.) и арабских (Египет, Сирия, Ливан) стран на территорию Советской Армении.

И хотя эта часть армянского этноса переселялась на свою историческую родину и в свою этническую среду, однако социально-политическая и культурно-бытовая дистанция между исходной средой армянских вилайетов в Турции и условиями проживания в Советской Армении была очень велика. Поэтому сбор и фиксацию материала среди армян-беженцев, еще не успевших ассимилироваться и сохраняющих свою этнографическую специфику, Степан Данилович считал первоочередной и безотлагательной задачей. Не случайно в планах этнографического отдела музея в 30-е годы постоянно отдельным пунктом значился сбор

подобного материала среди беженцев, компактно проживающих в Арабкире, Малатии, Себастии, Бутании — тогдашних пригородах, ныне районах Еревана, а также в других местах³².

Характеризуя активную деятельность Жени Гюзальян, отметим, что тогда же, зимой 1934—1935 гг., она была на два месяца (с 15 декабря 1934 г. по 15 февраля 1935 г.) командирована в Москву и Ленинград, а ранее — в мае 1932 г. — также в Ленинград, как указано в приказе, «для участия в этнографическом съезде» (речь идет о Всероссийском археолого-этнографическом совещании 7—11 мая 1932 г. —Л.В.)³³. За четыре неполных года работы в отделе она, таким образом, дважды смогла побывать в российских научных центрах. Факт этот примечательный не только в короткой научной биографии Жени, но и в истории самого Государственного исторического музея Армении, руководство которого стремилось при более чем скромных финансовых возможностях всеми мерами способствовать профессиональному росту своих научных кадров.

Следующую экспедицию, в сезон 1936—1937 гг., отдел посвятил сбору этнографического материала среди армян, «столетие назад после похода Паскевича» переселившихся из Высокой Армении, в частности из Карина (бывш. Западной Армении) в регион Ширака с центром в Ленинакане (ныне Гюмри) и историко-этнографический район Джавахка (ныне Ахалкалакский и Ахалцихский районы Грузии). Работу решено было начать именно с этих более отсталых, чем Ширак, районов, а на следующий год дополнить ее исследованиями в районе Ленинакана, Артика, Амасии³⁴.

В этой экспедиции вместе с Женей Гюзальян участвовали все члены предыдущей Лорийской экспедиции. Для облегчения приобретения экспонатов и в этот раз взяли с собой мануфактуру (бязь) и, наученные прошлым опытом, также и фотооборудование для съемок внутри помещений.

Поскольку намеченные для обследования Ахалкалакский и Ахалцихский районы являлись пограничными, дирекция музея обратилась с официальным письмом к начальнику пограничной воинской части с просьбой дать соответствующее разрешение на проведение в этих районах в июле—сентябре 1936 г. научных работ по этнографическому и археологическому обследованию и на сбор музейных экспонатов участникам экспедиции — Степану Даниловичу Лисициану, научным сотрудникам Евгению Тиграновне Гюзальян и Сурену Ваграмовичу Сааруни-Тарламазяну, а также фотографу Гевонду Гукасяну³⁵.

Экспедиция, состоявшаяся с 8 июля по 18 августа 1936 г., собрала огромную коллекцию — 250 различного рода экспонатов,

более 260 фотоснимков и богатый полевой материал. К счастью, эти полевые тетради и дневник экспедиции сохранились. Однако распределение записей в Ахалкалакской экспедиции было несколько иным: подавляющее их большинство сделано Лисицианом и очень немного Женей Гюзальян; на этот раз в ведении дневника она участия не принимала: ее записей нет.

Практически весь довольно обширный по объему дневник (2,5 ученической тетради в 30 листов) вел сам Степан Данилович, поэтому и характер записей в нем отличается от записей дневника Лорийской экспедиции. Лисициан уделял внимание не только и не столько фиксации проделанной за день работы, а часто излагал свои научные наблюдения, размышления и даже некоторые предварительные заключения. В отличие от лаконичных записей Жени в Лорийском дневнике, на страницах дневника Ахалкалакской экспедиции нередки описания (иногда довольно подробные) географического положения, общего вида, планировки сел, путевые заметки, встречающиеся по дороге достопримечательности и др. Отметим, что Сурену Сааруни принадлежат в нем несколько страниц (л. 3об.—8).

Полевой материал Ахалкалакской экспедиции 1936 г. весьма внушителен. Это 10 ученических тетрадей (92 листа). Рукой Лисициана они пронумерованы и озаглавлены по названию сел, где был собран материал³⁶. Рукой Жени записаны всего 3,5 листа. Это материал о родильной обрядности и связанных с нею суевериях, собранный в сел. Карцах, Сулда и Гюмбурда³⁷ и свидетельствующий о том, что и здесь она продолжала изучать семейную обрядность армян. В дневнике Ахалкалакской экспедиции есть упоминания о том, что Женя записывала также сведения об отдельных видах кустарных промыслов, связанных, в частности, с изготовлением деталей традиционного женского комплекса одежды армян Карина. Однако записей этих обнаружить, к сожалению, не удалось, — факт досадный и не совсем понятный, если учесть, что в данной экспедиции особое внимание придавалось изучению именно кустарных промыслов и ремесел. Дело в том, что в этом регионе долгое время сохранялись традиции высоко развитых и широко известных кустарных промыслов Карина и Эрзерума, выходцами оттуда и являлись ахалкалакские и ахалцихские армяне. Лисициан подчеркивал, что Ахалцха (армянская форма названия Ахалцих) — «это то место в Закавказье, где представлены все разновидности старых промыслов. В Тифлисе они давно исчезли. Наша цель — записать трудовой процесс мастеров, приобрести полную коллекцию инструментов и собрать материал о социальных формах амкарств (ремесленных организаций. — Л.В.)»³⁸. Из дневника ясно, что сбором и записью

Ахалкалакская экспедиция 1936 г.
Сидит справа — *Е.Т.Гюзальян*; впереди — *С.Д.Лисициан*

подобного рода материалов занимались все члены экспедиции, в результате чего был собран материал по ювелирному, оружейному делу, гончарству, различным видам ткачества, прядению, обработке козьей шерсти, изготовлению чубуков (курительных трубок) и пр. Однако при всем обилии полевого материала Ахалкалакской экспедиции, записанного в подавляющем большинстве самим Лисицианом³⁹, представлены лишь гончарство (с. Карцах), ювелирное дело и изготовление чубуков (Ахалцха); записей на эту тему, сделанных Женей Гюзальян и Суреном Сааруни, в них нет. Остается надеяться, что дальнейшие архивные поиски смогут помочь прояснению данного вопроса.

Тем не менее собранные Ахалкалакской экспедицией сведения довольно четко отражают состояние в середине 30-х годов в этом регионе некогда прославленных кустарных промыслов и ремесел, которые, к сожалению, не выдерживали конкуренции с фабричным производством не только в отдаленных уголках края, но даже в самом центре, Ахалцхе⁴⁰. Именно поэтому участникам

экспедиции стоило больших трудов не только собрать полевой материал, но разыскать и приобрести соответствующие коллекции инструментов, в частности ювелиров и оружейников, о чем свидетельствуют записи Жени в коллекционных описях этнографического отдела.

Приобретение экспонатов, как и в предыдущие годы, составляло одну из основных задач Ахалкалакской экспедиции 1936 г., причем здесь работа в этом направлении также предусматривала приобретение не отдельных предметов, а тематических коллекций. В дневнике экспедиции об этом немало указаний. Сразу же по приезде в Ахалкалак «начали систематический сбор медной посуды <...> С.Лисициан, Женя Гюзальян и Сурен Сааруни смогли в с. Чамдура приобрести почти все сельскохозяйственные орудия и домашние глиняные принадлежности»⁴¹.

Следует отметить, что Ахалкалакская экспедиция имела свои специфические сложности. Во-первых, на ее работу накладывал отпечаток пограничный статус обследуемых районов. В каждом селении участники экспедиции обязаны были регистрироваться и получать разрешение на фотосъемку «как окрестностей, так и подробностей быта, однако с условием ничего не снимать по ту сторону турецкой границы»⁴².

Во-вторых, этнографическая работа на территории другой республики среди армян, проживавших в иноэтническом (грузинском) окружении, требовала большой осторожности и такта. Так, в связи с просьбой женщин с. Гандза открыть их церковь и восстановить службу Лисициан в дневнике отмечает: «Мы, конечно, в срочном порядке сразу пресекли подобные обращения, разъяснив, что наша работа никак не связана с открытием и закрытием церквей, тем более в пределах Грузии»⁴³. Несмотря на усиленную атеистическую пропаганду тех лет, в большинстве сел жители продолжали придерживаться своих религиозных убеждений и нередко проявляли открытое недовольство. Наиболее показательным подробно описанным в дневнике инцидент в с. Цухрут, где Женя Гюзальян и другие участники экспедиции едва избежали нападения женщин с камнями и дубинками в руках, которые были разгневаны слухами о том, что они намерены увезти из села в Ереван «чудотворное» рукописное Евангелие IX в.⁴⁴. И если в Зангезурской экспедиции они рисковали жизнью из-за угрозы нападения банд, то в Ахалкалакской едва не стали жертвами религиозного фанатизма. Этот случай хотя и единичный, но тем не менее весьма показательный.

Что касается организационно-бытовых проблем, то в этом плане здесь было несколько легче. В Ахалкалаке и Ахалцхе они ночевали в гостинице, между двумя этими райцентрами курси-

ровал рейсовый автобус. Из села в село нередко ездили на фургоне или фаэтоне, и потому в дневнике Ахалкалакской экспедиции нет упоминаний о многочасовых изнурительных переходах (пеших или на лошадях). В последний день экспедиции Женя вместе с остальными весь день упаковывала экспонаты, причем для крупногабаритных предметов (детской колыбели, больших медных подносов, глиняных карасов) заранее были заказаны специальные ящики. Часть экспонатов и ящик с фотоматериалами отослали по почте, остальные вещи машиной переправили в Боржоми, где их встретил выехавший туда Степан Данилович и с железнодорожной станции дальше багажом отправил в Ереван; сам он вернулся в Ереван через Тифлис. Остальные участники экспедиции из Ахалцхи через Ахалкалак добрались на машине до Лениакана и оттуда на следующий день, 20 августа 1936 г., прибыли в Ереван⁴⁵, еще не предполагая, что их там ожидает. В этот же день был арестован Сурен Сааруни.

В следующем, 1937 г. в производственном плане этнографического отдела Государственного исторического музея Армении было намечено пополнить коллекции в Ахалцхе и организовать экспедицию в Лениакан для завершения исследования быта армян — выходцев из Карина. К сожалению, эта экспедиция так и не состоялась ни в 1937 г., ни в следующем, 1938 г. Сейчас уже трудно однозначно судить, что явилось тому причиной: общая напряженная обстановка 1937 г., арест С.Сааруни, отсутствие финансирования⁴⁶ или другие причины. Так или иначе, именно на один, 1937 г., прервалась полевая работа отдела.

В 1938 г. была организована экспедиция в район Севанского бассейна в Нор Баязет (ныне Гавар), Мартуни и Басаргечар (ныне Варденис). К сожалению, ни дневника экспедиции, ни ее полевых материалов пока обнаружить не удалось. Однако достоверно известно, что вместе с Лисицианом и Гюзаян в ней принимала участие хранитель этнографического фонда Дшхуи Саркисян. В описях отдела рукой Жени зарегистрирован 221 экспонат, привезенный из этой экспедиции, — коллекции сельскохозяйственных орудий, глиняной посуды, домашней утвари, детали традиционной одежды, украшения-обереги от глаза домашнего скота и т.п., а также 362 фотоснимка. Сохранилась также копия официального обращения (№ 113 от 9.IX.1938) директора музея на имя председателя Совнаркома Армянской ССР с просьбой выдать соответствующее письменное распоряжение местным органам власти об оказании экспедиции необходимой помощи⁴⁷.

Таким образом, всего за несколько лет целенаправленной и интенсивной экспедиционной работы фонд этнографического от-

дела значительно расширился и пополнился огромным количеством вещевого и иллюстративного материала.

На 1 января 1938 г. фонды отдела насчитывали более 5200 экспонатов, 1310 негативов, 566 фотоснимков и 48 рисунков⁴⁸. На протяжении всех этих лет в отделе шла ежедневная кропотливая работа по их изучению, научному описанию и паспортизации, в которой принимали участие все сотрудники отдела и в первую очередь — Женя Гюзальян.

В 1937 г. паспортизацию предполагалось закончить, но завершилась она через год, в 1938 г. В результате усилий небольшого коллектива сотрудников фонд этнографического отдела Государственного исторического музея Армении по полноте и широте охвата коллекций, высокому уровню их систематизации к концу 30-х годов не уступал фондам других музеев подобного профиля. В этом огромная заслуга Жени Гюзальян, через руки которой прошло множество разнообразных материалов.

Круг научно-исследовательских интересов Жени определялся довольно четко: он в основном был связан с женской тематикой, в частности с традиционной одеждой и рукоделием. В производственных планах этнографического отдела в середине 30-х годов буквально ежегодно отдельным пунктом значится их научное описание и изучение. Так, по плану 1937 г. предусматривалось «составление альбома армянского рукоделия (исполнитель Ж.Гюзальян)», по плану 1938 г. — описание 75 образцов⁴⁹.

Рукодельное мастерство армянских женщин с его давними и богатыми традициями имело широкое распространение. Будучи неотъемлемой частью традиционной армянской культуры и быта (девочек обучали с детских лет), оно нередко достигало исполнительского и художественного совершенства. Расшивка элементов традиционной одежды (в западноармянских комплексах — в особенности золотошвейное мастерство), головных покрывал, скатертей, полотенец, вывязывание красочных сложноорнаментированных носков, изготовление иглой тончайших кружев и т.п. имели свою специфику в различных историко-этнографических регионах Армении. Их изучение было связано с исследованием различных видов и приемов техники исполнения, в особенности орнаментального искусства, его цветовой гаммы, стиля, символики, семантики, особенностей народного художественного эстетического вкуса и т.п. Коллекции этнографического отдела музея постепенно пополнялись, и их изучением в основном занималась старший научный сотрудник Женя Гюзальян. Не случайно ею же был собран и значительный материал по традиционной одежде.

Именно как специалист в этой области она проделала основную работу при организации тематической выставки по рукоде-

лию, открывшейся в музее одновременно с выставкой ювелирного дела в середине 1937 г. «Здесь были представлены образцы армянского рукоделия, и городского, и сельского, из самых различных регионов — Зангезура, Мегри, Акулиса, Карабаха, Лори, Апарана, Ленинакана-Ахалкалака, Арабкира, Кесарии и др.»⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что если в первой половине 30-х годов, в период своей организационно-собирательской деятельности, этнографический отдел музея выступал в основном с экспедиционно-отчетными выставками (Зангезур, Лори), то со второй половины, после создания этнографического фонда и завершения обработки и паспортизации, в его экспозиционной работе все большее место стали занимать тематические выставки. Среди них кроме уже указанных были выставки оружия, народных музыкальных инструментов, совместная с Городским музеем Еревана выставка, посвященная быту Эриванского ханства XVII—XVIII вв. Отдел участвовал (предоставлением ряда экспонатов) в большой выставке по искусству Ирана, развернутой в Эрмитаже (1935 г.)⁵¹, обновил статистические данные и диаграммы по состоянию на 1 января 1937 г. на Зангезурской выставке, открытой, как уже отмечалось, еще в 1934 г.

В эти же годы этнографический отдел принял активное участие в общемузейных выставках. В 1935 г. в Государственном историческом музее Армении открылась большая экспозиция, посвященная 15-летию советской власти в республике; в 1939 г. к 20-летию этой даты начали готовить еще одну значительную юбилейную выставку. И Женя Гюзальян, как активный сотрудник отдела⁵², естественно, не могла оставаться в стороне от этой напряженной музейной работы.

Однако самым большим достижением экспозиционно-выставочной работы Государственного исторического музея Армении стала выставка, посвященная 1000-летию армянского эпоса «Давид Сасунский», юбилей которого широко отмечался на всесоюзном уровне в 1939 г. Проводившаяся в рамках народных торжеств, она «по своей величине превзошла все выставки, организованные когда-либо до этого в Армении»⁵³. Эта выставка удостоилась высокой оценки не только научной общественности, но и прессы. По воспоминаниям М.К.Казарян, значительное участие Жени в организации выставки было отмечено в одной из центральных газет Армении.

По роковому стечению обстоятельств именно в день выхода газетной статьи Евгения Тиграновна Гюзальян была арестована.

В Ереване Женя жила с семьей своей старшей сестры Назик, учительницы русского языка и литературы, ее мужем и маленькой дочкой. В этом доме 15 сентября 1939 г. Женю Гюзальян аре-

ставали вместе с ее зятем (мужем сестры) Каро Казаряном⁵⁴. Вскоре были арестованы родственник зятя Мелкон Григорян⁵⁵ и близкая подруга Жени Рипсимэ Кюркчян (инженер по образованию, работавшая на табачной фабрике). Все четверо были обвинены в том, что, собираясь на квартире Казаряна, где жила Женя, «вели явно антисоветские, враждебные, контрреволюционные разговоры в отношении отдельных мероприятий Партии и Правительства». Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Армянской ССР по ст. 67 ч. 1 УК Арм. ССР (антисоветская пропаганда) приговорила К.Н.Казаряна и Е.Т.Гюзальян к 10 годам заключения в лагерях и 5 годам поражения в правах, Григоряна М.Е. и Кюркчян Р.М. — к 8 годам заключения в лагерях и 4 годам поражения в правах⁵⁶. Григорян и Кюркчян, отбыв сроки полностью, вернулись домой. Казарян, отбывавший срок в Дамбуле, в апреле 1943 г. был освобожден досрочно по состоянию здоровья. И лишь судьба Евгении Гюзальян, по этапу сосланной вместе со своей подругой в Караганду, сложилась трагически: как указано в материалах следственного дела, она «скончалась в заключении»⁵⁷, при этом диагноз не приведен. Впоследствии от Рипсимэ Кюркчян родным стало известно, что в лагере у Жени начался менингит и она умерла осенью 1941 г.

При пересмотре следственного дела в 1954 г. обвинения в отношении всех четверых были признаны необоснованными, приговор был отменен и дело производством прекращено из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Все они были реабилитированы, но Евгения Гюзальян — увы! — уже посмертно⁵⁸.

К сожалению, трагическая судьба не обошла стороной и остальных детей семьи Гюзальян. В драматической истории этой семьи как в капле воды отразилась эпоха страшного, «расстрельного» времени, известного в народе как «37-й год». Первой жертвой стал старший из братьев, Рубен (1898—1937). Участник гражданской войны, он увлекался астрономией, писал стихи, хорошо играл на фортепиано⁵⁹. Под влиянием дружившего с ним известного грузинского революционера Михаила Цхакая (одно время он скрывался в доме Гюзальянов в Тифлисе) Рубен пошел работать в НКВД и был расстрелян в 1937 г. В 1938 г. был осужден на 8 лет лагерей младший брат Левон (1900—1995), связавший свою судьбу с Ленинградом и прямо из Эрмитажа высланный в Соликамск. Отбыв срок, он со временем вернулся в Эрмитаж, где долгие годы проработал в отделе Востока. Старшая из детей, Назик (1897—1983), начиная с 1939 г. на протяжении многих лет несла тяжкий крест жены осужденного⁶⁰. В том же, 1939 г. была сослана, а в 1941 г. ушла в небытие младшая, Евге-

ния, не успев раскрыться как ученый и проявить себя в полной мере как исследователь-этнограф.

Мог ли предположить заведующий этнографическим отделом С.Д.Лисициан, в те годы постоянно и настойчиво указывавший на отсутствие в Армении этнографических кадров, что из двух специалистов-этнографов, которые работали тогда в Государственном историческом музее, останется лишь он один, уже переживший к тому времени 70-летний рубеж. Жене Гюзальян не было и сорока лет.

¹ Название музея, созданного в августе 1921 г., несколько раз менялось: в 1921—1935 г. — Культурно-исторический музей, в 1935—1962 г. — Государственный исторический музей Армении, ныне Государственный музей истории Армении (ГМИА).

² Подробно о жизни и деятельности ученого см.: *Варданян Л.М.* Степан Данилович Лисициан (1865—1947 гг.). — СЭ. 1986, № 6, с. 59—69.

³ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 16, 17.

⁴ Евгению в музее обычно называли просто Женя — возможно, чтобы различать с Евгением Арутюновичем Байбуртяном (1898—1941) — известным армянским археологом, работавшим в эти же годы в музее, впоследствии также ставшим жертвой сталинских репрессий.

⁵ *Лисициан С.Д.* Секретарю ЦК КП(б) Армении С.К.Карапetyану. — Центральный Государственный исторический архив РА (ЦГИА РА), ф. 428, оп. 4, д. 308, л. 2 об. Здесь и далее все документы на армянском языке приводятся в переводе автора статьи. Подробно о положении дел в музее в этот период см.: *Варданян Л.М.* У истоков этнографического музееведения в Армении. — ЭО. 1997, № 2, с. 132—138.

⁶ Подчеркнем, что согласно штатному расписанию в Культурно-историческом музее Армении в 1929 г. было всего 9 сотрудников, причем трое из них — технический персонал. В этнографическом отделе вплоть до середины 1931 г. на должность помощника заведующего отделом приглашались временные сотрудники, лишь с середины 1931 г. была утверждена постоянная штатная должность старшего научного сотрудника, на которую была назначена Женя Гюзальян, а с 1934 г. — и младшего научного сотрудника. — АГМИА, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 1; *Лисициан С.Д.* Исторический очерк. — Фонд письменных источников этнографического отдела ГМИА (далее — Фонд этнографического отдела), оп. 1, д. 106, л. 12.

⁷ В настоящее время пользуются инвентарными книгами и описями, заново переписанными в середине 1950-х годов.

⁸ *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 21.

⁹ *Лисициан С.Д.* Зангезур. Научный отчет об экспедиции. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 129, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, л. 3.

¹¹ Материал хранится в личном архиве М.К.Казарян.

¹² Материал, записанный С.Д.Лисицианом в этой экспедиции, был столь обширен и полон, что в дальнейшем послужил основой для одной из его фундаментальных монографий: *Лисициан С.Д.* Армяне Зангезура. Ер., 1969 (на арм. яз.).

¹³ Сведения о С.Сааруни более чем отрывочны, вследствие чего пока не удалось установить ни его происхождения, ни образования и специальности. Сааруни-Тарламазян Сурен Ваграмович, 1911 г. рожд., был принят в этнографиче-

ский отдел Культурно-исторического музея на должность научного сотрудника 4 мая 1934 г. (АГМИА, ф. 1, оп. 3, л. 62 об.). На протяжении трех лет (1934—1936) участвовал в работе отдела, в том числе в двух Лорийских и Ахалкалакской экспедициях. В мае 1934 г. был избран в инициативную группу (вместе с председателем профкома Т.Калантарян и С.Д.Лисицианом) для изучения предложений коллектива и составления плана работ профкома. В отчетном докладе председателя профкома за 1935—1937 гг. говорится: «К сожалению, мы не смогли выявить в нашем коллективе работающего в наших рядах контрреволюционера Сааруни» (АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 2). Сурен Сааруни был арестован 20 августа 1936 г. в день возвращения из Ахалкалакской экспедиции и на следующий день уволен из музея (там же, ф. 1, оп. 3, д. 6, л. 22). Из материалов следственного дела выясняется, что он проходил в группе из 6 человек, осужденных по ст. 67 и 68 УК Арм. ССР в декабре 1936 г. Из них четверо — Камсаракан Карен, научный сотрудник художественного отдела музея, осужденный на 6 лет, Агбалиян Мушег, Варданян Иосиф, Иоанесян-Овакимян Левон, осужденные на 4 года, в декабре того же, 1936 г. были этапированы в Ташкент. В отношении Сааруни Сурена, а также Кананяна Артака подобные данные не приводятся. При пересмотре дела в 1954 г. указано: «Сведения о судимости и местонахождении Сааруни-Тарламазяна Сурена Ваграмовича, осужденного в 1936 г. на 2 года, не располагаем». — Центральный Государственный архив новейшей истории РА (далее — ЦГАНИ РА). Следственное дело С.Сааруни, ф. 571, оп. 5, д. 241, л. 9—11. Сааруни был реабилитирован в 1991 г. См.: Манукян А.С. Политические репрессии в Армении 1920—1953 гг. Ер., 1999, с. 106 (на арм. яз.).

¹⁴ Дневник состоит из 19 листов текста, записанного в трех ученических тетрадях.

¹⁵ Лори 1934. Дневник экспедиции (далее — Дневник Лорийской экспедиции). — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 121, л. 3.

¹⁶ Там же, л. 17.

¹⁷ Лисициан С.Д. Отчет об экспедициях 1934—1935 гг. — АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 3.

¹⁸ Дневник Лорийской экспедиции, л. 1 об., 11, 12 об.

¹⁹ Отметим, что значительный груз составляли специальные стеклянные пластины, на которых в те годы печатались негативы.

²⁰ Там же, л. 17 об.—18.

²¹ Там же, л. 3 об., 14 об.—15, 16 об.

²² Там же, л. 16 об., 17, 18. Отметим, что именно это обстоятельство, а также непрекращающиеся дожди вынудили участников экспедиции прервать ее и продолжить на следующий год.

²³ Примечательно, что в Дневнике (л. 17) имеется запись, что этот материал собирался ею по этнографическому «Вопроснику». Речь идет об «Этнографическом вопроснике» С.Д.Лисициана, тогда еще не изданном. В архиве ученого нам удалось найти рукопись его окончательного варианта, датированную 1933 г. (ЦГИА РА, ф. 428, оп. 2, д. 86, л. 1—266). Вышел он в свет в конце 1946 г., за два месяца до кончины автора. Это первое и до сих пор единственное методическое пособие советского периода для стационарной записи материалов, имеющее непреходящее теоретическое и практическое значение для многих поколений армянских этнографов, в том числе и в настоящее время. См.: Лисициан С.Д. Этнографический вопросник. Ер., 1946 (на арм. яз.).

²⁴ Лори (полевые тетради) 1934 и 1935 гг. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 120, л. 5—7, 28—39; д. 107, л. 1—15. Попутно отметим, что С.Д.Лисицианом был собран материал как по традиционной культуре (народное жилище, календарные праздники, места богомолья и т.д.), так и по современной колхозной жизни (количество хозяйств, поголовье скота, основные направления дея-

тельность, распределение и оплата трудодней и т.п.). Сурен Сааруни в этой экспедиции записей не вел.

²⁵ *Лалаян Ерв.* Борчалу. — Этнографический журнал. Т. 2. Тифлис, 1898 (на арм. яз.).

²⁶ Дневник Лорийской экспедиции, л. 9, 10, 16.

²⁷ Других материалов этой экспедиции обнаружить не удалось; она была вдвое продолжительней, чем предыдущая, и охватывала более десяти селений: Шаали, Степанаван, Вардаблур Калинино (ныне г. Ташир), Шахназар, Леджан, Ягдан, Узунлар (ныне Одзун), Кохб, Коты, а также Севкар и Иджеван прилегающего историко-этнографического района Тауш.

²⁸ Дневник Лорийской экспедиции, л. 40—42 об.

²⁹ Там же.

³⁰ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 383, л. 1.

³¹ *Гюзаян Е.Т.* Традиционная одежда персидской армянки, л. 5; Традиционная женская одежда Тимара (бывш. Западная Армения. — *Л.В.*), л. 1 (рукопись на арм. яз.). Материал хранится в личном архиве М.К.Казарян.

³² С.Д.Лисициан в 1920—1930 гг. составил до сих пор остающиеся в рукописи подробные этнографические описания ряда историко-этнографических регионов бывшей Западной Армении — Шатаха, Сасуна, Мокса, Алашкерта, а также собрал материал по традиционному народному жилищу Вана, Буланыха, Харберда, Рштуника и др.

³³ АГМИА, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 31, 70.

³⁴ *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 24.

³⁵ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 10.

³⁶ Это селения Карсах, Сулда, Дилиф, Гюмбурда, Пока, Цухрут, Гандза, Цхалтбила, г. Ахалцха. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 108—118.

³⁷ Там же, д. 110, тетр. 2, л. 13—16.

³⁸ Дневник Ахалкалакской экспедиции, 1936 г., Ахалкалакский район (далее — Дневник Ахалкалакской экспедиции) — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 119, тетр. 3, л. 4 об.

³⁹ Материал охватывает все основные аспекты традиционной материальной и духовной культуры, социальных отношений, а также новых черт быта. Здесь имеются описания сельскохозяйственных орудий, форм землепользования, хозяйственной взаимопомощи, поселений, традиционного жилища и его утвари, мер веса, традиционной одежды, календарных праздников, свадебной обрядности, внутрисемейных отношений, имущественного права, мест богомолья, ряда магических приемов, а также довольно редкий для записей С.Д.Лисициана фольклорный образец — эпическое сказание об отце Кероглы. Кроме того, Сурен Сааруни очень обстоятельно и подробно (9 ученических тетрадей объемом в 100 листов) записал сказание «Вард и Манушак» (Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 189).

⁴⁰ Дневник Ахалкалакской экспедиции, тетр. 2, л. 6.

⁴¹ Там же, тетр. 1, л. 4—4 об.

⁴² Там же, тетр. 3, л. 2 об.

⁴³ Там же, тетр. 1, л. 9 об.—10.

⁴⁴ Там же, тетр. 2, л. 6 об.—9.

⁴⁵ Там же, тетр. 3, л. 6 об.—7.

⁴⁶ Отметим, что все пять указанных выше экспедиций были организованы С.Д.Лисицианом за счет внемузейных средств, которые находил он сам, и получены они были от Комитета восстановления Зангезура, Комитета помощи Армении, специальных средств Наркомпроса Армении. См.: *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 24.

⁴⁷ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 87.

⁴⁸ Лисициан С.Д. Исторический очерк, л. 25.

⁴⁹ АГМИА, ф. 1, д. 46, л. 3, д. 399, л. 2 об.

⁵⁰ Лисициан С.Д. Исторический очерк, л. 34.

⁵¹ Там же.

⁵² Евгения Гюзальян активно занималась и общественной работой: была председателем профкома музея, вела протоколы собраний, участвовала в кампании по ликвидации неграмотности: в 1934 г. решением производственного совещания музея к ней была прикреплена одна из неграмотных сотрудниц (АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 4). Среди семейных реликвий сохранились членский билет Союза воинствующих безбожников (время вступления — 1929 г., марки об уплате взносов за 1930—1931 гг. — это еще ее студенческие годы в Ленинграде); удостоверение № 78 Института марксизма-ленинизма ССРА (январь 1932 г.); книжка (№ 5) Ударника (профсоюз Политпросветсоюз, предприятие «Культурно-исторический музей», дата выдачи — 2 мая 1935 г.)

⁵³ Кафадарян К.Г. Государственный Исторический музей. — АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 8, 9.

⁵⁴ Казарян Каро Никитич — член партии с 1918 г., участник Гражданской войны, выпускник исторического факультета МГУ, долгие годы находился на партийной и советской работе: в 1930—1932 гг. — заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Армении, в 1932—1937 гг. — директор Института истории партии, до ареста — лектор Ереванского государственного университета.

⁵⁵ Григорян Мелкон Ервандович, член партии с 1926 г., до ареста — первый секретарь Кафанского РК КП(б) Армении.

⁵⁶ ЦГАНИ РА. Следственное дело Евгении Гюзальян, ф. 571, оп. 5, д. 411, л. 28, 38.

⁵⁷ Там же, л. 38.

⁵⁸ Там же, л. 61—63.

⁵⁹ Отметим, что все дети в этой семье получили музыкальное образование и хорошо музицировали. Сама Женя особенно любила Шопена, часто играла по слуху.

⁶⁰ Автор приносит глубокую благодарность дочери Назик Гюзальян — Мери Карповне Казарян, которая при написании данной статьи помогла своими рассказами и воспоминаниями восполнить и уточнить скудные биографические данные о Жене Гюзальян и ее семье, предоставила возможность ознакомиться с хранящимися у нее материалами и семейным альбомом.

М.Ю.Сорокина

*Круги жизни
Николая Мартиновича —
ученого, дипломата,
эмигранта*

Что важнее для развития науки: деньги или свобода? Еще совершенно очевидный в тоталитарном вчера, ответ на этот вопрос сегодня видится более проблематичным. Советский и постсоветский периоды предоставляют отрезвляющий и даже шокирующий материал для ответа на этот вопрос, отмечает известный американский историк российской науки Лоран Грэхэм в недавно изданной книге «Чему нас учит опыт российской науки и технологии»¹. Очень немногие из живущих за пределами бывшего Советского Союза, констатирует историк, имеют ясное представление об экстремальных условиях — будь то масштабы фаворитизма, который был присущ науке в СССР, или репрессий, которую она подвергалась на протяжении жизни двух последних поколений. Однако необыкновенный расцвет многих научных дисциплин в годы сталинского режима и их стагнация в условиях демократического реформирования ставят «обескураживающие», по выражению американского историка, вопросы перед науковедами.

История российской этнографии как самостоятельной научной дисциплины, особенно в советское время, до сих пор остается еще недостаточно изученной, и нет еще ясности, в какой мере потери российского сообщества этнографов в первой половине XX столетия, вызванные как эмиграцией ученых после октябрьского переворота 1917 г., так и политическими репрессиями 20-х—начала 50-х годов, повлияли на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию этнографических исследований в одной из самых полиэтничных стран современного мира².

Только с первой волной послеоктябрьских политических преследований и эмиграции ученых Россию покинули (или не воз-

вратились) В.И.Иохельсон, С.М.Широкогоров, В.Ф.Минорский, Н.А.Невский, В.П.Никитин, В.А.Иванов и ряд других крупных или обещавших стать таковыми исследователей³. Однако в недавно изданной энциклопедии «Русское зарубежье: Золотая книга русской эмиграции» (М., 1997) нет вообще ни одного имени этнографа, за исключением выдающегося япониста Н.А.Невского*.

То, что стало потерей для российского научного сообщества и для российского национального самосознания в целом, обернулось значительным приобретением для мировой этнографии. Арестованный ЧК в начале мая 1921 г. и освобожденный после заступничества А.М.Горького выдающийся этнограф-северовед Владимир Ильич Иохельсон (1855—1943) в 1922 г. эмигрировал в США⁴, где издал на английском свои важнейшие монографии по истории, этнологии и антропологии северных народов (алеутов, юкагиров и др.)⁵. Профессиональный революционер, народник, он был впервые арестован в 1885 г. и провел два года в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Высланный затем на 10 лет на Колыму, Иохельсон начал там свои научные исследования. Участник Якутской сибиряковской экспедиции Д.А.Клеменца (1895—1897), руководитель корякско-юкагирского отряда Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition; 1899—1902) и этнографической части экспедиции Ф.П.Рябушинского на Камчатку и Алеутские острова (1909—1910), действительный член Русского географического общества и профессор Петроградского университета — вот далеко не полный перечень вех научной биографии В.И.Иохельсона, определяющих значительную роль ученого в истории этнологического освоения российских северных территорий.

Известный этнолог, лингвист, археолог и антрополог, исследователь Сибири и стран Дальнего Востока Сергей Михайлович Широкогоров (1887—1939)⁶, до революции совершивший ряд экспедиций в Забайкалье, Якутию, Приморье, в том же, 1922 г. эмигрировал в Китай и в дальнейшем преподавал в университетах Пекина, Шанхая, Амоя и Кантона. Именно в годы эмиграции вышли его основные труды по тунгусоведению, сибирскому шаманизму, системе родства и социальной организации у тунгусов и маньчжуров, физической антропологии национальных меньшинств в Китае, теоретической этнологии, социологии и лингвистике, навсегда закрепившие за ним репутацию одного из самых крупных ученых-этнологов XX в.

* Об особенностях жизненного пути Н.А.Невского, находившегося в 1915—1929 гг. в Японии, и его трагической судьбе (расстрелян в 1937 г. в Ленинграде как «японский шпион») см.: *Решетов А.М.* Н.А.Невский как этнограф. — ЭО. 1993, № 6, с. 115—127. — *Ред.*

Не вернулся на родину после революции 1917 г. и выдающийся русский тюрколог, выпускник Лазаревского института восточных языков Владимир Федорович Минорский (1877—1966). По словам его учителя А.Е.Крымского, Минорский «превосходно <...> владел всеми восточными языками, он изъездил Персию вдоль и поперек, знает ее, понимает ее. По убеждениям это человек кристальной честности и неподкупности»⁷. Первый секретарь посольства и поверенный в делах России в Персии, Минорский до 1919 г. оставался в этой стране, а затем жил во Франции, где с 1923 г. читал лекции по истории персидской литературы в Национальной школе восточных языков. С 1932 г. ученый преподавал в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете, позднее в Кембридже, где и скончался, завещав, однако, похоронить себя в России⁸.

Николай Николаевич Мартинович (1883—1954), одной из областей научных интересов которого были этнография и фольклор турок Малой Азии, принадлежал к той линии дореволюционного практического/прикладного востоковедения, в рамках которой выросла целая генерация российских ориенталистов-дипломатов. Состоявшие на службе по ведомству Министерства иностранных дел Н.В.Ханыков, Ч.Валиханов, Н.Ф.Петровский, В.А.Жуковский, П.А.Дмитревский, В.Ф.Минорский, В.П.Никитин, Л.В.Урусов, А.Н.Мандельштам, А.Н.Шебунин и др. по своим творческим интенциям считали себя историками, фольклористами, этнографами. Многие из них гармонично сочетали интерес к седой древности, многовековым традициям и культуре восточных народов с изучением новейшей политической и экономической истории стран пребывания; другие явно тяготились дипломатической чиновничьей лямкой, служившей для них преимущественно средством к существованию. Внутреннюю, психологическую драму этой группы русских ориенталистов, к которой относился и Н.Н.Мартинович, образно выразил в дневнике иранист В.П.Никитин, почти 30 лет эмиграции прослуживший в парижском банке: «Сердце тянет больше к изучению персидской психики, чем к рассмотрению ввоза в Египет сапожного инструмента»⁹.

Первая печатная работа Николая Мартиновича, тогда еще студента Петербургского университета, — краткий отчет о командировке в Малую Азию — была опубликована в 1907 г.¹⁰; последняя — монография "The Turkish Theatre" вышла вторым изданием в Нью-Йорке в 1968 г., через 14 лет после кончины автора. Пересеченная репрессиями жизнь ученого оказалась разделена на две равновеликие части: в 1917 г. ему исполнилось 34 года, и почти столько же лет он провел в эмиграции. После трех арестов(!) Мартинович бежал из России в 1922 г. и всю дальнейшую жизнь

Н.Н.Мартинович— студент

провел в США, где в 40 милях от Нью-Йорка, в местечке Спринг Вэлли (Spring Valley), и был похоронен на кладбище православного Ново-Дивеевского женского монастыря¹¹.

Научная судьба Николая Мартиновича являет пример иного рода, чем внешне «благополучные» биографии В.И.Иохельсона, С.М.Широкогорова или В.Ф.Минорского. Несмотря на то что в эмиграции он стал членом Королевского Азиатского общества Великобритании, Азиатского общества в Париже, Персидского общества США и других влиятельных профессиональных ориенталистских организаций, академическая карьера Мартиновича в США не сложилась. Перебиваясь краткосрочными контрактами на преподавание, в 20—30-е годы он преимущественно занимался описанием восточных коллекций крупнейших американских библиотек и музеев (Нью-Йоркской публичной библиотеки, Музеев изящных искусств в Бостоне и Филадельфии, а также ряда частных собраний)¹². Выброшенный октябрьским взрывом из привычных условий жизни, Николай Мартинович, как и многие его соотечественники-эмигранты, с трудом адаптировался к заокеанскому социокультурному ландшафту, который так никогда и не стал для него естественной средой.

Несмотря на эмигрантское «клеймо», на родине имя ученого не было вычеркнуто из историографических обзоров российской тюркологии¹³. Его не забывали, хотя и «похоронили» в отечественной историографии в 1939 г., между тем Николай Мартинович прожил еще 15 лет. «Железный занавес» идеологического противостояния времен «холодной войны» оказался куда менее проницаемым для интеллектуального информационного обмена, чем самые кровавые ежовско-бериевские 30-е или «сороковые-роковые» (Д.Самойлов). Настоящая статья выросла из поиска биографических материалов ученого для Биобиблиографического словаря репрессированных отечественных востоковедов; она лишь намечает контуры судьбы одного из тех русских представителей «науки о Востоке» (В.М.Алексеев), чья жизнь и деятельность оказались поделенными между странами и континентами.

* * *

Н.Н.Мартинович родился 27 апреля 1883 г. (ст. ст.) в Петербурге в дворянской семье чиновника Министерства внутренних дел, надворного советника Николая Павловича Мартиновича¹⁴. Он учился в 1-й Петербургской, а затем в Новгородской классической гимназии, которую окончил в 1901 г. Летом того же года Мартинович подал прошение ректору Императорского Петербургского университета о зачислении на факультет восточных языков по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду. По-видимому, выбор специальности и языкового региона был продиктован не в последнюю очередь семейными традициями: отец Мартиновича недолго служил в МИДе, возможно, в Румынии и Турции, куда во время учебы Николай неоднократно просил об отпуске по семейным обстоятельствам¹⁵. В апреле 1907 г. он получил выпускное свидетельство Петербургского университета¹⁶ и начал свою службу в МИДе, где был причислен к 1-му департаменту.

На протяжении 1907—1914 гг. Николай Мартинович служил в российских дипломатических представительствах в Александрии, Афинах, Салониках, Стамбуле, на Крите¹⁷. Малоазийское направление в эти годы занимало важное место во внешней политике Российской империи, политические, конфессиональные и торговые интересы которой в этом регионе постоянно сталкивались с геополитической экспансией других европейских держав. В посольствах и консульствах России на Ближнем и Среднем Востоке работала целая когорта русских дипломатов, настоящих знатоков Востока, его исторического менталитета и культурных традиций, — И.А.Зиновьев, А.М.Петряев, А.И.Щербатской,

В.Ф.Минорский, А.Н.Шебунин, А.Н.Мандельштам и др. Общие и совместная работа с ними могли серьезно способствовать карьерному росту молодого дипломата, однако в МИДе Мартинович оставался на третьестепенных ролях, по-видимому, и не собираясь продвигаться по служебной лестнице. Его главные интересы лежали в научной плоскости; при первой же возможности он оставил дипломатическую службу и в 1915 г. стал приват-доцентом Петербургского университета, где преподавал до самого 1922 г. В 1916 г. Мартинович сдал в Петроградском университете экзамены на звание магистра турецко-татарской словесности, с 1917 г. читал там ряд факультативных курсов по истории турецкой литературы и языка: «История османской поэзии и чтение поэтических текстов», «Иносказательные формы в османском языке и литературе», «Особенности слога в романах Кемаль-бея»¹⁸, а после революции недолго профессорствовал в Петроградском институте живых восточных языков.

* * *

Отношения с Османской империей были одним из приоритетных направлений внешней политики России в XVIII—XX вв. Однако интенсивность научного освоения одного из главных мировых центров пересечения христианской и мусульманской цивилизаций существенно отставала от динамики дипломатического общения, и в конце XIX—начале XX в. бывший Константинополь, а теперь Стамбул еще оставался «запретным городом» для европейской науки¹⁹. Только благодаря изменению геополитической конфигурации и дипломатической поддержке основанный в 1894 г. и руководимый акад. Ф.И.Успенским Русский археологический институт в Константинополе первым из иностранных научных учреждений получил от турецких властей право на ведение археологических раскопок в храмах города²⁰. Между тем сам Ф.И.Успенский отмечал, что русские не пользуются на Востоке тем же почтением, «которое внушили к себе "франки", т.е. западные европейцы. И это потому, что в международном состязании на Ближнем Востоке мы не заняли передовых и важных позиций, что мы не подействовали на воображение турок ни нашими культурными учреждениями, ни школьными постройками, религиозными миссиями, благотворительными организациями и промышленными предприятиями, какowymi столь искусно воспользовались в Турции французы, англичане, немцы и итальянцы»²¹.

Действительно, несмотря на первостепенную важность турецкого направления, к началу XX в. туркология, или османистика,

была молодой востоковедной дисциплиной в России. Первым русским тюркологом, избравшим основной специальностью изучение истории Турции, ее языка и литературы, стал Владимир Дмитриевич Смирнов (1846—1922)²². Почти 40 лет — с 1873 по 1919 г. он возглавлял кафедру турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петербургского университета и читал все основные тюркологические курсы — по османскому языку, истории и литературе.

По университетской генеалогии Смирнов был непосредственным наставником Николая Мартиновича, однако своего «официального» учителя последний называл позднее «мой мучитель». Возможно, за этой лаконичной, но выразительной формулировкой стояла острая внутриинституциональная борьба так называемых русской и немецкой научных партий²³, сопровождавшая развитие как османистики, так и в целом университетской и академической науки в России. По определению современных историков востоковедения, В.Д.Смирнов «прошел *русскую* (курсив мой. — М.С.) школу востоковедения»²⁴, своим учителем он почитал В.В.Григорьева (1816—1881) — известного сторонника «русского колониализма» в Средней Азии. Публицист правого толка и цензор мусульманских изданий Смирнов вызывал резкое осуждение либеральных научных кругов, обвинявших его в целенаправленном торможении культурного роста российского мусульманства. По-видимому, Мартинович, кадет по политическим симпатиям, и в науке предпочел другую профессиональную родословную — своими подлинными наставниками он считал прежде всего арабиста Виктора Романовича Розена (1849—1908) и тюрколога Василия Владимировича Бартольда (1869—1930)²⁵.

Еще в студенческие годы Николай Мартинович проявил склонность к научным занятиям. В его небольшом личном фонде в рукописном отделе Российской национальной библиотеки²⁶ сохранились ученические статьи «Греко-бактрийское царство» (1902), «Обзор путешествий европейцев в Аравию» (1903)²⁷ и др. В годы учебы при поддержке факультета восточных языков Мартинович неоднократно ездил в научные командировки, являвшиеся обязательной составляющей университетского учебного процесса. В 1905 г. он побыл в Брусе — бывшей столице Османской империи (до Адрианополя) и отчет об этой поездке представил в виде доклада на заседании Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1906 г.²⁸. Страна, в которой абсолютно органично сосуществовали и соседствовали многовековая история и жгучая современность, представляла большой этнографический интерес для ученых. Вместе с будущим академиком тюркологом В.А.Гордлевским (1876—1956) Мартинович

собирал и записывал в Брусе в кофейнях, выполнявших функцию своего рода местных клубов, обширный фольклорный материал — от старинных османских заклинаний против змей до дестанов, посвященных войне России с Японией (1904—1905). Описания игр, национальных кварталов Брусы — армянских, греческих, еврейских, различных сект, обычаев и праздников, погребальных обрядов, тексты песен, дестанов и пьес народного театра, музыка, пословицы (с русскими эквивалентами) — весь собранный Мартиновичем материал вошел в его доклад для ИРГО и был сразу опубликован. Особый интерес молодой ученый проявил к проблеме межкультурных и межконфессиональных контактов. В докладе он специально выделил факт наличия множества нетурецких школ: армянских, греческих, иезуитских, протестантских и др. В то же время изучение контактов и жизни славянских переселенцев в инокультурной среде также привлекало внимание Николая Николаевича, и он собирался совершить поездку к некрасовцам — русским казакам-старообрядцам, издавна поселившимся в Турции на Маниас-Голе и озере Майнос²⁹.

Серьезный научный успех первой поездки Мартиновича в Малую Азию способствовал тому, что уже летом следующего, 1906 г. он вновь туда командирован Университетом для научных занятий³⁰ при поддержке Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Если во время поездки 1905 г. молодой ученый экспериментально нащупывал будущие приоритетные направления своих исследований и собирал самые разнообразные этнографические материалы, то экспедиция 1906 г. была уже целенаправленно посвящена той области турецкой культуры, изучением которой Мартинович будет заниматься всю жизнь, — народному театру. В г. Ески-Шехир он записал множество турецких народных сказок (в том числе «об угадчике поневоле»), легенд, загадок, а также новый вариант весьма распространенного сюжета о «старике-ворожее» (имеющегося в норвежском, немецком, арабском, персидском, индийском фольклоре).

Главным содержанием поездки 1906 г. стало изучение турецкого кукольного театра *карагöz*, подробному описанию которого Мартинович посвятил свою самую большую дореволюционную научную статью³¹. Отечественных предшественников в разработке этой темы у него практически не было; только в 1903 г. в Тифлисе В.Ф.Минорский издал небольшую книжку «Константинопольские увеселения», в которой несколько страниц посвятил этому театру. Кроме того, несколько пьес *карагöза* были записаны еще И.Куношем и помещены в 8-м томе «Образцов» В.В.Радлова³². Таким образом, работа Мартиновича, основанная на лич-

ных беседах ученого с исполнителями *карагöза* и собранном им фольклорном материале во время поездок в 1905 и 1906 гг., стала новаторской для отечественной этнографии.

«Карагöз», пояснял в статье ученый, значит «черноглазый»; так называется главное действующее лицо представления, поэтому и сам театр получил такое наименование. *Карагöз* был одной из самых любимых народных забав в период рамазана — мусульманского месяца поста, во время которого только вечером разрешается обедать и веселиться. Он устраивался в кофейнях и очень напоминал так называемые «китайские тени», которые в России показывали на волшебном фонаре. Мартинович дает обстоятельный разбор историографии происхождения этого театра у турок, детально описывает его внешнее и внутреннее устройство, роли и функции *хайалджи* — артиста-импровизатора, управляющего куклами, а также сами отдельные куклы (калека, тюрк, еврей, греческий поп, европеец) и ход пьес. В приложении к статье Мартинович опубликовал свой перевод с турецкого языка пяти пьес *карагöза*.

Исследование *карагöза* снискало широкое научное признание и создало его автору репутацию многообещающего молодого ученого. Главный печатный орган отделения этнографии ИРГО журнал «Живая старина» предложил Мартиновичу опубликовать собранные материалы в выпуске, посвященном 50-летию ученой деятельности акад. В.В.Радлова³³; ИРГО удостоил его в 1906 г. золотой медали, наконец, наряду с самыми известными русскими учеными — В.В.Бартольд, И.А.Бодуэном де Куртенэ, С.К.Буличем, И.Ю.Крачковским и др. — Мартиновича пригласили участвовать в сборнике в честь 70-летия Г.Н.Потанина³⁴.

Однако после поступления Н.Мартиновича на службу в МИД его контакты с научными обществами становятся более эпизодическими. Еще в 1909 г. он выступил в ИРГО с докладом «Несколько слов о малоазийских кочевниках (юрюках)»³⁵; 30 апреля того же года на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (ИРАО) Мартинович представил сообщение о новом сборнике стихов Джелаль-эд-Дина Руми³⁶; 26 ноября — сообщение «Несколько слов о турецких рукописях библиотеки Римской Академии наук»³⁷. Однако сведения о других научных работах Мартиновича этого периода относятся уже только к 1915 г.: 26 ноября он выступил в Восточном отделении ИРАО с сообщением «Из критских впечатлений турецкого путешественника XVII в. и русского XX в.»³⁸, а в 1918 г. представил для обсуждения в Русском Библиологическом обществе доклад «Турецкие библиотеки»³⁹. Кроме того, в архиве акад. В.В.Бартольда сохранилась корректура статьи Марти-

новича «Турецкие историки о Крите. Хасан Кюрди»⁴⁰, предназначавшейся для невышедшего журнала «Мир ислама» (№ 2).

Спад печатной научной активности Мартиновича к концу 10-х годов был, по-видимому, связан не только с переориентацией его научных интересов с исторических и этнографических сюжетов на филологические, но и с тем, что в эти годы Николай Николаевич активно участвовал в политической деятельности конституционно-демократической партии (кадетов). «Я был левый кадет, — писал он в 1946 г. историку Г.В.Вернадскому, — даже член Петербургского центрального комитета партии, сподвижник, хотя и младший, Милюкова, Шингарева, Винавера, Дубоссарского и др.»⁴¹. Сегодня эта сторона его жизни малоизвестна, однако вряд ли приходится сомневаться в том, что именно она стала причиной пристального внимания к Мартиновичу со стороны ВЧК после октябрьского переворота 1917 г.

* * *

Впервые Николай Мартинович был арестован в начале сентября 1919 г. в группе университетской кадетской профессуры по делу «Национального центра» — нелегальной организации, объединявшей представителей различных политических партий (кадеты, эсеры) и общественных организаций, пытавшихся противостоять большевикам. Еще 22 августа 1919 г. заместитель начальника Особого отдела ВЧК И.П.Павлуновский проинформировал В.И.Ленина о раскрытии организации и готовящейся ВЧК операции по аресту ее участников. На следующий день председатель СНК выдал письменную директиву Ф.Э.Дзержинскому: «На прилагаемую бумажку, т.е. на эту операцию, надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»⁴². И с 28—29 августа начались повальные аресты в обеих столицах.

Костяк «Национального центра» составляли кадеты — члены партии, наиболее популярной в среде интеллигенции, особенно элитарной, что дало повод ЧК произвести большую «очистительную» операцию среди столичной и московской интеллигенции. «Нельзя не арестовывать, — писал в эти дни В.И.Ленин, — для предупреждения заговоров, всей кадетской или околкадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 [рабочих и крестьян] были перебиты. Ей-ей лучше»⁴³.

В соответствии с таким классовым подходом в качестве превентивной меры ЧК в начале сентября провела массовые аресты

и обыски. «По слухам, — писал один из многолетних руководителей Литературного фонда Ф.Д.Батюшков, — аресты производились по прежним спискам кадетской партии, ныне совершенно рассеянной, без разбора степени активности того или иного лица в борьбе политических партий. Забирались люди, ставшие на работу культурно-просветительного характера, даже состоявшие на советской службе при Комиссариате народного просвещения»⁴⁴.

Аресты в Петрограде затронули прежде всего Университет. Специальное дело, заведенное в канцелярии Университета в связи с осенними арестами, дает наглядное представление об их динамике и направленности⁴⁵. Первая волна прошла 2—4 сентября. Кроме Мартиновича были арестованы профессора и преподаватели-гуманитарии — Д.Д.Гримм (римское право), А.М.Кулишер (государственное право), П.Г.Мижув (всеобщая история), О.А.Добиаш-Рождественская (всеобщая история), Н.Н.Розин (уголовное право), С.К.Булич и Л.В.Щерба (сравнительное языкознание), М.Я.Пергамент и Б.С.Мартынов (гражданское право), Л.В.Ходский (финансовое право), Н.А.Буш, С.Ф.Ольденбург (востоковедение) и профессор-зоолог К.М.Дерюгин. Через 10 дней, 11—14 сентября, последовала еще одна волна, менее обширная (аресты профессора-политэконома А.И.Буковецкого, С.Е.Рынкевич, В.М.Нарбута и др.). Таким образом, число арестованных по Петроградскому университету достигло 19 человек, а составленная Объединенным советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда «таблица» арестованных осенью 1919 г. ученых насчитывала 116 чел.⁴⁶.

Почти сразу же ректор Петроградского университета, известный филолог-классик С.А.Жебелев стал рассылать ходатайства за арестованных. Прежде всего официальные бумаги пошли в Наркомат просвещения; характер ареста казался абсолютно ясным ректору; в письме к замнаркома просвещения З.Г.Гринбергу он четко определил, что ученые находятся под «политическим арестом»⁴⁷. 18 сентября 1919 г. за подписью ректора С.А.Жебелева и членов Президиума правления университета Д.К.Петрова, Н.Я.Марра и И.Ивановского была составлена форма «поручительства» Университета за арестованных коллег: «Президиум 1-го Петроградского университета настоящим дает подписку в том, что он согласен взять на поруки...»⁴⁸. Возможно, ее содержание было подсказано или продиктовано непосредственно людьми из ЧК, хорошо понимавшими, что подобными «поручительствами» они создают систему тотального страха и круговой поруки, при которой «заключенные» и «еще свободные» оказываются нравственно и событийно повязаны; все они плотно обволакивались единой

сеть, вход и выход из которой надежно контролировался ЧК. Используя поручительства, чекисты достигали и другой цели — пофамильного выявления потенциальной оппозиции, пусть она носила не конкретный политический, а скорее морально-этический характер; в глазах карателя это не имело значения. Одновременно достигался эффект деморализации ученой среды: необходимость делать нелегкий для многих выбор гражданской и морально-нравственной позиции — ставить свою подпись под поручительством или нет, зная о возможных негативных последствиях, — безусловно, вызывала значительный душевный разлад. Произвол, насилие, тревога за близких, понимание абсолютной бесконтрольности ЧК — все это создавало ощущение безысходности.

Первая массовая кампания преследований научных работников по политическим взглядам вызвала ответную реакцию самых различных общественных кругов. Карательная политика ЧК обеспокоила не только самих представителей интеллигенции, но и наиболее дальновидных большевистских руководителей. 6 сентября 1919 г. уполномоченный Наркомпроса по Петрограду М.П.Кристи писал наркому просвещения А.В.Луначарскому: «В течение последней недели в Петрограде, по распоряжению ЧК, арестовано несколько десятков ученых и профессоров. Аресты эти совершенно дезорганизовали местные высшие учебные заведения и создали такую моральную атмосферу, при которой невозможны никакие занятия. С таким тяжелым положением необходимо было бы примириться, если бы оно являлось неизбежным следствием мероприятий, предпринятых в более важных государственных интересах и с необходимой в данном случае осторожностью и тактичностью. Но аресты таких всемирно известных ученых, как академики Ольденбург и Белопольский⁴⁹, без всякого серьезного для этого основания, дают только лишний повод нашим врагам за границы для обвинений Советской власти в разгроме русской науки. Большинство ученых арестовано в настоящее время как бывшие члены кадетской партии. Но многие из них никогда в этой партии не состояли, а были рекомендованы ею при выборах в Городскую думу, а между тем списком этих кандидатов, по-видимому, и руководятся при происходящих сейчас массовых арестах так называемых кадетов. Но даже бывшая принадлежность к этой партии в свое время является крайне ошибочным критерием для определения нынешней политической физиономии большинства ученых. Из знакомства моего с этим миром в качестве заведующего Петроградскими учеными учреждениями и высшими учебными учреждениями я могу утверждать, что большинство из них примирилось с Советской вла-

стью и относилось к ней вполне лояльно. Процесс этот с течением времени и по мере укрепления Советской власти как организованного государства захватывал все большие круги интеллигенции, оставшейся в пределах Советской России и убеждающейся на опыте в ее широкой культурно-просветительной цели. К сожалению, такие мероприятия, как массовые аресты, производящиеся сейчас по примитивным соображениям и методам и носящие поэтому характер настоящего погрома на интеллигенцию, отбрасывают нас к первой стадии стихийной пролетарской революции и уничтожают все достигнутые моральные завоевания. На всю неосмотрительность, вредность и бесцельность подобных мероприятий, затрагивающих и расстраивающих очень сложную и чувствительную сторону государственного культурного аппарата страны, считаю долгом обратить внимание народного комиссара по просвещению и просить его сделать самые срочные и настоятельные представления, куда следует, о прекращении подобных арестов и об освобождении уже арестованных, если за ними нет в настоящем никаких инкриминирующих преступлений, а я утверждаю, что такие лица, как академик Ольденбург, профессора Буш, Осипов, Депп, Добиаш-Рождественская и многие другие, вполне лояльны к Советской власти, которая на исходе своего двухлетнего существования имеет уже возможность и должна, в широких государственных интересах, представить гражданам элементарные гарантии личной свободы»⁵⁰.

Привожу это письмо целиком, ибо оно выражает концептуальную платформу культурной политики тех представителей новой власти, которые, разделяя идеологию большевизма, все же видели и понимали необходимость создания основ гражданского согласия и сотрудничества всех социальных слоев российского общества. В качестве базового принципа они выдвигали идею «государственной пользы» — этатистскую по сути и столь понятную и созвучную патриотическим устремлениям либеральной интеллигенции. Эту основополагающую идею государственного строительства разделяли многие ученые. Именно здесь возникала почва для взаимопонимания, и ее эрозия действиями ВЧК при поддержке или молчаливом согласии большевистских лидеров болезненно воспринималась интеллигентами самых различных политических ориентаций.

Важную роль в наведении мостов между новой властью и интеллигенцией играл в это время М.Горький. Период с сентября по ноябрь 1919 г. стал для него временем напряженной полемики с В.И.Лениным. В первом же письме председателю СНК от 6 сентября 1919 г. писатель, излагая свой взгляд на красный террор по отношению к интеллигенции и свое понимание роли

интеллигенции в жизни общества, жестко заявил: «Я становлюсь на сторону этих людей и предпочитаю арест и тюремное заключение участию — хотя бы и молчаливому — в истреблении лучших, ценнейших сил русского народа. Для меня стало вполне ясно, что "красные" — такие же враги народа, как и "белые"»⁵¹.

Это письмо было передано В.И.Ленину проф. Военно-медицинской академии В.Н.Тонковым, который специально приехал из Петрограда в Москву ходатайствовать об освобождении арестованных. В его записной книжке отмечено: «11 сент. После 7 часов с Луначарским — у Ленина. Беседовал с ним полчаса, даже спорил об аполитичности ученых (братья Пергамент); добился обещания о пайке, о скорейшем рассмотрении дела об арестованных и об освобождении их»⁵². Другая любопытная запись В.Н.Тонкова свидетельствует о том, как он передавал заступническое письмо Горького: «Я знал содержание письма и, не зная, как Ленин будет реагировать на него, утаил его от Ленина, чтобы не испортить беседы, которой мы придавали важное значение. И только уходя от него, сказал: "Да, вот письмо от Алексея Максимовича". Прочитав письмо, Ленин рассмеялся и сказал: "Горький как был ребенком в политике, так и остался..."»⁵³.

В самом деле, Тонков имел все основания опасаться реакции Ленина. Письмо Горького очень задело его. Ответ Ильича 15 сентября — раздраженный и резкий — не оставляет в этом сомнений: «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам для предупреждения избиения десятков тысяч рабочих и крестьян! <...> Таким "талантам" не грех посидеть недельки в тюрьме, если это *надо* сделать для *предупреждения* заговоров (вроде Красной Горки) <...> Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...»⁵⁴. Впрочем, 11 сентября, еще до приема Тонкова, на заседании Политбюро ЦК РКП(б), где присутствовали В.И.Ленин, И.В.Сталин, Л.Б.Каменев, Н.И.Бухарин, Ф.Э.Дзержинский и др., «по заявлению» Каменева, Луначарского и Горького рассматривался вопрос о «массовых арестах профессоров и ученых»⁵⁵ и было принято решение «предложить тт. Дзержинскому, Бухарину и Каменеву пересмотреть совместно списки и дела арестованных во время последних массовых арестов. Разногласия по вопросу об освобождении тех или других арестов[анных] вносить в ЦК»⁵⁶.

Понимая, что слово В.И.Ленина главное, но не единственное, Горький направил несколько очень резких писем-протестов и в другие адреса — председателю СНК коммун Северной области

Г.Е.Зиновьеву: «Аресты ученых не могут быть оправданы никакими соображениями политики, если не подразумевать под ними безумный животный страх за целостность шкуры тех людей, которые производят аресты»; немного позднее, непосредственно председателю ВЧК Ф.Э.Дзержинскому: «Я смотрю на эти аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны и заявляю, что <...> Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней»⁵⁷. Демарш М.Горького, конечно, имел определенное значение, однако и он не мог приостановить или тем более отменить волну террора, охватившую обе столицы. 23 сентября в московских газетах появилось объявление о 67 расстрелянных профессорах и общественных деятелях, через день, 24 сентября, питерские газеты сообщили о 29 расстрелянных в Петрограде. «Поймите же, — взывал М.Горький к В.И.Ленину в очередном письме, сознательно или нет, но существенно искажая положение дел, — что на той, на белой стороне порядочных людей почти нет, ни одного крупного человека из мира ученых — все они остались по эту сторону, и не ради заговоров, а в искренней надежде, что новый строй даст им широкую возможность работать. <...> Деппа — выпустили, очень рад и благодарен. Освободите Терешина, Осипова — один из лучших хирургов, — Буша, Ольденбурга, Щербу и вообще ученых»⁵⁸. В конце концов в течение осени—зимы 1919—1920 гг. основная часть арестованных по «кадетскому» делу ученых была отпущена. Но главная цель была достигнута — интеллигенции был продемонстрирован наглядный урок поведения в новом обществе.

Подробностей о двух других арестах Н.Н.Мартиновича — в 1920 и 1921 гг. — пока обнаружено крайне мало. З.Г.Мицц по материалам фонда Комиссии по улучшению быта ученых (№ 2995), хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, приводит архивное свидетельство обращения М.Горького в Петроградскую ЧК 3 мая 1920 г. с просьбой о срочном допросе Мартиновича и его освобождении в случае признания невиновным⁵⁹. Данные об аресте ученого как члена кадетской партии в ночь на 27 мая 1921 г. содержатся в сборнике документов «В.И.Ленин и ВЧК»⁶⁰; по-видимому, этот арест мог быть связан с началом репрессий по известному «Таганцевскому делу».

* * *

После освобождения из заключения Мартинович не стал ожидать четвертого ареста и где-то между июнем и ноябрем 1922 г. бежал на запад традиционным и налаженным для русских интеллигентов, в том числе востоковедов, путем — через Фин-

ляндию (так ушли из России японист С.Г.Елисеев, монголист А.Д.Руднев, сын академика-индолога историк С.С.Ольденбург и многие другие)⁶¹. В течение 1923 г. ученый жил в Праге, где тесно общался с выдающимся академиком-византинистом Н.П.Кондаковым и его учениками-евразийцами, прежде всего с историком Георгием Владимировичем Вернадским (1887—1973)⁶², которого хорошо знал по совместной работе в Петроградском университете и кадетской партии. Пражские связи сохранились на всю жизнь, и впоследствии Мартинович публиковался в изданиях знаменитого Кондаковского семинария (*Seminarium Kondakovianum*)⁶³.

В начале 1924 г. Мартинович перебрался в США и, в отличие от многих эмигрантов, довольно быстро устроился работать непосредственно по специальности. Уже 24 апреля 1924 г. он выступал в Колумбийском университете на ежегодном съезде Американского общества востоковедения (*Annual Convention of the American Oriental Society*) с сообщением о своей работе над поэтическим наследием турецкой поэтессы Михри-хатун (ум. 1514)⁶⁴, вскоре получил трехлетний контракт на преподавание в этом университете арабского, персидского и турецкого языков и литератур, а также истории Средней Азии и начал читать два часа в неделю курс «Восточные элементы в русском эпосе».

Как удалось Мартиновичу так быстро обосноваться в США, пока остается неизвестным, как, впрочем, и большинство подробностей его американской эпопеи. Возможно, здесь свою роль сыграл выдающийся историк-античник, академик и кадет Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952), в 1918 г. уехавший из России, ставший профессором Йельского университета и неформальным дуайеном русской научной эмиграции. Несмотря на то что в частной переписке с известным византинистом А.А.Васильевым (1867—1953) Ростовцев весьма нелюбезно отзывался о Мартиновиче (ср. 9 ноября 1927 г.: «Ужасно скучный, довольно глупый и самохвальный болтун <...>»⁶⁵), однако на всем протяжении 1927 г. он постоянно следил за его судьбой в Колумбийском университете и даже просил своего друга, профессора этого университета У.Л.Вестерманна, помочь Мартиновичу⁶⁶.

Жизнь русской научной эмиграции в США существенно отличалась от европейской⁶⁷. «Русских академических организаций здесь нет никаких, руководящих людей тоже нет, — констатировал в 1927 г. историк Михаил Карпович (1887—1959), в будущем профессор Гарварда и редактор знаменитого "Нового журнала". — Есть отдельные лица, разбросанные по всей Америке, как Ростовцев, Васильев, Сорокин, Максимов⁶⁸, но никто из них никогда не проявлял желания объединиться или руководить»⁶⁹.

Типичное для довоенной Европы эмигрантское объединение русских ученых — «русская академическая группа» возникнет в США только в 1948 г., после значительного притока русских «европейских» беженцев. Отсутствие «национальных» организационных форм науки стало важным фактором быстрой адаптации многих русских ученых к чуждой профессиональной среде и в конечном счете способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Одновременно русские могли продолжать и, как правило, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, чему в немалой степени способствовали своеобразные русские коммуны в Нью-Хэвене, Питтсбурге, Чикаго и др., оказывавшие большую моральную и материальную поддержку соотечественникам.

Более удачливые русские американцы продолжали следить за судьбой менее успешных коллег и немало помогали им. Уже упоминавшийся Михаил Карпович информировал Г.В.Вернадского 9 апреля 1929 г.: «Здесь (т.е. в Гарварде) были Сорокин и Мартинович <...> Сорокин подавил меня своей важностью <...> около двух часов рассказывал лишь о своих успехах, о количестве (потрясающем!) написанных им книг и статей, о том, что какая-то его книга переведена даже на бенгальский язык и т.д. Мартинович, по своему обыкновению, про всех сплетничал и злословил. Его дела неважны. Он уходит из Колумбии и пока не нашел еще ничего другого»⁷⁰.

Однако, когда в 1937 г. в Йеле возникла преподавательская вакансия на кафедре санскрита и сравнительной филологии, возглавлявшейся выдающимся индологом Ф.Эджертоном, русские коллеги сделали все возможное, чтобы помочь Мартиновичу устроиться туда. А.А.Васильев писал Г.В.Вернадскому, работавшему в Йеле, 24 апреля 1937 г. из Мэдисона: «Его я знаю хорошо: в нем есть две очень положительные стороны: 1) его прекрасное знание турецкого языка, а также хорошее знакомство с персидским (знаком он и с арабским) и вообще хорошее знание Ближнего Востока; 2) искренняя преданность научной работе. Характер его бывает иногда, как мне говорили, не очень приятный; но за все долгие годы моего знакомства с ним я ни одной неприятности от него не видал. Выпить он иногда любит; но у него бывают и периоды, когда он совершенно не пьет. Мне кажется, что, если бы ему удалось попасть в Yale, даже на скромное жалование, и приобщиться к научной работе, это было бы для него большим поощрением и толчком к продолжению его научных работ. Он живет в New York в очень тяжелых условиях. Адрес его: Ник. Николаевич Martinovitch, 471 West 153 Street NYC. В лице Мартиновича Вы бы получили человека, которого можно

было бы использовать в нескольких направлениях. Затем, не забудьте, это даже при его тяжелых условиях, он продолжает работать: выпускает статьи, книги; и некоторые его тексты приняты были таким почтенным учреждением в Англии, как *Gibb Memorial*»⁷¹.

Последнее замечание касалось двух монографий Мартиновича, написанных на английском языке и сохранившихся в его личном архивном фонде в Отделе рукописей Нью-Йоркской публичной библиотеки (*New York Public Library, Department of Special Collections*), — "*Mihri Khatun, a Turkish Poetess of the XVth century*" и "*Battal and Danishmend*". В предисловии к книге о турецкой поэтессе Михри-хатун Мартинович писал, что идея этой монографии возникла еще во время работы на факультете восточных языков Петроградского университета. После того как вдова В.Д.Смирнова в конце мая 1922 г. передала Мартиновичу копию рукописи корпуса поэзии Михри, он непосредственно приступил к работе над текстом и 25 ноября 1922 г. в Гельсингфорсе на заседании Финно-угорского общества сделал первое сообщение⁷². В дальнейшем несколько крохотных заметок Мартиновича об этой работе появились в "*Seminarium Kondakovianum*", "*Encyclopaedia of Islam*" и в журнале "*The Moslem World*"⁷³, а в 1931 и 1949 гг. он вел переговоры о публикации обеих монографий со знаменитым английским "*Gibb Memorial Trust*", однако различные обстоятельства — от «дурного» характера автора, отсутствия стабильного профессионального статуса до проблем мировой геополитики — помешали их изданию, и они навсегда остались лишь «архивными рукописями».

* * *

Один из тех, с кем Н.Н.Мартинович поддерживал дружеские и научные контакты на протяжении всей жизни и кто его постоянно морально поддерживал, был известный евразиец, историк и преподаватель Йельского университета Георгий Владимирович Вернадский⁷⁴.

Переписка ученых продолжалась четверть века. Первое письмо Мартиновича Вернадскому датировано 19 сентября 1927 г.: «Приветствую Вас с приездом в Америку и желаю преуспевания», последнее — 14 октября 1951 г., буквально накануне болезни, приведшей Мартиновича к безвременной кончине. Десятки писем Николая Николаевича, сохранившиеся в фонде Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, — наглядное свидетельство того, что эпистолярный диалог двух русских ученых-эмигрантов охватывал широкий круг научных про-

блем истории России и сопредельных восточных территорий, и в то же время он ярко характеризует быт русской гуманитарной эмиграции, навсегда оторванной от России, но никогда не перестававшей осознавать себя «русской».

Вернадского и Мартиновича сближала душевная и научная открытость восприятия окружающего мира; благодаря обширным знакомствам и переписке они одновременно существовали в трех интеллектуальных мирах: американском, русском эмигрантском и советском. «Я за Вами пристально слежу с Петербурга, с "Ваших Масонов"⁷⁵, — признавался ему Мартинович 27 октября 1946 г. — Ими Вы обещали быть крупным. Вас, как и всех, временно испортила Прага — мнение не только мое, но даже самого Кондакова в его письмах ко мне. Слава богу, выбравшись оттуда, Вы вернулись на свой путь, хотя здесь и трудно заниматься наукой без Европы». И несколько ниже в том же письме еще одно признание: «Вы — "настоящий", не из той многочисленной группы, что появилась здесь и которую сами американцы называют "empty barrel"*». Поэтому плюйте на Ecole, Institute, не защищайте их и не обижайтесь на меня. Делайте свое дело, к которому чувствуете влечение, и кладите свой кирпич в пирамиду общечеловеческого знания».

Восприятие Америки, ее научной и образовательной систем — одна из центральных тем, обсуждавшихся учеными. Отношение Мартиновича к принявшей его стране постоянно менялось, причем вектор все более смещался в негативную сторону. Так, 26 декабря 1945 г. он писал: «*Странная страна* (здесь и далее курсив автора писем. — М.С.) Америка <...> Около 300 высших учебных заведений, в одной Columbia <...> около 2000 профессоров и преподавателей, в каждом квартале академия (даже бильярдная), в каждой подворотне институт, а ученых нет. Вроде А.К.Толстого:

Земля наша богата,
Порядка только нет.

Невольно вспоминаю слова, сказанные мне когда-то самим Ростовцевым (!) о курсах, читаемых здесь: "учеба". Он прав».

В письме от 27 октября 1946 г. он, в частности, писал: «Было хорошее издание "Byzantion", а сейчас затерли <...> А что здесь научно работать тяжело, отрицать нельзя: придет большой европеец и сидит молча или же должен печататься в Европе».

В то же время Мартинович внимательно следил за судьбой коллег-ориенталистов в СССР, с некоторыми из которых он пе-

* То есть «пустышка» (англ.).

реписывался до и после Второй мировой войны. Так, появление в 1946 г. в нью-йоркской русскоязычной газете «Новое русское слово» серии статей, подписанных «И.Крачковский», заставило Мартиновича немедленно написать в СССР, и уже 16 октября 1946 г. он сообщал Вернадскому: «Очень порадовал меня Крачковский. Надеюсь, помните его. Прислал длинейшее и интересное письмо. Сплошной мартиролог, но много ценной библиографии».

В следующем письме (27 октября 1946 г.) Мартинович поделился с Вернадским полученной с родины информацией: «Коковцов *погиб* от блокады 1 января 1942 г. Щербатской процветал, получил от властей назад свое имение в Боровичах, Новгородской губ., где умер в 1942 г.⁷⁶ *Давно погиб* (?) Самойлович⁷⁷, бывший предсмертно сделан академиком. Бертельс был в Ташкенте, прощен, сидит в Москве⁷⁸. Ромаскевич *пропал* без вести (?) в Ленинграде⁷⁹. Других имен Вы не знаете. Дает много библиографии; Вам, пожалуй, интересно только: выходит книга Н.В.Пигулевской, Византия и Иран. Прислал он [Крачковский] мне: 1) Труды второй сессии ассоциации арабистов. (Труды института востоковедения, вып. XXXVI). Очень интересна, 30 стр., статья его самого "Арабистика в СССР за 20 лет", где на самом деле подробно описана вся арабистика с конца 18 века. 2) Источник "витязя буланого коня" и других восточных повестей Сенковского (Труды Военного института иностранных языков № 2, 1946). Блестяще. 32 стр. 3) Арабская литература и арабы в произведениях Горького (Известия Академии наук. Отд. литер. и языка. 1946. Т. V. вып. 1), занятно. 4) Чехов в арабской литературе (Ibid. Т. III, вып. 5, 1944). Курьезно. 5) Отзвуки революции 1905 г. в арабской художественной литературе (Советское востоковедение. Т. III). Очень интересно. 6) Обстоятельный обзор арабской лексикографии в Европе и России с 1653 г. в виде предисловия к словарю Баранова⁸⁰ (Академия наук. Институт востоковедения. 1946). Блестяще. 7) Над арабскими рукописями (Академия наук. Дополн. 2-е изд. 1946. 170 стр. со многими портретами). Нечто вроде истории востоковедения. Поучительно, интересно, много ценного».

Это свидетельство живого интереса и позитивного отношения к достижениям советской науки тем более ценно, что обычно Мартинович раздавал коллегам весьма нелицеприятные характеристики. Так, об известном арабисте А.Е.Крымском он писал 27 сентября 1945 г.: «Ничего своего, он компилирует европейцев»; 6 октября 1945 г.: «Недавно мне, по необходимости, пришлось *опять* просмотреть его арабскую 1001 ночь (прислал Карпович из Harvard Library) — океаны путаницы. Чтобы не быть

голословным: *сам* Бартольд откопал, что у Крымского Багдад то на Тигре, то на Евфрате»; по монголам, предупреждал Мартинович Г.В.Вернадского, «не доверяйте давно умершему А.М.Позднееву — был большой нахал (Д.М.Позднеев — японист, тоже скверный)».

Более высоко, хотя и столь же научно взыскательно, Мартинович оценивал труды русских ученых-эмигрантов. 3 июля 1948 г. он сообщал Вернадскому: «Недавно получил, как и Вы, конечно, новую работу [А.А.]Васильева⁸¹. Громадный материал, хороший анализ, но многословно. В сентябре ему будет 81! Я ему написал, что он — "молодчинище" <...> На прошлой неделе мне пришлось сильно поковырять Минорского Худуд. Ценная вещь Худуд. Случайная заслуга Туманского (был мировой знаток бабизма)⁸², научная заслуга Бартольда — издал текст и часть перевел, очень хороший английский перевод Минорского. Но зачем он после перевода 70 страниц персидского текста наворотил океан комментариев — не понимаю. Очевидно, *pour épaier les bourgeois**. Но все-таки Минорский — редко одаренный человек».

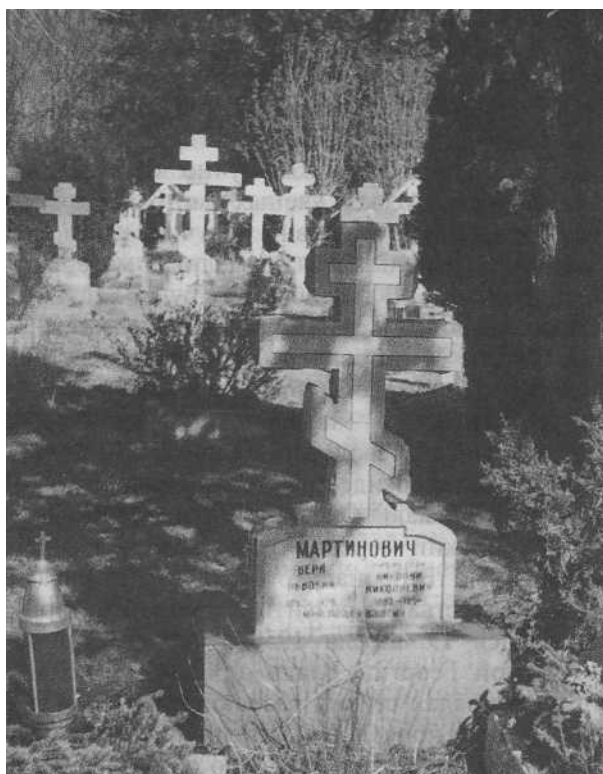
На выход статьи Г.В.Вернадского о влиянии евразийских кочевников и их искусства на развитие мировой истории⁸³ Мартинович откликнулся 19 апреля 1950 г. теплым приветственным письмом: «Дорогой Георгий Владимирович! Николай II на всеподданнейших докладах ставил резолюцию: "Прочел с удовольствием". А я скажу: прочел внимательно и с интересом. Ваша работа серьезна и содержательна. Делю ее на две части. Первая. Талантливая и с чувством написанная ода кочевникам и по заслугам. Вторая. Их искусство. Пока *animal style*. Если помните, несколько лет тому назад был долгий бой по этому вопросу между Ростовцевым и Pelliot⁸⁴: с Запада на Восток или обратно? Я устно впутался и сделал доклад в Oriental Club: оба правы, ибо торговля происходила взаимно и даже двумя путями — северным и южным. Pelliot присутствовал и со мной согласился. Вы хорошо разобрались в этом. Надеюсь, это начало. Искусство кочевников велико».

* * *

Это было одно из последних писем Николая Мартиновича. 18 сентября 1954 г. он скончался в одном из госпиталей Нью-Йорка. По словам Г.В.Вернадского, «он уже собственно года три как выбыл из жизни — был, по-видимому, в полупараличном состоянии, не мог ни писать, ни, кажется, даже читать, так что

* Чтобы ошеломить/эпатировать обывателя (франц.).

Могила *Н.Н. Мартиновича* и его жены
на кладбище православного Ново-Дивеевского
женского монастыря в США

смерть для него освобождение»⁸⁵. На следующий день после кончины ученого, 19 сентября, его некролог появился в одной из самых известных американских газет — "New York Times".

Возвращаясь к ответу на вопрос в начале статьи: что важнее для развития науки — деньги или свобода, на примере судьбы Николая Мартиновича, весьма репрезентативной для многих наших соотечественников-ученых, выброшенных в эмиграцию после 1917 г., можно констатировать, что есть еще и третья, едва ли не самая существенная для реализации научной судьбы ученого составляющая — заинтересованная профессиональная поддержка научной среды. Только при ее наличии в любом обществе начинают эффективно работать и «деньги» и «свобода».

¹ *Graham L.* What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience (Stanford, 1998); см. гл. 3 этой книги в русском переводе А.Ю.Стручкова (*Грэхэм Л.* Устойчива ли наука к стрессу? — Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 4, с. 3—17).

² Отдельные ответы на этот вопрос см.: Репрессированные этнографы. — Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. Вып. 1. М., 1999 (2-е изд. М., 2003); *Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып 5/6. СПб., 1994, с. 342—368; *он же.* Отдание долга. — ЭО. 1995. № 2, с. 40—62; № 3, с. 3—19; № 4, с. 3—24; *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928—1938. — ЭО. 1993, № 2, с. 113—125; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX в. М., 1998; *она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов) — ЭО. 2001, № 3, с. 101—121; *Slezkine Ju.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928—1938. — *Current Anthropology*. Vol. 32, № 4 (August—October, 1991), p. 476—484.

³ Впервые многие из этих имен были указаны еще в конце 1970-х в пионерской публикации Ф.Ф.Перчѐнка (под псевд. Вознесенский И.): *Вознесенский И.* Только востоковеды... — Память: Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978; Париж, 1980, с. 455—456; см. также: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции / Публ. М.Ю.Сорокиной. — Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001, с. 587—644; *Решетов А.М.* Из истории отечественного этнографического зарубежья: Владимир Алексеевич Иванов (1886—1970). — Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 1996—1997 гг. СПб., 1998, с. 143—144.

⁴ *Шауров К.Б.* Владимир Ильич Иохельсон — СЭ. 1935, № 2, с. 3—15.

⁵ *The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus.* Leiden—N.Y., 1924; *Peoples of Asiatic Russia.* N.Y., 1928; *History, Ethnology and Anthropology of the Aleut.* Wash., 1935.

⁶ См. о нем: *Решетов А.М.* С.М.Широкогоров — сотрудник МАЭ. — Развитие культуры в каменном веке: Краткое содержание докладов на международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997, с. 30—32; *Кошечков Н.В.* Забытое имя: Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф. — Россия и АТР. 1999, № 4, с. 150—155; *Хусамутдинов А.А.* Сергей Михайлович Широкогоров. — Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1999, № 5, с. 95—100.

⁷ Полностью опубли.: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции, с. 605—606.

⁸ Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. О связях В.Ф.Минорского с советскими востоковедами см.: *Лавриненко Н.А.* Профессор Владимир Федорович Минорский и его переписка с советскими востоковедами. — Иран. История и культура в средние века и в новое время. М., 1980, с. 143—167; Из эпистолярного наследия Владимира Федоровича Минорского / Вст. статья, сост. и комментарий Дж.Дорри. — Народы Азии и Африки. 1990, № 6, с. 98—110; *Базиянц А.П.* Параллели, которые сходятся на родной земле (Гордлевский и Минорский). — Восток. 1991, № 1, с. 102—110.

⁹ Цит. по: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции, с. 598 (запись 17 декабря 1925 г.).

¹⁰ Отчет о командировке в Малую Азию в 1906 г. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1907. Сер. 2, № 7, с. 52—53.

¹¹ Здесь же покоится прах его жены Веры Львовны (1896—1972).

¹² См., например: *A New Gallery of Persian Art.* N.Y., 1925; *A Catalogue of Turkish and Persian Manuscripts Belonging to Robert Garrett and Deposited in the*

Princeton University Library Princeton, N.Y., 1926; The Kevorkian Collection. N.Y., 1927—1928. Vol. 1, 2; The Tabbagh Collection. N.Y., 1936 и др.

¹³ См. о нем: *Дмитриев Н.К.* Труды русских ученых в области тюркологии. — Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 107; *Векилов А.П.* Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1960. Т. 25, с. 295, 296; *Кононов А.Н.* Тюркология в Ленинграде (1917—1957). — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1960. Т. 25, с. 280; Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Подг. А.Н.Кононов. 2-е изд., переработ. М., 1989, с. 158; Скифский роман / Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997, с. 267, 268, 280, 296, 348, 349, 360, 457, 458, 526; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 188—189; *Сорокина М.Ю.* «Душевно Ваш Н.Мартинович»: К истории русской этнографии и эмиграции (по материалам архивов США). — Актуальные проблемы изучения истории отечественной этнографии и антропологии XX в.: Тезисы симпозиума 1 июня 2000 г. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2000, с. 23—24. В «Аннотированном указателе рукописных фондов ГПБ» (Вып. 3 (Л-Р). Л., 1983, с. 68) приводится краткое описание небольшого личного архивного фонда Н.Н.Мартиновича (№ 467, 44 ед. хр. за 1902—1922 гг.).

¹⁴ ЦГИА, ф. 14, оп. 3, д. 38766.

¹⁵ Там же, л. 10, 18.

¹⁶ Там же, л. 34.

¹⁷ См.: Архив внешней политики Российской Империи, ф. 149 (Турецкий стол (новый), оп. 502а (1911), д. 1063, л. 23; оп. 502 (6), д. 149, л. 26—27; ф. 180 (Посольство в Константинополе), оп. 517/2, д. 6039, л. 2, 5, 136, 138; ф. 159 (Департамент личного состава МИД), оп. 725 (1913), д. 12, л. 47, 48, 60.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 467 (Мартинович), д. 25, 26, 29, 30; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1982, с. 170.

¹⁹ Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Христианские древности. СПб., 1999, с. 194.

²⁰ Подробнее см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

²¹ Там же, с. 138.

²² См. о нем: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 217—218; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года, с. 189—191; а также: *Маштакова Е.И.* В.Д.Смирнов — исследователь турецкой литературы. — Советская тюркология. 1971, № 4, с. 115—123; *Тверитинова А.С.* В.Д.Смирнов — историк Турции. — Там же, с. 105—114.

²³ *Старостин Б.А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации. — Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999, с. 259—321; *Трохачев С.Ю.* Немцы и русские в Академии наук первых лет XIX в. — Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999, с. 92—98; *Васильева Н.Е.* Немцы-востоковеды в Академии наук (XVIII—первая половина XIX в.). — Там же, с. 128—136.

²⁴ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года, с. 190.

²⁵ Здесь и далее большинство сведений о Н.Н.Мартиновиче приводится на основании его писем историку Г.В.Вернадскому (о нем см. примеч 62), которые хранятся в США, в личном фонде Г.В.Вернадского (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University), BAR G.Vernadsky Coll. Вох 49. Местонахождение ответных писем Г.В.Вернадского пока неизвестно.

²⁶ Характерно, что в предисловии к описи фонда отмечено, что «сведений о поступлении фонда не обнаружено». По-видимому, он попал в библиотеку не-

посредственно перед или сразу после бегства Н.Н.Мартиновича из России в 1922 г.

²⁷ ОР РНБ, ф. 467, д. 3, 4.

²⁸ Текст доклада и отчета см.: там же, д. 6, 7; доклад опубликован: *Мартинович Н.Н.* Поездка в Брусу 1905 г. — Известия ИРГО. 1908. Т. 44, вып. 1/2, с. 25—53.

²⁹ До Мартиновича здесь побывал В.Ф.Минорский, см. его статью: *Минорский В.Ф.* У русских подданных султана. — ЭО. 1902, № 2.

³⁰ ЦГИА, ф. 14, оп. 3, д. 38766, л. 31, 32.

³¹ *Мартинович Н.Н.* Турецкий театр «Карагёз». — Живая старина. 1909. Вып. 2/3, с. 94—105, прил. с. 13—60; 1910. Вып. 1/2, с. 61—110. Кроме того, турецкому театру был посвящен доклад «Традиционный театр в странах Малой Азии» (ОР РНБ, ф. 467, д. 18 (1910) и статья «Малоазийские сказки, рассказы и анекдоты (Из материалов по османскому фольклору)» (Живая старина. 1910. Вып. 3, с. 233—253).

³² Proben der Volkslitteratur der Turkischen Stämme von Dr. Radloff. Th. VIII. Mundarten der Osmanen. 1899. S. 310—408. Упомянем также, что *карагёзом* интересовался ученик В.Р.Розена, дипломат Алексей Федорович Шебунин (1867—?), чей доклад «О подготовительных работах его по изданию сборника пьес турецкого народного театра (Карагёз)» В.Д.Смирнов прочитал в Восточном отделении Русского археологического общества 18 февраля 1898 г. (Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (далее — ЗВОИРАО). Т. 11, с. VII; *Лукин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965, с. 105. Однако в дальнейшем Шебунин к этой теме не возвращался. Кроме того, турецкий народный театр неоднократно упоминался европейскими путешественниками и журналистами, побывавшими в Османской империи; см., например, знаменитое «Путешествие на Восток» Жерара де Нерваля, где *карагёзу* посвящена целая глава.

³³ *Мартинович Н.Н.* Турецкий театр «Карагёз».

³⁴ *Мартинович Н.Н.* Турецкая сказка об «угадчике поневоле». — Сборник в честь 70-летия Г.Н.Потанина. СПб., 1909, с. 87—98.

³⁵ ОР РНБ, ф. 467, д. 17. См. также его перевод этнографических очерков М.Чакир-оглу «Юрюки» (там же, д. 37).

³⁶ Статья о сборнике, рукопись которого была получена еще В.В.Радловым от турецкого военного агента в Германии Мемеда Реиф-Фуад-бея в конце 1890-х годов в Берлине, а в 1906 г. перешла во владение Мартиновича после смерти П.М.Мелиоранского, датирована только октябрём 1915 г. (Петроград) и опубл.: Новый сборник стихов Джелаль-эд-Дина Руми и султана Веледа. — ЗВОИРАО. 1917. Т. 24, с. 205—232.

³⁷ ЗВОИРАО. 1910. Т. 19, вып. 4, с. XLVII.

³⁸ *Мартинович Н.Н.* Из критских впечатлений турецкого путешественника XVII в. и русского XX в. — ЗВОРАО. 1916. Т. 23, вып. 3/4, с. XVII—XVIII.

³⁹ ОР РНБ, ф. 467, д. 31.

⁴⁰ См.: *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В.Бартольда; *Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В.Бартольда. М., 1976, с. 361.

⁴¹ BAR, G.Vernadsky Coll. Box 49. Упомянуты: Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, председатель ЦК кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства (март—май 1917), затем в эмиграции; Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — кадет, член ЦК партии и министр Временного правительства, убит матросами в больнице; Винавер Максим Моисеевич (1863—1926) — адвокат, член ЦК кадетской партии, депутат I Государственной Думы, с ноября 1918 по апрель 1919 г. министр внешних сношений

Крымского краевого правительства, затем в эмиграции; Дубоссарский Эммануил Абрамович (1879—1920) — кадет, адвокат, гласный Петроградской городской думы, расстрелян большевиками в Керчи 27 декабря 1920 г. вместе со всей керченской организацией кадетов.

⁴² В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922). М., 1987, с. 204.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 52.

⁴⁴ Два эпизода из жизни литературных организаций. — Минувшее: Исторический альманах. Вып. 1. Париж, 1986, с. 323.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 7240, оп. 14, д. 127.

⁴⁶ ГАРФ, ф. А2307, оп. 2, д. 639а, л. 3—5.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 7240, оп. 14, д. 127, л. 10.

⁴⁸ Там же, л. 16.

⁴⁹ Непременный секретарь Академии наук (1905—1929) индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863—1945) и астроном Аристарх Аполлонович Белопольский (1854—1934).

⁵⁰ Архив А.М.Горького при ИМЛИ Пгл-9-86, л. 1—2.

⁵¹ Цит. по: *Исаков С.* Неизвестные письма М.Горького к В.Ленину. — Радуга (Таллинн). 1992, № 5, с. 80.

⁵² Архив А.М.Горького при ИМЛИ МоГ 12-27-2.

⁵³ Цит. по: *Овчаренко А.* Публицистика М.Горького. М., 1965, с. 405—406.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 48—49.

⁵⁵ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1: 1919—1929. Каталог. М., 2000, с. 39, 40.

⁵⁶ Известия ЦК КПСС. 1989, № 1, с. 241.

⁵⁷ Там же, с. 239, 241.

⁵⁸ Два письма В.И.Ленину об отношении к интеллигенции. — Кентавр. 1993, № 1, с. 61, 62.

⁵⁹ *Мицц З.Г.* А.М.Горький и КУБУ. — Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 217: Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник. Тарту, 1968, с. 184.

⁶⁰ В.И.Ленин и ВЧК, с. 428—429; см. также: *Бережков В.И.* Питерские прокураторы: Руководители ВЧК—МГБ. 1918—1954. СПб., 1998, с. 114 (упомянут как арестованный 2 июня 1921 «профессор Н.Н.Мартыневич»).

⁶¹ Об этом см.: *Елисеев С.Г.* Тюремный дневник (май—июнь 1919): Воспоминания о Петрограде (1919—1920) и побег в Финляндию. — Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий (20—80-е гг.) / Сост. и ред. Т.В.Тигонен. Вып. 4. СПб., 1993, с. 9—44; Письма Э.Ю.Розенберг к академику Ф.И.Щербатскому / Публ. Т.В.Ермаковой. — Восток. 1996, № 1, с. 127.

⁶² Вернадский (Vernadsky) Георгий Владимирович (1887—1973) — историк, один из идеологов евразийства, сын академика В.И.Вернадского. К 1917 г. — приват-доцент Петербургского университета. В эмиграции с 1920 г.: Константинополь, Афины (1921—1922), с марта 1922 г. в Праге. С осени 1927 г. — преподаватель, с 1946 г. — профессор Йельского университета США. О нем см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1998; *Козляков В.Н.* «Это только персонализация не нашего понимания исторического процесса» (Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) и его «Очерки по русской историографии»). — Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1998, с. 5—26; *он же.* Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке. — Там же, с. 395—444; *Соничева Н.Е.* Становление и развитие исторической концепции Г.В.Вернадского. М., 1994; *Сорокина М.Ю.* Георгий Владимирович Вернадский. — Природа. 1999, № 2, с. 89—102; «Очень горько мне»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Ю.Сорокиной. — Источник. 1999, № 1, с. 45—56 и др.

⁶³ См.: The Tomb of Mihri. — *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études*. Prague, 1929. Vol. 3, с. 47; Могила Мигри в Алеасии. — *Seminarium Kondakovianum*. Vol. 3. Prague, 1930, с. 44—48.

⁶⁴ См.: *Journal of the American Oriental Society*. 1924. Vol. 44, с. 158.

⁶⁵ Скифский роман, с. 269.

⁶⁶ Там же, с. 267—269, 348.

⁶⁷ Попытку сравнительного анализа см.: *Hassel James E. Russian Refugees in France and the United States between the World Wars*. — *Transactions of the American Philosophical Society*. 1991. Vol. 81, pt 7; а также: *Сорокина М.Ю.* «Разбросанные по всей Америке». — *Природа*. 2000, № 4, с. 55—57.

⁶⁸ Сорокин Питирим Александрович (1889—1968) — известный социолог, правый эсер, с 1919 г. профессор Петроградского университета, с 1922 г. в эмиграции. Профессор Гарвардского университета США; Максимов Александр Александрович (1874—1928) — гистолог, эмбриолог.

⁶⁹ BAR, G.Vernadsky Coll. Box 3 (письмо М.М.Карповича Г.В.Вернадскому от 12 сентября 1929 г.).

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid. Box 11.

⁷² *Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja*. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1923. Vol. 39, с. 81.

⁷³ The Tomb of Mihri. — *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études*. Vol. 3. Prague, 1929, p. 47. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3, 1931, p. 491; *Amasia — Necropolis of Asia Minor*. — *The Moslem World*. 1932. Vol. 22, p. 53.

⁷⁴ Так, когда осенью 1947 г., собираясь продолжить издание «Анналов» Кондаковского института, А.В.Флоровский запрашивал Г.В.Вернадского о возможных авторах, он рекомендовал Н.Н.Мартиновича (см.: *Аксенова Е.П.* Институт им. Н.П.Кондакова: Попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского). — *Славяноведение*. 1993, № 4, с. 67).

⁷⁵ Имеется в виду монография «Русское масонство при Екатерине II», защищенная Г.В.Вернадским на звание магистра русской истории 24 октября 1917 г. в Петроградском университете (издана в Петрограде в 1917 г.).

⁷⁶ Эта информация была неверной. Академик-индолог Федор Ипполитович Щербатской скончался в пос. Боровое (Казахстан), куда был эвакуирован с другими членами АН СССР.

⁷⁷ Тюрколог Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) был избран действительным членом АН СССР еще в 1929 г., в 1934—1937 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Арестован в октябре 1937 г., расстрелян 13 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁷⁸ Тюрколог Евгений Эдуардович Бертельс (1890—1957), в 1939 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР, был арестован 19 сентября 1941 г., однако в ноябре того же года освобожден. В 1942—1946 гг. — научный сотрудник Института языка и литературы Узбекского филиала АН СССР. После войны переехал в Москву. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1948).

⁷⁹ Тюрколог Александр Александрович Ромаскевич (1885—1942), заведующий рукописным отделом Института востоковедения АН СССР, погиб во время блокады Ленинграда.

⁸⁰ См.: *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Вып. 3—4. М., 1946.

⁸¹ Имеется в виду «История Византии».

⁸² Туманский Александр Григорьевич (1861—1920) — военный, тюрколог, арабист, иранист, крупнейший знаток истории религиозной секты бабидов, издал их «Священнейшую книгу» (1899). В 1892 г. друг Туманского Бабид Абу л-Фазл Гульпаегани нашел в Бухаре и в 1893 г. передал Туманскому выдающийся памятник географической литературы X в. на персидском языке «Худуд ал-алем» — «Пределы мира» (или: Рукопись Туманского). Издан В.В.Бартольдом

(Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского. С введ. и указателем В.Бартольда. Л., 1930) и переведен В.Ф.Минорским (1937) на английский язык.

⁸³ См.: The Eurasian Nomads and Their Art in the History of Civilization. — Saeculum. I (1950), p. 74—86.

⁸⁴ Pelliot Paul (1878—1945) — известный французский ориенталист.

⁸⁵ BAR, V.P.Nikitin Coll. Вох I (письмо В.П.Никитину от 5 октября 1954 г.).

А.А.Вигасин

Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии

Расцвет ориенталистики в России начала XX в. был частью общего культурного подъема страны. В русском обществе пробуждался живой интерес к цивилизациям Востока. Индией и Китаем, мусульманским миром занимались Ф.И.Щербатской, В.М.Алексеев, В.В.Бартольд — ученые, труды которых составили бы честь любой национальной историографии. В правительственных сферах зрело понимание потребностей науки, и финансовую поддержку получали грандиозные исследовательские проекты, экспедиции, меры, направленные на организацию международного сотрудничества. Особые надежды вселяло то обстоятельство, что расширялся круг специалистов-востоковедов — в предреволюционные годы появилась целая плеяда молодых талантливых ученых. К этому поколению и принадлежали индологи Л.А. и А.М. (Г.Х.) Мерварт¹.

Людмила Александровна родилась 25 августа (6 сентября) 1888 г. Ее отец, Александр Михайлович Левин, доцент Военно-Медицинской академии, старший врач Обуховской больницы, в 1897 г. во время страшной эпидемии бубонной чумы был командирован в Индию. Рассказы отца об удивительной стране стали яркими впечатлениями детских лет Людмилы Левиной.

В 1910 г. она окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Высшее образование для женщин было предметом острой борьбы в дореволюционной России. Бестужевские курсы давали прекрасную подготовку, но для поступления на государственную службу требовался университетский диплом. С огромными сложностями трем выпускницам курсов, и в том числе Л.А.Левиной, в 1911 г. удалось добиться разрешения министра сдать государственные экзамены в университете. Все понимали,

что это создавало прецедент. На экзаменах решался принципиальный вопрос о праве женщин на высшее образование. Поэтому и ответственность девушки чувствовали необычайную. Экзаменационную комиссию возглавлял филолог-классик В.В.Латышев, известный как яростный противник женского образования. История со сдачей этого экзамена запечатлелась в памяти Людмилы Александровны на всю жизнь. Она вспоминала: «Я пришла за три дня до начала сессии. По общему положению, мне надлежало сдать три экзамена в комиссии. Сессия продолжалась шесть недель. Я была готова и думала, что в течение такого длительного периода я их сдам без особого напряжения, но не учла права комиссии в отдельных, исключительных случаях изменять порядок, сроки и даже состав экзаменов.

Когда я пришла к проф. В.В.Латышеву, он стал меня убеждать отказаться от сдачи экзаменов, говоря, что нежный женский организм не в состоянии выдержать напряжения, которого требует экзаменационная сессия. Когда я с этим не согласилась, он сообщил мне, что нам — женщинам разрешается сдавать экзамены только в течение первых тринадцати дней сессии. Кроме того, мне назначено не три экзамена, а тринадцать, в том числе по таким трудоемким дисциплинам, как логика с теорией познания, психология, история греческой литературы, история римской литературы и т.п., — и все это в объеме полного университетского курса. Эти все предметы я уже сдавала на курсах и, хотя, конечно, требовалось их повторить, все-таки ответила, что согласна их сдавать. Тогда проф. В.В.Латышев сказал торжествующим голосом: "Да, но последний экзамен, назначенный Вам, — это санскритский язык, а его изучить в течение нескольких дней Вы никак не можете. Поэтому послушайте моего доброго совета и отложите ваши экзамены до будущей сессии, которая состоится осенью" <...>.

Экзамен по санскритскому языку, совершенно не входивший в программу романо-германского отделения, В.В.Латышев приберег под самый конец как неотразимый аргумент. Он не знал, что я все время посещала лекции по санскриту на индийском отделении восточного факультета университета. Тут я, разумеется, сказала Латышеву, почему экзамен по санскритскому языку меня совсем не пугает. Это объяснение застало профессора совершенно врасплох. Он ударил кулаком по столу и воскликнул: "Вот я же говорил, что надо назначить литовский язык". У нас литовский язык не преподавался, но среди моих друзей-студентов был специалист по сравнительному языкознанию — литовец Казимир Казимирович Бугас. Ему нужно было знание немецкого языка, которым я и занималась с ним в обмен на

уроки литовского языка. В ответ на восклицание Латышева я сказала: "Знаете, дайте мне литовский язык 14-м экзаменом. Я по-литовски стихи пишу"².

Все экзамены прошли удачно. В осеннюю сессию подали заявление еще несколько бестужевков и были допущены к государственным экзаменам.

Поступив на службу в гимназию Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Людмила Левина познакомилась со своим будущим мужем Г.Х.Мервартом, тоже гимназическим преподавателем.

Густав Герман Христиан Мерварт родился в г. Мангейме в 1884 г. В 1907 г. он с отличием окончил Гейдельбергский университет, став доктором философии (по историко-филологическому факультету, тема его диссертации: «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн»³). С октября 1911 г. он вел занятия по немецкому языку в мужской гимназии Ягдфельдов в Петербурге. В 1912 г. перешел в православие и принял русское подданство. В официальных бумагах он значился обычно Германом Христиановичем, а впоследствии подписывался и русским именем — Александр Михайлович. Очевидно, под влиянием невесты он увлекся индологией.

Одаренный и необычайно работоспособный молодой человек обратил на себя внимание акад. В.В.Радлова, директора Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого. С именем знаменитого тюрколога Василия Васильевича (Фридриха-Вильгельма) Радлова связано коренное преобразование бывшей Кунсткамеры. Он стремился превратить музей в крупный современный научный центр. С этой целью был организован планомерный сбор коллекций, устанавливались контакты с аналогичными учреждениями в Западной Европе. Музейная экспозиция должна была служить материалом для изучения быта и культуры различных народов. В 1895 г., когда В.В.Радлов был назначен директором, в штате кроме него числилось лишь два сотрудника — ученый хранитель и служитель⁴. Но музей быстро развивался, и рост коллекций позволял открывать новые отделы.

Индийское собрание музея было скромным по размерам и более или менее случайным по составу. За редкими исключениями вещи поступали от людей, не имевших индологической подготовки. В.В.Радлов строил планы создания полноценного отдела Индии. Что касается сбора вещей и их экспозиции, он возлагал надежды на А.М.Мерварта, который был откомандирован Министерством народного просвещения для занятий в музее. Уже в 1912 г. ему было поручено разобрать коллекцию, купленную у военного агента в Индии М.С.Андреева⁵ (впоследствии

известного востоковеда). Весьма плодотворным для начинающего этнографа должно было стать общение с помощником В.В.Радлова, выдающимся исследователем сибирских народностей Л.Я.Штернбергом. Супруги Мерварт называли его своим учителем⁶.

Для организации нового отдела требовались систематический подбор экспонатов и знакомство со страной, т.е. экспедиция в Южную Азию. Музей не располагал большими средствами, и здесь ему на помощь пришел Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. В деятельности Комитета живую заинтересованность проявляло правительство, что было, естественно, связано с актуальными потребностями внешней политики Российской империи в данном регионе. Комитету оказывали содействие Министерство иностранных дел, Военное министерство, Министерство финансов и Министерство двора. Но активность этой организации протекала в чисто академических формах и в научном отношении была исключительно плодотворна⁷. Комитет много сделал и для организации международного сотрудничества востоковедов. В частности, петербургские ориенталисты и путешественники — Д.А.Клеменц, С.Ф.Ольденбург — оказали большую помощь берлинскому индологу Альберту Грюнведелю в организации его экспедиций в Турфан, область древней буддийской культуры Центральной Азии⁸. Во главе Комитета стоял В.В.Радлов, а его помощником был С.Ф.Ольденбург, непререкаемый секретарь Академии наук, известный специалист по культуре Индии, буддизму и искусству Востока.

На экспедицию в Индию было выделено 12 тыс. рублей в год и столько же — на закупку коллекций. Путешествие требовало серьезной научной подготовки. Консультировать А.М.Мерварта в МАЭ могли такие выдающиеся ученые, как В.В.Радлов и Л.Я.Штернберг, но они, к сожалению, не занимались Индией. Привлечен был на помощь Ф.И.Щербатской, крупнейший специалист по буддийской философии, недавно вернувшийся из Индии. Но он никогда не интересовался этнографией. Огромную помощь участникам экспедиции оказывал С.Ф.Ольденбург (они называли его «наш руководитель»⁹), но Сергей Федорович сам не бывал в Индии.

На летние каникулы 1913 г. Мерварт отправился в Германию для изучения индийских собраний музеев Берлина и Мюнхена, для консультаций с немецкими индологами и проработки специальной литературы. Альберт Грюнведель, работавший в Берлинском музее народоведения, «прежде всего указал на Цейлон,

Нилгири, внутренние районы Декана, Ориссу и, главным образом, области Гималаев»¹⁰ как районы наиболее важные в этнографическом отношении. На Цейлоне планировалось заниматься местными культурами демонов и влиянием народных культов на современные буддизм и индуизм. Затем предполагалось путешествие в Южную Индию — в Мадрас и «внутренние области, преимущественно к горным народностям». «Более всего, — пишет Александр Михайлович В.В.Радлову, — меня привлекают первобытные племена, дравиды и гималайские народности»¹¹. Именно после поездки в Германию, знакомства с богатыми музейными фондами, бесед с Альбертом Грюнвелелем и Люсианом Шерманом, директором Мюнхенского музея народоведения, сформировалась программа экспедиции. Она уточнялась еще зимой в беседах с тем же А.Грюнвелелем, В.В.Радловым и С.Ф.Ольденбургом уже в Петербурге. Александр Михайлович определяет примерный маршрут путешествия, проблематику научных изысканий и много размышляет о тех принципах, которые должны лечь в основу формирования нового музейного отдела.

Следует отметить, что программа его работ с самого начала отличалась новизной подхода. Для России, граничившей со странами так называемого северного буддизма (Китай, Монголия, Япония), традиционным являлся интерес к господствовавшим здесь школам махаяны. А.М.Мерварт же обращает внимание на то направление, которое распространено на Цейлоне, — тхераваду. При этом народные культы и представления занимают его не меньше, чем учение, зафиксированное в палийском каноне.

Индийская культура в русской науке (да и в европейской XIX и начала XX в.) прочно ассоциировалась лишь с санскритской литературой. А.М.Мерварт планирует свои занятия главным образом на дравидийском юге Индостана. Его как этнографа привлекают также малоизученные первобытные племена. Он пронизательно замечает, что изучение «дикарей» способно многое прояснить и в классической индийской цивилизации.

Участникам экспедиции предоставлялась широкая свобода действий. Задача их была сформулирована двояко: изучить материальную и духовную культуру народов Индии и составить собрание предметов, которое послужило бы основой для создания в МАЭ отдела культуры Индии.

Зима 1913/14 г. прошла в хлопотах и углубленном изучении научной литературы. Было куплено снаряжение, Александр Михайлович прошел обучение «кинематографическому делу» в лаборатории Вериги-Добровольского¹² (что, вероятно, помогло ему в экспедиции составить огромный фотоархив). Наконец была

Александр и Людмила Мерварт.

Перед отправлением в экспедицию на Цейлон

получена официальная бумага: «Вследствие отношения от 19 марта сего года за номером 1236 <...> командировать прикрепленных к Министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографической коллекции для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук сроком на два года с сего 5 апреля»¹³. 10 апреля они выехали в Одессу и оттуда — на пароходе «Екатеринослав» в Коломбо.

А по пути еще была остановка в Египте и поездка к пирамидам. Л.А.Мерварт заносила в дневник первые впечатления: «Кругом бесконечно яркий желтый песок и еще более яркое, глубокое синее небо, а над головой мощная голова сфинкса и дальше резко вычерчиваются двойные треугольники пирамид и их теней. Как хорошо!»¹⁴.

В Коломбо пароход прибыл 16 мая по старому стилю. Молодой русский вице-консул Борис Петрович Кадомцев принял путешественников очень приветливо и всячески старался помочь им в работе. Добрые отношения сложились и с другими соотечественниками¹⁵. Между Россией и Цейлоном уже была налажена

регулярная торговля, в Коломбо жили русские предприниматели и служащие компаний — Иннокентий Васильевич Титов, представитель чайной фирмы «Губкин, Кузнецов и компания», купец Иван Степанович Верещагин.

Уже в первые дни Людмила Александровна записывала: «Побывав в музее, мы убедились, что научной помощи у нас здесь не будет: директор — биолог, burgher-библиотекарь не ученый, зато полезными нам оказались Mr. Albert Jayasinha и старший его брат F.C.Jayasinha». И далее: «Мы учимся оба, сколько можем: Герман изучает буддизм, пали, тамильский язык, а я сингальский язык и собственно этнографию. Дни у нас полные, радостно, счастливо — рабочие»¹⁶. Подробные отчеты путешественники отправили в Петербург В.В.Радлову.

Л.А.Мерварт представилась возможность в течение трех месяцев жить в семье в глухой цейлонской деревне Ампития, о чем она впоследствии любила вспоминать с живыми и красочными подробностями. Это была редкая удача для этнографа и фольклориста, и, конечно, выпала она не случайно. Лишь немногие европейцы, жившие на Цейлоне, с таким интересом относились к местному быту. К тому же Людмила Александровна уже немного знала язык — между тем даже английские этнографы часто не могли обходиться без услуг переводчика. И главным, видимо, было то, что молодым ученым было совершенно чуждо высокомерие, присущее многим европейцам на Востоке.

Они остались в стороне и от модного тогда в Европе, особенно в Германии, увлечения экзотическими религиями. На Востоке их привлекала не мистическая тайна, а научные проблемы, связанные с жизнью и культурой народа. В этом смысле любопытна запись в дневнике Людмилы Александровны о посещении «German Bhikkhu Nyanatilaka Thera (немецкого буддийского монаха Ньянатилака. — А.В.) и его учеников в его Island Hermitage. Это высокомерный, ограниченный, необразованный немец, дивящийся поднебесную тем, что обрил голову, сбросил сапоги и надел желтый плащ. К нему собралось несколько столь же и даже еще более необразованных белых и несколько одуроченных черных, и они играют в буддийских монахов. Об уровне их умов и душ можно судить по следующему: Nyanatilaka, узнав, что Герман изучает пали, порекомендовал ему свою собственную грамматику "eine wundervolle Übersicht der Sprache, die beste Grammatik" (замечательный обзорный очерк, лучшую грамматику этого языка. — А.В.). Книга эта очень сумбурная и вообще ничего не стоит. О существовании официально принятой в здешних школах очень хорошей Graduated Pali Course Sumangala и других таких же книгах он узнал от Шурочки. Другой монах из немцев же ре-

комендовал принять буддийское монашество: "Ich bin nur glücklich seit ich die Stiefel und Hosen ausgezogen habe" (Я счастлив, скинув наконец сапоги и брюки. — А.В.). Вообще вся эта уверенная в своей святости компания вызывает чувство глубокого омерзения»¹⁷.

Уже 30 июля путешественники отправили в Петербург первую коллекцию с пароходом «Кишинев», следовавшим рейсом в Одессу, — четыре ящика. Здесь были театральные и ритуальные маски, домашняя утварь, инструменты ремесленников.

А двумя днями позднее пришло известие, что Германия объявила войну России, еще через три дня в войну вступила Англия. Пятым августа датированы телеграммы В.В.Радлову и Л.Я.Штернбергу почти одинакового содержания: «Остаемся в Канди до конца войны, будем изучать буддизм и разговорные языки»¹⁸. Тогда еще можно было наивно надеяться, что мировая война скоро закончится. Телеграммы составлены по-английски — очевидно, во избежание осложнений с цензурой военного времени.

Теперь сама судьба экспедиции была поставлена под сомнение, а положение ее участников сразу стало ненадежным и даже опасным. Неясно было, каких распоряжений ждать из Петрограда. Чиновникам местной британской администрации казались подозрительными разъезды ученого немца по стране и его общение с местным населением (к тому же Мерварт не скрывал своего враждебного отношения к британской колониальной политике¹⁹). Не поступало никаких вестей и о том, что случилось с уже отправленной коллекцией. До места назначения она так и не дошла. Лишь много лет спустя стало известно, что груз был задержан в Александрии и продан с аукциона.

И все же экспедиция на этом не завершилась. Россия даже в условиях мировой войны нашла возможность финансировать такое научное предприятие, как сбор этнографической коллекции в Индии и на Цейлоне. Русские дипломаты в Коломбо старались помочь путешественникам.

В те годы изучение стран Южной Азии, по существу, лишь начиналось. В 1914 г. У.Паркером был опубликован первый большой сборник народных сказок Цейлона, в 1915 г. основан журнал "Ceylon Antiquary". Молодые русские востоковеды приняли активное участие в научной жизни острова. В указанном журнале Людмила Александровна опубликовала «Сказание о Паттини-деви» (июль 1915 г.), а ее муж — статью «Очерк о фольклоре сингалцев»²⁰.

В России уже сформировалась богатая традиция собирания и изучения устного народного творчества. Было установлено, что каждое исполнение фольклорного текста должно рассматривать-

ся как творческий процесс. Добавления рассказчика ни в коем случае не следует отбрасывать при публикации текста — последний нельзя подчищать и подправлять, исходя из книжных вариантов произведения. Этими методологическими принципами, совершенно новыми для молодой фольклористики Цейлона, авторы пытались поделиться с коллегами. Александр Михайлович стремился заинтересовать цейлонскую интеллигенцию, учителей (как и в России) делом собирания фольклора. Он давал советы, как заниматься этим методически правильно, объяснял процессы трансформации мифа в сказку, слияния мифологических мотивов и т.п. Работы вызвали живой отклик местных ученых²¹.

В связи с изучением фольклора Людмила Александровна собирала материал о верованиях сингалцев. В дневнике она записывала: «Из их ответов, конечно, будет вытекать нечто совсем другое, чем то, чему учил Будда; но лично меня живая религия интересует едва ли не больше (во всяком случае, не меньше), чем доктрины Учителя. Ведь душа, характер народа отражаются в живой вере, в высокой же философии Будды проявляются лишь вершины, которых достигают немногие лучшие люди, выдающиеся представители религиозной мысли. Масса же народная идет иной дорогой. Почему мне так важна эта дорога? Как религия кладет свой отпечаток на человека и воспитывает его, так и человек предлагаемое ему учение выкраивает и отделяет так, чтобы оно ему пришлось бы впору. На этой обработке выявляется душа народная. И, в свою очередь, претворенная, часто низведенная со своих высот, нисколько, может, даже не напоминающая основное учение, религия вливается широкой струей в народное мировоззрение и изменяет его русло. Поэтому-то знать ее нам так важно для понимания страны и людей»²². Плодотворность подобного подхода в историко-культурных исследованиях стала очевидной спустя много лет.

Время шло. Иллюзорных надежд на скорое окончание войны уже не оставалось. В соответствии с первоначальными планами в конце января 1915 г. экспедиция отправилась в Южную Индию. Ящики с собранными коллекциями были оставлены на хранение на складе чаеоторговой компании у И.В.Титова, с которым ученые особенно сдружились.

Год, проведенный в Южной Индии, оказался особенно плодотворным. Коллекция, привезенная в Мадрас, составляла 92 ящика. Здесь находились, по свидетельству собирателей, совершенно уникальные предметы²³. К сожалению, многие из них потом были повреждены или погибли из-за термитов и тропической влажности. С чисто этнографической точки зрения полезно было полевое обследование ряда племен — урали, палиан (материалы

его частично сохранились в архиве Академии наук²⁴). На Малабарском побережье путешественники с огромным интересом наблюдали представление театра *катхакали*. Проблема народного театра вскоре стала одним из важнейших направлений их работы.

Собирание этнографического материала органично сочеталось с изучением классической литературы — как санскритской, так и тамильской. Несколькими годами ранее известный индийский ученый Ганапати Шастри обнаружил рукописи пьес, приписываемых замечательному древнеиндийскому драматургу Бхасе. Вопросы авторства этих текстов вызвали оживленную полемику. Александр Михайлович усиленно занимался переводами драм Бхасы с санскрита, поэмы «Манимехалей» с тамильского. Ему помогали крупнейшие представители индийской науки, такие, как тамиллист Махамахопадхьяя Субраманья Айяр, этнограф Ананта Кришна Айяр, известный специалист по индийской иконографии Т.Гопинатха Рао. Общение с местной интеллигенцией вообще является одной из наиболее характерных черт экспедиции.

Между тем двухлетний срок заканчивался, а в условиях войны не было возможности вывезти на родину собранные обширные коллекции. В Петрограде было решено продлить командировку еще на два года. Супруги Мерварт направились в Северную Индию, чтобы работать в Кашмире и Пенджабе, Дели и Матхуре, в области долины Ганга. Интенсивные поездки и полевые исследования не прекращались несмотря даже на то, что молодая семья ожидала появления первенца (ребенок умер вскоре после рождения).

В самом конце 1916 г. путешественники прибыли в Калькутту. Здесь А.М.Мерварту предложили работу в Индийском музее. Он согласился с тем условием, что в качестве вознаграждения некоторые дублетные экземпляры индийских музыкальных инструментов будут переданы ему для МАЭ. Весну и начало лета 1917 г. ученые провели в Ассаме, в тех самых богатейших с этнографической точки зрения областях Северо-Восточной Индии, о которых шла речь в Берлине, Мюнхене и Санкт-Петербурге четыре года тому назад.

Материальное положение участников экспедиции ухудшалось. В России началась революция, и деньги из Академии наук задерживались, а затем и вовсе перестали поступать²⁵. Людмиле Александровне пришлось устроиться на работу в женский колледж в Калькутте. Ее муж исполнял должность заведующего этнографическим отделом Индийского музея. Музей этот был старейшим и крупнейшим в Индии, но этнографическим его отделом никогда не руководил специалист. Со свойственным ему энтузиазмом и энергией Александр Михайлович принялся за ре-

организацию отдела. Он успел опубликовать два путеводителя — по коллекции музыкальных инструментов и по экспозиции, представляющей Андамские и Никобарские острова, а также племена Ассама²⁶.

Помимо этого ученый выступал с докладами в Азиатском обществе. Лекция его о драмах Бхасы, опубликованная в декабре 1917 г.²⁷, включала общий обзор содержания пьес и анализ их стилистических особенностей. С точки зрения исследователя, основной проблемой являлась датировка текстов пьес, а не проблема авторства именно Бхасы (о чем преимущественно дискутировали ученые). Особое внимание он уделил драме «Свапна-васавадатта», которая и ныне с наибольшими основаниями может считаться древнейшей. Для датировки текста исследователь предлагал несколько критериев — сопоставление с эпосом, с «Натьяшастрой» и т.д. Он сравнивал драму с сочинениями Калидасы и находил, что если последние напоминают стиль искусства гуптской эпохи, то «Свапна-васавадатта» ближе вкусам кушанского времени. Общая тенденция развития индийской эстетики, по мнению Мерварта, — от простоты и реализма к утонченному изяществу. Видимо, не все драмы казались ему столь же древними, как «Свапна-васавадатта», — во всяком случае в «Балачаритре» он усматривал нечто вроде средневековой мистерии.

В «Трудах Азиатского общества» была напечатана также небольшая заметка Александра Михайловича о русском «бисмере» (безмене)²⁸. Его научная активность была отмечена избранием иностранным членом Азиатского общества.

К концу 1917 г. финансовое положение участников экспедиции стало отчаянным, в особенности после того, как была сокращена должность заведующего этнографическим отделом музея. Приходилось брать деньги в долг у сотрудников российского консульства В.В.Томановского и П.А.Рогальского. По телеграфу поступило сообщение о том, что еще в июле 1917 г. Академия наук выслала в Калькутту 522 фунта стерлингов. Однако, как писал Мерварт, «по причинам, стоящим в связи, вероятно, с происходящими в России переворотами, эта сумма до нас не дошла. У нас теперь не имеется средств ни на продолжение работы, ни на возвращение домой»²⁹. На предложение британских властей сменить гражданство и продать коллекцию этнографы ответили отказом.

7 января 1918 г. Российское посольство в Лондоне уведомило Генеральное консульство в Калькутте о том, что Петроградская Академия наук перевела чек на сумму 418 фунтов стерлингов для доктора Г.Х.Мерварта. В сопроводительном письме говорилось: «Вместе с сим Посольство покорнейше просит передать д-ру

Мерварту, что ввиду крайней сомнительности в дальнейших переводах и могущих возникнуть в связи с этим для него нежела- тельных затруднений ему следует употребить переводимую сумму денег на окончательную ликвидацию его научной экспедиции и на возвращение обратно в Россию вместе с супругой»³⁰. Деньги были получены лишь 26 февраля 1918 г. Истекал четвертый год путешествия.

В самом конце февраля 1918 г. из Калькутты во Владивосток отплывал пароход «Евгения», зафрахтованный еще в 1916 г. Поскольку торговое судно не должно было принимать на борт пасса- жиров, Александр Михайлович был оформлен сигнальщиком, а Людмила Александровна — фельдшером. Более 70 ящиков с коллекциями пришлось оставить на хранение в Индийском му- зее в Калькутте, лишь самое ценное удалось взять с собой. Мор- ской переход не обошелся без приключений. Отношения Англии с Советской Россией были настолько напряженными, что бри- танские власти в Бирме конфисковали судно как вражеское, а команду в качестве пленных 66 дней содержали в Рангунской крепости³¹. Когда 26 июля 1918 г. ученые прибыли во Владиво- сток, уже началась гражданская война и все дороги в Петроград были отрезаны.

В том же, 1918 г. супруги с несколькими коллегами «с боль- шой смелостью и очень небольшими силами и средствами осно- вали историко-филологический факультет»³², ставший частью Дальневосточного государственного университета. А.М.Мерварт читал там лекции по сравнительному языкознанию, санскриту и буддизму, а его супруга — по романо-германской филологии. Работал Александр Михайлович и доцентом восточного факуль- тета, ведя занятия по истории индийской культуры³³. Страшная инфляция заставляла не ограничиваться университетским препо- даванием и искать возможности заработка в сфере практиче- ской деятельности. А.М.Мерварт служил заведующим иностран- ным отделом в двух крупных торговых фирмах, был помощни- ком Главного секретаря Междусоюзного комитета железных до- рог³⁴. Его жена подрабатывала уроками и переводами. Ситуация еще более осложнилась после рождения детей — дочери Любви, а затем сына Владимира.

В марте 1920 г. А.М.Мерварт предлагал свои услуги Совет- скому правительству через представителя РСФСР во Влади- востоке В.Д.Виленского-Сибирякова³⁵. Он надеялся вернуться в Индию, получив место в русском консульстве. Попытки связать- ся с Петроградом и выяснить свое служебное положение в МАЭ не имели результата. С декабря 1921 г. Дальневосточный универ- ситет перестал платить жалованье преподавателям. В начале сен-

тября 1922 г. семья уехала в Харбин³⁶, где Александр Михайлович стал секретарем Пристанского отделения Русско-Азиатского банка, а его жена преподавала западноевропейские языки в гимназии. Лишь эпизодически удавалось заниматься наукой.

После войны постепенно восстанавливались международные связи. Из Мадраса в Академию наук сообщили, что собранные экспедицией коллекции находятся под угрозой полной гибели. С.Ф.Ольденбург развернул активную деятельность по вывозу в Петроград закупленных в Индии экспонатов. Весной 1921 г. Ф.И.Щербатской выехал в Лондон для чтения лекций по индийской философии. Он захватил с собой официальное письмо советскому торговому представителю Л.Б.Красину с просьбой всячески содействовать получению разрешения на этот счет от английских властей. Очевидно, могли быть полезны и личные контакты Ф.И.Щербатского с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном через посредство директора Лондонской школы восточных языков Денисона Росса. На спасение коллекций Советское правительство ассигновало 600 фунтов стерлингов³⁷.

Возник план возобновить индийскую экспедицию и самим собирателям организовать вывоз коллекций. На это предложение они ответили отказом, объяснив его мотивы в письме Л.Я.Штернбергу: «До войны Россия была еще богатой страной, которая могла легко позволить себе роскошь содержать и оплачивать двух научных работников в Индии. Теперь положение, к сожалению, сильно изменилось. Денег в России не хватает на самые насущные потребности, на восстановление производства, транспорта, торговли, наконец, просто на приличное прокормление народа <...> Мысль, что мы можем спокойно и сытно и даже с комфортом работать, отдаваясь всецело любимой научной деятельности, в то время когда сотни тысяч русских людей голодают, когда с большим трудом налаживается работой лучших людей расстроенная экономическая организация страны, была бы для нас абсолютно невыносима»³⁸.

Кроме того, по мнению А.М.Мерварта, в сложившихся обстоятельствах этнографическая деятельность в Индии вызвала бы такие подозрения британских властей и даже местного населения, что скоро стала бы совершенно невозможна. Ученый выдвинул иной план: назначить его работником консульства, торгового представительства или банка, а эту практическую деятельность он обещал совмещать с научной работой. Последнее предложение, очевидно, не получило поддержки.

Наконец летом 1923 г. пароход Балтийского государственного пароходства забрал 73 ящика (300 пудов) коллекций, хранивших-

ся в Индийском музее в Калькутте. Речь шла также о вывозе коллекций, находившихся в Мадрасе, Коломбо и Владивостоке³⁹. С окончанием гражданской войны встал вопрос и о возвращении самих путешественников. 27 августа 1923 г. они телеграфировали Штернбергу: «Обрадованы прибытием сохранности коллекции стремимся возможно скорее вернуться любимому делу хлопчите выдаче нам разрешения въезд командировочного проезда до Петрограда если возможно морем дабы взять коллекции Владивостока»⁴⁰. За телеграммой следовало письмо: «С прибытием коллекций вопрос о нашем возвращении стал на совсем другую и вполне ясную плоскость. До сих пор нам, собственно говоря, незачем было вернуться в Академию, ибо такое возвращение с пустыми руками, хотя и без нашей вины, было бы для нас и неприятно, и бесполезно. Теперь же перед нами задача определенная, и работа по крайней мере на год, если не больше — оживить эту коллекцию, превратить этот вещественный материал путем классификации, каталогизации и всестороннего описания в живую картину индийского быта. Конечно, это можем сделать только мы, и мы, ни минуты не колеблясь, решили как можно скорее вернуться в Петроград, в наш любимый музей к желанной работе»⁴¹.

В ноябре того же года Академия наук исплопотала бесплатный проезд «ученому Мерварту <...> с женой и двумя малолетними детьми» до ст. Петроград «в одной теплушке пассажирской скоростью»⁴². Однако из-за болезни Людмилы Александровны отъезд задержался до 28 июня 1924 г.⁴³. По пути следования им пришлось еще дожидаться в Чите товарного поезда из Владивостока, чтобы забрать остававшиеся там 12 ящиков с экспедиционными материалами, рукописями и книгами. В Ленинграде Александр Михайлович стал ученым хранителем (с 16 сентября 1924 г.), а его супруга — младшим научным сотрудником МАЭ. К юбилею Академии наук в 1925 г. планировалось долгожданное открытие экспозиции отдела Индии. К концу 1926 г. учеными были разобраны 4,5 тыс. предметов и более 1,5 тыс. фотографий.

Работа супругов Мерварт не ограничивалась их деятельностью в музее. Они активно принялись за преподавание. В университетах дореволюционной России практически не изучали ни разговорные языки Индии, ни современное положение в стране. Проблема эта очень остро встала перед советскими вузами в 20-х годах. Сразу же после возвращения Александр Михайлович был приглашен в Ленинградский институт живых восточных языков (Ленинградский Восточный институт — ЛВИ) в качестве доцента для чтения лекций по страноведению Индии и проведения занятий по тамильскому языку. С 1925 г. он стал доцентом также и

на восточном цикле ямфака (факультета языкознания и материальной культуры), а затем на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. На разных курсах Мерварт вел занятия по географии и этнографии Индии, политической и социальной истории страны, по сравнительной грамматике дравидийских языков, индийским религиям, музееведению, преподавал литературный и разговорный тамильский язык⁴⁴.

В 1927/28 г. Александр Михайлович был приглашен на Высшие курсы Российского Института истории искусств для чтения лекций по истории и технике индийского театра⁴⁵. Кроме того, он выступал с докладами в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и на заседаниях Радловского кружка при МАЭ, читал популярные лекции по истории техники в I Рабоче-крестьянском университете. Людмила Александровна работу в МАЭ также совмещала с лекционной деятельностью и сотрудничеством в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени А.Н.Веселовского при ЛГУ (1924—1927)⁴⁶.

Первые их публикации стали появляться, кажется, сразу же после возвращения в Ленинград. Уже в 1925 г. был напечатан небольшой очерк Л.А.Мерварт «Парии Цейлона» в журнале «Вестник знания». В 1926 г. в Париже вышла большая статья А.М.Мерварта, посвященная театру *катхакали*⁴⁷, — первое в европейской научной литературе подробное описание его представлений. Работа отличалась тщательностью и тонкостью наблюдений очевидца — профессионального этнографа. В том же году вышла статья Александра Михайловича «Роль музеев в культуре современной Индии»⁴⁸ и рецензия на книгу Ходсона о первобытных племенах Индии⁴⁹.

Следующий, 1927 г. был особенно богат событиями и публикациями. У Людмилы Александровны вышли две статьи: по цейлонскому фольклору⁵⁰ и по индийской этнографии — об обрядовых уборках кашмирских брахманов⁵¹. Напечатан был их общий отчет об экспедиции⁵² и небольшая книжка — путеводитель по индийскому отделу МАЭ⁵³. Последний не был простым описанием вещей; Александр Михайлович с полным основанием сопроводил его подзаголовком: «Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ». Это было, действительно, введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию «изнутри», по личным наблюдениям. Как свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне.

Кроме того, появились еще три статьи Мерварта: «Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме»⁵⁴, «Достижения и про-

блемы индийской этнографии»⁵⁵ и «Музейное дело в Индии»⁵⁶. По существу, здесь сконцентрированы были все три основных направления деятельности ученого⁵⁷: дравидология, театр и этнография, музейное дело.

Публикации об индийских музеях были актуальны в Советской России. Автор отмечал роль музея как центра народного образования. Особенно важной эта роль оказывалась в тех странах, где подавляющее большинство населения было неграмотно — как колониальная Индия или Советская Россия. Музей здесь мог заменить и книгу, и школу — в особенности, если показ экспозиции сочетался с лекционной просветительской работой, своего рода народным университетом. Александр Михайлович привлек внимание к опыту Археологической службы Индии в деле охраны памятников, организации выставок на месте раскопок, создания небольших музеев, органично сливающихся с естественным ландшафтом. Ученый демонстрировал связь индийских музеев с развитием кустарных промыслов, отмечал их значение в качестве центров краеведения, их функцию хранителей культурного наследия как отдельных народностей, так и страны в целом. Именно эти проблемы стояли и перед советской научной общественностью — в канун «великого перелома» и разгрома краеведения.

Не меньший интерес вызвала работа ученого и в другом направлении — изучении восточного театра. Еще в 1923 г. преподаватели ЛВИ читали цикл общедоступных лекций о театре: об Индии говорил С.Ф.Ольденбург, о Японии — Н.И.Конрад, о Китае — В.М.Алексеев, о Турции — А.Н.Самойлович, о Персии — Е.Э.Бертельс, о Тибете — Б.Я.Владимирцов⁵⁸. Интерес к этой тематике был велик — и в научной, и в артистической среде. К 15-летию юбилею Российского Института истории искусств А.М.Мерварт предложил устроить выставку «Театр Востока». С.Ф.Ольденбург отнесся к этой идее очень сочувственно и обещал предоставить Большой конференц-зал Академии наук. Помимо экспонатов из МАЭ были вещи из фондов Русского музея (имевшего тогда Буддийский отдел) и музея Государственных академических театров. В выставочный комитет входили А.А.Гвоздев — председатель разряда истории и теории театра Российского Института истории искусств, Н.И.Конрад, А.М.Мерварт и А.Н.Самойлович. Выставка работала с 26 марта по 11 апреля 1927 г.⁵⁹. Под редакцией Мерварта был выпущен путеводитель, в составлении которого участвовали также В.М.Алексеев, Е.Э.Бертельс, В.Я.Владимирцов, Л.А.Мерварт, Н.Я.Марр, А.Н.Самойлович и Н.И.Конрад. В связи с работой выставки лекции читали выдающиеся востоковеды — В.М.Алексеев, Е.Э.Бертельс, Н.И.Кон-

рад. Сам Александр Михайлович рассказывал об индийском народном театре и вишнуйских культовых действиях, а его жена — о малайском театре теней и марионеток и театре одного актера.

По мысли устроителя, выставка и лекции преследовали двоякую цель⁶⁰. С одной стороны, привлекалось внимание к научной проблеме, к важному аспекту культуры восточных стран; с другой — возникали новые идеи, способствовавшие возрождению театрального искусства. Выставка имела большой успех — такой же, как знаменитая I Буддийская выставка 1919 г. Ее посещало по 200 чел. в день, на лекции собиралось около 150 чел.

Этот успех Александр Михайлович хотел закрепить изданием сборника статей. Еще в 1926 г. он подавал заявку⁶¹ в издательство Academia на небольшую книгу «Народный театр Индии». Материал ее составил значительную часть сборника «Восточный театр», вышедшего под его редакцией. В числе авторов были также Н.И.Конрад (японский театр), Б.А.Васильев (китайский театр) и Л.А.Мерварт (малайский театр). В предисловии ученый писал: «Нет сомнения, что в настоящее время перестройки театрального дела на новых началах научное освещение в доступной форме мало изученной области театральной жизни <...> наведет на ряд новых идей»⁶².

В том же, 1927 г. состоялась продолжительная (с 1 апреля по 8 октября) заграничная командировка супругов Мерварт в Германию, Голландию и Францию⁶³. Александр Михайлович вел переговоры с Л.Шерманом в Мюнхене о возобновлении связей между музеями и о систематическом обмене коллекциями. Обсуждение аналогичных проблем происходило в Берлине, Лейпциге и Штутгарте, в Лейдене и Арнгейме, в Брно и Любляне. В Голландии Людмила Александровна изучала малайский язык и литературу по этнографии Индонезии, так как вслед за индийским в МАЭ открывался отдел Индонезии и она была назначена его заведующей.

Особое внимание этнографов привлекли новая техника и приемы экспонирования вещей, устройство музеев под открытым небом, связь выставок с учебным процессом. Важно было и обсуждение общих проблем с зарубежными коллегами. Л.А.Мерварт сочувственно цитировала слова одного из ведущих голландских ученых: этнография убедительно показывает, что «достижения прошлого не есть результат творчества немногих одиночек, но сам народ созидает основное здание всякой культуры»⁶⁴, — идея, близкая советской науке 20-х годов.

Одна из задач командировки А.М.Мерварта была связана с дравидологией. Он составил первую русскую «Граматику разго-

ворного тамильского языка», по которой должны были обучаться студенты ЛВИ. Такого рода пособий практически не было еще и в Западной Европе. По наведенным справкам, тамильский язык систематически нигде не преподавался. Через Надежду Щупак, жившую в Париже⁶⁵, удалось связаться с тамильским студентом Р.Рао. С ним Александр Михайлович и занимался проверкой своей грамматики, в Париже он собирал для нее дополнительный материал. Огромные сложности вызывало и издание книги. Тамильский шрифт был заказан в Лейпциге с помощью Л.Шермана. А.М.Мерварт с большой настойчивостью просил С.Ф.Ольденбурга финансировать эту покупку за счет Академии наук⁶⁶. Директору МАЭ Е.Ф.Карскому он предлагал закупить в Индии фонографические записи с учебной целью⁶⁷.

Во время пребывания в Берлине ученый широко делился впечатлениями и результатами своей научной экспедиции, вызвав большой интерес коллег. Л.Шерман пригласил его в июне—июле следующего года читать лекции в Мюнхене по дравидийской этнографии⁶⁸. Из Восточного семинария Берлинского университета поступило письмо следующего содержания: «Огромный успех Вашего доклада о *катхакали* в Институте театроведения нашего университета заставляет нас просить Вас прочитать несколько лекций о народной жизни юга Индостана. Эта тема является пробелом в нашем учебном плане на 1928 г.»⁶⁹.

Год заканчивался серией успехов. 23 декабря Всеукраинская научная ассоциация востоковедов избрала Александра Михайловича своим членом-корреспондентом⁷⁰. 29 декабря Коллегия востоковедов при Азиатском музее избрала его действительным членом⁷¹. Еще ранее он стал действительным членом Института истории искусств по секции истории театра⁷².

Но события развивались противоречиво. На 1928 г. Академия наук не имела средств для заграничных командировок⁷³. Были опубликованы две ранее подготовленные статьи — по санскритской драме⁷⁴ и дравидийской лингвистике⁷⁵, а также перевод тамильского памятника «Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников»⁷⁶. В последнем случае, однако, предисловие Мерварта было снято без согласования с ним, что в значительной мере обесценило публикацию. Удивительно, что вообще этот памятник старинной литературы смог появиться на страницах журнала «Вестник иностранной литературы». В архиве сохранилось следующее послание из редакции: «Редакция с удовлетворением принимает Ваше предложение на переводах (sic!) разных индийских литератур. Одновременно ставим Вас в известность, что нас интересуют исключительно социальные и современные произведения»⁷⁷.

В 1927 г. Александр Михайлович получил извещение с ямфака, что на будущий год он «оставлен без поручений с правом получения двухнедельного выходного пособия»⁷⁸. В следующем, 1928 г. он был вычеркнут из списка преподавателей ЛВИ⁷⁹. Обстановка быстро менялась не только в востоковедении — в Ленинграде, во всей стране.

1929 г. отмечен выходом долгожданных книг: «Грамматики разговорного тамильского языка» в издании ЛВИ, сборника «Восточный театр» в издательстве Academia и «В глуши Цейлона» в издательстве П.П.Сойкина. Увлекательный очерк цейлонского быта должен был стать первым выпуском целой серии этнографических публикаций (второй, видимо, предполагалось посвятить Малабарскому берегу Индии). Неутомимый исследователь строил новые планы. Для «Малой энциклопедии Зарубежного Востока» им были написаны обстоятельные статьи по языкам и памятникам старины и искусства Индии⁸⁰. В Главнауку Ф.Н.Петрову была передана рукопись сборника статей «Этнографические музеи в Западной Европе»⁸¹. Александр Михайлович дал в ней описание музеев Германии, а его жена — музеев Голландии. Статьи сборника содержали полезный материал об опыте западноевропейских коллег и их исканиях «новых путей музейного строительства».

С 1926 г. А.М.Мерварт по поручению ЛВИ писал учебное пособие «Индия — страна и люди»⁸². Рукопись книги под названием «История индийских народов» (объемом 15 п.л.) готовилась для издания в Ленинградском отделении Госиздата⁸³. В качестве приложения к «Вестнику знания» ученый предлагал книгу «Разные течения общественной мысли в современной Индии». Он не оставлял также надежды опубликовать те переводы с санскрита и тамильского, которые были выполнены в Индии. Но всем этим планам уже не суждено было осуществиться.

В 1929 г. началась реорганизация Академии наук. Никакие компромиссы с властью не спасли С.Ф.Ольденбурга — он был снят с должности неперменного секретаря Академии. Пошли аресты. Контрреволюцию обнаружили и в МАЭ. В октябре была арестована Людмила Александровна. Через некоторое время ее освободили, но 14 декабря арестовали мужа (видимо, вскоре его выпустили, но 13 января 1930 г. арестовали вновь). Немец, который говорил на пяти европейских языках, на китайском и нескольких индийских, долго живший за рубежами СССР, казался очень удобной фигурой для громкого процесса. В так называемом академическом деле, которое было призвано терроризировать ученых и всю интеллигенцию, Александр Михайлович фигурировал как резидент германской разведки и активный участ-

ник «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»⁸⁴. Арестом больной жены, угрозами в отношении детей следователи сломали его и принудили к «сотрудничеству». 8 августа 1931 г. коллегия ОГПУ приговорила его к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Он умер через несколько месяцев в Ухтпечлаге⁸⁵.

Практически полностью пропали его научные архивы. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (ПФ АРАН) хранится рукопись перевода мистерии в пяти действиях Бхасы «Подвиги младенца Кришны» (с надписью «начато в Дели 1 ноября 1916 г., кончено в Серампуре 31 мая 1917 г.»)⁸⁶, в фонде М.И.Тубьянского (также репрессированного индолога) — машинопись перевода «Свапнавасадатты» (без титульного листа, но, очевидно, выполненного А.М.Мервартом)⁸⁷. Небольшие фрагменты из «Введения в дравидийскую филологию», из «Истории индийских народов» и статьи для энциклопедии находятся в фонде Д.К.Зеленина⁸⁸ и в архиве МАЭ.

Людмила Александровна была вторично арестована 8 июля 1930 г. и приговорена к пяти годам заключения. В 1941 г. их сын погиб в боях под Москвой. В судьбе семьи отразилась трагедия поколения, трагедия страны.

С 1944 г. Людмила Александровна жила с дочерью в Москве. Она работала в Издательстве иностранных и национальных словарей, преподавала в Московском Институте востоковедения и Военном институте иностранных языков, а с 1954 г. — в МГИМО. Индонезисты вспоминают о ней как об учителе⁸⁹. Л.А.Мерварт скончалась в 1965 г.

Значение экспедиции супругов Мерварт в Индию и на Цейлон исключительно велико. Во многих областях индологии они были пионерами. По существу, именно они создали индийский отдел МАЭ. В собранных ими коллекциях (№ 27—88) представлены материальная культура и верования народностей разных областей и антропологических групп, первобытные племена и большие города, индуисты и буддисты, мусульмане и христиане. Написанные ими этнографические очерки сохраняют живые черты уходящего традиционного быта Южной Азии.

Ведущее место в научном наследии А.М.Мерварта занимают проблемы дравидологии, области совершенно новой не только в России, но и в Западной Европе, и даже в Индии. Сам ученый отмечал: «Как это ни странно, СССР в настоящее время — почти единственная страна, в которой культивируется эта область индологии»⁹⁰. Им была подготовлена грамматика тамильского языка. Одним из первых Александр Михайлович стал рассматривать классическую индийскую культуру как «результат скрещи-

вания целого ряда культур — австралополинезийской, дравидийской, арийской и др.»⁹¹. Он подчеркивал, что влияние дравидийского субстрата проявляется уже в языке Вед, и многого ждал от изучения только что открытой тогда Хараппской культуры, предполагая, что создателями последней были предки дравидов (гипотеза, приобретающая ныне все больше сторонников).

Индуистские культы Мерварт рассматривал как этнограф, выводя их истоки из племенных верований и религиозных представлений первобытных народностей Индостана. Этнографическому анализу он подвергал и произведения классической литературы древней Индии. Книга, которую ученый не успел закончить, не случайно носила столь непривычное название «История индийских народов» (а не просто «История Индии»). Это был принцип, кажущийся сегодня как нельзя более современным.

А.М.Мерварт одним из первых привлек внимание исследователей к проблеме народного театра Индии. Он дал классическое описание *катхакали*. Собранный им значительный этнографический материал позволил поставить ряд новых научных проблем: о различных формах театральных зрелищ и представлений, народных истоках санскритской драмы и в то же время о влиянии последней на современный фольклорный театр, в частности Южной Индии.

В изучении Цейлона предшественником супругов Мерварт в России был лишь И.П.Минаев, но замечательного буддолога привлекали главным образом старинные рукописи и развалины монастырей, а не этнография острова. Участники экспедиции собирали фольклор и материалы по народным верованиям сингалцев. Их подход к народному творчеству и живой религии населения сохранил научную актуальность.

Результаты экспедиции в Индию и на Цейлон не могли быть полностью реализованы. На всю научную деятельность Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт после возвращения в Ленинград было отпущено всего неполных пять лет... Должна была сформироваться целая научная школа русских цейлонистов, дравидологов, специалистов по театру и этнографии Южной Азии. Но все было прервано в самом начале.

¹ См.: *Краснодембская Н.Г.* Труженики и романтики этнографической науки. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб., 1997, с. 315—325; *Люстerner Е.Я.* Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914—18 гг. — *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Вып. IV. Л., 1975, с. 58—63.

² Мерварт Л.А. Как бестужевки впервые сдавали государственные экзамены. — Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.) Л., 1965, с. 215—217.

³ Письмо А.М.Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).

⁴ Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М., 1983, с. 68.

⁵ О деятельности М.С.Андреева в качестве военного агента см.: АВПРИ, ф. 214. Консульство в Бомбее, оп. 779, д. 162; ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 220.

⁶ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997, с. 431.

⁷ См., например: Джарылгасинова Р.Ш., Сорокина М.Ю. Академик Н.И.Конрад: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности. — Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. Вып. 1. М., 1999 (2-е изд. М., 2003 г.), с. 217, 218.

⁸ См.: Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). М., 1984.

⁹ Надпись на книге А.М. и Л.А. Мерварт «В глуши Цейлона» (см. Каталог библиотеки С.Ф.Ольденбурга. Душанбе, 1989).

¹⁰ Из письма А.М.Мерварта В.В.Радлову от 9.VII.1913 г. (Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. М., 1999, с. 393).

¹¹ Там же, с. 395.

¹² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 67, л. 176.

¹³ Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг., с. 396.

¹⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 60, л. 6.

¹⁵ Там же, л. 23.

¹⁶ Там же, л. 15—16.

¹⁷ Там же, л. 18—20. Речь идет о немецком индологе Антоне Гюте, который, приняв имя Ньянатилака, стал буддийским монахом.

¹⁸ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 67, л. 279—280.

¹⁹ В секретном донесении вице-консула Б.П.Кадомова говорилось: «По своей наружности, привычкам г. Мерварт является типичным немцем <...> К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспыльчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам» (Русско-индийские отношения, с. 401—402). Особую тревогу колониальным властям внушали контакты А.М.Мерварта с цейлонскими националистами из общества «Махабодхи». Русских ученых подвергли обыску, их дальнейшая работа на острове стала невозможна. См.: АВПРИ, ф. 147. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1027, л. 9—15.

²⁰ См.: ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 61.

²¹ См., например, отзыв, опубликованный в «Ceylon Antiquary» (ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 76).

²² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 60, л. 27.

²³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 5.

²⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 69, 70 и др.

²⁵ См. переписку в АВПРИ: ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 84, л. 13—15.

²⁶ A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta, 1917; The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam. Ethnographic Gallery Guide, Book 2. Calcutta, 1919.

²⁷ *Meerwarth A.M.* The Dramas of Bhasa: A Literary Study. — Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917, vol. XIII, № 5, p. 261—280.

²⁸ *Meerwarth G.H.* The "Bismar" in Russia. — Memoirs of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1917, vol. IV, p. 200.

²⁹ АВПРИ, ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 60, л. 74.

³⁰ Там же, л. 76.

³¹ См.: *Веселодов И., Никифоров А.* Настоящая радуга. Рассказы о русских путешественниках в Бирме. М., 1973, с. 158—163.

³² ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 10.

³³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 35.

³⁴ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 10.

³⁵ Там же, л. 7.

³⁶ См.: там же, л. 2, 10, 16.

³⁷ ПФ АРАН, ф. 725, оп. 2, д. 22; см. также ф. 282-2, д. 195, л. 2.

³⁸ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 3—4.

³⁹ ПФ АРАН, ф. 250, оп. 3, д. 86, л. 3—4.

⁴⁰ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 28.

⁴¹ Там же, л. 5—8.

⁴² Там же, л. 9.

⁴³ Там же, л. 17, 18об., 23 об.

⁴⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 9—10, 22, 23, 27; ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 32, 34 и об., 48, 53.

⁴⁵ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 15, 25.

⁴⁶ *Милицанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов Т. II. М., 1995, с. 72.

⁴⁷ *Les Kathakalis du Malabar.* — Journal Asiatique. 1926, p. 198—284.

⁴⁸ *Мерварт А.М.* Роль музеев в культуре современной Индии. — Научный работник. М., 1926, № 2, с. 84—96.

⁴⁹ Этнография. М., 1926. Кн. 1—2.

⁵⁰ *Мерварт Л.А.* Техника сказывания сказок у сингалцев. — Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927, с. 50—59.

⁵¹ *Мерварт Л.А.* Обрядовые уборы кашмирских брахманов. — Сборник МАЭ. Л., 1927, т. VI, с. 165—209.

⁵² *Мерварт А.М.* и *Л.А.* Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914—1918 гг. Л., 1927, 24 с.

⁵³ *Мерварт А.М.* Отдел Индии. Краткий путеводитель по Музею антропологии и этнографии. Л., 1927, 96 с.

⁵⁴ *Мерварт А.М.* Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме. — Восточные записки. Л., 1927, т. 1, с. 117—130.

⁵⁵ *Мерварт А.М.* Достижения и проблемы индийской этнографии. — Этнография. М., 1927. Кн. 3, № 1, с. 123—156.

⁵⁶ *Мерварт А.М.* Музейное дело в Индии. — Известия ГАИМК. Л., 1927, т. 5, с. 139—156.

⁵⁷ Письмо А.М.Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).

⁵⁸ *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский Восточный институт. М., 1977, с. 35. В 1923 г. Российский Институт истории искусств издал перевод книги Карла Гегемана «Игры народов. Вып. 1. Индия». Она была объявлена как часть неперидической серии «Восточный театр».

⁵⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 2 и сл.

⁶⁰ Там же, л. 4.

⁶¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 13.

⁶² Восточный театр. Сб. статей. Л., 1929, с. 3—4.

- ⁶³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9.
- ⁶⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 75, л. 17.
- ⁶⁵ Людмила Александровна могла знать ее по Бестужевским курсам, которые Надежда Овсеевна Щупак (урожденная Штейнберг) окончила в 1908 г. Н.Щупак училась затем в Париже у С.Леви и работала как санскритолог под его руководством. См. о ней: Nadine Stchoupak (1886—1941). P., 1945.
- ⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 18, 21
- ⁶⁷ Там же, л. 20.
- ⁶⁸ Там же, л. 22.
- ⁶⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 26.
- ⁷⁰ Там же, л. 27.
- ⁷¹ Там же, л. 28.
- ⁷² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 15.
- ⁷³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 70.
- ⁷⁴ *Мерварт А.М.* Элемент народного творчества в классической драме древней Индии. — Сборник МАЭ. 1928, т. VII, с. 267—282.
- ⁷⁵ The History of the Intervocalic Stops in the Dravidian Languages. — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л., 1928, № 7, с. 142—149.
- ⁷⁶ Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников. — Вестник иностранной литературы. М.—Л., 1928, № 12, с. 45—66.
- ⁷⁷ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 43.
- ⁷⁸ Там же, л. 39.
- ⁷⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 28.
- ⁸⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 41. Ср. письмо А.М.Мерварт С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).
- ⁸¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 27; ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 43. Статью Л.А.Мерварт см. ф. 142, оп. 2, д. 74.
- ⁸² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 19.
- ⁸³ Письмо А.М.Мерварт С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).
- ⁸⁴ См.: *Перчёнок Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе». — Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991, с. 219; Академическое дело 1929—31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. СПб., 1993.
- ⁸⁵ *Васильков Я.В.* и др. Репрессированное востоковедение. — Народы Азии и Африки. 1990, № 5, с. 97.
- ⁸⁶ Подвиги младенца Кришны (мистерия в пяти действиях Бхасы). ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 72.
- ⁸⁷ Петербургский филиал ИВ РАН. Архив востоковедов, ф. 53, оп. 1, д. 44.
- ⁸⁸ См.: ПФ АРАН, ф. 849, оп. 5, д. 465—469.
- ⁸⁹ *Алиева Н.Ф.* Л.А.Мерварт (1888—1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР. — Слово об учителях. Московские востоковеды 30—60-х годов. М., 1988, с. 139—146; *Парникель Б.В.* Предисловие. — Сказание о Санг Боме. Пер. с малайск. Л.А.Мерварт. М., 1973, с. 3.
- ⁹⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 26 об.
- ⁹¹ Там же, л. 48. Ср.: *Мерварт А.М.* Достижения и проблемы индийской этнографии, с. 134.

Э.Л.Нитобург

Ю.П.Петрова-Аверкиева: ученый и человек

«Хвуана из рода квакиютлей» — под таким интригующим названием более четверти века назад в петрозаводской газете появился небольшой очерк о жизни и пути в науке уроженки Карелии, ученого-американиста и главного редактора журнала «Советская этнография» Юлии Павловны Петровой-Аверкиевой*. Автор очерка в живой и увлекательной форме познакомил ее земляков с необычной и счастливой судьбой комсомолки, дочери простого лесоруба, ставшей женой видного советского дипломата, которая посвятила себя науке и обрела широкую известность как этнограф, специалист в области культуры и социальных отношений индейцев Северной Америки¹. На самом деле, однако, судьба далеко не часто баловала героиню очерка. Изломы ее жизненного пути напоминают скорее аттракцион, известный у нас как американские, а на западе — как русские горки. Но автор очерка многого не знал, а если бы и знал, то не смог бы тогда опубликовать. В подобном положении находились в 1980 г. и авторы некролога в «Советской этнографии», посвященного Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Пришла пора наконец попытаться полнее рассказать об этом незаурядном человеке.

Среди своих предков Юлия Павловна называла онежских крестьян-поморов села Малошуйка Архангельской губернии, по отцу — Аверкиевых, а по материнской линии — Андроновых. Но уже дед ее, Андрей Аверкиев, отходничал на лесозаготовках в карельских лесах Кемского уезда Архангельщины, куда затем стал брать с собой и сына Павла, работавшего там сначала кашеваром, а когда подрос, то, как и отец, лесорубом. Решив вскоре после женитьбы переехать из Малошуйки в те края, Павел

* Выражаю признательность и благодарность за помощь, оказанную в сборе материала для очерка о Ю.П.Петровой-Аверкиевой, ее дочери, Зинаиде Аполлоновне Петровой, и внуку, Антонию Джемаловичу Ниорадзе.

Андреевич с ожидавшей ребенка молодой женой летом 1907 г. отправились туда. Но роды наступили уже в пути, 24 июля в селе Подужемье. Назвали дочь Юлией, и первые детские ее воспоминания были связаны с затерянной в тайге, к востоку от финской границы, деревушкой Тихозеро, где отец работал на заготовке и сплаве леса. В первые классы школы девочке, с тетрадками и бутылкой молока в холщовой сумке, приходилось зимой ходить через озеро в ближнюю деревню. К этому времени у нее появились сестренки: в 1912 г. — Вера, а в 1915 г. — Аня. В зимние месяцы семья жила вместе, а летом мать уезжала с детьми к бабушке в Малошуйку на сельскохозяйственные работы. В 1916 г. все перебрались на жительство в г. Кемь, где соседями по дому оказалась семья политического ссыльного Синцова, у которого собирались его друзья. Заметив способности девочки, его жена, Анастасия Андриановна, перед возвращением их из ссылки в Петроград посоветовала Юле обязательно учиться и оставила свой адрес. Однако в 1918 г. семья лишилась матери, и рано овдовевший Аверкиев спустя некоторое время женился на местной жительнице, которая научила Юлю карельскому языку. Поскольку отец целыми днями работал в лесу и дома бывал в основном по воскресеньям, Юле уже с 11 лет пришлось взять на себя заботы не только о доме и хозяйстве, но и о двух младших сестренках. В то же время она продолжала учиться в школе. Привыкнув к северному климату и сильно пересеченной местности, она стала превосходной лыжницей, а спортивную форму старалась поддерживать даже в пожилом возрасте². В 1925 г., когда Юля Аверкиева окончила в г. Кемь (вошедшем к этому времени в состав Карельской АССР) среднюю школу, она уже обладала достаточно сильным характером.

Успехи ее в школе были замечены, и Наркомпрос Карелии направил Юлю на учебу в вуз. Сдав в Петрозаводске вступительные экзамены, она осенью 1925 г. поступила на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета³. Карельская земля веками была местом слияния славянской и финно-угорской культур. Не исключено поэтому, что такой выбор определила богатая и своеобразная культура смешанного карело-русского населения, среди которого прошло детство Ю.Аверкиевой. Попав на установочную лекцию проф. Владимира Германовича Богораза, она поняла, что ее призвание — именно этнография. Под руководством таких выдающихся ученых, как Л.Я.Штернберг (1861—1927) и В.Г.Богораз (1865—1936), она специализировалась в университете в области финно-угроведения, упорно совершенствуя знание финского языка и уже с младших курсов активно участвуя в этнографических экспедициях в Ухту,

Ладвозеро, Вокнаволок и другие места родной Карелии⁴. «Мы устраивали наши экспедиции исключительно из молодежи на том основании, что учиться работать должна молодежь, — писал в предисловии к сборнику студенческих работ В.Г.Богораз. — Этнография не живет в кабинетах. Она живет в полевой работе»⁵.

Заканчивая весной 1929 г. Университет как специалист по родному краю и его народу, Юлия собиралась возвращаться в отцовский дом, но судьба распорядилась иначе. Как раз к этому времени вернулся из поездки в США Богораз. По договоренности со всемирно известным антропологом и одним из основоположников американской этнографии Францем Боасом (1858—1942) об обмене студентами, он впервые привез пять приглашений для советских студентов продолжить учиться и специализироваться в Америке. Но когда одно из них — стипендию Барнард-колледжа Колумбийского университета в Нью-Йорке — предложили в ректорате студентке Ю.Аверкиевой, она от нее отказалась и обратилась за поддержкой в карельский Наркомпрос. Однако ей ответили, что выпавшую возможность надо почитать за честь и собираться в дорогу. После такого напутствия пришлось, как вспоминала она, до одурения заниматься английским языком на курсах, да еще и брать частные уроки. Но экипироваться как следует ей удалось уже только в Берлине, где были распределены по американским учебным заведениям и городам все участники группы⁶. 27 сентября 1929 г. Богораз в письме Боасу еще раз представил и рекомендовал направляемую к нему свою студентку Юлию Аверкиеву⁷.

В Нью-Йорке, куда она прибыла в начале октября, Юлия оказалась одна. А вскоре Богоразу пришло письмо из деканата Барнард-колледжа от Вирджинии Гильдерслив, сообщавшей, что она была рада познакомиться с «русской студенткой» Джулией Аверкиевой, «умной и приятной девушкой». «Хотя ее английский язык еще довольно слаб, я совершенно уверена, что он улучшится очень быстро», — писала Вирджиния Гильдерслив и выражала благодарность Богоразу. Копия письма была передана в ректорат ЛГУ⁸, и 4 февраля 1930 г. в газете «Красная Карелия» появилась заметка о пребывании студентки из Петрозаводска Ю.Аверкиевой в Америке и ее учебе «под руководством знаменитого профессора Боазе»⁹.

Специализацию надлежало проходить на возглавляемом тогда Боасом антропологическом (этнографическом) отделении Колумбийского университета, частью которого являлся женский Барнард-колледж. Он располагался на Бродвее за высоким забором, и там, по воспоминаниям Аверкиевой, существовали почти монастырские нравы. Директриса, весьма чопорная дама, время от времени приглашала к себе «на вечерний чай» для неформаль-

ного общения нескольких студенток, и однажды в их числе оказалась Юлия. Америку поразила «великая депрессия» 1929—1933 гг., дипломатических отношений между США и СССР тогда еще не было, американцы мало знали об этой огромной стране, а слухи о ней ходили самые различные. Естественно, что студентка оттуда оказалась в центре внимания и ее буквально засыпали вопросами, на которые она, хотя и с помощью владевшей русским преподавательницы, старалась подробно ответить. В колледже Юлия изучала историю американской этнографии под непосредственным руководством проф. Рейгард, которая, учитывая трудности русской студентки с английским, стала уделять ей раз в неделю дополнительное время¹⁰. Наряду с занятиями в колледже Юлия посещала лекции Боаса. О своих занятиях она рассказывала в письмах Богоразу.

Между тем время шло, и однажды, беседуя с Аверкиевой, Боас сказал: «У вас дела идут неплохо, Джулия, но теорию надо подкрепить практикой. Как бы вы отнеслись к тому, что я возьму вас в экспедицию?» — «Очень хорошо бы отнеслась», — ответила она, и после специальной подготовки под его руководством к этой поездке Юлия в октябре 1930 г. оказалась вместе с Боасом на северо-востоке канадского острова Ванкувер, в индейской деревне Форт-Руперт, где жили индейцы квакиютль (квакиутл). Боас относился к студентке из России с большой теплотой, летом она жила в его коттедже, а чтобы без визы провезти Юлию на Ванкувер, он выдал ее за свою внучку¹¹.

Остров Ванкувер, крупнейший (300 миль в длину) из цепочки островов, протянувшейся вдоль северо-западного побережья Северной Америки, входит в состав канадской провинции Британская Колумбия, у побережья которой он расположен. Благодаря высокой влажности и сравнительно мягкому климату низины и склоны подступающих к его берегам гор покрыты пышной растительностью. Особенно богата здесь морская фауна: киты, тюлени, котики, палтус, треска, сельдь, лососевые и т.д. Предоставляя разнообразные пищевые ресурсы, природа этого района издавна способствовала привлечению сюда человека и развитию культуры, особенно связанной с морем. В течение тысячелетий здесь сложилась своеобразная индейская культура, основанная на ловле лососевых и охоте на морских, а также лесных животных. Древнейшими насельниками северо-западного побережья считаются племена вакашей — нутка и квакиютль. Позже сюда пришли и другие племена.

Впервые посетив северо-западное побережье в 1886 г., Боас посвятил изучению населявших его индейцев всю свою жизнь. Тогда же он впервые побывал на острове Ванкувер, северную часть которого заселили квакиютли, и в последующие 45 лет

приезжал сюда для изучения их социальной организации, языка, материальной и духовной культуры около десятка раз. Плодом этих экспедиций явились семь его книг о квакиютлях.

Полевая работа Аверкиевой на острове Ванкувер длилась до середины января 1931 г. Она жила среди квакиютлей: разделяла их бытовые заботы, изучала их хозяйство, межплеменной торговый обмен, социальную организацию, обычаи и обряды, наблюдала их танцы, участвовала в их праздниках. Юлия убедилась на своем собственном опыте в их высокоразвитом чувстве собственного достоинства, в верности друзьям. И квакиютли, оценив ее трудолюбие, внимание и дружественное отношение к ним, также относились к ней с большим уважением, выразив это специальным обрядом принятия Юлии в члены одного из родов племени. Назвав ее индейским именем Хвуана, они вручили ей родовой тотем в виде ярко раскрашенного орла, терзающего касатку. Юлия Павловна всегда сохраняла его на своем письменном столе¹². Эта четырехмесячная (с октября 1930 по январь 1931 г.) экспедиция навсегда определила круг научных интересов будущего уникального в нашей стране специалиста в области этнографического изучения индейцев Северной Америки — продолжателя традиции, начало которой было положено еще первой русской академической экспедицией И.Г.Вознесенского, обследовавшей в 1840—1845 гг. северо-западное побережье Америки от Берингова пролива до Калифорнии.

В число поручений, данных Боасом «русской студентке» на Ванкувере, входило изучение и «освоение» так называемой веревочной игры на пальцах рук и сбор материала о конструируемых при этом «веревочных фигурах». Она занималась этим более трех месяцев, оставив Боасу пухлую рукопись объемом в 391 страницу, коллекцию из 102 таких фигур, а также описание методов их конструирования с соответствующими фотографиями и карандашными рисунками, сделанное ею уже в Нью-Йорке перед отъездом на родину. Позже, став аспиранткой, она включала эту работу в перечень своих научных трудов¹³. Однако Боас в 1942 г. умер, так и не успев подготовить эту рукопись к публикации, а его наследники передали ее на хранение в Американский музей естественной истории лишь в 1960 г. Но и там эта работа пребывала в забвении вплоть до 1982 г., когда ее после нескольких лет поисков обнаружил и постепенно подготовил к изданию молодой исследователь Марк Шерман. В 1992 г. рукопись наконец была опубликована, и тогда выяснилось, что, хотя к этому времени вышло уже почти три десятка работ о «веревочных играх» у чукчей, эскимосов и индейцев Северной Америки, работа молодой Юлии Павловны оказалась «самым исчерпывающим

исследованием коллекции веревочных фигур, когда-либо собранных у одного племени коренных американцев», ибо ей, «несмотря на юный возраст, удалось собрать <...> коллекцию <...> по аккуратности описания, полноте и завершенности <...> соперничающую с коллекциями более опытных этнографов»¹⁴. Не случайно автор краткого предисловия к этой прекрасно изданной книге Билл Холм, ученик Боаса, свидетельствует, что когда в 1960 г. ему довелось побывать у квакиютлей Ванкувера, то старики из деревень Форт-Руперт и Алер-Бэй вспоминали «русскую девушку», сопровождавшую Боаса в 1930—1931 гг., рассказывали, как поразительно быстро она освоила их «веревочную игру» на пальцах, и интересовались, когда снова придет Джулия¹⁵. Об этом же они спрашивали и американского ученого Рональда Ронэра, побывавшего в Форт-Руперте в 1962 г.¹⁶.

«Русская студентка» старалась максимально использовать свое пребывание в Северной Америке. Оказавшись в начале 1931 г. в Оттаве на обратном пути с о-ва Ванкувера в США, она не преминула познакомиться с экспонатами Канадского этнографического музея. При чем директор его Д.Дженнес лично ознакомил посетительницу из далекой России с коллекцией особо интересовавших ее предметов обихода и добычи средств к существованию индейцев квакиютль¹⁷.

Находясь в Нью-Йорке, Аверкиева поддерживала регулярную связь со своими университетскими учителями и наставниками в Ленинграде — В.Г.Богоразом и Н.М.Маториным. Так, 15 июня 1930 г. Маторин («этнограф-марксист номер один», как его за глаза называли тогда), вскоре назначенный директором Музея антропологии и этнографии (МАЭ), писал ей: «Все письма Ваши я получил <...> Вы спрашиваете — ехать ли Вам к индейцам. Разумеется, да — если к этому есть какая-либо практическая возможность. При этом обратите внимание на <...> 1. Степень разложения родового устройства. 2. Формы и степень классовой дифференциации. 3. Зависимость идеологической надстройки <...> от материальных условий производства, уровня техники и т.д. 4. Степень сохранности старых религиозных представлений; влияние христианства. 5. Отношение индейцев к белым <...> Если Ваша поездка состоится, то учтите мои замечания».

И далее: «...Мы ведь гордимся Вами, Вашим упорством и способностями. Мы ждем, что через год еще к нам придет свой, родной нам вполне по идеологии человек, обогащенный большими знаниями <...> Ведь нужны в СССР свои американисты, австраловеды, индеанисты <...> Недавно был я в Карелии — в Петрозаводске — и говорил там о вас <...> вплоть до предсовнаркома»¹⁸.

Н.М.Маторин считал полезным информировать Юлию о событиях и переменах, происходивших в советской этнографической науке и связанных с ней научных учреждениях. 5 марта 1931 г. он пишет своей 23-летней корреспондентке: «В области этнографии проделана несомненно немалая теоретическая и организационная работа. Командные высоты сейчас полностью в руках марксистов, но зато тем большее бремя ложится на наши плечи. Мы должны осуществлять и в своей области лозунг "догнать" и "перегнать", разоблачая все буржуазные, мелкобуржуазные и вульгарные концепции». И далее, характеризуя «нынешний этап нашей советской этнографии», он подчеркивает: «<...> Необходимо окончательно отказаться от иллюзии самостоятельных наук: этнографии, археологии, фольклора. Существует только одна наука — история человеческого общества, которая требует для своего конструирования материала самого разнообразного: этнографического, археологического, языкового и т.д. <...> Этнографам нужно основательное изучение теории исторического материализма, вне и без которого невозможно объяснить ни одной ранней социально-экономической формации. <...> Необходимо связать вопрос об этнографическом изучении с проблемами преодоления докапиталистических укладов в процессе социалистического строительства». Рассказав далее о делах в выделившемся из ЛГУ Историко-лингвистическом институте, в МАЭ, в новом, руководимом акад. Н.Я.Марром Институте изучения народов СССР, а также в Академии истории материальной культуры, Маторин завершает письмо «приветом проф. Боасу» и просит сообщить ему о возможности предоставить одну аспирантскую стипендию в Ленинграде для американца¹⁹.

Вернувшись в мае 1931 г. из Америки в Ленинград, Юлия передала в МАЭ собранную ею за время экспедиции на о-в Ванкувер коллекцию, насчитывавшую 61 предмет культуры и быта индейцев квакиютлей²⁰. Затем, получив документы об окончании Ленинградского университета, она в июле того же года стала аспиранткой МАЭ, а в августе по договору — научным сотрудником II разряда отдела Северной Америки МАЭ на $\frac{1}{2}$ ставки²¹. Темой своей кандидатской диссертации Аверкиева выбрала проблему возникновения в недрах первобытнообщинного строя ранних форм рабовладения на примере индейцев северо-западного побережья Северной Америки. В те годы это было новаторской исследовательской задачей.

Но кроме работы над диссертацией начинающей аспирантке пришлось заняться переводом на английский язык части рукописи старейшего этнографа и одного из ее первых учителей в Университете Л.Я.Штернберга. В 1897—1902 гг. Боас организовал

знаменитую Джезуповскую экспедицию, задачей которой стали этнографические исследования народов тихоокеанского севера Америки и России силами ученых обеих стран. К участию в этой работе он сразу же привлек русских ученых из бывших политических ссыльных-народовольцев — В.Г.Богораза, В.И.Иохельсона (1855—1937), а позже и Л.Я.Штернберга. Плоды этих исследований публиковались в виде солидных томов Джезуповской серии "Anthropological Papers" Американского музея естественной истории. В частности, когда в 1905 г. Боас пригласил Штернберга на три месяца в США, в Нью-Йорк, для работы над Амурской коллекцией этого музея, они договорились о присылке Штернбергом своей рукописи о гиляках (нивхах) и их соседях для публикации в Джезуповской серии. В 1907 г. Боас предложил Штернбергу перевести его рукопись на английский язык в Нью-Йорке. Однако последующие политические и связанные с ними события в России, в мире и в США затянули реализацию этих планов, и, когда наконец после доработок рукопись «Социальная организация гиляков» была подготовлена к отправке Боасу, Штернберг в августе 1927 г. умер. Осуществлением плана издания его труда на английском языке занялась вдова Штернберга С.А.Ратнер-Штернберг. Но «великая депрессия» в США и финансовые затруднения Американского музея естественной истории снова затормозили подготовку перевода рукописи на английский. Встал вопрос о выполнении перевода в Ленинграде, и тогда Боас предложил подключить к этой работе свою «русскую студентку» Юлию Аверкиеву, что и было сделано. И хотя Ратнер-Штернберг, не очень доверяя переводческой квалификации начинающей аспирантки, теперь уже сама затормозила подготовку перевода, раздел «Фратрия и ее происхождение» седьмой главы рукописи и ее восьмая глава «Эволюция фратрии» были переведены Юлией Павловной. Это отмечено в вышедшем наконец, почти 70 лет спустя, в серии "Anthropological Papers" огромном труде Л.Я.Штернберга «Социальная организация гиляков»²².

Весной 1932 г. в журнале «Советская этнография» появилась небольшая статья с кратким обзором основных исследовательских центров в США, занимавшихся проблемами этнологии и физической антропологии, а также теоретических концепций трех крупнейших американских ученых в данной области науки²³. Это была первая научная статья, опубликованная аспиранткой МАЭ Аверкиевой, будущим многолетним главным редактором журнала. А в декабре 1931 г. ее премировали 300 рублями «за хорошее качество учебы и производственной работы»²⁴.

В июле 1935 г. Юлия Павловна «на основании состоявшейся публичной защиты диссертации» была утверждена кандидатом

наук²⁵. И в том же году в «Советской этнографии» появилась написанная на основе диссертации вторая ее статья²⁶.

Полностью диссертация была опубликована в виде монографии «Рабство у индейцев Северной Америки» в 1941 г., а позже дважды, в 1947 и 1966 гг., издавалась на английском языке в Канаде²⁷. И это не случайно, ибо скрупулезный анализ конкретного материала о патриархальном рабстве у индейцев северо-западного побережья Северной Америки позволил Аверкиевой прийти к интереснейшим выводам о специфическом пути возникновения рабства в условиях развитого рыболовческого, т.е. в основе своей присваивающего, хозяйства, вскрыть механизм процесса классообразования в обществе высокоспециализированных рыболовов и охотников на морского зверя.

Между тем в начале 30-х годов в личной жизни Юлии Аверкиевой произошли важные перемены: 4 августа 1931 г. она вступила в брак с человеком, о котором впоследствии предпочитала не рассказывать. Правда, в одной из вышедших в 90-х годах в США книг говорится, что «через три месяца после возвращения (из Америки. — Э.Н.) Аверкиева вышла замуж за американца по имени "Петр" (отчество неизвестно). Петр Аверкиев (он взял ее фамилию) незадолго до этого успел завершить свое высшее образование и эмигрировал в Советский Союз как инженер-электрик. В июле 1934 г. у них родилась дочь Елена. К сожалению, сведения о Петре Аверкиеве после этой даты отсутствуют. По слухам, он был обвинен в антигосударственной деятельности. Его дальнейшая судьба неизвестна»²⁸. В действительности он был русским американцем из семьи российских иммигрантов в Америке. Его звали Петр Афанасьевич Букин, родился он в Самаре, в 1904 г. В своих «анкетных» автобиографиях Юлия Павловна, упоминая о нем, ограничивалась фразой: «после развода связи с ним не имею»²⁹. На нашу попытку выяснить его судьбу путем официального запроса Центральный архив ФСБ РФ ответил, что там «сведений о Букине П.А. не имеется»³⁰.

Несомненно, столь драматическое начало супружеской жизни явилось тяжелым ударом для молодой матери с годовалой дочерью на руках. Но, как нередко в жизни случается, «пришла беда, отворяй ворота».

Вскоре после убийства в декабре 1934 г. С.М.Кирова в стране, в том числе в Ленинграде, развернулась «активная борьба с буржуазной идеологией и чуждыми течениями в науке». В своей книге «От "буржуазной" этнологии к "советской" этнографии» Т.Д.Соловей характеризует период с конца 20-х до второй половины 30-х годов XX в. как время идеологической, организационно-структурной, кадровой перестройки и «коренного перелома»

в судьбах отечественной этнографии³¹. В октябре 1930 г., как уже отмечалось, директором старейшего академического учреждения — МАЭ стал Н.М.Маторин, и тогда же он был назначен ответственным редактором журнала «Этнография», в 1931 г. переименованного в «Советскую этнографию». В 1933 г. Маторин стал первым директором Института антропологии и этнографии (ИАЭ), созданного на базе МАЭ, и Института по изучению народов СССР (ИПИИ). Однако в конце декабря 1934 г. он был исключен из ВКП(б), затем арестован и в феврале 1935 г. приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, а в октябре 1936 г. по делу «троцкистско-зиновьевской террористической организации» расстрелян³². Такая же участь постигла и его преемника (официально — зам. директора ИАЭ) А.А.Бусыгина.

Не избежал в годы «коренного перелома» структурной и кадровой реорганизации и Ленинградский университет. В 1932 г. этнографическое отделение на географическом факультете было закрыто, а преподавание этнографии в ЛГУ восстановлено лишь в 1937 г. на... филологическом отделении. Не случайно незадолго до своей кончины в 1936 г. Богораз, всерьез подумывавший об эмиграции, в одном из писем сообщил Боасу о ситуации на университетской кафедре как о «нашем бурлящем котле»³³. Примерно такова же была в 1935—1936 гг. обстановка после ареста Маторина в ИАЭ. В своей «анкетной» автобиографии Юлия Павловна сообщала: «С 1926 по 1935 г. я была членом ВЛКСМ, летом 1936 г. была исключена из комсомола за потерю бдительности в связи с арестом директора института, комсоргом которого я тогда была. После моего обращения в ЦК ВЛКСМ решение об исключении было отменено, и я вышла из рядов ВЛКСМ по возрасту»³⁴.

В действительности же дело обстояло так: во время первомайской демонстрации 1936 г. Аверкиева, случайно встретив на улице возвращавшегося из командировки и спешившего домой А.А.Бусыгина, поведала ему о новостях в Институте — аресте нескольких сотрудников и в том числе его жены, а затем рассказала об этой встрече сослуживцам тут же на демонстрации. Комитет ВЛКСМ объявил ей «за политическую близорукость и потерю классовой бдительности <...> строгий выговор». Но бюро райкома ВЛКСМ в августе 1936 г. это решение отменило и постановило: «За прямую помощь контрреволюционеру Бусыгину, выразившуюся в предупреждении об аресте его жены, из членов ВЛКСМ исключить»³⁵. И уже в сентябре 1936 г. Аверкиеву из ИАЭ уволили. Однако Юлии Павловне тогда и в голову не могло прийти, что эта уличная встреча с Бусыгиным, так же как и переписка начала 30-х годов с Маториным, обойдется ей позднее намного дороже...

В октябре того же года Аверкиеву — молодого кандидата наук, которая владела английским, немецким, французским и финским языками, охотно приняли на работу в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина на должность библиотекаря I разряда в отдел систематики. Как отмечено в сохранившейся там в ее «личном деле» копии справки от 11 февраля 1937 г., выданной для представления в ЦК ВЛКСМ, Ю.П.Аверкиева «работает научным сотрудником-систематизатором. Ею составлены каталоги по этнографии, географии и антропологии по выработанным ею схемам. В работе тов. Аверкиева проявила себя как квалифицированный работник, справляющийся с порученной ей научной работой»³⁶. Одновременно со службой в библиотеке она выполняла договорную работу по специальности для ИАЭ «Род у индейцев квакиютлей»³⁷. Но уже в конце октября 1937 г. Аверкиева обратилась в дирекцию библиотеки с просьбой о переводе ее до 1 января 1938 г. «на половинный рабочий день», а в середине мая 1938 г. уволилась из библиотеки³⁸.

По-видимому, это было вызвано рождением второго ребенка. Осенью 1935 г. Ю.П.Аверкиева вышла замуж за научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук, специалиста по древней китайской философии Аполлона Александровича Петрова, удочерившего ее дочь Елену. А в 1937 г. у них появилась вторая дочка — Зина, и забот в молодой семье прибавилось. Тем не менее Аверкиева вскоре снова стала работать, теперь уже старшим научным сотрудником Института этнографии (так с 1937 г. стал называться ИАЭ), и проработала в нем вплоть до начала Великой Отечественной войны³⁹.

С началом войны ее муж был переведен из Ленинграда в Москву, в Министерство иностранных дел, а его семья вскоре вместе с семьями сотрудников МИД эвакуирована сначала в село Услан под Казанью, а затем в Куйбышев, куда осенью 1941 г. был эвакуирован из Москвы МИД. В мае 1942 г. вся семья выехала в Чунцин, где тогда временно находилось возглавляемое Чан Кайши правительство Китая. Петров был направлен туда на работу в качестве первого секретаря, а затем советника посольства СССР. Около года работала переводчицей в посольстве и сама Ю.П.Петрова-Аверкиева⁴⁰. В сентябре 1943 г. Петров был отозван на родину, его семья вернулась в Москву и Юлия Павловна была принята в докторантуру Института этнографии (ИЭ) АН СССР.

Однако в апреле 1945 г. Аполлон Александрович был назначен послом Советского Союза в Китае, и семья вновь оказалась в Чунцине. В середине 30-х годов этот административный центр провинции Сычуань, расположенный на скалистом мысе между полноводной Янцзы и Цзялинцзян, представлял собой заштат-

ный портовый город с населением 200—250 тыс. человек. Но летом 1938 г., вскоре после нападения на страну Японии, именно туда была перенесена столица сражавшегося Китая и были эвакуированы многие заводы, фабрики, учебные заведения. Постепенно город буквально затопили волны беженцев от захвативших весь северо-восток и восток страны японских оккупантов, превратив Чунцин в своего рода «китайский Вавилон» с почти двумя миллионами жителей, трущобами, нищетой, полчищами комаров и москитов, болезнями и преступностью. Правда, посольство СССР располагалось высоко на сопке, во дворце местного богача, но, по свидетельству одного из посольских сотрудников, «давящая духота и влажность не покидали нас все время, пока мы жили в Чунцине». Город сильно пострадал и от японских бомбардировок. Лишь в начале 1946 г. посольство было переведено в Нанкин, куда вскоре после капитуляции Японии переехало правительство Чан Кайши⁴¹.

Вынужденная перейти в заочную докторантуру, Юлия Павловна поддерживала связи с ИЭ и продолжала интенсивно работать над докторской диссертацией. Об этом свидетельствуют, в частности, три ее статьи, опубликованные в 1946 г., и в начале 1947 г.⁴². После приезда вместе с мужем в июле 1947 г. из Китая в отпуск в Москву Юлия Павловна, стремясь быстрее завершить диссертацию, сдала в печать еще одну статью⁴³. 1 ноября 1947 г. она была принята на работу в ИЭ в качестве младшего научного сотрудника, но 28 ноября ее арестовали органы МГБ⁴⁴.

В тюрьме Петрова-Аверкиева родила в конце апреля 1948 г. своего третьего ребенка — сына Александра. А 11 января 1949 г. дома совершенно неожиданно в возрасте около 42 лет умер продолжавший вплоть до своей кончины работать в МИДе ее муж А.А.Петров. Полагают, что потрясенный арестом беременной жены, он скончался от сердечного приступа. Однако сама она была убеждена, что мужа по заданию «органов» отравила домработница, о чем еще в 60-х годах она поведала автору настоящей статьи и некоторым другим сотрудникам ИЭ. Между тем никакого суда над Петровой-Аверкиевой вообще не было: постановлением так называемого Особого совещания («тройки») при МГБ ее заочно, «по подозрению в шпионских связях», приговорили 23 апреля 1949 г. по статьям 7 и 35 УК РСФСР, как «СОЭ» — «социально-опасный элемент», к пяти годам работ (с зачетом предварительного заключения) в исправительно-трудовых лагерях⁴⁵.

Свой срок она отбывала с мая 1949 г. в Мордовии на сельскохозяйственных работах в «Темниковском заповеднике» — так называли его обитатели зону специальных исправительно-трудовых лагерей в районе г. Темникова. Как вспоминала репрессиро-

ванная почти одновременно с Юлией Павловной (но уже вторично в своей жизни) и оказавшаяся в том же «заповеднике» ее коллега, этнограф Н.И.Гаген-Торн, «этапы приносили вести о судьбах людей <...> Еще в тюрьме я слышала, что вслед за мной была взята моя сослуживица по Институту — Юлия Николаевна (отчество заменено, видимо, сознательно. — Э.Н.) <...> Тяжело шло следствие. Потом я узнала: она тоже в Темниках <...>»⁴⁶.

По поводу ее ареста в 1947 г. М.Шерман сообщает (со слов умершей в 1998 г. старшей дочери Ю.П.Аверкиевой, Елены Аполлоновны, с которой он общался на рубеже 80—90-х годов), что в то время, когда в советском посольстве не было врача, заболела Зина — младшая дочь Юлии Павловны, и она обратилась к врачу посольства США за крайне необходимым лекарством. «Кое-кто» сообщил об этом «кое-куда». И, как заметила дочь, «Аверкиева знала, кто и почему»⁴⁷.

Хотелось бы в этой связи привести мнение такого свидетеля тех событий, как заместитель министра иностранных дел СССР и чл.-корр. РАН М.С.Капица, начинавший в 1943 г. свою дипломатическую карьеру как раз в советском посольстве в Чунцине и уехавший оттуда в 1946 г. «В ноябре 1945 года, — вспоминает он, — на военно-политической сцене Китая появился новый актер <...> полный (пятизвездный) генерал Дж.Маршалл, назначенный специальным представителем США в ранге посла. <...> Через несколько дней после прилета в Чунцин Дж.Маршалл появился в посольстве СССР. <...> Гость рассказал о своей миссии <...> Дж.Маршалл и А.А.Петров договорились о поддержании контактов. <...> Через какое-то время мы решили устроить пикник для встречи с американцами. Подыскивали недалеко от города сосновую рощицу на пригорке, выбрали площадку с приятной травой, с тенью и красивым видом на просторы рисовых полей и пригласили Дж.Маршалла. Он с радостью согласился. <...> Место американцам понравилось <...> Начались тосты <...> Затем расселись по группкам: послы с переводчиками, военные с военными, разведчики с разведчиками. Надо сказать, мы и американцы жили дружно, еще сказывался военный союз наших стран. <...> Кстати, американцы нам очень помогали в случае нужды. Климат в Чунцине изматывал, дышать было нечем. Люди часто болели, и американцы, имевшие в Чунцине военный госпиталь, лечили наших людей»⁴⁸.

И далее Капица в своих мемуарах пишет: «Когда я приехал в Чунцин, послом был А.С.Панюшкин, в прошлом военный, человек твердый, умный. <...> Его сменил в 1945 г. А.А.Петров, ученый-китаевед, человек очень мягкий, интеллигентный. На его беду его жена, Юлия Павловна, кандидат наук, проходившая в

свое время практику в США, где изучала быт индейцев, слишком близко сошлась с работниками посольства США, через которых получала этнографическую литературу об американских индейцах. Это стоило ей свободы. В 1948 г. (на самом деле в конце ноября 1947 г. — Э.Н.) она была арестована <...> Решение о назначении А.А.Петрова заместителем министра иностранных дел было отменено, и он до преждевременной кончины в 1949 г. трудился экспертом в Архивном управлении (МИДа. — Э.Н.)»⁴⁹.

Наконец, существовала еще одна версия непосредственного повода ареста Петровой-Аверкиевой, рассказанная ею Д.Д.Тумаркину, работавшему 14 лет бок о бок с Юлией Павловной в журнале «Советская этнография» в качестве заместителя главного редактора. Супруга Дж.К.Маршалла, познакомившаяся с женой советского посла, пригласила ее в гости, и последняя, свободно владевшая английским языком, нанесла свой визит одна, без переводчика, нарушив неписаный запрет на подобного рода контакты без сопровождающего лица. И об этом донесли «куда следовало»⁵⁰.

Но хотя донос одного из наказанных за недобросовестность служащих посольства действительно имел место, ознакомление с протоколами допросов и другими документами затянувшегося с ноября 1947 по апрель 1949 г. следствия по «Делу № 730» о жене советского посла в Китае позволяет предположить, что подлинной целью этого «дела» были фигуранты более высокого ранга, чем Юлия Павловна. «В первый же день ареста, — сообщила она позже в заявлении военному прокурору, — я была приведена в кабинет Абакумова, который объявил мне, что я арестована как шпионка и троцкистка, и предложил мне сознаться. На моих допросах очень часто присутствовал Комаров, уговаривавший меня "сознаться в шпионаже" и указать соучастников. Мне неоднократно заявляли, что муж мой шпион и во всем уже сознался, что у них есть документы, подтверждающие нашу шпионскую деятельность. На мою просьбу предъявить их мне отвечали отборной руганью <...> В конце апреля 1948 г. у меня родился сын, которого у меня забрали через две недели и поместили в дом ребенка, несмотря на то что был еще жив мой муж, отец ребенка. После родов меня еще держали в тюрьме больше года. В течение двух лет я не могла узнать адреса своего ребенка»⁵¹.

Судя по сохранившимся документам следственного «Дела № 730», формально «утвержденного» самим Абакумовым 29 ноября 1947 г., фактически оно было начато 12 ноября допросами в качестве свидетелей бывших врача, шофера и завхоза посольства, а также двух бывших научных сотрудников МАЭ⁵². На основе их показаний, ряда архивных документов 30-х годов, а также изъятых при аресте у Ю.П.Петровой-Аверкиевой всей личной пере-

писки и других бумаг, рукописей, газетных вырезок⁵³, книг, журналов и было, собственно, построено обвинение в шпионаже и троцкистской деятельности по существу без наличия (как это показали результаты следствия, а через семь лет и полная реабилитация обвиняемой) доказательств совершения приписываемых ей преступлений. Естественно, что, отвечая на такого рода обвинения по ст. 58—1а, официально предъявленные перед допросом 11 декабря 1947 г., Петрова-Аверкиева заявила, что в «преступной связи с троцкистами» (в число которых следователь, кстати, зачислил В.Г.Богораза и Ф.Боаса. — *Э.Н.*)⁵⁴ и «шпионской деятельности против Советского Союза» виновной себя не признает⁵⁵.

Не получив за отведенные для следствия и содержания обвиняемой под стражей три месяца какого-либо конкретного доказательства в пользу выдвинутого обвинения и не добившись признания обвиняемой своей вины, следователь начиная с января 1948 г. вынужден был 13 раз (!) ходатайствовать о продлении срока следствия еще на месяц в надежде добыть наконец столь необходимые доказательства⁵⁶. Ходатайства каждый раз удовлетворялись, но результаты, увы, не менялись. Однако последнее ходатайство, утвержденное 12 января 1949 г., использовать следователю не пришлось, ибо уже 17 января 1949 г. он неожиданно по указанию своего руководства принял постановление о переквалификации обвинения Петровой-Аверкиевой со ст. 58—1а («измена родине») на статьи 7 и 35 («социально-опасный элемент»). Теперь она обвинялась уже лишь в «связях» с троцкистами и лицами, «подозрительными по шпионажу»⁵⁷.

Хотя в материалах следствия нет ни слова о подлинной причине неожиданной метаморфозы в «Деле № 730», хронологическое сравнение и совпадение некоторых событий и фактов могло бы, как мне кажется, пролить свет на подоплеку «дела».

1. 28 апреля 1948 г. — заключенная Петрова-Аверкиева родила сына, отобранного у нее через две недели и отданного в Дом младенца. От ее мужа, отца ребенка, проживавшего с двумя их дочерьми и домработницей в Москве, все это скрыли. 2. Декабрь 1948 г. — допросы Петровой-Аверкиевой длятся уже более года, муж ее все еще работает в МИДе, а надежды на реализацию задуманного министром Абакумовым сценария разоблачения органами МГБ «шпионажа и измены родине» советским послом в Китае А.А.Петров в возрасте 41 года и в полном расцвете сил неожиданно «скоропостижно» умирает. И помня мнение Ю.П.Петровой-Аверкиевой на этот счет, сообщенное ею в 60-х годах автору статьи, поневоле ассоциируешь его с известной формулой сталинской эпохи: «нет человека — нет проблемы».

4. 17 января 1949 г. — переквалификация обвинения Петровой-Аверкиевой и немедленное, в тот же день, уничтожение всех (кроме приобщенной к следствию личной переписки) изъятых при аресте ее бумаг, рукописей, выписок и вырезок из газет, журналов, книг и т.д. (за исключением свидетельства о рождении, профсоюзного билета и университетского диплома)⁵⁸.

Что же касается самого буквально высосанного из пальца «Дела № 730», то остается не до конца ясным, затеял ли его министр госбезопасности СССР Абакумов в интересах только своей карьеры или, что представляется гораздо более вероятным, оно было связано с целями Л.П.Берии и судьбой бывшего тогда в опале у Сталина министра иностранных дел В.М.Молотова. Как известно, жена последнего, П.С.Жемчужина (Карпович), по навету абакумовских подручных была снята с работы, затем исключена из партии, летом 1948 г. арестована и, просидев год в тюрьме, сослана, а сам Молотов в марте 1949 г. освобожден от руководства МИДом и заменен А.Я.Вышинским⁵⁹. Появление же «дела об измене родине» советского посла в Китае, которого Молотов в 1947 г. намерен был назначить одним из своих заместителей, по расчетам Берии и Абакумова, нанесло бы его репутации в глазах Сталина сокрушительный удар.

Между тем Петрову-Аверкиеву в декабре 1952 г. вместо ожидаемого освобождения из лагеря отправляют на бессрочное поселение в Енисейский район Красноярского края, где она работала учетчицей на шпалозаводе поселка Стрелка, а затем фактуровщицей на погрузке леса на Стрелковском рейде Ангары. И хотя вскоре после смерти Сталина, 27 марта 1953 г., вышел известный Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, по которому она, как осужденная на пять лет и как мать троих детей, подлежала освобождению со снятием судимости, в ее положении ссыльнопоселенки ничего не менялось. Лишь после ее обращения в октябре 1953 г. к Молотову, возвращенному к руководству МИДом и подключившему к решению ее вопроса секретаря Президиума Верховного Совета и МИД СССР, ссылка была отменена, судимость снята⁶⁰.

В мае 1954 г. Юлия Павловна вернулась в Москву к детям, которых не видела семь лет, была принята на работу в Академию наук. И как раз в том же году под грифом Института философии Академии наук была наконец опубликована так и не успевшая выйти в свет при жизни автора докторская диссертация ее покойного мужа⁶¹. Однако потребовалось еще два года, чтобы, преодолевая упорнейшее сопротивление Комитета госбезопасности при Совете Министров (сменившего МГБ), с помощью Прокуратуры СССР, установившей недоказанность предъявленных в

1947—1949 гг.⁶² Петровой-Аверкиевой обвинений, ей удалось добиться в мае 1956 г. решения Военной коллегии Верховного суда СССР о полной реабилитации⁶³.

Испытания, выпавшие на долю Юлии Павловны, не только не сломили ее, но лишь укрепили волю и целеустремленность этой, казалось бы, хрупкой на первый взгляд женщины. В августе 1954 г. она приступила к прерванной семь лет назад работе в качестве младшего научного сотрудника ИЭ и, опубликовав в ближайшие два года две статьи⁶⁴, уже в феврале 1957 г. была переведена в старшие научные сотрудники. В эти годы наряду с текущей плановой работой по подготовке тома «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), вышедшего в 1959 г.⁶⁵, ведущей в ее научном творчестве становится основная проблема докторской диссертации — переход индейцев северо-западного побережья Северной Америки от родового общества к классовому. Именно с ней связаны были исследования пережитков материнского рода, тотемизма, выплавки и обработки металлов, а также возникновения частной собственности у индейцев этого региона и соответствующие статьи Юлии Павловны, опубликованные на рубеже 50—60-х годов⁶⁶. Результаты этих и начатых еще в 40-х годах исследований были воплощены в опубликованной в 1961 г. монографии⁶⁷ и защищенной на ее основе в марте 1962 г. докторской диссертации «Разложение родовой общины и формирование классовых отношений у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки». Как считал рецензент этой монографии, «едва ли будет преувеличением сказать, что рецензируемая книга, подытоживающая труд Ю.П.Аверкиевой, начатый еще в довоенные годы <...> является самым значительным вкладом, когда-либо сделанным советскими учеными в этнографическое изучение североамериканского континента»⁶⁸.

В 1943—1965 гг., когда ИЭ и журналом «Советская этнография» руководил С.П.Толстов, огромное идеологическое значение придавалось таким вопросам, как историческая последовательность и универсальность материнского и отцовского родов, соотношение рода и общины, эволюция форм семьи и брака в первобытном обществе. Единственно правильной считалась энгельсовская трактовка этих проблем, опиравшаяся в основном на концепцию Л.Г.Моргана. Даже частичное несогласие с такой трактовкой рассматривалось как отход от марксизма. Юлия Павловна всегда была убежденным марксистом. Отмечая противоречивые черты в общественных институтах изучаемого ею региона, она на основе анализа большого фактического материала пришла к выводу, что у всех племен северо-западного побережья

древнейшей формой социальной организации был материнский род. Концепцию стадияльной первичности материнского рода, опирающуюся в методологическом отношении на теорию первобытности Морган—Энгельса, Юлия Павловна отстаивала и в своих последующих научных трудах. При этом она выдвинула некоторые положения и гипотезы, встреченные с интересом не только учеными-марксистами. Как отмечал в 1992 г. М.Шерман, «в научном плане Аверкиева внесла много смелых и новых концепций в господствовавшие на Западе представления. И позже в своих научных исследованиях она занималась изучением различных механизмов, посредством которых примитивные племена простых рыболовов и охотников развивались в устойчивые классовые системы, определенные члены которых изначально считались выше, чем другие. Именно сложная социальная система индейцев американского северо-западного побережья послужила основой для всех ее будущих исследований»⁶⁹.

В июле 1962 г. Петровой-Аверкиевой была присуждена ученая степень доктора исторических наук. И в том же году она вступила в КПСС.

В рамках соглашения о сотрудничестве Академий наук СССР и Кубы и по приглашению незадолго до того созданного Института этнографии и фольклора Кубы Юлия Павловна выехала туда в конце ноября 1964 г. в трехмесячную научную командировку. Ей предстояло прочитать на английском языке кубинским коллегам лекции об основных принципах этнографической науки, важнейших тенденциях в ней и связях с другими науками, рассказать о методике исследований и разных аспектах этнографической работы. По сохранившимся в ее архиве материалам видно, как тщательно она перед поездкой готовилась к этим лекциям. В отчете о командировке она сообщала: «Мною было проведено 15 бесед с кубинскими коллегами, в девяти из них я остановилась на нашем понимании этнографии как исторической науки, нашем определении места этнографии в системе наук, нашем определении предмета и метода этнографической науки. Кратко охарактеризовала основные направления советских исследований, главным образом исследований современности. Пять бесед были посвящены критике различных школ и направлений в современной западной этнографии. Одна беседа посвящена итогам седьмого Международного конгресса этнографических и антропологических наук <...> На беседах обычно присутствовали все сотрудники института с тетрадями в руках, хотя беседы записывались на магнитофонную пленку. Проходили они очень оживленно <...> Четыре занятия были посвящены вопросам методики полевых исследований <...> Большой интерес вы-

звали вопросники, применяемые нашими учеными при изучении культуры и быта сельского и городского населения»⁷⁰.

Юлия Павловна говорила о важности антропологического изучения современного населения страны, подчеркивая, что Куба — прекрасная лаборатория для изучения процессов метисации и наследственности. Для антропологов она по их просьбе рассказала об изучении в Советском Союзе проблем первобытного общества.

Значительную часть командировки заняли поездки по Кубе. Петрова-Аверкиева побывала в четырех рыбацких поселках провинции Гавана, где познакомилась с жизнью рыбаков, организацией их труда, заработками, деятельностью их кооперативов и рыбацкой школой. Очень интересной для нее оказалась поездка в расположенный около г. Мадруга поселок индейцев юкатеков, привезенных на Кубу в середине XIX в. из Мексики. Почти неделю заняла экспедиция с группой кубинских этнографов в одну из гранх (госхоз) по выращиванию сахарного тростника в провинции Лас-Вильяс. Там, в поселке Пирагуа, она познакомилась и подружилась с большой семьей потомственных мачетерос — Хосефы и Доминго Суаресов.

Одной из особенно интересовавших ее проблем были индейцы Кубы. И в этой связи, несомненно, самой интересной для нее стала двухнедельная маршрутная экспедиция совместно с кубинскими коллегами по гористой провинции Ориенте. «Наблюдения, — отмечает она, — оставили у меня впечатление, что население многих пунктов Ориенте является потомками индейцев и, что особенно важно, считает себя индейцами. В их современной жизни, особенно в материальной культуре, сохраняется еще много элементов индейской культуры, преобразовывавшихся очень медленно в условиях отсталости этих районов. <...> По словам жителей г. Баракоа, индейское население горного района сохранило в своем языке много индейских слов»⁷¹.

К сожалению, огромный личный архив Ю.П.Петровой-Аверкиевой, находящийся в архиве Института этнологии и антропологии РАН (АИЭА), до сих пор остается в неразобранном и неопианном состоянии. Однако хранящиеся в нем письма убедительно свидетельствуют об уважении и симпатии со стороны общавшихся с ней кубинцев и кубинцев. В письмах Архильерса Леона, Каликсты Гитерас, Эстрельи Рей Бетанкур и других кубинских этнографов выражалась благодарность за ее советы, беседы, прочитанный ею в Гаване цикл лекций и за подготовку обучавшегося в 60-х годах в аспирантуре ИЭ Рафаэля Л.Лопеса Вальдеса, который написал под ее научным руководством и успешно защитил в Москве кандидатскую диссертацию. В 70-х годах Юлия Павловна была официальным оппонентом на защите докторской

*Ю.П.Петрова-Аверкиева с индианками юкатеками.
Куба. 1964 г.*

и кандидатской диссертаций Э.Рей Бетанкур и Хосе Гуарчем Дельмонте.

В 60-х годах, выступив с рядом докладов на международных конгрессах и опубликовав статьи о развитии и основных течениях в современной американской этнографии, Ю.П.Петрова-Аверкиева продолжала изучение проблем воздействия капитали-

стической колонизации на индейское общество⁷². Этой теме была посвящена ее монография «Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.», в которой были показаны возникновение имущественного неравенства, сдвиги в социальном строе, особенности межплеменных отношений индейских племен, оттесненных колонизаторами в степную зону североамериканского материка и превратившихся в конных охотников и коневодов. Поскольку социальная структура общества этих коневодов-кочевников в основном возникла и разрушилась в XVII—XIX вв., ее изучение, выйдя за пределы американистики, оказалось полезно для понимания эволюции кочевых обществ и в других регионах мира, для выявления особенностей процессов распада родо-племенных связей у народов многих развивающихся стран⁷³.

Продолжая исследования процессов распада родо-племенных связей и трансформации социальной системы разных народов под воздействием дальнейшего развития мировой капиталистической системы, Юлия Павловна в 1973 г. выступила со статьей на эту тему в коллективной работе «Основные проблемы африканистики»⁷⁴, а в 1974 г. опубликовала большую монографию «Индейцы Северной Америки. От родового строя к классовому». В этой работе были подробнейшим образом проанализированы сдвиги в социальной организации и культуре четырех крупных групп различных по своему культурно-хозяйственному типу и уровню социально-экономического развития индейских племен (алгонкинских и атапаскских племен, населявших Арктику, Субарктику и лесную зону Северной Америки; тлинкитов, квакиютлей и других племен ее северо-западного побережья; ирокезских племен и лиги ирокезов; племен степной полосы континента), находившихся к середине XIX в. на разных стадиях процесса распада родового строя. Сравнительное исследование этих четырех групп в сочетании с широким привлечением сопоставимых данных о различных народах и племенах планеты позволило, воссоздав картину развития индейских обществ Северной Америки в предколониальный и колониальный периоды их истории, показать четыре варианта процесса зарождения у них классового общества. Как и в ряде статей Юлии Павловны, в монографии также рассматривалась проблема возникновения и развития процесса естественного и общественного разделения труда⁷⁵.

Близко к сердцу принимала Юлия Павловна проблемы современного индейского населения США и Канады, а также резко активизировавшегося в 70-х годах движения американских индейцев за свои права. Об этом свидетельствует ряд ее статей тех лет и предисловие к русскому изданию книги одного из видных участников движения, индейца-чироки Уильяма Мейера

«Коренные американцы»⁷⁶. Многих лидеров движения она знала лично. Наконец, при ее участии и с ее предисловием появились на прилавках наших магазинов и такие книги, как первое полное издание на русском языке записок Джона Тэннера «Тринадцать лет среди индейцев» (которые в 1836 г. в рецензии на них в «Современнике» А.С.Пушкин назвал документом, «драгоценнейшим во всех отношениях»), а также «Индейцы без томагавков» чеха Милослава Стингла.

Почти полвека, начиная с 30-х годов и вплоть до своей кончины, Петрова-Аверкиева интересовалась теоретическими проблемами этнографии и смежных научных дисциплин. В этой связи она стремилась постоянно следить за развитием этнографической науки в США, за всем новым в американской этнографической мысли и литературе и регулярно публиковала обзоры и критические, основанные на глубоком изучении материала, нередко полемического характера, но порою излишне идеологизированные статьи по этим вопросам. Вместе с тем она всегда, даже в самый разгар «холодной войны» между США и СССР, считала необходимым и важным сотрудничество с американскими учеными. Поддерживая особенно тесные связи с американскими этнографами-марксистами и близкими к марксизму, Юлия Павловна на рубеже 60—70-х годов приняла самое активное участие в издании в Нью-Йорке Элеонорой Ликок, Нэнси Лурье и другими учеными сборника «Североамериканские индейцы в исторической перспективе»⁷⁷, а затем участвовала в переводе и публикации этого сборника на русском языке в Москве (написала к нему вступительную статью)⁷⁸.

Еще в 1975, а затем в 1979 г. в беседах с корреспондентами петрозаводской газеты «Ленинская правда» и московской «Правды» Юлия Павловна, подчеркивая, что особое внимание ее как этнографа-американиста привлекали проблемы периодизации первобытного общества, ранние формы наследования, проблема военной демократии у индейцев Северной Америки, а также учение Л.Г.Моргана и его влияние на развитие этнографии на Западе, говорила о задуманной ею книге, где «будут подведены итоги многолетних дискуссий с зарубежными учеными»⁷⁹. Итогом работы над этой проблематикой⁸⁰ стала последняя монография Ю.П.Петровой-Аверкиевой «История теоретической мысли в американской этнографии». Осмысливая в ней сложный путь, пройденный этнографической наукой в Соединенных Штатах за столетие — с последней четверти XIX до последней четверти XX в., — автор подвергла анализу и критике, естественно с точки зрения своих марксистских научных убеждений, основные течения и школы американской социальной антропологии/этнографии, а

также концепции ряда ведущих американских ученых⁸¹. В опубликованной журналом «Народописне актуалити» (Братислава) рецензии на эту книгу известный словацкий этнограф Адам Пранда писал: «Интерес к монографии Ю.П.Аверкиевой обусловлен диалектически связанными между собой ее аспектами — с одной стороны, познавательным, в рамках которого автор критически и объективно проанализировала развитие почти за последние сто лет теоретической мысли в трудах ряда крупнейших представителей американской этнографии. С другой стороны, аспект методологический, в рамках которого она показала, в чем состоит основа марксистской методологии в процессе изучения столь сложного объекта, как этнос и его культура, в контексте различных течений в американской этнографии»⁸².

Юлию Павловну знали в мировом научном сообществе. Ее доклады звучали на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве (1964), Токио (1968), Чикаго (1973), Дели (1978), Международных социологических конгрессах в Эвиане (1966), Варне (1970), Торонто (1974), Стокгольме (1978), Международном конгрессе психологов в Москве (1966), научных симпозиумах в Лейпциге (1973), Бург-Вартенштейне в Австрии (1976) и других международных форумах. И повсюду они носили проблемный характер, везде она, как правило, была активным участником научных дискуссий. И хотя далеко не всегда в ходе полемики оппонентов убеждала аргументация автора, а ее — их доводы, но за высокий профессионализм и глубокое знание предмета своих исследований Петрову-Аверкиеву уважали и те зарубежные ученые, которые не разделяли ее концепций, являясь ее «идеологическими противниками».

Юлия Павловна избиралась в руководящие органы международных научных обществ, была членом Постоянного совета Международного союза антропологических и этнографических наук, а с 1974 г., после VIII Международного социологического конгресса, стала вице-президентом Исследовательского комитета по этническим и расовым отношениям и положению меньшинств при Международной социологической ассоциации. Ее фонд в архиве Института этнологии и антропологии РАН содержит обширную переписку с президентом этого комитета проф. Дж.Рексом (Ковентри, Англия), исполнявшим обязанности секретаря комитета К.О'Салливен (Чикаго, США), многими учеными Европы, Северной и Латинской Америки, Индии и т.д.

Ю.П.Петрова-Аверкиева была видным организатором отечественной науки. Почти полтора десятка лет, с 1966 по 1980 г., она являлась главным редактором журнала «Советская этнография», и под ее руководством лицо этого центрального органа

этнографов нашей страны во многом изменилось. Для Юлии Павловны как ученого и главного редактора было характерно сочетание глубокой принципиальности, бескомпромиссности в отстаивании марксистской методологии с высокой человечностью, тактом и доброжелательностью по отношению к коллегам, авторам, сотрудникам редакции, и это благотворно сказывалось на работе редакционного коллектива. В журнале появились новые разделы и рубрики (например, «Поиски, факты, гипотезы»), заметно расширился круг авторов, на его страницах стало больше статей теоретического, проблемного характера, в том числе впервые в области этносоциологии. В то же время одним из основных в журнале стал отдел «Дискуссии и обсуждения», в рамках которого в те «застойные» годы состоялся целый ряд актуальных и плодотворных дискуссий по важнейшим проблемам этнографии и смежных научных дисциплин (теории этноса, теоретическим проблемам первобытности, специфике кочевничества, религии как социального явления, генезисе искусства и др.). В ходе этих дискуссий нередко высказывались взгляды, не совпадавшие с ее собственными, в том числе по кардинальным вопросам теории первобытности, но Петрова-Аверкиева не препятствовала свободному обмену мнениями на страницах журнала⁸³.

О том, какой колоссальный вклад вложен был лично Юлией Павловной в работу журнала, свидетельствует ее активнейшая переписка с десятками авторов из самых различных стран Европы, Америки, Азии, Африки и всех республик бывшего СССР, сохранившаяся в ее научном архивном фонде.

Последние пять лет жизни Петрова-Аверкиева возглавляла еще и сектор народов Америки ИЭ, одним из ведущих сотрудников которого являлась с середины 50-х годов. На этом посту она также была требовательным, но чутким и тактичным руководителем, щедро делилась с сотрудниками опытом, заботилась о подготовке научной смены. Мне, как ее заместителю в секторе в те годы, работать с ней было легко и приятно.

К Юлии Павловне в 60–70-х годах приходили десятки писем студентов и школьников с вопросами и просьбами посоветовать, где, как и какую литературу об индейцах Северной Америки (в том числе и ее книги) можно «достать» и куда нужно поступать учиться, чтобы стать этнографом-американистом. В ее архивном фонде сохранились письма из Липецка, Куйбышева, Стерлитамака, Хабаровска, Йошкар-Олы, Баку, Ивано-Франковска, села Мужы Тюменской области, Карелии, Бурят-Монголии, Северной Осетии, Чувашии и многих других регионов СССР, а также из ГДР.

Жизнь не раз подвергала Юлию Павловну тяжелым и жестоким испытаниям, заставила пережить не одну личную трагедию.

Ю. П. Петрова-Аверкиева.
Начало 70-х годов

Все это не могло не наложить отпечаток на ее дальнейшую жизнь и, возможно, парадоксальным образом консервировало ее идейно-теоретические взгляды. Однако внешне она всегда держалась спокойно и сдержанно, была доброжелательна, одета строго, но безукоризненно и обладала тонким чувством юмора. Позволю себе с разрешения одной из сотрудниц бывшего Института этнографии АН СССР, а ныне Института этнологии и антропологии РАН воспроизвести рассказ о том, какое впечатление произвела на нее Петрова-Аверкиева:

«Юлия Павловна вообще, по-моему, избегала, за редчайшим исключением, близких контактов, выходящих за научные рамки. Она держалась со всеми одинаково ровно и на достаточном расстоянии. Никогда я не слышала от нее высказываний на житейские темы, тем более разговоров о личной жизни, выступлений на общих собраниях коллектива. В ее тихом голосе, который Юлия Павловна при мне ни разу не повысила, в полуулыбке, никогда не переходящей в смех, в редкой работоспособности и неукоснительной дисциплине, во всем ее холодноватом облике скрывалась загадка каменного сфинкса.

Многое для меня прояснилось в Юлии Павловне лишь после того, как от одного из сотрудников я услышала жуткую историю о годах ее заключения, отлучения от маленького сына и тяжелой физической работы в ссылке... Позже мне случалось бывать у нее дома, познакомиться с ее дочерьми и сыном... К ней просто нельзя было подходить с общими мерками. Она прошла слишком суровую школу жизни и все же добилась очень многого в науке. Для этого, кроме всего прочего, нужны были большая воля и мужество. Она не позволяла себе расслабиться и казалась ученым "сухарем", но не дала окаменеть своей душе⁸⁴.

Юлия Павловна, действительно, была человеком большого мужества, глубокой порядочности, огромной трудоспособности, силы воли и твердого характера. Именно эти качества позволили ей в последние годы жизни, будучи уже неизлечимо больной, не только успешно руководить журналом и сектором народов Америки, но и готовить к публикации новые труды, вышедшие в свет уже после ее кончины⁸⁵. Разве не об этом говорит обнаруженная в ее архиве написанная от руки докладная записка в дирекцию ИЭ за 70 дней до ухода из жизни: «Прошу Вашего разрешения перенести завершение работы над монографией "Индийский компонент в формировании наций США и Канады" на 1982 год в связи с тем, что последний год я была занята публикацией своей книги "История теоретической мысли в американской этнографии" (20 а. л.). Длительное заболевание <...> значительно снизило темпы моей работы. 31.VII.1980. Ю.Петрова-Аверкиева»⁸⁶.

В служении науке Юлия Павловна видела свое жизненное призвание. И когда ее повезли из санатория «Узкое», где она находилась в начале осени 1980 г., в старую академическую больницу, она попросила проехать по улице Дмитрия Ульянова, чтобы последний раз взглянуть на располагавшийся там в те годы родной институт.

Ю.П.Петрова-Аверкиева скончалась 9 октября 1980 г. Урна с ее прахом захоронена в могиле мужа, А.А.Петрова, на Ваганьковском кладбище в Москве.

¹ *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей. — Ленинская правда (Петрозаводск). 11.X.1975.

² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85—86; ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 21—22; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой; фонд не описан, нумерация единиц хранения и листов отсутствует; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной. — Правда. 5.XI.1975; *Бацер И.М.* Человек с именем. Петрозаводск, 1987, с. 74.

³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

⁴ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 3; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

⁵ Цит. по: *Гаген-Торн Н.И.* Memoria. М., 1994, с. 258.

⁶ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 1; *Петрова-Аверкиева Ю.П.* Франц Боас (1858—1942). — КСИЭ, вып. 1. М., 1946, с. 102.

⁷ *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs. Ed., with a Foreword and Afterword, by V. Grant. Vancouver, 1999. App. A, p. 239; ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 124.

⁸ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 19, 20.

⁹ *Бацер И.М.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 73, 75.

¹⁰ Там же, с. 76.

¹¹ Там же, с. 76—77.

¹² Там же, с. 78—80; *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures. Vancouver, 1992, p. XVII.

¹³ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 1, 2.

¹⁴ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIII, XV, XX—XXI.

¹⁵ Ibid., p. XI; *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 3.

¹⁶ *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

¹⁷ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 198—199.

¹⁸ Там же, л. 102, 330—334.

¹⁹ Там же, л. 240—247.

²⁰ Утверждения М.Шермана, будто бы Ю.П.Аверкиевой был создан североамериканский отдел МАЭ и привезены «более половины предметов его постоянной коллекции» (*Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XX), явно преувеличены. См.: Архив отдела Америки МАЭ. Опись коллекции № 4271. Собиратель и составитель Аверкиева Ю.П. 5—7.VII.1931.

²¹ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 3—4; ф. 142, оп. 5, ед. хр. 74, л. 3; ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4253, л. 3.

²² *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XVII, XLVIII—XLIX, 79—94, 239—241.

²³ *Аверкиева Ю.* Современная американская этнография. — СЭ. 1932, № 2, с. 97—102.

²⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 74, л. 3.

²⁵ Там же; см. также ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 53.

²⁶ *Аверкиева Ю.П.* Рабство у племен северо-западного побережья Северной Америки. — СЭ. 1935, № 4—5, с. 40—61.

²⁷ *Averkieva J.* Slavery among the Indians of North America. Victoria, 1957; 2 ed. — 1966.

²⁸ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XVIII; см. также: *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XVII.

²⁹ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

³⁰ Архивная справка ЦА ФСБ от 11 октября 2000 г. за № 10/А-3402.

³¹ *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998, с. 7, 9, 191—192, 210.

³² См. об этом подробнее: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. — Наст. изд., с. 180—183.

³³ *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XLVIII; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии..., с. 210—211.

³⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85; АИЭА. Фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Ее старшую коллегу по институту Н.И.Гаген-Торн, арестованную в 1936 г., следователь подробно расспрашивал о «контрреволюционной деятельности Маторина» и выяснял, «на какие темы вы говорили» с ним (*Гаген-Торн Н.И.* Memoria, с. 59).

- ³⁵ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 112, 131—132, 229.
- ³⁶ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 1, 3, 6, 8.
- ³⁷ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85.
- ³⁸ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 9, 10.
- ³⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 2, 4, 82—84; ф. 222, оп. 2, ед. хр. 867, л. 3, 6—9, 23—26, 49.
- ⁴⁰ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой; ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 134.
- ⁴¹ *Каница М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996, с. 9; *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30—90-е годы). М., 1992, с. 23—24.
- ⁴² *Петрова-Аверкиева Ю.П.* К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки. — КСИЭ, вып. 1. 1946, с. 26—29; *она же.* Франц Боас (1858—1942). — Там же, с. 101—111; *она же.* Психологическое направление в современной американской этнографии. — СЭ. 1947, № 1, с. 218—221; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Распоряжение № 364 по отделу аспирантуры АН СССР от 13.VIII.1945.
- ⁴³ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 327; *Аверкиева Ю.П.* Пережитки женского рода у квакиютлей. — ТИЭ. Т. 2. М., 1947, с. 153—173.
- ⁴⁴ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.
- ⁴⁵ Архивная справка ЦА ФСБ от 10 октября 2000 г. за № 10/А-3402.
- ⁴⁶ *Гаген-Торн Н.И.* Memoria, с. 228.
- ⁴⁷ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.
- ⁴⁸ *Каница М.С.* На разных параллелях, с. 24—25. Маршалл Джордж Кэтлет (1880—1959) — в 1939—1945 гг. председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США, в 1945—1946 гг. личный представитель президента Г.Труммена в Китае, в 1947—1949 гг. государственный секретарь, автор широко известного «плана Маршалла».
- ⁴⁹ Там же, с. 34.
- ⁵⁰ Интервью автора статьи с Д.Д.Тумаркиным 6 февраля 2001 г.
- ⁵¹ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 327—329. Абакумов В.С. — в 1946—1951 гг. министр государственной безопасности СССР (в июле 1951 г. арестован, в декабре 1954 г. расстрелян). Комаров В.И. — полковник, зам. начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР (в 1951 г. арестован, в 1954 г. расстрелян).
- ⁵² ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 31—112.
- ⁵³ Там же, л. 6—16.
- ⁵⁴ Там же, л. 196—197, 229—230, 325.
- ⁵⁵ Там же, л. 143—145.
- ⁵⁶ Там же, л. 273—296.
- ⁵⁷ Там же, л. 264—265.
- ⁵⁸ Там же, л. 266—272.
- ⁵⁹ Именно Берия после смерти Сталина освободил арестованного в 1951 г. Абакумова. См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999, с. 25, 76, 205, 224, 334, 342, 363, 375, 376, 406; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. М., 1999. Кн. 1, с. 192—194, 618; кн. 2, с. 31, 32—33, 50, 52—55; *Чувев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999, с. 395, 442, 532, 542—543, 547; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000, с. 524; *Трояновский О.* Через годы и расстояния. М., 1997, с. 135—136, 165, 169.
- ⁶⁰ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 310—317, 321.
- ⁶¹ *Петров А.А.* Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954. 104 с.
- ⁶² ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 318—320, 323, 326.
- ⁶³ Там же, л. 327, 332, 343—344.

⁶⁴ *Аверкиева Ю.П.* Материалы нью-йоркского съезда этнографов. — СЭ. 1955, № 4, с. 148—155; *она же.* Индейцы прерий. — ТИЭ. 1955, т. 25, с. 98—118 (в соавторстве с И.А.Золотаревской).

⁶⁵ Главы: «Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки»; «Индейские племена северо-американских степей и плато»; «Охотничьи племена Американского севера» (в соавторстве); «Индейцы Северо-Восточного и Приозерного районов США» (в соавторстве); «О современных индейцах и эскимосах Канады»; «Современное население Канады» (в соавторстве).

⁶⁶ См. работы Ю.П.Аверкиевой: О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии. — СЭ. 1958, № 3, с. 174—184; Неозволюционизм в современной американской этнографии. — СЭ. 1959, № 6, с. 180—188; К вопросу о тотемизме у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. — ТИЭ. 1959, т. 51, с. 250—265; К истории металлургии у индейцев Северной Америки. — СЭ. 1959, № 2, с. 61—79; Из истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки (род и потlach у тлинкитов, хайда и цимшиян к середине XIX в.) — ТИЭ. 1960, т. 58, с. 5—12; Проблема собственности в современной американской этнографии. — СЭ. 1961. № 4, с. 200—213.

⁶⁷ *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. М., 1961. 272 с.

⁶⁸ *Периц И.А.* [Рец. на:] Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений. — СЭ. 1962, № 1, с. 136—138.

⁶⁹ *Averkiewa J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.

⁷⁰ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

⁷¹ Там же.

⁷² См. работы Ю.П.Аверкиевой: Соотношение родовой и соседской общины у индейцев Северной Америки. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (МКАЭН). М., 1964; Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации истории первобытного общества. — От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 72—84; Род и община у алгонкинов и атапасков американского Севера. — Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 7—166; О месте военной демократии в истории общества. Доклад на VIII МКАЭН. М., 1968; Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации. — СЭ. 1968, № 1, с. 56—70; О ранних формах наследования. — Социология и идеология. М., 1969, с. 453—458; О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — СЭ. 1970, № 5, с. 33—45.

⁷³ *Петрова-Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970. 176 с.

⁷⁴ *Аверкиева Ю.П.* О путях распада родового строя. — Основные проблемы африканистики. М., 1973, с. 51—57; *Averkiewa J.* On the Forms of Disintegration of the Clan Society of North American Indians. Доклад на IX МКАЭН. М., 1973, p. 1—13.

⁷⁵ *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. 348 с. См. об этой монографии: *Averkiewa J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.

⁷⁶ См. работы Ю.П.Аверкиевой: Дискриминация индейцев в США. — Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса. М., 1973, с. 106—112; Индейцы вчера и сегодня. — США. Экономика, политика, идеология (далее США. ЭПИ). 1973, № 1, с. 53—61; Борьба индейцев Вундел Ни. — США. ЭПИ. 1973, № 6, с. 66—68; Вступительная статья. — *Мейер У.* Коренные американцы. Новое движение сопротивления индейцев. М., 1974, с. 5—13; Дви-

жение американских индейцев сегодня. — США. ЭПИ. 1981, № 2, с. 48—58; см. также: *Averkiewa J., Sherman M.A. Kvakiutl String Figures*, p. XIX—XX.

⁷⁷ *Averkiewa J. The Tlingit Indians. — North American Indians in Historical Perspective* N.Y., 1971, p. 317—342; *Averkiewa J., Sherman M.A. Kvakiutl String Figures*, p. XIX—XX.

⁷⁸ *Аверкиева Ю.П.* Предисловие и введение. — Североамериканские индейцы. Под ред. Ю.П.Аверкиевой. М., 1978, с. 5—29.

⁷⁹ *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 3; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

⁸⁰ См. работы Ю.П.Аверкиевой: Современная американская этнография. — СЭ. 1932, с. 97—102; Психологическое направление в современной американской этнографии. — СЭ. 1947, № 1, с. 218—221; О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии. — СЭ. 1958, № 3, с. 174—184; Неоэволюционизм в современной американской этнографии. — СЭ. 1959, № 6, с. 180—188; Проблема собственности в современной американской этнографии. — СЭ. 1961, № 4, с. 200—213; Основные течения в современной этнографии США. — ВИ. 1962, № 7, с. 98—100; Этнофрейдизм в США. — СЭ. 1962, № 4, с. 3—15; Проблема историзма и современная буржуазная этнография. — Вопросы истории. 1964, № 10, с. 96—107; О месте военной демократии в истории общества. Доклад на VIII МКАЭН. М., 1968, с. 1—13; Л.Г.Морган и этнография США в XX в. — ВИ. 1968, № 7, с. 52—66; О ранних формах наследования. — Социология и идеология. М., 1969, с. 453—458; Неоэволюционизм и релятивизм в современной этнографии. Доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе. М., 1970, с. 1—13; Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. — СЭ. 1971, № 5, с. 9—16; Неоэволюционизм, релятивизм, расизм. — Расы и народы. Вып. 1. М., 1971, с. 34—45; К истории изучения индейцев в США. — Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971, с. 6—20; Буржуазная этнография США и неокOLONиализм. — Новая и новейшая история. 1972, № 5, с. 66—73; О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада. — СЭ. 1973, № 3, с. 19—27; Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада. — Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973, с. 6—29; У истоков современной этнографии (к 100-летию выхода в свет «Древнего общества» Л.Г.Моргана). — СЭ. 1978, № 1, с. 15—33; Историко-философские взгляды Лесли Уайта (1900—1975). — Этнография за рубежом. М., 1979, с. 48—69 и др.

⁸¹ *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. 288 с.

⁸² *Pranda A.* [Пер. на:] *Averkiewa J. Istorija teoretičeskoj mysli v amerikanskoj etnografii*. Moskva, 1979. — Narodopisne actuality. 1981, № 2 s. 118.

⁸³ *Тумаркин Д.Д.* Четырнадцать лет в «Советской этнографии» (из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966—1980 гг.). — ЭО. 2001, № 4, с. 20—26.

⁸⁴ Интервью автора статьи с Л.С.Шейнбаум 25 июля 2000 г.

⁸⁵ *Petrova-Averkiewa J. Der Neoevolutionismus in der gegenwärtigen Ethnographie der USA. — Kultur und Ethnos. В., 1980, S. 39—57; Аверкиева Ю.П.* Движение американских индейцев сегодня. — США. ЭПИ. 1981, № 2, с. 48—58; *Averkiewa J. Indiánok Eszak-Amerikában: Az őskőrösseg felbomlása és a kora osztálytársadalom srületése.* Buda, 1983 (Индейцы Северной Америки. От родового строя к классовому. Будапешт, 1983, на венг. яз.)

⁸⁶ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

Р.Ш.Джарылгасинова

*Владимир Андреевич Никонов —
выдающийся исследователь
ономастики*

В творчестве выдающегося отечественного ученого (этнографа, географа, лингвиста, литературоведа), поэта, журналиста Владимира Андреевича Никонова центральное место занимали проблемы ономастики. Его многочисленные научные труды — книги, статьи, заметки — были посвящены различным направлениям этой науки. Значителен его вклад в изучение топонимики, антропонимики, этнонимики, космонимики. В разработке многих проблем В.А.Никонову принадлежит честь быть первооткрывателем. Он способствовал формированию новых направлений (например, этнической и ареальной ономастики); внедрял новые методы исследования (статистический, картографический и др.); вводил в научный оборот новый круг источников (переписи, хозяйственные книги, данные загов и архивов). Владимира Андреевича привлекали и проблемы исторической ономастики, и самые насущные, актуальные вопросы современности. В трудах Никонова заложены многие теоретические основы ономастической науки. Основным законом ономастики он считал историзм. Никонов обосновал идею системности собственных имен (закон ряда), выступал против изолированного рассмотрения отдельных названий в топонимике; в антропонимике ученый утверждал положение о социальности выбора личных имен; в этнонимике энергично боролся против смешения исторических судеб этнонима и этноса. В.А.Никонов неустанно подчеркивал неразрывную связь ономастики с лингвистикой и с этнографией. В своих работах ученый демонстрировал важность ономастики для решения проблем этногенеза и этнической истории. Он одним из первых обратился к исследованию антропонимических процессов у народов СССР. Наряду с изучением русской — и, шире, славянской — ономастики Владимир Андреевич немало сделал в

области исследования имен собственных тюркских, ираноязычных и других народов нашей страны.

Велика роль Никонова как организатора науки, огромен его вклад в дело подготовки научных кадров. Любимым детищем Владимира Андреевича были конференции по ономастике Поволжья (Ульяновск, 1967; Горький, 1969; Уфа, 1971; Саранск, 1973; Пенза, 1974). Им были организованы совещания и конференции по ономастике Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Под его редакцией вышло более 20 составленных им сборников по ономастической проблематике. Он был активным участником международных научных конгрессов, проходивших в нашей стране.

За огромные заслуги в развитии ономастической науки В.А.Никонов был избран в 1972 г. почетным членом Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО.

Владимир Андреевич Никонов прожил длинную жизнь, заполненную неустанным творческим трудом, отмеченную блестящими научными достижениями, жизнь, неотрывную от судьбы русского народа в XX в., от судьбы нашей страны с ее подъемами и трагическими безднами...

* * *

Владимир Андреевич Никонов родился 14 (27) июля 1904 г. в г. Симбирске (с 1924 г. — г. Ульяновск). В своих кратких автобиографиях он писал, что его отец — Никонов Андрей Алексеевич был фельдшером. Согласно выписке из городского архива г. Симбирска в 1904 г. А.А.Никонов действительно был городским фельдшером при Симбирской городской управе (выписка сделана Н.И.Никитиной в 2001 г.).

По рассказам В.А.Никонова, предки его принадлежали к дворянскому сословию, были среди его близких родственников и представители духовенства, в том числе и высшего. Изучая историю своего рода (он даже составил родословное древо), Владимир Андреевич установил, что упоминания о его роде восходят к XVII в.

Отец Владимира Андреевича — Андрей Алексеевич Никонов (годы жизни неизвестны) — потомок побочных линий дворянских фамилий Ивашевых и Языковых, отдавал много времени и сил общественной деятельности в Симбирске. В 1907 г. А.А.Никонов был смотрителем городской богадельни и Николаевского дома призрения; построил одну из городских церквей (существующую и действующую до сих пор), в которой был почетным старостой. С 1913 г. он — кандидат Городской думы, а с января

1914 г. — гласный Городской думы (гласными Городской думы — около 40 человек — были в основном представители известных купеческих фамилий, врачи, деятели народного образования и др.). За заслуги перед Симбирском Андрей Алексеевич получил личное дворянство.

Андрей Алексеевич Никонов был дважды женат. Его первая жена, мать Владимира Андреевича, Любовь Петровна (урожденная Воскресенская) была дочерью сельского священника, она также приходилась внучатой племянницей митрополиту Петербургскому и Ладожскому Палладию (об этом факте В.А.Никонов часто любил вспоминать). У Андрея Алексеевича и Любви Петровны было пятеро сыновей — Алексей, Александр, Николай, Сергей, Владимир. При родах младшего сына, Владимира, она умерла. Андрей Алексеевич женился во второй раз — на Татьяне Никифоровне (урожденной Бородиной). У них родилось шестеро детей: один сын и пять дочерей¹.

После смерти матери Владимир был взят в родственную купеческую семью Петровых. Николай Николаевич Петров — известный богатый симбирский купец — занимался хлеботорговлей; он был женат на Анне Алексеевне (урожденной Никоновой) — родной сестре отца Владимира Андреевича. У Николая Николаевича и Анны Алексеевны было две дочери. Младшая из них, незамужняя Вера Николаевна Петрова (1870—1969)², и стала приемной матерью Владимира, посвятив ему всю свою жизнь. Вера Николаевна прожила долго и до последних дней была окружена заботой и вниманием Владимира Андреевича.

Детские и юношеские годы Владимира прошли в Симбирске; здесь началась его общественная, литературная и журналистская деятельность. И потом, покинув Ульяновск, он никогда не порывал с родным городом. Когда он приезжал сюда, то обязательно шел на Венец — самую красивую, романтическую часть города, откуда открывается чудесный вид на Волгу. Никонов поддерживал самые тесные связи с архивами города, областной библиотекой, краеведческим музеем. Именно сотрудником областной библиотеки Н.И.Никитиной был подготовлен и опубликован единственный в нашей стране биобиблиографический указатель, посвященный Владимиру Андреевичу. Краткий очерк его научной и научно-организационной деятельности, помещенный в указателе, был написан его другом В.Ф.Барашковым.

В 16 лет В.А.Никонов начинает трудовую деятельность. В «Автобиографии», датированной 25 августа 1959 г., он написал: «Со школьной скамьи живу своим трудом. С 1920 г. работаю в органах печати — в редакции симбирской губернской газеты (зав. отделом, секретарь, зам. редактора)»³. Революционная эпоха захватила

его. Практические дела, организационная, публицистическая деятельность казались важнейшими, больше отвечали духу времени. С известной долей гордости он писал в «Автобиографии»: «Высшего образования не закончил — с 1923 г. зав. школьным отделом губкома КСМ, член коллегии губ. отдела народного образования и председатель губ. бюро юных пионеров»⁴. С 1925 по 1931 г. В.А.Никонов преподавал географию в средней школе № 3 и в педагогическом техникуме г. Ульяновска.

В эти же годы начиналась его литературная деятельность. В 1924 г. В.А.Никонов организовал в Ульяновске литературную группу «Стрежень», которой руководил по 1928 г. В 1924 г. вышли два сборника его стихов: «Молодняк» и «Чужие стихи» (на средства автора).

Стихи первого сборника прекрасно отражают революционный настрой молодого поэта: он воспекает рабочий класс, заводы («Дым, как серые кошки, в глаза лезет. // Машина свистит, поет. // Пролетарий! — // В огне и железе, // бьется сердце твое!»)⁵, Международный юношеский день, своих товарищей. Среди лирических стихотворений одно посвящено «Инне». Инна Кротова — в те годы молодой литератор, позднее была первой женой Владимира Андреевича. Наверно, ее образ запечатлен и в стихотворении «Комсомолка», в котором поэту удалось воссоздать глубоко индивидуальный и в то же время обобщенный портрет девушки той романтической эпохи:

С открытым воротом, в расстегнутой рубаше,
Живая, смелая и быстрая, как ртуть,
Горячая, как бой, порывная, как взмахи,
И сильная, как сталь, — сломать, но не согнуть!

Веселые глаза, раскосые немного,
Упрямо вздернутый, такой задорный нос.
И над открытым лбом, в задумчивости строгой
Откинута прядь подстриженных волос.

Не рисовали — нет! твой профиль Рафаэли,
Живую красоту и молодость без мер,
Слепцы, мы в первый раз так близко разглядели,
Разбив бездушный сонм всех мраморных Венер.

В озера глаз твоих Нарциссы не смотрелись,
И лебеди поэм не плыли в эту синь, —
Но что перед тобой вся вековая прелесть
Холодной красоты классических богинь?!

Декабрь [19] 23 г.⁶

Эмоциональны и душевно открыты произведения второго сборника, «Чужие стихи» (1924 г.), — своеобразного лирического дневника молодого поэта.

В 1928 г. в Ульяновске выходят первые литературоведческие книги Никонова: «Статьи о конструктивистах» и «Эдуард Багрицкий». В 1931 г. он переехал в Воронеж, где работал в областной газете «Коммуна» (зав. отделом информации), а также членом редколлегии журнала «Подъем». Журналистскую и литературную деятельность Владимир Андреевич продолжил в Москве, куда он переехал в 1933 г. Многочисленными были его публикации в «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Красная новь», «Октябрь». В эти годы Никонов много писал о стиховедении и стилистике.

В 1935 г. в журнале «Советское краеведение» появляется небольшая статья Владимира Андреевича «Об изучении местных географических названий», в которой, по образному выражению Э.М.Мурзаева, «истоки всех последующих ономастических интересов ученого»⁷.

Великую Отечественную Владимир Андреевич встретил в Москве. В его архиве сохранилось стихотворение, написанное в августе 1941 г. и посвященное началу войны:

То утро

Еще стояли за селедкой,
Опохмелялись, пили вновь.
А жизнь уже была короткой,
Короче, чем весна, короче
Июньской торопливой ночи
И беззащитней, чем любовь.
Уже на дальнем полустанке
Толпились молча поезда,
К границам стягивались танки.
И первой жертвой до рассвета,
Как бы сигнальная ракета,
Упала нежная звезда.

*Август 1941 г.*⁸

В мае 1942 г. Владимир Андреевич был призван в армию и служил в 14-й Чебоксарской стрелковой дивизии, был отмечен правительственными наградами. Однако летом 1944 г. он был арестован (1 июня 1944 г.) по ложному обвинению и осужден Военным трибуналом по ст. 58, п. 10 на десять лет (приговор от 13 сентября 1944 г.). (Здесь напрашивается параллель с судьбой А.И.Солженицына, который был арестован в армии и осужден в феврале 1945 г.)

Об этом страшном времени Владимир Андреевич говорил редко и очень скупно. Это отмечают и родственники, и коллеги. Поэтому сегодня можно лишь по крупицам воссоздать этот период жизни Никонова.

По воспоминаниям его родного племянника, проф. А.А.Никонова, летом 1944 г. Владимир Андреевич, как он сам рассказывал, сопровождал важный груз на судах по Волге. «Между ним и начальником транспорта возник спор и конфликт. Начальник пригрозил расправиться по прибытии к месту назначения. В результате по окончании рейса В.А. был арестован. Сам он говорил — "за длинный язык"⁹.

Заключение В.А.Никонов отбывал в Сибири, возможно в лагерях Томской области¹⁰. Как человека грамотного («пишущего») его освободили от лесоповала (что, несомненно, спасло его) и определили в контору, где он занимался бухгалтерскими делами¹¹. О пережитом им в лагерях говорит случайно брошенное замечание Владимира Андреевича о том, что повесть А.И.Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича» не отразила всего трагизма лагерной ситуации и даже в чем-то приукрасила ее.

Через два месяца после полного отбытия срока заключения военный трибунал Московского военного округа отменил приговор в отношении Владимира Андреевича Никонова и подтвердил его полную реабилитацию (13 сентября 1954 г.). В «Автобиографии» об этом периоде В.А.Никонов написал следующее: «С мая 1942 г. по июнь 1944 г. в рядах армии (14-я Чебоксарская стрелковая дивизия). В июне 1944 г. осужден военным трибуналом по ст. 58. По протесту прокурора вооруженных сил СССР приговор полностью отменен за отсутствием состава преступления»¹².

Между двумя последними фразами «Автобиографии» более десяти лет сибирских лагерей, ссылки, нечеловеческих унижений и страданий.

Что помогло выстоять, выжить? Об этом Владимир Андреевич никогда не говорил. О состоянии души вопиют строки стихов, написанных в лагерях. Позднее, много лет спустя, он рассказывал своим коллегам, что в те годы собирал и запоминал местные названия космонимов, например диалектные названия Млечного пути¹³.

Из Сибири в 1954 г. Владимир Андреевич сначала вернулся в родной Ульяновск. В руках — фанерный чемоданчик (который потом многие годы хранился у него; после кончины Владимира Андреевича он был передан в Литературный музей Ульяновска). Жизнь надо было начинать с нуля: нет работы, семьи, потеряно десять лет жизни.

За годы, что Владимир Андреевич провел в лагерях, скончался от скарлатины его четырехлетний сын Женечка, а затем умерла и его вторая жена. «Не дождалась меня полгода всего, жалела до самой своей ранней смерти», — горестно, с неугасающей бо-

и вопросы исторической географии». В 1957 г. прозвучали еще два его доклада по топонимике; в 1958 г. он участвует в работе IV Международного съезда славистов; в том же году Владимир Андреевич становится действительным членом Географического общества СССР. 13 марта 1959 г. на заседании Московского филиала этого Общества была создана Топонимическая комиссия, и Никонов был избран ее председателем¹⁸.

Да, это было не простое возвращение в науку, это был прорыв, подобный яркой вспышке. Казалось, Владимир Андреевич стремился наверстать упущенное, а точнее, вернуть незаконно отнятые годы жизни. Многие, хорошо знавшие его, говорили и писали о такой черте его характера, как неукротимая энергия. Конечно, эта черта была прежде всего свойством натуры Владимира Андреевича, его темперамента, эмоционального настроения. Но также представляется несомненным, что это был своеобразный ответ на вызов судьбы, прорыв от смерти к жизни, от унижений к утверждению достоинства... Небольшая деталь: с этого времени Владимир Андреевич сопровождает даты в своих письмах (а переписка его была огромной) двумя буквами — н.э. (наша эра).

С середины 50-х годов XX в. и до последних дней жизни главной страстью В.А.Никонова становится ономастика. Его многочисленные труды — книги, статьи, заметки — этих трех десятилетий посвящены самым разнообразным направлениям и проблемам науки; это были исследования, касающиеся топонимии, антропонимии, этнонимии, космонимии, теонимии, зоонимии.

Работы Владимира Андреевича публиковались в Польше¹⁹, во Франции²⁰, в Нидерландах²¹, Чехословакии²², ГДР²³, Югославии²⁴, Болгарии²⁵. Но сам Владимир Андреевич оставался «невыездным», и это угнетало и расстраивало его.

В 1974 г., в год своего 70-летия, ученый передал автору этих строк небольшую записку под шутивным названием «Мои "открытия" и т.п.», в которой с присущей ему ясностью и логичностью определил важнейшие направления своей работы в ономастике: «I. Главное: привел в систему основные положения ономастических наук на основе марксистско-ленинской [науки]; сформулировал: 1) Основной закон ономастики — историзм; против хаоса — поиск закономерностей; [выступал] против "вульгарного географизма" в топонимике как разновидности вульгарного материализма. 2) Закон ряда — в польск. журн. "Onomastica", 1958 (системность собственных имен) — против изолированного рассмотрения отдельных выдернутых названий вне их ряда. 3) Социальность выбора личных имен. 4) Строгое разгра-

ничество названия и его объекта; в этнонимике — энергичная борьба против смешения историч[еских] судеб этнонима и его объекта: "одно и то же" название относилось ко многим народам, один и тот же народ называли по-разному (даже синхронно, не говоря уже о смене названий). II. Впервые ввел широкое исследование массовых явлений в ономастике: а) статистически, б) в территориальном аспекте — картографирование не как иллюстрация, а как сам метод научного исследования; в топонимике "География русских суффиксов" (в польск. журнале "Onomastica", 1959; сборники "Топонимика Востока", 2 и 3), география личных имен, география русских фамилий; в космонимии — география названий Млечного пути (в сборниках "Проблемы этногеографии Востока". М., 1973)²⁶. Далее в записке обозначен объем научно-организационной, педагогической и редакторской работы.

В середине 60-х годов одна за другой вышли две книги Владимира Андреевича, посвященные топонимике: «Введение в топонимику» (1965 г.)²⁷ и «Краткий топонимический словарь» (1966 г.)²⁸.

* * *

С Владимиром Андреевичем Никоновым я познакомилась ранней весной 1961 г., когда по просьбе Бориса Васильевича Андрианова вместо него пошла на одно из заседаний Московского филиала Географического общества СССР. Заседание проходило в одной из аудиторий Зоологического музея (тогда ул. Герцена, ныне снова — Большая Никитская ул.) и было посвящено подготовке совещания «Топонимика Востока». Заседание вел невысокий, пожилой, но очень энергичный человек. Это был председатель Оргкомитета будущего совещания — Владимир Андреевич Никонов. Как-то незаметно и неожиданно для себя я была подключена к подготовке совещания, введена в состав Оргкомитета, а в апреле (10—13) 1961 г. уже участвовала в его работе. В этом проявилась одна из ярких особенностей характера Владимира Андреевича — быстро сходить с людьми, вовлекать их в свои дела и проблемы, делать из них своих соратников. Черта, которую я наблюдала затем на протяжении более четверти века.

После совещания «Топонимика Востока» я неоднократно встречала Владимира Андреевича в Ленинской библиотеке, где он постоянно (почти ежедневно) занимался. Меня поразило, что он запомнил меня и при встречах называл по имени-отчеству (что в те годы было для меня не особенно привычным).

И поэтому мне показалось естественным, что в 1967 г. он предложил мою кандидатуру на должность ученого секретаря в

созданной им по согласованию с дирекцией в Институте этнографии (ИЭ) АН СССР Группе ономастики...

Итак, с 1967 г. (в это время Никонову было уже 63 года) на протяжении почти двух десятилетий его научная деятельность была неразрывно связана с ИЭ. Он возглавлял Группу ономастики до последнего дня своей жизни. Причем все эти годы работал на общественных началах, категорически отказываясь от зачисления в штат. Правда, необходимо отметить, что руководство ИЭ, прежде всего заместитель директора С.И.Брук, шло ему навстречу и на протяжении всех этих лет оплачивало ему его многочисленные командировки.

На вопрос о том, почему он отказывается от работы в штате ИЭ, Владимир Андреевич любил полушутя отвечать: «Мои предки никогда не служили, и мне не пристало».

Однако, думается, что в этом отказе от зачисления в штат были другие, глубоко личные причины: неприязнь, отторжение официальных бюрократических бумаг, подсознательное опасение перед необходимостью мысленного возвращения к годам трагического прошлого. Страшное прошлое было рядом — оно никуда не уходило. Как-то во время одной из своих нечастых болезней он признался, что при высокой температуре его постоянно преследовал один и тот же кошмар: он идет по длинному коридору, справа и слева закрытые двери, двери, двери, за которыми решается что-то для него страшное...

Большой интерес представляет сохранившееся «Положение о Группе ономастики», очевидно написанное Владимиром Андреевичем в 1967 г.; оно на многие годы определило работу этого научного коллектива: «1. Группа изучает ономастику (собственные имена) в ее этнографическом аспекте в целях выяснения проблем этногенеза, исторических миграций населения, этнографических характеристик групп населения, современных бытовых процессов. 2. Исследованию подлежат все основные разделы ономастики: этнонимика, антропонимика, топонимика, космонимика, теонимика, зоонимика. 3. Кроме научных исследований группа разрабатывает их практическое приложение и проводит консультации по связанным с ономастикой запросам учреждений и организаций. 4. Группа осуществляет научное руководство ономастической работой на местах»²⁹.

Широкое обращение к этнографии, к ее проблематике и методике позволило Владимиру Андреевичу сформировать новое направление в ономастической науке — этническую ономастику.

...Думается, что все, кто работал в ИЭ на улице Дмитрия Ульянова в те годы, когда В.А.Никонов возглавлял Группу ономастики (1967—1988 гг.), прекрасно помнят его. Громкий голос Вла-

димира Андреевича (от все возраставшей с годами хронической глухоты) был обычно слышен в другом конце коридора; запомнилась и его энергичная походка. А главное, что поражало в нем, это феноменальное умение вовлечь, привлечь в сферу своих научных интересов почти всех сотрудников Института. В эти годы многие стали соратниками Владимира Андреевича, публиковались на страницах подготовленных им трудов, участвовали в организованных им конференциях. И каждому благодаря энтузиазму Никонова начинало казаться, что он уже давно владеет уникальными материалами по этнической ономастике, просто с приходом Владимира Андреевича эти материалы не только ожили, но и засияли новым светом. Немало аспирантов и молодых научных сотрудников обязаны Владимиру Андреевичу своими первыми публикациями.

Особенно тесными были контакты Владимира Андреевича с сотрудниками сектора Зарубежной Азии, Австралии и Океании ИЭ, в котором он был «прописан» и имел свой стол (правда, справедливости ради надо заметить, что стол он «делил» с автором этих строк). Поэтому себя он иногда шутливо, но не без гордости величал «столоначальником». Из числа «секторян» как в Москве, так и в Ленинграде (тогда Ленинградская часть ИЭ) с Владимиром Андреевичем в разные годы наиболее плодотворно сотрудничали: И.А.Амирьянц, Т.Ф.Аристова, С.А.Арутюнов, Н.Р.Гусева, В.П.Дарбакова, А.Н.Дементьева-Лескинен, Р.Ш.Джарылгасинова, Н.Л.Жуковская, В.Н.Кисляков, И.Г.Косиков, В.И.Кочнев, Н.Г.Краснодембская, А.И.Кузнецов, Ж.Б.(Б.-Р.)Логашова, К.Ю.Мешков, Нгуен Куок Лок (СРВ), Л.В.Никулина, А.М.Решетов, А.Н.Седловская, И.М.Семашко, Г.Г.Стратанович, М.А.Членов, В.Н.Шинкарев.

Ближайшими помощниками и друзьями Владимира Андреевича в Институте были также И.В.Власова, С.И.Брук, С.С.Губаева, И.С.Гурвич, В.А.Липинская, Т.П.Федянович, А.М.Филиппов.

* * *

Начиная с 1967 г. В.А.Никонов обращается к этнонимике (этнонимика — раздел ономастики, отрасль исторических наук, изучающая этнонимы), к изучению этнонимов — одного из важнейших классов имен собственных. Им был подготовлен первый в мировой и советской ономастике сборник «Этнонимы»³⁰. Книгу открывает большая статья В.А.Никонова «Этнонимия», в которой автор ставит и решает ряд теоретических вопросов этого направления. Так, определяя пути дальнейшего исследования этнонимии (этнонимия — совокупность этнонимов), Владимир

Андреевич писал: «Анализ происхождения этнонима — одна из важных задач этнонимии, но не единственная и не главная <...> Этнонимика исследует всю историю этнонимов, для нее все изменения столь же драгоценны, как и первичная форма, — они красноречивые свидетели истории. Этнонимика — изучение функционирования этнонимов и судьбы каждого как звена их системы, т.е. анализ движения их системы в целом и ее современного состояния, к нему исследователи еще не приступали»³¹.

Благодаря его работам среди этнографов вновь возрастает интерес к этнонимии. Взгляды Никонова на этноним как на важнейшую характеристику любого языка и этноса со временем стали неотъемлемой частью теории этноса. Подъем этнического самосознания народов нашей страны сопровождается возрастающим интересом к истокам своей культуры, к истории своего самоназвания. И этот современный огромный интерес был научно предвосхищен В.А.Никоновым.

Утверждению нового направления в ономастической науке — этнической ономастики способствовал выход сборников «Этнография имен» (М., 1971) и «Этническая ономастика» (М., 1984), в которых Никонов выступал и как ответственный редактор, и как один из основных авторов. Так, особо надо отметить статью Владимира Андреевича «Этнонимы Дальнего Востока СССР»³², в которой им был проанализирован 41 этноним. Впрочем, проблемы этнической ономастики присутствуют во всех многочисленных сборниках, подготовленных Группой ономастики ИЭ под руководством Никонова.

Важность этнографического аспекта изучения всех категорий имен собственных была блестяще показана ученым в статье «Этнография и ономастика (на материале Украины)»³³.

С середины 60-х годов одной из ведущих тем научных изысканий Владимира Андреевича стала антропонимика: ее история, закономерности развития, практические задачи современности. Теоретическим введением в эту проблематику (при создании Группы ономастики в ИЭ) явился доклад Никонова «Личное имя — социальный знак» (1966), опубликованный затем на страницах журнала «Советская этнография»³⁴. Группа ономастики выступила как инициатор и один из организаторов Всесоюзного совещания «Личное имя (проблемы антропонимии)», которое состоялось в Москве в апреле 1968 г. Совещание, подготовленное ИЭ совместно с Институтом языкознания АН СССР и отделом ЗАГС юридической комиссии при Совете Министров РСФСР, явилось значительным научным событием. Совещание показало широкий размах антропонимических исследований практически во всех союзных и автономных республиках. Мате-

риалы совещания были опубликованы в специальном сборнике³⁵.

Широко развернувшиеся исследования по антропонимике создали возможность приступить к подготовке энциклопедического справочника «Имена народов мира» (руководитель работы М.В.Крюков). В 1970 г. Группа ономастики выпустила пробный сборник «Имена народов мира. Материалы к справочнику»³⁶, в котором были представлены шесть статей по антропонимическим системам народов, относящихся к различным языковым группам. Здесь были охарактеризованы системы имен исландцев (Г.И.Анохин), китайцев (М.В.Крюков), латышей (В.Сталтмане), румын (П.Васченко), таджиков (А.Гафуров), калмыков (В.П.Дарбакова). В сборник вошла также работа В.А.Никонова «Системы личных имен», в которой поставлен ряд общих проблем антропонимики³⁷.

В 1986 г. вышла в свет книга «Системы личных имен у народов мира»³⁸, в которой В.А.Никонов был одним из членов редколлегии. Необходимость подобного издания была определена обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, практической потребностью дать читателю сумму основных сведений о характерных особенностях личных имен, бытующих у народов мира, различных по языку, социально-экономическому строю, культуре и традициям. По мере расширения международных контактов и налаживания постоянных связей между различными странами потребность в этом ощущалась все более остро. Поэтому в статьях справочника большое место было отведено не только характеристике имен, но и различным формам обращения, т.е. способам употребления личных имен в процессе общения людей. Во-вторых, выход этого сборника способствовал систематизации материалов по различным антропонимическим моделям народов мира, развитию теории о структуре и функциях личного имени как социального явления.

Теоретическим проблемам и практическим задачам антропонимики была посвящена книга Владимира Андреевича «Имя и общество», отмеченная медалью ВДНХ³⁹.

В течение многих лет В.А.Никонов собирал и исследовал фамилии. Книга «География фамилий», опубликованная в 1988 г. посмертно, подводила итоги многолетних наблюдений автора, открывала новые пути и методы исследования этого важнейшего компонента антропонимической модели народов мира. Само название книги определяет направление исследования — ареальное изучение фамилий, обоснование важного направления в ономастике — территориальной антропонимики. В подобном подходе сказались теоретические посылки Никонова как топонимиста и

антропонимиста. Утверждая свой метод изучения фамилий — ареальное, пространственное их существование, автор указывает на большую научную ценность подобных изысканий для этнографов, прослеживающих маршруты больших и малых миграций, фиксирует внимание на той информации, которая заключена в оттопонимических (образованных от географических названий, топонимов) фамилиях. Выявляя частотность фамилий в определенных ареалах, автор связывал эти данные с историко-географическими процессами формирования территориальных общностей. Никонов особо подчеркивал важность этих исследований для понимания этнической истории народов мира, их расселения и взаимных контактов.

Как отмечал ученый, становление фамилий в Европе происходило довольно поздно: первые фамилии, очевидно, появились на севере Италии в X—XI вв. В России настоящие фамилии начали формироваться с XVI в. Исторический подход к проблеме генезиса фамилий позволил Никонову сделать следующий вывод: «В каждой стране становление фамилий проходило многие этапы, причем разными путями и в разное время»⁴⁰. И далее он выделял характерные черты этого процесса: распространение фамилий не охватывало сразу территорию всей страны; фамилия социальна, она возникала в определенных социальных слоях и обслуживала их интересы; отмечено, что, возникнув в определенном слое, фамилия первоначально утверждалась только в некоторых семьях; история показывает, что фиксация фамилий отставала от их реального появления, а потому законодательные акты, делавшие фамилию обязательной, появлялись сравнительно поздно.

Для изучения фамилий народов нашей страны, прежде всего русских, Никонов исследовал фонды Центрального Государственного архива древних актов, Центрального Государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), десятки областных архивов, листы переписей, похозяйственные книги колхозов, списки избирателей, материалы полевых диалектологических записей, справочники, энциклопедии, записи ЗАГСов. Автор с гордостью писал: «Мои подсчеты охватили миллионы человек по выборочным территориям»⁴¹. Никонов отмечал, что изучение фамилий — явление массовое, невысказанное без статистики. Многократно подчеркивая массовый характер исследуемого материала, ученый особо важным считал подсчет количества носителей фамилий (а не подсчет самих фамилий).

Несомненно, наиболее любимой темой исследования Никонova были русские фамилии. До появления его работ географический аспект изучения фамилий на русском материале пережи-

вал еще процесс становления. По географии фамилий была проделана большая работа на материале украинских, белорусских и латышских фамилий. Ареальный подход к исследованию русских фамилий (автор изучил материалы 52 архивов и собрал фамилии 3 млн. человек русского сельского населения) привел Никонова к научному открытию. В Европейской части СССР им впервые в науке было выделено четыре основных района, в каждом из которых господствует одна русская фамилия: на Севере преобладает фамилия Попов; в Северном Поволжье — Смирнов; в огромной полосе южнее и восточнее Москвы — Кузнецов; на северо-западе Европейской части России — Иванов. По данным Московского адресного бюро на 1964 г., самые частые фамилии в столице: Ивановы — 90 тыс., Кузнецовы — 78 тыс., Смирновы — 58 тыс., Поповы — 30 тыс. «Итак, обнаружены четыре огромных массива — все они в пределах сложившегося к концу XV в. единого Русского государства»⁴², — пишет исследователь. Эти четыре массива (каждый из которых охватывает миллионы людей) не что иное, как четыре историко-географических слагаемых России: земли суздальско-владимирские, псковско-новгородские, северные и, наконец, земли (с XVI—XVII вв.) нового освоения. Выделение Владимиром Андреевичем четырех регионов: Смирновия, Ивановия, Поповия, Кузнецовия — открывало новые пути в изучении этнической истории русского народа.

На материале источников по Устюгу Великому за 1763 г. и 1973 г. ученый выявил, что на протяжении двух веков происходил процесс усиления общерусских форм фамилий и вымывание локальных. В небольшом словаре северных русских фамилий он прежде всего приводит архангельские фамилии по данным переписи 1897 г., восходящие к диалектным основам. Например, Бородин — от северного диалектного слова *борода* — «общая помощь при уборке урожая». Абсолютное большинство фамилий на Севере, как и по всей России, — это отчества в форме кратких притяжательных прилагательных, образованных суффиксами *-ов*, *-ин*, обозначающих «чей сын». Анализируя вологодские фамилии, исследователь выделяет шесть регионов с характерным для каждого ономастиком. Интересен словарик вологодских фамилий, составленный автором по переписи 1979 г. и похозяйственным книгам колхозов. Исследуя орловские фамилии, Никонов отмечает среди них абсолютное преобладание фамилий с формантом *-ов* (*-ев*), реже *-ин*. Распространены фамилии на *-ский*. Не отрицая польского влияния на появление фамилий на *-ский*, автор подчеркивает, что «большинство этих фамилий исконно русского происхождения». Для изучения этнической истории русских огромное значение имеет выявленный Никоновым

ареал распространения фамилии «Кузнецов» в Орловской области, где проходит южный фланг обширной зоны господства этой фамилии. «Граница преобладания фамилии Кузнецов удивительно совпадает с южным рубежом Московского государства с середины XVI в. после присоединения верховских удельных княжеств, когда оборонительная укрепленная черта пролегла по степям от Дона до Оки в широтном направлении, по линии Данков—Новосиль—Орел, сразу за Окой круто изгибаясь на юго-запад к Новгород-Северскому и Черникову». «Граница преобладания фамилии Кузнецов — проекция времени на плоскость карты»⁴³.

Обобщение огромного материала по фамилиям народов мира позволило ученому обратиться к решению теоретических проблем развития этой важнейшей антропонимической категории. Он выделил шесть основных групп систем фамилий: патронимические, принадлежностные, владельческие, оттерриториальные, профессиональные, образованные по личным особенностям носителя, этнические⁴⁴. Особое внимание ученый уделял анализу лексических рядов слов, которые могли послужить основами для фамилий (при этом он постоянно напоминал: никоим образом не смешивать их с семантикой фамилий!).

Оперируя массовым материалом по географии фамилий разных народов мира, Никонов убедительно показывал, что сложнейшие вопросы исторических судеб народов, их различные миграции могут быть выявлены на материале антропонимии. Изучая фамилии, он дает их системный анализ, показывает функционирование в истории общества, выявляет этнографическую специфику; углубленно исследует их лингвистическую природу, диалектную приуроченность, фонетическую огласовку, исторические законы, оставившие след в морфологии фамильного имени, в природе и функции фамильных формантов.

Владимир Андреевич неоднократно подчеркивал, что современное развитие антропонимии народов мира отмечено глобальным торжеством фамилий при сохранении национальных различий⁴⁵.

Проблемам современного имённика русских посвящена последняя книга Никонова «Ищем имя»⁴⁶. Поражает объем источников, на которых выросла книга. Это собрание 100 тыс. имен новорожденных у русских за 1961 г.; 100 тыс. имен за 1978—1981 гг., подсчеты имен за XVIII в. и более поздние хронологические срезы; материалы 100 архивов и записи 50 областных ЗАГСов. Обращаясь к читателям, автор писал об ответственности, стоящей перед родителями за выбор имени ребенку, призывал ученых расширять пропаганду антропонимических знаний.

В.А.Никонов показывал связь личного имени с именем нарицательным, исследовал проблему магического значения имени, взаимосвязь имени и религии. Особое внимание он уделял проблеме соотношения имен официальных и неофициальных, утверждал тезис о социальной значимости личного имени.

Как известно, в 20—30-х годах XX в. русская антропонимия (как и антропонимия других народов нашей страны) пережила период революционизации имен: стали широко появляться новые имена. К 30—40-м годам именник русских, по мнению В.А.Никонова, стал очень разнообразным по происхождению, но приобрел устойчивость. В наши дни в именнике русских на равных правах существуют как канонические (календарные) имена, так и имена новые. Исследования имен начала 60-х годов, а затем начала 80-х годов позволили автору показать динамику наиболее популярных имен: в 60—70-е годы среди имен девочек преобладало имя Елена, а к началу 80-х ее догнала Наталья. Среди имен мальчиков наблюдается «соревнование» имен Александр, Сергей, Алексей. Значительную часть книги «Ищем имя» составляет словарь, содержащий почти 400 имен, который разделен на женские и мужские имена. Словарь включает имена, наиболее характерные для современной антропонимии русских. Примечательно, что автор не только раскрывает этимологию и историю того или иного имени, но и высказывает свое отношение к нему, дает свою оценку.

Несомненное достоинство работ Никонова — яркий, эмоциональный характер изложения, ориентированность на широкие круги читателей. Изложение всегда ведется в доступной форме, автор как бы беседует с читателем, задает ему вопросы, отвечает на них, где не может ответить ни он, ни наука сегодня, он откровенно признает это, призывая читателей к поискам истины.

Важное место в творчестве Владимира Андреевича занимали проблемы тюркской ономастики. К изучению этой проблематики ученый обратился в начале 60-х годов⁴⁷. И в этом направлении он проявил себя как глубокий исследователь, организатор науки, учитель и наставник. Примеры из тюркской топонимии были представлены в его «Кратком топонимическом словаре» (1966). С 70-х годов ученый начал изучать антропонимию тюркоязычных народов, рассматривая ее различные аспекты в общих работах и в специальных статьях. Никонов исследовал такие проблемы антропонимии тюркских народов, как соотношение традиционного и современного именника, специфика мужских и женских имен; классификация антропонимов; обычай «связанных» имен; история формирования фамилий; особенности имен детей в национально-смешанных семьях. Он призывал к изуче-

нию и других разделов ономастики тюркских народов. В своих работах Владимир Андреевич использовал литературные источники, а также собственные полевые материалы.

В.А.Никонов способствовал расширению тюркологических ономастических исследований. Ученый был инициатором проведения в 1969 г. в Самарканде Межреспубликанского семинара по ономастике (он был организован Министерством высшего и среднего образования УзССР, Самаркандским государственным университетом им. Алишера Навои и Группой ономастики ИЭ АН СССР). Владимир Андреевич был научным руководителем семинара. На филфаке Университета им был прочитан цикл лекций по ономастике⁴⁸. В 1974 г. по предложению Никонова в Бухаре Министерством просвещения УзССР, Бухарским педагогическим институтом и ИЭ была проведена Республиканская конференция, посвященная актуальным проблемам среднеазиатской ономастики. На пленарном заседании Владимир Андреевич выступил с докладом «Задачи ономастики Средней Азии». Важность исследований различных направлений этой науки для решения вопросов этногенеза была показана им в докладе «Этногенез народов Средней Азии и ономастика», прочитанном в Ташкенте в 1973 г. Об основных задачах тюркской ономастики ученый говорил в своих выступлениях на Первой Всесоюзной конференции по тюркской ономастике (Фрунзе, 1986), одним из вдохновителей которой он был⁴⁹. Никонов был инициатором, составителем и ответственным редактором многих сборников, в которых публиковались работы по ономастике тюркских народов. Многолетняя дружба и творческие контакты связывали Владимира Андреевича с учеными-тюркологами, разрабатывавшими проблемы ономастики.

Подвижническое служение науке, присущее В.А.Никонову, притягивало к нему людей, определяло их поиск, а иногда и всю их дальнейшую научную судьбу.

Владимир Андреевич был страстным пропагандистом науки, ярким, запоминающимся лектором. Во многих высших учебных заведениях страны читал он спецкурсы по ономастике. Как темпераментные, эмоциональные обращения к читателям написаны многие научные статьи и книги Никонова. Автор объясняет, учит, наставляет, негодует. За его утверждениями стояли десятилетия неустанного научного поиска.

Со многими читателями Никонова связывала многолетняя переписка. Писали Владимиру Андреевичу и те, кто интересовался историей происхождения своей фамилии, и те, кто рассказывал, перелагал ему легенды и предания о возникновении своего родового имени. Этой богатейшей перепиской, этим душев-

*В.А.Никонов открывает Межреспубликанский семинар по ономастике.
Справа — Р.Ш.Джарылгасинова. Самарканд. 1969 г.*

ным откликом читателей Владимир Андреевич (в последние десятилетия своей жизни — одинокий человек) гордился, находил в них и источник вдохновения, и дружескую поддержку. Забирая домой очередную пачку писем, пришедших в Институт на его имя, он любил полушутя повторять: «Вот и слава пришла!»

Заслуги В.А.Никонова были широко отмечены научной общественностью. В 1974 г. в ИЭ прошел Ученый совет под председательством директора Института акад. Ю.В.Бромляя, посвященный 70-летию ученого. Юбиляр выступил на нем с докладом «Ономастика и этнография».

Семидесятилетию Никонова была посвящена книга «Русская ономастика. Республиканский сборник», вышедшая в 1977 г. в Рязани под редакцией проф. В.Д.Бондалетова⁵⁰. В ней был опубликован библиографический список «Некоторые работы В.А.Никонова по ономастике».

В ИЭ в 1984 г. было отмечено и 80-летие выдающегося исследователя ономастики.

Владимир Андреевич не был «отягощен» научными званиями и регалиями. Так распорядилась судьба. Но по сути своей он был признанным главой научного направления и заслужил звание «Народного Академика».

В этом контексте следует вспомнить прекрасные слова, сказанные Ю.В.Бромлеем в интервью, которое он дал в 1987 г. журналисту С.Корепанову: «Никонов — это явление в науке. Он труженик в величайшем смысле этого слова. Ономастика, которой он занимается, — одно из интереснейших белых пятен в этнографии. Он делает то, что не сможет сделать целый научный коллектив»⁵¹.

Как ученому Владимиру Андреевичу была присуща страсть к познанию, к открытию новых тем, новых разделов науки. Широка взгляда на изучаемые проблемы, талант создания монументальных полотен сочетались у Владимира Андреевича с тщательностью, добросовестностью, скрупулезностью обработки массового материала. Его несомненной любовью было составление многочисленных картотек по тому или иному изучаемому вопросу. Своим почти ювелирным, бисерным почерком он заполнял карточки, записные книжки, листы бумаги, не оставляя на них белого пространства.

* * *

Жил Владимир Андреевич в одном из старых московских домов, недалеко от Садового кольца, в коммунальной квартире. Здесь же проживали еще две семьи, в квартире была общая кухня, телефон находился в коридоре. Небольшая комната (14—16 кв. м) Владимира Андреевича сплошь была уставлена книжными шкафами и стеллажами, причем три (или четыре?) стеллажа были размещены прямо в центре комнаты. Книги, газеты, журналы, рукописи, письма, многочисленные коробки с карточками лежали на стеллажах до потолка. За ними в уголке, у маленького окошка, притулился письменный стол с лампой под зеленым абажуром. Это была келья ученого, это было жилище одинокого человека...

Надо сказать, Владимир Андреевич глубоко переживал свое одиночество. Мысли и мечты вновь обрести, устроить семейный очаг все эти годы не покидали его. В душе он оставался тем же романтиком, который в юности писал стихи о любви, мечтал о Прекрасной Даме, о Дульцинее. Часто в минуты успеха он любил повторять: «Вот, если бы Она (с большой буквы) увидела

(услышала) это!» — причем не всегда было понятно, идет ли речь о какой-то его знакомой или это образ далекой Прекрасной Дамы.

Во второй половине 80-х годов Владимир Андреевич стал чувствовать ухудшение здоровья: сказывались не только возраст, но и годы, проведенные в лагерях... Он стал часто говорить о своем самочувствии, принимать лекарства. Хотя, надо сказать, несмотря на свой возраст, он многие годы был практически здоров, не носил очков, был легок на подъем (иногда в течение одного дня посещал несколько учреждений, расположенных в разных концах Москвы), ездил в дальние командировки. Но вот с осени 1987 г. нередкими были его жалобы на недомогания, с ним стали случаться глубокие обмороки (очевидно, спазмы сосудов мозга).

Обычно подтрунивавший над нашими порой длительными чаепитиями в секторе Зарубежной Азии, Австралии и Океании, он стал с удовольствием все чаще принимать в них участие, чувствовалась его потребность в общении с коллегами и любившими его «секторянами» («не за огонь люблю костер, за тесный круг друзей»). Судя по его отдельным репликам, он стал чаще встречаться с племянниками. Так, летом 1986 г. он пригласил Андрея Алексеевича Никонова — своего старшего племянника — с дочерью в Ульяновск, где познакомил их с местами жизни предков, часто вспоминал единственного, рано умершего сына Женю⁵². Во время поездки (как потом оказалось, последней) по Волге и Дону летом 1987 г. он в Ульяновске встречался с племянницей, Ольгой Михайловной Никоновой, и ее дочерью.

Настроение Владимира Андреевича того времени прекрасно передает его письмо, написанное известному географу Э.М.Мурзеву 12 октября 1987 г.: «Я уже выхожу из строя. Увы! Отнялись ноги. И общее состояние ахти не ах. Бакинский вуз шлет телеграммы — читать курс. Мне очень хочется (это 19-й вуз, читал в 18, ни в одном не учась) последний раз встретиться с молодежью. Врач поликлиники, прочитав телеграмму, сказала: "Нет!" Может быть, все-таки не послушаюсь и поеду (в середине ноября), пока еще не знаю. Как ноги покажут. Должны выйти две мои книги. В издательстве "Наука" валяется "География фамилий", а в "Советской России" — "Ищем имя". Увы, едва ли увижу печатными. Минувшим летом совершил триумфальный рейс по Волге и Дону в наилучнейших условиях. Шестую Поволжскую ономастическую конференцию согласился [провести] Волгоград (почтят память вставанием) в 1989 г. На 1988 г. уже поздно включать в план. <...> Пока еще бываю в Институте [этнографии]. Не взглянуть бы! Но не знаю, как дальше. Готовим все же сборник по восточной ономастике. Обязательна Ваша статья. Всего Вам наилучшего»⁵³.

А вот какими проникновенными словами завершает Э.М.Мурзаев публикацию письма В.А.Никонова: «Это было последнее письмо, полученное мною, с грустью читал его. Видел, ощущал смятение чувств. Еще много желаний, мысль толкает на действия, есть планы. Но суровая реальность диктует запреты. На 84-м году жизни сказывались болезни»⁵⁴.

В конце января 1988 г. самочувствие Владимира Андреевича резко ухудшилось. По личной просьбе Ю.В.Бромлея он был помещен в больницу АН СССР. Когда «скорая помощь» приехала за Владимиром Андреевичем, он передал мне листок с адресом и телефонами издательства, в котором готовилась к публикации его книга «Ищем имя», с просьбой позвонить редактору. Это было его последнее поручение мне...

Владимир Андреевич Никонов скончался в Москве 13 марта 1988 г.

Учитывая желание Владимира Андреевича покоем в родной ульяновской земле, а также его заслуги перед отечественной наукой, Ульяновский горисполком принял решение о захоронении его праха на Аллее Почета Центрального городского кладбища. В траурной церемонии 31 октября 1988 г. приняли участие родные В.А.Никонова, приехавшие из Москвы и Ленинграда, его знакомые и друзья, представители областного Краеведческого музея, Ульяновского педагогического института, областного отделения Фонда культуры.

Вечером 31 октября 1988 г. в Краеведческом музее Ульяновска состоялся вечер памяти Владимира Андреевича. Вместе с воспоминаниями звучали его стихи разных лет; многие из них были посвящены Симбирску—Ульяновску, друзьям. Они были обнаружены в архиве ученого после его смерти⁵⁵.

Не дождался Владимир Андреевич выхода своих книг «География фамилий» (1988 г.) и «Ищем имя» (1988 г.)⁵⁶.

Научный архив Никонова, по решению наследников, был передан в ИЭ, а литературный архив — в Краеведческий музей Ульяновска. Личная библиотека ученого, согласно его желанию, была передана в дар Институту языка и литературы АН Киргизской ССР (г. Фрунзе).

Как мы уже отмечали, Никонов был основателем, организатором и бессменным руководителем конференций по ономастике Поволжья. В свое последнее путешествие по родной Волге летом 1987 г. он договорился с проф. В.И.Супруном о проведении Шестой Поволжской в Волгограде...

Когда готовилась эта конференция, было решено посвятить ее памяти ученого. Настроение организаторов конференции и ее участников прекрасно выразил в письме автору этих строк дав-

ний друг и коллега Владимира Андреевича казахский ученый Огаз Султаньяев: «Хорошо, что добрая традиция Поволжских ономастических жива и продолжается. Мне, обитающему в далеких казахстанских степях, довольно трудно судить, не зная всей обстановки, настроения организаторов и пр., но смею высказать мысль вслух: было бы здорово, если объявить конференцию "Памяти В.А.Никонова, организатора I Поволжской..." и отразить это в документах (программе, тезисах и др.)»⁵⁷. Так и было сделано⁵⁸.

Памяти Никонова участники конференции, авторы статей посвятили и сборник «Ономастика Поволжья (Материалы Шестой конференции по ономастике Поволжья)»⁵⁹.

Дело Владимира Андреевича на этом поприще продолжил проф. В.И.Супрун. Благодаря его энтузиазму и подвижничеству Волгоградский государственный педагогический университет совместно с ИЭА провел не только Шестую конференцию по ономастике Поволжья (1988 г.), но и Седьмую (1995 г.)⁶⁰, Восьмую (1998 г.)⁶¹ и Девятую (2002 г.).

Мечтой Владимира Андреевича было издание словаря русских фамилий. Над сбором материала он работал до своего последнего часа. Часть своих материалов он опубликовал в журнале «Русская речь». На основе этих публикаций была подготовлена и посмертно издана книга Никонова «Словарь русских фамилий» (1993 г.)⁶².

В научном архиве Владимира Андреевича сохранилось немало других подготовительных материалов по русским фамилиям, разбор и осмысление которых требует значительного времени и дальнейших исследований.

Исследуя историю антропонимии, историю личного имени, прозвищ, фамилий, отчеств, Никонов нередко обращался к мысли об их будущем. «Заманчиво представить имена будущего»⁶³, — писал он. Кажется, его мало привлекали сложные, фантастические имена и фамилии, как бы составленные из разного рода обобщений и цифровых данных, имена, предлагаемые писателем И.А.Ефремовым и футурологом И.В.Бестужевым-Ладой. Ученый призывал заботиться об именах и фамилиях нынешнего поколения, об именах ближайших десятилетий.

Да, предвидеть в полном объеме будущее антропонимии — дело пока довольно сложное, но нам — ученикам, друзьям, коллегам, соратникам, читателям, современникам Владимира Андреевича Никонова — ясно, что его имя многие лета будет символом беззаветного служения науке и умения преодолевать превратности судьбы.

¹ Сведения о предках и родителях В.А.Никонова взяты из рукописи К.И.Никоновой — супруги родного племянника Владимира Андреевича, Андрея Алексеевича Никонова, — «Что нам известно о родственниках и пращурах моего мужа А.А.Никонова» (Рукопись, 2001 г., 7 стр.), а также из заметок А.А.Никонова, за что автор выражает им свою искреннюю благодарность. Автор благодарит Н.И.Никитину (г. Ульяновск) и О.М.Никонову за помощь в работе над статьей.

² *Никитина Н.И.* Владимир Андреевич Никонов. Биобиблиографический указатель. Ульяновск. 1992, с. 2; *Никонова К.И.* Рукопись, с. 1—2.

³ *Никонов В.А.* Автобиография, 1959. — Архив автора статьи.

⁴ Там же.

⁵ Никонов. Завод. — Молодняк. Стихи. [Симбирск]. 1924. Издание автора, с. 10.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ *Мурзаев Э.М.* В.А.Никонов — топонимист. — Топонимия и общество. М., 1989, с. 114. К статье прилагается список работ В.А.Никонова по топонимике (62 наименования), с. 120—123.

⁸ [Никонов В.А.]. Стихи разных лет. — Ульяновская правда. 20.VIII.1989 г., с. 9. Публикация подготовлена М.М.Савич.

⁹ В письме автору статьи (от 3.VII.2001 г.) содержались заметки А.А.Никонова «Из жизни В.А.Никонова в 1944—1954 гг.».

¹⁰ Из письма Н.И.Никитиной от 26.06.01 автору статьи.

¹¹ Из письма А.А.Никонова автору статьи.

¹² *Никонов В.А.* Автобиография. — Архив автора статьи.

¹³ Об этом автору статьи любезно сообщили А.В.Суперанская и И.Г.Добродомов.

¹⁴ *Ершова Л.* Приютит и обогрет родной Ульяновск. — Ульяновская правда. 20.VIII.1989, с. 8; *Никонова К.И.* Рукопись, с. 5.

¹⁵ [Никонов В.А.]. Стихи разных лет. — Ульяновская правда. 20.VIII.1989, с. 9.

¹⁶ *Никонов В.А.* [Рец. на:] *Боднарский М.С.* Словарь географических названий. М., 1954. 368 с. — География в школе. 1955, № 3, с. 71—72.

¹⁷ *Никонов В.А.* Областные работы по топонимике. — Вопросы языкознания. 1956, № 1, с. 142—147.

¹⁸ *Никитина Н.И.* Владимир Андреевич Никонов, с. 4.

¹⁹ Закон ряда в географических названиях. — *Onomastica*, 6. Wrocław—Kraków, 1958. R.IV. № 1, S. 57—73 (на рус. яз.; резюме на франц. яз.); География русских суффиксов. — *Onomastica*, 9. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1959. R.V, № 2, S. 321—345; Консонантный коэффициент. — *Lingua Posnaniensis*. Poznań, 1960. T. VIII, с. 228—235 (на рус. яз.); Первый закон топонимики. — I Międzynarodowa slawistyczna Konferencja onomastyczna. Wrocław—Kraków, 1961, с. 103—107; Русские префиксно-бессуффиксные названия. — *Onomastica*. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961. R.VII, с. 191—194; Этимологические западни. — *Lingua Posnaniensis*, IX. Poznań, 1962, с. 103—144; Формы русских фамилий — *Studia językoznawczy poświęcone Stanisławowi Rospondowi*. Wrocław, 1966, с. 319—329.

²⁰ Paradoxes toponymiques. — *Revue Internationale d'onomastique*. P., 1959, № 3, с. 161—173. L'étymologie? Non, l'étiologie. — *Revue Internationale d'onomastique*. P., 1960, № 3, с. 161—166; Toponymie et dialectologie. — *Revue Internationale d'onomastique*. P., 1961, № 3, с. 164—174.

²¹ Борьба падежей. — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, IV. The Hague, 1961, с. 13—33; Место ударения в русском слове. — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, VI. The Hague, 1963, с. 1—5.

- ²² Заметки и материалы к гидронимическому атласу Украины. — Acta Universitatis Carolinae Philologica. Praha, 1966. Вып. 1–3, с. 265–274.
- ²³ Триумфальное шествие фамилий. — Onomastica slavogermanica, V. В/, 1970, S. 89–94; Die Periodisierung der russischen Anthroponymie von den Anfängen bis 1917 (Vorläufiges Schema. — Sowjetische Namenforschung. B., 1975 S. 103–115; Die russischen Personennamen der Gegenwart. — Ibid. S. 117–133.
- ²⁴ Хорватские фамилии в статистико-географическом освещении. — Onomastica jugoslavica. Vol. 9. Zagreb, 1982.
- ²⁵ Имена русских сегодня. — Onomastica. XXXII. Sofia, 1988, с. 141–154.
- ²⁶ Никонов В.А. «Мои открытия и т.п.». — Личный архив автора статьи.
- ²⁷ Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. 178 с.
- ²⁸ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. 509 с.
- ²⁹ Никонов В.А. Положение о группе ономастики. 1967. — Личный архив автора статьи.
- ³⁰ Этнонимы. М., 1970. 268 с.
- ³¹ Никонов В.А. Этнонимия. — Этнонимы, с. 30.
- ³² Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР. — Этническая ономастика. М., 1984, с. 44–69.
- ³³ Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины). — СЭ. 1971, № 5, с. 25–36.
- ³⁴ Никонов В.А. Личное имя — социальный знак. — СЭ. 1967, № 5, с. 154–168.
- ³⁵ Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропоники. М., 1970. 341 с.
- ³⁶ Имена народов мира. Материалы к справочнику. М., 1970. 51 с.
- ³⁷ Никонов В.А. Системы личных имен. — Имена народов мира, с. 39–50.
- ³⁸ Никонов В.А. Системы личных имен у народов мира. Вместо введения. — Системы личных имен у народов мира. Сб. М., 1986. 383 с. Никонову в этом сборнике также принадлежат статьи «Башкиры» (с. 72–74), «Македонцы» (с. 199–200), «Поляки» (с. 255–257), «Русские» (с. 262–268), «Сербы» (с. 273–274), «Узбеки» (с. 312–315), «Хорваты» (с. 332–333).
- ³⁹ Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974. 274 с.
- ⁴⁰ Никонов В.А. География фамилий. М., 1988, с. 26, 27.
- ⁴¹ Там же, с. 15.
- ⁴² Там же, с. 36.
- ⁴³ Там же, с. 93, 95.
- ⁴⁴ Там же, с. 171–173.
- ⁴⁵ Там же, с. 187.
- ⁴⁶ Никонов В.А. Ищем имя. М., 1988. 128 с.
- ⁴⁷ Отметим некоторые работы В.А.Никонова по тюркской ономастике: Современный именник узбеков. — Вопросы ономастики. 1. Труды СамГУ. Вып. 214. Самарканд, 1971, с. 3–14; Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов. — Советская тюркология. Баку, 1972, № 2, с. 63–67; Этногенез народов Средней Азии и ономастика. — Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований. Тезисы. Таш., 1973, с. 84–85; Обычай связанных имен у тюркоязычных народов. — СЭ. 1973, № 6, с. 82–89; Актуальные процессы в антропоники татар и башкир. — Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 29–40; Личные имена туркмен. — Полевые исследования Института этнографии, 1974. М., 1975, с. 84–88; Среднеазиатские материалы для словаря личных имен. — Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 153–161; Заметки по оронимии Киргизии. — Там же, с. 86–107; Формы среднеазиатских фамилий. — Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980, с. 120–127; Материалы по космонимии Средней Азии. — Там же, с. 290–306; Этнонимы Дальнего Вос-

тока СССР. — Этническая ономастика. М., 1984, с. 44—69; Башкиры. — Системы личных имен у народов мира. М., 1986 (1989), с. 72—74; Узбеки. — Там же, с. 312—315; Гляционимия Киргизии. — Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985, с. 146—165.

⁴⁸ *Бакман Я.* Скажи мне, как тебя зовут? Интервью с В.А.Никоновым. — Ленинский путь. Самарканд. 30.I.1969; *Джарылгасинова Р.Ш.* Межреспубликанский семинар по ономастике. — СЭ. 1969, № 4, с. 141—142.

⁴⁹ *Джарылгасинова Р.Ш., Логашова Дж.Б.* Первая Всесоюзная конференция по тюркской ономастике. — СЭ. 1987, № 5, с. 143—145.

⁵⁰ Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977.

⁵¹ *Корепанов С.* Откуда мы? Кто мы? Встреча с интересным человеком. — Социалистическая индустрия. 17.I.1987, с. 4.

⁵² Из письма А.А.Никонова автору статьи (от 3.VII.2002 г.).

⁵³ *Мурзаев Э.М.* В.А.Никонов — топонимист, с. 113—123.

⁵⁴ Там же, с. 119—120.

⁵⁵ *Равич М.* Памяти ученого-земляка. — Ульяновская правда. 11.XI.1988, с. 4; Подборка публикаций в «Ульяновской правде» была прислана автору статьи А.А.Никоновым.

⁵⁶ *Джарылгасинова Р.Ш.* [Рец. на:] *В.А.Никонов.* География фамилий. М., 1988 189 с.; *он же.* Ищем имя. М., 1988. 128 с. — СЭ. 1989, № 5, с. 159—167. К рецензии прилагается список основных трудов В.А.Никонова, с. 162—163.

⁵⁷ Личный архив автора статьи.

⁵⁸ Шестая конференция по ономастике Поволжья 26—28 сентября 1989. Конференция посвящена памяти известного советского ученого В.А.Никонова (1904—1988) — основателя Поволжских ономастических конференций. Тезисы докладов и сообщений. Волгоград, 1989 179 с.; *Логашова Б.-Р., Федянович Т.П.* Две конференции по ономастике, посвященные памяти В.А.Никонова. — СЭ. 1990, № 2, с. 129—134.

⁵⁹ Ономастика Поволжья (Материалы Шестой конференции по ономастике Поволжья). Отв. ред. Р.Ш.Джарылгасинова, В.И.Супрун, Т.П.Федянович. Ч. 1. М., 1991. 200 с., Ч. 2. М., 1992. 193 с.

⁶⁰ Ономастика Поволжья (Материалы Седьмой конференции по ономастике Поволжья). Отв. ред. Р.Ш.Джарылгасинова, В.И.Супрун. М., 1997. 200 с.

⁶¹ Ономастика Поволжья (Материалы Восьмой конференции по ономастике Поволжья). Отв. ред. Р.Ш.Джарылгасинова, В.И.Супрун. М., 2001. 350 с. В книге в разделе «Из архива Группы ономастики Института этнологии и антропологии РАН» опубликована работа В.А.Никонова «Материалы для словаря мордовских фамилий» (с. 312—339), подготовленная им в 1984—1986 гг. для сборника «Ономастика Востока», который по целому ряду объективных причин не вышел в свет.

⁶² *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. Сост. Е.Л.Крушельницкий. Предисл. Р.Ш.Джарылгасиновой. М., 1993. 222 с.

⁶³ *Никонов В.А.* Ищем имя. М., 1988, с. 57—58.

С.И.Вайнштейн

*Романтика и трагедии в судьбе
Альберта Николаевича
Липского*

За все в жизни мы когда-нибудь платим.
Но не такую же несправедливую и страшную цену!

*(из последнего письма А.Н.Липского автору
5 декабря 1972 г.)*

Когда пишут о судьбах ученых, основное внимание уделяется обычно их научной деятельности, а перипетии личной жизни служат лишь фоном. Под давлением драматических фактов, ныне известных, быть может, лишь мне одному, хочу сосредоточить внимание прежде всего на романтике, научном подвижничестве и трагедиях в жизни крупного этнографа и археолога Альберта Николаевича Липского (1890—1973), репрессированного в конце 1930-х годов и в значительной мере добровольно избравшего свое место в страшной истории ушедшего века*.

В далеко не однозначной биографии Липского тесно переплелись не только одержимость искреннего революционера, долгое время служившего жестокому режиму, но и глубокая преданность науке ученого с необычайно суровой судьбой, человека бескорыстного и в высшей степени принципиального, что нередко ему очень серьезно вредило.

Не могу умолчать и о неоценимой дружеской поддержке Липским автора статьи в весьма тяжелых ситуациях во время многолетней работы в Туве. Ему я обязан и за помощь в практическом освоении методики археологических раскопок еще в начале моих тувинских исследований, о чем пойдет речь ниже.

* Пользуюсь возможностью выразить глубокую признательность Н.А.Месштыб и Н.П.Москаленко за помощь в подготовке этой статьи к печати.

Впервые мы увиделись летом 1950 г. Тогда, после окончания исторического факультета МГУ по кафедре этнографии, я ехал по распределению в Тувинский краеведческий музей, расположенный в далеком и незнакомом мне степном городе Кызыле — географическом центре Азии. Добраться туда можно было лишь по Транссибирской магистрали до г. Абакана — столицы степной Хакасии, а оттуда на попутной машине, если удавалось ее раздобыть, преодолев по Усинскому тракту горные хребты Саян.

Выйдя на конечной станции в Абакане из поезда, несмотря на кратковременность пребывания в городе, я все же решил воспользоваться возможностью побывать в «родственном» местном музее. Внимательно знакомясь с его экспонатами, обратил внимание на старинный хакасский шаманский бубен с нарисованными на нем оленями, причем на одном из них сидел, вероятно, пастух. Этот рисунок как бы свидетельствовал об оленеводстве у хакасов в прошлом, что явно противоречило существовавшим тогда историческим представлениям. Поинтересовался у смотрительницы, откуда попал в музей этот бубен. Она, не отвечая, кивнула в сторону стоявшего поблизости человека, вероятно научного сотрудника.

Это был среднего роста, коренастый, по-военному подтянутый, далеко не молодой, но еще красивый мужчина с твердым суровым взглядом и густой шевелюрой седых волос. Бросалась в глаза изношенность его одежды — потертая гимнастерка, лоснящиеся от времени галифе, стоптанные кирзовые сапоги.

Узнав, что я этнограф, выпускник МГУ, он представился:

— Бывший исследователь этнографии и антропологии народов Амура, бывший научный сотрудник Института этнографии в Ленинграде, бывший сотрудник ВЧК—НКВД, бывший узник его лагерей, бывший директор сего музея, а ныне его археолог — Липский Альберт Николаевич.

И тут же, коротко отвечая на мои вопросы о бубне, заметил, что на нем изображены оленеводы, но истолковать их значение в свете хакасской истории он не берется. И продолжил:

— Быть может, Вы когда-нибудь в память о нашей встрече займетесь этим чрезвычайно любопытным экспонатом музея¹.

Имя Липского было мне знакомо. Некоторые из его работ с интересом читал ранее, был наслышан о его неоднозначной личности и жестокой судьбе от выдающегося антрополога Георгия Францевича Дебеца, с которым еще в мои студенческие годы поддерживал хорошие отношения.

Возникшую почти сразу же необъяснимую симпатию к новому знакомому не поколебали услышанные позднее из его же уст детали биографии, которым нельзя было найти достаточного оправдания.

Эта встреча произошла в обеденное время, и я предложил отметить ее в дешевом привокзальном ресторанчике. Нам удалось занять отдельный столик, что позволило вести без посторонних достаточно доверительную беседу, которую помню во всех деталях. Альберт Николаевич попросил меня поподробнее поведать о себе, о моей семье, об Институте этнографии (ИЭ), с которым я тесно сотрудничал, уже ранее выезжая в Сибирь в составе экспедиции, о чем он читал в изданиях Института, о моих планах работы в Туве.

Я рассказал ему тогда, что мой отец — Израиль Яковлевич Вайнштейн родился на Украине, еще в юности стал революционером, воевал, в том числе в Конной армии, с белополяками. Впоследствии — профессор философии, автор книг по диалектике, изданных не только у нас, но и за рубежом. В 1936 г. был арестован, а в январе 1938 г. казнен как «враг народа». Но, судя по его последним письмам из тюрьмы, он до конца верил в идеалы социализма. Мать приехала из капиталистической Риги в 1925 г., чтобы строить новый мир. Вышла замуж. В 1926 г. родился я. После ареста отца мы потеряли квартиру, все вещи и долго были бездомными. Мне пришлось пройти и детский дом, и лесоповал, быть пожарником. Лишь в 1954 г. отец был «посмертно» реабилитирован².

— Как же удалось поступить в Университет? — перебил меня Липский.

— С большим трудом. Меня как сына «врага народа», несмотря на отличные экзаменационные оценки, на исторический факультет Университета не зачислили. Помог известный и весьма влиятельный в то время историк, академик В.М.Хвостов — давний друг нашей семьи, веривший в мое научное будущее.

— И в годы учебы были, конечно же, немалые трудности. Представляю! — сочувственно заметил Липский.

— Были, разумеется. Да я их усугубил. Самые большие проблемы возникли на четвертом курсе, в 1948 г. Тогда, участвуя в экспедиции Института этнографии к кетам Подкаменной Тунгуски, которой руководил крупнейший историк и этнограф Сибири Б.О.Долгих³, я убедился, что этот маленький народ Севера из-за очень тяжелых условий жизни, на которые его обрекли власти, быстро вымирает. Вернувшись в Москву, сразу же написал об этом письмо секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, выступил на кафедре этнографии. Комсомольское руководство фа-

культета отреагировало оперативно. Меня, как «клеветущего на национальную политику партии», сына «врага народа», имеющего и другие идеологические проступки, исключили из комсомола и предложили отчислить из МГУ. Однако комиссия ЦК ВКП(б), посланная к кетам, полностью подтвердила приведенные мною факты, а директивные органы приняли постановление о мерах помощи кетам. Я был оправдан и даже вновь в 1949 г. командирован Институтом этнографии на Подкаменную Тунгуску для продолжения исследований кетов⁴.

Липский встал из-за стола и, крепко пожав мне руку, сказал:

— Поздравляю за мужество и редкую удачу. — А затем, после небольшой паузы, с улыбкой добавил:

— Выпьем чарку и за вашего коллегу — Липского, которому через пару дней стукнет 60! Моя жизнь была потруднее вашей, хотя и вы, как я вижу, успели хлебнуть ее «отравленный суп».

Рассказ Липского о себе и близких ему буквально потряс меня, и я попросил разрешения записать услышанное в память о нашей встрече.

— Погодите. Судьба, я уверен, позволит нам встретиться еще раз, и тогда вы сможете записать мою исповедь в более подходящей обстановке. А сейчас расскажите, какие у вас планы в Туве.

— Буду жить в Кызыле, руководить научной работой музея, который, как мне писали его сотрудники, в очень плохом состоянии и почти не функционирует. А главное — хочу изучить этнографию и историю тувинцев, генезис их культуры на основе всех доступных источников, в том числе проводить археологические раскопки, ведь Тува и в этом отношении «белое пятно». Надеюсь реализовать в Туве желание заниматься палеоэтнологией, задача которой соединить археологию и этнографию.

— Но, простите, — перебил Липский, — чтобы вести раскопки, надо хорошо знать их сложную методику, иметь Открытый лист Отдела полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук. Без этого раскопки — уголовное дело.

— Да, знаю. Посему несколько лет ходил в Университете на лекции и семинары профессоров Артемия Владимировича Арциховского, Сергея Павловича Толстого, Бориса Александровича Рыбакова и других видных археологов. Надеюсь, к раскопкам я готов. Но Открытого листа пока у меня, увы, нет.

— Тогда вам нужно, — после некоторого раздумья заметил Липский, — подтвердить теоретические знания практикой. Посему приглашаю вас в свою экспедицию. Предоставлю возмож-

ность самостоятельно раскопать несколько памятников, грамотно сделать документацию. Если получится хорошо, дам рекомендацию в Отдел полевых исследований. Уверен, мне поверят и выдадут вам Открытый лист. Приезжайте.

Я твердо обещал воспользоваться приглашением.

* * *

Выполнить свое обещание смог лишь летом 1952 г., приехав в Абакан, чтобы принять участие в небольшой археологической экспедиции Хакасского музея, возглавляемой Липским. К нам присоединился молодой аспирант, впоследствии известный антрополог академик Валерий Павлович Алексеев, готовившийся к сбору в следующем году краниологического материала из заброшенных погребений хакасов⁵.

Незабываемы экспедиционные маршруты среди таинственных и древних памятников хакасских степей. Но не менее впечатляющими были чрезвычайно откровенные и, несомненно, искренние рассказы Липского о трагических и романтических этапах своей жизни, которые я с его разрешения подробно записывал.

Ежевечерне, после завершения экспедиционной работы, мы располагались у костра под звездной бездной иссиня-черного хакасского летнего неба. При колеблющемся свете костра я вел записи исповеди Липского о своей жизни. Валерий Алексеев, чтобы не приходилось их прерывать, время от времени молча подбрасывал дрова в затухавший огонь и помешивал угли. Взметались искры, которые, казалось, растворялись среди загадочно сиявших над нами созвездий.

— Записывайте, Севьян, записывайте! — наставлял Альберт Николаевич. — Со временем эти бумажки будут многого стоить. А вы их, быть может, опубликуете. Ведь времена обязательно изменятся. Уж поверьте мне, старику!

— Что ж. Пожалуй, когда-нибудь Севьяну это удастся, — с некоторой долей надежды произнес Алексеев, внимательно слушавший откровения Липского и почти не вмешивавшийся в наш разговор.

Ныне передо мной лежат пожелтевшие записи, которые я подчас не могу расшифровать до конца. Разумеется, я не стенографировал нашу беседу, но, поскольку старался записывать ее как можно точнее, в прямой речи позволяю себе воспроизвести исповедь Липского от первого лица. Правда, даже доверяя мне и Алексееву, Альберт Николаевич не мог быть вполне откровенным в 1952 г. Однако впоследствии, после смерти И.В.Сталина и

А.Н.Липский (справа) и В.П.Алексеев. Хакасия. 1952 г.

разоблачения «культы личности», Липский при наших беседах не раз возвращался к трагическим событиям своей жизни, и это позволило мне, тоже с его слов, внести в записи дополнения и уточнения.

— Итак, — начал Альберт Николаевич, — я родился 30 августа 1890 г. в небольшой деревушке в Рогачевском уезде Могилевской губернии. Мать моя — Куренкова — была тогда очень юная и красивая белорусская крестьянка из семьи недавних крепостных. Родители послали ее прислуживать гостю местного помещика — крупному польскому магнату дворянину Липскому, ставшему моим отцом. Никогда я его не видел, да и он никогда не интересовался судьбой своего незаконнорожденного сына, которому мать дала отцовскую фамилию. Тем не менее в память о матери годы спустя я изредка подписывал свои статьи «Куренков». Мечтой матери было дать мне достойное образование, а чтобы заработать для этого деньги, она бралась за любую, самую изнурительную работу. Тем самым она дала мне возможность окончить гимназию. Вышла замуж за простого крестьянина, позднее железнодорожного рабочего, но он долго болел и умер в 1917 г.

Еще гимназистом я выбрал свою будущую профессию, которую считал самой интересной, — стать этнографом и антропологом, подобно моему тогдашнему кумиру Миклухо-Маклаю.

В январе 1905 г. решил поехать в Петербург, чтобы выяснить возможности подготовки к поступлению в университет. Здесь я стал свидетелем разыгравшейся кровавой трагедии. Самодержавие, как известно, совершило тогда неслыханное преступление: были расстреляны толпы безоружных людей, шедших на моих глазах в праздничных одеждах со своими мольбами и надеждами к царю как к отцу-батюшке. Видел валявшихся и истекавших кровью на заснеженной брусчатке людей, среди которых были женщины и дети, видел убитых, еще державших в окоченевших руках хоругви и иконы. И здесь у меня впервые и навсегда возникло чувство ненависти к строю, виновному в этом преступлении, — к самодержавию. Еще очень долго «кровавое воскресенье» жгло сердце и руководило многими моими поступками.

Теперь не только Миклухо-Маклай был кумиром, но и декабристы и все те, кто, не страшась смерти, боролись с самодержавием. Уже тогда я осознал, что мне предстоит заниматься не только этнографией, но и сражаться за будущее страны, которая была для многих народов тюрьмой, управляемой безвольным монархом и его жестокими царедворцами.

— Вы действительно так считаете? — прервал я Липского.

— От вас такого вопроса не ожидал, — резко возразил он. — Разве евреи имели человеческие права? Вы что, забыли об унижительной черте оседлости для евреев? О кровавых еврейских погромах? А народы Сибири, которым, по существу, насильственно навязывали чуждое им православие, лишая их многовековых традиций своей духовной культуры? А горцы Кавказа?.. Да что тут говорить, — заключил не без раздражения Альберт Николаевич.

— В 1909 г., — продолжал Липский, — я поступил в Петербургский университет, где проучился до 1912 г. Мы — четверо студентов университета из небогатых семей — сняли комнату. Жили коммуной, и даже единственные на всех белые перчатки надевали по очереди, идя на свидание. Мы верили в великое будущее России, в свободу, которую получают ее народы. Но представляли это по-разному. Мне были близки взгляды большевиков, а мой ближайший друг — Борис симпатизировал кадетам, остальные — эсерам. Однако это не мешало нашей крепкой дружбе. А однажды мы даже по примеру Герцена и Огарева дали общую клятву не пожалеть жизней во имя Отечества. Запомнилось, как тогда Борис с гордостью, обращаясь ко мне, произнес

известные пушкинские строки: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Мы обнялись.

В тот же год в мою судьбу ворвалась необычайно сильная любовь, возникшая, как говорится, с первого взгляда.

Летом я подрабатывал на железной дороге Петербург—Рига контролером. Иду по спальному вагону — проверяю билеты. Стучу в последнее купе. Ни звука — закрыто изнутри. Подождав, как и положено, открываю своим ключом. И вижу на диване, уронив одеяло и простыню на пол, крепко спит обнаженная и очень красивая юная девушка. Инстинктивно тут же захлопываю дверь и вновь стучу. Наконец дверь открывается.

Билеты у пассажирки в порядке, но уйти я не в силах. Начинаем беседу. Она назвала себя, будем именовать ее Маргаритой (ее подлинное имя я не назову). Понимаю, что должен рассказать ей о неожиданно вспыхнувшем чувстве. Преодолевая естественное для той поры смущение, говорю о планах путешествий и занятий этнографией. Долго рассказывал о себе, о желании соединить жизнь с любимой женщиной. Попросив у нее прощение за признание, говорю, что теперь впервые, кажется, влюбился. Вопреки моему опасению, она верит мне, принимает мои слова всерьез и очень благосклонно. Рассказывает, что завершает учебу в гимназии в Риге, о своих надеждах на будущее, что еще никого не любила, что отец ее фабрикант, владелец знаменитого в России пивного завода. В нашей встрече она видит руку судьбы. Но вот и вокзал в Риге. Я, естественно, иду проводить ее к экипажу. Она неожиданно приглашает теперь же поехать вместе в их загородную приморскую виллу, чтобы познакомить меня с родителями. Едем.

Угостив чаем и расспросив о моей жизни, обстоятельствах знакомства с их дочерью, они беседовали со мной подчеркнуто холодно, а мать даже решила сказать, что я Маргарите не пара и добавила: «Главное — вы не сделаете ее счастливой. Поэтому во избежание неприятностей мы с мужем категорически запрещаем ваши дальнейшие встречи». Но, расставаясь, я и Маргарита дали клятву видеть друг друга как можно чаще, не считаясь с волей ее родителей.

Альберт Николаевич замолчал, взглядываясь в колышущиеся язычки огня, и, тяжело вздохнув, произнес:

— О, счастливые времена таких далеких и неомраченных дней.

— Так вы все-таки встречались? — спрашиваю я.

— Конечно. Мы находили возможности для этого то в Риге, то в Петербурге, — и продолжил:

— К тому же году относится и сыгравшая большую роль в моей жизни встреча с сотрудником Музея антропологии и этно-

графии Академии наук Львом Яковлевичем Штернбергом. В прошлом народоволец, в 1905 г. амнистированный политический ссыльный, он был уже тогда известным этнографом, прославившимся изучением гиляков (нивхов) на острове Сахалин, где он восемь лет был в политической ссылке. Мог ли я думать, что когда-нибудь буду в подобном положении? Он стал для меня на долгие годы научным кумиром. Я не раз беседовал с ним в старом здании Кунсткамеры на берегу Невы. Именно он убеждал меня заняться тунгусо-маньчжурскими народами Амура и Приморья. Особенно рекомендовал углубленно изучать этнографию гольдов (нанайцев), их язык, быт, социальную организацию, происхождение, формирование особенностей шаманизма, как и всей культуры. Штернберг говорил мне о том, что, командированный в 1910 г. на Сахалин Русским комитетом по изучению Восточной и Средней Азии, намеревался, продолжая исследования у гиляков, на короткое время заехать к гольдам для сравнения некоторых сторон их быта с бытом гиляков. Но его настолько заинтересовала уникальная культура гольдов, что почти все время он провел среди них, собрав неплохой материал и даже подготовив публикацию об этом народе⁶. Штернберг с сожалением говорил мне о том, что в дальнейшем уже не сможет продолжать такие исследования у гольдов из-за плохого здоровья. «Займитесь ими, — убежденно советовал мэтр, — еще много надо изучить. Вы еще молоды и полны сил». Но наши пути в дальнейшем разошлись.

Позднее во время моих исследований у народов Амура я смог убедиться, что Штернберг далеко не всегда был объективен в описании этнографических фактов. Я не хотел этого скрывать. К тому же, когда Штернберг, узнав в 20-е годы, что я с оружием в руках борюсь с белыми и, как он полагал, навсегда ради этого забросил науку, его отношение ко мне резко ухудшилось. Впоследствии по разным поводам он публично неодобрительно высказывался обо мне.

Еще в 1912 г. я получил возможность по поручению Этнографического и Зоологического музеев в Петербурге поехать в командировку в Монголию.

Маргарита приехала на вокзал, чтобы проводить меня. Взглянув через окно вагона на предназначенное мне место, она почему-то, бегло попрощавшись, ушла еще задолго до отхода поезда, что, признаюсь, очень озадачило меня. И вдруг, когда поезд уже был в пути, я, не поверив своим глазам, увидел ее входящей в мой вагон. Улыбаясь и плохо скрывая волнение, она сказала, что решила ехать вместе со мной, что нам надо перейти из вагона третьего класса в спальный — первого класса. «Вот билеты на

тебя и меня... ведь я твоя жена». Спорить было бесполезно, тем более что я был безмерно рад такому неожиданному подарку судьбы. Позднее мы обвенчались.

В Монголии Маргарита охотно и безотказно помогала мне в устройстве быта и в научных исследованиях, неизменно усиливая этим мою глубокую к ней привязанность и любовь. Наряду с незнакомым нам образом жизни степных кочевников очень сильное впечатление произвели развалины древних городов, таинственные каменные изваяния и стелы с древнетюркскими руническими текстами, а также бесчисленные древние выветренные наскальные рисунки. Уже тогда, как и вы теперь, я понял необходимость связать в своих исследованиях этнографию и археологию, как учил Дмитрий Николаевич Анучин. Его замечательные и поныне до конца не оцененные идеи я всю свою последующую жизнь стремился реализовать. Ведь именно он одним из первых не только высказал их, но и прекрасно развил на конкретном материале⁷.

Желание овладеть методикой не только этнографических, но и археологических исследований заставило меня оставить Петербургский университет, чтобы переехать в Москву вместе с Маргаритой и поступить в Московский археологический институт, где преподавал Анучин. Я его окончил в 1915 г. уже в условиях начавшейся мировой войны. Должен, впрочем, сказать и о двух своих не вполне удачных экспедициях еще студенческих лет. Я выезжал тогда на Алтай для сбора этнографических и археологических материалов, но был выдворен оттуда по распоряжению самого томского губернатора «за пропаганду антиправительственных настроений среди крестьян-алтайцев». Вероятно, уже тогда в полиции на меня имели досье «революционера». Ездил и в кратковременную экспедицию на Амур к гольдам в составе экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева, но об этом позже.

В конце 1915 г. меня призвали в армию и направили в военное училище. Борис тоже переехал в Москву, где на офицерской должности работал интендантом. Бывал довольно часто у нас в гостях, как мой близкий друг и однокашник.

Но трагические события жизни уже начали свой страшный путь по моим пятам. И потому, вероятно, в один из декабрьских дней 1915 г. произошло событие, круто и прискорбно изменившее мою жизнь.

Ранним, еще темным утром я приехал в училище, но вдруг нас всех срочно собрал генерал. Мы должны были как можно быстрее съездить по домам и тут же вернуться, переодевшись в парадную форму, так как неожиданно стало известно, что сам император решил посетить училище.

Кучер нещадно гнал лошадь, а когда приехали, остался ждать меня у дома. Уже начало светать, но комнаты были еще затемнены плотными шторами. Царила тишина. Чтобы не будить спящих жену, маленького нашего сына Дмитрия и прислугу, пытался без шума надеть парадный мундир, не зажигая света. Но как назло не мог найти португепю. Пришлось все же зажечь свет.

Повернув голову в сторону кровати, я увидел под одним одеялом жену и Бориса, которые растерянно наблюдали за мной... Ощущение предательства жены, еще вчера клявшейся мне в любви, и Бориса, казалось самого верного друга, ослепило и даже помutilo на время мой разум.

Как ни странно, не помню всех деталей разыгравшейся трагедии. Запомнил лишь, что, выхватив пистолет, я приказал Борису немедленно покинуть квартиру. И вышел, чтобы неожиданный гость мог одеться. Через пару минут он подошел ко мне и, щелкнув каблуками, спросил, где и когда я согласен на дуэль. Ткнув пистолетом в его живот, я бросил ему в лицо: «Неужели ты думаешь, что из-за этой шлюхи я буду стреляться с мерзавцем? Пошел вон!» И, продолжая прижимать пистолет к его животу, грубо вытолкнул на лестницу. Велев собрать ее вещи, я выгнал и жену, да и прислугу — свидетельницу гнусных измен Маргариты.

Остался громко кричавший сын, которому шел всего второй год. Приехав в училище, я представил начальству докладную записку с просьбой дать неделю, чтобы я смог увезти ребенка к моей матери в Белоруссию, а затем отправиться в действующую армию. Мою просьбу удовлетворили.

Позднее я глубоко сожалел о моем поведении. Даже на фронте так и не смог простить себе жестокого поступка в тот страшный день. Ведь я продолжал столь же сильно и страстно любить Маргариту. На фронте был рядовым 181-го стрелкового полка. Получил ранение в боях под Барановичами и пробыл в госпитале до лета 1917 г.

И лишь когда был демобилизован, появилась возможность, следуя давнему совету Штернберга, начать этнографические исследования на Амуре и в Приморье. Выехал на Дальний Восток, снял жилье в Хабаровске и даже начал свои исследования. Тем временем произошла Октябрьская революция.

Но мне повезло, и я смог уже в 1917 г. заняться полевой работой на Амуре. Приехал в небольшое гольдское селение на берегу Амура. Зашел в домик одного из стариков и начал с ним беседу, выясняя его род, год рождения и т.д. Затем повел разговор об обрядах при рождении ребенка. И тут он говорит мне, что об этом его уже расспрашивала молодая женщина, которая

совсем недавно вышла из его дома, добавив: «Все это записывала, спросите у нее. Да вот она, смотрите, сидит на пеньке, на той поляне и что-то пишет».

Я тут же вышел и впервые познакомился с замечательным этнографом и лингвистом Ниной Александровной Вальнрод (1895—1942), которая была в ту пору еще очень молода, едва за двадцать. Признаюсь, мне сразу же очень понравилась эта милая женщина, рискнувшая в столь сложное время вести полевую работу на Амуре. Мы быстро сблизились, и она, став второй моей женой и взяв мою фамилию, переехала ко мне в Хабаровск. У нас родился сын Сергей. Моего старшего сына Дмитрия по предложению Нины я привез в нашу семью.

Тогда же мне с женой удалось организовать небольшую этнографическую экспедицию к гольдам, жившим по рекам Кур, Урми, Тунгуска. В ней принял участие и Арсеньев⁸.

Вместе со мной Нина изучила ряд тунгусо-маньчжурских языков и в совершенстве овладела, в частности, гольдским. Мы поселили у себя в доме в Хабаровске одинокого старика гольда, блестящего знатока быта и культуры своего народа. Он жил с нами несколько лет, ни в чем не нуждаясь. Нина много с ним работала, вела фольклорные записи. Каждый год, даже после того как родился Сережа, несколько месяцев вела полевые исследования. Уже в 20-е годы Нина Александровна опубликовала первые работы по этнографии гольдов, а последнюю издала в 1940 г.⁹. Замечу, что ее неизданный труд о гольдах почти целиком опубликован в книге «Народы Сибири» в 1956 г. под другим авторством, а ее рукопись лишь упомянута в числе основных источников¹⁰. Впрочем, там были несомненно использованы, но ни словом не упомянуты и мои неопубликованные труды по народам Дальнего Востока, хранящиеся в Институте этнографии в Ленинграде. Еще в 1919 г. мною была завершена поныне не изданная работа о гольдах¹¹. Помимо общих вопросов этнографии гольдов, рассмотренных в рукописи, я особо подчеркивал необходимость изучения антропологического состава этого народа в его территориальных подразделениях, что очень существенно для исследования этногенеза гольдов как целостного этноса.

В 1920 г. я принял предложение возглавить Хабаровский краеведческий музей, но уже в 1921 г. пришлось эту должность оставить, так как я согласился стать представителем Министерства национальных дел Дальневосточной республики по делам туземных народностей Амура и Приморья. До меня этот ответственный пост занимал Арсеньев. Мне обещали дать возможность продолжать этнографические исследования и преподавательскую работу не только в Хабаровске, но и в Чите (Институт народного

образования) и во Владивостоке (Университет), куда я периодически выезжал.

Но приходилось вновь и вновь браться за оружие, чтобы защитить народную власть от контрреволюционеров и интервентов. В составе партизанских отрядов Павлова, Шевчука и Тропинина я еще в 1918—1919 г. воевал с белыми на Амуре. А зимой 1922—1923 г. я опять принял участие в борьбе с белыми офицерами, надеявшимися поднять все народы Дальнего Востока против Советов. Сам создал и возглавил один из партизанских отрядов, в котором было немало представителей коренного населения, в том числе тунгусов, боровшихся с войсками генерала Перепеляева.

Бои с крупным офицерским отрядом полковника Степанова холодной зимой 1923 г. шли нередко среди полузамерзших болот и тайги. Белые никого в плен не брали и даже раненых расстреливали на месте. Жестокость порождает жестокость. Красные делали то же. Всех врагов, захваченных с оружием в руках, в том числе и обманутых белыми представителей местных народностей, тут же расстреливали. Такова была страшная логика тех событий. Теперь, после всего пережитого и передуманного, не могу себе простить той в сущности палаческой роли, которую добровольно принял на себя. Не снимаю с себя ответственности ни перед собой, ни перед историей. Но что было, то было.

И здесь судьба вновь неожиданно и трагически свела меня с Борисом.

Однажды мне как командиру отряда принесли сумки нескольких убитых в бою белых офицеров. Открыв одну из них, я увидел документы Бориса и большую пачку его писем, адресованных Маргарите. В них он писал, что белые ведут тяжелые бои с отрядом под моим командованием. В них он клял меня, своего врага, «продавшегося большевикам», изменившего своей прежней клятве служить свободе.

Я прервал Липского:

— Не все одинаково понимают свободу.

— Да, конечно, — не задумываясь, ответил Липский. — Для одних свобода — это ничем не ограниченная власть народа, его Советов, для других — это неограниченная власть капитала, где богатые имеют полную свободу строить дворцы, не замечая страданий бездомных и обездоленных сограждан, свободу сколько угодно наживаться за счет тружеников. Борис, к сожалению, этого не понимал. Не понимал того, что великим и светлым словом «свобода», ради которой он погиб, прикрывались темные силы, стремившиеся вернуть отнятые привилегии и еще больше обогатиться, пусть даже за счет развала Родины.

Немного помолчав, Липский добавил:

— Признаюсь, очень жаль Бориса. Человека мужественного и сильного, способного страстно любить женщину. Но в его смерти своей вины не вижу.

Борис в своих письмах высказал опасение, что «белое движение» обречено и лишь немногие разделяют его высокие цели. Но вместе с тем он писал, что не теряет надежду на поддержку этого многострадального движения Богом, и верил в то, что еще сможет встретиться с Маргаритой и они наконец обретут тихое счастье. Жаловался, что все письма, которые он обычно пишет между боями, заочневшими на холоде пальцами, нет даже малейшей возможности как-то отправить адресату. Но почти каждое письмо он заканчивал глубокой верой в то, что рано или поздно она их прочтет и оценит его чувства.

Что ж. В этом он оказался прав. Все его письма я сложил в большой пакет и, воспользовавшись своими связями в руководстве ЧК, попросил разыскать Маргариту в Москве и передать ей этот пакет. Через некоторое время мне сообщили, что на ее квартире в Кисельном переулке пакет вручен лично адресату.

Возвращаясь к моим этнографическим исследованиям, скажу, что еще в начале 1920-х годов начал серьезно заниматься помимо других этнографических проблем религиозно-психологическими аспектами духовной культуры народов Амура, в особенности в связи с моими исследованиями шаманизма у гольдов. В результате мною была подготовлена серьезная работа по этой теме, кратко изложенная в Чите в 1923 г.¹².

В 1925 г. состоялся первый съезд туземных народов Дальневосточного округа, где я сделал доклад о маньчжуро-тунгусских племенах бассейна Амура. В частности, привел результаты изучения этногенеза гольдов, их хозяйства, материальной и духовной культуры, шаманства. Этот доклад в тезисной форме, а также несколько других этнографических работ мне удалось опубликовать в Хабаровске¹³. Впрочем, и в те годы приходилось бросать дела и защищать Советскую власть с оружием в руках. Так, в октябре 1927 г. я сражался с местными бандами в восточной части Якутии, а в 1930 г. — в Тугуро-Чумиканском районе на Охотском побережье.

В 1925—1927 гг. моим научным исследованиям у народов Амура немало способствовала занимаемая мной должность ученого секретаря Дальневосточного краевого комитета народностей Севера, причем некоторое время в те годы я работал также заведующим отделением охотничьего хозяйства в Дальневосточном земельном отделе, а в 1930 г. занимал аналогичную должность в Дальгосторге. И конечно же, старался как мог помочь

подопечным туземцам, быт которых и нужды я знал не понаслышке.

Не буду скрывать, еще с 1922 г. я выполнял отдельные поручения ВЧК—ОГПУ, которые считал очень важными для защиты нашего государства, но лишь в 1930 г. я стал штатным сотрудником органов, причем был назначен на руководящую должность и сразу же направлен в Комвуз в Хабаровске на трехлетнюю учебу, которую совмещал с оперативной контрразведывательной работой. Но, войдя в состав органов, я вскоре начал осознавать, что они прежде всего орудие внутривластительской борьбы в Кремле. А новые кадры, в отличие от времен Дзержинского, не отличались высокими идеалами служения своему народу и личной честностью. Эти люди стали в значительной части открывенными карьеристами, стремившимися любыми способами услужить начальству. У меня все более усиливалось желание оставить службу в органах, и, несмотря на то что нарком внутренних дел наградил меня именным оружием и знаком почетного чекиста, я все же решился подать заявление об уходе, чтобы посвятить себя целиком серьезной научной работе. В объяснение своего решения я писал, что для этого необходимо не только время, но и возможность постоянно пользоваться научными библиотеками и архивами в Ленинграде.

Мою просьбу поддержал честнейший и талантливейший человек, командующий Дальневосточным военным округом маршал Василий Константинович Блюхер, с которым у меня к этому времени сложились достаточно хорошие личные отношения. В 1935 г. я был наконец отчислен из органов с последующим трудоустройством в Ленинграде в Институте антропологии, археологии и этнографии (с 1937 г. ИЭ — С.В.) Академии наук СССР. Радость моя, жены и детей была безмерна. Сыновья, особенно младший, также увлекались этнографией. Впрочем, старший был еще и неплохим спортсменом. Мы очень уважали и любили друг друга.

Переезду в Ленинград предшествовало еще несколько событий, о которых следует, пожалуй, рассказать. Одно из них покажется неправдоподобным. Я соскучился по общению со столичными учеными, поэтому, узнав, что очень уважаемый мною талантливый антрополог и этнограф Максим Григорьевич Левин, уделявший серьезное внимание изучению антропологии народов Дальнего Востока¹⁴, через час-другой выезжает поездом из Читы в Москву, решил на некоторое время задержать состав, чтобы догнать его на скоростной дрезине из Хабаровска. Я имел тогда возможность совершить подобный поступок. Поезд остановился и простоял около получаса. Я вошел в поезд, продолжавший

свой путь, и заглянул в купе к Левину. Здесь мы и проговорили с ним почти до Красноярска, обсуждая проблемы изучения антропологии народов Амура. Таков был мой научный азарт. Ведь общения не хватало как воздуха.

Другое событие связано с моим первым сыном Дмитрием, который считал своей матерью Нину Александровну. Он вырослел, и ему надо было рассказать правду. Но, прежде чем поговорить с ним, я все же хотел выяснить отношение Маргариты ко всему случившемуся. Решил поехать к ней в Москву.

Разыскал ее квартиру и позвонил. Ко мне вышла ее мать, которая, не узнав меня, с удивлением посмотрела на военного со знаками отличия, говорившими о его высоком положении в НКВД. Услышав, что я хочу увидеть Маргариту, любезно предложила подождать ее в столовой, так как она «вот-вот должна прийти из магазина».

В комнате я увидел большой портрет Бориса в военной форме. Вскоре послышались шаги Маргариты, вошедшей в прихожую. И как мне показалось, удивленно остановившейся, увидев на вешалке шинель сотрудника НКВД. Через несколько секунд она ворвалась в комнату с безумным криком: «Вон, вон отсюда! Убийца Бориса!» Я, стараясь быть как можно спокойнее, спросил, не интересуется ли ее как мать судьба повзрослевшего Дмитрия. Но она продолжала истерично кричать: «Вон, вон, вон!» Я взял в руки шинель и фуражку, решив тут же уйти. Больше Маргариту никогда не видел.

Вернувшись в Хабаровск сразу после этой встречи, я в присутствии Нины Александровны не без волнения рассказал Диме всю правду. Он воспринял мои слова спокойно, хотя и выглядел несколько побледневшим.

— Моя мать только она, — сказал Дмитрий, — показав рукой в сторону Нины Александровны.

Итак, в 1935 г. мы переехали в Ленинград. В Институте нас приняли хорошо, но немного настороженно, учитывая сложившуюся в то время в стране обстановку, что было неудивительно. Я получил должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции Института. В нее же была зачислена моя жена.

Мы выехали с женой в экспедицию на Амур уже зимой 1936 г., чтобы не терять драгоценное время, отпущенное для полевой работы. К этой экспедиции мы хорошо подготовились. Составили детальнейшую программу исследований. Новым было то, что удалось официально договориться с Московской кинофабрикой оборонных и гражданских фильмов о съемках под моим руководством трех полнометражных фильмов о быте, верованиях и со-

циалистическом строительстве у народов Амура. Два из них должны были быть посвящены гольдским шаманам. Я представил их сценарий. Один фильм назвал «Мангобо най — амурский человек», второй — связанный с участием шаманов в похоронных обрядах — «Буни поктади — дорогой мертвых». Мы прекрасно понимали, что снять фильм о шаманизме и обрядах, пока они еще сохраняются в живом быту, чрезвычайно важно для науки. И мы эти фильмы сняли, использовав около 6 тыс. м кинопленки. Я надеюсь, они сохранились, и вы сможете их увидеть¹⁵. Основное внимание уделили шаманизму и обретению шаманского дара, особенностям похоронных обрядов, записям текстов шаманских камланий на гольдском языке. Мы, конечно же, изучали и вопросы происхождения гольдов, их родовой состав, народное орнаментальное искусство. Жена уделяла большое внимание изучению фольклора и языка, вопросам создания первой нанайской письменности. При этом мы исходили из того, что она должна быть на основе русского алфавита. Это было, безусловно, необходимо для сближения народов нашей страны. Мы резко выступали против предложений основывать письменность на латинской графике.

В 1937 г. наша экспедиция вновь выехала на Амур для продолжения работ по намеченной программе. Исследования шли успешно. Однако то обстоятельство, что мы в соответствии с утвержденной в Институте программой вновь уделяли большое внимание изучению шаманизма, снимали фильм о шаманах, платили им за это деньги, настаивали на создании гольдской письменности на основе русской, а не латинской графики, а также возмущались проявлявшимися у части руководства Нанайского района проманьчжурскими настроениями, побуждало этих людей писать на меня и жену доносы в краевые организации. Нас обвиняли чуть ли не в антисоветской деятельности, всячески старались препятствовать нашей работе.

Из бесед с гольдами я узнал, что среди тунгусских народов Амура действуют японско-маньчжурские агенты, убеждая «родственное» население, что скоро с СССР начнется война, придут японцы, разобьют советскую власть и присоединят территорию, занимаемую тунгусскими народами, к маньчжурскому государству. Это государство, Маньчжоу-Го, было марионеточным образованием, созданным японцами еще в 1932 г. Среди населения чувствовалось напряжение, вызванное ощущением приближающейся войны, хотя, конечно же, простые гольды были в абсолютном большинстве безоговорочными сторонниками советской власти.

Я, разумеется, поставил в 1937 г. в известность соответствующие инстанции об обстановке, которая свидетельствовала о под-

готовке японцами нападения на нашу страну в Приморье, но, сыграло ли это какую-нибудь роль, не знаю, — заметил Липский в большом волнении.

— Как вам известно, летом 1938 г. японская армия «неожиданно» вторглась в Приморье у озера Хасан. Почти месяц потребовался, чтобы разгромить интервентов, но все это было уже без меня, — добавил Липский, задумчиво взглядываясь в затухающий костер.

Вероятно, чтобы снять напряжение в беседе, Валерий Алексеев задал неожиданный вопрос:

— Как вы относитесь к знаменитой книге Владимира Клавдиевича Арсеньева «Дерсу Узала»¹⁶?

Альберт Николаевич сразу и резко ответил:

— Это, безусловно, прекрасный роман в стиле Майн Рида, ярко и драматично рисующий жизнь и психологию человека тайги. Уверен, что существование в этнографии таких писателей полезно и оправданно, особенно для создания в отечественной научно-художественной литературе краеведческого направления. Но такого рода труды не могут заменить всесторонних этнографических исследований того или иного народа, которые позволяют раскрыть его происхождение, этнические связи, социальный строй, генезис культуры и ее специфические особенности. Что бы об Арсеньеве ни писали, ни говорили, я не считаю его крупным ученым-этнографом, но он был прекрасным писателем-художником, искренне увлеченным бытовой жизнью таежных аборигенов. Впрочем, мы открыто выражали свои мнения друг другу.

Позволю себе здесь вновь прервать Липского. Его взаимоотношения с Арсеньевым рассмотрела М.М.Хасанова, которая в своей книге дает одностороннюю оценку деятельности Липского¹⁷. Она, в частности, пишет, что «в библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР хранится книга (статья. — С.В.) А.Н.Липского, принадлежавшая Арсеньеву. На ее титульном листе 14 января 1927 г. Владимир Клавдиевич сделал надпись: "Липский (он же Куренков, а может быть, и не Липский, возможно, у него окажется и третья фамилия) имеет личные счеты с Н.А.Лопатиным, поэтому выступает против него при каждом удобном случае. Настоящая статья написана именно под этим углом зрения. Это не есть критический обзор — это один из "выпадов" против личности Н.А.Лопатина, который Липскому, как и я, не протягивал руки»¹⁸. Хасанова ссылается и на ряд высказываний Штернберга в защиту Арсеньева, с отрицательной характеристикой Липского¹⁹. В свете изложенного, приведенная цитата из работы Хасановой не нуждается в особом

комментарии. Отмечу лишь, что высказанное Липским критическое отношение к работе краеведа Лопатина разделяют и ряд других крупных исследователей этнографии народов Амура, которые полагают, что наряду с отдельными ценными наблюдениями в его описаниях было много неточного и поверхностного²⁰.

Необходимо остановиться и еще на одном важном вопросе, связанном с деятельностью Липского.

От одной из моих коллег, работавшей в Отделе Севера и Сибири ИЭ и занимавшейся этнографией народов Дальнего Востока, пришлось не раз слышать публичные высказывания, будто бы Липский в своих экспедициях на Амуре в 30-е годы занимался не научной работой, а лишь репрессиями среди коренного населения, что он «как глава НКВД» бесосновательно репрессировал в большинстве семей мужчин — трудоспособных, старых и даже подростков, сажал их в регулярно ходившие по Амuru пароходы-тюрьмы, откуда они уже не возвращались.

Все эти утверждения неверны и опровергаются материалами, недавно выявленными в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), который содержит ранее секретные документы бывшего архива Крайкома партии²¹, свидетельствами видных исследователей этнографии народов Амура, в том числе этническими нанайцами²², а также материалами недавно опубликованной книги о политических репрессиях на Дальнем Востоке СССР в 1920—1930-е годы, включающей воспоминания о репрессиях, которым подверглись представители коренных народов Нижнего Амура²³.

Среди документов ГАХК содержится заявление, поступившее в краевые органы от местных властей поселка Найхин в 1937 г., и подробный ответ Липского, который позволяет восстановить истину и опровергает инсинуации в адрес ученого.

В своем ответе, направленном в краевые органы в 1937 г., Липский пишет, что «местные работники устанавливают следующие "обвинения" против нас:

1. Отряд экспедиции в целом и т. Липская в частности игнорировали местные органы власти.
2. Вели свою работу оторванно от общественности села Найхина, не увязав ее с работой местного комитета нового алфавита.
3. Способствовали восстановлению старого обычая изготовления фая — изображения души умершего родственника.
4. Киносъемками шаманских действий и увозом для съемки подлинного шамана способствовали возрождению шаманства, а высокой оплатой труда шамана ставили в неравное положение с ним советских и колхозных работников.
5. Мешали ведению антирелигиозной пропаганды местными организациями.

6. Метод "мирного" (без антирелигиозной пропаганды) сбора материалов у стариков, "заигрывание" с пожилой не советски настроенной частью населения.

7. Практиковали изучение и кино съемку пережитков старых форм социального строя и шаманства у стариков, но не у советски настроенной молодежи, изучали и снимали подлинные явления, а не инсценировку их <...>

По поводу инкриминируемых нам обвинений и предъявляемых к нам требований, хотя, как они не бессмысленны, считаю необходимым сообщить следующее:

I. Абсолютно неверно, что отряд игнорировал местные органы власти. Следуя по предложенному нам Институтом антропологии и этнографии маршруту вниз по Амуру и не имея возможности специально выехать для доклада о задачах отряда районным организациям, мы вместе с тем считали для себя обязательным информировать органы соввласти по месту наших работ. Нами были сделаны доклады (в пределах Нанайского района) о задачах и методах нашей работы президиумам следующих сельсоветов и отдельным представителям соввласти <...> (далее перечень сел: Сакачи-Алян, Петропавловское, Кэфер, Мухун и др., где были сделаны доклады. — С.В.).

II. Оторванность нашей работы от "общественности", т.е. местного комитета нового алфавита, признаю. Считаю необходимым отметить, что какой-либо увязки нашей работы с работой комитета нового алфавита не могло быть. К этому имелось несколько причин, главные из них следующие:

1. Работники комитета нового алфавита — это "латинисты" в вопросе алфавита для языка гольдов, тогда как мы являемся еще с 1926 г. (и по сие время) сторонниками русской основы <...>

2. Задача нашей работы <...> собирание материалов по пережиткам доклассового общества <...> и какая бы то ни было наша рабочая увязка с работой комитета нового алфавита немедленно вызвала бы возражение Института антропологии и этнографии Академии наук, которые заинтересованы в получении как можно больших материалов по программе его исследовательской деятельности <...>

III. "Способствовали восстановлению старых обычаев и, в частности, изготовления фая — изображения души умершего родственника". Заявление такого рода могло быть сделано лицами или абсолютно невежественными в этнографии гольдов, которые даже в Найхине не видели ничего дальше своего носа, или же с клеветнической целью. Допускаю наличие и того и другого <...> Из 38 селений гольдов Нанайского района в 24 селениях имеется 71 активно действующий шаман (41 мужчина и 30 женщин), в том числе 8 касатой шаманов, т.е. таких, которые выполняют обряды касы — доставления души покойника в царство мертвых»²⁴.

Вместе с тем документы архива свидетельствуют о том, что Липский в ответ на доносы о его «антисоветской работе среди нанайцев», в свою очередь, обвинил местные власти в двуруш-

ничестве, скрытых симпатиях к маньчжурам и японцам и в заключение написал, что райисполком и райком Нанайского района «требуется немедленно проверить, и самым тщательным образом. И чем скорее это будет сделано, тем лучше со всех точек зрения»²⁵. Можно полагать, что органы НКВД в 1937 г. вряд ли оставили эту «записку» без внимания, хотя, думаю, что она написана Липским вполне искренне.

— Я, конечно же, знал, — продолжал Липский, — что в стране идут аресты сотрудников НКВД, в том числе его видных руководителей. Но полагал, что мне нечего опасаться: я считал себя до конца честным перед страной и органами, в которых ранее служил.

Летом 1938 г. наша экспедиция вновь отправилась из Ленинграда в нанайские селения на берегу Амура, чтобы завершить первый этап столь успешно начатых исследований. Но по прибытии в Хабаровск мы узнали о новом порядке оформления пропусков в эти пограничные районы. Чтобы обычным путем получить пропуск, пришлось бы прождать минимум пару месяцев. Экспедиция была бы сорвана, и я, надеясь на прежние связи в органах, решил обратиться к их руководителю, с которым был хорошо знаком по совместной службе.

Он меня доброжелательно принял и, сказав, что для моей экспедиции пропуск будут оформлены незамедлительно, попросил подождать с полчаса в соседней комнате. Но буквально через несколько минут в комнату вошли двое сотрудников и, предъявив ордер на арест, тут же обыскали и отправили меня в подвалы НКВД, поместив в камеру, где в ужасающих условиях находились десятки арестованных «врагов народа». Среди них я узнал друзей по совместной борьбе в партизанских отрядах — старых большевиков, честнейших людей. Был там и мой давний знакомый — родной брат известного партизанского вожака Сергея Лазо, сожженного в паровозной топке японцами в годы их интервенции.

На следующий день меня вызвали к следователю, который потребовал, чтобы я, не скрывая ничего, рассказал о моей вредительской деятельности в подпольной прояпонской террористической организации, о ее планах отторжения Дальнего Востока от Советского Союза и передаче его Японии, о моем стремлении укрывать от органов сторонников Японии среди местного населения.

На встрече со следователем я заявил решительный протест, а выдвинутые абсурдные обвинения назвал бредом. В ответ от него услышал:

— Ну что ж, я думаю, что ты лучше заговоришь, когда мы тебе поможем, но на этот раз совсем немножко.

После этого меня до потери сознания избili и на носилках отнесли в подвал. Затем начались бесконечные ночные допросы и избияния в кабинете следователя при его участии. А однажды, трудно об этом говорить, в ответ на мою угрозу, что рано или поздно следователю придется нести ответ за все издевательства над совершенно невинным человеком, он с улыбкой сказал своим подчиненным:

— Мне бы надо сходить в писсуар, но некогда. Откройте ему рот и держите покрепче — он заменит мне писсуар... И выполнил эту омерзительную пытку.

— Тем не менее, — продолжал Липский, — я, несмотря на побои и издевательства, все чудовищные обвинения упорно отрицал. Наконец я все же был сломлен... Собственноручно написал «признание».

Пройдут годы и вы, Севьян, уверен, получите доступ к этим весьма любопытным документам, к материалам моего дела. И тогда вы сможете убедиться, что в содержащихся в них «признательных показаниях», если читать только первые буквы по вертикали сверху вниз, написано, что даны они под страшными пытками²⁶.

В 1939 г. Особое совещание при НКВД СССР, на котором я вновь отказался признать себя виновным, приговорило меня к мягкому по тем временам наказанию — всего к пяти годам лагерей.

Провел эти годы в лагерях среди болот и тайги, главным образом занимаясь лесоповалом в бассейне Амура. И даже там я умудрился общаться с гольдами, преимущественно с таежными охотниками. Однажды был эпизод, который мог стоить мне жизни. Какой-то осведомитель донес, что я договорился по-гольдски с охотником о побеге. Меня вызвали на «тройку» и объявили, что за попытку побега я подлежу расстрелу. Тогда я попросил пригласить осведомителя, якобы свидетеля разговора на гольдском языке, и спросить, знает ли он хотя бы одно слово по-гольдски. Выяснилось, что ни одного слова он не знает и язык не понимает. Меня, слава Богу, тут же отпустили.

— Должен сказать, — продолжал Липский, — слово великой благодарности моему коллеге по Институту этнографии выдающемуся антропологу и благороднейшему человеку профессору Георгию Францевичу Дебецу. Он был единственным сотрудником Института, который, узнав о моем аресте и месте заключения, почти ежемесячно (!) писал мне и отправлял на мое имя продуктовые посылки, небольшие суммы денег, которые буквально спасли меня. Писала мне, разумеется, и жена, и посылки от нее получал. Но помощь Дебеца была бесценной, поддерживая меня и морально.

В 1943 г., в разгар войны, меня выпустили из лагеря, так как кончился срок заключения. Впрочем, с очень ограниченной зоной проживания. Хакасия входила в нее, и я, посоветовавшись с Дебецем, поехал в Абакан. Здесь меня, разумеется, встретили без оркестра, и без жилья, и без работы. Ведь я недавний политзаключенный, отбывший срок.

Написал об этом Дебцу, который вновь очень мне помог. Он сразу же обратился к руководству Хакасии с письмом на бланке Академии наук со своей подписью профессора, доктора биологических наук. В нем он писал, что я крупный ученый, имею большой опыт экспедиционной работы. Получил хорошее образование в Петербургском университете и в Московском археологическом институте. Ручался, что предан, несмотря ни на что, советской власти. Предлагал использовать меня по специальности, например в краеведческом музее, который мог бы в дальнейшем гордиться, что в его составе работает такой ученый.

К этой просьбе Дебца местные власти отнеслись со вниманием. И о чудо — в 1943 г. меня назначили директором краеведческого музея в Абакане.

Правда, этот музей был в жалком состоянии. У него не было ни своего помещения, ни постоянной экспозиции. Экспонаты разворовывались. Руководство Хакасии поставило передо мной задачу создать хороший музей и полноценную экспозицию, отражающую все этапы истории Хакасии.

Еще находясь в лагере, осенью 1942 г. я сделал запрос в ленинградский Институт этнографии о судьбе моей жены Липской-Вальнрод. И получил сухой ответ, что она скончалась в 1942 г. во время блокады от голода, работая над сохранением музейных коллекций. Эту скорбную весть в 1943 г. дополнили ответы из военкоматов, что оба моих сына героически погибли на фронтах Отечественной войны.

Здесь я вновь позволю себе прервать исповедь Липского. В архиве МАЭ сохранилась открытка, посланная Альбертом Николаевичем на имя ученого секретаря ИЭ в Ленинград: «Уважаемый товарищ! Научным сотрудником Института этнографии Академии наук работала Липская Нина Александровна, проживавшая по пр. Маклина, д. 31, кв. 22. В начале апреля 1942 г. сын Сережа сообщил: "Мамы нет. Как быть с квартирой". После этого и Сережа замолчал. На ряд запросов письменных и телеграфных не отвечается. Убедительно прошу Вас: умоляю, установите, что случилось с Липской, с Сергеем, и, независимо от того, что с ними произошло (я готов к получению самого ужасного), сообщите мне возможно подробнее. Письма идут очень медленно, а потому прошу Вас коротко телеграфируйте.

Мой адрес — Суражевка Амурской области, Суражевский ОЛП НКВД, Липскому Альберту Николаевичу. Поймите мое беспокойство. Помогите мне. А.Липский. 6/IX—42 г.». В статье А.М.Решетова, опубликовавшего эту открытку, сообщается, что Н.А.Липская умерла на работе за письменным столом 9 марта 1942 г.²⁷.

— Единственным утешением могло служить то, что жена сумела, вероятно ценой жизни, сохранить наш гольдский архив и незавершенную рукопись нашей совместной монографии по этнографии и истории гольдов, от наиболее ранних сведений об этом народе до его современного положения. В ней мы пытались решить важные проблемы происхождения, этнического состава, антропологического типа, культуры, верований и фольклора гольдов в связи с этнической историей других тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и Приамурья.

Среди первых дел после назначения меня директором Хакасского музея стало выполнение просьбы Дебца помочь издать рукопись покойного проф. А.И.Ярхо об антропологии алтае-саянских тюрков, которую, несмотря на ее достоинства, не удалось издать, так как она до смерти ученого оставалась незавершенной. Подготовку ее к печати мне пришлось взять на себя, став ее ответственным редактором²⁸.

Напомню читателям, что книга Ярхо содержала важнейшие сведения об этническом составе коренного населения Алтая, Хакасии, Тувы и казахов Чуйской степи. В ней очень подробно описаны антропологические измерительные и описательные признаки, группы крови населения и проведена детальная расовая диагностика. Дебец в предисловии к ней писал, что этот труд представляет собой важный этап в развитии отечественной антропологии, и особенно отметил, что Ярхо, работая над расовым составом алтае-саянских тюрков, сформулировал в этой книге ряд важнейших принципов антропологических исследований, принятых ныне антропологией как азбучные истины²⁹.

Далее Липский продолжил:

— Большой антропологический материал из раскопанных в те годы хакасских погребений я послал в Москву, где они хранятся в Антропологическом музее Московского университета. Находясь в Абакане, я очень хотел как можно скорее ознакомиться с состоянием наших гольдских материалов. Часть из них надеялся скопировать в Ленинграде и привезти к себе для дальнейшей работы над текстами. И хотя мои права на выезд из Абакана были ограничены, я все же решил в 1949 г. съездить в Ленинград как директор местного музея и автор материалов. Явился к руководителю ленинградской части Института этнографии проф.

Л.П.Потапову, но он мне отказал в знакомстве с моими и жены гольдскими материалами, сославшись на то, что тогда они были якобы недоступны. Кроме того, его интересовал вопрос, как меня, бывшего политзаключенного, в столь политически напряженное время сделали директором областного музея. При этом Потапов подчеркнул, что хотя он тесно связан с хакасским руководством, однако с ним по вопросу о назначении директора областного музея даже не проконсультировались. Не вступая в дискуссию, я вернулся в Абакан³⁰.

Сразу же после возвращения я был по указанию Хакасского обкома КПСС освобожден от поста директора музея, но остался в штате в должности археолога. Думаю, меня оставили там, так как за годы моего директорства музей намного расширил свою экспозиционную деятельность и развернул очень успешные археологические работы. По поводу наших нанайских материалов я, по понятным причинам, в Ленинград больше не обращался, отдавшись с душой изучению хакасской археологии. Но все же не терял глубокой надежды, что труды по гольдам-нанайцам, с таким трудом собранные покойной женой и мною, не пропадут и будут рано или поздно изданы с сохранением нашего авторства. Хотя до меня и доходили сведения, что они занимают отдельное помещение в Институте этнографии в Ленинграде и составили особый фонд, которым широко пользуются, но, как правило, без ссылок на авторов³¹.

Кончив свою исповедь, Липский после долгого молчания с горечью произнес: «Итак, моя не лучшим образом прошедшая жизнь, кажется, завершается. — И добавил: — *Finita la commedia*».

Мое пребывание в экспедиции Липского подошло к концу. Удалось самостоятельно раскопать несколько курганов, относившихся к эпохе бронзы. Подготовил об этом отчет. Следивший внимательно за моими работами Альберт Николаевич написал в Отдел полевых исследований развернутую рекомендацию с просьбой предоставить мне Открытый лист на право ведения раскопок.

Распрошавшись у только что раскопанного кургана, я сел в кабину попутной машины. В памяти остались грустные глаза Липского и твердое взаимное обещание посылать друг другу, «благо мы соседи», подробные письма о своих жизненных делах, планах и работах, а также просьба ученого: «Не лениться, писать обо всем!» Я твердо обещал.

За спиной в вечерней летней дымке таяла хакасская степь. Впереди белели хребты Саян, за которыми лежала Тува.

Осенью 1953 г. я послал Липскому письмо из Тувы, сообщив, что получил Открытый лист на право ведения в Туве археологических раскопок и сразу же начал осуществлять обсужденный еще на нашей встрече в Хакасии план соединения этнографических и археологических исследований³².

На мое письмо пришел ответ Липского: «Поздравляю с получением первого Открытого листа на право археологических раскопок <...> Желаю Вам большого успеха, а возможностей для такого успеха у Вас более чем достаточно! Не забывайте этого». Прислал и оттиск своей новой статьи, посвященной открытому и раскопанному в Хакасии могильнику афанасьевской культуры (III—II тыс. до н.э.), с надписью: «Дорогому Севьяну на память о днях, проведенных в спорах и работе». Липский отмечал в письме, что материалы раскопок дают много нового для понимания этнической истории этого времени в Южной Сибири. Далее он писал: «Могильник, в раскопках которого вы принимали участие, безусловно, афанасьевский: найдена характерная остродонная посуда. Новым является еще один череп, на этот раз типичный для прибайкальского неолита». Особенно порадовало Липского то, что в ходе раскопок в одном из курганов тагарской эпохи (VII—III вв. до н.э.) на массивной плите, использованной тагарцами в качестве строительного материала, обнаружено оригинальное изображение солнечного божества; подобный рисунок был найден мною также и в другом раннетагарском кургане.

В присланной мне статье, как и в ряде других работ Липского, для анализа погребального обряда афанасьевцев удачно использованы интереснейшие сравнительные материалы сибирской этнографии, в особенности собранные им у нанайцев и других народов Амура. По характеру расположения погребений он делает вывод, что это могилы одного рода. Здесь же он приходит к заключению, что афанасьевцы низовьев реки Теи жили в полуземлянках. И вероятно, что особенно существенно, в более раннюю пору какую-то часть членов своего рода хоронили в самом жилище, в выкопанной в полу яме. «Нечто подобное, — отмечал Липский в статье, — нам известно из быта амурских нанаев (гольдов) по их рассказам о еще не столь отдаленном прошлом: умершего старейшего члена, положенного в массивный деревянный гроб, оставляли в том же жилище, в котором он жил. Гроб ставился на то же место, какое покойник занимал в жилище при жизни, или же на помосте среди жилища. Позже и одновременно с этим типом погребения стали строить специальные, несколько выше человеческого роста домики мертвых <...>»³³.

В одном из следующих писем (1955 г.), присланных мне с оказией, Липский пророчески писал, что после смерти Сталина неизбежны большие перемены в общественной жизни страны. «Сотворенное им зло — не только миллионы невинно убитых и на редкость жестоко загубленных, но и его коварное предательство великого дела социализма. Из социал-демократической рабочей партии Ленина он постепенно сотворил орден беспрекословно послушных ему беспринципных сталинистов, который он лицемерно приказал именовать коммунистической партией. Теперь в нашей стране у "сталинского социализма" нет будущего. Все преступления прошедшего времени должны быть известны истории. Может получиться так, что я напишу о Вайнштейне». А потому просил подробно рассказать о том «эпизоде», о котором я писал в письме к нему, как незадолго до смерти Сталина в 1953 г. был объявлен «космополитом», вновь исключен из комсомола и должен был оставить музей³⁴.

В ответном письме Липский с сожалением отмечал, что безобразную борьбу с «космополитистами» вели и в Хакасии, шутливо добавив: «Со мной Судьба обращалась более жестоко. А у Вас иначе. Фортуна, чтобы Вы могли продолжить работы в Туве, не пожалела убрать "вождя народов"». Липский сообщил также, что постановлением Дальневосточного военного трибунала от 24 октября 1955 г. он полностью реабилитирован. «Ждал, знал, но не верил, что это случится еще при моей жизни!» — заключил он.

Я же известил Липского, что женился на приехавшей в Кызыл из Магнитогорска преподавать музыку молодой и очень интересной Алевтине Никифоровне Петровой. Поздравив меня в ответном письме, он заметил: «Опираясь на свой жизненный опыт, я убежден, что ценнейшие качества настоящей жены не красота, пусть даже заоблачная, хотя и она, разумеется, имеет значение, а доброта, искренняя любовь к мужу, общие с ним интересы, порядочность и способность быть верным другом ему на протяжении всей жизни, несмотря ни на что. Впрочем, эти качества надо в жене не угасить, а развивать. Желаю прожить с женой долгую и счастливую жизнь». И с извинением признался, что некоторое время из суеверных соображений («мой злой Рок постоянно рядом») скрывал от многих, в том числе и от меня, о, казалось бы, невероятном судьбоносном событии в его жизни. Он теперь тоже не один и живет с новой женой, Анной Борисовной, вдовой его младшего сына, погибшего на фронте. Сын — курсант военного училища в г. Горьком — перед уходом на фронт женился и просил жену, в случае его гибели, найти отца и чем-нибудь ему помочь, тем более что срок заключения

заканчивается. Она выполнила волю погибшего мужа. Разыскала адрес Липского и написала ему в Абакан. Альберт Николаевич сразу же пригласил ее, и вскоре она приехала. Встретил очень милую женщину, которая согласилась не уезжать и стать его женой. Недавно у них родилась дочь, которую называли Викторией, как символ его победы.

В ноябре 1956 г. я получил от Липского очередное письмо, из которого узнал, что у него родился чудесный сын Сергей. «Рок отступает, — писал Альберт Николаевич, — я еще поборюсь! Ведь жизнь, а значит, и борьба продолжаются, хотя мне уже под 70».

Тогда же Липский прислал только что изданный в Абакане «Краеведческий сборник»³⁵, состоявший лишь из двух его больших статей. Сборник открывала принципиально важная работа, посвященная применению материалов сибирской этнографии для интерпретации ряда спорных археологических вопросов погребального обряда древних таштыкцев (II в. до н.э.—IV в. н.э.)³⁶. В ее основу были положены материалы его раскопок памятника древних таштыкцев в долине р. Абакан. Им был обнаружен сруб — «домик мертвых» с двумя погребенными в нем людьми. Липский ставил вопрос о назначении ряда сопроводительных предметов в «домике мертвых», в частности погребальных масок. Следует сказать, что назначение подобных масок находило в мировой литературе различное толкование, но, как правило, без привлечения материалов сибирской этнографии. Опираясь на собранные им материалы по этнографии хакасов и особенно народов Амура, он приходит к выводу, что маски эти были нужны не только для сохранения душ умерших, но и для защиты интересов своего рода, в том числе отправляемого в загробный мир родового имущества. Он дает и свою оригинальную трактовку ряду других погребальных обычаев древних жителей хакасских степей³⁷. Заключая статью, Липский сделал важный вывод, что обращающее на себя внимание сходство ряда явлений археологии Енисея и этнографии народов Амура подтверждает мнение ряда исследователей о взаимодействии в прошлом древних угорских и тунгусо-маньчжурских народностей³⁸. В этой же статье он выразил сомнение в верности сложившегося представления о генезисе енисейских кыргызов на основе таштыкской культуры. Данное положение Липского было позитивно рассмотрено в трудах видных историков и археологов В.Я.Бутанаева и Ю.С.Худякова, внесших большой вклад в изучение енисейских кыргызов³⁹.

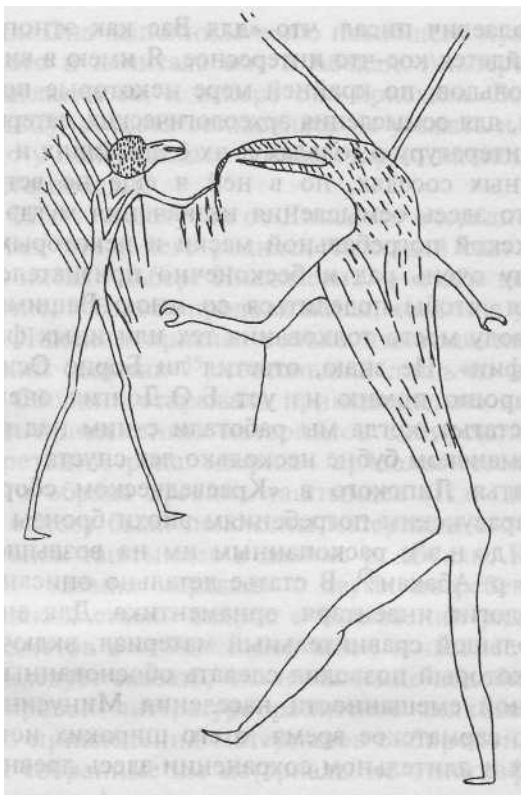
В моем личном архиве хранится письмо Липского, отправленное Б.О.Долгих 17 ноября 1957 г. (мне его передал Д.А.Функ). В письме, в частности, в связи с рассматриваемой здесь статьей

Альберт Николаевич писал, что «для Вас как этнографа в этой работе <...> найдется кое-что интересное. Я имею в виду факты из этнографии гольдов, по крайней мере некоторые приводимые в этой книжице, для осмысления археологических материалов. Я, кажется, знаю литературу о гольдах и их ближайших и б<олее> или менее удаленных соседях, но в ней я еще не встречал мною предложенного здесь осмысления назначения мугдэ, а вместе с тем и таштыкской погребальной маски и некоторых других положений. Буду очень рад и бесконечно признателен, если Вы найдете время, чтобы поделиться со мною Вашими соображениями по поводу моего толкования тех или иных фактов гольдской этнографии». Не знаю, ответил ли Борис Осипович Липскому, но хорошо помню из уст Б.О.Долгих очень высокую оценку этой статьи, когда мы работали с ним над рукописью о хакасском шаманском бубне несколько лет спустя.

Вторая статья Липского в «Краеведческом сборнике» была посвящена карасукским погребениям эпохи бронзы (конец II — начало I тыс. до н.э.), раскопанным им на возвышенности Ахтыгей в устье р. Абакан⁴⁰. В статье детально описаны их конструкция, типология инвентаря, орнаментика. Для анализа также привлечен большой сравнительный материал, включая антропологический, который позволил сделать обоснованные выводы об исключительной смешанности населения Минусинской котловины в гунно-сарматское время, о его широких историко-культурных связях и длительном сохранении здесь древнего расового типа⁴¹.

В свою очередь, я выслал Липскому автореферат кандидатской диссертации, защищенной мною в 1956 г. в ИЭ в Москве об этнографии восточных тувинцев-тоджинцев — жителей горной тайги Саян⁴². Поздравление Липского содержало совет: «Готовьте книгу! Мало ли что может случиться. Ведь это будет первая в мире монография о таежных охотниках-оленеводах Саян! И обязательно проведите там раскопки. Интересно решить проблему — давно ли оленеводство в Саянах? Ведь есть мнение, впрочем никем не обоснованное, что оно распространилось в Сибири именно из Саян. Когда проникли в бассейн Верхнего Енисея степные племена, в частности тюрки? Сделайте хорошую книгу. Не откладывайте!»⁴³.

В эти годы Липский настойчиво искал в хакасских степях уникальные каменные стелы, находил их, свозил в музей и изучал. Возвышаясь среди степи поодиночке либо образуя небольшие группы, эти высокие, обработанные рукою древнего человека камни, с нередко высеченными на них таинственными личинами и другими культовыми изображениями, представляют

Изображение на древней стеле из Хакасии, обнаруженное *А.Н.Липским*.

Слева, вероятно, фигура шамана с птичьей головой,
справа — ибисообразное существо.

Рисунок из письма *А.Н.Липского* автору статьи. 1957 г.

огромный научный интерес. На них обратили пристальное внимание еще путешественники XVIII в. Д.Г.Мессершмидт, П.С.Паллас, И.Г.Гмелин и др., но впервые сосредоточил усилия по их сбору и изучению именно Альберт Николаевич.

Действительно, в Хакасии много памятников, в том числе древних стел, и ее вполне обоснованно считают музеем под открытым небом или заповедником древнего мира. Во дворе Абаканского музея Липским была создана чрезвычайно впечатляющая галерея великолепно сохранившихся древних изваяний, включающая более 40 стел. Нельзя не согласиться с тем, что это самое большое в стране собрание подобных памятников, что даже в Эрмитаже их значительно меньше. Галерея Липского, как справедливо писала археолог Э.Б.Вадецкая, является гордостью

отечественной науки, так как по своим художественным качествам и глубокой древности сибирские изваяния превосходят всемирно известные с о-ва Пасхи и старше последних на 2000 лет. Этому уникальному собранию сибирских идолов мы обязаны страстной и неутомимой увлеченности Липского, археолога-этнографа, всю свою энергию отдавшего изучению истории Хакасии⁴⁴.

Некоторые из изображений на стелах необычайно загадочны. Об одной группе таких изображений подробно написал мне Липский в 1957 г., прислав их рисунки. Сообщил, что обнаружил среди рисунков на одной из стел «ибисообразное существо и перед ним изображение шамана с птичьей головой. Правая фигура до поразительности похожа на древнеегипетского ибиса (коршунообразная голова на человеческом туловище, голова — в профиль, а плечи туловища развернуты; одна нога поднята, поднята и одна рука). Говорить о какой-то связи этой фигуры с ибисом (египетским) рискованно. В то же время не знаю ни в сибирской археологии, ни в этнографии ничего подобного, хотя несколько похожее я находил в гольдской этнографии, но сходство не очень близкое. Л.П.Потапов, возвращаясь из Тувы <...> сказал, что в Приуралье есть много таких изображений. Но утверждение Потапова опроверг С.В.Иванов (крупнейший знаток искусства народов Сибири. — С.В.). Вместе с тем он вспомнил, что Штернберг приводил отдаленно схожее с моим изображение птицевидной человекообразной фигуры из железа на костюме тувинского шамана». Альберт Николаевич очень просил меня все же тщательно поискать такие параллели в тувинском шаманстве. Я ответил, что действительно у тувинских шаманов превращение духа в птицу — один из элементов камлания, но все изученные мною изображения духов-хозяев этих птиц представляют собой стилизованных птиц или их фрагменты, но всегда вне изображения человека, хотя сам тувинский шаман с его налобной повязкой, увенчанной перьями, нередко символизирует шамана-птицу⁴⁵.

В упомянутом выше письме к Долгих Липский, подробно описывая ибисоподобные изображения, просит сообщить, известны ли аналогии им у народов Сибири, добавляя: «Понимаю, конечно, что в известной степени "дико" думать о какой-то культурной связи Древнего царства Египта с Енисеем, но череп негроида в карасукском погребении в устье р. Абакана я нашел!»

Мифологические корни этих действительно уникальных для Сибири изображений остаются поныне так и не раскрытыми, хотя высказанная Липским мысль об их возможной связи с древним шаманским культом наиболее вероятна. Что касается

египетских параллелей, то пока они не имеют приемлемых объяснений. Например, сибиревед З.П.Соколова в книге «Животные в религиях»⁴⁶ не приводит каких-либо параллелей с египетским ибисом в верованиях народов Сибири.

Еще осенью 1956 г. я написал Липскому, что хочу весь экспедиционный период 1957 г. посвятить только археологическим исследованиям, чтобы наконец создать основу для периодизации археологических культур Тувы, собрать археологические материалы для музея, где их было крайне мало, и хотя бы приоткрыть завесу над проблемой городищ-крепостей, расположенных от южных границ Тувы до северных территорий. Альберт Николаевич горячо поддержал это начинание, отметив, что, раз мне выдают деньги на экспедицию и получен Открытый лист, не надо жалеть еще молодых своих сил ради науки.

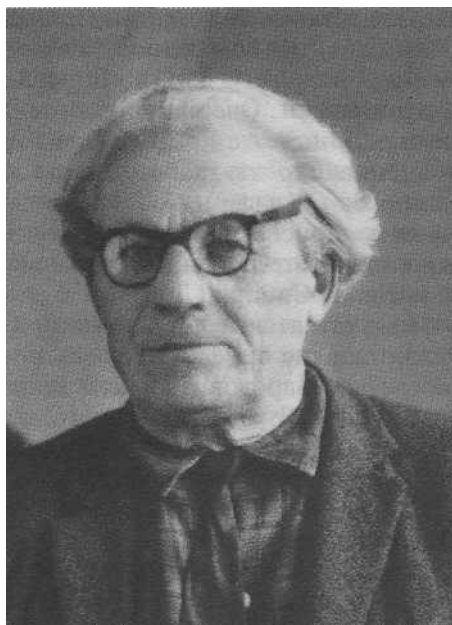
И действительно, сезон археологических работ, который я начал еще ранней весной и вел до осени 1957 г., оказался чрезвычайно успешным⁴⁷.

Результаты этих полевых исследований дали основание дирекции ИЭ в Москве пригласить меня в 1958 г. для работы в нем научным сотрудником, с тем чтобы возглавить археологический отряд Тувинской комплексной экспедиции этого Института во главе с проф. Л.П.Потаповым.

После переезда в Москву мои связи с Липским не прерывались. Он писал, что радуется за своего сына — Сережку, который отличается от отца спокойным характером, стремлением созерцать природу, слушать пение птиц, совершенно неспособного кого-либо обидеть. «Нет, он не борец, но это, может быть, и лучше, иногда думаю я. Ведь и такие характеры нужны обществу». Приглашал побывать у него дома.

Тогда же я познакомился с очень интересной и принципиально важной статьей Липского, посвященной использованию этнографии для интерпретации археологических материалов, которая была опубликована в журнале «Советская этнография» в 1966 г.⁴⁸. В ней он справедливо писал, что этнография широко привлекается для интерпретации археологических материалов. «Однако, к сожалению, бывают случаи, когда неправильное использование этнографических сведений приводит некоторых археологов к ошибочным выводам. Это, в частности, относится к книге Л.Р.Кызласова "Таштыкская эпоха"⁴⁹. Липский особо обращает внимание на то, что «ошибочная интерпретация Л.Р.Кызласовым религиозно-психологических представлений таштыкцев, принятая на веру, вводит читателя в заблуждение»⁵⁰.

В 1970 г. хакасская общественность торжественно отметила 80-летие Липского. Несмотря на приглашение, я, к большому

А.Н.Липский. 60-е годы

сожалению, по ряду не зависящих от меня причин приехать в Абакан не смог.

В канун юбилея за заслуги в изучении и спасении древних памятников Альберту Николаевичу было присвоено звание Заслуженный работник культуры России. Позднее ему была посвящена статья И.И.Таштандинова, в которой отмечены заслуги ученого. Высоко оценивая его научную работу в Абаканском музее, автор пишет, что за годы работы Липским были открыты и исследованы сотни древних памятников. Среди них такие известные могильники, как «Тас-хазаа», «Федоров улус», «Енисейская МТС» и др. Его раскопки дали совершенно новые, неизвестные до того материалы, а его археологические находки стали основой созданной в Хакасском музее первой экспозиции, посвященной древним культурам Среднего Енисея. Кроме древних захоронений им изучены многие петроглифы и собрано большое количество наскальных рисунков. Особое внимание он уделял древнеенисейским изваяниям. Несмотря на многие трудности, и прежде всего постоянную нехватку средств, ученый в своих поездках по Хакасии проводил большую работу по охране археологических памятников. В их защиту он публиковал статьи,

готовил листовки, плакаты, читал лекции, проводил учет и паспортизацию памятников. К сожалению, пишет Таштандинов, главный труд жизни Липского — книга «Енисейские изваяния в свете сибирской этнографии. Очерки древнего изобразительного искусства на Среднем Енисее» с предисловием акад. А.П.Окладникова, высоко оценившего эту работу, так и не увидел свет, хотя и был запланирован к изданию⁵¹. Я был знаком с этой рукописью и полностью присоединяюсь к ее оценке А.П.Окладниковым — крупнейшим отечественным археологом и исследователем древней истории Сибири. Добавим к этому, что теперь, когда миновало более ста десяти лет со дня рождения Альберта Николаевича, можно вполне определенно говорить о его важном вкладе как в этнографию народов Дальнего Востока, так и в археологию Южной Сибири. Я убежден, что его неизданные труды должны быть опубликованы, тем более что они использовались без указания автора. Поныне упоминаются лишь его опубликованные работы по археологии Хакасии. Хотя с некоторыми из его выводов не соглашаются, несомненное значение трудов Липского для науки большинство исследователей не подвергают сомнению. Пример тому — недавно опубликованный сборник по археологии Евразии, в статьях которого неоднократно отмечены исследования Липского в Хакасии⁵².

Осенью 1971 г., возвращаясь из Тувы, я побывал у Липского дома в его небольшой, бедно обставленной квартире в Абакане. Его сыну Сережке, как называл его Липский, вскоре исполнилось 15 лет. Мы вместе со всей семьей, включая жену, дочку и сына-именинника, скромно отметили приближающееся событие. Меня тронула застенчивость Сережи. Запомнились его доброе и задумчивое лицо, приветливые, но почему-то печальные глаза. В тот вечер Альберт Николаевич произнес многозначительный и яркий тост, который до деталей запомнился:

— Кто-то из философов утверждал, что плохое в жизнь человека приходит слишком рано, а хорошее — слишком поздно. Моя жизнь это подтверждает. Мне действительно теперь, как никогда раньше, хорошо. Я впервые спокоен. Имею замечательную семью — милую жену, прекрасную дочь и сына, увлекательную работу, позволившую наконец реализовать старую мечту — соединить археологию и этнографию. Даже центральная газета «Правда» напечатала мой портрет. Я разменял, увы, уже девятый десяток, но есть еще, слава Богу, силы продолжать трудиться, верить в будущее и любить своих близких. Сыну Сережке, которому я дал это имя в память о погибшем на фронте сыне Сергее, начинающему свою биографию, очень и очень желаю, чтобы хорошее пришло к нему лучше слишком рано, чем слишком позд-

но. Счастья тебе, Сережка, в предстоящей, быть может, нелегкой жизни. Больше мужества, силы духа, успехов в учебе. Верю в тебя!

И вдруг в канун нового, 1973 г., я получил от Липского жуткое, трагическое письмо, датированное 5 декабря 1972 г. Приведу его почти полностью. «Дорогой Севьян Израилевич! Ваше любезное поздравление с праздником (речь идет о праздновании 7 ноября — годовщины Октябрьской революции. — С.В.) пришлось за несколько дней до самого страшного в моей и так весьма сложной жизни... 17 ноября повесился мой сынишка... Ужас... Погиб чудесный мальчик — вежливый, внимательный, любивший природу, зверюшек. Погиб из-за черствости людской, из-за малого внимания к его трудностям. Погиб в 16 лет, исполнившихся 1-го ноября. Мальчик был слишком тих, чтобы дать отпор тому или иному хулиганствующему сверстнику... В школе он не участвовал в хулиганских выходках парней своего окружения. В перемены между уроками он уходил подальше от хулиганов, но и там его донимали <...> И вот ужасный итог — мы похоронили его 21 ноября... Ужас». В приписке было: «За все в жизни мы когда-нибудь платим. Но не такую же несправедливую и страшную цену!»

Это была последняя и, несомненно, самая глубокая трагедия в жизни Липского. Альберт Николаевич не смог выдержать столь жестокого удара судьбы. Вскоре он тяжело заболел. 3 марта 1973 г. его не стало.

¹ Об этом бубне спустя 13 лет я и Б.О.Долгих опубликовали статью. См.: *Вайнштейн С.И., Долгих Б.О.* К этнической истории хакасов (бельтирский шаманский бубен с изображением домашних оленей). — СЭ. 1963, № 2, с. 93—97.

² Впоследствии мною опубликовано об отце несколько статей, в том числе: *Вайнштейн С.И.* Судьба моего отца. — Вопросы философии. 1989, № 3, с. 160—162; *он же.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. — Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1995, с. 101—102.

³ См.: *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих — человека, гражданина, ученого. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 284—307.

⁴ Подробнее: Там же, с. 294—296.

⁵ В.П.Алексеев начал основную работу по сбору хакасских краниологических материалов в 1953 г. Он писал впоследствии, что исключительной энергии Липского и его знанию местных условий «обязан большей частью успеха в трудоемкой работе по сбору современных черепов. Пользуюсь случаем принести А.Н.Липскому горячую благодарность». — *Алексеев В.П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. — Труды Киргизской экспедиции, т. 4. М., 1960, с. 269.

⁶ *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 453—477.

⁷ *Анучин Д.Н.* Лук и стрелы: Археолого-этнографический очерк. М., 1887; *он же.* Сани, ладя и кони как принадлежности похоронного обряда: Археолого-этнографический этюд. М., 1890.

⁸ О некоторых из собранных материалов А.Н.Липского см. в его статье: *Куренков Г.В. (А.Н.Л.)*. — Материалы по этнографии гольдов. Вып. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюдаемых явлений. Введение к детальному их описанию. Верхнеудинск, 1918.

⁹ *Липская-Вальнрод Н.А.* Материалы к этнографии гольдов. Беременность и роды. — Сибирская живая старина. Вып. 3—4 (Иркутск, 1925), с. 145—160; *она же.* Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев (гольдов). — СЭ. 1940, № 3, с. 250—256. О Н.А.Липской-Вальнрод см.: Персоналия. — Этнография. 1926, № 1—2, с. 383; *Решетов А.М.* Отдание долга. — ЭО. 1995, № 2, с. 54—56.

¹⁰ Народы Сибири. Серия «Народы мира: Этнографические очерки». Под общей редакцией С.П.Толстова М.—Л., 1956, с. 8.

¹¹ *Липский А.Н.* Отчет об этнографическом изучении гольдов. 1919 г. (место хранения рукописи автору неизвестно); *он же.* Маньчжуро-тунгусы бассейна Амура. Географо-статистический очерк. Хабаровск, 1925.

¹² *Липский А.Н.* Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Чита, 1923, с. 233.

¹³ *Липский А.Н.* Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура. — Первый туземный съезд Дальневосточного округа (протоколы съезда). Хабаровск, 1925; *он же.* Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен. — Сибирская живая старина. 1925. Вып 3—4; *он же.* Туземное население Николаевского округа. Географо-статистический очерк. Хабаровск, 1925.

¹⁴ См.: *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза Дальнего Востока. М., 1985.

¹⁵ Н.А.Месштыб удалось установить, что копии этих фильмов в значительной мере сохранились в архиве Госфильмофонда РФ в Белых Столбах, где она имела возможность с ними ознакомиться в 2002 г. Сведения о них имеются также в фонде Липских в АМАЭ (ф. 5, оп. 4, д. 90).

¹⁶ Книга В.К.Арсеньева неоднократно издавалась на русском и иностранных языках и была экранизирована известным японским кинорежиссером Акирой Курошавой в 1975 г.

¹⁷ *Хасанова М.М.* Путь В.К.Арсеньева — этнографа. Репринтное издание Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1988.

¹⁸ Там же, с. 15—16.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ Такова, в частности, точка зрения современного исследователя этнографии народов Амура, проф. П.Я.Гондмахера (Хабаровск), высказанная им в беседах со мной по этому вопросу.

²¹ Н.А.Месштыб любезно предоставила мне копии документов о деятельности А.Н.Липского и Н.А.Липской на Амуре, которые хранятся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК).

²² Подобные утверждения отвергаются проф. П.Я.Гондмахером, а также проф. Ю.А.Самаром (Москва), нанайцем по национальности, долгие годы изучавшим язык и культуру своего народа (личные сообщения).

²³ Имя Липского в связи с политическими репрессиями на Амуре даже не упомянуто в книге. См.: *Березницкий С.В.* Отражение политических репрессий 30-х годов в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура. — Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1930-е годы. Владивосток, 1997, с. 220—229.

²⁴ ГАХК, ф. 44, оп. 1, д. 47, л. 22—24.

²⁵ Там же, д. 636, л. 59.

²⁶ Автору по не зависящим от него причинам до сих пор не удалось ознакомиться со следственным делом Липского.

²⁷ *Решетов А.М.* Отдание долга, с. 55—56.

²⁸ *Ярхо А.И.* Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Ответственный редактор А.Н.Липский. Абакан, 1947.

²⁹ Там же, с. 3.

³⁰ В 1956 г. Липский написал в одной из своих работ «Все данные, относящиеся к нанайско-гольдской этнографии, я излагаю по памяти. Наши, т.е. мои и моей покойной жены Н.А.Липской, материалы находятся в Ленинградском филиале Института этнографии АН СССР. Кроме того, со времени моего изучения верований гольдов и других нижеамурских народностей прошло уже около 25 лет, в течение которых я к этим материалам не обращался» (*Липский А.Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. — Краеведческий сборник. Абакан, 1956, с. 53).

³¹ В МАЭ все материалы Липских хранятся в отдельном фонде (ф. 5).

³² Раскопки, проведенные руководимой мною экспедицией в этом и последующие годы, позволили открыть и исследовать в Туве неизвестные ранее памятники эпох камня и бронзы, скифского, гунно-сарматского, древнетюркского и древнеуйгурского времени, а также курганы енисейских кыргызов. Эти материалы легли в основу разработанной мною первой периодизации археологических культур Тувы, опубликованной в 1958 г. См. об этом следующие мои работы: Археологические раскопки в Туве в 1953 году. — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. 2. Кызыл, 1954, с. 140—170; Памятники скифского времени в западной Туве. — Там же. Вып. 3. 1955, с. 78—102; Археологические исследования в Туве в 1955 г. — Там же. Вып. 4. 1956, с. 33—38, 145—198; Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Там же. Вып. 6. 1958, с. 217—237; Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. — Там же. Вып. 7. 1959, с. 260—274. См. также: История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001, с. 5.

³³ *Липский А.Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакасия). — КСИИМК. Вып. 54. М., 1954, с. 89—98.

³⁴ Я писал Липскому, что волны борьбы с космополитизмом дошли до Тувы с опозданием — лишь к февралю 1953 г. Прежде всего пытались обвинить во «вредительском лечении» нескольких лучших врачей-евреев. Очередь дошла и до меня. В музей, где я исполнял обязанности директора, пришел представитель горкома партии и явно провокационно потребовал, чтобы я выделил в ветхом, деревянном, чудом не сгоревшем здании музея помещение для проведения выборов в Верховный Совет СССР, не пообещав при этом ни противопожарных мероприятий, ни дежурных. Я был категорически против этого решения, считая, что в случае пожара ценнейшие фонды музея будут навсегда утрачены. Буквально на следующий день меня обвинили в том, что я, как сын репрессированного «врага народа», еще в студенческие годы занимавшийся антисоветской деятельностью, хочу сорвать выборы. Меня тут же исключили из комсомола и предложили уволить из музея, освободить служебную комнату, в которой жил. Однако вскоре после смерти Сталина комсомольское руководство меня реабилитировало, извинилось и просило остаться работать и жить в Туве.

³⁵ Краеведческий сборник. Абакан, № 1, 1956.

³⁶ *Липский А.Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н.э.—IV в. н.э.) в свете сибирской этнографии. — Там же, с. 9—93.

³⁷ Там же, с. 91—92.

³⁸ Там же, с. 92.

- ³⁹ *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- ⁴⁰ *Липский А.Н.* Карасукские погребения (1200—700 лет до н.э.) в Абакане. — Краеведческий сборник, с. 93—157.
- ⁴¹ Там же, с. 155—157.
- ⁴² *Вайнштейн С.И.* Тувинцы Тоджы. Автореф. канд. дисс. М.—Л., 1956.
- ⁴³ В 1961 г. была опубликована моя монография о тоджинцах, в которой учтены пожелания А.Н.Липского. См.: *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- ⁴⁴ *Вадецкая Э.Б.* Древние идолы Енисея. Л., 1967, с. 5, 26—27.
- ⁴⁵ См.: *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991, с. 240—267. Впрочем, на шаманских подвесках у кетов Подкаменной Тунгуски мною было встречено изображение гагары со схематически выполненным лицом человека на ее хвосте (материал не опубликован).
- ⁴⁶ *Соколова З.П.* Животные в религиях. М., 1998.
- ⁴⁷ Был открыт и частично раскопан дворец уйгурского кагана Моюн-Чура (IX в. н.э.). См.: *Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажин. — СЭ. 1964, № 6, с. 103—114. Были также открыты и исследованы погребения гунно-сарматского времени. См.: *Вайнштейн С.И.* Некоторые итоги... В связи с изучением древнеуйгурских памятников Тувы см. также: *Заднепровский Ю.А., Савинов Д.Г.* [Рец. на:] *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. — СЭ. 1982, № 2, с. 147—151.
- ⁴⁸ *Липский А.Н.* К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. — СЭ. 1966, № 1, с. 105—118.
- ⁴⁹ Речь идет о работе: *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М., 1980.
- ⁵⁰ *Липский А.Н.* К вопросу об использовании..., с. 105. Обоснованная критика взглядов Л.Р.Кызласова, касающихся истории Хакасии, содержится и в трудах ряда других крупных ученых — языковедов, историков и археологов, в том числе опубликованных в последние годы. См., например: *Яхонтов С.Я.* Древнейшее упоминание названия «киргиз». — СЭ. 1970, № 2, с. 100—120; *Каравев О.К.* К вопросу о терминах кыргыз и хакас. — Народы Азии и Африки. 1970, № 4, с. 255—259; *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. В 2001 г. Л.Р.Кызласов писал о том, что во время раскопок в Хакасии в 1945—1946 гг. С.В.Киселева и В.П.Левашовой в них принял участие А.Н.Липский — «рабочий ссыльнопоселенец, впоследствии работавший в музее». См.: *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее (проблемы ранней государственности в Южной Сибири). М., 2001, с. 17. Между тем А.Н.Липский уже тогда был директором этого музея, чего не мог не знать Л.Р.Кызласов, проводивший археологические раскопки в Хакасии.
- ⁵¹ *Таштандинов И.И.* 30 лет в музее. — Музейные ведомости. Газета Хакасского республиканского музея, 9.V.1996.
- ⁵² Евразия. Сквозь века (К 60-летию Д.Г.Савинова). СПб., 2001, с. 114, 117, 141, 204.

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. М.
АГМИА — Архив государственного музея истории Армении. Ереван
АИИМК — Архив Института истории материальной культуры. СПб.
АИЭА — Архив Института этнологии и антропологии РАН. М.
АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. СПб.
АРАН — Архив Российской Академии наук. М.
АРГО — Архив Русского географического общества. СПб.
АРНБ — Архив Российской национальной библиотеки. СПб.
АЯНЦ — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Якутск
БАН — Библиотека Академии наук. Л., СПб.
ВГО — Всесоюзное географическое общество (1938—1991)
ВИ — Вопросы истории. М.
ГААК — Государственный архив Алтайского края. Барнаул
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры (1926—1937). Л., М.
ГАРА — Государственный архив Республики Алтай. Горно-Алтайск
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. М.
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГГО — Государственное географическое общество (1926—1938)
ГМИА — Государственный музей истории Армении. Ереван
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР. Л. (с 1992 г. — РЭМ)
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
ИАЭ — Институт антропологии и этнографии АН СССР (1933—1937). Л.
ИВ — Институт востоковедения РАН (с 1991 г.). М., СПб.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР (1937—1957). Л., М.; РАН (с 1991 г.). СПб.
ИНС — Институт народов Севера. Л.
ИМЛИ — Институт мировой литературы РАН
ИПИН — Институт по изучению народов СССР
ИРАО — Императорское Русское археологическое общество
ИРГО — Известия Имп. Русского географического общества. СПб.
ИЭ — Институт этнографии АН СССР (1937—1991). Л., М.
ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН (с 1992 г.). М.
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России (с 1925 г. — СССР) и сопредельных стран
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.—Л., М.

ЛВИ	—	Ленинградский Восточный институт
ЛИФЛИ	—	Ленинградский институт философии, литературы и истории
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН. СПб.
МИФЛИ	—	Московский институт философии, литературы, истории
МЦПО	—	Музей Центрально-промышленной области. М.
НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
НАРС(Я)	—	Национальный архив Республики Саха (Якутия). Якутск
ОИРЭФА	—	Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.
ОЛЕАЭ	—	Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
ПФ АРАН	—	С.-Петербургский филиал АРАН
РАИМК	—	Российская академия истории материальной культуры (1919—1926). Пг., Л.
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов. М.
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства. М.
РГО	—	Имп. Русское географическое общество (1845—1917); Русское географическое общество (1918—1926; с 1992 г.)
РЭМ	—	Российский этнографический музей. СПб. (до 1992 г. — ГМЭ)
СОКМ	—	Сахалинский областной краеведческий музей
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТГУ	—	Томский государственный университет
ТИЭ	—	Труды Института этнографии АН СССР. М., Л.
ТНИИЯЛИ	—	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
ЦА ФСБ	—	Центральный архив ФСБ. М.
ЦГАЛИ	—	Центральный Государственный архив литературы и искусства. СПб.
ЦГИА	—	Центральный Государственный исторический архив. СПб.
ЦГИА РА	—	Центральный Государственный исторический архив Республики Армения. Ереван
ЦМН	—	Центральный музей народоведения. М.
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М. (до 1992 г. — СЭ)
VAR	—	Bakhmeteff Archive of Russian and East European History. Columbia University. N.Y.

Содержание

От составителя	3
<i>Н.В.Ермолова</i>	
Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич	10
<i>Т.П.Роон, А.А.Сирина</i>	
Е.А.Крейнович: жизнь и судьба ученого	47
<i>Е.Н.Романова</i>	
Г.В.Ксенофонтов: миф о странствующем герое	78
<i>Е.П.Батьянова, Л.Т.Рюмина</i>	
Георгий Маркелович Токмашев: просветитель, этнограф, фольклорист	105
<i>Т.В.Лукьянченко</i>	
В.В.Чарнолуцкий: певец Земли Саамской	128
<i>А.М.Решетов</i>	
Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин	147
<i>О.Ю.Артемова</i>	
А.М.Золотарев: трагедия советского ученого	193
<i>С.С.Алымов, А.М.Решетов</i>	
Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути	227
<i>А.М.Решетов</i>	
Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А.Крюковой	269
<i>Ю.Д.Анчабадзе</i>	
Симон Петрович Басария: педагог, этнограф, краевед	301
<i>Л.М.Варданян</i>	
Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии	322
<i>М.Ю.Сорокина</i>	
Круги жизни Николая Мартиновича — ученого, дипломата, эмигранта	347
<i>А.А.Вигасин</i>	
Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии	375
<i>Э.Л.Нитобург</i>	
Ю.П.Петрова-Аверкиева: ученый и человек	399
<i>Р.Ш.Джарылгасинова</i>	
Владимир Андреевич Никонов — выдающийся исследователь ономастики	429
<i>С.И.Вайнштейн</i>	
Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского	455
Список сокращений	493

Научное издание

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

Выпуск 2

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Редактор *Т.М.Швецова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *Е.В.Карюкина*
Компьютерная верстка *Е. А.Пронина*

Подписано к печати 15.08.03
Формат 60x90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 31,0. Усл. кр.-отг. 31,3. Уч.-изд. л. 33,3
Тираж 1000 экз. Изд. № 8045. Зак. № 8372

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

В 1999 г. увидел свет первый выпуск «Репрессированных этнографов», вызвавший большой общественный резонанс и получивший высокую оценку специалистов (повторное издание – 2002 г.).

Во втором выпуске рассказывается еще о 17 репрессированных этнографах, внесших большой вклад в отечественную науку. Из небытия возвращены незаслуженно забытые имена, заполнены лакуны в биографиях тех, кто прошел сквозь горнило репрессий.

Как и первый выпуск, эта книга густо населена. Читатель встретит на ее страницах множество ученых, контактировавших с героями статей, их друзей и противников. Познакомится с деятельностью давно исчезнувших научных учреждений и организаций, почерпнет интересные сведения об особенностях развития этнографии и смежных наук в советский период, например о различиях и соперничестве между ленинградской и московской этнографическими школами, о возникновении этнографического музееведения в Армении и т.д.

